



**Историко-
биографический
альманах
серии
„Жизнь
замечательных
людей“**

Том четвертый

**Издательство
ЦК ВЛКСМ
„Молодая
гвардия“
Москва**

Редакционная
коллегия:
М. П. Алексеев,
И. Л. Андроников,
Д. С. Данин,
Б. И. Жутовский,
И. С. Исаков
П. Л. Нагица,
Б. М. Недров.

Н. И. Конрад,
Ю. Н. Коротков (редактор),
Д. М. Кукин,
Ф. Н. Петров,
А. А. Сидоров,
К. М. Симонов,
С. Д. Сказкин,
С. С. Смирнов,
Н. И. Чуковский.

СОДЕРЖАНИЕ

Письма. Документы.

Н. К. Крупская.	Странички из истории партии . . .	8
Н. И. Подвойский.	«Вот кто составлял кадр Военной организации». Заметки председателя ВРК	156
В. Н. Смолин.	Как стреляли по Зимнему дворцу 25 октября 1917 года. Письма канонира-воспламенителя Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты	164
А. Я. Манусевич.	Пролетарии всех стран... Документы интернационалистов	175
М. И. Ионенко.	Смерть коммуниста	186

Исторические очерки.

И. М. Пушкарева.	Как это началось	24
Ю. С. Токарев.	Весенний месяц революции	38
О. И. Знаменский.	Революция на переломе	54
В. И. Старцев.	Исторический поворот	81
Г. Н. Голиков.	На штурм!	106
В. И. Иванов.	День последний — день первый	118
М. И. Кузнецов.	Революция идет по стране	144

Письма. Находки. Гипотезы.

Ю. А. Писарев.	Недодешедшие письма. Трагедия русских солдат на Салоникском фронте	188
Ю. А. Ахалкин.	Встреча в поезде. Эпизод из биографии Ленина	197
В. В. Фарсоби.	Эпизод на станции Режица. Новые сведения о борьбе с войсками Керенского на подступах к Петрограду 25 октября 1917 года	198

А. Я. Грунт. Две неизвестные странички стенограммы заседания Московского Совета 25 октября 1917 года . . . 202

Дневники. Воспоминания.

Т. А. Словатинская. Из воспоминаний 206
Г. Артемова. Октябрьские дни в Москве. Воспоминания участников 234

Станислав Люба. Польские рабочие в Октябрьских боях в Москве 240
Рюрик Ивнев. Воспоминания о первых днях и месяцах Советской власти 244
И. И. Вацетис. Мятеж левых эсеров 248

**Биографии. Статьи.
Портреты.**

Геннадий Фиш. Сага о двух побегах 256
Евг. Симонов. Человек многих вершин 288
Б. Гальперина. Жизнь, отданная за революцию . . . 300
М. Палант. Самородок 303
Юрий Прокушев. Сергей Есенин в 1918 году 313

Забывтые страницы.

Г. Данилина. Они погибли в 1917 — 1921 годах. По страницам книги «Памятник борцам пролетарской революции» . . 320

Повести. Рассказы.

Артем Веселый. Три рассказа о гражданской войне. Предисловие Гайры Веселой . . . 336
Илья Френкель. Рассказ 345

Редактор-составитель Н. Пирумова
Художники: Б. Жутовский, Ю. Соболев
Худож. редактор А. Степанова
Техн. редактор Л. Курлыкова

**Библиографический
листок.**

Г. Рогмилин.	Февраль как пролог Октября	348
Е. Орехова.	Штаб революции	350
Н. Часовникова.	Флот на стороне революции	352
А. Покровский.	«Декреты Советской власти»	353
В. Бутин.	Новое исследование о гражданской войне	355
К. Шацилло.	Глазами романиста	356
Р. П. Гришина.	Вклад болгар в победу Октября	357
В. Зеленин.	«Заря, которая занялась в Октябрьские дни»	359

Список

А. М. Шорр.	Председатель и комиссар коллегии	362
Е. Розенталь.	Они сражались на улицах Москвы	364
С. Н. Рейпольский.	Три музейных экспоната	368
В. Е. Шумный.	В. И. Чапаев в Пугачевском уезде	372
М. Г. Вандалковская.	Первый директор Гознака	375
Виктор Пекелис.	Годы революции в жизни Г. А. Тихова	377
О. Д. Хвольсон.	Что дал Октябрь русской физике	380
Р. Орлова.	Страх в империи доллара	386
В. Кутейщикова.	Исчезнувшая фреска	391
В. Манин.	Фронт художественной революции	394
Э. Коган.	«Подвижной театр»	406
Ю. Д. Левин.	Поэты о дровах	414
Ратмир Тумановский.	«Кому пролетариат ставит памятники»	423



СОЛДАТСКАЯ ПРАВДА

ЕЖЕДНЕВНАЯ ГАЗЕТА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Газета военной организации при Петербург. комитете Р. С. Д. Р. П.

Газета выходит в свет по пятницам. Цена в год 1 руб. 50 коп. в квартал 40 коп. в месяц 13 коп. в неделю 4 коп. 50 коп. в день 15 коп.

№ 21 — Субботн. Вып. № 44 (17 мая старого стиля) 1917 года. — № 21.

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару.

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

В Цару — назад-то назад!

В Цару — назад-то назад! В последнее время в Цару...

В Цару — назад-то назад!

В Цару — назад-то назад! В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Комитет военного комитета в Цару.

Комитет военного комитета в Цару. В последнее время в Цару...

В Цару — назад-то назад!

В Цару — назад-то назад! В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару.

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару.

Возмущение от «Секретной Бранди» в Цару. В последнее время в Цару...



Н. К. Крупская
Странички из истории
партии

публикация Ю. А. Ахапнина

Перед нами десять листов размера ученической тетради, полностью заполненных убогим почерком Н. К. Крупской. Почти на каждом листке тонким пером, очень аккуратно В. И. Лениным внесены поправки и дополнения. В мае 1967 года этой рукописи исполнилось 50 лет.

Статья появилась вскорости после возвращения В. И. Ленина и Н. К. Крупской из эмиграции, когда буржуазные газеты начали травлю вождя революции и приехавших с ним большевиков. В этой обстановке в Петроградский Совет стали поступать письма с просьбой рассказать подробнее о В. И. Ленине, о его жизни и борьбе. В начале мая Ленину было переслано подобное письмо солдатского комитета 8-й конноартиллерийской батареи (действующая армия) от 24 апреля (7 мая). В. И. Ленин начал писать для них автобиографию, но не закончил ее. (Полн. собр. соч., т. 32, стр. 21.) Н. К. Крупская написала публикуемую статью, которая явилась одновременно и ответом на просьбу солдат и дала должную отповедь клеветникам из буржуазных газет; В. И. Ленин

просмотрел и внес правку и дополнения в ее текст.

13 (26) мая статья была напечатана в газете «Солдатская Правда» с небольшой редакционной правкой. Ниже статья печатается по-исп. Для того чтобы можно было проверить работу В. И. Ленина над текстом, все правки и дополнения печатаются полужирным шрифтом.

Подлинник рукописи хранится в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

В числе старых товарищей, встретивших Ленина в день его приезда, был слепой ветеран русского социал-демократического движения рабочий, имя которого хорошо знакомо петербургским пролетариям, Владимир Андреевич Шелгунов. Рука об руку с Шелгуновым начинал свою практическую социал-демократическую работу Ленин в Петербурге. Было это в 1894 г. (первый раз Ленин был арестован в 1887 г., но практически стал работать в массовом [социал]-демократическом движении * с 1894 г.). Не было тогда рабочих митингов и манифестаций, не было комитетов партии, не было самой партийной съезды ее состоялся в 1898 г., и почти все члены съезда — их было несколько человек — были арестованы после съезда), были отдельные сознательные рабочие. Из этих сознательных рабочих Шелгунов организовал первую рабочую кружок за Невской заставой, где среди рабочих энергичную организационную и пропагандистскую работу. Позднее Шелгунов был одно время редактором «Правды» и уже слепой, отсиживал за редакторским столом. В этот кружок ездил каждое воскресенье Ленин разъяснять «Капитал» Маркса, знакомить товарищей-рабочих с основами марксизма. О социал-демократических газетах не было и помину в то время. Решено было выпускать листок. Написал этот листок Ленин, обсудили и исправили его сообща в рабочем кружке, отгектографировали в четырех экземплярах и распространили на Семяниковском заводе. Деятельное участие во всем этом принимал Иван Васильевич Бабушкин. Это они должны знать русские рабочие. Рабочий Семяниковского завода, он принадле-

жал к числу наиболее сознательных и энергичных рабочих того времени. На него и на Петра Морозова, другого петербургского рабочего, указывал депутат Петровский как на своих первых учителей. С Иваном Васильевичем обсуждал потом Ленин план уехать за границу и там поставить нелегальную газету «Искра», чтобы дать возможность русским рабочим слышать свободное слово, иметь свою газету, которая бы освещала с классовой точки зрения все текущие события. В «Искре» Иван Васильевич принимал самое энергичное участие, он собирал рабочие корреспонденции со всего Московского промышленного района, особенно много корреспонденций было из Иваново-Вознесенска, Орехово-Зуева и других мест. Благодаря ему главным образом стали рабочие этих районов смотреть на «Искру» как на свою газету. Скоро пришлось Бабушкину перейти на нелегальное положение, потом уехать в Екатеринбург, где он и был арестован, бежал из тюрьмы, ездил за границу для свидания с редакцией «Искры», снова поехал на работу, был арестован и сослан в Сибирь и там в 1905 г. расстрелян карательным отрядом с семерыми товарищами на краю вырытой могилы. Такова судьба того товарища, с которым начинал Ленин работу в Петербурге.

В 1895 г. Ленин ездил за границу повидаться с группой «Освобождения труда», столкнуться с Плехановым, Аксельродом, Засулич о постановке дальнейшей работы. За [социал]-демократическую работу в Питере **, а также за попытку издать в Петербурге нелегальную газету был он арестован. В тюрьме он писал популярные брошюры и передавал их на волю. В Сибири продолжал он писать и плачевать товарищей для дальнейшей рабо-

* в... движении вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: лишь.

** За... Питере вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: На обратном пути он провез чемодан с нелегальной литературой. За это

ты. Там был составлен им, совместно с 17-ю другими ссыльными социал-демократами, ответ на ходившее тогда по рукам изложение задач рабочего движения (так называемое *Credo*. «Кредо» — символ веры), составленное Кусковой и Прокоповичем. В этом *Credo* развивалась та точка зрения, что рабочие должны заниматься только экономической борьбой, политическое же руководство следует предоставить интеллигенции. С этой довольно распространенной тогда точкой зрения тогдашние «искровцы»* повели непримиримую борьбу. В 1900 г.** Ленин поехал за границу, чтобы там вместе с Мартовым, Потресовым и группой «Освобождения труда» издавать нелегальную политическую рабочую газету «Искра». О значении «Искры» говорить не приходится. «Искра» создала Росс[ийскую] с[оциал]-д[емократи]ческую рабочую партию. Кроме Бабушкина, в ней принимал участие ряд других видных рабочих, в том числе Михаил Заводский, организатор Каприйской школы, потом перешедший от впередовцев к большевикам. Усилиями «Искры» в 1903 г. был созван II партийный съезд, на котором была принята программа партии и на котором произошел раскол партии. По внешности раскол произошел из-за первого*** пункта устава — кто может быть членом партии — и из-за выборов в центральные учреждения — по сути же дела, речь шла о том, вести ли партии ту активную революционную политику, которую вела старая «Искра», или встать на путь компромиссов, приспособляемости, отступления от последовательной**** классовой политики. Дальнейшая история партии с полной ясностью выявила, из-за чего шла борьба на втором съезде.

Из 50 членов этого съезда было лишь трое рабочих, все они были тогда большевиками; один из них, Шотман, петербургский рабочий, и теперь принимает самое активное участие в деятельности партии и является видным ее членом.

Ту точку зрения, которую Ленин защищал

на II съезде по аграрному вопросу, он развил в популярной брошюре «К деревенской бедноте».

Скоро «Искра» перешла в руки меньшевиков, а большевики стали издавать, тоже за границей, рабочую газету «Пролетарий».

1904 и 1905 годы были годами нарастающего революционного движения. «Пролетарий» получал до 300 писем в месяц; громадное большинство их принадлежало рабочим.

В декабре 1905 г. Ленин вернулся в Россию продолжать уже на родине делать ту работу по сплочению передового, сознательного авангарда рабочего класса, по пробуждению к сознанию широких масс, которую он вел из-за границы. Но, приехав в Россию, он лишь два дня смог прожить легально. Царское правительство сразу же организовало на него облаву. Приходилось менять паспорта, скитаться по чужим квартирам. В 1907 г. пришлось перебраться в Финляндию, в Куоккалу, где устраивались постоянные совещания с партийными работниками и организациями, а в 1908 г. «ближнюю» эмиграцию пришлось переменить на «дальнюю», т. е. из Финляндии опять скрыться в Швейцарию.

Тяжелы были годы реакции. Партия все больше уходила в подполье, интеллигенция разбегалась, ренегатствовала, оппортунизм охватывал ряды оставшихся. При таких условиях, чтобы отстоять революционный характер партии, приходилось вести самую ожесточенную фракционную борьбу. Надо было в годы разрухи не дать свернуть старое знамя, держать его поднятым. Именно эти**** создавшимися политическими усло-

* «искровцы» вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: ленинцы.

** В рукописи ошибочно: 1901 г.

*** первого вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: второго.

**** последовательной вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: ярко выраженного.

***** Именно этими вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: Не любовью к школе, конечно, а...

время, необходимостью отстоять линию объясняется та острая фракционная борьба, которой окрашена история Российской социал-демократической партии. В России слой мелкой буржуазии особенно велик. Мелкая буржуазия часто идет за пролетариатом, но идет нерешительно, колеблясь, легко отступая перед препятствиями. В рядах российской социал-демократии не мало прослоек*, охарактеризованных этой мелкобуржуазной психологией. Чтобы удержаться на высоте точки зрения передового отряда пролетариата, нужна борьба с этими колеблющимися, нерешительными элементами.

В 1910 г. удалось поставить в Петербурге большевистскую еженедельную газету «Звезда». Поставил газету член 3-й Государственной думы Полетаев. Он же наладил и ежедневную газету «Правда». В этом его громадная заслуга. Он входит в хозяйственную комиссию и теперешней «Правды». При каких условиях приходилось существовать «Правде», видно из одного письма Полетаева, где он описал, как травит царское правительство «Правду». Каждую ночь являлась в газету полиция. Дело дошло до того, что никто из служащих, никто из корректоров не хотел на ночь оставаться в «Правде». Приходилось Полетаеву, который, как член Думы, пользовался неприкосновенностью, просиживать ночи в «Правде», причем роль корректора исполнял его десятилетний сынишка. «Потом, — писал Полетаев, рассказывая, как рабочие, дождавшись первых экземпляров «Правды», брали ее и уносили из типографии до прихода полиции, — приходит полиция громить стереотипы, а мы с Минькой идем спать...»

Ленские события всколыхнули народные массы. Всколыхнувшее стихийное движение показало, что годы реакции, когда такая значительная часть интеллигенции покинула партию, укрепили партию, укрепили в массах классовое самосознание, выковали в них могучую волю к борьбе. Масса выросла. Поднявшаяся волна рабочего движения вынесла на своем хребте и «Правду». Рабочие сделали

ее своей газетой. На их деньги она существовала, они ее распространяли, они в нее писали, они поставляли редакторов, готовых идти на отсидку. И никакая провокация не могла затемнить рабочего характера «Правды», не могла разрушить дела рабочих.

Не могла провокация свести на нет и той колоссальной работы, которую проделала для пробуждения сознания рабочих, для организации рабочих социал-демократическая рабочая фракция IV Думы. Пусть в рядах ее находился предатель Малиновский, пусть каждый шаг каждого ее члена стерегся провокаторами, самоотверженная** работа Петровского, Муранова, Бадаева, Шагова, Самойлова делала свое дело. Эти люди отдавали себя целиком партийной работе. На них легло почти непосильное бремя. Но разве можно умалять значение их работы для рабочего движения?

Чтобы регулярно сотрудничать в «Правде» и ближе быть к практической работе, редакция центрального органа перебралась в Австрию, в Краков. Ленин, Зиновьев, Каменев¹ ежедневно писали в «Правду», петербургские и провинциальные работники приезжали в Краков для совместного обсуждения партийных дел.

Разразилась война. «Правда» была закрыта, Ленин арестован австрийскими властями и заподозрен в русском шпионстве, потом выпущен благодаря вмешательству австрийской социал-демократии, указавшей, что нелепо обвинять члена Интернационала в шпионстве. (Ленин был с 1907 по 1912 год членом Международного социалистического бюро.) Попав

* прослоек вписано В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: членов.

** самоотверженная вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: преданная.

¹ В период подготовки и проведения Октябрьской революции Г. Е. Зиновьев и Л. Б. Каменев проявили колебания, выступили против вооруженного восстания. Впоследствии исключены из партии за фракционную и антипартийную деятельность.

в Швейцарию, Ленин и Зиновьев сразу же заняли интернационалистскую точку зрения, которую стали развивать в центральном органе партии «Социал-демократе», указывая на империалистический характер настоящей войны, резко критикуя позицию тех социал-демократов (русских, немецких, французских, английских и т. д.), которые встали на сторону своих правительств и покинули классовую точку зрения. В Интернационале они повели самую энергичную борьбу против того идейного развала, который внесла в ряды социал-демократии война, и делали все возможное, чтобы сплотить силы тех социалистов всех стран, которые остались верны интернациональному знамени. Когда до Швейцарии дошла весть о русской революции, первой мыслью было немедленно ехать в Россию, чтобы там продолжать ту работу, которой отдана была вся жизнь, и уже в условиях свободной России отстаивать свои взгляды. Очень скоро выяснилось, что ехать через Англию нет никакой возможности. Тогда среди эмигрантов возникла мысль получить при посредстве швейцарских товарищей пропуск через Германию.

Конечно, германское правительство, давая пропуск, исходило из той точки зрения, что революция — величайшее несчастье для страны и что революционеры-интернационалисты, вернувшись в Россию, будут содействовать этому несчастью. Так смотрят на дело все буржуазные правительства. Социалисты смотрят на дело иначе, для них точка зрения буржуазных правительств необязательна. Вот почему большевики решили воспользоваться возможностью проехать через Германию, независимо от того, из каких бы соображений ни исходило при этом германское правительство.

Во вторник 9 мая* из Швейцарии приехало свыше 200 эмигрантов, проехавших через Германию, в том числе вождь меньшевиков Мартов, вождь социал[]-революционеров Натансон и др. Этот проезд еще и еще раз доказал, что из Швейцарии нет другого надежного пути, кроме как через Гер-

манию. В «Известиях Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов» (№ 32 от 5 апреля) помещен доклад Ленина и Зиновьева об их проезде через Германию и названа имена тех социалистов двух нейтральных стран (Швейцарии и Швеции), которые удостоверили подписью своей, что поездка через Германию вызвана была необходимостью и что никаких, сколько-нибудь предосудительных, сношений с немецким правительством при этом не было.

Петербургский пролетариат устроил торжественную встречу Ленину, потому что знал его прошлую деятельность, знал, за что он приехал бороться. С бешеной злобой обрушилась вся буржуазия, все темные силы на Ленина. Всю свою затаенную ненависть к поднимающимся к власти народным массам вылили они на Ленина. Для них он был олицетворением того **перехода власти к рабочим****, который грозит всему существующему порядку, всем привилегиям сытых и так недавно еще господствовавших. Кто был на Невском 21 апреля, видел эту озлобленную толпу котелков, белоподкладочников, нарядных женщин, видел, как мрачно глядели они на демонстрантов-рабочих, тому ясно было, что это толпа утопающих, хватающихся, как за последнюю соломинку, за Временное правительство. И из уст в уста среди этой толпы передавался рассказ о том, как Ленин при помощи германского золота подкупил всех рабочих, которые все за него. Выходило так, что не только Ленин подкуплен германским правительством, подкуплены и все рабочие. «Долой бы всех этих мерзавцев-социалистов», — горячится какой-то краснощекий, упитанный котелок. Класс против класса! Ленин — с тем классом, передовым борцом которого он был всю жизнь.

* Исправлено Н. К. Крупской из зачеркнутого ею: В понедельник 8 мая.

** перехода... рабочим вставлено В. И. Лениным вместо зачеркнутого им: народовластия.



ШЕЛГУНОВ Василий Андреевич (1867—1939) — профессиональный революционер, большевик. С 1886 г. в революционном рабочем движении. Вместе с В. И. Лениным организовывал и активно работал в «Союзе борьбы за освобождение рабочего класса». Неоднократно арестовывался, отбывал ссылку. После Октябрьской социалистической революции работал в партийной организации Москворецкого района Москвы, был членом президиума Всесоюзного общества старых большевиков.



БАБУШКИН Иван Васильевич (1873—1906) — профессиональный революционер, большевик. Один из активных членов «Союза борьбы за освобождение рабочего класса». Несколько раз был арестован, сидел в тюрьмах, находился в ссылке. В статье указано, что Бабушкин погиб в 1905 г. Подробности его гибели товарищи узнали только в 1910 г. (Позднее стало известно, что это произошло 31 января 1906 г.) Этим объясняется появление 18(31) декабря 1910 г. в «Рабочей газете» некролога о нем, написанного В. И. Лениным.



ВИЛОНОВ Никифор Ефремович (партийная кличка — Михаил Заводский) (1885—1910) — рабочий-революционер. Большевик, несколько раз был арестован, сидел в тюрьмах, отбывал ссылку. В 1908 г. эмигрировал вместе с А. М. Горьким. Принимал участие в организации Каприйской партийной школы. В ноябре 1909 г., порвав с А. А. Богдановым и его сторонниками, уехал в Париж к В. И. Ленину. В начале 1910 г. заболел туберкулезом и умер 1 мая 1910 г.



ШОТМАН Александр Васильевич (1880—1939) — профессиональный революционер, большевик. Революционную деятельность начал в 1899 г. Подвергался арестам и ссылке. После Февральской революции 1917 г. был членом Петроградского окружного комитета партии. По заданию ЦК партии организовал переезд В. И. Ленина из Разлива в Финляндию (август 1917 г.). В Октябрьской революции принимал активное участие, после революции был на ответственной хозяйственной, советской и партийной работе.



ПЕТРЕТАЕВ Николай Гурьевич (1867—1930) — профессиональный революционер, большевик. В 90-е годы участвовал в рабочих кружках. Многократно подвергался тюремному заключению. В 1907 г. от рабочих Екатеринбургской губернии был избран депутатом III Государственной думы. Принимал активное участие в издании газет «Звезда» и «Правда». После Октябрьской социалистической революции был на хозяйственной работе, последние годы работал в учреждениях Народного комиссариата внешней торговли.



ПЕТРОВСКИЙ Григорий Иванович (1878—1958) — профессиональный революционер, большевик. В революционном движении с 90-х г. XIX века. До 1906 г. один из руководителей политической борьбы рабочих Екатеринослава. В IV Государственной думе — депутат от рабочей курии Екатеринославской губ. В ноябре 1914 г. вместе с другими членами с.-д. фракции был арестован и выслан в Туруханский край. После Октябрьской революции — народный комиссар внутренних дел РСФСР. С 1919 г. председатель Всеукраинского ЦИК; заместитель председателя ЦИК СССР. Последующие годы на ответственной партийной и советской работе.



МУРАНОВ Матвей Константинович (1873—1959) — профессиональный революционер, большевик. С 1912 г. — депутат IV Государственной думы от харьковских рабочих. В 1917 г. член редакции газеты «Правда». Затем на ответственной партийной работе. В 1922—34 гг. — член ЦКК ВКП(б). С 1939 г. — персональный пенсионер.



БАДАЕВ Алексей Егорович (1883—1951) — рабочий-революционер, большевик с 1912 г. — депутат IV Государственной думы от рабочих Петербурга и Петербургской губ. После Февральской революции на ответственной хозяйственной и государственной работе. Долгое время работал в пищевой промышленности. В 1938—43 гг. — председатель Президиума Верховного Совета РСФСР и заместитель председателя Президиума Верховного Совета СССР.



ШАГОВ Николай Романович (1882—1918) — рабочий-революционер, большевик. В IV Государственную думу избран от рабочих Костромской губ. В ссылке в Туруханском крае тяжело заболел и после возвращения в Петроград вскоре умер.



САМОЙЛОВ Федор Никитич (1882—1952) — профессиональный революционер, большевик. С 1903 г. вел активную работу среди рабочих Иваново-Вознесенска. В IV Государственную думу избран рабочими Владимирской губ. В 1917—1918 гг. на ответственной партийной и советской работе в Иваново-Вознесенске. Затем работал на Украине; после 1928 г. в Истпарте, затем во Всесоюзном обществе старых большевиков, был директором Музея Революции.

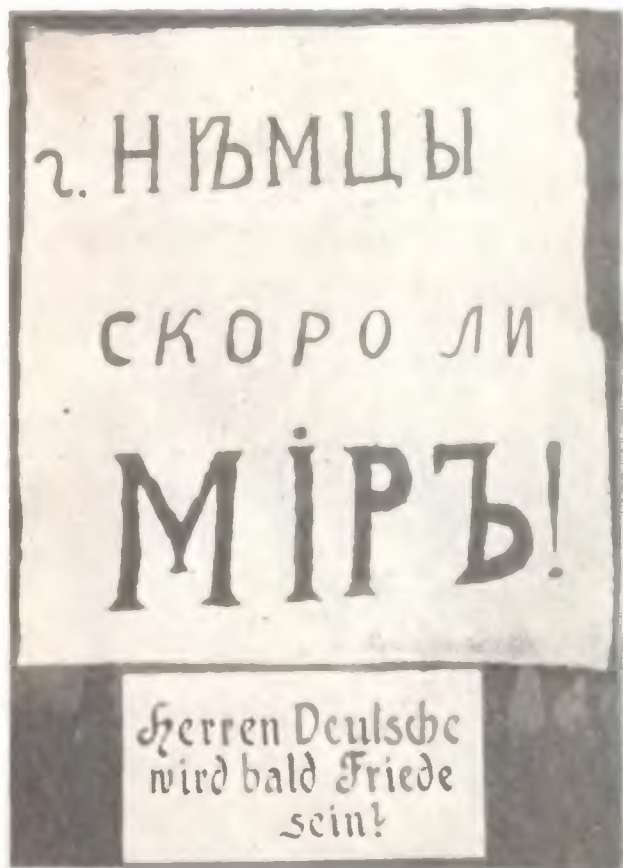




1-я мировая война. Мобилизация.



Свердловское кладбище.



2. НІУМЦЫ

СКОРО ЛИ

МІРЪ!

Herren Deutsche
wird bald Friede
sein!

Обращение русских солдат к противнику.
Ванно 1917 г.



Февраль 1917 года.



Солдат скалывает царский герб.

«Режиссер» революции

1917 год начался с забастовок, политических стачек и демонстраций в годовщину 9 января в Петрограде, Москве, Твери, Макеевке, Ростове-на-Дону, Харькове, Туле, Екатеринославле. Четыреста стачек и почти триста тысяч участников в январе! В России ощущалось дыхание революции.

Трудно предугадать день и час ее начала. Революция созревает подспудно, начинается стихийно, с элементом внезапности. Однако всегда возможно чувствовать обстановку перед грозной вспышкой революции, если внимательно прислушиваться к еще далеким и слабым раскатам. Большевики чутко реаги-

И. М. Пушкарева

Как это началось



Царские регалии, снятые с Кремлевского дворца.

Если взглянуть на политический барометр страны, их программа отражала требования широких масс рабочих и крестьян, именно поэтому они сумели овладеть растущим революционным движением в стране и повести его за собой.

В это время войны партийные организации, группы, кружки большевиков действовали особенно активно более чем в 200 городах России. Большевиками было издано два миллиона экземпляров прокламаций. Каждый месяц в Россию выходило в среднем 17 названий большевистских листовок и прокламаций. Они звали на революцию. Центром ее развития становился Петроград, где в революционном подполье было около двух тысяч большевиков.

В условиях войны связи В. И. Ленина с большевистскими организациями, действовавшими в России, были затруднены. И все же информация, идущая к вождю большевиков, никогда не прекращалась. Из цюрихской адресной книги ЦК РСДРП видно, что за годы войны он вел переписку с родиной по тридцати адресам¹.

Большевики готовили революцию, ждали ее. Иначе относились к ней лидеры мелкобуржуазных социалистических партий эсеров и меньшевиков. Так, лидер меньшевиков

¹ Исторический архив, 1959, № 3, стр. 40:



Поверженный памятник Александру III в Москве.

Л. Мартов, возражая в сентябре 1916 г. против подготовки революции, говорил, что такого рода деятельность социалистов «преждевременна» и «прямо преступна».

Лидеры правых эсеров и меньшевиков (А. Ф. Керенский, Н. С. Чхеидзе, К. А. Гвоздев и др.) ориентировали рабочих на поддержку представителей буржуазии в Думе. И хотя в Думе нарастала межпартийная борьба и все более открыто выступала буржуазная оппозиция, это была лишь борьба парламентская.

В практической работе большевики вступали в эпизодические контакты с межрайонцами,

выступавшими за лозунг «война войне», с левыми эсерами, меньшевиками-интернационалистами. Но ввиду колебаний этих партийных группировок временные связи их с большевиками быстро рвались. Единство действия в борьбе против самодержавия складывалось снизу. Рабочие независимо от партийной принадлежности принимали дружное участие в революционной борьбе.

Война требовала особой нагрузки государственного аппарата, четкости, оперативности, определенных реформ управления. Буржуазия надеялась, что в войну царь допустит ее к кормилу власти. Но государственный корабль тонул, а Николай II игнорировал все



претензии буржуазных лидеров на этот счет.

Среди определенных кругов буржуазии воз-
никли планы создания нового правительства,
способного вести победную войну и подавить
красавшее возмущение в стране. Царь ус-
мотрел в оппозиции «революцию». Ответ на
это четко сформулировал лидер октябристов
С. Шидловский: «Правительство думает, что
мы делаем революцию, а мы ее предупре-
дим». С трибуны Думы многие ораторы кри-
чали правящую камарилью, намекали на
царицы с немцами, требовали убрать
фаворита царской семьи Г. Распутина. Но де-
ло не в личных качествах министров, ца-

ря, царицы или Распутина. И неудачи в войне,
и хозяйственная разруха, и министерская че-
харда, когда за два с небольшим года смени-
лось четыре председателя Совета министров,
шесть министров внутренних дел, три воен-
ных, три иностранных дел, являлись результа-
том не происков Распутина, а внутреннего
распада самодержавия, механизм которого
разваливался по всем швам. Война умножила
и углубила противоречия в экономическом и
политическом строе России. Она создала
условия для громадного революционного
взрыва и быстрого крушения романовской мо-
нархии. Война была «режиссером» Февраль-
ского переворота.



Революционные солдаты на Литейном проспекте. Февраль 1917 года.

Стоит отметить политическую близорукость русской буржуазии как класса, цеплявшегося за обветшалые устои царского трона. Эта буржуазия накануне краха самодержавия и даже тогда, когда Николай II был свергнут, пределом своих политических мечтаний считала приход к власти «послушного» ей монарха. Из рук такого царя буржуазные лидеры хотели получить «ответственное министерство». Буржуазия согласна была на замену Николая II другим царем.

Но весы истории весьма чувствительны к колебаниям в настроениях самых различных классов. Поэтому думские оппозиционные настроения, критика, пусть робкая и

трусливая, царской политики с трибуны русского парламента прибавляли граммы в чашу весов растущей народной революции. Выступление «низов» и «кризис верхов» создали общий революционный кризис в стране. Достаточно было искры, чтобы пламя революции вспыхнуло.

Ты встал, трудовой Петроград

Обстановка в Петрограде накалялась. 22 февраля был закрыт Путиловский завод. Тридцать тысяч рабочих осталось без средств к существованию. Недостаток продовольствия и почти полное отсутствие хлеба в рабочих районах



Сожженное здание тюрьмы Литовский замок.

города привели к стихийному возмущению. Толпы голодного народа, в большинстве случаев женщины и подростки, громили продовольственные лавки, булочные, останавливали движение на улицах.

Эти стихийные выступления явились поводом к грандиозной политической демонстрации против войны и самодержавия. Петроградские большевики сумели углубить ее революционную направленность.

Рано утром 23 февраля (8 марта) делегатки текстильных фабрик Выборгской стороны по инициативе Выборгского райкома большевиков обошли металлургические и машиностроительные заводы и призвали к политической

стачке. В поддержку женщин-работниц выступили тысячи рабочих петроградских предприятий.

На Б. Сампсониевском, Безбородкинском проспектах, Нижегородской, Сибирской улицах организовались демонстрации, к ним примкнули женщины, которые стояли в очередях за продовольствием. Они шли под лозунгами: «Долой войну!», «Хлеба!», «Мир!», «Свободы!»

В рабочих районах появились конные жандармы и казаки, которые получили приказ: не допустить рабочие демонстрации на Невский, в центр города. Полиция избивала рабочих нагайками и шашками, арестовывала



Траурное шествие в день похорон жертв Февральской революции.

руководителей демонстраций. Но к 4 часам дня часть демонстрантов-выборжцев, пройдя по льду и через мосты на левый берег Невы, соединилась с рабочими других районов на Литейном и Суворовском проспектах. Между 5 и 7 часами демонстранты вышли на Невский в районе Садовой, Казанского собора и Знаменской площади.

На Сердобольскую ул. в квартиру Павловых (явка Бюро ЦК РСДРП) стекались сведения о событиях на улицах столицы и настроения рабочих на предприятиях. Большевики предлагали развивать борьбу до вооруженных схваток рабочих и солдат с полицейскими и верными царю войсками, хотя и не исключали

возможности отлива движения. Вечером в Головинском переулке, на квартире одного из большевиков, состоялось организованное И. Д. Чугуриным заседание Выборгского райкома совместно с представителями крупнейших предприятий района, на котором от Бюро ЦК и ПК были П. А. Залуцкий, А. К. Скороходов, К. И. Шутко. Собрание решило поддержать начавшиеся стачки, не ограничивать их сроком, провести на следующий день антивоенную демонстрацию и митинг у Казанского собора, приобрести оружие, усилить агитацию среди солдат петроградского гарнизона.

24 февраля демонстранты запрудили все



Похороны жертв Февральской революции на Марсовом поле.

главные улицы города. Повсюду виднелись красные флаги и лозунги: «Долой войну!», «Долой самодержавие!» На Казанской, Знаменской и других площадях вновь состоялись митинги. Число стачечников составляло более половины рабочих Петрограда.

Несмотря на размах революционного движения, правящие круги продолжали считать выступления войск против правительства невозможным до окончания войны. В этом убеждали царя и командующий Петроградским военным округом Хабалов и министр внутренних дел Протопопов. Изменив решение о созыве 22 февраля совещания с некоторыми министрами об «ответственном министер-

стве», вечером 21-го царь выехал в Ставку. Сообщения из Петрограда о стачках были оценены им как бунтарская вспышка голодного народа. Когда пришла телеграмма председателя Государственной думы М. В. Родзянко о начале революции, Николай II сказал министру двора Фредериксу: «Опять этот толстяк Родзянко мне написал разный вздор, на который я ему не буду даже отвечать».

Утром 24 февраля градоначальник Балк доложил Хабалову, что полиция не может справиться с народом: со стороны Выборгской на берегу Невы собралось до 40 тысяч человек. Из пригородов были вызваны в столицу полк кавалерии и казаки. Вечером по улицам Пет-



Очередь у продовольственных магазинов. Москва, 1917 г.

рограда рыскали полицейские шпики. Хабалов приказал провести повальные обыски и аресты. Но все эти меры были бессильны остановить революцию.

Утром 25 февраля рабочие Обуховского завода вышли на демонстрацию с красными флагами и пением революционных песен. Они направились по Шлиссельбургскому тракту к городу. В пути к ним присоединились рабочие других предприятий. В рядах демонстрантов шло 8—9 тысяч человек. Рабочий Михаил Маслевский нес флаг с надписями: «Долой самодержавие!», «Да здравствует демократическая революция!» Неожиданно на них напали полицейские, пустив в ход нагайки и об-

наженные шашки, которыми плашмя наносили удары. Знаменосец был схвачен и отправлен в участок.

Однако полиции приходилось все труднее и труднее. Рабочие вооружались и переходили в наступление. К концу дня 25-го полиция вынуждена была бежать в центральную часть города с Выборгской стороны, Нарвской заставы.

Стачка стала всеобщей. С центральных улиц города исчезла фланирующая публика, закрылись магазины, нарушилась телефонная связь, была прекращена подача электроэнергии. Демонстранты от обороны начали переходить к активным действиям. Около пяти часов дня



Раздача «Известий» представителям солдатских комитетов.

у Николаевского вокзала завязался бой с полицией, который был выигран восставшими. Выстрелами из револьверов, камнями, бутылками они обратили в бегство отряд конной полиции. В этот день произошло несколько столкновений рабочих с полицией.

Петроградский гарнизон к этому времени был многочисленным, но это была уже не безропотная солдатская масса, беспрекословно исполнявшая приказы начальства. В гарнизоне находилось немало новобранцев из кадровых рабочих, мобилизованных за революционные выступления. Особенно сильны были антивоенные настроения среди солдат-фронтовиков, оправившихся после получения ран.

На Садовой улице 25-го солдаты вместо выполнения приказа не пропускать демонстрантов отомкнули штыки и смешались с народом. У Казанского собора казаки в схватке с городовыми освободили группу арестованных полицией рабочих, а на Знаменской площади отказались разгонять демонстрантов и перешли на их сторону. Даже некоторые казаки части становились ненадежными.

Вечером 25 февраля Хабалов и Протопопов получили из Ставки от Николая II срочную телеграмму: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австри-

ей»¹. Тут же последовал приказ Хабалова командирам полков и начальникам полицейских участков применять против демонстрантов огнестрельное оружие. «Когда на флагах надпись: «Долой самодержавие!» — никакой хлеб не успокоит», — заявил он.

В воскресенье, 26 февраля к 12 часам дня, когда на Невском собралось много народа, в районе Владимирского проспекта, Садовой улицы, Знаменской площади по демонстрантам был открыт огонь. На мостовых осталось убитыми более 50 человек и много раненых, не считая тех, которых демонстранты унесли с собой. Хабалов и Протопопов поспешили заверить царя, что «порядок восстановлен». Но это была опять явная недооценка grandioзности растущих событий.

Расстрелы рабочих днем 26 февраля оказали решающее воздействие на солдат. Многие из них уже тогда стреляли вверх. Массовые возмущения начались прежде всего в полках, которые накануне использовались для разгона демонстраций. В 5 часов вечера того же дня произошло 1500 человек 4-й роты лейб-гвардии Павловского полка, где было много солдат-фронтовиков. Узнав о расстрелах демонстрантов, солдаты дежурившей в казармах 4-й роты потребовали у ротного возвращения своих однополчан в казармы. Тот отказал. Тогда солдаты вломались в цейхгауз, разобрали там винтовки и отправились на Невский вернуть солдат Павловского полка в казармы. Проходя по набережной Екатерининского канала в районе Марсова поля, 4-я рота вступила в перестрелку с городовыми.

Выстрелы павловцев знаменовали начало массового перехода войск на сторону восставших. Представитель революционно настроенного бронедивизиона вечером 26-го на собрании Выборгского РК большевиков около ст. Удельная обещал поддержку восставшим рабочим. Расправа с безоружными демонстрантами обсуждалась в казармах Волынского, Литовского и Финляндского полков. У солдат закипал гнев на офицеров, заставлявших стрелять по демонстрантам. «Рука не поднимается против невинных людей... Ведь они хлеба хотят», — говорили солдаты.

Утром 27-го началось восстание в Волынском полку. Восставшие убили капитана Лашкевича, который расстреливал народ 26-го на Знаменской, а затем направлялись к соседним казармам Преображенского, Волынского, Литовского полков. Часть солдат этих полков двинулась к Литейному проспекту, где были разгромлены казармы жандармского дивизио-

на. Восставшие солдаты шли к заводам и фабрикам Выборгской стороны.

Одновременно восстали солдаты в пригородах Петрограда. В Ораниенбауме в 5 часов утра 27-го в казармах одного из пулеметных полков появились путиловские рабочие с призывом: «Пулеметчики, на помощь петроградским рабочим!» Прорвавшись сквозь пулеметный огонь офицеров, пытавшихся задержать солдат в казармах, солдаты 1-го и 2-го пулеметных полков устремились к железнодорожной станции. Утром 28 февраля почти в полном составе эти полки прибыли в Петроград, где помогли нарвским рабочим очистить их район от контрреволюционных сил.

О быстрой революционизации солдатских масс свидетельствует тот факт, что если 26 февраля к революционным рабочим Петрограда примкнуло около 600 солдат Петроградского гарнизона, то через три дня почти весь огромный гарнизон Петрограда и его окрестностей перешел на сторону восставших.

Лозунг большевиков «Да здравствует революционный рабочий класс и революционная армия!» получил практическое воплощение. Солдаты воинских частей бросали ружья и пулеметы на улицах или отдавали их рабочим-дружинникам, что в значительной мере предопределило исход борьбы.

27 февраля началось массовое вооружение рабочих. Рабочие Выборгской стороны захватили на заводах Патронном и Точных механических изделий склады с боеприпасами. 300 винтовок и револьверов они получили с Охтинских пороховых складов. В 11 часов утра, переправившись на противоположный берег Невы, выборгские рабочие с подоспевшими им на помощь солдатами захватили после недолгого боя Арсенал и Главное артиллерийское управление на Литейном проспекте. Здесь восставшие разобрали более 40 тысяч винтовок и 30 тысяч револьверов. Оружие было распределено между рабочими всех пролетарских районов. Район Лесного проспекта превратился в вооруженный лагерь, где раздавали оружие и патроны.

Стихийное движение народных масс росло с молниеносной быстротой и на какие-то моменты опережало руководство. Но большевики старались быть в центре развивавшейся борьбы. Во главе вооруженных отрядов встали большевики: И. Д. Чугурин, Н. Г. Толмачев, П. Т. Коряков. Организованные отряды в упор-

¹ «Падение царского режима», т. I, Л., 1924, стр. 190.

боях захватили в тот же день здание предварительного заключения охранного отделения. Груды выброшенных из почтовых участков документов горели в огнях кострах на углу Казанской, Тихвинской Загородного проспекта. Огромное заределось отовсюду — это горел Литовский замок — тюрьма, которую подожгли вместе с заключенными, выпущенными на свободу. К середине дня 27 февраля захвачены Финляндский вокзал, а «Кресты».

27 февраля в 8 часов утра состоялось собрание большевиков с 40 представителями фабрик и заводов. В. Каюрову и М. Хахареву поручено составить первоначальный текст боевого манифеста ЦК РСДРП «Ко всем гражданам России». Манифест был отпечатан на типографе и расклеен на некоторых зданиях главных улиц Петрограда. На следующий день появилась листовка тиражом в 100 тысяч экземпляров с текстом манифеста.

Задача рабочего класса и революционной партии — создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя. В отличие от выпущенной одновременно прокламации меньшевистского ОК, в которой задача нового правительства туманно ограничивалась созданием «условий для свободной России», манифест призывал «войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистического клика и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана поработенным народам»¹. В тот же день Бюро ЦК РСДРП и Выборгский РК, а также группа межрайонцев и эсеров обратились к рабочим и солдатам с листовками, которые призывали к выборам в Совет и созданию Временного революционного правительства.

27-го Таврический дворец — помещение Государственной думы, стихийно сделался главной базой восстания. Правительственная охрана дворца была ликвидирована и состояла теперь из вооруженных солдат и рабочих. Члены Думы, собравшиеся на частное совещание, оказались окруженными восставшими. В нижних помещениях здания восставшие складывали оружие, продовольствие. Екатерининский зал наполнил огромный бивак, где прямо на полу располагались сотни вооруженных рабочих и солдат.

Растерянность среди депутатов была полной:

в ночь на 27-е указом царя «занятия» Думы были прерваны на год. Собравшиеся в Полуциркульном зале думцы лихорадочно выискивали пути к контакту с царем и правительством для совместного подавления революции. Днем 27-го они приняли решение о создании из представителей различных буржуазных партий и партийных группировок Временного комитета Государственной думы. Являясь как бы первым буржуазным правительством, этот комитет, не взяв власти, уже готов был отказать от нее в пользу монархии. Комитет обратился к председателю Совета министров Голицыну, чтобы «достигнуть немедленного объявления ответственного министерства» при регентстве великого князя Михаила.

В самый разгар боев 27-го, когда большая часть Петрограда находилась уже в руках восставших, в кабинете председателя Совета министров Н. Д. Голицына состоялось совещание министров по поводу получения телеграммы из Ставки: царь предоставлял диктаторские права Голицыну, указывая, что он не допускает каких-либо перемен в Совете министров. Николай II и Ставка сделали попытку вооруженным путем изменить ход борьбы в свою пользу. План был таков: в районе Царского села собрать воинские части, артиллерию с Северного и Западного фронтов и начать наступление на революционный Петроград. Но этот план провалился.

Собравшееся в Маринском дворце правительство безуспешно ждало сообщений от генерала Иванова. Но вскоре правительство охватила паника. При прохождении по улице одной из наиболее внушительных демонстраций во всем дворце были потушены огни. После этого министры во главе с самим Голицыным покинули помещение.

Последним главным оплотом царских войск стала Дворцовая площадь с Зимним дворцом и здание Главного адмиралтейства, где был блокирован генерал Хабалов вместе с горсткой войска. Хабалов попытался было сформировать ударный отряд. Но этот отряд, не дойдя до Литейного, растворился в среде восставших.

28-го царские войска сдали последние рубежи, восставшие ликвидировали огневые точки контрреволюционных сил. Флаг революции был поднят на стоявшем на Неве крей-

¹ «Революционное движение в России после свержения самодержавия», сборник документов. М., 1957, стр. 3—4.

сере «Аврора», на Петропавловской крепости. 1 марта остатки царских войск перешли на сторону революции. Хабалов был арестован.

Весть о победе Февральской революции в Петрограде распространилась по всей России. Она попала на хорошо подготовленную революционную почву. В первую неделю после победы революции в Петрограде царская власть была свергнута во всех крупных городах страны, революция началась на фронте и в деревне. Солдаты связывали с ней надежды на окончание войны и скорейшее возвращение домой, крестьяне — разрешение вопроса о разделе земли, рабочие — установление 8-часового рабочего дня. Весь народ мечтал о скорейшем узаконении завоеванных демократических свобод. Повсюду образовывались Советы рабочих и солдатских депутатов.

Временное правительство и Советы

В огне народной революции родился избранный народом Совет рабочих и солдатских депутатов Петрограда. Совет явился органом революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства с широким представительством. По одному из первых списков в нем насчитывалось около 400 депутатов от рабочих и солдат. Совет учредил вооруженные отряды по охране государственных учреждений и порядка в городе. Он запретил монархические газеты и создал свою газету — «Известия». При Совете действовали комиссии: продовольственная, финансовая.

Исполнительный комитет Совета заседал в комнате Бюджетной комиссии Таврического дворца. В Екатерининском зале дворца 28 февраля состоялось пленарное заседание Совета. Какой-то крестьянин, вскочив на ящик посреди зала, кричал: «Ни турецких, ни немецких, ни польских земель нам не надо... В России про всех все хватит, ежели б только своя власть!» Зал разразился аплодисментами.

Совет вполне мог сам создать революционное правительство. Но этого не произошло. Руководство Советом попало в руки правых лидеров меньшевиков и эсеров, которые, объединившись, составили блок, по численности намного превосходивший фракцию большевиков в Исполкоме Совета. Во главе Совета встал меньшевик Чхеидзе. Влияние эсеров и меньшевиков оказалось преобладающим в Совете в силу целого ряда причин. В период войны меньшевики и эсеры меньше подвергались

репрессиям, сохранили кадры, использовали легальные центры борьбы — трибуну Думы, газеты. В составе самого рабочего класса в этот период произошли изменения. На заводах и фабриках оказалось много крестьян, политически малограмотных представителей полупролетарских масс города. Среди них было сильное влияние меньшевиков и эсеров. Гигантская мелкобуржуазная волна поднялась в стране. Она подавила сознательный пролетариат, заразила широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику.

В дни восстания, когда большевики сражались на улицах города, меньшевики и эсеры в Думе приступили к оформлению Совета. Они старались привлечь к работе в Совет своих сторонников и добились цели. Но лидеры меньшевиков и эсеров из Петроградского Совета не смогли справиться с организацией народной власти. Их взоры обратились к крупной буржуазии. Такая тактика вполне отвечала ряду теоретических установок этих партий. Для меньшевиков буржуазия была единственной руководящей силой революции. Один из их лидеров, Н. Суханов, писал: «Власть, идущая на смену царизма, должна быть буржуазной... На такое решение необходимо держать курс, иначе переворот не удастся и революция погибнет»¹.

Пока в левой части Таврического дворца шли собрания Исполкома Совета, в правой части, в Циркульном зале, заседали бывшие думцы. Они в растерянности размышляли о том, как сохранить свое господство. Впоследствии монархист В. В. Шульгин отмечал: «Пулеметов! Пулеметов — вот что хотелось мне тогда»².

Еще 1 марта члены Исполкома Совета Н. Чхеидзе и А. Керенский предложили лидерам буржуазии сформировать Временное правительство, оставив за Советом право «контролировать» действия этого правительства.

Надежды на водворение в России конституционной монархии рухнули, и буржуазия ухватилась за это предложение. 2 марта Временное правительство было сформировано. В него вошли представители крупной бур-

¹ Н. Суханов, Записки о революции. кн. I, Москва — Петроград — Берлин, 1919, стр. 17.

² «Февральская революция в воспоминаниях белогвардейцев». Л., 1927, стр. 89.

мужики и помещиков (А. И. Гучков, П. Н. Миллюков, А. И. Коновалов, М. П. Терещенко, А. И. Шенгарев, А. А. Мануйлов, В. Н. Львов, Н. В. Некрасов, И. В. Годнев). Возглавил правительство крупный помещик князь Г. Е. Львов.

Включением в состав правительства эсера А. Ф. Керенского буржуазия постаралась защититься от революционного народа.

Банки тут же выделили в распоряжение нового правительства 1,5 миллиона рублей¹. С первых шагов своей деятельности Временное правительство стремилось через созданный им министерства, а на местах — буржуазные комитеты и комиссаров парализовать революционный порыв масс.

Но буржуазия не была спокойна, она должна была делить власть с Петроградским Советом. В марте тот же Гучков с горечью заявлял: «Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, как допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта, телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует лишь, пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов»².

Число образованных по стране Советов кончилось сначала десятками, затем сотнями. Советы образовались во всех губерниях и городах, в шахтах и рудниках, в воинских частях, во многих селах и деревнях. В их создании принимали участие миллионы людей. Советы выражали интересы ⁹/₁₀ населения, добивавшегося мира, хлеба, свободы. Они принимали решения об осуществлении основных требований революции: о передаче крестьянам земли, о 8-часовом рабочем дне, об осуществлении демократических свобод.

Сложилось своеобразное переплетение двух — двоявластие: Временного правительства и демократической диктатуры пролетариата и крестьянства в лице Советов.

Временное правительство заняло Мариинский дворец, где прежде заседал царский Совет министров. Царских сановников здесь спущенные люди в пиджаках и козovorотках. Но существенных изменений в политике буржуазного правительства по сравнению с самодержавным не произошло.

Русская буржуазия в силу своей реакционности не была в состоянии решить задачи гигантского размаха и необычайной трудности, которая ставила перед ней революция. Усилива-

лись инфляция и дороговизна. Промышленное производство падало. Железные дороги не справлялись с перевозками грузов. Страна распадалась на изолированные хозяйственные районы, падала в бездну экономической катастрофы. И в этой обстановке звучали призывы буржуазии к продолжению войны, к захвату Босфора и Дарданелл. Министр иностранных дел Миллюков, прозванный «Дарданельским», то и дело появлялся среди солдат и матросов, призывая «к защите республики». В сговоре с буржуазией Англии и Франции русская буржуазия готовила наступление на фронте.

Революционный народ сам завоевал демократические свободы. Буржуазии ничего не оставалось, как нехотя (через полтора месяца) признать свободу собраний и союзов. Мощный подъем рабочего движения и явочное введение 8-часового рабочего дня на ряде предприятий заставили капиталистов пойти на некоторые уступки в этом вопросе. Но от передачи земли крестьянам Временное правительство категорически отказалось. Зато был издан указ о привлечении к уголовной ответственности крестьян за попытку разделить землю помещиков. Карательные экспедиции в деревню живо напоминали о «добром царском времени». Становилось ясным, что двуглавый орел — символ царского самодержавия — потерял только одну свою корону.

«Февральская революция 1917 года смела царское самодержавие, однако буржуазия, пришедшая к власти, не хотела и не могла удовлетворить насущных нужд рабочих и крестьян. Лишь завоевание пролетариатом политической власти могло обеспечить решение коренных общественных проблем. Жизненные интересы, глубокое беспокойство о судьбах страны властно побуждали трудящиеся массы к революционным переменам. Социалистическая революция стала непосредственной практической задачей»³.



¹ Центральный государственный исторический архив (ЦГА ИА СССР), ф. 622, оп. 12, д. 183, л. 235.

² «Революционное движение в России после свержения самодержавия», стр. 429—430.

³ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, «Правда», 1967 г. 25 июля.



В. И. Ленин выступает с Апрельскими тезисами.

Возвращение В. И. Ленина

Вечером 3 апреля перрон Финляндского вокзала в Петрограде выглядел необычно. Сторонний наблюдатель, попавший туда, удивился бы столь большому стечению публики в этот поздний час и царившему здесь возбужденному настроению. На перроне выстроились солдатские шеренги гвардии Московского и Преображенского полков и пулеметной роты. Рядом с серыми шинелями виднелись черные бушлаты матросов флотского экипажа. Матросы пришли сюда со своим оркестром. Нетрудно было догадаться, что это почетный воинский караул для торже-

Ю. С. Токарев

Весенний месяц революции



Дворец Кшесинской в апреле 1917 года.

ственной встречи. Несмотря на праздничный день — была пасха, — десятки тысяч людей заполнили привокзальную площадь. Среди них преобладали рабочие. Они группировались вокруг бесчисленного множества заводских знамен. Участвовать в торжественной встрече пришли пролетарии Выборгской стороны, Нарвской и Московской застав, Васильевского острова, Петроградской стороны и других рабочих районов столицы. Среди рабочих колонн с винтовками и повязками на рукавах выделялись отряды рабочей милиции. Рядом с рабочими, а кое-где и перемешавшись с ними, стояли солдаты, матросы. Они начали постепенно заполнять площадь уже

с 7 часов вечера. Сгустились весенние сумерки, но привокзальную площадь заливал яркий свет. Это прожекторы, разрывая тьму, освещали волнуемое людское море и реющие над ним алые стяги.

Столь внушительная народная манифестация была верным свидетельством того, что воскресным вечером 3 апреля происходит событие большой важности. И это действительно было так. В Россию после почти десятилетнего вынужденного отсутствия возвращался Владимир Ильич Ленин. Поезд, на котором он следовал, с минуты на минуту должен был подойти к платформе Финляндского вокзала.



Солдаты автомастерских, встречавшие В. И. Ленина.

В. И. Ленин, конечно, не предполагал, что в Петрограде его ждет торжественная встреча. Зная о положении в России по скудным, а порою и искаженным данным буржуазной прессы, он даже опасался ареста по приезде на родину. В поезде Владимир Ильич говорил Надежде Константиновне Крупской, что если их и не арестуют, то вряд ли в такой поздний час они найдут извозчика. Однако те глубокие изменения, которые произошли в России в результате Февральской революции, позволили питерскому пролетариату не только оградить своего вождя от ареста, но и приготовить ему торжественную встречу. Вот как она была организована.

Получив телеграмму о приезде В. И. Ленина, М. И. Ульянова утром 3 апреля пришла во дворец Кшесинской, чтобы сообщить об этом членам ЦК и Петербургского комитета (ПК). Там, кроме Н. И. Подвойского, никого не оказалось. Заводы в этот день не работали, газеты не выходили. Казалось, что своевременно оповестить большевистские организации, рабочих и солдат о приезде вождя не удастся. Но энергичный Подвойский нашел выход из положения. Он поручил членам большевистской ячейки бронедивизиона, охранявшей дворец Кшесинской, направиться на квартиры членов ЦК и ПК и просить их известить рабочие общежития, солдатские казармы и воен-



Манифестация раненых в Петрограде.

ные корабли о приезде В. И. Ленина. Вскоре эта весть распространилась по районам. Были установлены места сборов для шествия к вокзалу, откомандированы воинские части для составления почетного караула, выделены оркестры. И вот к вечеру десятки тысяч рабочих, солдат, матросов заполнили привокзальную площадь и прилегающие к ней улицы.

В 11 часов 10 минут скорый из Торнео остановился у платформы Финляндского вокзала. На площадке вагона, в котором ехали эмигранты и встречавшая их в Белоострове делегация петроградских большевиков, показался Ленин. К нему поспешили члены ЦК и ПК, родные и близкие. Солдаты и матросы взяли

на караул, а военный оркестр заиграл «Марсельезу». Выслушав рапорт командовавшего почетным караулом офицера, В. И. Ленин произнес несколько кратких приветственных слов, обращенных к солдатам и матросам. Затем почетный караул провел его в здание вокзала, в бывшие царские покои, где собрались представители Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов и другие встречающие.

И вот Ленин на привокзальной площади. Поднявшись на броневик, он произнес первую после долголетнего перерыва речь перед широкой рабочей и солдатской аудиторией.



Съезд солдатских представителей с фронта.
Май 1917 года. Таврический дворец.

В том же броневике В. И. Ленин направился к дворцу Кшесинской. За ним следовала громадная процессия рабочих и солдат. «Обратное шествие было крайне эффектно, — вспоминал участник событий В. Н. Залезский. — Совершенно сгустившаяся ночная тьма прорезывалась ярким светом прожектора броневика, на котором ехал тоз. Ленин. Свет прожектора вырывал из темноты то одну, то другую рабочие колонны, слепя глаза изумленным прохожим, а сзади густые-густые ряды вооруженных рабочих масс»¹.

У дворца митинг возобновился. Выступившие ораторы, как сообщала «Правда», выразили «уверенность в том, что тот вождь ре-

волюционной с.-д., который ни при каких мрачных условиях не сходил с своей революционной позиции, поведет теперь русский пролетариат по пути дальнейших завоеваний вплоть до социальной революции»². Отвечая им и приветствуя петроградских рабочих, солдат и матросов, В. И. Ленин трижды выступал с балкона дворца.

На втором этаже был устроен товарищеский чай. Один из присутствующих стал про-

¹ «Пролетарская революция», 1923, № 1 (13), стр. 155.

² «Правда» № 24, 5 апреля 1917 г.

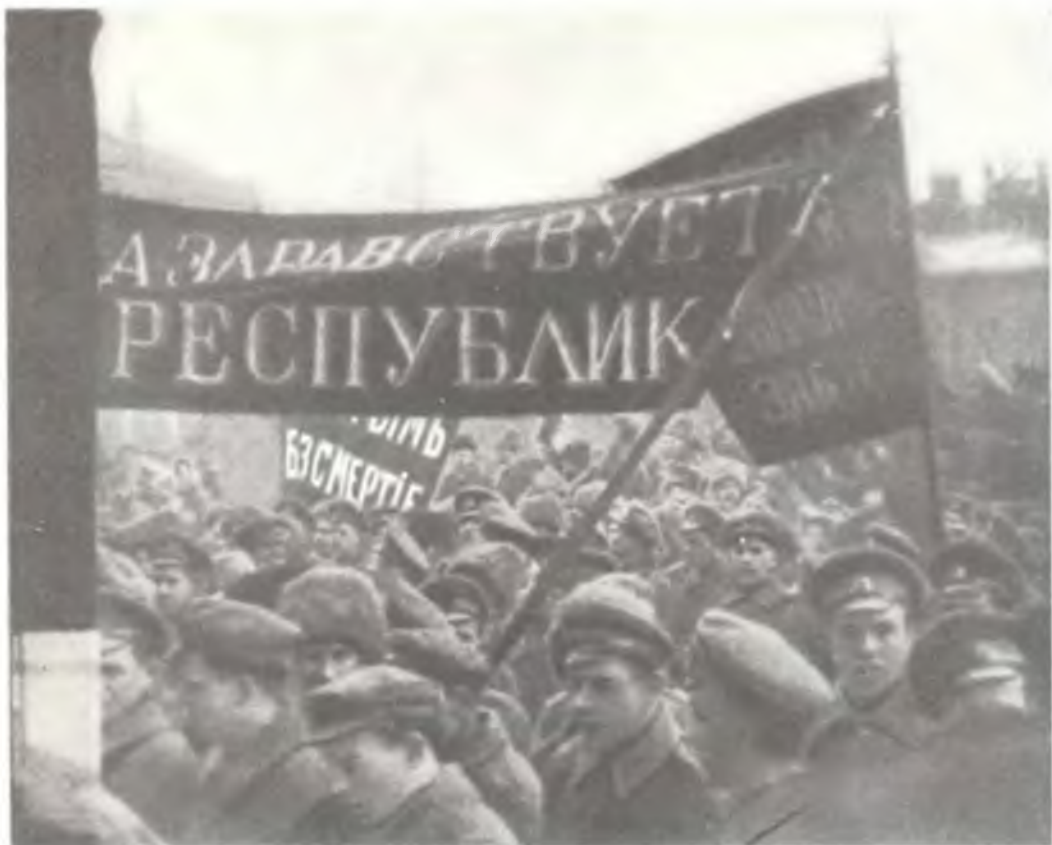


Демонстрация «Лиги равноправия женщин» на Невском проспекте. Март 1917 года.

износить приветственную хвалебную речь в честь Ленина. Владимир Ильич выслушал ее, но, когда поднялся другой оратор, он, как бы защищаясь, поднял руку. Предельно скромный, не терпящий парадности и словеслий, он поспешил перевести встречу на деловую почву и предложил обсудить вопросы тактики сегодняшнего дня. Перешли в другую комнату. Там собрались члены Центрального и Петербургского комитетов большевиков, большевистской фракции Всероссийского совещания Советов и другие партийные работники. Ленин стал задавать вопросы представителям заводов, воинских частей, партийным работникам. Владимира Ильича живо ин-

тересовали настроения масс, деятельность Советов, внутрипартийные разногласия в оценке текущего момента и вообще положение в столице и на местах. Он не только спрашивал, но и отвечал на вопросы, обращенные к нему.

Встреча завершилась речью Ленина, в которой он изложил план перехода от буржуазно-демократической революции к революции социалистической и подверг критике некоторые ошибки в тактической линии большевистских организаций. Новизна и смелость в постановке проблемы перехода к социалистической революции произвели на большинство присутствующих глубокое впечатление. «Это было совершенно новое понимание, новый



Демонстрация в Петрограде.

взгляд на происходящее»¹, — писал в своих воспоминаниях большевик Д. И. Лещенко.

«Да здравствует социалистическая революция!»

4 апреля в Таврическом дворце происходило собрание большевиков — делегатов Всероссийского совещания Советов. Собрание было созвано для обмена мнениями в связи с предстоящим в тот же день заседанием представителей всех течений социал-демократии, посвященным вопросу о возможности создания объединенной социал-демократической партии. С докладом о задачах пролетариата

в революции выступил Ленин. Доклад он построил так: сначала читал очередной тезис, а затем пояснял его.

Первый тезис был посвящен отношению к войне. Доверчивость к буржуазному Временному правительству, признание партий меньшевиков и эсеров выразителями нужд и чаяний народа, «революционное оборончество» — вот то главное, что характеризовало тогда политические настроения народа. В качестве главного средства преодоления рево-



¹ Воспоминания о В. И. Ленине, ч. 3, М., 1960, стр. 61.



Демонстрация солдаток. Апрель 1917 года.

люционного оборончества Ленин предложил организацию широкой разъяснительной работы среди народа. «...Надо особенно обстоятельно, настойчиво, терпеливо, разъяснять им их ошибку, разъяснять неразрывную связь капитала с империалистической войной, доказывать, что кончить войну истинно демократическим, не насильническим, миром нельзя без свержения капитала»¹.

Во втором тезисе, определяя своеобразие текущего момента, Ленин указал на предстоящий переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейшего крестьянства. «Этот

переход характеризуется, с одной стороны, максимумом легальности (Россия с е й ч а с самая свободная страна в мире из всех воюющих стран), с другой стороны, отсутствием насилия над массами и, наконец, доверчиво-бессознательным отношением их к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма»².

В третьем тезисе говорилось о тактике партии по отношению к Временному правитель-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 114.

² Там же.



Демонстрация официантов. Май 1917 года.

ству. Никакой поддержки Временному правительству, никакого доверия ему — так сформулировал Ленин линию поведения большевиков в этом вопросе.

В четвертом и пятом тезисах Ленина раскрывались роль и место в революции Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Двоевластие, считал Ленин, не могло существовать длительное время и должно было кончиться переходом всей власти к Советам, которые по самой своей природе приспособлены к осуществлению пролетарской государственности. «Не парламентарная республика, — возвращение к ней от С. Р. Д. было бы шагом назад, — а республика Советов рабочих,

батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху»¹. Ленин выдвинул положение о возможности передачи власти Советам без восстания, в порядке мирного развития революции. Эту возможность открывало отсутствие у Временного правительства вооруженной силы, способной воспрепятствовать передаче власти Советам.

Шестой, седьмой и восьмой тезисы определяли задачи большевистской партии в области экономических отношений. Ленин говорил

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 115.



Митинг по поводу празднования 1 Мая.

о необходимости национализации земель и перехода их в распоряжение местных Советов крестьянских и батрацких депутатов, о слиянии немедленно всех банков в стране в один национальный банк и установлении контроля над ним со стороны Совета рабочих депутатов, об осуществлении Советом рабочих депутатов контроля над общественным производством и распределением продуктов. Такие шаги, указывал В. И. Ленин, не означали бы еще непосредственно введения социализма, но были бы отправной базой для перехода к нему.

В заключение (девятый и десятый тезисы) Ленин сказал о внутрипартийных задачах

большевиков. Он предложил внести изменения в партийную программу, отразив в ней то новое, что выявилось в теории и практике революционной борьбы после принятия первой программы. Учитывая, что название партии («социал-демократическая») не отражает ее целей борьбы за коммунизм и, кроме того, измену социализму со стороны социал-шовинистов и центристов, Ленин предложил назвать партию «коммунистической»¹.

Принят по докладу открыто не было. Со-



¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 116.

стоялся только обмен мнениями — идти ли после доклада на объединенное собрание с меньшевиками или не идти, а обсудить ленинский доклад по существу. Решили на собрание идти. Ленин получил от организаторов собрания приглашение повторить на нем доклад, сделанный перед большевистскими делегатами Всероссийского совещания Советов.

Во второй половине дня 4 апреля в Полуциркульном зале Таврического дворца собрались большевики, меньшевики и внефракционные социал-демократы — участники Всероссийского совещания Советов, представители партийных центров, петроградских и национальных организаций. Всего присутствовало 117 человек (в их числе 50 большевиков). После вступительных заявлений слово было предоставлено В. И. Ленину, который повторил то, что было сказано им на предшествующем собрании большевиков, и резко протестовал против объединения большевиков и меньшевиков в одну партию.

В начале доклада на меньшевистских скамьях сохранялась относительно спокойствие, но зато потом, в особенности после того, как В. И. Ленин сказал о необходимости сбросить «грязное белье», то есть именовать большевистскую партию не социал-демократической, а коммунистической, меньшевики стали прерывать докладчика протестующими возгласами и шумом. В прениях по докладу столпы меньшевиков — И. Г. Церетели и Н. С. Чхеидзе попытались отвергнуть ленинский план перехода к социалистической революции.

На общегородской Петроградской конференции В. И. Ленин со всей определенностью поставил вопрос о сущности текущего момента, о политике мелкобуржуазных партий и об отношении к ним большевиков.

«Совет Р. и С. Д., — говорил он, — есть осуществление диктатуры пролетариата и солдат; среди последних большинство крестьян. Это и есть диктатура пролетариата и крестьянства. Но эта «диктатура» вошла в соглашение с буржуазией... Создавшееся положение показывает, что диктатура пролетариата и крестьян переплелась с властью буржуазии. Положение изумительно своеобразное. Не бывало таких революций, чтобы представители революционного пролетариата и крестьянства, будучи вооружены, заключили союз с буржуазией, имея власть уступили ее буржуазии»¹.

В проекте резолюции конференции об отношении к мелкобуржуазным партиям Ленин писал:

«Принимая во внимание:

- 1) что партии социалистов-революционеров, социал-демократов меньшевиков и т. д. перешли в громадном большинстве случаев на позицию «революционного оборончества»...
- 2) что эти партии *поддерживают* Временное правительство, представляющее интересы капитала и занявшие контрреволюционную позицию, не только во внешней политике, но и во внутренней; 3) что эти партии дали обмануть себя капиталистам и, с своей стороны, обманывают народ... 4) что вытекающее отсюда и поддерживаемое названными партиями затемнение классового сознания пролетариев и полупролетариев является... главной причиной застоя революции и ее возможного поражения силами помещичьей и буржуазной контрреволюции, — конференция постановляет»:

— признать защиту революционного оборончества «полной безусловной изменой социализму».

Признать защиту мелкобуржуазных интересов, проводимую этими партиями, развращающей «пролетариат буржуазным влиянием».

Признать объединение с партиями, проводящими политику поддержки Временного правительства, «безусловно невозможным».

По отношению к отдельным местным группам рабочих, примыкающим к меньшевикам, стремящимся отстоять позицию интернационализма, Ленин предлагал проводить политику поддержки и сближения «на началах безусловного разрыва с мелкобуржуазной изменой социализму»².

Однако попытки внести раскол в ряды большевиков оказались тщетными. С горячей речью в защиту ленинской позиции выступила А. М. Коллонтай. Когда же после окончания прений на голосование был поставлен вопрос о желательности объединенного съезда, представитель Бюро ЦК РСДРП(б) призвал большевиков не голосовать за это предложение. Так опасная для дела революции попытка объединения большевиков с меньшевиками была сорвана.

Апрельские тезисы вызвали живую и острую реакцию всех слоев общества, приковали к себе внимание партий, прессы, никого не оставив равнодушными. Слишком смелым и

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 240.

² См. там же, стр. 257, 258.

неожиданным был вывод Ленина о том, что Россия стоит на пороге социалистической революции, и различные политические группировки каждая по-своему поспешили выразить свое отношение к такой оценке момента.

В первое время не было единства по вопросу отношения к Апрельским тезисам и в рядах партии большевиков. При обсуждении тезисов на заседании Центрального Комитета большевиков 6 апреля вопрос остался открытым. На этом заседании на ленинскую позицию особенно рьяно нападал Л. Б. Каменев. 8 апреля ленинские тезисы обсуждались Петербургским комитетом РСДРП(б). Петербургский комитет, отстаивавший до приезда Ленина в Петроград глубоко ошибочную тактику условной поддержки Временного правительства, и на этот раз оказался не на высоте положения. За принятие тезисов было подано только 2 голоса, 12 членов ПК голосовало против, 1 воздержался.

Первыми Апрельские тезисы одобрили районные большевистские собрания столицы. Прошедшие в дни 9—13 апреля партийные собрания Нарвского, Пороховского, 2-го Городского, Петроградского и Московского районов заявили о принятии ленинской платформы. Состоявшаяся 14—22 апреля петроградская общегородская конференция РСДРП(б) в основу своих решений положила Апрельские тезисы, сделав их тем самым директивной для столичных большевиков. А к концу апреля ленинские тезисы получили одобрение всей партии. VII Всероссийская конференция (24—29 апреля) от имени 80 тысяч членов партии возвестила в принятых резолюциях, что отныне ленинский план перехода к социалистической революции становится законом, обязательным для всех большевиков.

«Большее, чем демонстрация...»

«...Нечто значительно большее, чем демонстрация, и меньшее, чем революция»¹ — так оценил В. И. Ленин события, происшедшие в Петрограде 20—21 апреля 1917 г. и ознаменовавшие собой начало апрельского политического кризиса. Прошло менее двух месяцев с момента свержения самодержавия, а Петроград снова стал ареной классовой битвы. Снова на улицах столицы раздались выстрелы — произошло открытое столкновение рабочих и солдат с буржуазией.

Поводом к выступлению послужила нота министра иностранных дел лидера кадетской партии П. Н. Милюкова правительствам союзных стран. Рьяный приверженец захватниче-

ской политики, министр иностранных дел обещал в этой ноте довести войну «до решительной победы». Это заявление вызвало резкое недовольство народа, вылившееся в стихийную антиправительственную вооруженную демонстрацию.

20 апреля первым вышел на улицу запасной батальон гвардии Финляндского полка. Вслед за ним выступили солдаты Кексгольмского, Московского и Павловского полков, 3-го и 180-го запасных пехотных полков, матросы 2-го Балтийского экипажа и другие части. Вся эта многотысячная масса заполнила площадь перед Мариинским дворцом — резиденцией Временного правительства. В колоннах демонстрантов пестрели лозунги: «Милюков в отставку!», «Долой захватную политику Милюкова!», «Да здравствует мир без аннексий и контрибуций!», «Требуем вскрытия тайных соглашений!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!» Начался митинг. Перед собравшимися выступили ораторы разных политических направлений. Гулом одобрения встречали тех, кто говорил, что нота разоблачает империалистическую политику Временного правительства. Однако подлинная сущность совершившегося осталась для солдат во многом непонятной. Отношение их к ноте выражалось в требовании: «Долой Милюкова!», которое, по определению В. И. Ленина, было «...противоречивым, несознательным, ни к чему не способным повести...»². Лишь устранение всего буржуазного Временного правительства и переход власти к Советам могли обеспечить мир.

Солдаты не расходились до вечера. Атмосфера накалялась. И только вмешательство эсеро-меньшевистского руководства Петроградского Совета, пославшего специальную делегацию для успокоения солдат, привело демонстрацию к мирному исходу.

Во второй половине того же дня на Васильевском острове началась демонстрация рабочих. Коллективы Трубочного завода, заводов «Симменс и Гальске», Кабельного, «Симменс-Шуккерт», Гвоздильного с плакатами «Вся власть Советам!», с пением «Интернационала» двинулись к Таврическому дворцу, где помещался Петроградский Совет. На грандиозном митинге была принята резолюция

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 430.

² Там же, т. 31, стр. 325.

с требованием сместить Временное правительство и передать всю власть Советам. После шести часов вечера, окончив работу, на улицы вышли рабочие других районов. Демонстрации не прекращались допоздна. Рабочие заполнили заводские окраины Петрограда, часть двинулась в центр — на Невский проспект, Исаакиевскую и Дворцовую площади. Одновременно на фабриках и заводах проходили митинги протеста.

На некоторых заводах был поддержан лозунг «Долой Временное правительство!», выставленный группой членов Петербургского комитета РСДРП(б) во главе с С. Я. Багдатьяном, которая из одной крайности (условная поддержка Временного правительства) шаркнулась в другую — призыв к насильственному свержению Временного правительства. Центральный Комитет в принятой через день резолюции (которую написал В. И. Ленин) осудил этот лозунг как авантюристический и разъяснил, что смещение Временного правительства может последовать лишь после ясно выраженной воли большинства народа пойти на такой шаг.

На следующий день движение протеста, вызванное нотой Миллюкова, усилилось. Выступления этого дня В. И. Ленин характеризовал как «...взрыв революции и контрреволюции вместе», как «...резкое, иногда почти внезапное «вымывание» средних элементов, в связи с бурным обнаружением пролетарских и буржуазных»¹. «Средние» по своему классовому положению элементы — солдаты — не вышли на улицу, так как Исполком Петроградского Совета предписал частям гарнизона не устраивать выступлений без призыва Совета.

Демонстрацию 21 апреля начали рабочие Выборгской стороны. Во время обеденного перерыва после митингов, на которых выступили ораторы-большевики, выборжцы решили устроить общерайонную демонстрацию под лозунгом «Вся власть Советам!». Такое решение было принято в ответ на резолюцию Центрального Комитета РСДРП(б) от 20 апреля, содержащую призыв к проведению мирной, организованной демонстрации в поддержку требования о переходе власти к Советам. Передовая колонна составила из рабочих заводов Пузырева, «Струк» и «Экваль». Был изготовлен общий для всех трех заводов плакат с надписью: «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!» Колонна, насчитывавшая до тысячи человек, двинулась к центру. Во главе ее шла рабочая милиция с винтовками: оружие было взято для защиты

знамен. Около Казанского собора демонстрантам преградила путь толпа офицеров, юнкеров, студентов, воспитанников кадетского корпуса. У них был плакат: «Да здравствует Временное правительство!» Здесь и произошло первое после Февральской революции вооруженное столкновение.

Нападающей стороной были спровоцированные кадетами черносотенные элементы, открывшие беспорядочную стрельбу по демонстрации. Но благодаря выдержке и дисциплинированности рабочих провокация не удалась. После короткой заминки, вызванной стрельбой провокаторов, рабочие колонны продолжали шествие.

Вскоре на Невском проспекте появилась еще одна колонна демонстрантов Выборгского района. Это были рабочие заводов «Парапайнен», Барановского и ряда других. И снова провокаторы попытались совершить вооруженное нападение.

Около шести часов вечера на Невский пришли демонстранты Петроградского и Московско-Заставского районов — рабочие Путиловского завода, завода «Треугольник» и других. Во главе колонны шел сводный вооруженный отряд Красной гвардии. Демонстранты несли плакаты с требованием передать власть Советам. К ним вскоре присоединились рабочие Коломенского и Выборгского районов. Демонстранты направились на Петроградскую сторону, к помещению ЦК и Петроградского комитета большевиков.

На Невском их враждебно встретила буржуазная публика. Когда основная часть колонны уже свернула на Садовую улицу, толпа напала на оставших, раздались выстрелы. Точно такое же нападение и на том же самом месте совершили контрреволюционные элементы и на организованную большевиками мирную демонстрацию рабочих Петроградского и Второго городского районов. Нападению подверглись также демонстрации Рождественского и Первого городского районов. И во всех случаях самообладание и выдержка рабочих сорвали планы провокаторов, которые надеялись вызвать пролетариат на ответные вооруженные действия и затем выдать эти действия за доказательство агрессивности демонстрантов.

Наряду с колоннами рабочих Невский проспект и другие центральные улицы и площади Петрограда заполнили буржуазные манифе-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 430.

станты. По Невскому двигались автомобили, украшенные плакатами: «Доверие Временному правительству!», «Арестовать Ленина!», «Да здравствует Миллюков!» и т. п. С автомобилей сыпались листовки, во время остановок сидевшие в них ораторы выступали с речами.

Контрреволюция хотела военной расправы с рабочими и солдатами. Командующий Петроградским военным округом генерал Л. Г. Корнилов сразу же после провокационного нападения на демонстрацию Выборгского района приказал направить на Дворцовую площадь две артиллерийские батареи. Однако солдаты отказались выполнить это распоряжение командующего.

По выражению В. И. Ленина, «...страна была на волосок от гражданской войны»¹. Реальная сила была не у буржуазии, а у рабочих и солдат. Стремительно разрастающийся кризис снова выдвигал перед Петроградским Советом вопрос о власти. В условиях, когда рабочие требовали передачи всей власти Советам, а солдаты были готовы поддержать действия Совета силой оружия, Петроградский Совет вполне мог взять в свои руки власть. Иначе говоря, пути разрешения кризиса власти целиком зависели от меньшевиков и эсеров, имевших большинство в Совете. Ходом событий они были вынуждены решить этот вопрос. Каково же было это решение?

В Петроградском Совете нота Миллюкова обсуждалась почти непрерывно. Начиная с вечера 19 апреля, поочередно заседали пленум, Исполком и Бюро Исполкома Совета. Меньшевистские и эсеровские ораторы произносили грозные речи, обличавшие захватнические намерения министра иностранных дел, но в то же время решительно возражали против предложения большевиков о передаче власти Советам, они стремились лишь к достижению «приемлемого для обеих сторон» соглашения с Временным правительством. Такое соглашение было достигнуто на совещании министров с лидерами Совета в Мариинском дворце вечером 20 апреля. Было решено, что правительство даст разъяснение, но а Петроградский Совет призовет массы к оказанию поддержки правительству на прежних основаниях. 21 апреля пленум Петроградского Совета выразил удовлетворение правительственным разъяснением ноты, в котором она чисто словесно объявлялась не имеющей захватнического характера, и признал «инцидент исчерпанным».

Вопрос о власти

Непосредственно после событий 20—21 апреля центральным вопросом, вокруг которого разгорелись бурные страсти, стал вопрос о власти. Речь шла о коалиции в правительстве представителей мелкобуржуазных партий с лидерами крупной буржуазии. Вопрос этот порожден разногласия в среде меньшевиков и эсеров.

Но уже 22 апреля меньшевистская фракция Петроградского Совета значительным большинством голосов высказалась за пополнение состава Временного правительства представителями Совета.

Среди эсеров сторонниками коалиции выступали центр и правое крыло партии, Левое крыло партии решительно высказалось против коалиции, настаивая на создании правительства Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Определенные уроки из опыта апрельского кризиса извлекла буржуазия. Кадетская партия как ее главная политическая сила, ободренная обнаружившейся готовностью эсеро-меньшевистских вождей делать уступки правительству, взяла более решительный курс на ликвидацию двоевластия в пользу буржуазии. На передний край она выдвинула временный комитет Государственной думы, где тон задавали лидеры партии октябристов и националистов, за спиной которых и действовали кадеты.

27 апреля состоялось торжественное собрание, посвященное одиннадцатой годовщине созыва I Государственной думы. На нем присутствовали депутаты всех созывов и все министры Временного правительства. Собрание было использовано правыми группировками для мобилизации сил на основе контрреволюционной программы — война до полной победы над Германией, единовластие Временного правительства и устранение всякого вмешательства в его деятельность со стороны Советов, ликвидация «анархии» в армии, давление крестьянского и рабочего движения, беспощадная борьба с большевизмом. В таком духе выступили бывший председатель Государственной думы октябрист М. В. Родзянко, лидер националистов-прогрессистов В. В. Шульгин и другие. Это были первые шаги по выработке контрреволюционной платформы, сплотившись вокруг которой блок

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 49.

правых сил подготовил позднее корниловский мятеж.

Общность целей буржуазных политиков не исключала, однако, тактических разногласий между ними. Партии, стоящие правее кадетов, и часть руководства кадетской партии были за жесткий курс, исключающий какое-либо сотрудничество с Советами и эсеро-меньшевистским блоком, за политику насильственного подавления революционного движения. Во Временном правительстве сторонниками этого курса были П. Н. Милуков и А. И. Гучков. Другая часть кадетского руководства склонялась к более умеренной политике, рассчитанной на временный блок с меньшевиками и эсерами и даже на приглашение их в правительство. Более трезво и реалистически оценивая обстановку, сторонники «умеренного курса» учитывали, что апрельский кризис создал такое положение в стране, которое сделало невозможным для буржуазии проведение контрреволюционной внутренней и империалистической внешней политики при помощи правительства, состоявшего, если не считать «социалиста» Керенского, из прямых ставленников буржуазии и помещиков. В результате апрельских событий это правительство в глазах масс оказалось скомпрометированным. Буржуазия не могла уже держаться у власти и проводить свою политику, не укрепив положения Временного правительства путем включения в него представителей Советов.

Так буржуазией в лице ее наиболее реалистически мыслящих политиков была выдвинута идея создания коалиционного правительства. «Революция, — писал В. И. Ленин, — учит все классы с быстротой и основательностью, невиданными в обычное, мирное время. Капиталисты, наилучше организованные, наиболее опытные в делах классовой борьбы и политики, научились быстрее других. Видя, что положение правительства неудержимо, они прибегли к приему, который в течение целого ряда десятилетий после 1848 года практиковался капиталистами других стран для одурачения, разделения и обессилиения рабочих. Этот прием — так называемое «коалиционное», то есть соединенное, составленное из буржуазии и «леребечников социализма, общее министерство... «социалистические» вожди, входя в министерство буржуазии, неизменно оказывались подставными фигурами, куклами, ширмой для капиталистов, оружием обмана рабочих. «...Демократические и республиканские» капиталисты России пустили в ход этот самый прием»¹.

Непримиримую позицию по отношению к коалиционному правительству заняли большевики. «Всякий, кто войдет в министерство, ведущее империалистическую войну... станет соучастником империалистической политики капиталистов»² — гласила резолюция VII Всероссийской конференции РСДРП(б), состоявшейся 28 апреля.

Наиболее передовые слои рабочих поддержали решения большевиков, но большая часть рабочих и солдат, наивно поверивших, что с образованием коалиционного правительства осуществятся их чаяния, поддержала идею создания коалиционного кабинета.

26 апреля в газетах было опубликовано обращение Временного правительства к населению, в котором говорилось о необходимости пополнения состава правительства «представителями тех активных творческих сил страны, которые доселе не принимали прямого и непосредственного участия в управлении государством». В тот же день министр-председатель Г. Е. Львов направил письма председателю Петроградского Совета Н. С. Чхеидзе и председателю Государственной думы М. В. Родзянко, в которых сообщалось о намерении правительства включить в свой состав представителей Петроградского Совета.

Официальное предложение Временного правительства о создании коалиционного кабинета перенесло этот вопрос из области дискуссий в область принятия практических решений. Перед эсеро-меньшевистским блоком возникла дилемма — либо согласиться на сделанное предложение и тем самым отказаться от своих установок относительно неучастия в буржуазном правительстве, либо отвергнуть его, признав таким образом необходимость перехода власти к Советам. Третьего пути не было, так как те неустойчивые взаимоотношения, которые связывали Временное правительство с Петроградским Советом до апрельского кризиса, зашли в тупик.

Сначала в эсеро-меньшевистской среде мнения опять разделились. Часть блока была склонна послать представителей Петроградского Совета в правительство.

Положение изменилось после нового маневра Временного правительства, имевшего

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 63.

² Седьмая (апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б), Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Апрель 1917 г. Протоколы, М., 1958, стр. 250—251.

целью оказать нажим на упорствующих членов Исполкома Петроградского Совета. 30 апреля военный и морской министр А. И. Гучков направил письмо правительству с просьбой об отставке. Отставка Гучкова вызывалась его несогласием с идеей создания коалиционного кабинета, а также явилась следствием давления на него сторонников более гибкого курса, которым открыто реакционная позиция военного и морского министра мешала проводить такой курс. Отставка была использована Временным правительством для демарша перед Петроградским Советом, рассчитанным на запугивание руководства Совета перспективой ухода других министров. В правительственном заявлении по поводу ухода Гучкова весьма прозрачно намекалось на это и вновь ставился вопрос о привлечении в состав кабинета представителей Петроградского Совета.

Расчет Временного правительства оправдался. Соглашательский блок, боявшийся разрыва с буржуазией, дал согласие на вступление своих представителей в правительство. Решение об этом было принято 1 мая на заседании Исполнительного комитета Петроградского Совета. Сторонники коалиции выработали и проект, который должен был лечь в основу соглашения Исполкома с правительством. В области внешней политики условия предусматривали «деятельную внешнюю политику», открыто ставящую своей целью скорейшее достижение всеобщего мира без аннексий и контрибуций. Мероприятия, намеченные в области внутренней политики, предусматривали демократизацию армии, борьбу с хозяйственной разрухой, «всестороннюю защиту труда», укрепление демократического самоуправления, скорейший созыв Учредительного собрания и т. д. Эти условия с незначительными поправками были приняты Исполкомом, вслед за чем была избрана комиссия, которой поручалось вести переговоры с правительством на основе указанных условий.

Только члены Исполкома — большевики вместе с некоторыми левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами выступили против затеянного эсеро-меньшевистским большинством сговора с буржуазией, внося по этому поводу специальное заявление.

2 мая вопрос о коалиции обсуждался на общем собрании членов Петроградского Совета. Большинство голосов была принята резолюция, одобрявшая в принципе вступление членов Исполкома в состав правительства. После этого начались прямые переговоры Исполкома с Временным правительством.

Первое совместное заседание состоялось 2 мая. Ознакомившись с условиями, выработанными Исполкомом, правительство признало их в целом приемлемыми. Затем оно выставило встречное требование о предоставлении ему полноты власти в армии и полномочий по борьбе с «анархией». В конечном итоге обе стороны договорились, что правительство направит в Совет текст декларации с изложением основных задач своей деятельности.

3 мая Исполком получил официальное извещение правительства о его согласии на создание коалиционного министерства на основе программы, выработанной эсерами и меньшевиками, и проект декларации. Комиссия, выделенная для переговоров, обсудила ее и внесла некоторые поправки. Затем члены комиссии отправились в Мариинский дворец для нового совещания с правительством. К 3 часам ночи была достигнута договоренность по вопросу о персональном распределении министерских портфелей. Пост министра земледелия должен был занять лидер эсеров центра В. М. Чернов, министром труда становился меньшевик М. И. Скобелев, военным и морским — эсер А. Ф. Керенский, министром иностранных дел — формально беспартийный, но близкий к кадетам — М. И. Терещенко. Миллюковым, который после своей ноты стал ненавистен народу, кадетам пришлось пожертвовать, хотя в начале переговоров они настаивали на оставлении его министром иностранных дел или предоставлении ему другого министерского поста. Главой правительства по-прежнему оставался князь Г. Е. Львов.

6 мая в газетах была опубликована декларация «обновленного» правительства, после чего коалиция капиталистов с «перебежчиками социализма» стала совершившимся фактом.

Создание коалиционного правительства не изменило и не могло изменить ни классовой природы, ни политики Временного правительства, продолжавшего вести страну по пути войны, разрухи, голода, прямой дорожки к неминуемой национальной катастрофе. «Коалиционное министерство, — писал В. И. Ленин, — означает такой «опыт», который всему народу поможет с особенной быстротой изжить иллюзии мелкобуржуазного соглашательства с капиталистами»¹.

Путь к спасению страны лежал через социалистическую революцию.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 31.



Броневик на одной из улиц Петрограда. Июнь 1917 года.

О. Н. Знаменский

Революция на переломе

Будни города

Шел третий месяц революции. Петроград жил бурной политической жизнью. Стены домов, еще недавно обремененные одними рекламными вывесками торгово-промышленных и прочих заведений, теперь пестрели плакатами, листовками, воззваниями политических партий и организаций. Нижняя часть фасада иного дома, находившегося на бойком месте, сплошь заклеивалась печатными, машинописными, а то и рукописными агитками. Листовки и объявления виднелись также на заборах, столбах и тумбах и даже на статуях и памятниках. На Невском проспекте и в гу-

стонаселенных рабочих кварталах развертывали свою деятельность распространители политической литературы. Брошюры и книжки, изданные с многочисленными следами спешки, раскладывались на табуретке, в какой-нибудь стенной нише или просто на панели. В книжках и у мальчишек-разносчиков был большой выбор газет различных направлений.

Газетные и настенные объявления извещали о громадном количестве съездов, конференций, собраний, совещаний, заседаний, лекций, докладов, митингов и, наконец, о популярных в то время митингах-концертах, в ходе которых речи ораторов перемежались или завершались выступлениями самодетельных хоров и оркестров, сольными номерами профессиональных артистов, чтением стихов. Заранее объявленные и подготовленные собрания дополнялись бесчисленным, стихийно возникавшим уличным митингованием. «Улицы, — писала в своих воспоминаниях Н. К. Крупская, — тогда представляли интересное зрелище: везде собирались кучками, шли горячие споры о текущем моменте, о всех событиях. Подойдешь к толпе и слушаешь. Раз я с Широкой до дома Кшесинской три часа шла, так заняты были эти уличные митингования. Против нашего дома был какой-то двор, вот открылось ночью окно и слушаешь горячие споры. Сидит солдат, около него постоянно кто-нибудь — кухарки, горничные соседних домов, какая-то молодежь. В час ночи доносятся отдельные слова: большевики, меньшевики... в 3 часа: Милюков, большевики... в 5 часов — все то же, политика, митингование. Белые ночи питерские теперь у меня всегда связываются в воспоминании с этими ночными митингованиями»¹.

Нередки были и всевозможные уличные шествия. На Невском проспекте едва ли не ежедневно появлялись большие и малые колонны людей с флагами и плакатами. Делегаты какой-нибудь конференции, направлявшиеся на Марсово поле к могилам жертв Февральской революции (там еще продолжались работы по приведению могил в надлежащий порядок); манифестация «Лиги равноправия женщин» с плакатом: «Без участия женщин выборы в Учредительное собрание не будут всеобщими»; шествие учителей и учащихся с красным полотнищем: «Да здравствует свободная Россия! До 16-ти лет — бесплатное обучение!»; демонстрация инвалидов войны и вдов-солдаток, требующих повышения пенсий; пестрая, беспорядочная толпа анархистов под черным знаменем — кто только не спешил заявить о себе и своих

требованиях! «Россия сейчас кипит. Миллионы и десятки миллионов, политически спавшие десять лет, политически забытые ужасным гнетом царизма и каторжной работой на помещиков и фабрикантов, проснулись и потянулись к политике»² — эти слова В. И. Ленина еще и еще раз иллюстрировались сценами уличной жизни весеннего Петрограда.

Конечно, не одной только политикой наполнены были будни города. Нужно было позаботиться о заработке на питание и одежду, где-то раздобыть продукты и пр. И уже уличные наблюдения давали достаточно материала для выводов о нарастающей дезорганизации экономики, о нищете и митарствах трудящихся, об острой нехватке продуктов первой необходимости. Подойдя к очереди, состоящей из усталых и плохо одетых женщин, можно было узнать, что для того, чтобы выкупить полагающиеся на каждую карточку $\frac{3}{4}$ фунта скверного по качеству хлеба, некоторые простояли у дверей магазина с полуночи или даже со вчерашнего вечера. А вот и другой «хвост» — у магазина обуви «Товарищества «Скорход». Здесь также заняли очередь накануне вечером, а сейчас в ожидании открытия магазина одни дремлют, устроив ложе прямо на панели, другие сидят завтракают, третьи хмуро стоят, прислонившись к стене. Очереди за хлебом и обувью, пожалуй, были наиболее хроническими — они являлись наследством дофевральского периода. Теперь, весной 1917 года, количество очередей еще более возросло. Появилась, например, такая «новинка», как длиннейшие «банные хвосты». Почему? Оказывается, бановладельцы, ссылаясь на нехватку и вздорожание топлива, закрыли ряд бань и сократили часы работы оставшихся. Из дальнейших расспросов выяснилось бы, что норма выдачи круп в мае вынуждалась с трех до двух фунтов в месяц на человека; что говядины нынче почти не бывает; что очень трудно, по существу невозможно, доставать молоко для детей; что сахар к чаю чаще всего приходится употреблять «вприглядку»; что все цены безудержно растут и что этот рост с лихвой перекрывает кое-какие прибавки к зарплате, вырванные у капиталистов.

¹ Н. К. Крупская, Воспоминания о Ленине. М., 1957, стр. 284.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

Одним из признаков нарастающего развала экономики было невиданное ранее развитие спекуляции и мешочничества. В то время как подлинные хозяева рыночной стихии действовали скрытно, за кулисами, мелкие спекулянты и мешочники, некоторые из которых, видимо, сами едва сводили концы с концами, буквально заполняли улицы Петрограда. Пройдя по Невскому хотя бы один квартал, можно было встретить продавца с внешностью провинциального «сидельца», разложившего перед собой горку «консервов» (многие банки оказывались наполненными какой-то вонючей жидкостью); обладателя ведерка с икрой подозрительного вида (икру разрезалось попробовать лунчиком, которая после этого вновь водружалась в содержимое ведерка); торговку квасом, налитым в четвертную бутылку (про квас покупатели сложили приговорку: «Квас кипяченый, заварной, сырой водой разбавленный; один пьет — семерых рвет...»); продавца папирос и спичек, разложенных на стуле; китайца или китайку, торгующих мылом, помадой и бумажными изделиями в виде вееров, цветов и фонариков; торговца полотенцами и накидками, развешанными на плече владельца; наконец, непременно нескольких торговков семечками. Все продавалось, как правило, втридорога. При этом ущерб нанесли не только карману трудящихся, но и их здоровью — в газетах писали о росте желудочно-кишечных заболеваний на почве антисанитарии.

Старая Петроградская городская дума никогда не проявляла сколько-нибудь заметной заботы о благоустройстве рабочих кварталов. Война увеличила запущенность городского хозяйства. После победы Февральской революции создание новых бессловесных органов городского хозяйственного самоуправления (районные думы и новая Центральная городская дума) затягивалось. Да и не похоже было, чтобы эти органы, создаваемые при преобладающем участии эсеров, меньшевиков и кадетов, могли существенно изменить положение. Что касается районных и Петроградского Советов, то их деятельность в то время по необходимости сосредоточивалась почти исключительно на решении организационно-политических вопросов.

Но каковы бы ни были причины, факты, легко обнаруживаемые при первом же посещении рабочих кварталов и особенно городских окраин, были таковы: множество давно не отремонтированных домов, полуразбитые мостовые и тротуары, скученность населения, ненадежность системы водоснабжения, отсутст-

вие контроля за регулярной вывозкой мусора и нечистот и т. п. В центральной части города признаки неблагоустройства, неразрывно связанные с нищетой, конечно, отсутствовали. Однако всюду тротуары и скверы были усыяны обрывками бумага, окурками, шелухой семечек и пр.

Упомянем еще об одном явлении, обычном для города-гиганта (население Петрограда составляло около 2,5 млн. человек) в обстановке неопределенно-переходного состояния государственной власти, резкого обострения социальных конфликтов и дезорганизации экономики, — об оживлении деклассированных и уголовных элементов. Петроградские газеты сообщали о частых случаях загадочных убийств и дерзких ограблений, о попытках разгрома винных складов и «ренсковых» погребов, о многочисленных притонах разврата и тайной торговли «ханжой» (вид самогонки) на набережной Обводного канала и Лиговской улице. Да, даже невооруженным глазом можно было заметить груды не решенных и не решаемых Временным правительством задач.

Между тем в Петрограде и во всей стране разрывались процессы, значительная часть которых, подобно основной массе плавающего в океане айсберга, была недоступна обозрению с поверхности. Суть этих глубинных процессов заключалась в обострении классовых противоречий, в дальнейшей революционизации масс и одновременно в начале широкой мобилизации сил буржуазной контрреволюции.

Революция и контрреволюция

Одним из наиболее знаменательных признаков роста революционных настроений был спад «революционного оборончества», широко распространенного в марте — апреле 1917 года. Выход из состава Временного правительства таких наиболее дискредитировавших себя министров, как П. Н. Милюков и А. И. Гучков, создание коалиционного правительства, казалось бы, должны были притупить бдительность народа. При этом особые надежды лагеря контрреволюции связывались с назначением А. Ф. Керенского на пост военного министра.

И действительно, новоиспеченный министр развил необычайно бурную деятельность. Его рыжий френч и желтые гетры весь май мелькали перед глазами солдат петроградского гарнизона и Северного фронта. Принимая наполеоновские позы, следя за тем, чтобы в голосе слышался «лязг железа», Керенский произнес несколько десятков речей, в которых

требовал от солдат безусловного доверия к Временному правительству и прежде всего к своей собственной персоне. Между тем митинги солдат все чаще принимали резолюции с протестом против участия в войне, против мер правительства, направленных на увеличение дисциплинарных прав и власти контрреволюционного офицерства. Сильнейший удар по личному авторитету Керенского нанесла подписанная им же в середине мая «Декларация прав солдата», один из пунктов которой разрешал начальникам в боевой обстановке применять против неповинующихся солдат силу оружия, а другой пункт исключал возможность вмешательства солдатских комитетов в назначение и смещение начальников всех степеней.

Важнейшим свидетельством роста политической сознательности народа была все более широкая поддержка им лозунга «Вся власть Советам!».

Все шире росло рабочее движение, особенно борьба за осуществление рабочего контроля. От наблюдения за наймом и увольнением рабочих, за соблюдением 8-часового рабочего дня фабрично-заводские комитеты стали переходить к контролю за производством. Развитию рабочего движения много способствовала конференция фабзавкомов Петрограда (30 мая — 3 июня 1917 г.), которая приняла написанную В. И. Лениным «Резолюцию об экономических мерах борьбы с разрухой», связывавшую вопрос о рабочем контроле с вопросом о переходе всей государственной власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства.

Уроки жизни, практика борьбы помогали массам все яснее осознавать, что выразителем их интересов является партия большевиков. Наиболее быстрыми темпами шла большевизация рабочих. Но и в воинских частях солдаты все внимательнее прислушивались к голосу большевиков. Уже были такие полки (как, например, 1-й пулеметный полк в Петрограде), солдаты которых желали слушать только большевистских ораторов и читать только большевистские газеты.

Настроение, преобладавшее среди представителей так называемого «высшего общества» (буржуазия, верхний слой чиновничества и пр.), осведомленные наблюдатели определяли так: «тоска по городовому» и «жажда палки». На программные требования и тактику ведущей силы лагеря контрреволюции — партии кадетов — решающее влияние в конечном счете оказывала та же «тоска по городовому». Временное правительство и командные вер-



Большевистский плакат на выборах в районные думы Петрограда. Май 1917 года.

хи армии предпринимали большие усилия для создания себе вооруженной опоры в виде специальных воинских формирований. Ими стали батальоны «Добровольческой армии ударников», набравшиеся в основном из «волонтеров тыла» (практически это была буржуазная молодежь и деклассированные элементы), а также так называемые «части смерти», главным источником пополнения которых были отсталые, оборончески настроенные слои солдат. «Ударники» и «смертники» получили «устрашающие» знаки отличия: первые — эмблему в виде «адамовой головы» (черепа) со скрещенными костями на погонах, вторые — эмблему в виде «адамовой головы» с лавровым венком и скрещенными мечами



Ударный женский батальон перед отправкой на фронт.

на фуражке и красно-черный шеврон на рукаве. Любопытно, что одновременное создание двух воинских формирований породило большую путаницу даже среди командного состава. Верховный главнокомандующий генерал Брусилов вынужден был издавать особые приказы, разъясняющие разницу между «ударниками» и «смертниками». Впрочем, формирование контрреволюционных вооруженных сил шло медленно.

Особое значение контрреволюционные силы придавали активизации боевых действий на фронте. Однако всем были памяты апрельские дни, когда нота Милюкова, содержащая обещание довести войну «до решительной

победы», вызвала взрыв возмущения народа. Впредь буржуазные министры не отважились выступать с «милюковскими» заявлениями. Поэтому запуском пропагандистских шаров занялись министры-социалисты и эсеро-меньшевистские лидеры Петроградского Совета. 6 мая Петроградский Совет обнародовал воззвание к армии, которое внушало солдатам: «Поклявшись защищать русскую свободу, не отказывайтесь от наступательных действий, которых может потребовать боевая обстановка»¹.

¹ «Голос солдата» № 2, 6 мая 1917 г.



Заседание Совета рабочих и солдатских депутатов в здании бывшей Государственной думы.

Агитацию за наступление на фронте, разумеется, широко развернули буржуазные газеты. Свою лепту в пропагандистскую кампанию поспешило внести и духовенство. 21 и 28 мая по инициативе архиепископа Вениамина в Петрограде были организованы крестные ходы, завершавшиеся молебнами в Исаакиевском соборе «о даровании победы нашему воинству над внешними врагами и об утолении и прекращении вражды и настроений внутренних».

Какие только пропагандистские трюки не были пущены в ход! В конце мая любопытство публики привлекла необычная на вид женщина. Уже не молодая, с грубоватыми черта-

ми лица, одетая в мешковато сидевшую на ней военную форму, с Георгиевским крестом и медалями на гимнастерке, она стала часто появляться на центральных улицах Петрограда. Выяснилось, что имя женщины — Мария Бочкарева, что она — бывшая томская крестьянка, добровольно отправившаяся на фронт после гибели мужа в 1915 году. Вскоре эта обманутая лживой пропагандой «патриотка» заявила о намерении возглавить добровольческую роту женщин, желающих «послужить примером для мужчин». Рота, названная «Женским батальоном смерти» и шумно разрекламированная буржуазной прессой, была создана в июне 1917 года.

Почему же силы контрреволюции придавали такое значение наступательным операциям на фронте? Не следует, конечно, сбрасывать со счета захватнические замыслы российской империалистической буржуазии. Но на первом месте стояли внутриполитические проблемы, планы разгрома революционного движения. Расчет буржуазии был таков: успех наступления (на что мало кто надеялся ввиду материально-технической и морально-политической неподготовленности армии) может ослабить эффект антивоенной агитации большевиков, укрепить положение Временного правительства и командных верхов армии; провал наступления даст возможность, спекулируя на угрозе полной военной катастрофы, установить в стране «сильную власть», перейти к массовым репрессиям против революционных рабочих, солдат и крестьян, против партии большевиков.

Углубление и обострение противоречий между лагерями революции и контрреволюции подготовило почву для нового политического кризиса.

Снова кризис

«В течение последних трех недель в самых широких кругах петербургских рабочих и солдат назревало движение протеста, искавшее себе определенных форм выражения, — сообщало ЦК РСДРП(б) 11 июня 1917 года.

Особенно сильным возбуждением были охвачены солдаты Павловского, 1-го пехотного, Гренадерского и некоторых других полков Петроградского гарнизона.

Большим политическим событием стало открытие 3 июня I Всероссийского съезда Советов. Его созыв породил среди рабочих и солдат надежды на возможность приблизить решение волновавших их вопросов. Однако их ожидания были напрасны. В резолюции, принятой съездом 8 июня, содержался призыв к «энергичной поддержке» Временного правительства, направление политики которого признавалось «отвечающим интересам революции».

6 июня состоялось объединенное заседание ЦК РСДРП(б), Военной организации большевиков и Исполнительной комиссии ПК РСДРП(б). Вопрос о демонстрации вновь вызвал оживленные прения. Часть участников совещания отрицательно отнеслась к идее проведения демонстрации, полагая, что среди рабочих нет достаточного подъема и что в отличие от солдат они не выступят. В. И. Ленин

решительно выступил за демонстрацию, техническую сторону подготовки которой предложил обсудить 8 июня, использовав оставшиеся до этого срока дни для дополнительной «разведки» настроения масс. Мнение В. И. Ленина было поддержано В. Володарским, Н. И. Подвойским, Я. М. Свердловым, И. В. Сталиным и в конце концов получило одобрение со стороны большинства участников совещания.

7 июня министр юстиции трудовик П. Н. Перверзев, угрожая не остановиться перед применением силы, распорядился выселить с дачи бывшего царского сановника П. П. Дурново организации, которые разместились там явочным порядком после победы Февральской революции. Это распоряжение, отданное в угоду сановным собственникам, непосредственно затронуло права и интересы рабочих, так как в помещении дачи, помимо Петроградской Федерации анархистов-коммунистов¹, располагались комиссариат милиции 1-го Выборгского подрайона, профсоюз булочников и другие организации. Сад дачи после революции стал местом отдыха для рабочих семей. В результате инцидент с дачей Дурново, сам по себе не столь значительный, послужил последним внешним толчком, благодаря которому возмущение рабочих политикой Временного правительства прорвалось наружу.

Срок выселения с дачи Дурново, назначенный министром юстиции, истекал в 4 часа дня 8 июня. Но уже 7 июня на Выборгской стороне в знак протеста забастовали рабочие четырех заводов. В Исполкоме Петроградского Совета, куда направилась делегация рабочих, ясного ответа получено не было. Все это дало повод анархистам развернуть на заводах агитацию за выступление на улицы и вооруженный отпор попыткам выселения. Утром 8 июня количество бастующих на Выборгской стороне достигло 20 тысяч. Группы рабочих трех заводов (Металлического, Розенкранца и «Феникса») вышли на демонстрацию. Около полудня на Полустровской набережной у решетчатой ограды дачи Дурново и в саду собралась довольно многочисленная и пестрая по составу толпа. Среди большей части находившихся здесь рабочих сочувствия призывам анархистов не наблюдалось. Всего три дня назв,

¹ Федерация, в составе которой насчитывалось около 500 членов, оказывала некоторое влияние на рабочих отдельных заводов и часть солдат 1-го пулеметного полка.

когда отряд анархистов силой захватил помещение типографии на Ивановской улице, все выразили возмущение действиями беспринципных экспроприаторов. И теперь, 8 июня, большинство явившихся к даче Дурново рабочих намеревалось защищать свои, рабочие, организации. Но опасность заключалась в том, что возбужденным, готовым к действиям людям невольно импонировали наиболее «радикальные» призывы.

Тот, кто заходил в сад и во двор дачи Дурново, мог наблюдать, как по замусоренным дорожкам сада беспорядочно двигались группы людей. Некоторые из них были вооружены. Однако было видно, что здесь находилось немало просто любопытствующей публики. Среди нее ходили анархисты, которые уговаривали всех присутствующих не признавать ни Временного правительства, ни Советов, выходить с оружием в руках на улицы Петрограда. Один из таких агитаторов выкрикивал призывы, стоя на перекладине, укрепленной между стволами двух деревьев. У стены дачи стояли черные знамена с надписями: «Смерть врагам народа!», «Да здравствует социальная республика!» и пр. В вестибюле и так называемой «красной комнате» дачи царил а сутолока. Говорили, что анархисты пытаются созвать совещание представителей заводов и воинских частей для избрания на нем общегородского центра движения.

Получив донесение о событиях на даче Дурново, начальник Управления городской милиции Д. А. Крыжановский поспешил направить своего заместителя в Исполком Петроградского Совета с просьбой выделить представителей «для воздействия на толпу». Наскоро посоветовавшись с членами президиума I съезда Советов, эсеро-меньшевистские лидеры Исполкома связались с министром юстиции и стали уговаривать его как-то сгладить впечатление от грубого и неумного приказа о выселении. Переверзев в конце концов сдался, что позволило Исполкому Петроградского Совета и президиуму съезда составить воззвание к рабочим Выборгского района. Суть воззвания сводилась к тому, что события на даче Дурново являются-де плодом недоразумения, так как приказ министра юстиции о выселении направлен был только против анархистов. Вслед за тем Переверзев сделал официальное заявление о своей «неосведомленности» относительно нахождения на даче Дурново рабочих организаций. С этими-то малоубедительными объяснениями и отправился на Полюстровскую набережную члены Исполкома Петроградского Совета В. А. Анисимов и

А. Р. Гоц. Но ожидаемой разрядки напряженности не наступило — слишком глубоки и многообразны были причины стихийного возмущения масс.

Вечером 8 июня под руководством В. И. Ленина состоялось совещание членов ЦК и ПК РСДРП(б) с представителями районных комитетов партии, фабзавкомов, профсоюзов и воинских частей. «Присутствовало около 150 человек, — говорилось в сообщении ЦК, опубликованном «Правдой» 11 июня. — Каждый из представителей давал краткий отчет о настроении рабочих и солдат. Выяснилась картина нарастающего движения, охватывающего очень большие круги рабочих и солдат, — гораздо более широкие круги, чем только большевистские». Значительное большинство собравшихся на совещание поддержало мнение В. И. Ленина — подготовить и провести 10 июня мирную демонстрацию рабочих и солдат с целью выявить волю революционных масс и оказать политическое давление на I Всероссийский съезд Советов. Тотчас после совещания состоялось заседание ЦК РСДРП(б), которое единогласно одобрило назначение мирной демонстрации на 10 июня. Решение о демонстрации было поддержано Центральным Советом фабзавкомов и некоторыми профсоюзами.

В воззвании «Ко всем трудящимся, ко всем рабочим и солдатам Петрограда», отпечатанном 9 июня отдельной листовкой и отправленном в редакции «Правды» и «Солдатской правды», большевики призывали массы выйти на демонстрацию под лозунгами: «Вся власть Советам!», «Пора кончить войну! Пусть Совет депутатов объявляет справедливые условия мира!», «Хлеба! Мира! Свободы!» и др. Газеты должны были опубликовать это воззвание 10 июня.

С утра 9 июня комиссия, созданная Центральным Комитетом партии большевиков для практического руководства всей подготовительной работой, приступила к своим обязанностям. До вечера все шло гладко. Заводские и полковые комитеты сообщали о весьма положительном отношении к демонстрации со стороны подавляющего большинства рабочих и солдат революционных полков. Но затем события приняли неожиданный оборот.

В одиннадцатом часу вечера на заседании I Всероссийского съезда Советов (обсуждался вопрос об отношении к войне) слово для внеочередного заявления получил Н. С. Чхеидзе. Тоном гоголевского городничего, извещающего чиновников о приезде ревизора, он сказал, что, по имеющимся у президиума «точ-

ным сведениям», 10 июня в Петрограде «предполагаются большие демонстрации» и что, «если не будут приняты соответствующие меры вами, съездом, завтрашний день может быть роковым»¹. Далее Чхеидзе попросил созвать всех делегатов, прогуливавшихся в коридорах, и приготовиться «засесть целую ночь». В зале поднялся шум. Под недоуменные возгласы делегатов председательствовавший в тот момент на заседании меньшевик Л. М. Хинчук объявил получасовой перерыв.

Что же произошло? Еще около семи часов вечера президиум съезда Советов и Бюро Исполкома Петроградского Совета занялись вопросом о назначенной большевиками демонстрации. Переполошившиеся эсеро-меньшевистские лидеры заявили представителям ЦК большевиков, что имеются сведения о наличии контрреволюционного заговора при участии монархических элементов и старшины дипломатического корпуса английского посла Дж. Бьюкенена, что заговорщики намерены опереться на какие-то находящиеся под Петроградом казачьи отряды и что назначенная большевиками демонстрация, возможно, будет использована заговорщиками как повод для выступления. Большевики отнеслись к полученной информации спокойно и серьезно, обещав обсудить сложившееся положение на заседании ЦК.

Собрать на заседание всех членов ЦК не удалось, и в девятом часу вечера состоялось узкое по составу совещание представителей ЦК, ПК и Военной организации большевиков, решившее провести демонстрацию. Однако эсеро-меньшевистское руководство Исполкома Петроградского Совета продолжало упорно настаивать на своем. Тогда представители большевиков изъявили готовность вновь рассмотреть вопрос о демонстрации на более широком партийном совещании и дать окончательный ответ в течение часа. Но вскоре члены президиума съезда Советов, не пожелав дожидаться ответа большевиков, решили перенести обсуждение на съезд. Таковы были обстоятельства, предшествовавшие появлению Чхеидзе на трибуне I съезда Советов.

После объявленного председателем получасового перерыва перед делегатами съезда от имени президиума выступил меньшевик Е. П. Гегечкори. В его речи предшествующие события были изложены и истолкованы в высшей степени странно. Гегечкори патетически заявил, что удар по делу революции готовится нанести... большевики. Итак, заговор монархистов на ходу «переделялся» в заговор большевиков. Не дая опомниться взбудора-

женным и растерявшимся делегатам, мелкобуржуазные лидеры «на курьерских» провели через съезд призыв к рабочим и солдатам не выходить 10 июня на демонстрацию («важным выступлением хотя воспользоваться притаившиеся контрреволюционеры») и постановление о запрещении всяких уличных манифестаций в Петрограде в течение 11—13 июня.

Ободренное поведением меньшевиков и эсеров, зашевелилось и Временное правительство. Заслушав информацию Керенского, оно выработало обращение к населению, в котором содержалась угроза применить силу. По распоряжению командующего Петроградским военным округом генерала Половцева была срочно усилена охрана города, особенно мостов. На петроградских улицах появились патрули. Караул у помещения 1-го кадетского корпуса, где заседал съезд Советов, был увеличен с 65 до 200 солдат. Сюда в окружении сонма адъютантов прибыл «сам» Керенский, сыпавший распоряжения направо и налево. Со своей стороны, эсеро-меньшевистские руководители съезда образовали «городской штаб», который занялся разбивкой эсеро-меньшевистских делегатов на так называемые «агитационные десятки». Эти десятки должны были отправиться на заводы и в полки. Очередное заседание I съезда Советов переносилось из помещения 1-го кадетского корпуса в Таврический дворец.

Создалось весьма сложное положение. ЦК РСДРП(б) было известно, что приговoreния к демонстрации уже закончены и что десятки тысяч революционных рабочих и солдат горят желанием выступить. Как отнесутся они к внезапной отмене демонстрации? Да и хватит ли времени и наличных агитаторских сил на оповещение всех о новом решении? Поведение эсеро-меньшевистских лидеров вызывало чувство законного возмущения, а сведения о заговоре монархистов, явившиеся официальным мотивом запрещения демонстрации, в ходе событий представлялись все более сомнительными. «Будь факты, лежащие в основе этого мотива, правильны, — писал несколько позднее В. И. Ленин, — будь имена контрреволюционеров известны всему Совету (как известны они приватно нам из устного сообщения Либера и др. в Исполнительном комитете), необходимо было бы неотложное объявление этих контрреволюционеров врагами

¹ Всероссийский съезд Советов р. и с. д., т. 1, М. — Л., 1930, стр. 375.

народа и арест их с следствием над их сторонниками и пособниками»¹. Но, с другой стороны, проводить намеченную демонстрацию — значило бы пойти на открытый разрыв с руководящими органами Советов, со съездом Советов. Большевистская фракция съезда, в составе которой преобладали делегаты с периферии, настаивала на отмене демонстрации. Многие члены Петербургского комитета, часть руководящих работников Военной организации и некоторые члены ЦК держались иного мнения. Лишь в два часа ночи ЦК РСДРП(б) принял окончательное решение: 1) демонстрацию отменить; 2) всем работникам партии немедленно направиться в рабочие кварталы и казармы для предотвращения выступления масс; 3) изъять из «Правды» и «Солдатской правды» воззвание с призывом к демонстрации. Члены большевистской фракции съезда, работники ПК и Военной организации, находившиеся в одной из аудиторий 1-го кадетского корпуса, узнали о решении Центрального Комитета лично от Ленина.

Как и следовало ожидать, многие рабочие и солдаты реагировали на отмену демонстрации весьма отрицательно. Агитаторам партии большевиков предстояло немало потрудиться, чтобы предотвратить стихийное выступление масс.

События, связанные с назначением и последующей отменой демонстрации, стали началом очередного политического кризиса. В ходе его обнаружилось не только бьющее через край возмущение народа действиями мобилизующейся контрреволюции и политикой Временного правительства, но и острое недовольство позицией эсеро-меньшевистских Советов.

Под влиянием создавшейся обстановки 12 июня съезд Советов, приняв постановление о запрещении политическим партиям организовывать демонстрации без ведома и одобрения Советов, в то же время признал, что «экономическая разруха, финансовый и продовольственный кризис в обстановке мировой войны создает почву для глухого недовольства и брожения в широких народных массах...», что в стране «растет сопротивление контрреволюционных слоев имущих классов»². В страхе перед перспективой утраты влияния на массы эсеро-меньшевистские делегаты съезда пошли дальше, назначив на воскресенье 18 июня всероссийскую политическую манифестацию. Официальным поводом для нее послужила намеченная на 18 июня церемония возложения делегатами съезда Советов венков на могилы жертв революции на Мар-

совом поле. Большевики и эсеры рассчитывали, что манифестация, назначенная съездом Советов, позволит перехватить инициативу из рук большевиков и вывести массы на улицы под соглашательскими лозунгами. Большевики призывали выйти на улицу с лозунгами, которые не удалось использовать 10 июня. Но, кроме того, фигурировало и новое требование, рожденное событиями последних дней: «Долой разоружение революционных рабочих!» Центральное место по-прежнему занимал лозунг «Вся власть Советам!».

Назначенный для демонстрации день приближался. На улицах Петрограда и особенно на Марсовом поле — месте, куда должны были стекаться колонны демонстрантов, велись торжественные приготовления. Могилы жертв Февральской революции, долгое время не привлекавшие внимания официальных властей, спешно превращались в зеленые куртины, покрытые цветами, окруженные кустами и молодыми деревьями, а все место погребения огораживалось массивной цепью. У ограды устанавливались десятки красных и траурных черных знамен. На здании казарм Павловского полка развешивались огромные полотнища с надписями: «Да здравствует Интернационал», «Земля и воля». У Инженерного замка через Садовую улицу был протянут плакат: «Поддержка Временному правительству».

С раннего утра 18 июня на Марсовом поле уже топлилась любопытствующая публика и корреспонденты газет, строились шеренги солдат, которым поручалось поддержание порядка. Около 10 часов под звуки похоронного марша к могилам жертв революции подошли делегаты I Всероссийского съезда Советов во главе с Чхеидзе. Они заняли места внутри ограды из цепи. Здесь же разместились и члены Исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов во главе с эсером Авксентьевым. Переминаясь с ноги на ногу, эсеро-меньшевистские лидеры с затаенной тревогой ожидали появления колонн демонстрантов из районов.

Шествие демонстрантов через Марсово поле открыла колонна василеостровцев. За ними следовали рабочие и солдаты Нарвского, Выборгского, Петергофского, Петроградского и других районов. Все выглядело очень внуши-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 329.

² «Известия Петроградского Совета р. и с. д.» № 90, 13 июня 1917 г.

тельно, торжественно и красочно. Густые колонны демонстрантов (в шестии участвовало до 500 тысяч человек) были расцвечены множеством флагов и плакатов, ярко-красными шарфами девушек-работниц. Участники манифестации под звуки «Марсельезы» и «Вечной памяти», склонив знамена, проходили мимо могил жертв революции. Между тем настроение эсеро-меньшевистских лидеров было далеко не приподнятым. На громадном большинстве проносимых через Марсово поле знамен и плакатов они читали призывы: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов!», «Вооружение народа и прежде всего рабочих!», «Нас обманули обещаниями, готовьтесь к борьбе!» и т. п. Лишь незначительная часть демонстрантов шла под эсеро-меньшевистскими лозунгами («Полное доверие Совету и министрам-социалистам!», «Знамя и воля», «Да здравствует Учредительное собрание!» и пр.). Плакат с надписью «Поддержка Временному правительству», висевший у Инженерного замка, демонстранты сорвали.

Оценивая итоги демонстрации 18 июня в Петрограде, Ленин писал, что демонстрация «...показала с непрекращаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией»¹.

Последние дни мирного развития революции

18 июня Временное правительство начало наступление на Юго-Западном фронте. Лагерь буржуазной контрреволюции воспринял это как сигнал для перехода в наступление на фронте внутреннем.

19—21 июня на центральных улицах и площадях Петрограда по инициативе ЦК партии кадетов, Военной лиги, Союза георгиевских кавалеров и других контрреволюционных организаций состоялись шумные «патриотические» манифестации, наиболее крупная из которых была организована кадетами вечером 19 июня. Толпа оборончески настроенных интеллигентов и чиновников до поздней ночи курсировала между Невским проспектом и Мариинским дворцом. На плакатах демонстрантов было написано: «Доверие Временному правительству!», «За наступление, за свободу!», «Не изменим союзникам!» Демонстранты подолгу задерживались у английского, французского, американского, итальянского, японского, бельгийского и других посольств,

где лидеры кадетов П. Н. Милуков и М. М. Винавер обменивались напыщенными речами с иностранными дипломатами. У Мариинского дворца, где была резиденция Временного правительства, организовались митинги, а на Исаакиевской площади коленопреклоненные «патриоты» распевали гимны в честь «богатырей 18 июня», перешедших в наступление на фронте. Рабочие и солдаты, протестовавшие против провокационных сборищ и шествий, которые были к тому же нарушением постановлений I Всероссийского съезда Советов о проведении демонстраций только с разрешения Советов, подвергались кулачной расправе.

О провокационных нападениях на рабочих и солдат, об усилении погромной агитации поступали сообщения и из других городов. Но не только это свидетельствовало о попытке сил контрреволюции перейти в широкое наступление. Временное правительство и командные верхи армии резко усилили репрессии против революционно настроенных солдат фронтовых и запасных воинских частей. Перед многими полками Петроградского гарнизона (1-м пулеметным, Гренадерским, Московским, 1-м пехотным и др.) со всей остротой встала угроза расформирования и разоружения. Частью контрреволюционного заговора было дальнейшее усиление саботажа капиталистов в промышленности. Наконец, в двадцатых числах июня произошло весьма ошутливое обострение продовольственного кризиса, в значительной мере вызванное спекулятивными маневрами торговцев.

Для обсуждения текущего момента и других неотложных вопросов 1 июля в экстренном порядке была созвана II Петроградская общегородская конференция РСДРП(б). Но нормальная работа конференции была нарушена новым внезапным поворотом событий.

2 июля среди петроградских рабочих и солдат широко обсуждался вопрос о немедленном общем выступлении с целью добиться удаления министров-капиталистов и взятия Советами всей власти в свои руки. Охватившее массы возбуждение пытались использовать в своих целях анархисты. Днем 2 июля на тайном совещании в «красной комнате» дачи Дурново они решили призвать массы к вооруженному восстанию.

В тот же день на заседании Временного



¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 32, стр. 360.

правительства кадеты объявили незаконным соглашение между делегациями Временного правительства и Украинской Центральной рады о признании Генерального секретариата местным исполнительным органом власти на Украине. В ночь на 3 июля министры-кадеты А. А. Мануилов, Д. И. Шаховской, А. И. Шингарев и управляющий министерством промышленности и торговли В. А. Степанов заявили о выходе в отставку, создав этим шагом министерский кризис. Взорность выдвинутой кадетами мотивировки была очевидна, так как в действительности соглашение с Центральной радой отнюдь не означало признания автономии Украины.

Кадеты учли, что обстановка в стране была объективно революционной и что с уходом министров-кадетов эсеро-меньшевистский блок поставлен перед дилеммой: либо согласиться на переход всей власти к Советам и на другие революционные меры, либо открыто противопоставить себя возбужденным массам и перейти к репрессиям. Связанное по рукам и ногам соглашательством с буржуазией, руководство партий меньшевиков и эсеров было не способно проводить революционную политику. Становясь же на путь открытой борьбы с революцией, меньшевики и эсеры неизбежно должны были пойти на поклон к кадетам. С этой стороны расчет кадетов оправдался. Руководящие органы партий меньшевиков и эсеров 3 июля решили добиваться воссоздания коалиционного правительства при преобладающем участии в нем представителей буржуазии.

Тем временем слухи о министерском кризисе просочились в город. На «Русском Рено», «Айвазе», Путиловском и некоторых других заводах рабочие, собираясь группами, горячо обсуждали положение. Многие считали, что поскольку кадеты сами вышли из правительства, то нет ничего более своевременного и естественного, как немедленное провозглашение перехода всей власти к Советам. Среди рабочих и солдат крепло убеждение в необходимости самим вмешаться в ход событий, продемонстрировать Советам свою поддержку, побудить их к решительным действиям. Давала о себе знать и подстрекательская агитация, развернутая анархистами.

Во втором часу дня 3 июля митинг солдат 1-го пулеметного полка, начавшийся стихийно, принял решение о выступлении против Временного правительства. Попытки большевиков сдержать солдат успеха не имели. Митинг избрал и направил делегатов в воинские части, на заводы, в Кронштадт.

Делегаты пулеметчиков появились на заводах и в воинских частях к середине дня. Прежде всех откликнулись на призыв пулеметчиков и оказали им активную поддержку рабочие заводов Выборгской стороны. Вслед за ними готовность поддержать выступление против Временного правительства проявили рабочие ряда заводов Васильевского острова, Путиловцы, солдаты Гренадерского, Московского, 180-го пехотного и некоторых других полков.

При первых же известиях о событиях на заводах и в полках большевики приняли меры к предотвращению уличных демонстраций. В середине дня в Таврическом дворце состоялось экстренное совещание ЦК РСДРП(б) с представителями ПК и Военной организации. На совещании было решено удерживать массы от выступления. Составленное в соответствии с этим решением воззвание к рабочим и солдатам было послано в редакцию «Правды». Но сдержать нарастающее с каждым часом движение было уже невозможно.

Июльские события

К вечеру 3 июля на улицы почти одновременно выступили колонны солдат 1-го пулеметного полка, рабочих «Нового Лесснаера», «Нового Парвайнена», «Нобеля», Эриксона. Особенно внушительно выглядели пулеметчики, в трех батальонных колоннах которых насчитывалось более 5 тысяч солдат, вооруженных винтовками и пулеметами. Полк выступил с плакатами, на которых были написаны лозунги: «Вся власть Советам!», «Мир без аннексий!», «Помни, капитализм, булат и пулемет уничтожат тебя!» и др.

События развивались в стремительном темпе. К пулеметчикам прикнули колонны вооруженных солдат Московского и Гренадерского полков, а вскоре на улицы вышли рабочие с «Русского Рено», «Айваза», «Старого Парвайнена», «Феникса» и ряда других заводов Выборгского района. «Мы, считая это выступление преждевременным, — вспоминал один из рабочих-большевиков завода «Русский Рено», — удерживали своих, а когда пришли пулеметчики, удержать рабочих стало невозможно. Все, в чем работали, прямо в передниках, от станков, вышли во двор. Состоялось маленькое собрание, и сразу все направилось ко дворцу Кшесинской¹. Колонны

¹ Ленинградские рабочие в борьбе за власть Советов, Л., 1924, стр. 55.



рабочих шли под охраной заводской милиции и красногвардейцев.

Безнадежность дальнейших попыток удерживать массы и необходимость пересмотра вопроса об отношении к демонстрации стали очевидны. Негибкость в тактике могла подорвать связь партии с народом. Поэтому около 10 часов вечера совещание членов ЦК РСДРП(б), делегатов петроградской конференции большевиков, представителей полков и заводов приняло решение о необходимости овладеть стихийным движением, направив его в русло мирной демонстрации. Демонстрация должна была выявить волю революционных рабочих и солдат, побудить Советы ликви-

ровать правительственный кризис взятием всей власти в свои руки. Решение партии о руководстве демонстрацией вопреки сопротивлению меньшевиков и эсеров было поддержано рабочей секцией Петроградского Совета.

Тем временем демонстрация нарастала как снежный ком. На улицы выходили рабочие ряда заводов Васильевского острова, путиловцы, солдаты 180-го и 1-го пехотного полков, 6-го саперного батальона и некоторых других воинских частей. Все они направлялись к Таврическому дворцу, где находились ЦИК Советов и Исполком Петроградского Совета.

Но во дворце, где находились руководящие органы Советов, царили неразбериха и расте-



Демонстрация 18 июня 1917 года.

рянность. Днем 3-го июля эсеро-меньшевицкие лидеры, поглощенные торгом с представителями буржуазии, отмахивались от сообщений об обстановке на заводах и в полках. Когда же рабочие и солдаты вышли на улицы, эсеро-меньшевицких деятелей охватила паника. В спешно написанном воззвании, в многочисленных телеграммах и телефонограммах, полетевших в воинские части гарнизона, демонстрация революционных рабочих и солдат квалифицировалась как «заговор» и «бунт». ЦИК требовал, чтобы в его распоряжение были присланы воинские команды.

Временное правительство и штаб Петроградского военного округа приводили в боевую

готовность 1-й и 4-й казачьи и 9-й кавалерийский полки, юнкеров военных училищ. Чтобы дать правительству повод для применения вооруженной силы, члены Военной лиги и других контрреволюционных организаций намеревались спровоцировать массы на эксцессы. Вечером 3 июля на Невском проспекте буржуазная публика, среди которой было много офицеров и чиновников, устроила манифестацию в поддержку Временного правительства. Контрреволюционно настроенная толпа, подстрекаемая заговорщиками, совершила нападения на отдельные колонны рабочих. С крыш, из окон домов по рабочим и солдатам несколько раз открывался огонь из ре-



Июньская демонстрация.

вольверов, винтовок и даже пулеметов. Последствием этих провокаций были десятки жертв. В результате, как указывал В. И. Ленин, события вышли за рамки обычной демонстрации. То, что происходило на улицах Петрограда, было «...начатком гражданской войны, удержанной большевиками в пределах начатка»¹.

Около полуночи состоялась совещание членов ЦК и ПК РСДРП(б), руководящих работников Военной организации большевиков, представителей рабочей секции Петроградского Совета и комитета межрайонцев, многие члены которого (А. В. Луначарский, М. С. Урицкий и др.) активно поддерживали

тактику большевиков. Учтя уроки событий 3 июля и основываясь на сведениях о настроении рабочих и солдат, совещание решило призвать массы участвовать 4 июля в мирной демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!».

Последние группы рабочих и солдат ушли от Таврического дворца лишь в пятом часу утра 4 июля, когда в районах полным ходом шла подготовка к возобновлению политиче-



¹ В. И. Ленин, Поли. собр. соч., т. 34, стр. 336.



Июльская демонстрация. Броневик с красным знаменем на углу Невского и Садовой.

ской демонстрации. В помещениях ЦК и ПК РСДРП(б), в районных комитетах партии делегации от заводов и полков получали подробные инструкции о порядке проведения демонстрации. Общее оперативное руководство всей подготовительной работой от имени ЦК РСДРП(б) осуществлял Я. М. Свердлов. Большая нагрузка легла в эти дни на плечи Н. И. Подвойского, В. И. Невского, М. С. Кедрова, Е. А. Мехоношина и других работников Военной организации. Созданный при ней оперативный штаб в ночь на 4 июля провел совещание представителей воинских частей. Охрану колонн демонстрантов ЦК РСДРП(б) возложил на рабочую милицию, Красную

гвардию и солдат революционных частей. 4 бронемшины, выделенные солдатами ремонтных мастерских запасного автобронедивизиона, должны были патрулировать у перекрестков главных улиц и мостов через Неву. Активная подготовка к демонстрации шла в пригородах и Кронштадте.

Между тем ЦИК и Исполком Совета крестьянских депутатов выпустили еще одно воззвание о запрещении демонстрации, а для руководства борьбой против революционных рабочих и солдат образовали особую военную комиссию. Практически комиссия стала привеском к штабу Петроградского военного округа, уполномоченного Временным прави-



Июль 1917 года. Правительственные войска на Дворцовой площади.

21 1917. Товарищи

РАБОЧИЕ И СОЛДАТЫ ПЕТРОГРАДА!

ПОСЛѢ ТОГО, КАКЪ КОНТРЪ-РЕВОЛЮЦІОННАЯ БУРЖУАЗІЯ ЯВНО ВСТУПИЛА ПРОТИВЪ РЕВОЛЮЦІИ, ПУСТЬ ВСЕРОССІЙСКІЙ СОВѢТЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТСКИХЪ И КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ ВОЗЬМЕТЪ ВСЮ ВЛАСТЬ ВЪ СВОИ РУКИ.

ТАКОВА ВОЛЯ РЕВОЛЮЦІОННАГО НАСЕЛЕНІЯ ПЕТРОГРАДА, КОТОРЫЙ ИМѢЕТЪ ПРАВО ДОВЕСТИ ЭТУ СВОЮ ВОЛЮ ПУТЕМЪ МИРНОЙ И ОРГАНИЗОВАННОЙ ДЕМОНСТРАЦІИ ДО СВѢДѢНІЯ ЗАСѢДАЮЩАГО СЕЙЧАСЪ ИСП. КОМИТЕТОВЪ ВСЕР. С. Р., С. И К. Д.

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ВОЛЯ РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ РАБОЧИХЪ И РЕВОЛЮЦІОННЫХЪ СОЛДАТЪ!

ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ ВЛАСТЬ СОВѢТОВЪ!

КОАЛИЦІОННОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОТЕРПѢЛО КРАХЪ: ОНО РАСПАЛОСЬ, НЕ БУДУЧИ ВЪ СОСТОЯНІИ ВЫПОЛНИТЬ ТѢХЪ ЗАДАЧЪ, РАДИ КОТОРЫХЪ ОНО БЫЛО СОЗДАНО. ГРАНДИОЗНЫЯ, ТРУДНѢЙШИЯ ЗАДАЧИ СТОЯТЪ ПЕРЕДЪ РЕВОЛЮЦІЕЙ. НУЖНА НОВАЯ ВЛАСТЬ, КОТОРАЯ ВЪ ЕДИНЕНІИ СЪ РЕВОЛЮЦІОННЫМЪ ПРОЛЕТАРИАТОМЪ, РЕВОЛЮЦІОННОЙ АРМІЕЙ И РЕВОЛЮЦІОННЫМЪ КРЕСТЬЯНСТВОМЪ РѢШИТЕЛЬНО ВЗЯЛАСЬ БЫ ЗА УКРѢПЛЕНІЕ И РАСШИРЕНІЕ ЗАВОЕВАНІЯ НАРОДА. ТАКОЙ ВЛАСТЬЮ МОЖЕТЪ БЫТЬ ТОЛЬКО ВЛАСТЬ СОВѢТОВЪ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТСКИХЪ И КРЕСТЬЯНСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

ВЧЕРА РЕВОЛЮЦІОННЫЙ ГАРНИЗОНЪ ПЕТРОГРАДА И РАБОЧИЕ ВЫСТУПИЛИ, ЧТОБЫ ПРОВОЗГЛАСИТЬ ЭТОТЪ ЛОЗУНГЪ: ВСЯ ВЛАСТЬ СОВѢТУ, ЭТО ДВИЖЕНІЕ, ВСПЫХНУВШЕЕ ВЪ ПОЛКАХЪ И НА ЗАВОДАХЪ, МЫ ЗОВЕМЪ ПРЕВРАТИТЬ ВЪ МИРНОЕ, ОРГАНИЗОВАННОЕ ВЫЯВЛЕНІЕ ВОЛИ ВСЕГО РАБОЧАГО, СОЛДАТСКАГО И КРЕСТЬЯНСКАГО ПЕТРОГРАДА.

Центральный Комитетъ Россійской Соц.-Дем. Рабочей Партіи.

Петербургскій Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Межрайонный Комитетъ Р. С.-Д. Р. П.

Военная Организція при Центр. Ком. Р. С.-Д. Р. П.

Комиссія Рабочей Секціи Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

4 июля 1917 года. Обращение большевиковъ съ призывомъ къ мирной, организованной демонстраціи.



Обстрел июльской демонстрации.

тельством сосредоточить руководство карательными операциями в своих руках. Днем 4 июля председателю Исполкома Советов крестьянских депутатов эсеру Н. Д. Авксентьеву и члену ЦИК эсеру А. Р. Гоцу было поручено установить со штабом округа тесный контакт.

Утром 4 июля командующий Петроградским военным округом генерал Половцев опубликовал приказ, предписывавший населению Петрограда «не выходить без крайней необходимости на улицы», а воинским частям «приступить немедленно к восстановлению порядка»¹. Однако обеспечить выполнение этого приказа штаб округа практически не имел

возможности. Почти все гвардейские полки (Семеновский, Измайловский, Петроградский, Кексгольмский и др.), на поддержку которых контрреволюционеры рассчитывали, 3 июля и на следующий день придерживались нейтралитета.

4 июля, так же как и днем раньше, демонстрация началась на Выборгской стороне. По указанию Выборгского райкома РСДРП(б) рабочие вместе с солдатами 1-го пулеметного полка составили многотысячную, хорошо ор-

═══════

¹ «Известия Петроградского Совета р. и с. д.» № 109, 5 июля 1917 г.



На Литейном проспекте после июльской демонстрации.

ганизованную районную колонну и около 11 часов утра подошли к дворцу Кшесинской. Выслушав приветственные выступления представителей ЦК и ПК большевиков, демонстранты с пением революционных песен двинулись дальше и вскоре подошли к Таврическому дворцу. Здесь выборжцы направили в ЦИК делегатов и стали ждать ответа на свои требования.

В первой половине дня выступили также рабочие многих заводов Василеостровского, Петроградского, Московского, 2-го Городского районов. Василеостровцы и солдаты 180-го пехотного полка встретили на Университетской набережной прибывших из Кронштадта мат-

росов. Отсюда демонстранты, возглавляемые колонной кронштадтцев, направились к помещению ЦК РСДРП(б). Площадь перед дворцом Кшесинской вновь заполнилась тысячами людей.

Перед матросами, рабочими и солдатами выступили с речами Я. М. Свердлов и А. В. Луначарский. Их выслушивали и дружно провозглашали: «Ленина! Ленина!» Встреченный восторженными криками «ура!», В. И. Ленин вышел на балкон дворца Кшесинской и произнес краткую речь, в которой выразил уверенность в победе лозунга «Вся власть Советам!» и призвал

массы к «выдержке, стойкости и бдительности»¹.

В середине дня от Нарвской заставы к Таврическому дворцу двинулась 60-тысячная колонна путиловцев и рабочих других заводов Петергофского района. Позднее в Петроград из пригородов прибыли солдаты 3-го батальона 1-го пулеметного полка, 3-го и 176-го пехотных полков. К вечеру на демонстрацию вышли солдаты Московского, Гренадерского и 1-го пехотного полков. Всего на улицах Петрограда 4 июля демонстрировало до 400 тысяч рабочих, солдат и матросов.

Будучи бессильны воспрепятствовать шествию масс, контрреволюционеры вновь прибегли к провокационным обстрелам из окон и с крыш домов. На Невском и Литейном проспектах, на Садовой улице по рабочим, матросам и солдатам несколько раз открывался перекрестный, рассчитанный на наибольшее поражение огонь. Вечером 4 июля, когда военной комиссии ЦИК при помощи обмана удалось заручиться поддержкой солдат Преображенского, Семеновского и еще нескольких гвардейских полков, когда штабу округа удалось приступить к формированию и отправке на улицы города карательных команд, произошли короткие, но ожесточенные схватки между казаками и солдатами 1-го пехотного и Московского полков. В результате этих столкновений десятки людей были убиты и ранены, а всего жертвами провокаций в июльские дни стало 706 человек (56 убитых и умерших от ран и 650 раненых).

Несмотря на то, что к вечеру 4 июля контрреволюционеры активизировали свои действия на улицах города, их вооруженная опора продолжала оставаться незначительной. Поэтому министры и командные верхи армии все свои надежды возлагали на прибытие карательных войск с фронта. Распоряжения главнокомандующему и комитету Северного фронта об отправке войск были даны от имени Временного правительства и ЦИК днем 4 июля. Для немедленной переброски в столицу из V армии был выделен Сводный отряд в составе кавалерийской дивизии, бригады пехоты, броневой дивизиона и самокатного батальона. Кроме того, были даны распоряжения о вызове в Петроград дивизиона миноносцев из Гельсингфорса, артиллерийских подразделений и юнкеров военных училищ и школ прапорщиков из Петергофа, Ораниенбаума, Гатчины и Павловска.

Между тем все новые и новые колонны демонстрантов подходили к Таврическому дворцу. В седьмом часу вечера представите-

ли делегатов от 54 крупнейших заводов Петрограда огласили на объединенном заседании ЦИК и Исполкома Советов крестьянских депутатов заявления, содержавшие следующие основные требования: переход всей власти к Советам, решительные меры по борьбе с саботажем капиталистов и экономической разрухой, немедленная передача земли крестьянам, прекращение репрессий против революционных воинских частей. «Пока соглашательская политика с буржуазией будет продолжаться,— говорилось в одном из заявлений,— не может быть успокоения в стране. Довольно отогреть эту гадину за пазухой! Сейчас, когда кадеты отказались с вами работать, мы спрашиваем вас, с кем вы еще будете торговаться?»².

Однако эсеро-меньшевистские лидеры продолжали твердить, что «уход кадетов не означает распада блока с буржуазией». В ночь на 5 июля ЦИК и Исполком Советов крестьянских депутатов признали за наличным составом Временного правительства всю полноту власти.

Во избежание новых провокаций большевики еще вечером 4 июля добились возвращения всех демонстрантов в свои районы. Часть матросов удалось отправить на судах в Кронштадт. Отбыли из Петрограда и солдаты полков, расквартированных в пригородах. Оставшиеся в Петрограде матросы были размещены Военной организацией большевиков в казармах революционных полков и во дворце Кшесинской.

Итоги демонстрации и тактическая линия на ближайшие дни были обсуждены на совещании членов ЦК и ПК РСДРП(б), Военной организации представителей рабочей секции Петроградского Совета и Межрайонного комитета. На совещании, состоявшемся в присутствии В. И. Ленина вечером 4 июля, было признано необходимым предотвратить возобновление уличных выступлений, добиться организованного отступления революционных рабочих и солдат.

Июльские события всколыхнули всю страну. На события в Петрограде быстрее всех откликнулись революционные рабочие Москвы. Здесь уже вечером 4 июля по призыву Московского комитета РСДРП(б) 50—60 тысяч ра-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 24.

² Революционное движение в России в июле 1917 г. Июльский кризис, М., 1959, стр. 22.

бочих участвовало в демонстрации под лозунгом «Вся власть Советам!».

5 июля в знак солидарности с борьбой столичного пролетариата вышли на демонстрацию около 25 тысяч орехово-зубовских рабочих. 6 июля под лозунгом «Вся власть Советам!» демонстрировали 30—40 тысяч рабочих и солдат в Иваново-Вознесенске. Кроме того, демонстрации состоялись в Шуе, Коврове, Гусь-Хрустальном, Красноярске, Томске и еще в некоторых городах. Всего в демонстрациях на местах участвовало около 250 тысяч революционных рабочих и солдат.

Но вернемся к событиям в Петрограде. 5 июля рабочие и солдаты, следуя призыву большевиков, не возобновляли уличные шествия. Лагерь же контрреволюции постепенно переходил в широкое наступление. Подвалы здания штаба военного округа и помещения комендантских управлений заполнялись арестованными и избитыми участниками революционных событий 3—4 июля. В ночь на 5 июля было разгромлено помещение редакции, были отключены телефоны лиц и организаций, участвовавших в демонстрации, разведены мосты через Неву, за исключением Дворцового.

Но силы контрреволюции еще вынуждены были соблюдать некоторую осторожность. Командующий Петроградским военным округом генерал Половцев дал заверения представителю Военской организации большевиков, что на дворец Кшесинской и на Петропавловскую крепость, где размещался отряд революционных матросов и пулеметчиков, нападения совершенно не будет. Со своей стороны, ЦИК Советов днем 5 июля заключил с делегацией ЦК РСДРП(б) соглашение, предусматривавшее взаимные меры по недопущению вооруженных столкновений. «Миროлюбие» штаба округа и ЦИК объяснялось просто: зная о боевом настроении революционных рабочих и солдат, они не решались форсировать карательные операции до прибытия войск с фронта.

А для настроения большинства рабочих и части солдат характерна была готовность к решительному отпору силам контрреволюции. 5 и 6 июля на многих заводах продолжалась забастовка. Стремясь согласовать свои действия, рабочие соседних заводов обменивались делегациями. Митинги принимали резолюции, в которых подтверждалось требование перехода всей власти к Советам. Большевикам приходилось предпринимать громадные усилия, чтобы сдерживать массы. Днем 6 июля на совещании Исполнительной комиссии Петро-

градского комитета РСДРП(б), состоявшегося в сторожке завода «Русский Рено», по инициативе В. И. Ленина было решено призвать рабочих к прекращению забастовок с утра 7 июля. Вечером 6 июля совещание членов ЦК РСДРП(б), обсудив политическую обстановку, решило не прекращать легальную работу, но принять меры предосторожности против попыток контрреволюционеров обезглавить авангард пролетариата. В связи с этим совещание обязало В. И. Ленина оставаться под защитой рабочих на нелегальном положении.

Это было весьма своевременное решение. По мере прибытия в Петроград эшелонов войск, вызванных с фронта, контрреволюционеры активизировали свои действия. Вопреки данному ранее обязательству 6 июля было захвачено и подвергнуто погрому помещение руководящих большевистских организаций во дворце Кшесинской, разоружены матросы и пулеметчики, находившиеся в Петропавловской крепости.

В ночь на 7 июля было отдано распоряжение об аресте В. И. Ленина. Временное правительство издавало одно постановление за другим: о расформировании участвовавших в демонстрации воинских частей Петроградского гарнизона, об аресте и отдаче под суд лиц, ведущих антиправительственную агитацию, о создании Особой следственной комиссии для расправы с активными участниками июльского выступления. Эсеро-меньшевистский ЦИК Советов быстро утрачивал реальную власть. Она уплывала в руки Временного правительства и в еще большей степени в руки контрреволюционной военщины, которая являлась непосредственным организатором массовых репрессий. Отряды карателей искали оружие у рабочих на заводах и в комиссариатах милиции, громили помещения районных комитетов РСДРП(б), профсоюзных организаций. Более того, возникала угроза разгона Советов, о чем давно мечтали кадеты и командные верхи армии.

9 июля ЦИК и Исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов приняли постановление об объявлении Временного правительства «правительством спасения революции», имеющим неограниченные полномочия. Но это постановление лишь формально узаконивало фактическое положение: режим двоевластия уже был ликвидирован в ходе наступления контрреволюции, а Советы уже стали на многие недели ее безвластным прикрытием.

В тезисах «Политическое положение» и в написанной несколькими днями позднее статье

«К лозунгам» В. И. Ленин сделал вывод о вступлении страны в новый цикл классовой и партийной борьбы. Новый этап начался после июльских событий в условиях захвата власти буржуазной контрреволюцией и превращения партии меньшевиков и эсеров в ее пособников. В связи с этим Ленин писал о необходимости снять лозунг «Вся власть Советам!», так как сохранение его укрепляло бы иллюзии, будто в вопросе о государственной власти не произошло изменений, будто эсеро-меньшевицкие лидеры Советов не предали дело революции. Отныне революция могла победить только путем вооруженного восстания.

Новый курс большевиков

На новом этапе борьбы большевикам предстояло выработать новый политический курс. Это было сделано VI съездом партии.

Съезд проводился в Петрограде с 26 июля по 3 августа 1917 г. На нем присутствовало 267 делегатов, представлявших около 240 тысяч членов партии. Делегатам пришлось начать работу в трудной обстановке. Среди них не было вождя партии В. И. Ленина, который находился в глубоком подполье, скрываясь от ареста в лесном шалаше недалеко от станции Разлив. На съезде отсутствовали и некоторые другие партийные работники, арестованные или скрывавшиеся в связи с июльскими событиями. Положение большевиков было сложным. Постановлением Временного правительства от 28 июля военному министру и министру внутренних дел было предоставлено право закрывать съезды и собрания. Предписание о разгоне съезда и аресте его делегатов могло последовать в любую минуту. Все это вынудило организаторов съезда принять меры к обеспечению безопасности делегатов. Первые заседания проводились на Выборгской стороне, по праву считавшейся цитаделью большевизма. Дом № 37 по Сампсониевскому проспекту, где началась работа съезда, охраняла Красная гвардия. Чтобы сбить с толку агентов Временного правительства и не позволить им организовать провокаций, вскоре делегаты переехали в другой большевистский район — за Нарвскую заставу, где съезд работал сначала в помещении райкома РСДРП(б), а затем в доме № 23 по Новосивковской улице и доме № 2 по Петергофскому шоссе. Как и на Выборгской стороне, в Нарвском районе безопасность участников съезда обеспечивали рабочие, которые охраняли

здания, где проводились заседания, предоставляли делегатам ночлег и питание.

Центральным вопросом обширной повестки съезда был вопрос о текущем моменте, поскольку от той или иной оценки изменений в политическом положении, вызванных июльскими событиями, зависели особенности и направление тактики и лозунгов борьбы за дальнейшее развитие революции. Текущему моменту было посвящено три доклада — «Война и международное положение» (Н. И. Бухарин), «Политическое положение» (И. В. Сталин), «Экономическое положение» (В. П. Милютин). В докладе Бухарина рассматривались главным образом перспективы русской революции с точки зрения ее связи с мировым революционным процессом. Докладчик признавал наличие в России условий для дальнейшего подъема революции, но при этом отрицал революционную роль крестьянства в грядущем социалистическом перевороте. Он считал, что революция в своем развитии пройдет две фазы: первая — с участием крестьянства, борющегося за землю, и вторая — «после отпадения насыщенного крестьянства», когда российский пролетариат поддержит только пролетариат стран Западной Европы.

В докладе И. В. Сталина констатировался переход власти в руки буржуазии, поддержанной соглашателями, и окончание в связи с этим мирного периода развития революции. Разъясняя новую тактику, выработанную В. И. Лениным, Сталин поставил на съезде вопрос о снятии лозунга «Вся власть Советам!» и подготовки сил для нового революционного подъема.

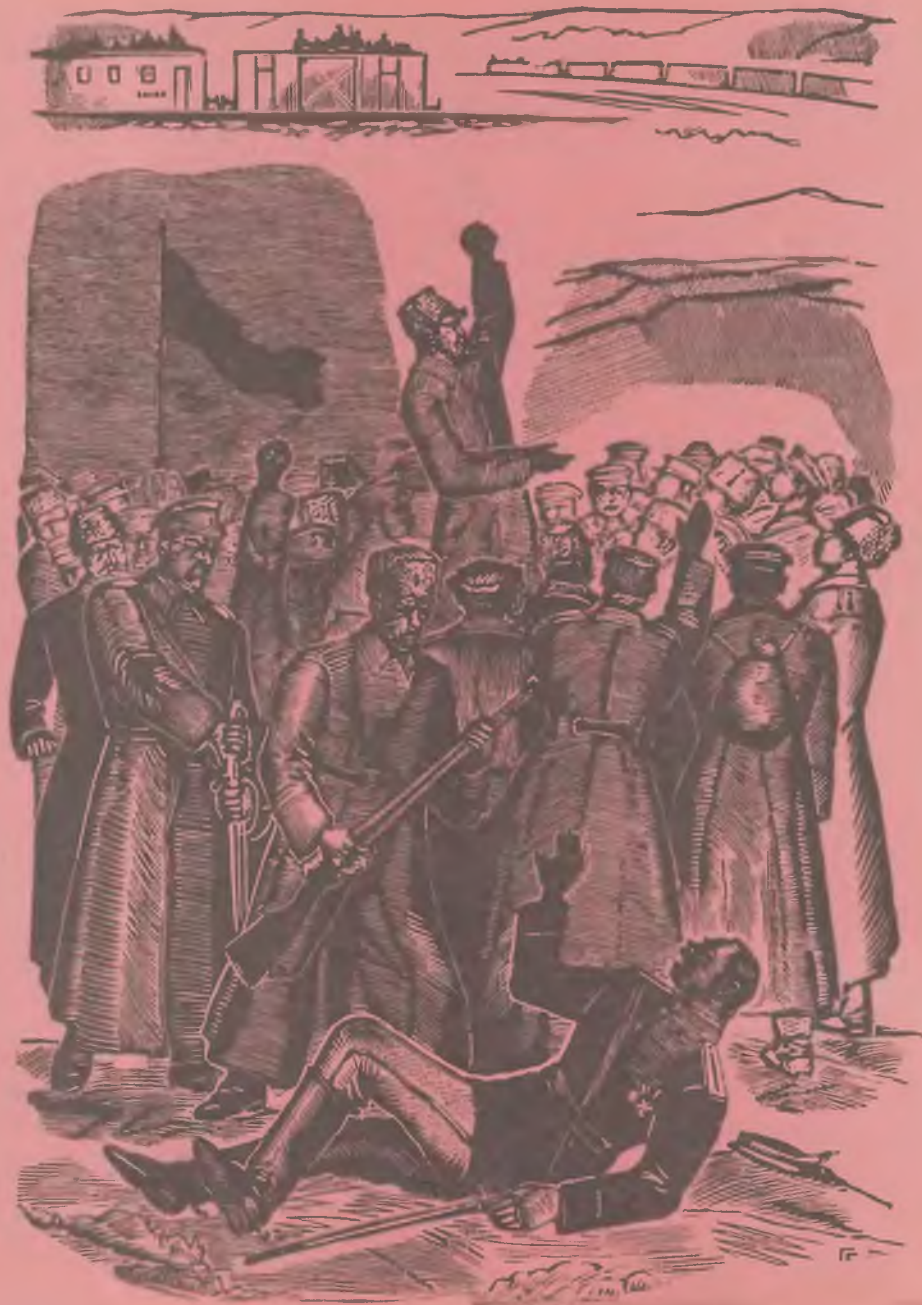
В развернувшихся по докладам прениях делегаты остро критиковали первого докладчика за отрицание им революционной роли крестьянства. Однако главным предметом дискуссии стал вопрос об отношении к Советам. Основным пунктом расхождений стало ленинское предложение о временном снятии лозунга «Вся власть Советам!». Июльский кризис повлек за собой крутое изменение обстановки, разобраться в которой было не так-то просто. Чрезвычайная сложность и противоречивость положения — переход контрреволюции в наступление при сохранении Советов, поддержка Советов широкими народными массами, лирирование Временного правительства и т. д. — все это способствовало появлению иллюзий, будто бы двоевластие еще сохраняется, а нынешние Советы способны сломить контрреволюцию. Часть партийных работников поддавалась таким иллюзиям и выступала за сохранение лозунгов мирного развития революции.

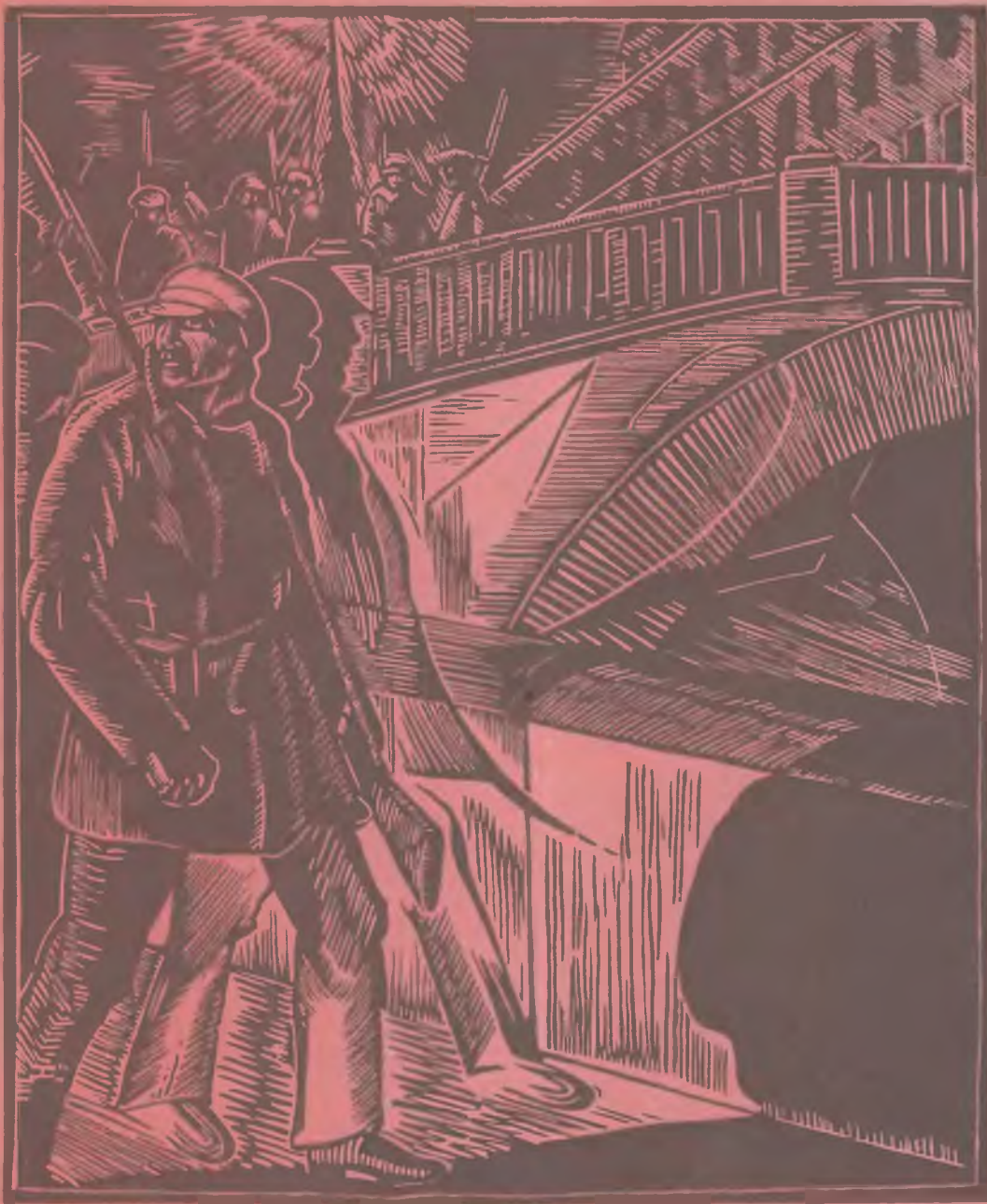
Дело осложнялось еще и тем, что некоторые местные делегаты, недостаточно знакомые с ситуацией в столице, не понимали смысла отказа от перехода власти к Советам, поскольку целый ряд Советов поддерживал большевиков. Делегаты, солидарные с ленинской точкой зрения, подвергли решительной критике доводы сторонников сохранения лозунга «Вся власть Советам!». В своих выступлениях они доказывали, что снятие этого лозунга не равнозначно выдвиганию требования «Долой Советы», что большевики останутся в Советах и будут вести упорную борьбу за изменение их состава и политики, но призывать в настоящий момент к передаче власти эсеро-меньшевистским Советам означает на деле распространение беспочвенных иллюзий о способности соглашателей разорвать с буржуазией. В итоге дискуссии съезд принял резолюцию о политическом положении, внесенную И. В. Сталиным. В ней в сжатой форме определялось своеобразие текущего момента, характеризовавшегося ликвидацией двоевластия в пользу буржуазии и утратой в связи с этим возможности мирной победы революции, обосновывалась необходимость временного снятия лозунга «Вся власть Советам!» и формулировались задачи партии в дальнейшей борьбе за социалистическую революцию. Призна-

ние в резолюции невозможности мирной победы революции означало, что отныне единственным средством перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства становится вооруженное восстание. Но задача немедленной подготовки восстания партией еще не ставилась. Партия должна была направить свои усилия на организацию и подготовку сил к моменту, когда общенациональный кризис и глубокий массовый подъем создадут благоприятные условия для успешного проведения вооруженного восстания, призванно-го смести буржуазную власть и установить диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства.

Эти решения съезда были основаны на ленинском анализе обстановки. Скрываясь в глубоком подполье, В. И. Ленин держал связь с Центральным Комитетом через специально выделенных партийных работников — Г. К. Орджоникидзе, В. И. Зофа, А. В. Шотмана и Э. Рахья.

Съезд избрал В. И. Ленина членом Центрального Комитета партии, в который вошли, кроме него, 20 членов и 10 кандидатов. Новый состав ЦК возглавил деятельность большевистской партии на новом этапе революционной борьбы.





В. И. Старцев
Исторический поворот

Уроки корниловщины

Истекали последние дни августа 1917 года. Россия переживала сильное потрясение, связанное с мятежом генерала Л. Г. Корнилова. Генерал Корнилов, Верховный главнокомандующий, призванный на эту должность Временным правительством, сам выступил против правительства. Организаторами разгрома корниловщины стали большевики. Мятеж контрреволюционного генерала не удался. Корниловщина обострила до крайности все противоречия, вскрыла все нерешенные проблемы, показала степень взаимного ожесточения классов, стоящих на пороге гражданской войны.

В Гельсингфорсе, столице Финляндии, где стояли русские войска и помещалась главная база Балтийского флота, борьба с корниловщиной оставила свой обжигающий след. 28 августа, как только стало известно о выступлении Корнилова, собралось объединенное заседание Совета депутатов армии, флота и рабочих, Центробалта, Областного комитета Советов Финляндии и Совета крестьянских депутатов. Было решено установить свой контроль над армией и флотом, организовать Революционный комитет Финляндии с неограниченными полномочиями. Все телеграфы и телефоны — под контролем его комиссаров, ни одно распоряжение не исполняется без их подписи. У офицеров отбираются подписки «в верности революции». Появились случаи самосудов и расправ над офицерами-корниловцами. Волна ненависти к офицерству, ненависти, которая питалась свежими воспоминаниями об «усмирениях», расформированиях, полевых судах, тюрьмах и расстрелах июля и августа, захлестнула всю армию.

Это была страшная правда революции, в лицо которой должны были смело взглянуть те, кто претендовал на роль ее руководителей. Правда революции кричала со страниц газет, с телеграмм, шедших из глубины сельской России. Крестьяне не желали больше ждать обещанной земли, они хотели взять ее сейчас. В августе число захватов помещичьих земель и имений определялось министерством внутренних дел в 440, а в сентябре это число удвоилось. Вспышки стихийного гнева: разгромы, поджоги, даже убийства ненавистных помещиков — сопровождали это явочное решение земельного вопроса. И все это происходило потому, что Временное правительство при поддержке партий эсеров и меньшевиков оттягивало издание законов о земле до Учредительного собрания.

Нужны были решительные перемены в управлении страной, а обстановка борьбы с мятежом придавала этим переменам еще большую неотложность. Партия большевиков, подвергавшаяся после июльских дней преследованиям, третировавшаяся эсеро-меньшевистскими вождями ЦИК и Петроградского Совета, внезапно стала объектом внимания этих партий. Большевиков приглашали к совместной борьбе с Корниловым, с ними были вежливы и предупредительны. В новой обстановке партии следовало быстро наметить новую линию политического поведения.

Вернемся теперь в Гельсингфорс, с описания событий в котором мы начали этот рассказ, ибо именно там скрывался тогда от преследований Временного правительства Владимир Ильич Ленин. 30 августа, ознакомившись с подробностями последних событий, В. И. Ленин написал письмо в Центральный Комитет РСДРП(б).

«Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, как и войска Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, а различаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная и забывать ее нельзя»¹. Изменение тактики должно было заключаться в том, что лозунг свержения правительства отодвигался на второй план. А на первый с учетом момента должно было встать разоблачение слабостей и шатаний Керенского. Большевики должны были предъявить своего рода «частичные требования» к Керенскому о прекращении преследования интернационалистов, вооружении рабо-

¹ В. И. Ленин, Полн., собр. соч., т. 34, стр. 120.

нетерпеливо ожидаемый посыльный из Петрограда. Он привез 6 номеров газеты «Рабочий», нового центрального органа большевиков. Ленин быстро просмотрел газеты — передовые статьи, обзоры печати, статьи Милютинина и Володарского. И с восторгом приспал в постскрипуме: «Прочитав, после написания этого, шесть номеров «Рабочего», должен сказать, что совпадение у нас получилось полное... Еще раз лучшие приветы и пожелания!»¹. Утром 31 августа письмо было отправлено в Петроград.

А в Петрограде в этот день собралось расширенное заседание Центрального Комитета большевистской партии совместно с представителями большевистских фракций ЦИК, Петроградского Совета и Политического бюро Комитета народной борьбы с контрреволюцией. На нем была оглашена резолюция-декларация о власти, в обсуждении которой приняли участие все присутствовавшие². В ней содержались главные требования большевиков, направленные на осуществление социалистической революции. В то же время в резолюции имелись и требования общедемократического характера.

Между тем по городу быстро распространился слух о том, что А. Ф. Керенский договорился с кадетами о новом составе кабинета. Н. В. Некрасов, министр финансов и заместитель министра-председателя во втором коалиционном правительстве, вошедший в него по полномочию кадетской партии, имел встречу с журналистами, на которой назвал полный состав правительства (1 сентября этот список был опубликован в газетах). В него должны были войти несколько кадетов, в частности Н. М. Кишкин, А. В. Карташев, прогрессисты А. И. Коновалов и И. Н. Ефремов, а также ряд беспартийных «цензовиков» и буржуазных профессоров. «Социалистам» отводились посты министра земледелия (эсер Н. Д. Авксентьев) и министра труда (меньшевик М. И. Скобелев). Словом, это был махрово реакционный кабинет, дававший явное преимущество крупной буржуазии и прежде всего кадетам, изблеченным в соучастии в корниловском мятеже. Он совершенно не соответствовал настроению широких трудовых масс, мнению всей революционной демократии и в случае действительного образования мог привести к новому взрыву стихийного возмущения масс.

Боясь этого взрыва, лидеры партий эсеров и меньшевиков решились тем не менее на отчаянный шаг: публично и демонстративно отказаться от коалиции с кадетской партией.

Центральный Комитет меньшевиков днем 31 августа экстренно обсудил вопрос о власти и принял специальную резолюцию. В ней, в частности, признавалось абсолютно недопустимым участие в правительстве кадетской партии³. К подобному же решению склонялось и большинство Центрального Комитета партии эсеров.

Поздним вечером состоялось общее собрание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Оно не созывалось целых 10 дней, и теперь его лидеры решили информировать депутатов о последних политических событиях, связанных с борьбой против заговора Корнилова. С докладом о деятельности Комитета народной борьбы с контрреволюцией выступил меньшевик Б. О. Богданов, указавший, в частности, на то, что комитет настаивал и настаивает на освобождении большевиков, арестованных по делу 3—5 июля. Оратор подчеркивал единство революционного фронта демократии, которая, «несмотря на разногласия, встала сплошной стеной против заговорщиков»⁴. Большинство ораторов, в том числе и эсеро-меньшевистских, осуждали правительственный союз с кадетами. Такими были выступления Ю. М. Стеклова, Л. Мартова, представителя фракции эсеров Болдырева⁵. Заседание Петроградского Совета явилось ярким свидетельством оживления роли Советов вообще. Рядовые депутаты были настроены очень решительно. Их симпатии были на стороне программы действительно революционной власти, изложенной в резолюции большевиков, которая и была вынесена на их обсуждение. При поименном голосовании большинством 279 голосов против 115 и 51 воздержавшемся Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов впервые за все дни своего существования принял политическую резолюцию большевиков⁶.

Это была первая победа, первое внешнее проявление глубокого политического сдвига, происшедшего в настроениях широких народ-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 121.

² Протоколы Центрального Комитета РСДРП(б). Август 1917 — февраль 1918 г. М., 1958, стр. 37.

³ ЦПА ИМЛ, ф. 275, оп. 1, д. 44, л. 4.

⁴ «Голос солдата», 2 сентября 1917 г.

⁵ «Речь», 2 сентября 1917 г.

⁶ «Рабочий», 1 сентября 1917 г.



Встреча большевистских агитаторов с представителями «дикой дивизии», брошенной Корниловым на революционный Петроград.

ных масс после разгрома корниловского мятежа. Первый шаг на пути полной большевизации Петроградского Совета был сделан. Центральный орган партии газета «Рабочий», поместив краткий отчет об этом заседании, справедливо озаглавила его «Исторический поворот».

Заседание Петроградского Совета затянулось далеко за полночь, оно закончилось только около пяти часов утра 1 сентября. А в те же часы после завершения фракционных заседаний представители партий эсеров и меньшевиков устремились в Зимний дворец для переговоров с Керенским. Первыми прибыли эсеры. А. Р. Гоц и В. М. Зензинов вызвали

Керенского с заседания и передали ему постановление Центрального Комитета партии эсеров об отозвании своих официальных представителей из Временного правительства, в случае если в его составе будут находиться кадеты. Аналогичное условие было поставлено Керенскому и ЦК меньшевиков¹. Не ожидавший подобного оборота дела Керенский вначале растерялся и не ответил представителям партий ничего определенного. Однако переговоры с кадетами относительно вхождения

¹ «Известия», 1 сентября 1917 г., «Дело народа», 1 сентября 1917 г..



Застава революционных войск, выставленная против Корнилова.

их в правительство были прерваны. Кадеты получили сильный удар, в результате которого на три недели оказались отодвинутыми от центра политической борьбы.

Весь день 1 сентября официальные представители партий эсеров и меньшевиков провели в переговорах с Керенским. Он по-прежнему уклонялся от прямого ответа и не давал обещания сформировать правительство без кадетов. Соглашатели шли на некоторые уступки, заявляли, что ничего не имеют против наличного состава правительства, если из него будут исключены два министра-кадета Ф. Ф. Кокошкин и П. Н. Юренев. До сведения Керенского было доведено и решение о созыве общеде-

мократического совещания, которое и должно было бы разрешить окончательно вопрос о власти¹. До вечера 1 сентября переговоры не дали никаких результатов. По-прежнему лидеры ЦИК находились в оппозиции к правительству Керенского. Само правительство наполовину распалось и было парализовано, переговоры о его новом составе прекратились. Политический кризис, начавшийся после выступления генерала Корнилова, вошел в новую фазу и достиг чрезвычайно высокого накала.

¹ «Известия», 2 сентября 1917 г.

Налицо был резкий сдвиг народных масс влево, сильные колебания влево со стороны руководства мелкобуржуазных партий, все еще составляющих большинство в главных органах «революционной демократии» — Советах. Перед этим нажимом временно отступил и бонапартист Керенский, не посмевший пренебречь позицией руководителей ЦИК.

Перенесемся теперь снова в Гельсингфорс. Между этим городом и Петроградом существовала незримая связь. Все перипетии политической жизни столицы с особой тщательностью изучались в маленькой квартирке большого пятиэтажного дома на Хагнесской площади Гельсингфорса. Вечером 1 сентября Густав Ровио, предоставивший по поручению Центрального Комитета большевистской партии свою квартиру для конспиративного жилища В. И. Ленина, торопился домой. Встретив почтовый поезд из Петрограда, он купил экземпляры всех привезенных русских газет и теперь нес их Ленину. В этих газетах, вышедших в Петрограде утром того же дня, содержались отчеты и информации, заметки и фельетоны, рассказывавшие о важных политических событиях 31 августа. Можно представить, как жадно накинусь на них Ленин, как долго читал, сравнивал между собой статьи, изучал, подчеркивал их, как он любил делать, синим и красным карандашом.

Еще несколько поворотов предстояло пройти революции, прежде чем раздадутся выстрелы на Дворцовой площади. Ленин стоял на пороге первого из них. Внезапно снова открылась столь редкая в истории возможность для мирного развития революции, для мирного овладения пролетариатом государственной властью. Эту возможность нужно было попытаться использовать. Поздно вечером 1 сентября Ленин написал свою знаменитую статью «О компромиссах»¹.

В. И. Ленин ушел все значение отказа эсеров и меньшевиков от правительственного союза с партией кадетов и пришел к выводу, что в этих условиях большевики могут предложить политический компромисс этим партиям. Он выражался бы в возвращении к доиюльскому требованию «Вся власть Советам!». Это означало бы формирование правительства из партий «советского большинства» — меньшевиков и эсеров, — при передаче власти Советам на местах и полной свободе агитации для большевиков. «Как ни труден теперь (после июля и августа, двух месяцев, равняющихся двум десятикам лет «мирного», сонного времени) этот компромисс, — писал В. И. Ленин, —

мне кажется, есть один маленький шанс на его осуществление, и шанс этот создан решением эсеров и меньшевиков не идти в правительство вместе с кадетами»². Свою статью Ленин не смог отправить Центральному Комитету РСДРП(б) 1 и 2 сентября. Условия подполья часто затрудняли ежедневную регулярную связь, сказывалась и значительная по тем временам удаленность Гельсингфорса от Петрограда. 3 сентября Ленин продолжил работу, дав в ней оценку дальнейшим событиям.

А события продолжали развиваться с большой быстротой и изменчивостью. В 9 часов 45 минут вечера 1 сентября вновь собрался на пленарное заседание ЦИК Советов. Это было одно из самых длительных и драматических заседаний за всю историю ЦИК первого созыва. События вытолкнули ЦИК на авансцену революции, поставили его лицом к лицу с властью, которая, как в марте и апреле, вновь сама шла в руки Советов рабочих и солдатских депутатов. Но меньшевики М. И. Скобелев и М. И. Либер, лидер эсеров центра В. М. Чернов, кто в большей степени, кто в меньшей, в своих выступлениях отразили стремление руководства своих партий как-то сохранить принцип коалиции с представителями буржуазии, если не с кадетской партией, то, может быть, с «демократическими кругами» буржуазии.

Тем временем другие эсеро-меньшевистские лидеры продолжали политический торг с Керенским. А. Р. Гоц, Ф. И. Дан и И. Г. Церетели снова посетили его в Зимнем дворце и подтвердили официальное решение не допустить в правительство представителей партии кадетов. Керенский логично возражал им, что представители цензовых элементов не согласятся на коалицию без кадетов. Припугнул он соглашателей и личной отставкой, а обещания создать правительство без кадетов так и не дал. Делегаты вынуждены были ни с чем вернуться на заседание ЦИК, кризис грозил новыми осложнениями. Тогда Керенский решился на маневр, который позволил бы ему дать какое-то удовлетворение ЦИК и тем выиграть время. Так возникла Директория. Большинство министров, как кадетов, так и социалистов, выходило в отставку. Власть передава-

¹ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 133—139.

² Там же, стр. 136.

лась «служебному правительству» из 5 лиц: министра-председателя А. Ф. Керенского — эсера, А. М. Никитина — меньшевика, министра почт и телеграфов М. И. Терещенко — беспартийного «цензовика», адмирала Д. Н. Вердеревского, морского министра и военного — А. И. Верховского. Таким образом, формально в Директории не было кадетов, имелось два «социалиста» и трое беспартийных. Но и Терещенко и Никитин, не говоря уже о самом Керенском, были убежденными сторонниками коалиции с буржуазией, а военные министры не имели никакого опыта в большой политике, а следовательно, и своего мнения.

И в образовании нового правительства и в его первых шагах ярко проявилась демагогическая и бонапартистская манера политики Керенского, получившая у современников образное название «керенщины».

Так, адмирал Вердеревский играл роль «левого прикрытия» для правительства. Только что извлеченный из тюремной камеры, куда он был посажен после июльских дней за отказ препятствовать отправке делегации Центробалта из Гельсингфорса в Петроград, он был теперь на радость «революционной демократии» обласкан и усажен в министерское кресло. Назначив монархиста и реакционера генерала М. В. Алексева начальником штаба Верховного главнокомандующего, Керенский тут же возвысил тридцатилетнего полковника А. И. Верховского, занимавшего пост командующего Московским военным округом. Было известно, что у Верховского есть свои идеи усиления боеспособности армии путем опоры на верхушечные корпусные и армейские комитеты. И вот Верховский был произведен в генералы и, к удовлетворению той же «демократии», назначен военным министром. В то же время инженер П. И. Пальчинский, с марта обретавшийся в недрах буржуазного министерства промышленности и торговли, склонный к авантюризму, одна из самых одиозных фигур в окружении Керенского, был произведен в петроградские генерал-губернаторы.

Первым актом Директории было провозглашение России республикой. Этим правительство стремилось дать подачку лидером ЦИК, А Пальчинский дополнил этот акт по-своему: издал приказ о закрытии центрального органа большевистской партии газеты «Рабочий» и обвиненной в сочувствии к большевикам «Новой жизни».

С вестью о создании Директории и провозглашении республики на заседание ЦИК был послан правый эсер Н. Д. Авксентьев, занимав-

ший до этого момента пост министра внутренних дел. К удивлению большинства собравшихся, Авксентьев сообщил, что правительство само положило конец кризису «и организовалось в уменьшенном размере», он призвал оказать Директории полную поддержку. Скобелев и Церетели также обратились к членам ЦИК с призывом поддержать правительство.

При голосовании за основу была принята резолюция меньшевиков и эсеров. До демократического съезда ЦИК предлагал правительству сохранить его теперешний состав, а демократия призывалась оказать ему поддержку. Так закончилось это заседание. Единственная организованная и обремененная доверием большинства народа сила, которая могла выступить с инициативой создания власти, самоустранилась с пути правительства. ЦИК дал поддержку новому трюку Керенского, пошел на формальное прекращение кризиса власти и предоставил правительству время для новых маневров.

После ознакомления с материалами газет за 2 и 3 сентября В. И. Ленин сделал приписку к своей статье «О компромиссах», где писал: «Пожалуй, те несколько дней, в течение которых мирное развитие было еще возможным, тоже прошли. Да, по всему видно, что они уже прошли»¹. Тем не менее В. И. Ленин счел необходимым опубликовать статью и отослал ее в центральный орган партии. Официального предложения компромисса партиям меньшевиков и эсеров сделано в эти дни не было.

Борьба партий

Курс на вооруженное восстание, принятый VI съездом партии, не означал еще, что восстание должно произойти немедленно. Наоборот, все руководители большевиков сходились на том, что необходимо сдерживать ту часть рабочих и солдат, которая была возбуждена событиями и рвалась к решительным действиям.

Вместе с тем еще рано было ставить точку в анализе политического сдвига, происшедшего в результате разгрома корниловского мятежа. Сдвиг этот ширился с каждым днем, захватывая все большие слои народа, рождая новые и новые конфликты. Политический статус страны по-прежнему носил временный, неустойчивый характер. Его определяли перспектива созыва Демократического совещания,

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 138—139.

официальной задачей которого объявлялось создание правительства без кадетов и наличие Директории, существовавшей, как утверждали руководители ЦИК, до решения совещанием вопроса о власти. 3 сентября 1917 года ЦК РСДРП(б), обсудив вопрос о совещании, решил принять в нем деятельное участие ввиду его «чрезвычайной важности» и добиться наиболее полного представительства на нем большевиков.

Тем временем Керенский, заручившись поддержкой ЦИК, стал круто забирать власть в свои руки. Уже в опубликованном 2 сентября 1917 года приказе по армии и флоту он потребовал прекращения политической борьбы в армии и «самовольного формирования отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями». 4 сентября был издан приказ об упразднении «самочинных комитетов» охраны революции, созданных в период борьбы с корниловщиной¹. Эти действия вызвали раздражение даже у деятелей ЦИК, не говоря уже о том, что рабочие и солдаты, многочисленные Советы прямо говорили о своем неподчинении этим приказам, называя их контрреволюционными.

События 3—5 сентября дали повод В. И. Ленину вновь вернуться к вопросу о возможности мирного развития революции в тот момент. 6 сентября, готовя к отдельному изданию свою брошюру «Уроки революции», Ленин написал к ней послесловие, в котором говорилось о новом повороте революции, созданном восстанием Корнилова. В тот же день в Петрограде, на страницах «Рабочего пути» увидела свет статья В. И. Ленина «О компромиссах». Открытая постановка вопроса о компромиссе с партиями меньшевиков и эсеров, о возвращении к лозунгу «Вся власть Советам!» вызвала оживленное обсуждение этой проблемы в рядах большевистской партии и ее руководства.

В дискуссию, начатую опубликованием статьи, включился и сам В. И. Ленин. Он написал ряд статей, поясняющих платформу большевиков перед Демократическим совещанием, в которых с разных сторон рассматривал шансы на мирное развитие революции и задачи партии.

Продерживаясь в целом после 3 сентября курса на вооруженное восстание, В. И. Ленин в то же время считал необходимым сделать еще одну попытку помочь массам, помочь Советам использовать последний шанс на мирное развитие революции, мирное устранение от власти правительства Керенского. Этот шанс, по первоначальной мысли В. И. Ле-

нина, мог быть использован до окончания работы Демократического совещания, чтобы массовой борьбой, движением Советов повлиять на его решения. В статье «Один из коренных вопросов революции» Ленин подробно развивал тезис о необходимости перехода власти к Советам, значении Советской власти для политической устойчивости революции. В статье «Русская революция и гражданская война» В. И. Ленин делал следующий вывод: «Если есть абсолютно бесспорный, абсолютно доказанный фактами урок революции, то только тот, что исключительно союз большевиков с эсерами и меньшевиками, исключительно немедленный переход всей власти к Советам сделал бы гражданскую войну в России невозможной»². В. И. Ленин работал над этими статьями в период с 6 по 10 сентября, и, вероятно, только после 10-го они были отосланы Центральному Комитету РСДРП(б). Однако именно в эти дни в Петрограде развивались новые события, обострившие положение в рядах революционной демократии, в частности отношения между большевиками и партиями меньшевиков и эсеров. В результате практические шансы на компромисс в эти дни уменьшились еще до начала Демократического совещания.

Главным обстоятельством, вызвавшим обострение этой борьбы, явился вопрос о политической позиции Петроградского Совета. Эсеры и меньшевики, возглавлявшие Петроградский Совет, считали победу большевиков на заседании 31 августа случайной и, чтобы парализовать ее значение, рискнули на следующий шаг: 5 сентября президиум Совета в полном составе³ вышел в отставку и сделал заявление, что любой из его членов войдет в новый президиум только вместе со всеми остальными. Это была постановка вопроса о доверии. Для решения его на 9 сентября назначалось общее собрание Совета. Но шансы старого президиума на успех уменьшались с каждым днем. Огромное впечатление произвело в Петрограде полученное 7 сентября известие о том, что совещенное собрание Московских Советов рабочих и солдатских депутатов приняло большевистскую резолю-

¹ См. «Известия», 2 и 5 сентября 1917 г.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 222.

³ В него входили: Н. С. Чхеидзе, В. А. Анисимов, А. Р. Гоц, Ф. И. Дан, М. И. Скобелев, И. Г. Церетели и В. М. Чернов.

цию о власти¹. Решение Московских Советов значительно укрепило позиции большевиков на предстоящих перевыборах президиума. Если 7 сентября «Рабочий путь» вышел с аншлагом о том, что Петроградский Совет требует создания власти, способной осуществить программу 31 августа, то 8, 9 и 10 сентября в нем значилось уже, что такой власти требуют Петроградский и Московский Советы.

По существу вопроса на заседании ЦК РСДРП(б) 6 сентября было решено добиваться формирования президиума на коалиционной, пропорциональной основе, чтобы, помимо 7 членов президиума от партий меньшевиков и эсеров, было введено еще 7 членов от партий большевиков².

Меньшевики и эсеры, готовясь к перевыборам президиума, возлагали особые надежды на солдатских депутатов Петроградского Совета. Члены солдатской секции почти полностью отсутствовали на общем собрании Совета 31 августа, в связи с чем эсеры и сделали специальный протест при голосовании большевистской резолюции. Теперь они надеялись взять реванш. С этой целью 8 сентября было созвано собрание солдатской секции Петроградского Совета. Оно было тщательно подготовлено и превращено в своеобразное зрелище, где главные роли были отданы Военному министру, главнокомандующему Петроградским военным округом и его помощникам.

На трибуну Актового зала Смольного взошел только что назначенный главнокомандующий округом полковник Г. П. Полковников. 34-летний кадровый военный с энергичным лицом, подчеркнутым черными усами, он обратился к солдатским депутатам с призывом о содействии в выполнении «общих задач». «Моя программа не сложна, — заявил он. — Нам нужно выиграть войну и заставить противника подчиниться нашей воле. Для этого необходима сильная и боееспособная армия. Нельзя медлить. Дорог каждый день»³. Это была старая песня с припевом «Война до победного конца!». Настораживало солдат и недавнее прошлое полковника. Он являлся командиром 1-го Амурского казачьего полка III конного корпуса генерала Крымова, который был одним из ударных отрядов корниловских войск.

Полковников сетовал на тяжелое положение офицерства, в которое оно попало в результате выступления Корнилова, предлагал «подать друг другу руки» для усиления боевой мощи армии, для согласования действий солдат и офицеров и даже крикнул «ура» в честь «молодой армии».

«Ура» прокричали, но на главнокомандующего по-прежнему смотрели подозрительно. Подлинное настроение солдат вскрыло обсуждение вопроса о расформировании революционных полков гарнизона за участие в июльской демонстрации. Представители этих полков жаловались на плохие условия, в которые были поставлены выведенные из Петрограда части, на травлю их со стороны командного состава. Они настаивали на восстановлении и возвращении в Петроград полков в интересах защиты революции.

Наконец при напряженном внимании всего зала на трибуне появился новый военный министр генерал А. И. Верховский. Он напомнил о своих заслугах в отражении корниловских войск, в приведении Московского военного округа в боевую готовность, сказал, что до корниловщины ему удалось добиться того, что солдаты и офицеры стали доверять друг другу. Все это было так, но в послужном списке молодого министра значилось также подавление солдатских волнений в Нижнем Новгороде и Твери, аресты ряда большевиков. Верховский заявил о готовящейся смене ряда генералов, в том числе Алексева, которые придерживаются контрреволюционных взглядов.

В ответах на записки солдат обнаружили слабые стороны в позиции министра. На прямой вопрос о том, как он относится к введению смертной казни на фронте, что чрезвычайно волновало солдат, Верховский не дал ответа, ссылаясь на то, что он «еще мальчик» во Временном правительстве. Когда министра спросили, каково его мнение о выборе начале в армии, Верховский ответил, что он против этого, поскольку специально изучал опыт армии Великой французской революции. Это был честный ответ, но он не учитывал неистребимую тягу солдат к выборности командиров. Этот этап армия должна была пройти, и его невозможно было отстоявить. Верховскому часто аплодировали, его выступление многим понравилось, но ответа на свои чаяния солдаты так и не получили. Гораздо ближе переустройства армии их волновала судьба революционного гарнизона Петрограда, что нашло выражение и в принятой секцией резолюции. Там говорилось: «Вывод не-

¹ См. «Подготовка и победа Октябрьской революции в Москве». М., 1957, стр. 301.

² «Протоколы ЦК РСДРП(б), стр. 47.

³ «Голос солдата», 9 сентября 1917 г.



Красная гвардия. Чита, 1917 г.

которых полков носил характер недопустимой огульной кары полков, из которых лишь часть солдат принимала участие в событиях 3—5 июля. Приказ о выводе остатков семи полков был отдан накануне корниловского восстания и грозил оставить Петроград без защиты в случае натиска корниловских войск¹. Собрание солдатской секции показало, что меньшевики и эсеры уже не могут так, как раньше, рассчитывать на голоса большинства депутатов-солдат.

Что же касается рабочей секции Петроградского Совета, то состоявшееся в тот же день собрание показало, что именно большевики являются ее подлинными руководителями.

Был избран новый президиум, куда вошли 6 большевиков, 3 эсера и 2 меньшевика. Победа большевиков была, таким образом, закреплена здесь уже организационно. Собрание решительно протестовало против правительственных планов разгрузки Петрограда, против циркуляров министра труда М. И. Скобелева, ограничивавших права фабзавкомов, и против попыток превратить рабочую гвардию в подсобную силу городской милиции. Секция приняла резолюцию большевиков, требующую отмены «скобелевских циркуля-

¹ «Голос солдата», 9 октября 1917 г.

Россійская Соціалъ-Демократическая Рабочая Партія (большеви́ковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

Товарищи Рабочіе, Солдаты, Крестьяне!

При выборахъ въ Учредительное Собраніе по Петроградской губерніи голосуйте только за списокъ кандидатовъ рабочей партіи

№ 2 БОЛЬШЕВИКОВЪ № 2

Партія рабочей и крестьянской бѣдноты—большевики будутъ добиваться въ Учредительномъ Собраніи неуклоннаго и рѣшительнаго проведенія въ жизнь всѣхъ изданныхъ Новымъ Правительствомъ рабочихъ и крестьянскихъ законовъ, какъ-то:

- 1) Закона о переходѣ всѣхъ помѣщичьихъ, удѣльныхъ, монастырскихъ и церковныхъ земель со всѣмъ живымъ и мертвымъ инвентаремъ въ распоряженіе крестьянъ безъ всякаго выкупа.
- 2) Закона рабочаго контроля надъ производствомъ.
- 3) Закона о восьми часовомъ рабочемъ днѣ.
- 4) Закона о государственномъ страхованіи.
- 5) Признаніе за каждой національностью (финляндцевъ, эстонцевъ, украинцевъ, латышей и всѣхъ другихъ народностей Россіи) правъ на полное и свободное устроеніе своей жизни.
- 6) Замяна постоянной арміи всеобщимъ вооруженіемъ народа.

Наша партія будетъ добиваться: **МИРА, ХЛѢБА, СВОБОДЫ.**

Подавайте только списокъ № 2

Петроградскій Окружной Комитетъ Р. С.-Д. Р. П. (большеви́ковъ)

ров». Таков был малообнадеживающий соглашателей итог работы двух основных секций Петроградского Совета накануне его решительного собрания.

Наступил день 9 сентября 1917 года. Газеты были полны призывами к депутатам, которых звали всех поголовно явиться на общее собрание и сказать свое слово по поводу будущей политики главного Совета революции. «Рабочий путь» разоблачал расчет меньшевиков и эсеров: «Уничтожить значение голосования 31 августа голосами тех, кто будет голосовать за сохранение старого президиума Н. С. Чхеидзе, В. М. Чернова и т. д.». Чем бы ни кончилось это голосование, продолжала газета, оно никого не введет в заблуждение, политическое доверие и сочувствие масс находятся на стороне большевиков.

Когда в 7 часов 40 минут вечера в Актовом зале Смольного, наконец, открылось это чрезвычайно важное заседание Петроградского Совета, оказалось, что на нем присутствует почти весь состав депутатов. Но и после открытия заседания они продолжали прибывать. Во время речи второго оратора раздался сильный шум у дверей, так как у контрольного стола столпились много людей, стремившихся попасть в зал. Контроль отказывался пропустить их, так как в зале якобы находилось много гостей. На это Н. С. Чхеидзе сокрушенно сказал: «Тут рабочие, и там, за дверьми, рабочие. Скажите им, что они «не члены», так они вам кузькину мать покажут!»

Все депутаты были допущены в зал. Большевики внесли предложение, одобренное ЦК РСДРП (б), — составить президиум на пропорциональной основе, с введением в его состав 7 представителей от большевиков и меньшевиков-интернационалистов. Это предложение было поддержано фракциями меньшевиков-интернационалистов и трудовиков.

По предложению В. Володарского был принят принцип поименного голосования путем выхода депутатов из зала в разные двери. Когда истекло время, необходимое для этой процедуры, и были объявлены результаты, они оказались следующими: за резолюцию меньшевиков проголосовало 414 человек, против нее и за предложение большевиков — 519, воздержалось 67 человек. Итак, абсолютное большинство из 1000 депутатов, принявших участие в голосовании, высказалось за предложение большевиков. Тем самым старая политика эсеро-меньшевистского президиума была осуждена, а переход Совета на большевистские позиции стал неоспоримым фактом.

Н. С. Чхеидзе покинул председательское

место. Ликованию рядовых депутатов не было границ. Заседание 9 октября затянулось до глубокой ночи. Обсуждение следующего вопроса — о событиях 3—5 июля — также показало, что большинство депутатов решительно отдало свои симпатии большевистской партии. Была принята резолюция, осуждающая расправу правительства над большевиками и содержащая приветствие В. И. Ленину.

Политическое значение этого собрания лучше всего выразить словами газеты «Рабочий путь», которая писала: «В истории революционного Петрограда день 9 сентября будет отмечен как поворотный пункт. В этот день Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов за шесть месяцев своего существования впервые высказался решительно и определенно за политическую линию нашей партии. Партия гонимых и преследуемых, партия международного братства и рабочей революции в этот день впервые получила вотум исключительного доверия рабочих и солдат столицы»¹.

«Большевики должны взять власть...»

Статья Ленина «О компромиссах», опубликованная 6 сентября, не встретила поддержки ни среди лидеров эсеров, ни среди лидеров меньшевиков.

Между тем В. И. Ленин, все еще находясь в Гельсингфорсе, приступил к написанию большой брошюры «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Первые строки ее были написаны 10 сентября 1917 года. Брошюра должна была ответить на частые в эсеро-меньшевистской и буржуазной печати крики о надвигающейся катастрофе. Ленин хотел показать, что только программа большевиков, если ее примут Советы, в состоянии революционными мерами вывести страну из-под удара грозящей экономической катастрофы.

Именно в процессе написания «Грозящей катастрофы» Ленин сделал вывод о необходимости вновь поставить вопрос о восстании, но на этот раз уже практически. Этот вывод был тесно связан с развитием политических событий 8—10 августа: явным отказом меньшевиков и эсеров от компромисса с большевиками, колебаниями их в сторону возбуждения коалиции с кадетами. Еще в статьях, написанных 6—10 сентября, Ленин постоянно учитывал возможность отказа меньшевиков и эсеров от компромисса. В связи с этим он

¹ «Рабочий путь», 12 сентября 1917 г.

исследовал перспективу капитуляции соглашателей перед буржуазией, нежелание их передать власть Советам. В таком случае, указывал В. И. Ленин, неизбежна гражданская война, пролетариат столицы станет еще ближе к «рабочему восстанию» против буржуазии.

Вывод о необходимости подготовки восстания основывался не только на совокупности экономических и политических условий момента в России, но и на международных условиях. Свои мысли Ленин изложил в двух письмах в Центральный Комитет. По кругу вопросов, затронутых в этих письмах, они чрезвычайно близки ко всем работам В. И. Ленина первой половины сентября, начиная от статьи «О компромиссах» и кончая брошюрой «Грозящая катастрофа и как с ней бороться». Но особенно близки они статьям, написанным 6—10 сентября. И тем не менее они качественно отличаются от них, отличаются именно основным политическим выводом из всей совокупности условий на 10 сентября. Решающее внимание В. И. Ленин уделил большевизации Советов Петрограда и Москвы. Он начинал письмо «Большевики должны взять власть» словами: «Получив большинство в обоих столичных Советах рабочих и солдатских депутатов, большевики могут и должны взять государственную власть в свои руки»¹.

Следует подчеркнуть, что этот вывод не мог быть сделан ранее, скажем, 1 сентября, так как победа, одержанная тогда большевиками на заседании 31 августа, как было показано выше, нуждалась еще в подтверждении. И только после заседания Петроградского Совета от 9 сентября о ней можно было говорить как о бесспорном факте. Точно так же о победе большевиков в Московском Совете В. И. Ленин мог узнать не ранее 8—9 сентября, учитывая условия связи с Петроградом и время получения газет в Гельсингфорсе.

В другом письме, «Марксизм и восстание», В. И. Ленин подробно развивал некоторые из мыслей, затронутых в предыдущем письме. Вместе с тем он касался здесь и вопроса о компромиссе. «За нами верная победа, — писал В. И. Ленин, — ибо народ совсем уже близок к отчаянию, а мы даем всему народу верный выход, показав значение нашего руководства всему народу «в дни корниловские», затем предложив компромисс блокистам и получив отказ от них при условии отнюдь не прекращающихся колебаний с их стороны»². Одновременно Ленин предлагал провести ряд

мер по военно-организационной подготовке к восстанию, то есть отнести к нему как к искусству³.

Таков был вывод Ленина, таков был итог гигантской работы его мысли, бесконечного анализирования перемен, происшедших после корниловщины, всех оттенков и поворотов политического положения в первой половине сентября.

Еще предстояла большая борьба внутри Центрального Комитета РСДРП(б), убеждение колеблющихся, показ ошибок заблуждавшихся, но главный вывод, определивший всю дальнейшую историю нашей страны, был сделан. Кризис назрел, необходимо было изо всех сил готовить восстание. Отправив свои письма в Петроград, В. И. Ленин и сам через несколько дней покинул Гельсингфорс и переехал в Выборг, расположенный уже совсем недалеко от Петрограда. Теперь только пять часов езды по железной дороге отделяли его от революционного Петрограда.

Центральный Комитет принимает решение

Это был обычный многоэтажный доходный дом, которых много построили в Петрограде за последние годы. Он стоял не на центральной улице, а вблизи рабочей окраины Петроградской стороны, на набережной небольшой речки Карповки. К этому дому вечером 10 октября 1917 года шли двое. В небольшой коренастой фигуре никто не узнал бы человека, имя которого вот уже семь месяцев не сходило со страниц петроградских газет, человека, которого долго и безуспешно искали агенты Временного правительства.

Владимир Ильич Ленин был без привычных для него усов и бороды. Из-под шляпы виднелись волосы седого парика. Рядом с ним шел связанной Центрального Комитета большевистской партии Эйно Рахья. В доме на Карповке, на квартире известного левого меньшевика Н. Н. Суханова, должно было состояться заседание ЦК РСДРП(б). Суханова не должно было быть в этот вечер дома, и его жена Г. К. Флаксерман, являвшаяся членом больше-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 239.

² Там же, стр. 244.

³ См. там же, стр. 245.



Группа красногвардейцев. Август 1917 года.

вистской партии, предоставила свою квартиру для этой важной конспиративной встречи.

Ленин был озабочен и рад. Лишь накануне после многих дней финляндского подполья он вернулся в Петроград, где, по его глубокому убеждению, совсем скоро должен был разыграться заключительный этап русской революции — рабочее восстание против буржуазной власти. Кончались затруднения в связи, когда часы ожидания посланцев из Петрограда казались вечностью. Кончались дни недомолвок и временных недоразумений: ведь в письмах не объяснить всего. Через несколько минут он встретится с товарищами, которые здесь, в Петрограде, ежедневно общаются с

массами, с рабочими и солдатами, улавливают все изменения в их настроениях и симпатиях.

Позади был сложный период внутривнутрипартийной жизни. Сначала «увлечение» Демократическим совещанием, когда вовремя не была учтена обстановка и большевистская фракция не покинула Александринского театра. Затем совсем уж ошибочное решение участвовать в Предпарламенте, против которого Ленин решительно боролся. 3 дня назад большевики вышли из Предпарламента, уйдя с его первого заседания. Это хорошо! Но есть, есть еще сильная тенденция связать восстание непременно со съездом Советов, с его резолюцией.



Солдаты Павловского полка вручают знамя представителям рабочих Путиловского завода. 1 октября 1917 г.

А ведь это равносильно публичному назначению дня восстания, равносильно представлению противнику времени для подготовки. Итак, скорее туда, на встречу с товарищами, чтобы лично разъяснить им свои взгляды, доказать неизбежность и необходимость восстания, убедить их в своей правоте.

Квартира располагалась на первом этаже. В нее можно было попасть парадным ходом, со двора и с черного входа. Таким образом, приход многих людей в одну квартиру мог оказаться незамеченным. Кроме В. И. Ленина, здесь собрались еще 11 членов Центрального Комитета большевистской партии. Загримированного, его не сразу узнали, а узнав, шумно

радовались. Собрались в столовой за длинным столом. Под потолком горела лампа с матовым полукруглым абажуром. Чтобы свет от нее не проникал во двор, единственное окно комнаты было завешено одеялом.

Собравшиеся несли на своих плечах основную тяжесть руководства партии. Люди разные по складу своего характера, выполнявшие разные виды партийной работы, в своей совокупности они составляли могучий и целеустремленный организм, настоящий мозг партии. Председательствовал Я. М. Свердлов, один из создателей и руководителей разветвленного партийного аппарата. Он реже других выступал на митингах и собраниях. Зато в любое



Подъезд дома на набережной реки Карповки.

время его можно было найти в помещении Центрального Комитета партии. Он присутствовал буквально на всех заседаниях ЦК, готовил их, вел обширнейшую переписку с сотнями местных партийных организаций, держал в своей памяти тысячи имен и фамилий. Это был «орготдел» ЦК, сконцентрированный в одном человеке. Именно Свердлов первым получал известия о работе партии на местах, в Петрограде и в провинции. Он не просто знал, но и чувствовал, как не по дням, а по часам растут силы большевиков, множатся их ряды.

Заседание ЦК РСДРП (б) 10 октября стало крупнейшим событием внутрипартийной жизни.

И прежде всего потому, что на нем впервые после июльских дней присутствовал В. И. Ленин. Этому заседанию суждено было определить все направление партийной работы на ближайшие недели, принять решение о подготовке вооруженного восстания. Протокол заседания записан всего на трех страничках, а продолжалось оно, по воспоминаниям участников, всю ночь, закончившись только утром 11 октября. В ходе дискуссии по текущему моменту высказались все присутствовавшие. Большинство из них уже разделяло ленинскую точку зрения о необходимости скорейшей организации восстания. Хотя в начале и в середине сентября некоторые члены ЦК расходились в неко-



Общий вид дома на набережной реки Карповки, в котором происходило заседание ЦК большевиков 10(23) октября 1917 г.

торых вопросах оценки обстановки и определения задач партии с В. И. Лениным, дальнейшее развитие событий показало им, что правильным является именно ленинский анализ. Л. Б. Каменев шел на заседание, оставшись в одиночестве по вопросу об участии в Предпарламенте, но оказалось, что и он приобрел сторонника — Г. Е. Зиновьева. Что же касается Л. Д. Троцкого, то именно он был наиболее упорным сторонником тактики «ожидания» съезда Советов.

При обсуждении текущего момента слово получил В. И. Ленин. В протоколе его речь воспроизведена так: «Тов. Ленин констатирует, что с начала сентября замечается какое-то

равнодушие к вопросу о восстании. Между тем это недопустимо, если мы серьезно ставим лозунг о захвате власти Советами. Поэтому давно уже надо обратить внимание на техническую сторону вопроса. Теперь же, по видимому, время значительно упущено. Тем не менее вопрос стоит очень остро, и решительный момент близок»¹. Обрисовав затем международное и внутреннее положение, благоприятствующее восстанию, Ленин продолжал: «Ждать до Учредительного собрания, которое

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 391.

явно будет не с нами, бессмысленно, ибо это значит усложнять нашу задачу.

Областным съездом и предложением из Минска надо воспользоваться для начала решительных действий¹.

После длительной дискуссии за резолюцию, предложенную В. И. Лениным, высказались 10 членов ЦК, против — двое: Каменев и Зиновьев. Резолюция констатировала постановку на очередь дня вооруженного восстания.

Уже на следующий день сообщения о близком восстании были сделаны на двух важных политических собраниях большевиков. На заключительном заседании III Петроградской общегородской конференции РСДРП(б) обсуждался вопрос о Красной гвардии. Докладчик В. И. Невский — представитель военной организации при ЦК — сказал, что Красная гвардия должна стать ударной силой восстания, способной нанести первый и верный удар по противнику. Наступил такой момент, отметил Невский, когда вооружение рабочих «приблизит больше к захвату власти, чем сотни резолюций»². На заседании присутствовала от ЦК РСДРП(б) А. М. Коллонтай. Были оглашены письмо В. И. Ленина к участникам конференции от 7 октября и тезисы для доклада на конференции, требовавшие немедленной подготовки восстания и критиковавшие тактику ожидания съезда Советов.

Тогда же, утром 11 октября, состоялось собрание большевистской фракции съезда Советов Северной области; как говорилось выше, этот съезд упоминался в резолюции ЦК РСДРП(б) от 10 октября в связи с возможным началом восстания.

Ход работы первого дня съезда показал, что сигнала восстания ждали с минуты на минуту, и если не сегодня, то завтра. В приветственной речи председатель съезда большевик Н. В. Крыленко говорил: «На нас ложится ответственность сделать все от нас зависящее, чтобы революция самое себя нашла, мы стоим перед критическим моментом, и мы обязаны исполнить свой долг перед родиной и страной»³. Каждый революционный призыв встречался бурными аплодисментами. Выступавшие выражали пожелание скорее покончить с властью Временного правительства.

Напряжение достигло предела, когда В. А. Антонов-Овсеенко сообщил, что арестованные в июльские дни и заключенные в «Крестах» большевики начали голодовку, настаивая на своем освобождении. Так же как и Петроградская общегородская конференция большевиков, съезд единодушно принял обра-

щение, где просил заключенных приостановить голодовку и пощадить свои силы, «ибо час вашей свободы близок»⁴.

Но в те же часы в пригороде Петрограда, около станции Удельная, на конспиративной квартире рабочего завода «Айваз» Э. Кальске, два оставшихся в меньшинстве члена ЦК — Л. Б. Каменев и Г. Е. Зиновьев решили обратиться с письмом к членам Петроградского и Московского комитетов РСДРП(б), к большевикам — участникам съезда Советов Северной области.

Восстание казалось им обреченным на неудачу, а силы противников большими, чем они были на самом деле. Сетую на отсутствие в массах «боевого, рвущегося на улицы настроения», они призывали ждать Учредительное собрание.

В действительности же дело обстояло как раз наоборот. На стороне революции уже к 11—12 октября был значительный перевес политических и военных сил. Как отмечал в своих статьях и письмах В. И. Ленин, партия при подготовке восстания должна была опираться на три основные силы. Во-первых, это рабочий класс Петрограда и его боевая организация — Красная гвардия. К началу октября в рядах Красной гвардии насчитывалось уже 10—12 тысяч бойцов, обученных приемам обращения с оружием и военному строю.

Во-вторых, это были матросы Балтийского флота. Из 80 тысяч моряков флота свыше 10 тысяч находились в непосредственной близости от столицы — в Кронштадте. В самом Петрограде располагались 2-й Балтийский и Гвардейский флотские экипажи, полностью поддерживавшие лозунги большевистской партии. Настроение моряков главных баз флота — Гельсингфорса и Ревеля — также было большевистское. Это показал проходивший с 25 сентября по 3 октября 2-й общепалтийский съезд. Съезд избрал новый состав руководящего органа моряков — Центробалт, в котором большевики имели большинство.

Несколько сложнее обстояло дело с гарнизонами, где до конца сентября еще было заметно влияние соглашательских партий. Одна-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 392.

² Цит. по ин. Е. Ф. Ерыкалова, Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Л., 1966, стр. 216.

³ «Каторга и ссылка», 1932, № 11—12, стр. 53.

⁴ Там же.

ко планы правительства вывести революционный гарнизон из Петрограда, получившие огласку в начале октября, способствовали дальнейшему революционизированию солдатских масс. 9 октября солдатские депутаты Петроградского Совета поддержали призыв большевиков создать революционный штаб обороны Петрограда. А как раз 11 октября военный отдел Исполкома утвердил проект положения о революционном штабе, положенный на следующий день в основу создания Военно-революционного комитета Петроградского Совета.

Конечно, требовалась еще большая работа по овладению гарнизоном, но 11—12 октября предпосылки для ее успешного проведения были налицо. Нужно было энергично браться за эту работу, за быструю и всестороннюю техническую подготовку восстания.

Появление письма Каменева и Зиновьева партийному активу внесло осложнение. Этим немедленно воспользовался Троцкий, круто переложивший руль в сторону своей прежней линии — ожидания съезда Советов и его решения по вопросу о передаче всей власти Советам.

О письме Каменева и Зиновьева вскоре же стало известно В. И. Ленину. По его инициативе состоялось несколько встреч членов Центрального Комитета, на которых вновь обсуждался вопрос о восстании. Одна из таких встреч состоялась 14 октября на квартире машиниста Г. Ялавы (на его паровозе В. И. Ленин дважды переехал финляндскую границу). Как пишет в своих воспоминаниях Г. Ялава, на этом совещании присутствовали И. В. Сталин, Г. Е. Зиновьев, Л. Д. Троцкий, Л. Б. Каменев, Г. Я. Сокольников, А. В. Шотман, П. Е. Дыбенко¹. «Обсуждался вопрос о подготовке к взятию власти в руки Советов, — вспомнил Ялава, — подходящий ли сейчас момент, сколько у нас сил, удержим ли мы власть, если возьмем, и т. д. ...Шли горячие споры. Осторожно, неуверенно звучали выступления Каменева и Зиновьева. Спокойно, продуманно отвечал им Владимир Ильич, разбивая их фактами, оценивая каждую мелочь»².

В эти же дни В. И. Ленин снова встречается с членами ЦК на квартире у М. И. Калинина (точная дата этой встречи не установлена). Кроме того, между 12 и 15 октября состоялось важное свидание В. И. Ленина с председателем Московского комитета РСДРП(б) О. А. Пятницким. С ним обсуждалась возможность начала восстания в Москве. Таким образом, в эти дни воля и ум В. И. Ленина были напряжены до предела, он использовал все

средства для товарищеского убеждения маловеров, для поисков согласованного решения. В. И. Ленин пишет «Письмо к товарищам», где подробно и обстоятельно, с иронией и сарказмом разбирает доводы «парочки товарищей», растерявших свои принципы. Несмотря на эти осложнения, Ленин убеждает работников Военной организации форсировать техническую подготовку восстания. Она не замедлялась ни на один день. 12 октября Исполком Петроградского Совета принимает положение о Военно-революционном комитете, 13 октября оно утверждается солдатской секцией, а 16 октября — общим собранием Совета. Отдел рабочей гвардии Исполкома готовит общегородскую конференцию красногвардейцев, с Сестрорецкого оружейного завода по ордеру Петроградского Совета вывозятся крупные партии винтовок для вооружения красногвардейцев.

15 октября созывается собрание Петербургского комитета большевистской партии, на его обсуждении — «текущий момент». Члены ПК знакомятся с резолюцией ЦК от 10 октября и письмом Каменева и Зиновьева от 11 октября. Большинство выступавших одобрило ленинскую резолюцию ЦК. Комитет принял тезисы по текущему моменту, которые намечали практическую программу деятельности петроградских большевиков.

Между тем состояние подготовки восстания требовало нового обсуждения вопроса о восстании в руководстве партии. Оно состоялось 16 октября на расширенном заседании ЦК РСДРП(б), проходившем в помещении Лесновско-Удельнинской районной думы (Болотная ул., д. 13/17), где М. И. Калинин был председателем управы.

С докладом выступил В. И. Ленин. Он огласил резолюцию о восстании, принятую 10 октября, указав, что она была принята против двух голосов и что, если возражавшие — Каменев и Зиновьев — захотят высказаться, будут развернуты прения. Ленин подробно мотивировал принятое Центральным Комитетом решение о восстании. Осветив далее международную сторону вопроса, Ленин сделал вывод: «...на очереди то вооруженное восстание, о котором говорится в резолюции ЦК»³.

Каменев и Зиновьев пытались вырвать у ЦК

¹ Г. Ялава, Кочегар поезда № 71. «Красная летопись», 1931, № 1 (58), стр. 93.

² Там же.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 395.

обещание в том, что в ближайшие 3 или 5 дней (до открытия Второго Всероссийского съезда Советов) восстание начато не будет. Большинство собрания отвергло эти претензии.

Резолюция, которую хотел провести Зиновьев, была отвергнута — за нее голосовали всего 6 человек, 15 голосовали против, 3 воздержались. В резолюции, предложенной В. И. Лениным и принятой подавляющим большинством голосов (за — 19, против — 2, воздержались — 4), говорилось: «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывает все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленной подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным Комитетом центра и выражает полную уверенность, что ЦК и Совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления»¹. Далее сообщалось о создании центра для руководства восстанием. В него вошли Я. М. Свердлов, И. В. Сталин, А. С. Бубнов, М. С. Урицкий и Ф. Э. Дзержинский. Как указывалось в постановлении ЦК, «центр входит в состав революционного Советского комитета», то есть ВРК.

Теперь, когда до съезда Советов оставалось три дня, необходимо было готовиться к восстанию еще энергичнее, ведь сигнал о его начале мог последовать каждый день.

Но, оставшись вновь в меньшинстве, Каменев и Зиновьев не только не прекратили своей деятельности, но усилили ее. Экземпляр письма от 11 октября был передан в редакцию газеты «Новая жизнь». 17 октября в статье В. Базарова «Марксистское отношение к восстанию» об этом письме сообщалось следующее: «По городу пущен в рукописи листок, высказывающийся от имени двух видных большевиков против выступления». «Это немного маловато, товарищи», — писал Базаров. Он призвал большевиков — противников восстания — агитировать на рабочих митингах, в печати, чтобы удержать солдатские и рабочие массы.

18 октября противники восстания пошли на новый шаг. В этот день в той же «Новой жизни» была помещена заметка «Ю. Каменев о выступлении». Каменев от своего имени и имени Зиновьева заявил о несогласии с решением о подготовке восстания. В. И. Ленин охарактеризовал этот поступок как «штрейкбрехерство революции».

В чем состояло пагубное значение выступления Каменева и Зиновьева? Сам факт подго-

товки большевистской партией вооруженного выступления не составлял в Петрограде секрета. Хорошо известно было об этом и правительству. Однако источником сведений для правительства служили различные слухи, статьи в буржуазной и эсеро-меньшевистской прессе. Ни один ответственный работник партии в публичных выступлениях не говорил прямо о восстании, всегда инициатива выступления приписывалась правительству. И первое авторитетное свидетельство о действительно ведущейся подготовке восстания правительство получило от членов большевистского ЦК Каменева и Зиновьева. Они выдали врагу партийную тайну, военную тайну, поскольку именно о военной схватке с противником шла речь. И поэтому справедлив был гнев В. И. Ленина и большинства членов Центрального Комитета большевиков, сурово осудивших штрейкбрехеров.

Выступление Каменева и Зиновьева создало новую ситуацию в подготовке восстания. Парализуя вредное влияние поступка Каменева и Зиновьева, В. И. Ленин опубликовал в «Рабочем пути» свое «Письмо к товарищам». Первая часть письма появилась в газете уже на следующий день после опубликования интервью Каменева. 19, 20 и 21 октября печатались оставшиеся части «Письма к товарищам»².

18 и 19 октября Ленин написал еще два письма в Центральный Комитет с требованием исключить штрейкбрехеров из партии. В этих письмах он сделал целый ряд существенных указаний и относительно срока восстания. Ведь оно должно было состояться буквально со дня на день, а теперь, после публичного заявления Каменева и Зиновьева, срок восстания необходимо было пересмотреть.

Из писем В. И. Ленина следовало, что противник предупрежден о возможном выступлении перед 20 октября и начинать восстание нельзя, необходимо выждать несколько дней, проследить за реакцией противника, а пока же ликвидировать отрицательный эффект штрейкбрехерского поступка внутри партии³.

Тем временем на экстренном заседании Петроградского Совета рабочих и солдатских де-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 397.

² См. там же, стр. 398—418.

³ См. там же, стр. 421.

путатов вечером 18 октября под непосредственным влиянием интервью Каменева в «Новой жизни» был поднят вопрос о «большевистских выступлениях». Выступая от имени руководства Петроградского Совета, Троцкий вновь проявил тенденцию приурочить восстание к съезду Советов. Это выступление было исползовано Каменевым. Взяв слово, он заявил, что согласен со всем, что сказал Троцкий.

Полемика по вопросам восстания стала открытой. Доводы Каменева и Зиновьева были убедительно и наглядно разбиты Лениным, в чем могли убедиться любой работник партии, любой рабочий и солдат, прочитавший ленинское письмо. Однако с этого момента ни о какой «внезапности» в подготовке восстания говорить уже не приходилось. Восстание продолжало готовиться совершенно открыто, а вопрос о моменте его начала обсуждался в петроградской печати, на улицах города, в районных Советах и думах.

«Наступать изо всех сил...»

После 20 октября политическая обстановка в Петрограде с каждым часом обострялась. Друг против друга уже стояли два военных лагеря. Правительство в меру своих сил готовилось к отражению неизбежного вооруженного нападения. Военно-революционный комитет открыто распространял свое влияние на части Петроградского гарнизона. Пресса неистовствовала. Потоки новостей захлестывали жителей города. На соседних колонках газет помещались сообщения о действиях правительства, и о работе Военно-революционного комитета, и о формировании охраны домовых комитетов, и о патрулировании улиц отрядами Красной гвардии.

21 октября 1917 года Военно-революционный комитет провел важное заседание. На нем было избрано бюро ВРК для повседневной оперативной работы. В него вошли большевики В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский, А. Д. Садовский, левые эсеры П. Е. Лазимир и Г. Н. Сухарьков. Председателем комитета был избран Лазимир, секретарем — Антонов-Овсеенко. Впрочем, распределение обязанностей было чисто формальным, бюро ВРК работало как коллегиальный орган: за председателем и секретаря подписывались все члены бюро и многие члены пленума ВРК. На заседании ВРК обсуждались последние военные мероприятия штаба Петроградского военного округа. Как бы в ответ на них была выделена и направлена в штаб делегация «для совместной работы и контроля»¹. В этот

же день получили назначения в некоторые воинские части первые комиссары Военно-революционного комитета, которые становились фактическими командирами тех полков, куда они направлялись.

21 октября ВРК провел экстренное собрание представителей частей Петроградского гарнизона. Оно приветствовало образование Военно-революционного комитета и обещало ему поддержку «во всех его шагах, направленных к тому, чтобы теснее связать фронт с тылом в интересах революции». Собрание приняло также резолюцию о II Всероссийском съезде Советов. В ней, присоединяясь ко всем политическим резолюциям Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, представители солдат заявляли: «Петроградский гарнизон торжественно обещает Всероссийскому съезду в борьбе за эти требования отдать в его распоряжение все свои силы до последнего человека. Надеемся на нас, полномочные представители солдат, рабочих и крестьян. Мы все на своих постах, готовые победить или умереть»².

Не только в Петрограде, но и в пригородах: Царском Селе, Петергофе, Ораниенбауме, где местные Советы состояли в основном из депутатов расположенных там частей, велись усиленные военные приготовления. 21 октября Царскосельский Совет обратился к солдатам с воззванием о выступлении только в поддержку Советов и установил контроль за всеми передвижениями войск.

В тот же день ВРК установил контроль над выдачей патронов из магазинов Петроградского патронного завода. Отныне она могла производиться только по распоряжению комитета за подписями П. Е. Лазимира, В. А. Антонова-Овсеенко и Ф. Э. Дзержинского. Были назначены новые комиссары в воинские части: Ю. М. Коцюбинский — в Финляндский полк, А. Ф. Ильин-Женевский — в Огнеметно-химический батальон, Л. В. Горбатенко — в Волынский³.

Временное правительство продолжало свои попытки бороться с надвигающимся восстанием. 21 октября оно одобрило для внесения в Предпарламент проект положения о

¹ «Рабочий путь», 24 октября 1917 г.

² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1957, стр. 168—170.

³ «Красная летопись», 1923, № 8, стр. 8.

предоставлении исключительных полномочий губернским и областным комиссарам под предлогом «борьбы с анархией». Временное правительство не забывало и о собственной охране. 21 октября была составлена сводка всех наличных сил обороны, имеющихся в Зимнем дворце. Их оказалось не так много: 37 офицеров, 696 юнкеров, 75 солдат — всего 808 человек. Таково было количество людей, которые могли защитить «полномочное Временное правительство Российской республики». В их распоряжении имелось 6 полевых пушек, 6 броневиков, 19 пулеметов, 684 винтовки и 40 револьверов. Очень ограниченным был и запас боеприпасов¹. Итог получался неутешительным. Правительство, удивившись в том, что большинство Петроградского гарнизона относится к нему враждебно, попыталось опереться на фронтовые части. С Румынского, Южного и Юго-Западного фронтов под предлогом «оперативных перевозок» двигались к Петрограду эшелоны с пехотой, ударными и офицерскими батальонами. Из Киева были вызваны юнкера, с Румынского фронта — кавалерийские части. На железнодорожной линии Дно — Петроград более недели стояло 2 самокатных батальона. Около Гатчины располагались казачьи войска бывшего корпуса генерала Крымова — передового отряда корниловских войск.

И хотя скорость передвижения войск была в те дни небольшой, а расстояния, которые лежали еще перед корниловскими войсками «второго призыва», — огромными, каждый день промедления с восстанием приближал их к революционному Петрограду. Если бы восстание было отложено на конец октября, то есть после съезда Советов, шансы на его успех стали бы меньшими. А пока шли на станции и грузились в вагоны солдаты, гремели на стрелках тяжелые составы, в самом Петрограде лишь 800 человек — крохотная песчинка по сравнению с сотнями тысяч рабочих и солдат — готовились защищать последнее буржуазное правительство страны.

Поздно вечером 21 октября в Смольном прибыл поданный из штаба округа автомобиль. На нем к полковнику Полковникову отправились делегаты Военно-революционного комитета, получившие задание установить контроль над всеми распоряжениями штаба. Вот что рассказывает об этом один из членов Военно-революционного комитета К. Мехоношин: «Полковников тотчас же нас принял, выслушал наше заявление, спокойно и уверенно переданное тов. Садовским, и ответил, что никаких комиссаров он не призна-

ет и в опеке не нуждается. На наш намек, что, пожалуй, без санкции представителя Питерского Совета приказы будут плохо исполняться, самоуверенно заявил, что гарнизон в его руках и он с ним будет делать то, что нужно. Твердость Полковникова была искренней, ничего напускного не чувствовалось, очевидно, он не понимал действительного положения в гарнизоне. После этого краткого обмена нам ничего не оставалось делать, как вернуться в Смольный и принимать соответствующие меры»².

Гарнизонное совещание в Смольном 22 октября заслушало доклад ВРК о посещении штаба округа и принял обращение к солдатам гарнизона. В нем до сведения всех солдат доводилось, что штаб отказался признать контроль Военно-революционного комитета. Гарнизонное совещание возлагало на солдат выполнение задач по охране революционного порядка и предписывало им подчиняться только ВРК. Обращение кончалось словами: «Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон»³.

На совещание в штабе округа собрались представители ЦИК и нескольких бригадных комитетов. Было решено вызвать из Смольного делегацию гарнизонного совещания. Делегация вскоре прибыла. Ее возглавлял П. В. Дашкевич, большевик, поручик Павловского полка. Он заявил о полученных им полномочиях от гарнизонного совещания довести до сведения штаба, что отныне все его распоряжения должны быть контрагнированы Военно-революционным комитетом. Больше, сказал Дашкевич, я ничего говорить не уполномочен. Делегация удалилась, оставив в растерянности собравшихся⁴.

Так начался конфликт Петроградского Совета со штабом округа. Это было первое открытое столкновение сил революции и контрреволюции. Оно велось пока на уровне обмена заявлениями и демаршами. Еще молчали пулеметы и винтовки, а солдаты той и дру-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 275.

² К. Рябинский, Революция 1917 года. Хроника событий, т. V. М., 1926, стр. 146. «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания участников революции. Л., 1956, стр. 28—29.

³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 234.

⁴ «Известия», 24 октября 1917 г.

гой стороны находились в казармах. Но в любой момент заявления могли стать ультиматумом, а винтовки — начать стрелять.

22 октября 1917 года вошло в историю подготовки Октябрьского вооруженного восстания как День Петроградского Совета. Еще в середине октября было решено использовать это воскресенье для организации платных митингов и концертов с целью пополнить кассу Петроградского Совета, так как ЦИК после изменения политической позиции Совета отказал ему в финансовой поддержке. Однако чем ближе становился этот день, тем больше обострялась обстановка, тем большее политическое значение он приобретал.

День 22 октября пытались использовать в своих целях и контрреволюционеры. Союзом казачьих войск на 22 октября 1917 года был назначен крестный ход. Официально он назначался по случаю празднования дня иконы Казанской божьей матери в память избавления Москвы от врагов в 1612 году. Казачество собиралось «молить всевышнего спасти от гибели Россию и благословить оружие их»¹. Путь следования крестного хода, в котором должны были принять участие казаки 1, 4 и 14-го донских полков в конном строю, составлял 20 верст и проходил по Александро-Невскому, Рождественскому, Литейному, Петроградскому, Василеостровскому, Адмиралтейскому и Казанскому районам. Появление на улицах вооруженных казаков — именно освящение оружия являлось одной из целей крестного хода, — когда десятки тысяч рабочих и солдат соберутся на свои митинги, могло привести к столкновениям. Поэтому, готовя День Петроградского Совета, ВРК принял ряд мер по охране революционного порядка.

Твердая решимость Петроградского Совета провести митинги и собрания 22 октября, несмотря на назначенный на тот же день казачий крестный ход, меры ВРК по охране митингов и революционного порядка на улицах встревожили Временное правительство. Оно испугалось того, что под предлогом предотвращения столкновений будет подготовлено восстание. 21 октября к заместителю министра-председателя А. И. Коновалову был вызван один из руководителей Союза казачьих войск Аникеев. Министр просил отложить крестный ход или провести его «без церемониала». В свою очередь, Полковников вызвал к себе командиров казачьих полков и предложил им отказаться от устройства крестного хода. В 11 часов 40 минут вечера Полковни-

ков передал в 1, 4 и 14-й донские казачьи полки срочную телеграмму об отмене крестного хода по распоряжению Временного правительства. Утром 22 октября об отмене крестного хода стало известно ВРК. Тем не менее в своем обращении к солдатам ВРК специальным пунктом подчеркнул, что «все распоряжения Петроградского Совета на сегодняшний день, День Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, остаются в полной своей силе».

В. И. Ленин, узнав об отмене крестного хода, писал в записке Я. М. Свердлову: «Отмена демонстрации казаков есть гигантская победа. Ура! Наступать изо всех сил, и мы победим вполне в несколько дней!»². Сила и уверенность Военно-революционного комитета и, напротив, слабость правительства создавали новую, более благоприятную обстановку для начала восстания. Вопрос о выборе его момента стал основным вопросом дня.

В День Петроградского Совета большевики основное свое внимание уделили организации митингов и собраний. Но они не прекращали и военно-техническую подготовку восстания. Бюро ВРК постановило заменить старую охрану Смольного новой. В состав охраны были включены команда пулеметчиков и отряд латышских стрелков. ВРК предписал Патронному заводу отпустить для штаба Красной гвардии Выборгского района 2 тысячи учебных, 5 тысяч учебно-боевых и 50 тысяч боевых патронов. Была установлена постоянная связь с Кронштадтом. Количество комиссаров ВРК в воинских частях гарнизона увеличилось: М. К. Тер-Арутюнянц был назначен в Арсенал Петропавловской крепости, А. Ф. Ильин-Женевский, назначенный накануне комиссаром Огнетметно-химического батальона, получил распоряжение исполнять те же обязанности и в гвардии Гренадерском резервном полку, корнет П. И. Вьюшин стал комиссаром 9-го кавалерийского полка³.

В этот же день начала свою работу общегородская конференция Красной гвардии Петрограда. Ее 200 делегатов представляли 20 тысяч красногвардейцев.

В целом можно сказать, что к исходу дня 22 октября возможная в тех условиях тех-

¹ ЦГАОР СССР, ф. 336, оп. 1, д. 22, л. 143.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 434.

³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 277—278.

ническая подготовка восстания была в основном завершена и позволяла начать вооруженное выступление в любой момент по усмотрению ВРК.

В противоположность этому правительство находилось в состоянии растерянности и продолжало придерживаться выжидательной тактики. Днем 22 октября 1917 года А. И. Коновалову было доставлено переданное во все части телефонограммой обращение ВРК к солдатам гарнизона о разрыве со штабом и неисполнении его приказаний. Коновалов немедленно отправился в Зимний дворец к Керенскому и доложил ему о случившемся. Керенский предложил принять репрессивные меры в отношении ВРК. Он выразил недовольство образом действий Полковникова и стал отдавать некоторые распоряжения в обход него прямо начальнику штаба Петроградского военного округа генералу Я. Г. Багратуни. Что касается Полковникова, то он просил повременить с репрессиями, заявив, что им сделано новое предложение Военно-революционному комитету о переговорах по вопросу об увеличении числа представителей от Советов при штабе Петроградского военного округа. Министры решили обождать с преследованием ВРК и ограничиться требованием об отмене его телефонограммы¹.

В половине шестого вечера генерал Багратуни связался по прямому проводу с комиссаром Временного правительства на Северном фронте, меньшевиком В. С. Войтинским. Он просил выяснить возможность формирования и посылки в Петроград специального военного отряда в составе одной бригады пехоты, кавалерийского полка и артиллерийской батареи. Войтинский ответил, что сформировать такой отряд заранее фронт не сможет, но при получении специального распоряжения Временного правительства отряд будет немедленно сформирован и отправлен в Петроград. Через сутки после отдачи приказа он мог бы прибыть в город. Через такое же время могли быть в Петрограде и другие части, находившиеся уже в эшелонах². Багратуни поблагодарил Войтинского и отправился с докладом к Керенскому. Однако никакого немедленно-го приказа о движении в Петроград специального отряда не было отдано ни вечером 22 октября, ни в ночь на 23-е.

Керенский имел несколько встреч с членами ЦИК, которые всякий раз заверяли его в том, что в конфликте с ВРК они, безусловно, на стороне правительства. Вместе с тем меньшевистско-эсеровские лидеры просили Керенского воздержаться пока от активной

борьбы, обещая уладить конфликт мирным путем на переговорах с руководителями Петроградского Совета³. Таким образом, в силу целого ряда причин правительство не смогло прибегнуть к репрессивным мерам против большевистского Военно-революционного комитета. Однако на заседании Временного правительства в ночь на 23 октября было принято решение потребовать в ультимативной форме отмены телефонограммы Военно-революционного комитета. Но вновь ни одной военной меры не было предпринято, ни один солдат не вызывался дополнительно на охрану правительства.

Явная слабость сил, охраняющих Временное правительство, полностью подтверждала правильность ленинского анализа обстановки, данного им в записке к Я. М. Свердлову: правительство проявило свою слабость, необходимо было «наступить изо всех сил»⁴.

Но в момент, когда имелась реальная возможность смелым и решительным ударом покончить с Временным правительством и беспрепятственно овладеть городом, часть членов Военно-революционного комитета склонилась в пользу выжидательной тактики. Приказ о выступлении воинских частей и Красной гвардии не последовал. Созданию такой обстановки в ВРК активно способствовали Л. Д. Троцкий и Л. Б. Каменев. Выступая на целом ряде митингов в День Петроградского Совета, они публично заявляли, что никакого восстания большевики и Петроградский Совет не готовят, что власть должен создать только съезд Советов, а выступление может состояться лишь по призыву Всероссийского съезда⁵. В таких условиях Военно-революционному комитету, его наиболее решительному ядру, было очень трудно готовить наступательные операции.

Керенский, по всей вероятности, расценил эти шаги как признак нерешительности ВРК. Он провел совещание с генералом А. А. Маниковским, назначенным управляющим Военным министерством взамен ушед-



¹ «Известия», 24 октября 1917 г.

² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 277—278.

³ «Известия», 24 октября 1917 г.

⁴ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 434.

⁵ «Речь», 24 октября 1917 г.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Советѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ населенію Петрограда.

Къ свѣдѣнію Рабочихъ, Солдатъ и всѣхъ гражданинъ Петрограда объявляемъ:

Въ интересахъ защиты революціи и ея званій отъ покушеній со стороны контръ-революціи нами назначены комиссары при воинскихъ частяхъ и особо важныхъ пунктахъ столицы и ея окрестностей. Приказы и распоряженія, распространяющіеся на эти пункты, подлежатъ исполненію лишь по утвержденіи ихъ уполномоченными нами комиссарами. Комиссары, какъ представители Совета, неприкосновенны. Противодѣйствіе комиссарамъ есть преступленіе въ отношеніи Совету Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ. Слѣдствіемъ приняты всѣ мѣры въ охраненіи революціоннаго порядка отъ контръ-революціонныхъ и контръ-революціонныхъ покушеній. Всѣ граждане приглашаются оказывать всестороннюю поддержку нашимъ комиссарамъ. Въ случаѣ возникновенія безпорядковъ или надлежитъ обращаться къ комиссарамъ Военно-Революціоннаго Комитета въ ближайшую воинскую часть.

Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Советѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

23 го Октября 1917 года.

Воззвание Петроградского ВРК от 23 октября 1917 г.

шего в отставку военного министра А. И. Верховского, и с приехавшим в Петроград командующим Северным фронтом В. А. Черемисовым. Последний, уклоняясь от политической оценки конфликта с Петроградским Советом, настаивал на выводе из Петрограда полков гарнизона¹. В 5 часов дня открылось секретное совещание штаба Петроградского военного округа, на котором с докладом выступал генерал Багратуни.

Вечером 23 октября 1917 года состоялось заседание Временного правительства под председательством Керенского, решившее признать образование Военно-революционного комитета «совершенно незаконным актом

и самый комитет — незаконной организацией»². Министру юстиции было предложено начать судебное следствие против членов Военно-революционного комитета, а штабу — принять меры на случай вооруженного выступления против Временного правительства. Так, воспользовавшись краткой передышкой, Временное правительство решило само форсировать события.

¹ «Известия», 24 октября 1917 г.

² «Новое время», 24 октября 1917 г.



Г. Н. Голиков
На штурм!

Наступили штурмовые Октябрьские дни. Накал классовой борьбы в стране достиг своего высшего напряжения. На рабочих собраниях и крестьянских сходках, на политических митингах и демонстрациях — повсюду властно звучали требования: «Власть Советам», «Мир народам», «Землю крестьянам», «Свободу угнетенным народам».

Девятый вал революции непреодолимо накатывался на отживший свой век российский капитализм. Буржуазное Временное правительство доживало последние дни. Но без боя оно не хотело сдаваться. Более того, утром 24 октября временные правители России отдали приказ о переходе в наступление против ре-



Панорама Зимнего дворца днем 25 октября.

волюции. О подготовке этого рокового шага меньшевистская газета «Новая жизнь» сообщала:

«В ночь на 24 октября, по сообщению газеты «Новая жизнь», Временное правительство проявляло большую нервозность. А. Ф. Керенским было принято, по-видимому, решение, не выжидая выступления большевиков, начать активные действия... В ту же ночь были отданы распоряжения во все юнкерские и военные училища, находящиеся как в Петрограде, так и в ближайших окрестностях, быть в полной боевой готовности».

Рано утром на типографию, где печатались большевистские газеты «Рабочий путь» и «Сол-

дат», был совершен налет юнкеров. Комиссар Временного правительства, возглавлявший отряд, имел приказ командующего Петроградским военным округом о закрытии революционных газет. Контрреволюция рассчитывала этим ударом лишить большевистскую партию сильнейшего оружия в мобилизации масс на восстание. Врагу на короткий срок удалось захватить типографию, конфисковать тираж газет, взять помещение под свою охрану.

Правительство также отдало приказ о захвате Смольного, о разводе мостов через Неву. К Зимнему дворцу были стянуты все силы, предназначенные для его охраны: юнкера Михайловского и некоторых других училищ,



Революционные войска заняли телефонную станцию. 25 октября 1917 г.

юнкера из Петергофа и Ораниенбаума, казаки, «ударники» и женский «батальон смерти» — в общей сложности 2,7 тыс. чел., 4 броневика, 6 орудий, пулеметы.

Командующий Петроградским военным округом полковник Полковников приказал отстранить от должности комиссаров ВРК, а воинским частям запрещал выступать из казарм без приказа штаба военного округа. «Все выступающие вопреки приказу с оружием на улицу будут преданы суду за вооруженный мятеж», — говорилось в приказе.

Попытки Временного правительства развести мосты, мобилизовать наиболее верные себе военные части, разогнать или арестовать

Революционный комитет, вспоминает о тех днях борьбы А. В. Луначарский, послужили сигналом к началу наших действий¹.

Центральный Комитет большевиков немедленно принял меры к отражению открытой атаки контрреволюции. ЦК дал указания Военно-революционному комитету выслать к типографии красногвардейцев и революционных солдат, изгнать из нее юнкеров, обеспечить надежную охрану. Одновременно ВРК по-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, стр. 208.

лучил указания о приведении всех революционных сил в боевую готовность. Это указание ВРК получил от боевого центра ЦК через Свердлова¹, пишет в своих воспоминаниях В. А. Антонов-Овсеенко.

В Смольном состоялось заседание Центрального Комитета большевистской партии, которое наметило план конкретных действий. Члены ЦК были направлены на решающие участки борьбы. Я. М. Свердлову было поручено наблюдение за действиями Временного правительства. На него же возлагалось руководство организацией запасного штаба революции в Петропавловской крепости. Ф. Э. Держжинскому поручалось руководство захватом почты и телеграфа; на А. С. Бубнова было возложено установление связи с железнодорожниками; на В. П. Милютина — организация продовольственного дела; В. П. Ногину предлагалось информировать о решении ЦК Московский комитет большевиков.

В эти часы В. И. Ленин пока все еще вынужден был оставаться в «проклятом подполье». Правительство вновь подтвердило приказ о его аресте. С конспиративной квартиры на Выборгской стороне Ленин неустанно продолжал направлять деятельность ЦК, борьбу революционных сил. Наступил момент, когда ленинский план вооруженного восстания начал претворяться в жизнь.

24 октября утром состоялось заседание Петроградского комитета большевиков. Было принято решение: «ПК считает необходимой задачей всех сил революции — немедленное свержение правительства и передачу власти Советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи ПК считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы»².

Военно-революционный комитет, выполняя указания ЦК большевистской партии, принял решение об открытии газет «Рабочий путь» и «Солдат». В решении ВРК указывалось:

«1) Типографии революционных газет открыты.

2) Предложить редакциям и наборщикам продолжать выпуск газет.

3) Почетная обязанность охранения революционных типографий от контрреволюционных покушений возлагается на доблестных солдат Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона»³.

Постановление ВРК было немедленно вы-

полнено. Днем вышла газета «Рабочий путь». В ее передовой говорилось: «Нужно нынешнее правительство помещиков и капиталистов заменить новым правительством рабочих и крестьян...»

Власть должна перейти в руки Советов Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов».

Военно-революционный комитет развернул кипучую деятельность по приведению в боевую готовность Красной гвардии, солдат Петроградского гарнизона и матросов Балтийского флота: «Я не могу без изумления вспомнить, — писал А. В. Луначарский, — эту ошеломляющую работу и считаю деятельность Военно-революционного комитета в Октябрьские дни одним из проявлений человеческой энергии, доказывающих, какие неисчерпаемые запасы ее имеются в революционном сердце и на что способно оно, когда его призывает громовый голос революции»⁴.

В обращении к населению Петрограда ВРК 24 октября предупреждал революционные массы о переходе контрреволюции в наступление, призывал к спокойствию и самообладанию. «Петроградский Совет Рабочих и Солдатских депутатов, — говорилось в обращении, — берет на себя охрану революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений»⁵. О всех случаях контрреволюционных и погромных выступлений ВРК предлагал населению немедленно сообщать его комиссарам.

В другом обращении, выпущенном в тот же день, Военно-революционный комитет подробно характеризовал сложившуюся обстановку и сообщал о мерах, необходимых для борьбы с контрреволюцией. «Военно-революционный комитет, — говорилось в этом обращении, — постановляет:

1) Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках

¹ См. В. Антонов-Овсеенко, В революции. М., 1957, стр. 158.

² «Петроградская правда», 5 ноября 1922 г.

³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы. М., 1956, стр. 289.

⁴ «Ленин в Октябре». Воспоминания, стр. 321.

⁵ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 292.



Проверка пропусков у входа в Смольный.

все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2) Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3) Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4) Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5) Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность. Да здравствует революция!»¹

Незамедлительно приводилась в движение

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 290.



Красногвардейский патруль путиловских рабочих у Смольного. Справа налево: Грибовский, Ярош, Иванов.

Красная гвардия. Главный штаб ее получил от ВРК приказание: 1) немедленно мобилизовать все силы и направить в Смольный отряд в 1500—2000 красногвардейцев; 2) занять все важнейшие пункты в районах, установить охрану фабрик и заводов, подготовить отряды к захвату правительственных учреждений; 3) произвести немедленную мобилизацию всего транспорта.

Комиссары Военно-революционного комитета и солдатские комитеты в полках и командах получили предписание ВРК, в котором штаб революции решительно требовал от своих посланцев и комитетов привести революционные силы в боевую готовность, выслать

двух связанных в Смольный и поддерживать непрерывную связь с ВРК, быть готовыми к выступлению по приказу ВРК. «Всякое промедление и замешательство будут рассматриваться как измена революции», — указывалось в предписаниях.

Комиссару и гарнизонному комитету Петропавловской крепости было приказано «немедлительно привести Петропавловскую крепость к решительному отпору: выставить секреты, выставить к воротам самый решительный караул. В крепость и из крепости никого не выпускать, кроме частей и лиц, которые предъявят ордер Военно-революционного комитета.

Выслать немедленно связь в Смольный институт...»¹.

Комиссар крейсера «Аврора» А. Бельшев получил предписание о приведении корабля в боевую готовность. В Гельсингфорс председателю Центрального комитета Балтийского флота П. Дыбенко была послана радиограмма: «Высылай устав». Эта шифрованная радиограмма означала: высылай крейсер, четыре миноносца, 5 тысяч моряков и солдат в Петроград.

Так в Петрограде и его окрестностях буквально за несколько часов была приведена в боевую готовность огромная (примерно 200-тысячная) вооруженная армия революции.

В соответствии с указаниями В. И. Ленина Военно-революционный комитет разработал план действий, по которому каждый красногвардейский отряд, революционный полк и корабль Балтийского флота получал боевые задания, имел свое место в строю героической армии революции. Конкретный план действий был разработан В. И. Лениным в его письмах в ЦК накануне восстания. В одном из них указывалось: «...одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление всего флота, скопление гигантского перевеса сил над 15—20 тысячами (а может, и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т. д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой каких угодно потерь были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить самые решительные элементы (наших «ударников» и рабочую молодежь, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех важнейших пунктов и для участия их везде, во всех важных операциях, напр.:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая искусства и тройной смелости»².

Этот гениальный ленинский замысел и основные его элементы получили свое воплощение в оперативном плане Военно-революционного комитета, который дошел до нас в передаче В. А. Антонова-Овсеенко, Н. И. Подвойского и других членов ВРК, принимавших участие как в разработке этого плана, так и в его осуществлении.

Важное место в обеспечении успеха вооруженного восстания в плане ВРК отводилось рабочим Выборгской стороны. В октябрьские дни они были авангардной силой. Красногвардейцы Выборгского района при поддержке солдат Московского полка должны были взять в свои руки охрану заводов, фабрик, мостов (Литейного, Сампсониевского, Гренадерского) и всех переправ, связывающих район с другими частями города; овладеть Финляндским вокзалом, тюрьмой «Кресты», почтой. Выборгцы обязаны были также выделить отборные отряды для охраны Смольного и занятия Зимнего дворца; выдвинуть надежные силы к Белоострову, чтобы защитить подступы к столице со стороны Финляндии. Они в то же время должны были поддерживать тесную связь с Петропавловской крепостью и Гренадерским полком на Петроградской стороне.

Красная гвардия Петроградского района совместно с Гренадерским полком и Огнемеханическим батальоном получила задачу: овладеть важнейшими пунктами в своем районе, организовать охрану Троицкого и Тучкова мостов и всех переправ на Петроградскую сторону, поддерживать тесную связь с гарнизоном Петропавловской крепости, блокировать батальон «ударников», Павловское и Владимирское пехотные юнкерские училища, а также выделить отряды для взятия Зимнего дворца.

Красногвардейцы Васильевского острова, солдаты Финляндского и 180-го полков, 88-я и 90-я Вологодские дружины имели задачей обеспечить охрану Дворцового и Николаевского мостов, поддерживать связь с крейсером «Аврора» и другими боевыми кораблями Балтийского флота, выделить отряд для участия в штурме Зимнего дворца.

На Красную гвардию Нарвского (Петергофского), Московского, Невского, Шлиссельбургского и Колпинского районов наряду с задачей овладения основными пунктами в своих районах, охраной заводов, фабрик и поддержания порядка возлагалась задача: совместно с солдатами Измайловского, Петроградского и других полков, а также матросами Балтийского флота взять под охрану подступы к столице со стороны Николаевской, Варшавской, Балтийской железных и шоссейных дорог.



¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 293—294.

² В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 383.

План предусматривал направление главного удара восставших на Зимний дворец и военный штаб, куда Временное правительство и командование Петроградским военным округом стягивали свои силы.

На левом фланге революционных сил должны были действовать (от Мойки к Адмиралтейству) сводный отряд Красной гвардии, Кексгольмский полк, 2-й флотский экипаж и прибывающие из Кронштадта матросы. В резерве находился гвардейский флотский экипаж.

На центральном участке (по Мойке до Невского проспекта) наступление должны были обеспечить красногвардейцы Путиловского и других заводов, Егерский и Измайловский полки; на правом фланге (по Мойке и Миллионной улице до Невы) — сводные отряды Выборгского и Петроградского районов, Павловский полк. Вторую линию оцепления в центре города (по Фонтанке) составляли Литовский, Волинский, Преображенский и др. полки.

Часть Литовского, 1-го запасного и гвардейского полков, 6-й саперный батальон имели задание быть в распоряжении Смольного, главным образом с целью защиты съезда Советов. Бронедивизион получил наряды на доставку броневиков к Смольному и Дворцовому мосту.

В боевые расчеты не был включен Семеновский полк, как «державший нейтралитет» (в ходе событий он принял участие в восстании на стороне революции). 9-й кавалерийский полк выделил лишь несколько патрулей «для порядка»; 1, 4, 14-й донские казачьи полки были взяты под наблюдение.

В дальнейшем развитие борьбы вносило свои поправки в этот план, но в целом он определил расстановку революционных сил и их боевые задачи.

Через радиостанцию крейсера «Аврора» было передано воззвание Петроградского ВРК. В нем говорилось:

«Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов стоит на защите революции. Военно-революционный комитет руководит отпором натиску заговорщиков. Весь гарнизон и весь пролетариат Петрограда готов нанести врагам народа сокрушительный удар. Заговорщики вызывают из окрестностей юнкеров и ударников. Юнкера Ораниенбаумской школы и ударники Царского Села отказываются выступать. Одновременно заговорщики пытаются подтянуть к Петрограду некоторые полки, рассчитывая их направить против народа. Военно-революционный комитет постановляет:

1) Все гарнизоны, охраняющие подступы

к Петрограду, должны быть в полной боевой готовности.

2) На станциях железных дорог выставить усиленные караулы.

3) Не пропускать в Петроград ни одной воинской части, которая неизвестно заранее преданностью революции. Навстречу эшелонам высылать десятки агитаторов, которые должны разъяснять направляемым на Петроград частям, что их хотят превратить в орудие корниловцев. Эшелоны, не поддающиеся воздействию, задерживать силой. Действовать твердо и осмотрительно, а где нужно — беспощадно. Обо всех передвижениях войск немедленно доводить до сведения Военно-революционного комитета.

4) Прислать в Смольный представителей от местных Советов и полковых комитетов для связи. Самим засесть непрерывно.

Революция в опасности, но силы ее неизмеримо выше, чем силы ее врагов.

Победа обеспечена.

Да здравствует народ!»

Главный штаб восстания находился в Смольном, полевой штаб — в Петропавловской крепости, штаб оперативной группы правого участка — в казармах Павловского полка, левого — в казармах 2-го Балтийского флотского экипажа. Для непосредственного руководства боевыми действиями были выделены три члена

Военно-революционного комитета — В. А. Антонов-Овсеенко, Н. И. Подвойский, Г. И. Чудновский. Они действовали совместно с другими членами ВРК и его комиссарами, находившимися непосредственно в полках: К. С. Еремеевым, О. П. Дзенисом и другими.

Организуя отпор контрреволюции, перешедшей в наступление, Военно-революционный комитет готовил свои боевые силы для решительной битвы. Но и в этот ответственный момент у некоторых членов ВРК все еще не были изжиты настроения оттянуть решительное столкновение до открытия II Всероссийского съезда Советов. На поведение этой части ВРК, несомненно, оказывала влияние дезорганизаторская деятельность Троцкого, который и после перехода контрреволюции в открытое наступление заявлял, что «единственное спасение — твердая политика съезда». Вопреки воле партии, выраженной в решениях Центрального Комитета о вооруженном восстании, Троцкий на экстренном заседании Петроградского Совета в 7 часов вечера 24 октября говорил: «Восстание сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского съезда Советов».

Это заявление Троцкого вызвало решитель-

ный протест со стороны В. И. Ленина, который категорически требовал ареста Временного правительства. В письме членам ЦК, написанном вечером 24 октября, В. И. Ленин указывал, что сложилось «...положение донельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уж postpone промедление в восстании смерти подобно».

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами Советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс...

Надо во что бы то ни стало, сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров, и т. д.

Нельзя ждать! Можно потерять все!

...Правительство колеблется. Надо добить его во что бы то ни стало!

Промедление в выступлении смерти подобно¹.

В течение 24 октября в районах, на фабриках, заводах, в казармах и на кораблях все пришло в движение.

Быстро и организованно были приведены в боевую готовность революционные силы на Выборгской стороне. Районный комитет большевиков, Совет рабочих и солдатских депутатов и штаб Красной гвардии приняли специальное решение о мобилизации революционных масс, в котором указывалось, чтобы «все заводы были немедленно приведены в полную боевую готовность. Все рабочие должны находиться при заводах и ждать общих директив от Совета, штаба и районного комитета. Постановление обязательно для всех»². Был принят также приказ о сосредоточении в штабе автомобильного транспорта и медикаментов³.

Хозяевами положения в Выборгском районе стали рабочие. Примерно такая же картина наблюдалась и в других районах столицы.

Все попытки Временного правительства и военных властей привести в исполнение выработанный ими план борьбы с революцией встречали решительное сопротивление. Так, в ответ на приказ главнокомандующего развести мосты через Неву последовал контрприказ ВРК о восстановлении движения через них. Девять из десяти разводных мостов были взяты под контроль красногвардейцев и революционных солдат. В условиях Петрограда, расположенного на большом количестве островов (более ста), это имело первостепенное значение для обеспечения связей центра с рабочими окраинами.

Попытка правительства развести мосты активизировала революционные силы. «Разводят мосты» — вот тот сигнал, который развязал эту напряженность и после которого уже можно было сказать: столкновение началось...⁴, — рассказывает в своих воспоминаниях комиссар Павловского полка О. Дзенис. По его приказу солдаты полка взяли под охрану Троицкий мост. Николаевский мост на время был разведен юнкерами. Но последовал приказ крейсеру «Аврора» войти в Неву, и «Аврора» встала на якорь у Николаевского моста, повернув орудия в сторону Зимнего дворца.

Революционные силы все активнее втягивались в боевые действия. Взяв под свой контроль движение по Миллионной улице, ведущей к Зимнему дворцу, заставы Павловского полка вечером 24 октября арестовали начальника контрразведки штаба Петроградского округа подполковника Сурнина и министра Временного правительства Карташова и препроводили их в Смольный.

События развертывались все с большей быстротой. Уже к вечеру 24 октября начались вооруженные столкновения. В 5 часов вечера красногвардейцы заняли телеграф. В 9 часов комиссар ВРК с отрядом матросов занял Петроградское телеграфное агентство. Важнейшие пункты в городе один за другим переходили в руки восставших масс. О том, как свершался этот переход, можно судить по воспоминаниям С. И. Пестковского, который рассказывает, что в 2 часа дня 24 октября он получил от члена ЦК и ВРК Ф. Э. Дзержинского задание занять Главный телеграф.

«— Каким образом занять телеграф? — спросил я.

— Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне, — ответил Дзержинский.

Больше я не спрашивал. Задача не казалась мне сначала весьма трудной, так как я являлся руководителем нашей питерской почтово-телеграфной ячейки и знал почти всех наших большевиков. Я отыскал тов. Лещинского, и мы отправились вдвоем. Ни у кого из нас

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 435, 436.

² «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания участников, стр. 295.

³ Там же, стр. 296.

⁴ Там же, стр. 200.

Отъ Военно-Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ
Совѣтѣ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ населенію Петрограда. Граждане!

Контр-революція подняла свою преступную голову. Корниловцы мобилизуютъ силы, чтобы раздавить Всероссийскій съездъ Совѣтовъ и сорвать Учредительное Собрание. Одновременно погромщики могутъ попытаться вызвать на улицахъ Петрограда смуту и рѣзню.

Петроградскій Совѣтъ Рабочихъ и Солдатскихъ депутатовъ беретъ на себя охрану революціоннаго порядка отъ контр-революціонныхъ и погромныхъ покушеній.

Гарнизонъ Петрограда не допустить никакихъ насилій и безчинствъ. Населеніе призывается задерживать хулигановъ и черносотенныхъ агитаторовъ и доставлять ихъ комиссарамъ Совѣта въ близлежащую войсковую часть. При первой попыткѣ темныхъ элементовъ вызвать на улицахъ Петрограда смуту, грабежи, поножовщину или стрѣльбу—преступники будутъ стерты съ лица земли.

Граждане! Мы призываемъ Васъ къ полному спокойствію и самообладанію. Дѣло порядка и революціи въ твердыхъ рукахъ.

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННЫЙ КОМИТЕТЪ

24 Октября 1917 года.

Списокъ полковыхъ частей, гдѣ находятся комиссары Военно-Революціоннаго Комитета Петр. Сов. Р. и С. Д.

О всѣхъ случаяхъ контр-революціонныхъ, погромныхъ и т. п. выступленій немедленно надо уведомлять по указаннымъ телефонамъ. Помощь будетъ дана тотчасъ-же.

1. Га Преображенскій р. п., Мылковская у. 30, тел. № 19-66 и 8-21.
2. Га Селеновскій рез. п., Загородный пр. 46/48, тел. № 443-28.
3. Га Пискаревскій рез. п., Ивановскій пр. тел. № 26-66
4. Га Егоровскій рез. полкъ, Рузовская уа, тел. № 500-15.
6. Га Московскій рез. полкъ, Саввинскій пр., тел. 434-69
6. Га Павловскій рез. полкъ, Марсово поле, тел. № 21-38.
7. Га Рязанскій рез. полкъ, Е. Бульваръ 11, тел. 410-79.
8. Га Финляндскій рез. полкъ, Вас. остр., Б. просп., тел. 437-18.
9. Га Ливонскій рез. полкъ, Кировская уа. 33, тел. 82-43 и 615-47.
10. Га Кенгсбургскій рез. п., Коно-Гвардейскій бульваръ тел. 255-42
11. Га Петроградскій рез. полкъ, Ивановскій пр., тел. 630-06.
12. Га Волыскій рез. полкъ, Пилыньскій пер., тел. 19-30.
- 13-14 пѣх. и вѣхотный зап. полкъ, Б. Охта, тел. 102-15 и 281-74.
- 14-3-а пѣх. зап. полкъ, Петергофъ, черезъ Совѣтъ.
- 10-1-а Га. Стрѣлковый рез. полкъ, Царское, черезъ Совѣтъ.
- 16-2-а Га. Стрѣлк. рез. полкъ, Царское, черезъ Совѣтъ.
- 17-3-а Га. Стрѣлк. рез. п. Зѣльс, тел. 19-20.
- 18-4-а Га. Стрѣлк. рез. полкъ, Зѣльс, тел. 19-20.
- 19-6-а (аварийный зап. бат., Кировская уа. 33, тел. 91-62.
- 20-17-а вѣхотный зап. п. Красное село, черезъ Совѣтъ.
- 21-17-а вѣхотный зап. п. Красное село черезъ Совѣтъ.
- 22-120-а вѣхотный зап. п. В. востр. Средній пр. тел. 682-84 и 620-71.
- 23-1-а Пулеметный полкъ Александрова Пабержада.
- 24-2-а Пулеметный п. пѣх. Стрѣлбна мѣшч. Совѣтъ.
- 25-85-а Вологодская дружина, Медвѣжій Станъ, Пороховые.
- 26-86-а Вологодская дружина, Обводный каналъ, тел. 4-34.

- 27-87-а Вологодская дружина, Медвѣжій Станъ, Пороховые.
- 28-88-а Вологодская дружина, Гоголь, тел. 6-78-27.
- 29-7-а рота, 378 нѣа Волог. друж., Ленковъ, у. 130-50, 33-38.
- 30-89-а Вологодская друж., Обводный каналъ, 21, тел. 13-57.
- 31-Николаевское кавал. училищ., Лермонтовскій пр., тел. 475.
- 32-Николаевское вѣхот. уч., Складная тел. 1-71-98.
- 33-Николаевскій кадетск. корпусъ, Офицерская, 23.
- 34-343-аа Волог. друж. Царское Село, черезъ Совѣтъ.
- 35-16-я Ярославская дружина Ст. Боварин, Петр. остр. тел. 675-15.
- 36-Балтійскій флот. вѣхотный, Морская 63.
- 37-Петрофлотъ.
- 38-Команда Суворово пѣх. полка, Ленинскій дв. 270-14
- 39-Отхенскіе м. и дм. Пороховые, 12-36.
- 40-Михайл. Арты. Воев. уч. Сибирская, 22.
- 41-8-й Кавалер. полкъ, Шпалочная уа., 666-53
- 42-Константиновск. арт. Воев. уч. Забѣлградск. 17.
- 43-3-а мѣхано-дор бат., Саввинскій пр.
- 44-4-я мѣхано-дор бат. П. Ст. Бомыскій пр. 84-649-84
- 45-4-й мѣхано-дор бат. Обводный каналъ, 775.
- 46-Га. Мѣханизатор полкъ, Самыдскій пр. тел. 6-99
- 47-1-я Донской Кав. п. Обводный каналъ 23 тел. 13-87 и 4-31
- 48-4-я Донской Кав. полкъ, Обводный каналъ, тел. 13-87
- 49-18-я Донской кав. полкъ, Захарьинскій
- 50-1-я Архонск. рота, Сераф. кладь.
- 61-Автономный броневой дивизион, Невскій 100

Листовка Петроградскаго ВРК от 24 октября 1917 года.

Отъ Военно - Революціоннаго Комитета при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ.

Къ Гражданамъ Россіи.

Временное Правительство низложено. Государственная власть перешла въ руки органа Петроградскаго Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Военно-Революціоннаго Комитета, стоящаго во главѣ Петроградскаго пролетаріата и гарнизона.

Дѣло, за которое боролся народъ: немедленное предложеніе демократическаго мира, отмена помѣщичьей собственности на землю, рабочій контроль надъ производствомъ, созданіе Совѣтскаго Правительства — это дѣло обезпечено.

**ДА ЗДРАВСТВУЕТЪ РЕВОЛЮЦІЯ РАБОЧИХЪ, СОЛДАТЪ
И КРЕСТЬЯНЪ!**

*Военно-Революціонный Комитетъ
при Петроградскомъ Совѣтѣ
Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ*

25 октября 1917 г. 10 ч. утра.

Воззвание II съезда Советовъ «К гражданамъ Россіи».

не было револьвера. Когда мы садились в автомобиль, у нас обоих возникло в душе странное, мучительное напряжение: вот оно, жданное десятилетиями решительное выступление пролетариата...

Мы втроем в сопровождении начальника караула вошли в главный зал телеграфа, подошли к находящемуся там председателю союза почтово-телеграфных служащих г-ну Кингу (правый эсер) и объявили ему, что занимаем телеграф. Кинг заявил нам, что выставит нас за дверь. Тогда т. Любович вызвал двух кексгольмцев и поставил их около коммутатора. Среди женщин — служащих телеграфа начался визг и переполох. Представители комитета, посовещавшись между собой, пошли на компромисс: они согласились на то, чтобы «в зале сидел комиссар», при условии, если мы выведем солдат из зала.

Мы согласились. Я «засел» на телеграфе, Любович ушел «укрепить» караул...

А вот рассказ о том, как красногвардейцы Выборгской стороны овладели Финляндским вокзалом. «Около шестидесяти красногвардейцев завода «Розенкранц» по приказанию районного штаба явились занять Финляндский вокзал, — пишет участник событий. — Там дежурили солдаты Павловского полка. Командир красногвардейского отряда сказал начальнику караула: «Именем рабочего-крестьянского правительства предлагаю сдать караул». Начальник караула был унтер-офицер, красногвардейский командир похлопал его по плечу: «Мы с тобой оба фронтовики, делить нам нечего. Твоей старой власти уже нет. Иди-ка спать». После недолгих переговоров караул был снят. Красногвардейцы заняли вокзал. Тут же расположился санитарный пункт».

Невиданную стремительность приобрели события в ночь на 25 октября, когда в Смольный с конспиративной квартиры прибыл В. И. Ленин.

Весь день 24 октября В. И. Ленин ждал вызова из ЦК в Смольный. Несколько раз он направил хозяйку квартиры М. В. Фофанову с письмами в Выборгский райком для передачи в ЦК. Но до позднего вечера ответа не получал. Наконец прибыл связной ЦК Эйно Рахья и рассказал о положении в городе.

В. И. Ленин стал быстро собираться в Смольный. «Он переменял одежду, завязал щечку платком, надел парик и старую, заносенную кепку». По дороге им удалось сесть в трамвай, ведший в парк. В. И. Ленин тут же начал разговор с кондукторшей:

«— Куда едете?

— В парк.

— А зачем едете?

Кондукторша с удивлением посмотрела на него:

— Вот чудак! Откуда только такой выискался, неужто ты не знаешь, что в городе делается?

— Нет, не знаю. А что?

— Какой же ты после этого рабочий, ежели не знаешь, что будет революция! Буржуев бить будем!

Владимир Ильич радостно улыбнулся и начал очень живо объяснять, как именно надо делать рабочую революцию».

Преодолевая трудности и не страшась опасностей «путешествия» по городу, охваченному пламенем восстания, В. И. Ленин в сопровождении Эйно Рахья добрался до Смольного. «Подошли к Смольному. Но тут оказалось, что белые пропуска членов Петроградского Совета сменены на красные. У входа образовалась давка. Толпа напирала. Контролеры были отброшены в сторону.

— Где наша не берет! — смеясь, сказал Владимир Ильич и вслед за Рахья протискался в Смольный».

Было около часа ночи, когда В. И. Ленин появился в штабе революции.

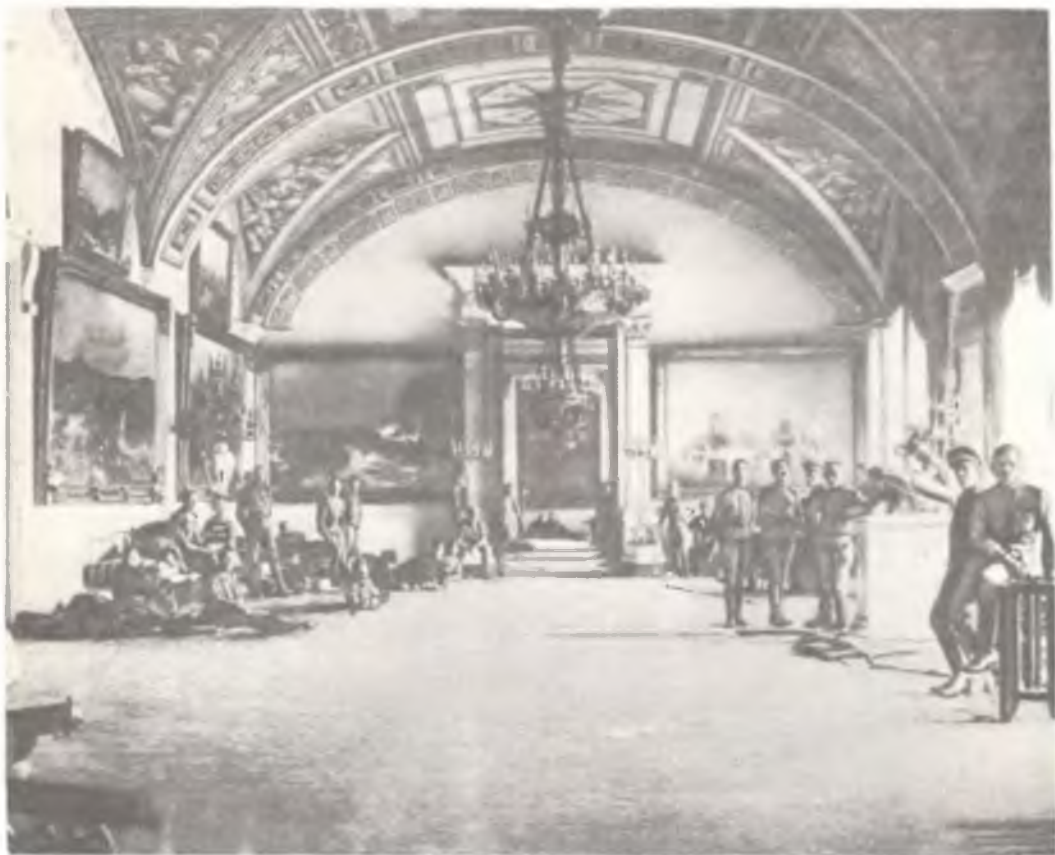
«...Ленин появился совершенно неожиданно, — вспоминает К. Еремеев. — Он вошел в Смольный прямо с улицы, охрана его не сопровождала. Изумительный по своей смелости поступок Ленина поразил всех присутствовавших. Всем нам было хорошо известно, что агенты контрреволюции буквально охотятся за Лениным, что за его голову Временным правительством назначена крупная награда. И вдруг без предупреждения, без охраны Владимир Ильич идет в Смольный через башу Петроград, где за каждым углом его мог поджидать враг!»

В течение ночи революционные силы заняли Николаевский, Балтийский и Варшавский вокзалы, Центральную телефонную станцию, электростанцию, Государственный банк и другие важнейшие пункты и учреждения.

«Ленин, — писал Г. К. Орджоникидзе, — взял в свои железные руки организацию Октябрьского восстания и довел его до победоносного конца»¹.

К утру 25 октября успех восстания окончательно определился. В руках правительства оставались еще Зимний дворец, Главный штаб, Марининский дворец и некоторые другие пункты в центре города.

¹ Г. К. Орджоникидзе, Избранные статьи и речи. 1911—1917. М., 1939, стр. 214.



Юнкера в одном из залов Зимнего.

В. И. Иванов

День последний — день

Последний день Временного правительства

Что же происходило в Зимнем дворце в эти последние часы Временного правительства?

Утром 25 октября А. Ф. Керенский и А. И. Коновалов созвали министров на заседание. Они уже знали, что почти весь город находился в руках Военно-революционного комитета. Затем Керенский отправился навстречу войскам, якобыдвигающимся с фронта. Пока еще не началось заседание, попробуем представить себе те дни, когда в Зимнем дворце разыгрывалась сцена падения буржуазного правительства России.



Готический зал после взятия Зимнего дворца.

В огромном Зимнем дворце министры занимали сравнительно немного помещений. На втором этаже дворца, выходящем окнами на Адмиралтейство и Неву, до Февральской революции располагались так называемые половины Николая II и императрицы Александры Федоровны. Их-то и заняло Временное правительство после своего переезда во дворец в июле 1917 года. Местом заседания правительства стал Малахитовый зал, в бывшем кабинете императрицы разместился заместитель министра-председателя Коновалов, ряд комнат был занят канцеляриями, офицерами для поручений и адъютантами. Над помещениями Временного правительства, на третьем этаже,

в бывшей половине Александра III, устроил себе квартиру министр-председатель Керенский. Перед своим бегством из окон кабинета утром 25 октября он уже видел первые пикеты революционных матросов на набережной около Адмиралтейства. В нижнем этаже дворца под помещениями Временного правительства, в бывших детских комнатах, размещались комиссии по приемке дворцовых имуществ и Экономический комитет правительства. Министры пользовались Салтыковским подъездом и лестницей того же названия, выходившими в сквер Зимнего дворца (напротив Адмиралтейства)

Что находилось в остальных покоях? Большинство парадных зал дворца, выходивших на



«Учебная комната» Александра II после взятия Зимнего.

Неву и во внутренний большой двор, было отдано под лазарет, учрежденный еще в самом начале войны. К 25 октября в лазарете находилось на излечении около 500 больных и раненых солдат. Вход в лазарет был с набережной через Иорданский подъезд и парадную Иорданскую лестницу. Лазарет был отделен от помещений Временного правительства рядом закрытых пустых комнат. В залах третьего этажа, выходящих окнами на Дворцовую площадь и в сквер, размещались палаты выздоравливающих.

Залы второго этажа, обращенные окнами на площадь и частично в сквер, были превращены в казармы для юнкерских караулов, охра-

нявших Временное правительство. Они пользовались подъездом «ее величества» (ныне Октябрьский), выходящим на Дворцовую площадь. Другой подъезд, выходящий на площадь — Комендантский, — вел в служебные квартиры, расположенные на нижнем этаже и в антресолях между нижним и средними этажами. Попастъ к помещениям Временного правительства через этот подъезд было нельзя.

Накануне октября художественно-историческая комиссия по приемке ценностей Зимнего дворца начала готовить его коллекции и ценную мебель к эвакуации в Москву. Поэтому дворцовая обстановка из многих помещений —



Юнкера на постое в Зимнем дворце.

и в первую очередь из занятых Временным правительством — была вынесена. Был сохранен в неприкосновенности только кабинет Николая II. Взамен вынесенной в комнаты была внесена обычная мебель кабинетных гарнитуров, канцелярские столы, лампы и пр. По меньшей мере 4—5 телефонных аппаратов было установлено в правительственных комнатах. Стены многих помещений были задрапированы белым материалом, из-под которого выпирали ребра рам висевших на стенах картин. Кушетки с подушками и бельем, поставленные для отдыха секретарей и дежурных, дополняли картину. В залах, где размещались юнкера, на полу валялись матрацы, стояли

простые столы и даже садовые скамейки. Все это соседствовало с блеском росписи потолков и стен, с пышными коврами. Юнкера варварски обращались с дворцовым имуществом: отвинчивали дверные ручки, резали кожаную обивку кресел, били декоративные тарелки. На бронзовых и мраморных руках статуй сушились полотенца.

Время близилось к 12 часам. Один за другим к Салтыковскому подъезду подъезжали на автомобилях и извозчиках министры. «Некоторых министров я нашел в Малахитовом зале, — записал в своем дневнике министр путей сообщения А. В. Ливеровский, — остальные были рядом, в комнате управляющего де-



Комната на половине Александра III, куда попал снаряд из Петропавловской крепости.

лами и в кабинете министра-заместителя, где, кроме него, были Кишкин, Смирнов и, кажется, Третьяков»¹. Для всех было неожиданностью отсутствие Керенского. Коновалов объяснял, что премьер решил выехать в Лугу на встречу войскам, ожидавшимся с фронта для защиты правительства.

Около 12 часов дня Коновалов открыл заседание. На нем присутствовали, кроме него, морской министр адмирал Д. Н. Вердеревский, министр внутренних дел А. М. Никитин, министр земледелия С. Л. Маслов, заместитель председателя Экономического комитета Н. П. Савин, министр финансов М. В. Бернацкий, министр юстиции П. Н. Малянтович, го-

сударственный контролер С. А. Смирнов, председатель Экономического совета С. Н. Третьяков, министр путей сообщения А. В. Ливеровский². Некоторые из присутствующих ушли потом из Зимнего дворца, ряд других присоединился к заседавшим.

Коновалов сделал доклад, из которого явствовало, что восстание большевиков развивается успешно, а сил у Временного прави-



¹ «Исторический архив», 1966, № 6, стр.

² Там же.



След от пулеметной пули со стрелки Васильевского острова в окне 3-го этажа Зимнего дворца.

тельства явно недостаточно. Было отмечено, что штаб и, в частности, его начальник — полковник Г. П. Полковников действенных мер к обороне не принимают. А. М. Никитин так излагает вопросы, поставленные Коноваловым: «Следует ли защищать дворец и кому поручить заведование защиты ввиду того, что полковник Полковников находится в состоянии полной прострации и ничего не предпринимает»¹. Кишкин предложил вызвать Полковникова и выслушать его, оставаться в Зимнем дворце до возвращения Керенского, выбрать одного из офицеров, поручить все распоряжения исполнять заместителем Коноваловым, а также немедленно выяснить все силы, нахо-

дящиеся на стороне Временного правительства².

В 12 часов 50 минут секретарь Коновалова сообщил ему, что пришла депутация от казаков и желает с ним говорить. Казаки отказывались выступать на защиту Временного правительства без поддержки пехоты. А пехоты на стороне Временного правительства не было. Ставший свидетелем этой беседы Ливе-



¹ «Неделя», 1966, № 45, стр. 55.

² «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 41.



Один из залов Зимнего, в который попал снаряд с Дворцовой площади.

ровский услышал, как, уходя, делегаты говорили между собой: «Ни один казак не выступит».

В 1 час 20 минут дня заседание возобновилось. Министры выслушали неутешительный отчет о переговорах с казаками. Станкевич предложил выпустить воззвание к действующей армии, которое и было одобрено министрами.

После незначительного обмена мнениями слово взял адмирал Вердеревский: «У нас нет никакой реальной силы, а следовательно, мы бессильны что-либо предпринять, а потому бессмысленно продолжать наше заседание. Было бы лучше созвать заседание Временного

Совета республики». Кишкин в резком тоне стал возражать ему, говоря, что Временное правительство не «петроградское» правительство, а всероссийское, а в России найдутся силы для его поддержки. Он призывал опереться на «моральную силу», обратиться к общественным группам, Предпарламенту, пригласить в Зимний дворец сеньорен-конвент Предпарламента и представителей городской думы. Коновалов предложил оставаться в Зимнем дворце вплоть до ареста. Это предложение было принято единогласно. Далее министр Ливеровский записал в своем дневнике: «Кроме того, Коновалов предлагает выпустить какое-либо обращение к населению Петрогра-



Одна из комнат после взятия Зимнего.

да. Сейчас же следует целый ряд других предложений, но они не обсуждаются и не баллотированы. Начинаются общие разговоры, в результате которых в 1 час 30 минут дня Станкевич отправляется в штаб за Багратуни, чтобы лично от него все члены Временного правительства могли узнать о положении дела и убедиться, возможно ли ему вручить власть...»¹

Итак, полтора часа было потеряно. Временное правительство, по существу, еще никаких решений не приняло.

В 1 час 35 минут в Малахитовый зал вошли товарищ военного министра А. А. Маниковский, который после отставки Верховского

остался управлять военным ведомством, и инженер П. И. Пальчинский, один из приближенных Керенского, прославившийся своей борьбой против демократических организаций. Пальчинский тихо сказал Коновалову, что Мариинский дворец занят войсками ВРК и Предпарламент разогнан. Его разогнали как раз в те минуты, когда Вердеревский, Кишкин, а вслед за ними и Никитин предлагали перенести заседания Предпарламента в Зимний дворец. Коновалов стал просить Маниковского

¹ «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 43.

указать на лицо, которое могло бы возглавить защиту правительства, но он отказался, ссылаясь на плохое знание командного состава. Пришел Багратуни, сообщив о безвыходном положении правительства, отправился обратно в штаб. После этого вновь возник вопрос о выборе «особоуполномоченного лица» из своего состава. Выдвинуты были кандидатуры Кишкина и Пальчинского: большинство получил Кишкин. В 2 часа 25 минут был объявлен перерыв для оформления полномочий Кишкина.

Карташов, Маслов, Гвоздев и Малянтович занялись составлением воззвания к населению.

В три часа к правительству присоединился М. И. Терещенко, министр иностранных дел. А через полчаса с улицы донесся звук выстрелов. Бросившись к окнам, министры увидели, как делают перебежки революционные матросы, солдаты и красногвардейцы, но юнкерские караулы у Дворцового моста не двигались с места.

К 4 часам все указы о новых назначениях были подписаны. На Кишкина возлагались «исключительные полномочия по водворению порядка в столице и защите Петрограда от всяких анархических выступлений, откуда бы они ни исходили», с подчинением ему военных и гражданских властей. Помощниками Кишкина становились П. И. Пальчинский и П. М. Рутенберг. Последний был помощником главнокомандующего Петроградским военным округом по гражданской части. Оба помощника еще в ночь на 25 октября сошлись в единодушной оценке деятельности штаба. Они негодовали на беспомощность Полковникова и отсутствие всякого плана обороны. «Кавардак!» — так писал в своем дневнике Пальчинский о положении в штабе. Он тогда же сговорился с Рутенбергом относительно возможных действий без Полковникова. И вот теперь все трое с чрезвычайными полномочиями отправились в штаб. Степень беспорядка от этого только повысилась. Был отдан приказ об отстранении Полковникова и о назначении Багратуни. Но ближайший помощник Полковникова, генерал-квартирмейстер Пораделов, тут же подал в отставку, его примеру последовало и большинство чинов штаба. Некоторые покинули штаб, часть оставалась в его помещении, но всякая работа прекратилась. Офицеры нервно поглядывали в окна: было видно, как вдоль Мойки и по Миллионной улице все ближе подходят заставы революционных войск. Но в целом оцепление района Дворцовой площади проходило медленно. Если Павловский полк выслал свои заставы к Троицкому

мосту, на Миллионную улицу и на набережную реки Мойки еще в 11 часов утра, то Кексгольмский полк начал выходить на отведенную ему Военно-революционным комитетом линию только с 2—3 часов, после окончательного занятия Марининского дворца и роспуска Предпарламента. Кронштадтский десант прибыл в Петроград во второй половине дня и начал сосредотачиваться в районе Адмиралтейской набережной и Адмиралтейского проспекта с 4—5 часов дня. Вплоть до шести часов вечера движение трамваев вдоль Александровского сада в западной части Дворцовой площади не прекращалось, сохранялся свободный доступ в Зимний дворец и в здание штаба Петроградского военного округа.

Дворцовая площадь была пуста. Она являла собой разительный контраст с днями 5—6 июля 1917 года, когда на площади, превращенной в военный лагерь, собирались казаки, юнкера и части, верные Временному правительству. Отсюда они отправлялись в карательные экспедиции по городу против участников июльского движения.

Сейчас, на исходе дня 25 октября, на Дворцовой площади не было видно ни одного солдата. Одиночные посты юнкеров, стоявшие у ее краям еще утром и днем, были отозваны внутрь Зимнего дворца после того, как подошедшие заставы войск ВРК вошли с ними в соприкосновение, убеждали сдаться, а в нескольких случаях и разоружили. Необычный вид придавали площади штабеля дров, сложенные в нескольких местах у здания Генерального штаба; напротив трамвайной линии возвышалась высокая поленница, принадлежавшая военным учреждениям. Вокруг подъехала Александровской колонны располагались в виде своеобразного каре штабеля дров из запасов городской думы. Перед Главными воротами Зимнего дворца и влево от них на протяжении 30—40 метров по фасаду в несколько рядов были сложены дрова, привезенные для хозяйственных нужд и отопления дворца. Эта последняя поленница, высотой около двух метров, несколько часов назад была превращена юнкерами в импровизированную баррикаду. На ней было устроено несколько пулеметных гнезд, свободные промежутки вдоль тротуара были закрыты дровами. В поленнице имелся проход в Главные ворота, которые вели во двор Зимнего дворца. На этом обширном дворе было тесно от нескольких сотен лошадей. Это были казачьи лошади, конные упряжки батареи Михайловского артиллерийского училища, состоявшей из шести

трехдюймовых орудий. В Главных воротах стоял броневик. Он был обречен на неподвижность, так как еще утром лазутчики ВРК унесли из броневика магнето.

Небольшие юнкерские караулы стояли за решеткой сквера Зимнего дворца, напротив Адмиралтейства и у Дворцового моста. За окнами первого этажа дворца вправо от Главных ворот до самого угла Миллионной улицы располагались ударницы 2-й роты 1-го Петроградского женского батальона в количестве 137 человек и три сотни казаков 14-го казачьего полка. У казаков было несколько пулеметов, которые установили в угловых окнах для обстрела Миллионной улицы и выхода на площадь со стороны Певческого моста через Мойку.

Вообще площадь могла прекрасно простреливаться во всех направлениях от Зимнего дворца. И это хорошо понимали руководители Полевого штаба ВРК, не выводившие свои войска на открытое пространство, а укрывавшие их за выступами зданий. На Дворцовой набережной и Миллионной улице, на пересечении их с Мошковым переулком, располагались заставы павловцев. Они же стояли вдоль правого берега реки Мойки до Зимней канавки, а затем около Певческого моста, являвшегося одним из восточных выходов на Дворцовую площадь. Здесь они почти вплотную подошли к зданию штаба Петроградского военного округа (бывшее здание штаба гвардейского корпуса). Затем вдоль той же Мойки павловцы доходили до Невского проспекта. На Полицейском мосту стояла сильная застава и два легких зенитных орудия, установленных на грузовиках. Для оцепления Зимнего дворца и защиты подступов к нему со стороны Марсова поля Павловским полком было выделено 7 рот. Кроме того, в расположении павловцев находились красногвардейские отряды Выборгского и Петроградского районов со своими санитарными подразделениями.

Полицейский мост через Мойку на Невском проспекте служил стыком между павловцами и кексгольмцами. Их роты занимали часть Мойки, Кирпичный переулок, Морскую улицу и улицу Гоголя, Невский проспект до здания Главного штаба. В расположении полка находилось также до полутора-двух рот солдат Волынского и Петроградского полков, небольшие отряды красногвардейцев, а впоследствии также матросов Машинной школы из Кронштадтского отряда. Исходным рубежом для них должна была стать арка Главного штаба, от которой и начинается Морская улица.

На Адмиралтейском проспекте, в Алексан-

дровском саду и около здания Главного Адмиралтейства находились отряды Красной гвардии Петергофского района (путиловцы) и 2-го Городского района, матросы Машинной школы. Со стороны Адмиралтейской набережной стояли моряки Минной школы из Кронштадта, небольшой отряд авроровцев и красногвардейцы Василеостровского района. Таковы были диспозиции противостоящих лагерей к вечеру 25 октября.

Надо сказать, что противники не имели тогда каких-то своих знаков отличия. Не было ни лент, наискось протянутых через солдатские папахи, ни пятиконечных звезд. По обе стороны баррикады виднелись те же солдатские шинели, те же погоны и овальные кокарды на фуражках и папахах. Это, конечно, было не совсем удобно, но это же обстоятельство давало неожиданные преимущества при разведке. Так, павловцы посылали в течение 24 и 25 октября многих своих унтер-офицеров и младших офицеров в штаб округа, и те, проникая внутрь, слушали разговоры, читали приказы и документы и держали в курсе дел штаба комиссаров ВРК. Разведчики и даже агитаторы проникали и в Зимний дворец. С другой стороны, многие сторонники Временного правительства — офицеры и вольноопределяющиеся — ухитрялись незамеченными пройти через расположение революционных войск до самого Зимнего дворца и приходили в него даже в 9 и в 10 часов вечера.

Лишь красногвардейцы резко выделялись на фоне солдат своими черными штатскими пальто, шляпами и модными зимними шапками пирожком. На левых руках у них краснели повязки.

Итак, к шести часам вечера подступы к Дворцовой площади были окружены людской стеной. Силы, сконцентрированные здесь, насчитывали свыше 11 рот гвардейской пехоты — 2500—3000 человек, до 3000 кронштадтских матросов, до 2500 красногвардейцев, а всего 8—9 тысяч человек. Им противостояло около 1800—2000 юнкеров, казаков, ударниц и офицеров в Зимнем дворце.

Пальчинский попытался организовать оборону, но сил и возможностей для этого было явно недостаточно. «Объяснение с начальниками частей, — записывал он в своем дневнике, — казаки, Михайловское училище, инженерная школа прапорщиков, 2-й Петергофской и 2-й Ораниенбаумской школ. Нет продовольствия, нет плана. Растерянность и вялость офи-

церов и отсутствие настроения у юнкеров, о которых не было достаточно забот»¹.

В комнатах Временного правительства шла лихорадочная и бесполезная работа. Ловились слухи, полученные по телефону и от немногих посетителей, которым до 5—6 часов вечера удавалось проходить во дворец. Выяснилось, что журналист Климов, посланный в типографию с текстом воззвания к населению, был задержан в пути матросами. Ливеровскому было поручено распространить его через железнодорожный телеграф. Он позвонил своему заместителю и продиктовал текст воззвания. В 6 часов ненадолго возобновилось официальное заседание Временного правительства. Был поставлен вопрос «оставаться или разойтись». Вердеревский опять призывал разойтись, но после выступлений ряда министров опять решил остаться. В 6 часов 30 минут министров позвали обедать наверх, на третий этаж, в столовую Керенского. Пока министры ели свой обед, войска Военно-революционного комитета закончили оцепление Зимнего дворца. «Стягивание кольца кругом площади», — записал в дневнике Пальчинский.

Как раз в это время помощник главного комиссара Кронштадтского сводного отряда П. И. Смирнов послал донесение в Кронштадтский Совет. В нем говорилось: «18 часов. Доводим до сведения Исполнительного комитета и Военно-технической комиссии, что десант высажен и установлен окончательный контакт с петроградскими частями. Ждем дальнейшего наступления. Сейчас приступаем к окончательной операции по отношению к Зимнему дворцу и штабу. Предъявляем при помощи делегации ультиматум. Если отвергнется, то открываем огонь»².

Однако еще до того, как был предъявлен ультиматум, произошло два события, которые привели к существенному ослаблению сил, защищавших Зимний дворец. Около 6 часов вечера открылись Главные ворота дворца, и через проход в баррикаде прямо на площадь рысью выехали конные упряжки с орудиями и зарядными ящиками Михайловского артиллерийского училища. Это комиссар училища К. Акашев, назначенный туда ЦИК еще в корниловские дни, не желая, чтобы юнкера участвовали в кровопролитии, сославшись на существующий якобы приказ начальника училища, склонил батарейцев к уходу из Зимнего дворца. Лишь когда 4 орудия миновали баррикаду, офицеры во дворце опомнились, бросились к лошадям и сумели задержать две пушки. Акашева арестовали, но артиллерия защитников Временного правительства понесла,

таким образом, большой урон. Юнкера отъехали недалеко. На Морской улице у Невского они были остановлены войсками ВРК, разоружены. Одно или два орудия были оставлены на месте и впоследствии приняли участие в обстреле дворца.

Около 7 часов для переговоров с юнкерами во дворец пришли представители ВРК — Г. И. Чудновский и П. В. Дашкевич. Пальчинский приказал арестовать их. Но юнкера Ораниенбаумской и Петергофской школ, собравшись на митинг, решили освободить арестованных. Затем ораниенбаумцы покинули свои позиции и ушли через расположение революционных войск по Миллионной улице.

Свое пребывание во дворце посланцы ВРК использовали для подробной разведки сил противника, им удалось выяснить, что баррикада прикрывает только Главные ворота, что оба подъезда дворца открыты, наконец, что в него можно проникнуть и с набережной. Дашкевич, в частности, рассказал об этом руководителем кронштадтских моряков, и они в момент штурма Зимнего использовали для проникновения во дворец Детский подъезд.

Тем временем в Петропавловской крепости комиссары ВРК Антонов-Овсеенко и Благонравов составляли ультиматум штабу округа и Временному правительству о сдаче во избежание ненужного кровопролития. В начале седьмого Антонов-Овсеенко вызвал двух самокатчиков, В. Фролова и А. Галанина, и вручил им пакет на имя главнокомандующего Петроградским военным округом. Самокатчики сели на свои велосипеды и через Троицкий мост и Миллионную улицу поехали к штабу округа, где в 6 часов 50 минут вручили ультиматум. «Постановлением Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов Временное правительство объявляется низложенным, — говорилось в этом документе. — Вся власть переходит в руки Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Зимний дворец окружен



¹ Каких-либо документов с точным учетом сил ВРК не сохранилось, и, по всей вероятности, они по условиям того момента и не велись. Подсчеты произведены по донесениям комиссаров ВРК, воспоминаниям активных участников революции и собственным исследованиям автора по истории Красной гвардии. Существуют и другие подсчеты, дающие несколько большую цифру.

² Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции. М.—Л., 1957, стр. 271.

революционными войсками. Орудия Петропавловской крепости и судов «Аврора», «Амур» и других наведены на Зимний дворец и здание Главного штаба. Именем Военно-революционного комитета предлагаем членам Временного правительства и вверенным ему войскам капитулировать. Временное правительство, чины Генерального штаба и высшего командного состава арестовываются, юнкера, солдаты и служащие разоружаются и по проверке личностей будут освобождены. Для ответа вам предоставляется 20 минут. Ответ передать посланному. Срок ультиматума истекает в 19 часов 10 минут, после чего немедленно будет открыт огонь. Эвакуацию лазарета закончить в предоставленный для ответа срок. Эвакуацию производить по Миллионной улице. Ответ передать посланному.

Председатель Военно-революционного комитета Антонов

Комиссар Петропавловской крепости Г. Благодравоу.

Содержание ультиматума стало известно министрам в 7 часов 5 минут. За окнами уже сгустились осенние сумерки. Тускло мерцали огоньки на стрелке Васильевского острова, у Адмиралтейства, темным провалом обозначалось место Петропавловской крепости. Все это был вражеский стан. Крепость и Нева грозили огнем, пушками и пулеметами. На размышление министрам давалось 20 минут, и они уже истекли. Ультиматум принес с собой страх и ожесточение, растерянность и мрачную определенность. В кабинете Коновалова, где находился теперь правительство, непрерывно звонил телефон: требовали то одного, то другого министра, они звонили сами. Эти звонки действовали на нервы, а нужно было решать, что ответить на ультиматум. Перешли в комнату начальника кабинета министра-председателя, выходящую во внутренний двор.

Момент был критическим. Свое смятение многие министры отразили в дневниках и воспоминаниях. Приведем некоторые их свидетельства. Так, А. М. Никитин писал: «Все наши просьбы, а затем самые резкие заявления другим организациям и партиям, ни к чему не привели... Я все время просил и Г. И. Шрейдера (городской голова. — С. И.) и других организовать нам помощь, но оказалось, что у них нет сил и что они не считают возможным поддерживать Временное правительство, а лишь порядок в городе, для чего и был образован комитет безопасности. Таким образом, около Временного правительства оказалась пустота, ибо от него отказались все партии,

производным от которых Временное правительство было»¹.

А вот слова Малайчиковича: «Вокруг нас была пустота, внутри нас — пустота, и в ней выросла бездумная решимость равнодушного безразличия...»²

Однако министры единогласно приняли решение, о котором читаем в дневнике Ливеровского, — «не отвечать на ультиматум, оставаться в Зимнем дворце и сопротивляться».

Примерно в половине восьмого вечера к находившимся во дворе Петропавловской крепости Благодравоу и Антонову-Овсеенко подошел связанной самocatчик и доложил, что Зимний дворец уже взят. (На самом деле был занят пока только штаб, и сообщение оказалось неточным.) Комиссар решил лично отправиться во взятый дворец. «Выхожу за крепостные ворота, — вспоминал он, — на мостике отчаянно тарыхтит чей-то автомобиль, ослепивший меня светом своих прожекторов. Подхожу ближе, узнаю товарищей Подвойского и Еремеева: они объезжали действующие части и заехали в крепость, чтобы узнать о положении. Сообщаю им весть о взятии Зимнего. Решаемся ехать вместе к Зимнему. Сажусь в машину; быстро летим через Троицкий мост, Марсово поле, по Миллионной улице к дворцу. По обеим сторонам на тротуарах разбросаны солдаты Павловского полка, а ближе к мостику через Зимнюю канавку мы наезжаем на правильно раскинутую цепь. Нас окликают и задерживают. Объясняем, кто мы. Передаем весть о взятии Зимнего. Известие встречается с большим недоверием, голос из цепи авторитетно заявляет: «Какой там сдались, недавно оттуда нас здорово шпарили, опасно туда ехать». Но мы остаемся при своем мнении: решаем, что Зимний взят частями, действующими со стороны Невского, что цепь просто не осведомлена»³. Ошибка была выяснена. Военно-революционный комитет приказал Благодравоу вернуться и подать условный сигнал к штурму Зимнего дворца. Было решено, что на сигнальной мачте Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости будет поднят красный фонарь, а из полуденной пушки произведен выстрел. Затем сигнал

¹ «Неделя», 1966, № 45, стр. 11.

² «Одесское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции. Л., 1956, стр. 405.

³ Там же, стр. 124.



должен повторить крейсер «Аврора». Комиссар «Авроры» А. В. Бельшев так писал об этом в своем донесении в начале ноября 1917 года: «Вечером получено предписание от Военно-революционного комитета, после сигнальных пушечных выстрелов с Петропавловской крепости произвести несколько выстрелов холостых и, смотря по обстоятельствам и если нужно, открыть боевой огонь...»¹

В 8 часов вечера выяснилось — штаб Петроградского военного округа был без боя занят войсками ВРК. В 8 часов 15 минут в Зимнем дворце Карташов и Вердеревский опять подняли вопрос «о действительности в обстоятельствах текущего момента наших полномо-

чий. Все от нас откололись. Не должны ли мы сдать власть?» Но большинство опять не согласилось с этим. Затем было решено выйти к юнкерам, которые требовали встречи со всем правительством. С речами обратились к ним Коновалов, Маслов, Малянтович. Более сотни юнкеров, собравшихся в Темном коридоре, слушали их молча и напряженно. Малянтович так рассказывает об этом моменте в своих воспоминаниях: «Начал Коновалов, и

¹ «Балтийские моряки в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции». М. — Л., 1957, стр. 280—281



Панорама Зимнего дворца 26 октября 1917 г.

все мы сказали, хотя и по-разному, но одно и то же... Они, юнкера, не только солдаты, но и граждане. Пусть решают, на чьей стороне должны они быть. Мы не себя лично защищаем, мы защищаем права всего народа и уступим только насилию... Итак, солдаты во время военных действий вместо приказа получили... тему для митинга. И митинг открылся, когда мы ушли...»¹

С этого времени действия правительства и руководителей его обороны стали отличаться все большей нервозностью и непоследовательностью. Был послан отряд для того, чтобы отбить штаб округа, но это привело к его пленению и, следовательно, еще большему

сокращению числа защитников. Ропот юнкеров, казаков и даже офицеров стал всеобщим. Пальчинский мог насчитать всего пять офицеров, которые активно помогали ему.

Между тем на площади стихийно началась перестрелка. В 9 часов 30 минут со стороны войск ВРК послышались пулеметные очереди. В ответ юнкера дали несколько залпов картечи из двух имевшихся полевых пушек². Ус-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 409.

² «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 46.

лышав перестрелку перед Зимним дворцом, комиссар ВРК Благодравов дал приказ о подаче условного сигнала. На «Авроре» его ждали, комиссар и артиллеристы находились на палубе у носового орудия. «Напряжение все усиливалось, — вспоминает Бельшев. — С берега доносилась стрельба. А Петропавловская крепость не давала о себе знать. Уже тридцать пять минут десятого, а красного огня все нет. «Огонь, огонь!» — раздались голоса. Во мгле за мостом показался багровый огонь. Было 9 часов 40 минут. Я отдал команду: «Носовое, огонь! Пли!»¹ Выстрел «Авроры» мощно прокатился по городу. В Зимнем дворце он был слышен очень отчетливо. У наступающих этот выстрел вызвал быстрый подъем, стрельба усилилась, а среди защитников Зимнего дворца выстрел «Авроры» произвел дальнейшее смятение. 300 казаков 14-го Донского полка решили покинуть дворец. Несмотря на уговоры, казаки остались тверды в своем решении и послали парламентариев к павловцам с просьбой пропустить их через расположение революционных войск. Парламентарии были отведены к комиссару Павловского полка О. Дзенису. Они заявили, что хотят вернуться в казармы, однако просят «не позорить их» и пропустить с оружием. Дзенис опасался засады, но все же решил пропустить казаков, предварительно спрятав броневик в Мошковом переулке. Казаки выходили из дворца по Дворцовой набережной. Во время переговоров стрельба на площади прекратилась. Наступило затишье.

В это время с телеграфа, находившегося в Зимнем дворце, поручик Данилевич вел переговоры со Ставкой. Генерал Духонин обещал, что, по его сведениям, вскоре должны подойти самокатные батальоны, а утром придут 6 полков казаков². Это вызвало подъем у части министров. Телеграмму немедленно показали юнкерам и немного успокоили их. Было отправлено несколько телеграмм с обращениями к населению. В одной из них говорилось: «Правительство в полном составе, за исключением С. Н. Прокоповича³, на посту. Положение признается благоприятным. Городская дума и Совет крестьянских депутатов на стороне правительства. Дворец обстреливался, но только ружейным огнем, без всяких результатов. Выяснено, что противник слаб. Из Ставки правительству сообщают, что на вырчку идут войска с фронта. Самокатный батальон ожидается ночью, а несколько полков утром»⁴. Трудно сказать, чего здесь больше: надежды, отчаяния или сознательной лжи. «Положение благоприятно» — когда дав-

но уже решено уступить силе; «противник слаб» — когда войска его вдесятеро больше собственных... В другой телеграмме «Всем, всем, всем...» указывалось хвастливо: «Первое нападение на Зимний дворец в 10 часов вечера отбито»⁵. А ведь нападения еще не было, и только в результате перестрелки из дворца уже ушло свыше 400 человек!

В связи с ослаблением охраны дворца в него стали проникать небольшие группы матросов, красногвардейцев и солдат. Вначале их разоружали, но количество пленных становилось постепенно угрожающе большим. Кое-где началось разоружение юнкеров. Пальчинский так пишет об этом: «Прорыв по разным лестницам. Личное руководство разоружением инженерными прапорщиками группы человек 50 прорвавшихся по Эрмитажному ходу. Сдача без сопротивления. Павловцы внизу. Все двери открыты. Прислуга помогает»⁶. О своих «успехах» Пальчинский доложил министрам. Вот как это было воспринято Малянтовичем: «Опять шум... Он стал уже привычным... Опять, вероятно, ворвались большевики и, конечно, опять обезоружены... Вошел Пальчинский. Конечно, это так и оказалось. И опять дали себя обезоружить без сопротивления. И опять их было много... А сколько их уже во дворце?... Кто фактически занимает дворец теперь — мы или большевики?»

Большая часть министров находилась как бы в оцепенении. Они дремали в креслах и на диванчиках, многие в пальто и ждали неизбежного конца. Лишь самые активные из них: Коновалов, Кишкин, Терещенко, Маслов, Никитин — выходили из комнаты, говорили с юнкерами, убеждали, спорили. Никитин дежурил в покинутом всеми кабинете Коновалова, непрерывно разговаривая по теле-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 245.

² «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 46.

³ Арестованный утром солдатами Павловского полка Прокопович был доставлен в Смольный, а затем выпущен. Он присоединился к заседанию в городской думе и несколько раз звонил в Зимний дворец, а затем вместе с делегацией думы пытался проникнуть в него.

⁴ К. Рябинский, Революция 1917 года. Хроника событий, т. 5. М., 1926, стр. 189—190.

⁵ Там же, стр. 188.

⁶ «Красный архив», т. 56. М., 1933, стр. 137.

фону с городской думой, со своими помощниками по министерству, с различными политическими деятелями. Помощи, кроме словесной, по-прежнему не было никакой.

Воспользовавшись затишьем, установившимся с 10 часов вечера в связи с уходом казаков, выслали своих парламентаров юнкера школы прапорщиков Северного фронта и Женского батальона. Пропуск для них был дан, ударницы и юнкера стали выходить из дворца в направлении Миллионной улицы. Ударниц обезоружили и направили в казармы Павловского полка, а юнкеров отпустили. Так, благодаря продуманной тактике руководителей восстания, количество защитников Зимнего значительно сократилось еще до генерального штурма. Выход войск и связанная с этим передышка затянулись до 11 часов вечера.

Затем стрельба на площади возобновилась, одновременно из Петропавловской крепости послышался пулеметный и орудийный огонь.

С Нарышкинского бастиона из шестидюймовых орудий было сделано 6 выстрелов: два боевых и четыре холостых. Снаряд из наведенного еще днем орудия попал точно в цель. Влетев в угловое окно приемной комнаты Александра III, картечь разорвалась около стены, а стакан снаряда пробил перегородку и следующую стену. Стакан от шрапнели был доставлен министрам, которые мрачно пошутили, что это «пепельница на стол нашим преемникам». Половина двенадцатого до министров донесся страшный шум и треск выстрелов. Оказывается, несколько матросов с верхнего коридора, проходившего вдоль палат выздоравливающих, бросили через световой фонарь две гранаты в Темный коридор, занятый юнкерами. Два человека было ранено. Их проводили в помещение Временного правительства, и Кишкин оказал им первую помощь.

Один из снарядов вследствие поспешности при выстреле перелетел дворец и упал не разорвавшимся на Демидовом переулке недалеко от Сенной площади, что было отмечено потом многими петроградскими газетами. Одновременно с приплеска Невы за стенами Алексеевского рavelина моряки-артиллеристы начали обстрел дворца из трехдюймовых орудий. Ими было сделано 30—35 выстрелов шрапнельными снарядами, большинство которых разорвалось еще над Невой. Лишь один трехдюймовый снаряд повредил карниз дворца.

Настроение наступавших становилось все более нетерпеливым. «Скорее во дворец» —

вот мысль, которая владела ими. Группами и в одиночку они все ближе подходили к дворцу. Со стороны Миллионной улицы дворец остался без охраны, и все большее число солдат-красногвардейцев и матросов проникало внутрь. Руководители восстания — Антонов-Овсеенко, Чудновский, Еремеев, комиссары полков находились в первых рядах наступающих, сдерживая их порыв во избежание лишних жертв.

Военно-революционный комитет послал еще раз к юнкерам своего парламентаря, это был опять же Чудновский. «Он было договорился с юнкерами о пропуске их с оружием из Зимнего, — вспоминает Антонов-Овсеенко, — но этот договор был мною отменен, и юнкера должны были сложить оружие... Наконец, когда удалось выяснить, что юнкеров остается уже немного, мы с Чудновским повели атакующих внутрь дворца»¹.

Как уже отмечалось, баррикада из дров закрывала только подступы к Главным воротам Зимнего дворца. Оба подъезда со стороны площади были свободны. Туда в первую очередь и устремились штурмующие. Воспоминания участников событий и фотографии, сделанные в Зимнем дворце после штурма, позволяют приблизительно проследить маршруты движения революционных войск. Комендантский подъезд не был связан прямым путем с комнатами, где находилось Временное правительство. Поэтому после того как солдаты и красногвардейцы убедились в том, что им никуда не пройти отсюда, они большей частью ушли из этого подъезда и последовали за теми, кто уже находился во дворце. Основные силы наступавших ворвались во дворец с левого подъезда. Поднявшись по лестнице, они вскоре оказались в Белом зале, где находились юнкера, затем разными путями проникли к Темному коридору. Здесь Антонова-Овсеенко и Чудновского встретил Пальчинский. Теперь уже была его очередь идти под арест. Коновалов быстро звонит в думу: «Ворвался Временный революционный комитет... У нас всего небольшое количество юнкеров... стараются отбиваться... Через несколько минут мы будем арестованы». А наступавшие через Ротонду и Арапский зал вышли к Малахитовому залу

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 105.



Крейсер «Аврора» на Неве.

и «малой столовой», куда и собрались все находившиеся во дворце члены Временного правительства. Одновременно часть красногвардейцев, матросов и солдат проникла во дворец через Детский подъезд и по внутренним лестницам вышла на бывшую половину Николая II, занимаемую Временным правительством, и в Темный коридор к самой Ротонде. И вот, наконец, «малая столовая», кабинет, где сидели министры. «Они сидят за столом и сливаются в одно серобледное трепетное пятно, — вспоминает Антонов-Овсеенко. — Именем Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными! — заявляю им я»¹.

О том, как реагировали на события сами министры, читаем в воспоминаниях Малянтовича: «Шум у нашей двери. Она распахнулась, и в комнату влетел, как щепка, выброшенная к нам волной, маленький человечек под напором толпы, которая за ним влилась в комнату и, как вода, разлилась сразу по всем углам и заполнила комнату. Человек был в распахнутом пальто, в широкой фетровой шляпе, сдвинутой на затылок, на ры-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 106.



Первые дни после Октября на Невском.

жеватых длинных волосах. С коротко стриженными рыжими усиками и небольшой бородкой. Короткая верхняя губа поднималась к носу, когда он говорил. Бесцветные глаза, утомленное лицо... Мы сидели за столом. Стража уже окружила нас. «Временное правительство здесь», — сказал Коновалов, продолжая сидеть. — Что вам угодно?» — «Объявляю вам, всем вам, членам Временного правительства, что вы арестованы. Я представитель Военно-революционного комитета Антонов». — «Члены Временного правительства подчиняются насилию и сдаются, чтобы избежать кровопролития», — сказал Коновалов»¹.

Это произошло в 1 час 50 минут ночи на 26 октября 1917 года.

Потребовалось некоторое время, чтобы установить порядок в кабинете, осмотреть документы министров, удалить случайных людей, отобрать личное оружие членов Временного правительства. Антонов-Овсенко переписывал министров, составлял протокол. Коммендантом Зимнего дворца был назначен

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 414.

Чудновский. Он тотчас начал устанавливать посты охраны, удалять из дворца лишних вооруженных людей. В Смольный и по районам была отправлена краткая телефонограмма: «В 2 часа 4 минуты был взят Зимний дворец. 6 человек убито павловцев. Комендантом Зимнего дворца Чудновский»¹. Протокол был составлен и подписан, через несколько часов его отпечатали в качестве специального извещения Военно-революционного комитета. В нем говорилось: «25 октября в 2 часа 10 минут ночи арестован членом Временного революционного комитета, Исполнительного Комитета Совета р. и с. д. Антоновым по постановлению комитета контр-адмирал Вердеревский, министр госприсмотрения Кишкин, министр торговли и промышленности Коновалов, земледелия Маслов, путей сообщения Ливеровский, управляющий военным министерством Маниковский, Гвоздев, Малянтович, Третьяков, генерал для поручений Борисов, контролер Смирнов, просвещения Салазкин, финансов Бернацкий, иностранных дел Терещенко, помощник особоуполномоченного Временного правительства Рутенберг, почт и телеграфов Никитин, исповеданий Карташов, Пальчинский. Прочие офицеры и юнкера обезоружены и отпущены. Взяты 3 папки и портфель министра народного просвещения»².

Пробравшиеся вместе с наступающими анархические элементы, часть солдат и матросов стали требовать немедленного суда над Временным правительством. В. А. Антонов-Овсеенко решительно пресек всякие попытки самосуда и под надежной охраной отправил министров в Петропавловскую крепость. Это было нелегким делом. По пути толпы людей часто требовали останков, рассматривали министров, призывали к расправе над ними. Комиссар Военно-революционного комитета и охрана неуклонно пробивались вперед. Около трех часов ночи процессия взшла на Троицкий мост. Застава на другой стороне моста заподозрила движение враждебных войск и выслала автомобиль, открывший огонь. Министры и охрана залегли. Над ними просвистели пули. Навстречу заставе побежали парламентарии: «Не стреляйте, свои!» — кричали они.

Инцидент был ликвидирован, и министры в целости и сохранности доставлены в Петропавловскую крепость. В гарнизонном клубе их вновь переписали, составили новый протокол, после чего в пятом часу утра 26 октября развели по одиночным камерам Трубецкого бастиона³.

Первый день Советской власти

В 10 часов 45 минут в Смольном начал свою работу II Всероссийский съезд Советов. По правилам, выработанным I съездом, он должен был открываться политической речью представителя ЦИК. Но Ф. И. Дан, который открывал съезд, от такой речи отказался. Сославшись на исключительность обстановки, он сказал: «В этот момент, когда я, член президиума Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих и солдатских депутатов, говорю перед вами, наши товарищи, заседающие в Зимнем дворце, находятся под обстрелом»⁴. Объявив первое заседание съезда открытым, Дан предложил перейти к выборам президиума⁵.

По соглашению бюро всех фракций президиум составлялся на пропорциональных началах. К открытию съезда была учтена партийность 515 делегатов, хотя на заседании присутствовало и больше. В соответствии с партийным составом съезда большевикам предлагалось 14 мест, эсерам — 7. Выдвинули своих делегатов только левые эсеры. В президиум съезда вошли делегаты-большевики: В. И. Ленин, В. А. Антонов-Овсеенко, А. М. Коллонтай, Н. В. Крыленко, А. В. Луначарский, В. П. Ногин и др., от левых эсеров — Б. Д. Камков, В. А. Карелин, М. А. Спиридонова. Большевикам в президиуме отводилось 3 места, меньшевикам-интернационалистам — 1. Фракции меньшевиков и правых эсеров заявили, что они от выставления своих списков в президиум отказываются. Большевики-интернационалисты «пока воздержались» от выставления своего кандидата⁶.

Поданные списки были утверждены, и под аплодисменты президиум занял свои места. В порядок дня съезда вошли вопросы об организации власти, о войне и мире, об Учредительном собрании. По соглашению фрак-

¹ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Документы и материалы, стр. 414.

² «Правда», 1917, 27 октября, № 170 (101).

³ «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде». Воспоминания активных участников революции, стр. 106—107; «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 47.

⁴ «Известия», 1917, 26 октября, № 207.

⁵ Там же.

⁶ К. Рябинский, Революция 1917 года. Хроника событий, т. V. М. — Л., 1926, стр. 188.

ций обсуждению этих вопросов должны были предшествовать доклады Петроградского Совета и ЦИК. Однако Л. Мартов внес предложение в первую очередь поставить в порядок дня вопрос о мирном разрешении создавшегося кризиса. Он предложил приостановить военные действия с обеих сторон. Все остальные фракции присоединились к предложению Мартова. А. В. Луначарский от имени большевиков заявил, что и большевики не имеют ничего против обсуждения этого вопроса первым. Но деловое обсуждение было сорвано политическими демаршами меньшевиков и эсеров. Харраш от имени меньшевистской и эсеровской фракций стал говорить о том, что съезд заседает в то время, когда расстреливают Зимний дворец и находившихся в нем представителей социалистических партий. Он обрушил на большевиков грубые нападки. Хинчук от имени меньшевиков внес резолюцию, принятую днем на заседании ЦК РСДРП (объединенной), в которой говорилось, что меньшевики уходят со съезда. Затем от фракции правых эсеров Гендельман зачитал аналогичную декларацию. После этого все члены фракций меньшевиков, правых эсеров и фронтовой группы покинули съезд и направились в городскую думу.

Тогда Мартов предложил резолюцию с призывом заключить соглашение между «восставшей частью демократии и демократическими организациями об образовании демократического правительства, которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно». В резолюции съезду предлагалось издать постановление о необходимости мирного разрешения кризиса и ведения переговоров между различными группами демократии. До выяснения результатов этих переговоров фракция мартовцев просила приостановить работу съезда. Резолюция, предложенная большевиками, приветствовала победоносное восстание рабочих, солдат и крестьян и предлагала съезду продолжить свою работу. Левые эсеры высказались против этой резолюции, за создание «единого революционного фронта». Они предложили устроить перерыв для решения вопроса о своем дальнейшем пребывании на съезде. Объединенные интернационалисты («новожизненцы») заявили, что хотя они и считают действия меньшевиков и эсеров позорными, но предлагают не выносить резких резолюций против них, а просто пройти мимо их дезертирства. Затем съезд покинули представители меньшевиков-интернационалистов и еврейской социа-

листической партии («Поалей-цион»). Около двух часов ночи был объявлен перерыв для обсуждения резолюций по фракциям.

Таким образом, первое заседание II Всероссийского съезда Советов, по существу, было сорвано obstructцией меньшевиков и эсеров. Своими внеочередными заявлениями, следовавшими одно за другим, они дезорганизовали работу съезда. Их лидеры ризовали депутатам кровавые картины расправы с министрами, в том числе и «с нашими товарищами социалистами». Представители «Авроры» тут же внесли поправку, сказав, что стреляли только холостым. Но запугивание «ужасами» продолжалось. Все это не могло не волновать депутатов. Шумные демонстрации ухода фракций, которые сопровождались неизбежными заминками в работе съезда, также действовали отрицательно на настроение собравшихся. Настроение некоторой части делегатов было колеблющимся. Ведь согласно предварительным данным партийный состав съезда был следующим: большевики — 300 делегатов, меньшевики — 68, эсеры — 193, украинские социалисты — 7, анархисты — 3, Бунд и Поалей-цион — 10, ППС и ПСД — 10, меньшевики-интернационалисты — 14, национал-социалисты — 3, социалисты-народники Литвы — 4, беспартийные — 36, неизвестной партийной принадлежности — 22. А общее число делегатов — 670 человек¹. Одни большевики не составляли, следовательно, большинства делегатов съезда, хотя и являлись самой крупной фракцией. Это большинство могло быть достигнуто лишь в союзе с левыми эсерами и интернационалистами. А именно эти группы колебались на первом заседании в пользу прекращения военных действий и образования «общереволюционного правительства».

Итак, это первое заседание, проходившее в условиях восстания, уже победоносного, но еще не заверщенного, подтвердило все опасения В. И. Ленина, высказанные им в письме членам ЦК вечером 24 октября 1917 года. Оно с новой силой доказало правильность требования Ленина о том, чтобы закончить восстание до открытия съезда. Если бы Временное правительство сидело уже под арестом, у соглашателей было бы вырвано самое сильное оружие воздействия на чувства депутатов — ссылка на происходящее кровопролитие на Дворцовой площади и на «расправу» с министрами.

¹ «Правда», 1917, 29 октября, № 172 (103).

№ 208.
Суббота.
28 Октября 1917 г.

ИЗВѢСТІЯ

ЦЕНА:
въ Петроградѣ 5 коп.
на ост. мест. 10 коп.

Центральнаго Исполнительнаго Комитета и Петроградскаго Совета. РАБОЧИХЪ И СОЛДАТСКИХЪ ДЕПУТАТОВЪ.

Копія центральнаго Комитета, Газета деп. 2-й статьи Комитета по ст. 10-14
Копія центральнаго Комитета, Газета деп. 2-й статьи Комитета по ст. 10-14

Въ виду состава въ теченіи близкаго будущаго Петроградскаго Совета Исполнительнаго Комитета, Исполнительнаго Петроградскаго Совета, Исполнительнаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Исполнительнаго Петроградскаго Совета въ работѣ этого Совета.

ДЕКРЕТЪ О ЗЕМЛѢ

Въ виду состава въ теченіи близкаго будущаго Петроградскаго Совета Исполнительнаго Комитета, Исполнительнаго Петроградскаго Совета, Исполнительнаго Совета Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ Исполнительнаго Петроградскаго Совета въ работѣ этого Совета.

Страница «Известий» с Декретом о земле.

В 3 часа 10 минут, после перерыва, возобновилось заседание II Всероссийскаго Съезда Советов. Сообщение о взятии Зимнего дворца создало заметный перелом в настроении депутатов. Левае собравшимися выступил комиссар Царкоксельского гарнизона, сказавши, что гарнизон охраняет подступы к Петрограду: «В самый критический момент оборонцы ушли из Совета и отказались работать с нами. Вся работа перешла на нас одини, и мы рѣшили: погибнем, но будем защищать свои позиции». Затем выступили представители 3 и 5-го самолетных батальонов, которых так ждали министры Временного правительства. Самокатчики

заявили о переходе на сторону Военно-революционнаго комитета и о поддержке Всероссийскаго Съезда. Аппаратные вызвали известие об образовании Военно-революционнаго комитета Севернаго фронта, который «будет препятствовать движению эшелонов на Петроград». Комиссар Севернаго фронта Бойтинский, как сообщалось, вышел в отставку, а из двлгавшихся на Петроград эшелонов в Военно-революционный комитет одиннадцати о присоединении к Петроградскому Совету. А. В. Луначарский огласил написанное В. И. Лениным воззвание «Рабочим, солда-



Крестьяне читают Декрет о земле.

там и крестьянам». В нем говорилось: «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов открылся. На нем представлено громадное большинство Советов. На съезде присутствует и ряд делегатов от крестьянских Советов. Полномочия соглашательского ЦИК окончилась. Опираясь на волю громадного большинства рабочих, солдат и крестьян, опираясь на совершившееся в Петрограде победоносное восстание рабочих и гарнизона, съезд берет власть в свои руки.

Временное правительство низложено. Большинство членов Временного правительства уже арестовано»¹. Далее в воззвании изла-

галась программа будущего Советского правительства: предложение немедленного мира, передача земель в распоряжение земельных комитетов, демократизация армии, рабочий контроль над производством, своевременный созыв Учредительного собрания, разрешение продовольственного кризиса, право наций на самоопределение. «Съезд постановляет: — указывалось в этом документе, — вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, которые и

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

должны обеспечить подлинный революционный порядок»¹. Съезд обращаясь к армии с призывом «...защитить революцию от всяких посягательств империализма, пока новое правительство не добьется заключения демократического мира»². Воззвание заканчивалось призывами к солдатам оказывать противодействие Керенскому, останавливать железнодорожные эшелоны, идущие на Петроград. Ленинское воззвание было принято голосами всех присутствовавших делегатов против 2 при 12 воздержавшихся. Заседание закрылось в 5 часов 15 минут 26 октября 1917 года³.

Принятое обращение провозглашало взятие съездом всей полноты власти в государстве и одновременно передавало местную власть Советам. Съезд довершил тем самым ликвидацию старой власти, начатую вооруженным восстанием, и дал законную основу для образования нового правительства страны.

Днем 26 октября происходили совещания Центрального Комитета большевистской партии и фракции большевиков II Всероссийского съезда Советов по вопросу о формировании правительства. Было сделано предложение левым эсерам о вхождении в правительство. Но они отказались, приняв особую резолюцию, основные положения которой сводились к следующему: требовать создания правительства с участием тех групп, которые ушли со съезда; если переговоры с ними ни к чему не приведут, то поддержать большевистское правительство, не входя в него, но и не отказываясь от технической работы; созыв крестьянского съезда; обеспечение созыва Учредительного собрания. По предложению В. И. Ленина ЦК РСДРП(б) решил представить Всероссийскому съезду список чисто большевистского правительства.

В 9 часов вечера 26 октября 1917 года открылось второе, и последнее, заседание II съезда Советов. Вначале депутаты получили информацию о сделанных президиумом съезда распоряжениях: отмене смертной казни, освобождении политических арестованных, о мерах по задержанию войск Керенского.

На заседании съезда присутствовало 625 человек. Окончательно со съезда ушло всего около 50 человек, главным образом политических лидеров меньшевиков и правых эсеров. Многие же рядовые члены этих партий остались и участвовали в приня-

тии первых декретов Советской власти. Партийный состав присутствовавших на последнем заседании был таким: большевиков (включая сюда сочувствующих и беспартийных, записавшихся для работы в большевистскую фракцию) — 390, эсеров соответственно — 179, меньшевиков-интернационалистов — 35, украинцев — 21⁴.

Съезд перешел к обсуждению вопроса о мире. С докладом выступил восторженно встреченный депутатами Владимир Ильич Ленин. Он сразу же перешел к чтению декларации. «Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии»⁵. Он призвал не ставить условий мира ультимативно и выразил готовность рассмотреть любые иные условия. Практические предложения декларации (Декрета о мире) сводились к тому, чтобы воюющие государства заключили перемирие на три месяца. В течение этого срока предполагалось провести переговоры о заключении прочного мира без аннексий и контрибуций. Когда Ленин оглашал Декрет о мире, пишет делегат от III армии С. И. Аралов, «стояла такая тишина, будто люди даже перестали дышать. А потом как будто весь зал вздохнул облегченно — и вслед за этим вихрь и гром аплодисментов, радостных криков...». Декрет был принят единогласно. Стоя делегаты запели «Интернационал», а затем «Вы жертвою пали» в память убитых и покалеченных проклятой войной. В едином порыве сблизился все пострадавшие, заждавшиеся этого прямого и честного слова о мире люди. Казалось, вся Россия в этом зале пела, плакала и радовалась этому еще не наступившему, но впервые обещанному миру.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 11.

² Там же, стр. 12.

³ «Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов». Сборник документов. М., 1927, стр. 54—55, 93, 94.

⁴ «Правда», 1917, 29 октября, № 172 (103).

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 16.

С докладом по второму пункту повестки дня «О немедленном уничтожении помещичьей собственности на землю» вновь выступил В. И. Ленин. Декрет о земле немедленно и без всякого выкупа отменял помещичью собственность. Все земли — помещичьи, удельные, монастырские, церковные — со всем живым и мертвым инвентарем поступали в распоряжение волостных земельных комитетов и уездных Советов крестьянских депутатов. К декрету прилагался наказ земельным комитетам, составленный на основании 242 крестьянских наказов еще летом 1917 года. Наказ устанавливал уравнильное землепользование с объявлением земли всеобщим достоянием, провозглашением за каждым права на землю и воспрещением наемного труда в сельском хозяйстве. На возражения о том, что этот наказ составлен на основе эсеровской программы, Ленин ответил: «В духе ли нашем, в духе ли эсеровской программы, — не в этом суть. Суть в том, чтобы крестьянство получило твердую уверенность в том, что помещиков в деревне больше нет, что пусть сами крестьяне решают все вопросы, пусть сами они устраивают свою жизнь»¹. Затем был объявлен перерыв, а когда в 2 часа ночи заседание возобновилось и Декрет о земле был поставлен на голосование, то он был принят всеми против одного при 8 воздержавшихся. Джон Рид, присутствовавший на этом заседании съезда, отмечал, что после принятия Декрета о земле «крестьянские делегаты были в неистовом восторге»².

Последним вопросом съезд обсудил предложение об образовании нового правитель-

ства. Большевистская фракция внесла на рассмотрение съезда следующую резолюцию: «Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров». СНК конструировался как ответственное перед Всероссийским съездом Советов и его Центральным исполнительным комитетом правительство. Оглашался список народных комиссаров. Первым в списке — председателем Совета — был назван Владимир Ильич Ленин. Это имя было встречено громом оваций.

Американский писатель Альберт Вильямс писал: «Первый Совет Народных Комиссаров — если основываться на количестве книг, написанных его членами, и языков, которыми они владели, по своей культуре и образованности был выше любого кабинета министров в мире».

Большинством голосов декрет о создании Советского правительства был принят.

Под утро 27 октября II Всероссийский съезд Советов закончил свою работу. Делегаты съезда разъехались по стране, разнося вести о переходе всей власти в руки Советов, об исторических декретах, осуществивших, наконец, мечты и стремления всего многомиллионного народа бывшей Российской империи.

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 27.

² Джон Рид, 10 дней, которые потрясли мир. М., 1957, стр. 125.





Группа красногвардейцев в Киеве. Январь, 1918 г.

М. И. Кузнецов

Революция идет по стране

«Социалистическая революция — не заговор, не верхушечный переворот, совершаемый группой «активных революционеров», а движение и борьба миллионов во главе с рабочим классом, руководимых марксистско-ленинской партией»¹.

Именно поэтому миллионы людей, поднявшиеся на борьбу за свои права, установили Советскую власть на всей огромной территории бывшей Российской империи.

¹ «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Тезисы ЦК КПСС, «Правда», 1967, 25 июля.



Демонстрация во Владивостоке, 1918 г.

Из Петрограда 26 октября (8 ноября) 1917 года всей стране по телеграфу и радио передавалось Воззвание II Всероссийского съезда Советов «К рабочим, солдатам и крестьянам». Временное правительство низложено, говорилось в нем. Образованное съездом Советское правительство, возглавляемое В. И. Лениным, немедленно предложит демократический мир всем народам, осуществит безвозмездную передачу помещичьих земель крестьянству, проведет полную демократизацию армии, обеспечит всем нациям России подлинное право на самоопределение. «Съезд постановляет: вся власть на местах переходит к Советам рабочих, солдатских и крестьян-

ских депутатов, которые и должны обеспечить подлинный революционный порядок»¹.

Началось стремительное шествие революции. Развернулось невиданное в истории человечества классовое сражение за Советскую власть.

Двадцатитысячная партийная организация большевиков Москвы, руководившая вооруженным восстанием во второй столице страны, опиралась на 200-тысячный отряд москов-

¹ «Рабочий и солдат» № 9, 26 октября 1917 г.



Демонстрация по поводу установления Советской власти в Гусь-Хрустальном. Ноябрь, 1917 г.

ского пролетариата и 100-тысячный гарнизон, завоеванный на сторону революции. Контрреволюционные силы оказали московскому пролетариату и революционным солдатам ожесточенное сопротивление. Бои с применением артиллерии сопровождались значительными жертвами и разрушениями.

Активными участниками и руководителями борьбы за Советскую власть в Москве и Центральном промышленном районе были: А. С. Ведерников, М. Ф. Владимирский, П. Г. Добрынин, Р. С. Землячка, В. М. Лихачев, В. П. Ногин, М. С. Ольминский, В. Н. Подбельский, О. А. Пятницкий, Е. Н. Сапунов, И. Н. Скворцов-Степанов, П. Г. Смидович,

И. Н. Стуков, Г. А. Усиевич, П. К. Штернберг, М. В. Фрунзе, В. Н. Яковлева, Ем. Ярославский и др.

Вечером 2(15) ноября контрреволюционные силы под натиском Красной гвардии и революционных солдат капитулировали. Во время боевых действий в Москве погибло до 1000 человек. Только на Красной площади у кремлевской стены в братской могиле похоронено 400 бойцов, отдавших жизнь за революцию.

«После пятидневного кровавого боя враги народа, поднявшие вооруженную руку против революции, разбиты наголову, — говорилось в манифесте Московского Военно-рево-



Красногвардейцы Тамбовского порохового завода, 1917 г.

люционного комитета «Ко всем гражданам Москвы». — Они сдались и обезоружены. Ценою крови мужественных борцов — солдат и рабочих — была достигнута победа. В Москве отныне утверждается народная власть — власть Советов рабочих и солдатских депутатов...

Слава павшим в великой борьбе!

Да будет их дело — делом живущих!»¹.

5(18) ноября Председатель Совета Народных Комиссаров В. И. Ленин подписал специальное обращение «К населению» о победе Октябрьской революции и о задачах борьбы на местах. В нем констатировалось, что революция окончательно победила в Петрограде

и Москве, что на сторону революции встало большинство народа России.

«Товарищи трудящиеся! — призывал В. И. Ленин. — Помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы — отныне органы государственной власти, полномочные, решающие органы».

Обращение предлагало установить револю-

¹ «Известия Московского Военно-революционного комитета» № 1, 3(16) ноября 1917 г.

ционный порядок, ввести строжайший контроль за производством и учетом продуктов, принять решительные меры по отношению к саботажникам, анархическим действиям, к лицам, скрывающим запасы хлеба, дезорганизующим транспорт и связь и т. п.

«Товарищи рабочие, солдаты, крестьяне, все трудящиеся! ...Берите в свою власть в руки своих Советов. Берегите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт — все это отныне будет в сецело вашим, общенародным достоянием»¹.

В большинстве районов страны и в действующей армии Советская власть была установлена быстро и мирным путем. На Украине же, на Дону, Северном Кавказе, в Закавказье, на Южном Урале революционные силы встретили ожесточенное и организованное сопротивление контрреволюции.

Одновременно с Петроградом и Москвой Советская власть устанавливалась в городах Центрального промышленного района — наиболее развитого в индустриальном отношении. В Петроградской губернии и Центрально-промышленном районе было занято около 1,3 миллиона фабрично-заводских рабочих, почти половина всех пролетариев страны, работавших на крупных предприятиях. Наличие мощных сил организованного рабочего класса превратило Европейскую Россию в базу социалистической революции. Пролетариат имел здесь прочную опору среди крестьянства, преимущественно бедняцкого, и среди солдат тыловых гарнизонов численностью до 300 тысяч человек.

Во главе революционных сил Центрально-промышленного района стояла большевистская организация, насчитывавшая в Москве и губерниях 70 тысяч членов. Они были объединены Московским областным бюро РСДРП(б).

По получении 25 октября (7 ноября) в 11 час. 45 мин. утра телеграммы из Петрограда от делегата II съезда Советов, председателя Московского Совета В. П. Ногина о победе революции в столице Московское областное бюро направило на места условные телеграммы о начале вооруженного восстания. Телеграмма в Иваново-Вознесенск: «Высылаем сегодня», во Владимир: «Докладчик будет», в Кострому: «Бумаги нет». Кинешму: «Кандидат запоздает», Ярославль, «Конференция никто не будет», Тверь: «Газеты высылаем», Тула: «Пленум отложен» и т. д.²

Еще до Октябрьского вооруженного восстания многие местные Советы района фактически обладали реальной властью, например

Советы Иваново-Вознесенска, Шуи, Кинешмы, Орехово-Зуева, Костромы, Твери, Брянска, Ярославля, Рязани, Владимира, Коврова. Провозглашение Советской власти в стране именем II Всероссийского съезда Советов узаконило и упрочило положение этих Советов как полновластных органов на местах.

28 октября (10 ноября) Тверской Совет принял решение:

«Согласно постановлению Всероссийского съезда от 25 октября 1917 г., Тверской Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет себя единственной революционной властью города.

Трудящиеся! Ваш долг стойко отражать все атаки контрреволюции, ваш долг выполнить волю революционной народной власти. Судьба революции в ваших руках»³.

Газета «Социал-демократ» (Москва) от 27 октября (9 ноября) 1917 года сообщала:

«Орехово-зубовский Совет рабочих депутатов, узнав 25 октября вечером о событиях Петрограда, немедленно объявил себя властью, выбрал революционный центр, который начал свои действия. Поставили вооруженную стражу из Красной гвардии у телефона, на почте, у местных телефонов, на станции и по всем дорогам».

Несколько сложнее происходил процесс установления Советской власти в Туле, Орле, Воронеже, Тамбове, Курске, Калуге, Нижнем Новгороде, где в Советах преобладали мелкобуржуазные партии (эсеры, меньшевики). В октябре — ноябре большевики сумели завоевать большинство в этих Советах. В Нижнем Новгороде Советская власть установилась 28 октября (10 ноября), в Воронеже 30 октября (12 ноября), в Калуге 28 ноября (11 декабря) вооруженным путем, с помощью красногвардейцев и солдат Москвы, в Туле — 7(20) декабря и т. д.

Тульский ВРК 14(27) декабря сообщал в СНК:

«Военно-революционный комитет Тульского Совета рабочих и солдатских депутатов доводит до сведения Совета Народных Комиссаров, что с 7 декабря в Туле Совет рабочих

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 65, 67.

² «Триумфальное шествие Советской власти». ч. I. М., 1963, стр. 254.

³ «Подготовка и проведение Великой Октябрьской социалистической революции в Тверской губернии». Сб. документов. Калинин. 1960, стр. 286—287.

и солдатских депутатов взял всю власть в свои руки и выдвинул из своей среды Военно-революционный комитет»¹.

Установление и утверждение власти Советов в центральной России оказалось могучее влияние на триумфальный марш Советской власти по всей стране.

В ленинском плане вооруженного восстания важное место отводилось уральскому пролетариату. Урал являлся крупнейшим промышленным районом. На предприятиях Урала и Вятской губернии трудились около 340 тысяч рабочих. Наиболее индустриальным был Средний Урал с центром в Екатеринбурге (ныне Свердловск). Южный Урал был в основном аграрным. Здесь же проживали оренбургские казаки. Оренбург был оплотом уральской контрреволюции. Состав населения Урала и приуральских губерний был многонациональным, что осложняло процесс борьбы за власть Советов.

Две трети Советов заводского Урала были большевистскими.

На Урале проводили активную деятельность около 35 тысяч коммунистов. Областная партийное объединение Урала являлось третьим по величине в партии. Большевики сформировали многочисленные отряды Красной гвардии. Свыше 20 резервных полков, размещавшихся на Урале, были завоеваны на сторону революции.

27 октября (9 ноября) исполком Уральского областного Совета рабочих и солдатских депутатов обратился из Екатеринбурга к трудящимся и Советам Урала:

«Товарищи!

Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов высказался за свержение правительства Керенского и установление власти Советов. На смену ненавистному коалиционному правительству образовалась новая, действительно революционная власть.

Пока нет возможности телеграфно снестись с новым правительством и получить от него точные распоряжения. Но, твердо зная, что должна принести нашей измученной стране эта долгожданная революционная власть, областной Совет рабочих и солдатских депутатов объявляет себя временным представителем нового правительства на Урале»².

В течение октября — ноября Советская власть установилась в большинстве городов и заводских поселков Урала. 26 октября (8 ноября) взяли власть в свои руки Екатеринбургский Совет (председатель большевик П. М. Быков) и Уфимский губернский ВРК (Н. П. Брюханов, А. К. Евлампиев, А. И. Сви- дерский, А. Д. Цюрупа и др.), 26 октября

(8 ноября) Советская власть была провозглашена в Челябинске, 27 октября (9 ноября) в Ижевске — центре Вятской губернии, 23 ноября (6 декабря) в Перми (председатель Совета большевик А. Л. Борчаников), 18(31) января 1918 года революционные силы освободили от белоказаков атамана Дутова город Оренбург.

Над всем Уралом взвилось знамя Советов.

Победно шествовала революция по городам и поселкам вдоль великой русской реки Волги. Пролетарскими центрами здесь были Казань, Самара, Саратов, Царицын и др. В Поволжье активно действовала 20-тысячная партийная организация большевиков во главе с В. П. Антоновым-Саратовским, В. В. Куйбышевым, В. В. Кураевым, С. К. Мининим, Н. М. Шверником, Я. С. Шейнкманом и др.

Образованный 26 октября (8 ноября) Казанский ревком обратился к населению с воззванием:

«Свершилось то, чего ожидала революционная демократия. Свободный русский народ, восемь месяцев тому назад свергший царскую власть, ныне сверг и последнее, самое тяжелое ярмо — власть буржуазии. Правительство Керенского свергнуто, и, наконец, сам народ, в лице его органов — Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, взял власть в свои руки»³.

Советская власть была установлена в Казани в результате боевых действий в тот же день.

4(17) ноября 1917 года «Правда» сообщила: «Командующий войсками Казанского округа Архипов и комиссар Временного правительства (Керенского) Калинин арестованы. Государственный банк и казначейство заняты, операции производятся. В городе установлен твердый революционный порядок, спокойствие полное, весь гарнизон, 35 тысяч штыков, на стороне правительства Советов.

В Сызрани, Самаре и Уфе власть перешла в руки Советов».

Сложнее протекала борьба на Нижней Волге. Но и там в результате двухнедельных боев красногвардейцев и революционных солдат с контрреволюционными силами, опиравшимися на астраханских казаков, в Астра-

¹ «Октябрь в Туле». Сборник документов. Уфа, 1957, стр. 329.

² «Уральский рабочий» № 25 (50), 31 октября 1917 г.

³ С. Найдя, Триумфальное шествие Советской власти. М., 1957, стр. 20.

хани 25 января (7 февраля) 1918 года была восстановлена власть Советов. Вся Волга, от верховьев до Каспийского моря, стала советской.

В. И. Ленин подчеркивал, что без завоевания армии на сторону большевиков социалистическая революция не смогла бы победить.

Подготавливая рабочий класс к завоеванию власти, большевистская партия создала в действующей армии крупную партийную организацию (свыше 6 миллионов солдат). Западный фронт насчитывал (на 5(18) октября) 21 463 члена партии и 27 231 сочувствующего; Северный фронт (с Балтфлотом и районом Финляндии) — более 13 000 членов (на 15(28) октября); Юго-Западный фронт — 7064 члена партии (на 23 сентября (6 октября), Румынский фронт (8-я армия) — более 7000 членов партии (на 28 октября (10 ноября)). Таким образом, в действующей армии (без Кавказского фронта) политическую работу осуществляло около 50 тысяч коммунистов и до 40 тысяч сочувствующих. К октябрю — ноябрю 1917 года большевистская партия вела за собой более 60 процентов солдат-фронтовиков.

В ленинском плане вооруженного восстания важные места занимали ближайшие к Петрограду и Москве фронты, Северный и Западный, и Балтийский флот. Революционные войска этих фронтов и флота должны были прикрыть столицы от возможного подхода к ним из действующей армии контрреволюционных частей и в случае необходимости всей своей вооруженной мощью стать на их защиту.

26 октября (8 ноября) Центральный Комитет Балтфлота (председатель П. Е. Дыбенко) обратился с воззванием к матросам:

«Товарищи!

Солнце правды и торжества народа ярко засветило с того момента, когда власть перешла в руки самого народа. Но темные тучи нависли и хотят закрыть горизонт великого счастья — братской любви. Темные силы в предсмертных муках своего последнего вздоха селятся поднять свою змеиную голову для того, чтобы внести раздор в нашу среду и тем самым затопить нас братской кровью. Реакция Керенского, соединившегося с Корниловым, Калединым и даже Михаилом Александровичем (бывшим великим князем), сея ложь и клевету, натравливает нас, измученных трехлетней кровавой бойней, друг на друга. Довольно! Надо сказать им свое властное слово. Прочь с дороги, предатели родины и революции, прочь, святелы смуты в наших стройных революционных рядах! Товари-

щи! Будьте на своем посту защиты свободы и революции всюду и везде, смотрите, где реакция делает подкоп под нашу завоеванную кровью наших братьев свободу, завоеванную веками у паразитов — предателей народных интересов, которые низвергнуты...

Вновь организованной власти Советов весь Балтийский флот безусловно доверяет и беспрекословно подчиняется, признавая эту власть единственно законной...»

Установив революционную власть на флоте, Центробалт предоставил всю его мощь в распоряжение Петроградского ВРК.

В конце октября — начале ноября во всех армиях Северного фронта были созданы армейские ВРК, которые взяли власть в армиях в свои руки. Были прикрыты пути контрреволюционным частям, двигавшимся для поддержки мятежа Керенского — Краснова.

28 октября (10 ноября) Петроградский ВРК направил ВРК 5-й армии Северного фронта телеграмму с указанием направить войска для защиты столицы. Была сформирована сводная революционная дивизия.

Военная партийная организация большевиков 5-й армии сообщала в ЦК РСДРП(б):

«На месте в 5-й армии вся власть в наших руках... Если вам теперь понадобится помощь, то через 24 часа после радиограммы наш отряд будет под Петроградом, под Смоленском, в Великих Луках, где хотите...»¹

На сторону революции сразу же встали 40 тысяч латышских стрелков 12-й армии (комиссар армии С. М. Нахимсон), сыгравших крупную роль в революции.

Солдаты Западного фронта также восторженно приветствовали революцию. 30 октября (12 ноября) ВРК Западной области и фронта (председатель А. Ф. Мясников) сместил командующего Западным фронтом генерала Балуева и назначил на этот пост большевика подполковника В. В. Каменщикова.

Установление Советской власти в Прибалтике и Белоруссии происходило одновременно с революционными событиями на Северном и Западном фронтах.

Эстонский ВРК (председатель И. В. Рабчинский, заместитель В. Э. Кингисепп) 26 октября (8 ноября) 1917 года обратился к солдатам, матросам, рабочим и всему населению Эстонского края:

«Товарищи! Свершилась величайшая рево-

¹ «Переписка секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями». М., 1957, т. II, стр. 460.

люция. Все мы должны стать непоколебимой стеной на защиту и поддержку революционной Советской власти. Будьте на страже, товарищи солдаты, матросы и рабочие. Всякая контрреволюционная попытка должна быть пресечена в корне. Военно-революционный комитет при исполнительном комитете Советов Эстонского края обладает всей полнотой власти в Эстляндии»¹.

В конце октября — начале ноября Советская власть была установлена во всей неоккупированной Прибалтике.

Минский Совет, получив известие из Петрограда о свержении Временного правительства, 25 октября (7 ноября) издал приказ № 1:

«...В Минске власть перешла в руки Совета рабочих и солдатских депутатов, который обратился ко всем революционным организациям и политическим партиям с предложением немедленно приступить к организации временной революционной власти на местах»².

В октябре — ноябре Советская власть победила в Витебске, Гомеле, Могилеве, Орше.

В ноябре в Белоруссии прошли три съезда: съезд Советов рабочих и солдатских депутатов Западной области (Минской, Витебской и Могилевской губерний); съезд Советов солдатских депутатов Западного фронта и съезд Советов крестьянских депутатов Минской и Виленской губерний. Они высказались за Советскую власть.

Резолюция съезда Советов Западной области от 21 ноября (4 декабря) гласила:

«...Декреты о земле, о мире, контроле над производством и свободе самоопределения наций, беспощадное отношение к врагам народа — имущим классам свидетельствуют о том, что Совет Народных Комиссаров, созданный II Всероссийским съездом и ответственный перед ЦИК Советов солдатских, рабочих и крестьянских депутатов, является действительной властью народной, властью Советов, и этой власти мы окажем свою полную поддержку против всяких на нее покушений»³.

26 ноября (9 декабря) 1917 года был создан объединенный исполком Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов во главе с Н. В. Рогозинским и образован Совнарком Северо-Западной области и фронта под председательством К. И. Ландера.

На Украине установление Советской власти проходило в сложной обстановке. Здесь работало до 1 миллиона пролетариев. Однако 2/3 рабочих было сосредоточено в Донбассе (в Харьковской и Екатеринославской губерни-

ях) и только 1/3 в остальных семи губерниях. В Донбассе накануне Октябрьской революции было до 30 тысяч коммунистов, в остальных же районах — 15 тысяч. Донбасс и Криворожье стали базой социалистической революции.

Важнейшим событием в истории Украины стал I Всеукраинский съезд Советов, состоявшийся в Харькове 11—12 (24—25) декабря. Съезд провозгласил Украину Республикой Советов, принял решение об установлении братских отношений с РСФСР, избрал ЦИК Советов Украины, который сформировал Народный Секретариат (Артем (Ф. С. Сергеев), Е. Б. Бош, В. П. Затонский, Н. А. Скрыпник и др.) — первое Советское правительство Украины.

Избранный на съезде ЦИК Советов Украины телеграфировал СНК, что он взял на себя всю полноту власти на Украине.

В декабре 1917 — январе 1918 года на Украине развернулась широкая вооруженная борьба за установление Советской власти. В результате восстаний против Центральной рады Советская власть 29 декабря 1917 года (11 января 1918 года) была провозглашена в Екатеринославе, 18(31) января 1918 — в Одессе. В январе 1918 года Советская власть была установлена в Полтаве, Кременчуге, Николаеве, Херсоне и др. городах. 26 января (8 февраля) 1918 года советскими войсками, продвижению которых способствовало восстание рабочих «Арсенала» и других киевских заводов, был освобожден Киев. В феврале Советская власть утвердилась по всей Украине.

28 января (10 февраля) 1918 года Советское правительство Украины — Народный секретариат телеграфировал Совету Народных Комиссаров:

«26 января Киев освобожден. Героическая борьба украинских советских войск закончилась полной победой, наемные шайки гайдамаков и юнкеров частью сдались, частью рассеялись, члены так называемой Центральной рады скрываются.

...Отныне освободившаяся Украина твердо

¹ «Известия Ревельского Совета рабочих и воинских депутатов» № 186, 28 октября (10 ноября) 1917 г.

² «Буревестник» (Минск) № 17 (52), 27 октября (10 ноября) 1917 г.

³ «Советская правда» № 3, 3(16) декабря 1917 г.

вступит в круг федеративных советских республик, в братскую интернациональную семью народов, борющихся за социализм»¹.

Чрезвычайно сложно протекала борьба за власть Советов на Дону, Кубани, Тереке, в Закавказье.

В Донской области около половины населения составляли казаки, владевшие 85 процентами всей земли. Казачья верхушка являлась опорой контрреволюции. Пролетариат сосредоточивался главным образом в Ростове, Таганроге, на шахтах.

26 октября (8 ноября) в Ростове была установлена Советская власть. Атаман войска Донского А. М. Каледин поднял антисоветский мятеж, объявил, что «Войсковое правительство» принимает на себя всю полноту власти в Донской области, ввел военное положение, начал наступление на Ростов и 2(15) декабря захватил его.

Для организации борьбы с калединщиной Советское правительство направило на юг В. А. Антонова-Овсеенко, который создал штаб в Харькове и начал боевые действия против белоказаков.

Значительная часть казаков не поддержала Каледина. Сохранилось красноречивое признание заместителя атамана Каледина генерала М. П. Богаевского:

«...Казаки спокойно ждали Советской власти... считая, что это и есть настоящая народная власть, которая им, простым людям, ничего дурного не сделает. А что она уничтожит прежнее начальство — атамана, генералов, офицеров, да, и стати, и помещиков, так и черт с ними. Довольно, побарствовали!.. Вообще настроение всего казачества в масе, — заключал Богаевский, — мало чем отличалось от общего настроения российского крестьянства»².

10(23) января 1918 года съезд фронтовых казачьих частей в станице Каменской провозгласил Советскую власть в Донской области и образовал ВРК во главе с Ф. Г. Подтелковым. Донской Военно-революционный казачий комитет направил Донскому войсковому правительству ультиматум о сложении полномочий.

Советские войска и революционные казаки под общим командованием Антонова-Овсеенко начали наступление, разгромили белоказачков и 24—25 февраля овладели Ростовом и Новочеркасском. Советская власть в области была восстановлена. В марте была создана Донская советская республика.

На Северном Кавказе располагались территории двух казачьих войск — Кубанского и Терского; проживали десятки горских народ-

ностей, сохранивших еще пережитки патриархально-родовых и феодальных отношений. Горцы находились под сильным влиянием мюридизма. Промышленного пролетариата было мало. Сюда из центра после Октябрьской революции прибыло много реакционного офицерства и других контрреволюционных элементов. Здесь объединились верхи казачества, горские националисты и русские белогвардейцы. Все это создавало большие трудности для борьбы за установление Советской власти.

Получив известие о победе Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, большевики Северного Кавказа активизировали мобилизацию революционных сил на борьбу за установление власти Советов. 28 октября (10 ноября) 1917 года Владикавказский Совет высказался за Советскую власть.

В марте 1918 года в Пятигорске состоялся II съезд Терской области, образовавший Терскую народную республику, председателем СНК которой был избран С. Г. Буачидзе.

Призывая съезд провозгласить на Тереке Советскую власть, С. М. Киров говорил: «Мы должны сказать, что не только красота скрывается в горах Кавказа, но что эта цель гордых скал является той могучей преградой, о которую разобьются все силы реакции, что в диких горных ущельях слышен не только вой ветра, но там слышна и революционная песня затаенных надежд истинных сынов демократии»³.

В марте Терек, Кубань и Дагестан стали советскими.

Центром борьбы за подготовку и проведение социалистической революции в Закавказье явился пролетарский Баку. Здесь, главным образом на нефтяных промыслах, было занято 57 тысяч рабочих, а в остальном Закавказье — всего 15 тысяч человек. Большевистская организация города насчитывала 2200 членов. К ней примыкали организация «Гуммет» («Энергия») и «Адалет» («Справедливость»), работавшие среди мусульманского населения.

На Кавказе действовала сплоченная партийная организация большевиков, возглавляемая Кавказским краевым комитетом РСДРП(б). В октябре 1917 года она насчитывала свыше 8600 членов партии.

¹ «Триумфальное шествие Советской власти». Ч. 2. М., 1963, стр. 135.

² «Октябрьская революция на Дону». Сб. статей. Ростов, 1957, стр. 204.

³ С. М. Киров, Избранные статьи и речи. М., 1957, стр. 36.

27 октября (9 ноября) 1917 года на заседании Бакинского Совета большевики предложили резолюцию о взятии власти Советом. Однако депутатам от мелкобуржуазных партий и националистов удалось ее отклонить.

Бакинский комитет РСДРП(б) обратился тогда к рабочему классу Баку.

«Товарищи! Мы переживаем время, когда нельзя колебаться, нельзя топтаться на месте. Петербургские рабочие и солдаты говорят вам: кто не с нами, тот против нас. Или революция, или контрреволюция. Или власть буржуазии, или власть Советов, выбирайте одно из двух.

Решение 27 октября мы считаем ошибочным. Ваши представители введены в заблуждение. Бакинские рабочие не могут быть изменниками революции.

Мы призываем вас, товарищи, обсудить резолюцию на местах и выносить свои решения. Мы требуем пересмотреть принятое 27 октября позорное постановление! Поддержите революционный Петербург!»¹.

Под давлением рабочих и революционных солдат 31 октября (13 ноября) Бакинский Совет вынес решение о взятии власти; 2(15) ноября был избран новый исполком Совета под председательством С. Г. Шаумяна.

Но в Грузии и Армении революционные силы не смогли овладеть властью. В ноябре 1917 года меньшевики и буржуазно-националистические партии создали краевую власть — Закавказский комиссариат, в феврале 1918 — Закавказский сейм, которые стали орудием в руках империалистических держав.

Трудящиеся Закавказья с помощью Красной Армии восстановили Советскую власть в Азербайджане 28 апреля 1920 года, установили Советскую власть в Армении 29 ноября 1920 года, в Грузии — 25 февраля 1921 года.

В Средней Азии против революции объединялись все реакционные силы: буржуазные националисты, баи, духовенство, русское офицерство и кулачество, используя при этом недоверие у значительной части населения к русским, посеянное колониальной политикой царизма.

До революции Средняя Азия находилась в положении колонии русского царизма. Среди многонационального населения — узбеков, казахов, туркмен, таджиков, киргизов и др. еще господствовали патриархально-феодалские отношения. Главную массу населения составляли крестьяне (дехкане), находившиеся в зависимости и подчинении

у местных феодалов (баев) и в покорности у мусульманского духовенства. Промышленность была в зачаточном состоянии. На мелких хлопкоочистительных, маслобойных и т. п. предприятиях работало 20 тысяч, на железных дорогах — до 40 тысяч рабочих, главным образом русских.

Центром социалистической революции в Средней Азии стал Ташкент. Здесь была сильная группа большевиков, которая опиралась на рабочих-железнодорожников, солдат гарнизонов Ташкента, Самарканда, крепости Кушка и на «тыловиков» — трудящихся местных национальностей, мобилизованных во время войны на тыловые работы. «Тыловиков» было до 100 тысяч человек. Вернувшись летом 1917 года из прифронтовой полосы и центральных районов России в родные места, значительная часть их стала активной силой революции.

Советская власть в Ташкенте была установлена 1(14) ноября в результате вооруженного восстания рабочих и солдат. 15(28) ноября 3-й краевой съезд рабочих, солдатских и крестьянских депутатов создал правительство — Совет Народных Комиссаров Туркестанского края (председатель СНК большевик Ф. И. Колесов). Ф. И. Колесов телеграфировал во ВЦИК:

«Трудовой народ, вышедший на улицу, победил своих врагов. Власть перешла к нему. Генерал Коровиченко, виновник четырехдневной кровавой бойни, арестован. До краевого съезда, созывающегося 15-го, власть передана краевому исполнительному комитету»².

Вместе с русскими рабочими и солдатами в вооруженной борьбе за власть Советов участвовали сотни бойцов из местных национальностей — узбеков, туркмен, таджиков. Их организовали А. Бабаджанов, Д. Камалов, Т. Абдурахманов, М. Мирходиев.

Установление Советской власти в Ташкенте имело огромное значение для всей Средней Азии и Казахстана. 1(14) января 1918 года была установлена Советская власть в Пишпекке (ныне Фрунзе), 15(28) января Семиреченский съезд крестьянских депутатов вынес резолюцию о поддержке Советской власти:

¹ «Большевики в борьбе за победу социалистической революции в Азербайджане». Баку, 1957, стр. 178—179.

² «Триумфальное шествие Советской власти», стр. 256.

«Мы, семиреченцы, оторванные от центра, открыто подаем свой голос товарищам крестьянам — борцам за свободу, за укрепление порядка и других завоеваний революции»¹.

3 марта победила власть Советов в городе Верном (ныне Алма-Ата), а затем в ноябре 1917 года — апреле 1918 года — во всем Казахстане.

Победно шествовала Советская власть по Великой Сибирской железнодорожной магистрали, где работало до 85 тысяч рабочих, а затем и по всем необозримым просторам Сибири и Дальнего Востока.

Одним из первых сибирских городов, в котором была установлена Советская власть, был Красноярск. 27 октября (9 ноября) здесь был создан военный штаб под руководством С. Г. Лазо, который 28 октября (10 ноября) и взял власть в свои руки. 19 ноября (2 декабря) установлена Советская власть в центральном для всей Сибири городе Иркутске.

Председатель Центросибири Б. З. Шумяцкий сообщал В. И. Ленину:

«Товарищ Ильич! На днях в Сибири пала последняя твердыня соглашательства и осиное гнездо черетелевщины — г. Иркутск. Избран Военно-революционный комитет, организующий переход власти в руки Советов»².

В Томске революция победила в декабре, а в ночь на 26 января (8 февраля) 1918 года была разогнана контрреволюционная Сибирская областная дума.

В обращении большевиков к трудящимся Сибири говорилось:

«Сибирская буржуазная дума исчезла. Она сметена волной народной ненависти, ибо подавляющее большинство Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Сибири уже взяло власть в свои руки. Час падения буржуазной думы есть час торжества революционных народов Сибири»³.

С разных мест Сибири и Дальнего Востока поступали сведения о поддержке социалистической революции. Кузнецкий Совет писал 16(29) декабря 1917 года ВЦИКУ:

«Товарищи!

Не хваает сил, чтобы словами выразить вам, истинным борцам за интересы трудового народа, свою признательность. Во всяком случае, знайте, что где-то в забытом богом и людьми захолустье Сибири, в Кузнецке, есть группа людей, которые будут до последней капли крови, до последнего вздоха поддерживать вас в вашей борьбе с врагами революции и свободы. Знайте, что эта кучка людей живет теми же интересами одинаково с вами; эти люди не сделают шага назад, а наоборот, их лозунг: «Вперед! В бой с врагами!»⁴.

Революционная волна докатилась до Тихого океана. 18 ноября (1 декабря) Советская власть установилась во Владивостоке.

Подводя итоги победоносного шествия Советской власти, В. И. Ленин в марте 1918 года писал: «Мы в несколько недель, свергнув буржуазию, победили ее открытое сопротивление в гражданской войне. Мы прошли победным триумфальным шествием большевизма из конца в конец громадной страны. Мы подняли к свободе и к самостоятельной жизни самые низшие из угнетенных царизмом и буржуазией слоев трудящихся масс. Мы ввели и упрочили Советскую республику...»⁵.

Революция победила.

Один из лозунгов революции: «Мир хижинам, война дворцам!» — был заменен лозунгом: «Мир дворцам, война хижинам!» Это означало, что революция вступила в новый этап — этап социалистического строительства.

¹ «Голос крестьянина» (Ташкент) № 3, 13 марта 1918 г.

² «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 211.

³ «Борьба за власть Советов в Томской губернии». Томск, 1957, стр. 206.

⁴ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. 2, стр. 234.

⁵ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 36, стр. 79.



B
1926



Н. И. Подвойский.

Н. И. Подвойский

**„Вот кто составлял кадр
Военной организации“**

Заметки председателя ВРК.
Публикация А. Богдановой и Л. Дубинина
(Ленинград)

Николай Ильич Подвойский (1880—1948) — видный деятель революционного движения, член партии большевиков с 1901 года, активный участник подготовки и проведения Великой Октябрьской социалистической революции. После Февральской революции 1917 года — член Петроградского комитета РСДРП(б) и Петроградского Совета, председатель Военной организации большевиков. При его активном участии были созданы первые формирования Красной гвардии. В дни восстания он стал председателем Петроградского Военно-революционного комитета.

Вместе с В. А. Антоновым-Овсеенко 25 октября он руководил отрядами красногвардейцев, солдат и матросов, шедших на штурм Зимнего дворца.

Среди многих рукописей Н. И. Подвойского, хранящихся в фондах архивов, музеев Ок-

тябрьской революции в Москве и Ленинграде и частично в семье, находятся и публикуемые ниже черновые заметки Николая Ильича к статье, в которой он хотел рассказать о героях Великого Октября. Небольшие характеристики написаны ярко, образно, живо и содержат важный фактический материал о конкретном участии в восстании ряда членов «Военки» и ВРК. На полях фамилии тех, деятельность которых автор собирался осветить при дальнейшей работе.

Заметки публикуются с незначительными сокращениями. Стиль и орфография полностью сохранены. Примечания автора на полях документа печатаются мелким шрифтом.

Вот кто составлял кадр Военной организации.

Пусть поколения вспоминают их дела. Вот что они были и что сделали.

Вот что было поручено каждому из них в восстании.

1. ОРЛОВ Кирилл¹ — с рвущимся и классовому мщению сердцем рабочий, участник восстания матросов на броненосце «Потемкин», воспитатель у кронштадтцев большевистских упорства и напористости для Октябрьского восстания и последующей гражданской войны, организатор вооружения заводов Выборгского района. Ему была вверена мобилизация к Октябрьскому бою всей Красной гвардии самого революционного в Петрограде Выборгского района, организация и вооружение из остальных рабочих заводов боевых резервов Красной гвардии. Надо достать фотографии 17 г. всего кадра.

Получить дополн... характеристики: Каюрова², Кучменко³, Становова⁴, Комарова⁵, Воробьева⁶, Тер-Арутюнянц⁷.

2. БЛАГОНРАВОВ Георгий⁸. Его испытанности, уму, выдержке, твердости, верности до смерти раз принятому решению отдано было командование Петропавловской крепостью и в случае отреза контрреволюционерами Смольного организация в крепости центрального штаба для продолжения руководства восстанием.

3. ВАСИЛЬЕВСКИЙ Владимир Николаевич⁹. Помогал правильно биться сердцу восстания — Военно-революционному комитету. Хладнокровное, спокойное, несуетливое, пунктуальное умение искать и отыскивать выгоднейшие решения и только что принесенные из фронта от солдат настроения поставили его на консультацию в октябрьских операциях (боях) и [позволили] вручить его зоркости, бдительности и практичности ответствен-

нейшее место, важнейший пункт для восстания, последующей борьбы пролетариата — Выборгский склад огнестрелов.

Окончил военное училище, член Моск. бюро Военной организации. Характ. дополи. Еремеев¹⁰. Сделали его военным консультантом. Дали ему возм. обяз. консультировать.

4. КАЛЛИС¹¹. Левый социалист-революционер. Почти не знавший цены слова, но знав-

¹ Орлов Кирилл (Иван Никитич Егоров) (1880—1943). Член КПСС с 1903 г. В Октябрьские дни — член Центрального штаба Петроградской Красной гвардии.

² Каюров Василий Николаевич (1876—1936). Член КПСС с 1898 г. В октябре 1917 г. — член Выборгского района, штаба Красной гвардии Выборгского района.

³ Кучменко Николай Осипович. Член КПСС с 1898 г. В октябре 1917 г. — член Выборгского районного комитета партии, заместитель председателя Выборгской управы.

⁴ Становов Василий Матвеевич (1891—1963). Член штаба Красной гвардии Выборгского района.

⁵ Комаров Николай Павлович (1886—1937). Член КПСС с 1909 г. В октябре 1917 г. — член Петербургского комитета, Выборгского районного комитета и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов.

⁶ Воробьев Исидор Петрович (1880—1938). Член КПСС с 1901 г. В 1917 г. — председатель завкома на заводе «Айваз», один из организаторов Красной гвардии в Выборгском районе.

⁷ Тер-Арутюнянц Мкртыч Карапетович (1894—1961). Член КПСС с 1917 г. В октябре 1917 г. — член Ревкома Петроградской стороны, комиссар ВРК в Кронверском арсенале Петропавловской крепости.

⁸ Благонравов Георгий Иванович (1896—1938). Член КПСС с 1912 г. В 1917 г. — комиссар ВРК в Петропавловской крепости.

⁹ Васильевский Владимир Николаевич (1893—1957). Член КПСС с 1912 г. В октябре 1917 г. — комиссар ВРК всех складов огнестрелов Петрограда.

¹⁰ Еремеев Константин Степанович (1874—1931). Член КПСС с 1896 г. В октябре 1917 г. — член ВРК.

¹¹ Каллис Карл Матвеевич (1893—1920). Левый эсер, затем член РСДРП(б). В октябре 1917 г. — член Петроградского ВРК, комиссар Сводного кронштадтского отряда.



Кирилл Орлов.

ший цену решению и делу. Не умевший отступить, но умевший стальной волей вести на большие дела.

5. ТЕР-АРУТЮНЯНЦ — большевик. Молод, прапорщик из студентов в 180-м з. п. п.¹. Богатая, инициативная натура, хороший организатор. Холодный и кипящий. Холодный в решениях, пылкий в исполнении. Жадно хватающий широкой грудью воздух революции и расчетливо формулирующий (формирующий) силы. Пунктуальный в рассуждениях и инициативный в операциях. Он внушал к себе полное доверие рабочих и солдат. Ему был вручен ответнейший (самый ответственный)



Н. П. Комаров.

пункт (центр, место) революции — Арсенал в Петропавловской крепости, где хранились 100 000 винтовок.

Рассудительный в исполнениях.

6. ДЗЕНИС². Прапорщик 3-го з. п. п., квартировавшего в Новом и Старом Петергофе, из московских студентов, выборный командир роты, с мягким лицом, юный на

¹ Запасный пехотный полк.

² Дзенис Освальд Петрович (1896—1937). Член КПСС с 1915 г. В октябре 1917 г. — комиссар ВРК в гвардейском запасном Павловском полку.



Г. И. Благонравов.



К. С. Еремеев.

вид, с приветливой, легко играющей, легко заметной улыбкой, но несокрушимый в деле. Несгибаемый в решимости. Всегда выдержанный в программе, плане, тактике, решении задачи. Несгибаемый со своей позиции. Кладущий голову за каждое свое решение и начатое дело. Аккуратный в исполнении данного ему поручения. Ему был вверен полк, держащий в своих руках выход и вход в Зимний дворец с Марсова поля и выход из него на Троицкий мост — Павловский гвардейский полк, — идущий в голове восстания на Зимний дворец.

7. ЕЛИН¹ — солдат бронедивизиона, ме-

таллист, бывший рабочий Коломенского завода, продуманной, упорной, последовательной работе которого большевистская партия обязана переходу на ее сторону части броневых машин и броневиков — солдат в первые же месяцы революции. Хороший, твердый организатор, задушевный товарищ.

Елин в Военной организации вырос в одного из вождей восстания; сделал броневые си-

¹ Елин Георгий Васильевич (1887—1940). Член КПСС с 1908 г. В октябре 1917 г. — солдат бронедивизиона, активный член Военной организации РСДРП(б).



М. К. Тер-Арутюнянц.



О. П. Дзенис.

лы одной из основных сил восстания и будущей гражданской войны.

Скромной, повседневной организационной работой, будучи идейным руководителем масс, помог идейно завоевать и закрепить.

8. ИЛЬИН-ЖЕНЕВСКИЙ¹

С выдержанной, хорошо выработанной, воспитанной скромностью, но с большой самостоятельностью, энергией, инициативой и решимостью.

Чтобы связать выступление против восставших Владимирского и Павловского училищ, ему ВРК поручил в Октябрьские дни ответ-

ственнойшие свои части — Гренадерский полк и Огнеметно-химический батальон.

в котором упорство и скромность в характере была соединена с самостоятельностью, энергией, инициативой, последовательностью, упорством, решительностью с органическим отсутствием кривизны и суевы.

Недаром он впоследствии, в борьбе с контрреволюцией, был начальником штаба первых эшелонов матр(осов) красногвардейцев из Петр(ограда).

¹ Ильин-Женевский Александр Федорович (1894—1941). Член КПСС с 1912 г. В октябре 1917 г. — комиссар ВРК в гвардейском Гренадерском полку и Огнеметно-химическом батальоне.



Г. В. Елин.



А. Ф. Ильин-Женевский.

9. ИЛЬИНСКИЙ¹. Пулеметчик. Рабочий, молодой, с большими организаторскими способностями, с девственной энергией, безудержным желанием работать; занятый днем обработкой своего 1-го пулеметного полка, все остальное свое время отдавал общеорганизационной партийной большевистской работе Военной организации. Исключительной преданности задачам революции, отдавший себя революции целиком, до полного отказа в своей личной жизни: ел, спал в Военной организации. Постоянно выступал перед солдатами. Решительно отстаивал свое продуманное, почерпнутое из опыта, из самых корней жизни мнение. Его знали и любили солдат-

ские массы. Он был самым чувствительным нервом из солдатских масс в Военную организацию.

10. ВИШНЕВЕЦКИЙ². Прапорщик 180-го

¹ Ильинский Иван Николаевич (1895—1965). Член КПСС с 1912 г. В октябре 1917 г. — председатель солдатского комитета 1-го запасного пулеметного полка.

² Вишневецкий Николай Петрович (1897—1941). Член КПСС с 1917 г. Активный работник Военной организации при ЦК РСДРП(б). Председатель штаба Красной гвардии Выборгского района, комиссар гвардии Московского резервного полка.



И. Н. Ильинский.



Н. П. Вишневецкий.

з. п. л., из студентов. С большой инициативой, необыкновенной искренностью. После Февральского переворота вполне сознательно стал на путь революции.

После Февральского переворота запоем занимался организационной работой, рвался к ней.

11. НИКОНОВ¹. Подпоручик Гренадерского гвардейского резервного полка. Один из установщиков Гренадерского полка на большевистские пути. Один из тех, кто формулировал и давал самые конкретные и ясные указания военного искусства для применения их в восстании. Ему была поручена в восста-

нии организации обороны вокзалов, организация командования для разгрома и разоружения восставших против ВРК военных Владимирского и Павловского училищ.

Не будучи в большевистской партии, он горел и огнем восстания и был целиком наш. Он сделал Гренадерский полк нашим.

Он был командиром разгрома (юнкеров) Владимирского и Павловского училищ.



¹ Никонов Федор Павлович. В октябре 1917 г. — комиссар Владимирского юнкерского училища.



А. М. Любович.



И. П. Флеровский.

13. ЛЮБОВИЧ¹. Терпеливый, настойчивый, поднявший снизу много пластов кронштадтцев к большевистской организации и Октябрьским боям.

14. ПАВЛУНОВСКИЙ Иван Петрович². Прапорщик. Работник большевистского страхового рабочего движения. С умом человека, который долго делал свое дело в осажденной крепости методом неоднократного взвешивания и отмеривания, но с сердцем, способным после раз принятого решения отдаться борьбе и битве до самоубийства.

15. ФЛЕРОВСКИЙ³. В трудные минуты умевший среди кронштадтцев словом сбрасывать врагов, убеждать друзей и вести за большевизмом.

вать врагов, убеждать друзей и вести за большевизмом.

¹ Любович Артемий Моисеевич (1890—1939). Член КПСС с 1907 г. В октябре 1917 г. — комиссар ВРК в Кенгсольском полку и на Главном телеграфе.

² Павлуновский Иван Петрович (1889—1938). Член КПСС с 1905 г. В октябре 1917 г. — член Петроградского ВРК.

³ Флеровский Иван Петрович (1888—1960). Член КПСС с 1905 г. В октябре 1917 г. — руководитель большевистской фракции Кронштадтского Совета, член Кронштадтского комитета РСДРП(б), депутат Петроградского Совета, член ВРК.



Приемная Александра III на 3-м этаже Зимнего, в окно которой попал снаряд с Нарышкинского бастиона Петропавловской крепости.

В. Н. Смолин

Как стреляли по Зимнему дворцу 25 октября 1917 года

Письма канонира-воспламенителя
Петроградской отдельной крепостной
артиллерийской роты.
Публикация В. И. Мичкова

«Начинаем готовиться к бою. Крепость может стрелять только из пулеметов и винтовок: орудия, грозно стоящие на парапетах, для стрельбы не приспособлены и поставлены были исключительно для большего эффекта (стреляла только одна пушка, заряжаемая с дула и возмещавшая время). Нужно было подумать о том, чтобы достать орудия и их установить...» Слова эти принадлежат Г. И. Благонравову, комиссару Петропавловской крепости в Октябрьские дни 1917 года. Если прочесть его воспоминания дальше, то можно узнать, что солдаты крепостной роты считались комиссаром ВРК ненадежными, но все же ему удалось найти несколько трехдюймовых орудий в Кронверском арсенале и выкатить их в «лагеря» — пространство между Алексеевским рavelином и берегами Кронверского протона и реки Невы, — чтобы стрелять по Зимнему прямой наводкой.



Пушки на Нарышкинском бастионе Петропавловской крепости.

Солдаты-артиллеристы отказались стрелять из этих орудий, ссылаясь на их неисправность. Тогда были вызваны матросы-артиллеристы с Морского полигона на Охте, которые и произвели затем выстрелы по Зимнему дворцу. «Тотчас по возвращении, — пишет далее Благодрагов, — я сообщил морякам и о том, что от них требовалось. Одновременно распорядился открыть сосредоточенный огонь вдоль набережной и по дворцу. Скоро треск выстрелов показал мне, что приказание с точностью выполнено. С орудиями тоже все было готово».

Воспоминания комиссара крепости стали основным источником при описании этого факта. Сопоставление их с другими источниками воссоздает картину артиллерийского обстрела Зимнего: орудия крепости неисправны, артиллеристы отказываются стрелять из трехдюймовых пушек, выкаченных на лагер-

ную поляну, вызываются моряки-артиллеристы, они производят 30—35 выстрелов, только один из снарядов попадает в цель — в комнату на третьем этаже Зимнего дворца. Такую схему можно встретить во многих книгах вплоть до сегодняшнего дня. До наших дней дошла и фотография, сделанная в этой комнате, которая зафиксировала разрушение, причиненное снарядом.

И именно эта фотография явилась первой каплей, которая начала «точить камень». Десятки людей видели ее в архивах и книгах. Но никому не приходило в голову разыскать эту комнату, так сказать, осмотреть «место происшествия». Впрочем, это не совсем так. Во всяком случае, один человек поступил так, как подсказывали ему здравый смысл и чутье исследователя. Этот человек — старший научный сотрудник Государственного Эрмитажа Павел Филиппович Губчевский. Еще в

1947 году, занимаясь по поручению администрации подготовкой к тридцатилетию юбилею Октябрьской революции, он стал собирать документы и фотографии о Зимнем дворце в дни 24—25 октября 1917 года. Как истинный музейный работник, как человек, влюбленный в свой Эрмитаж, начальником охраны которого он был в суровое время блокады, П. Ф. Губчевский стал путешествовать с этими фотографиями по Зимнему дворцу, «привязывая» их к нынешней топографии музея.

Дошел он и до той комнаты, в которую попал снаряд из Петропавловской крепости. Стал искать пробину в стене, запечатленную на фотографии. Когда он нашел это место и оглянулся, то с изумлением увидел в маленьком боковом окне, откуда только и мог влететь снаряд, Нарышкинский бастион Петропавловской крепости! А ведь было известно, что стреляли с приплекса Невы, с левого фланга крепости. Так писал Г. И. Благонравов, так говорила вся специальная литература. И только пробина, только траектория полета снаряда говорили о другом. Этот выстрел был сделан с Нарышкинского бастиона, расположенного в центре крепости. Комната, куда попал снаряд, угловая и имеет два окна. Одно широкое, выходящее прямо на Неву. И второе узкое, с которого открывается вид на Нарышкинский бастион и Троицкий (ныне Кировский) мост. Если бы снаряд был выпущен из пушки, стоящей на приплексе, то он разбил бы угол здания или переднее большое окно и врезался бы в противоположную стену. А тут были разбиты правая боковая стена и боковое окно. Но П. Ф. Губчевский не был ни специалистом по баллистике, ни историком Октябрьской революции. На его стороне были лишь застывшая фотография, стена, окно, воображаемая линия траектории. На другой же стороне — авторитеты участников революции и историков-профессионалов.

Тогда, в 1947 году, все это осталось его личной догадкой, выводом, подсказанным интуицией. П. Ф. Губчевский не рассказал о своем сомнении в печати, но сохранил его в памяти. Потом другие заботы отвлекли его от этой темы, и лишь в последние годы при самых неожиданных обстоятельствах он вновь вернулся к выстрелу с Нарышкинского бастиона.

В том же самом 1947 году за многие сотни километров от Ленинграда, в Вологодской области, в городе Великом Устюге, вышел на пенсию по инвалидности один пожилой уже человек. Звали его Василий Николаевич Смолин.

Была в его биографии одна примечательная деталь. С 1915 года был он солдатом-артиллеристом той самой Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты, которая размещалась в Петропавловской крепости. И он, Смолин, был в крепости 25 октября 1917 года. Хранил он свою солдатскую книжку и некоторые документы, хранил в своей крепкой мужицкой памяти многие и многие подробности той исторической ночи, когда сам стоял у пушки на Нарышкинском бастионе и стрелял по Зимнему дворцу. Но до поры до времени мало кто интересовался этим, да и сам он нечасто в те годы об этом рассказывал. Но потом узнали соседи, потом стали приглашать как участника событий выступать с воспоминаниями. В. Н. Смолин записал в своем дневнике «установочные данные», как он их сам называет, и стал проводить

беседы в краеведческом музее, в школах. Многое в этой тетрадке шло от популярной литературы по Октябрьскому восстанию, но были собственные воспоминания, особенно ценные для слушателей.

В марте 1964 г. приехал Смолин в Ленинград. В Артиллерийском музее, в экспозиции под названием «Русская артиллерия периода капитализма», он вдруг увидел свою вестовую шестидюймовую (или 24-фунтовую) медную пушку № 5181 образца 1867 года. Из нее начиная с 1908 года (когда 11 таких шестидюймовых пушек заменили собой на Нарышкинском бастионе орудия более старого образца) производили каждый день полуденный выстрел. Из этой же пушки сам Смолин и его товарищи дали холостой выстрел после 9 часов вечера 25 октября, который послужил сигналом для шестидюймовки «Авроровой».

Весной 1964 года в Эрмитаж к П. Ф. Губчевскому пришел пожилой человек с бородой и откомендовался общественным научным сотрудником Музея истории Ленинграда Александром Григорьевичем Петровым. В прошлом военный артиллерист, теперь пенсионер и страстный любитель истории своего города. Пришел он с тревогой. Опасался, как бы во время ремонта не были заделаны выбоины от шрапнельных пуль на решетке пандуса Октябрьского подъезда Эрмитажа. По его убеждению, эти выбоины были сделаны при артиллерийском обстреле Зимнего дворца вечером 25 октября 1917 года. Завязалась беседа. Встречи их стали повторяться. И разговор пошел уже более широко. Сколько было выстрелов по дворцу, сколько попадало... Вновь вспомнились П. Ф. Губчевскому его давние сомнения, и он рассказал А. Г. Петрову о комнате на третьем этаже. Вместе они поднялись туда, измеряли стены, изучали фотографию.

Беседы с П. Ф. Губчевским дали новое направление поискам А. Г. Петрова. И тут он случайно узнал от сотрудников музея, что в Петропавловскую крепость приходил какой-то старик, утверждавший, что он стрелял по Зимнему дворцу с Нарышкинского бастиона. Но В. Н. Смолин уже успел уехать. И тогда, 17 марта 1964 года, ему вдонкон полетеле первое письмо А. Г. Петрова, положившее начало их переписке. Вскоре из Великого Устюга пришел ответ.

5 апреля 1964 г.

Уважаемый Александр Григорьевич,
здравствуй, дорогой!

Это письмо пишет тебе тот старик из Великого Устюга, которому вы 17/III 64 года направили огромное заказное письмо за № 667 с заданиями о Петропавловской крепости.

Пишу тебе своею собственной рукой. Очень рад ответить другу.

В Ленинграде я гостил у своего брата 7 суток — 6, 7, 8, 9, 10, 11 и 12 марта. Все эти дни провел в ходьбе по достопримечательным местам, как-то: Смольном, на квартире-музее

С. М. Кирова, на крейсере «Аврора», где мне дали хорошие документы как ветерану Великих боев Октября... Видел свою историческую медную пушку в музее, из которой стреляли 7 ноября (вестовая). Вес 83 пуда 8 фунтов (без замка), образец 1867 г. Они тоже мне дали хорошую Памятку с металлическим значком АИМ, который они сами на груди носят.

Большую часть времени я провел в самой крепости у дирекции музея, куда я должен заполнить и доставить персональную карточку (анкету) с фотокарточкой солдата 1917 г.

10 марта познакомился с ребятами Сигнального орудия Зиновьевым, Стриковым, Кудрявцевым, с которыми по их приглашению совместно производили на крепости в 12 часов дня традиционный выстрел. Они меня как старого ветерана, гостя из Великого Устюга занесли в журнал стрельбы с выдачей мне хорошей Памятной записки (грамоты). Большое им за это спасибо. В крепости я познакомился с экскурсоводами, они переписали из моей тетради воспоминания о великих революционных событиях 1917 г. (штурме Зимнего)...

Ваши вопросы.

1) Были ли салюты после того, как началась война в 1914 году? Ответ. Салюты производились до Февральской революции 1917 г.

2) Какого образца были трехдюймовые пушки, что стояли во дворе? 1891 г., как помнится.

3) Почему вы называете медные пушки шестидюймовыми, а не 24-фунтовыми?

Потому называли шестидюймовыми, так как калибр ее 6 дюймов. Я не отрицаю и того, что мы тоже знали, что она 24-фунтовая (это в диаметре). Но больше называли шестидюймовая — по старинке.

4) Какой снаряд закладывался в ствол медной пушки для стрельбы по Зимнему дворцу? Ответ. Граната.

5) Был ли поднят на флагшток красный флаг 27 февраля 1917 г. Ответ. Не был.

6) Стреляла ли пушка в полдень летом 1917 г.? Ответ. Да, стреляла.

7) Как производился салют, когда хоронили на Марсовом поле тех, кто погиб в феврале 1917 г.

Ответ. Салют производился при похоронах жертв Февральской революции 1917 г. Из винтовок стреляли солдаты Павловского полка. Это прошлое явление утверждают бывшие артиллеристы Смолин В. Н. и Селин В. Ив. С Петропавловской крепости салют, как мне, Смолину Вас. Н., помнится, при похоронах



В. Н. Смолин.

жертв Февральской революции не производился. До Февральской революции 1917 г. все производимые нами салюты своим командованием заносились нам в солдатские книжки, по которым солдатам выдавалось ежемесячное жалование 75 коп. в месяц и вместе с этим за салют, если он был, 17 коп. Итого Смолин получил за месяц 92 коп. Так записывалось командованием до 17 г., а после Февральской революции в расчетных книжках солдата, как и у меня, никаких отметок и записей о салютах нет. Кроме получаемого жалования — 75 коп. в месяц. Что и свидетельствует, что после Февральской революции до Октябрьской революции никакой стрельбы

с Петропавловской крепости, кроме вестового орудия, не производилось.

Солдатская книжка в настоящее время находится на хранении в местном краеведческом музее г. Великого Устюга вместе с моими сданными документами.

8) Стреляла ли вестовая пушка в полдень 5 июля 1917 г., когда в крепости были матросы из Кронштадта? Ответ. Стреляла.

9) Из какого орудия был дан выстрел 25 октября 1917 как сигнал «Авроре»? Ответ. Из вестового выстрел был дан. Холостой.

На этом писать заканчиваю. Шлю тебе привет и желаю доброго здоровья.

Твой друг. С м о л и н.

Понедельник, 11 мая.

Александр Григорьевич,
здравствуй, дорогой!

Ваше письмо от 24 апреля я получил, очень благодарен за него... Александр Григорьевич, большое вам спасибо за фото. Очень, очень для меня это все дорого и интересно. Интересно то, что через 47 лет, как я служил в крепости, и вам как-то удалось в архивах найти меня в приказах, что я, Смолин В. Н., получил с дому 2 руб. денег. Совершенно это правильно: за всю службу 3 года 2 месяца я с дому получил всего 2 р., так как отец и мать жили плохо. Так же очень интересно: приказ № 54 от 23 февраля 1915 г. — о принятии присяги.

Вы спрашиваете.

1. Это пушки медные 24-фунтовые, которые на фото?

Отвечаю. Да. Медные 24-фунтовые. Одно из них вестовое, которое стоит первое на правой стороне, как подниматься по лестнице на крепость. А потом это орудие перед Октябрьской (революцией) было перекачено в средину на 3-е место.

2. Чехлы надульные какого материала?

Ответ. Чехлы надульные были из толстого сурового брезента.

О награжденных значках¹.

Да, были, только у немногих. Значок был и у меня, который я потом утерять. Какая в нем корысть?

О команде вестового орудия в те времена, когда мы служили.

1. Постоянный заведующий из старых солдат бомбардир тов. Голубев, который заведовал этим делом. Его обязанность ежедневно до 12 часов дня зарядить вестовое орудие порохом, который он приносил с утра из порохового погреба.

2. После каждого полуденного выстрела вестовое орудие чистилось, для чего назначались ежедневно два человека конвоиров по наряду или за наказание для чистки орудий.

Я старик, мне хочется на все задаваемые вами вопросы дать правильные ответы.

Я тоже принимал участие при похоронах жертв Февральской революции в первых числах марта 1917 г. на Марсовом поле, где были вырыты продолговатые могилы-канавы с отвесными стенками, куда были расставлены поперек канав 137 гробов коричневой окраски. Шел траурный митинг, горячо с речами выступали большевики, когда братские могилы были зарыты, на могилы водрузили черные траурные с наклоном знамена. Но о салюте в крепости в то время, что делалось без меня, я об этом припомнить не могу впрямь до обсуждения этого вопроса с моими товарищами, бывшими артиллеристами.

Ваш вопрос. Был ли полуденный выстрел 5 июля 1917 г. Пишу, что в это время с 20 июня по 11 июля в течение 21 суток я находился в отпуске в г. Устюге.

О гражданской войне 1918 г. С 5 сентября я служил на Северном Архангельском фронте. Врид Заведующего конским запасом. Много лошадей от голодовки погибло, и ужасное было дезертирство.

Очень интересное.

В Петроградской крепости с нами служили два солдата.

1. Савин Федор, Новгородской области.

2. Замятин Севастьян Михайлович, Архангельской области.

Им очень служба плохо давалась. Они несли от своих командиров наказание за наказание: то уборную вне очереди чистить, то вестовую пушку чистить вне очереди, прямо не было покоя этим солдатам.

Когда вспыхнула Февральская революция, один из них, Замятин Севастьян Михайлович, почуяв свободу, что лев, встал на дыбы перед своим командованием. Вместо того чтобы вычистить ему вестовую пушку, схватил на крепости увесистый колун-топор, которым обивали лед на лестнице, и этим колуном рубанул во весь свой богатырский размах по обрзу дула верхней части вестового орудия образца 1867 г. Это орудие легко найти с язвой на отрезе дула — оно находится в музее б. Кронверкского арсенала на нижнем этаже. Орудие



¹ Речь идет о значках, выпущенных в честь 50-летия Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты в 1911 году.

медное, с блестящим стволом, особенно казенная часть.

Участник революции Смолин В. Н. из г. Великого Устюга.

25 июля 1964 г.

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуй, дорогой!

Вы пишете, что мы собираемся написать статью о пушке, которая подала сигнал «Авроре». И кто был у орудия вечером 25/X 1917 г.? Пишу. Вот прислуга этого орудия, насколько я припоминаю, но не всех.

1. Сколотнев Афанасий Яковлевич, бомбардир из запасных солдат Кадниковского уезда Вологодской губернии.

2. Вилланен (канонир), финн, который заряжал орудие.

Смолин Василий Николаевич, канонир — воспламенитель орудия.

На ваш вопрос, кто принес приказ выстрелить и кто подал команду «Огонь!», это от давности в моей памяти не сохранилось.

3. Сколько было пушек для салюта?

Для салюта было подготовлено 5 орудий, но стреляли из 4-х за недостатком прислуги.

Александр Григорьевич!

На ваши вопросы, какие снаряды и где их мы получили для стрельбы вечером 25 октября 1917 г. из крепостных пушек по Зимнему с крепости?

Ответ. Снаряды, гранаты нами были получены из склада Порохового погреба, который находился в крепости.

На вопрос. Сколько стреляло пушек?

Ответ. Пушек стреляло 4. Пушки 6-дюймовые. В том числе и вестовая.

Вопрос. Сколько было дано выстрелов?

Ответ. Выстрелов было дано 5 холостых и 2 выстрела боевыми снарядами.

О вестовой пушке с моей стороны вышло большое замешательство. В прошлых моих воспоминаниях писалось, что мы стреляли 25/X 1917 г. с Петропавловской крепости по Зимнему из крепостных пушек. Это верно, это общая наша стрельба есть одно целое. Вы поняли: вестовое орудие 25 октября не только дало холостой выстрел, как сигнал «Авроре», но стреляло и боевыми снарядами. Это не так.

После длительной головоломки вспомнилось. Что вестовая пушка вечером 25 октября 1917 г., из которой нами был произведен один холостой выстрел. И больше никаких выстрелов из нее не производилось. Особенно еще

снарядами — это ошибка. Что и подтверждает и само вестовое орудие, его мятина, нанесенная в разгар Февральской революции т. Замятыным, [на] срезе дула пушки. Расплюсченность мятины, нижняя часть которой свесилась ниже внутренних нарезов ствола. Если бы в Октябрьские дни 25 октября производился из нее выстрел снарядом, то обязательно бы вылетевшим снарядом из дула срезало [бы] висевший навес мятины.

По прочтении этого письма прошу сходить в артмузей и посмотреть на мятину. Так ли это? ¹

Остальные три орудия произвели по 2 выстрела каждый, то есть четыре холостых и 2 боевыми снарядами. Один снаряд был пущен по Зимнему, как видно, он и своротил угол здания. А 2-й снаряд, который был выпущен из 4-го орудия по ошибке воспламенителя, который, не дав по-настоящему навести наводчику на Зимний, поторопился, раньше дернул за шнур, и снаряд улетел на Сенную пл., где убило 4 человека, то есть семью рабочего. О чем назавтра, 26/X, было заявлено приходившим в крепость человеком, но все это так вышло. Ведь революция без жертв не бывает. Жаловаться бесполезно — кого убили... ².

18 ноября 1964 г.

Александр Григорьевич,
здравствуй, дорогой!

Ваше письмо от 28 октября и поздравительную открытку от 3 ноября я получил. Большое спасибо за поздравления. Твое письмо я прочитал несколько раз, из чего вижу все ваши старания и усилия по сбору разных справок и материалов. Дальше вы пишете, что ваша помощь необходима. И я на заданные ваши вопросы отвечаю.

9) Вопрос. Видали ли, как привели в крепость арестованных министров Временного правительства?

Ответ. Когда конвойные вели министров в крепость, это было в 3 часа ночи 26 октября. Это шествие мы встретили у Петровских ворот, откуда вынырнула толпа арестованных и конвоиров, а по сторонам этой толпы бежали интересующиеся люди: рабочие и другие по-

¹ Вмятина и нависание точно соответствуют данному описанию.

² В газетах того времени есть упоминание о падении неразорвавшегося снаряда на Демидов пер. рядом с Сенной площадью. Сообщений о жертвах не имеется.

сторонние лица. Эти посторонние люди по сторонам бежали рысцой, обгоняя один другого, забегали далеко вперед, и, оборачиваясь лицом к этой процессии, каждый старался достоверно увидеть в лицо этих министров, пятясь назад, но увидеть их было очень трудно, они были в большом окружении конвоиров, да и свет уличных фонарей в эту ночь был очень плохой, тусклый, не все фонари горели. Министров привели и развели по камерам Трубецкого бастиона. После чего мы, артиллеристы, пошли в свою роту через кухонный подъезд, который находился рядом с Трубецким бастионом. У нашей казармы оказались входные двери открыты, окна со стороны Невы раскрыты, в них выбиты стекла, в казарме холодище, а мы, солдаты, мокрые еще со вчерашнего дня, так и не легли спать.

На вопрос, знали ли вы, где сидели бывшие министры? Конечно, мы знали, и нас туда, солдат, впускали после Октябрьской революции. А с Февральской и до Октябрьской революции при Временном правительстве, когда сидели царские министры, нас туда не впускали, хотя наша рота находилась и вплотную с камерами Трубецкого бастиона. Подразделялась только одной стенкой, а уличный проход между крепостью и Монетным (двором) был перегороден деревянным тесовым забором по поверхности протянутой колючей проволокой, на которую мы, солдаты, после своей стирки в бане вешали для просушки белье, но это белье у нас все коптило сажей, налетавшей из труб Монетного завода.

Как-то раз мне удалось при Временном правительстве, вскоре после Февральской революции, во время посещения родственниками арестованных проникнуть в первые камеры, где сидели царские министры, у которых на кроватках вместо постели были разостланы газетки, а позднее эти квартиранты под покровительством хорошего доброго своего хозяина стали быстро обустраивать хозяйственно. Перед Октябрьской революцией вечерами стали уже подвозить родственники арестованным при своем посещении пуховики, матрасы, подушки и одеяла, а это делалось все на наших глазах. И мы прямые свидетели этого дела — солдаты отдельной роты, я, Смолин, со своей стороны, в подтверждение могу дать хоть 100 подписей.

На вопрос об оружии в музее, о царапинах на казенной части.

Отвечаю. Эти царапины получились от небрежной чистки. Вестовое оружие чистилось ежедневно после каждого выстрела, его чистили за наказание разные солдаты, за приглядом, как и чем провинившиеся чистили

орудия, никто не наблюдал, лишь бы только ствол, поверхность орудия блестела. Некоторые смельчаки чистили дровяной на тряпке и кирпичом. Банников для чистки внутренних каналов орудия хороших не было, а были одни основания, металлические щетки волос с них стерлись, часто банник обматывали тряпками, обматывая, укрепляя проволокой, а это все говорило за порчу орудия.

На вопрос об 11 орудиях на бастионе.

Отвечаю. Все эти 11 орудий стояли на бастионе: расставлены по порядку. По правую сторону вышки стояло 5 орудий, а по левую — 6 орудий.

Этот набросок переписать на чистовую не успел, что будет тебе непонятно, пиши вторично. Я постараюсь ответить.

С искренним уважением
Смолин.

4 января 1965 г.

Многоуважаемый Александр Григорьевич!
Очень извиняюсь, что задержался с ответом на ваше письмо от 24 ноября 64 г...

На вопрос, освещался ли дворец прожекторами?

Ответ. Освещался временами, и то плохо. На крепости в то время находился один неважный прожектор на Невской куртине, который, ныряя, бросал снопом на очень короткое время свои лучи по направлению к Зимнему, как бы высккивая там что-то.

На вопрос, наводили ли пушки в определенное место или только во дворец?

Ответ. Наказ правительства¹ был дан не разрушать дорогостоящего здания, стрелять в определенные только места.

Вопрос. Зачем в крепости был фонарь с красными стеклами?

Ответ. По плану, разработанному Полевым штабом ВРК, сигналом к штурму должна послужить вспышка фонаря с красными стеклами на флагштоке крепости. Но у нас в крепости такого фонаря с красными стеклами не нашлось. Долго бегали искали фонарь. А потом уж догадались устроить свой фонарь. Использовали простой ротный хозяйственный небольшой фонарь, обвязав его красным платком, и подтянули на флагшток (на мачту), чтобы он был виден, но фонарь издавал тусклый свет, но все же послужил знаком для начала сигнальной стрельбы с крепости и крейсера «Аврора». Фонарь оборудовал и подтянул на

¹ Имеется в виду Военно-революционный комитет.

флагшток каптенармус отдельной роты артиллерии Крылов, бомбардир призыва 1911 г...
Ваш друг С м о л и н.

(февраль) 1965 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Вы надавали мне несколько вопросов, которые вводят меня в заблуждение. Вы пишете, спрашиваете меня, откуда взялись конные артиллерийские пушки 4 шт. и зачем они оказались в крепости? Я на этот вопрос ничего не скажу тебе. Я знаю, что эти 4 пушки, стоявшие вдоль Екатерининской куртины, то есть под окнами нашей казармы, стояли у нас летом в 1916 году не более 3—4-х месяцев, для обучения солдат. А потом их не стало, говорят, что эти пушки отправлены на фронт под Двинск [на] воздухобойную батарею.

...2. Шесть штук трехдюймовок, что стояли на плацу Нарышкина бастиона, 25 октября 1917 г. в 11 ч. дня были выкачены нами на приплесок р. Невы. И дополнительно к этим мы выкатили несколько пушек из Кронверкского арсенала, которые там стояли на дворе между сараями. Эти пушки из Арсенала катали по Кронверкскому мосту через Ивановские и Петровские ворота, огибаясь у собора, снова выкатывали в Никольские ворота на Кронверкский берег и через Лагерную поляну на приплесок. Так это представляется в настоящее время. Как заспанный сон. Ведь с того времени прошло 48 лет. Где все упомянешь¹.

В марте 1964 г., когда я посетил Петропавловскую крепость, то внутри крепости показало неузнаваемо. Заборы, которые ранее были, все снесены, а также мелкие строения. Везде и всюду свободно можно пройти. Заходил в свою казарму, в тот каземат, 1-й взвод, где мы служили, помещались, где лазали в 1917 г. в окно. Я хотел все по-настоящему в роте посмотреть, но меня работающие плотники попросили отсюда выйти, и я ушел обиженным — чего им жалко? Я семь суток гостил в Ленинграде тогда у брата Гриши, который проживает в Петродворце. Из 7 суток я 5 дней пропутался в Петропавловской крепости — бродил, смотрел, что волк.

Пишу. Ведь за Кронверкский пролив один мост. Идя с Троицкой площади по мостику в крепость, вы заходите в Ивановские ворота Иоановского рavelина, а потом заход в крепость — вторые ворота. Это будут Петровские ворота, не так ли это? Кронверкскими воротами мы называли те ворота, которые были у ограды Арсенала. Тут ров и мостик за ним. У этих ворот мы стояли, дежурили на 2 смены в сутки по 12 ч. В эти ворота 27 февраля —

1917 г. в разгар Февральской революции рабочие-революционеры лезли за оружием...

Ваш друг С м о л и н.

(начало мая) 1965 г.

Уважаемый Александр Григорьевич!

Вы пишете, что очень нуждаетесь в моих ответах о пушках и снарядах, которые вам нужны для дальнейшей далеко не законченной работы. Что же будем делать, мой друг?

На вопрос, что стало с 3 пушками, которые были выкачены 25 октября 1917 г. на приплесок реки Невы, и что сделано с непригодными 87 мм натасканными снарядами? Вот на это я ответить тебе затрудняюсь. Ящики со снарядами вскоре же после Октябрьской революции были убраны, куда их увезли-убрали, я этого не знаю. Орудия на приплеске оставались там стоять долго. В конце ноября 1917 г., как я уже писал вам ранее, мы, артиллеристы, были выселены из крепости за город на станцию Средняя рогатка, которая находится в 12 верстах от Ленинграда по Варшавской ж. д. А оттуда были отправлены на фронт. А поэтому я не могу сказать, что стало с этими орудиями, которые стояли на приплеске, куда их девали впоследствии?

Шлю вам привет. Пишите. С м о л и н.

Дымково. 24 октября 1965 г.

Уважаемый Александр Григорьевич, здравствуйте!

Пишите, что у вас есть теперь нового с подготовкой к 48 годовщине Великого Октября. В каких более нуждаетесь материалах?

В последнем письме вы просили меня ответить на несколько вопросов.

1. Где был штаб Военно-революционного комитета?

Отвечаю. В Смольном институте.

2-й вопрос. Как звали прапорщика Карпова?

Отвечаю. Карпова звали Ростислав Ростиславович.

3-й вопрос. Был ли из вашей казармы ход на берег (через окно)?

Отвечаю. Никаких ходов из нашей казармы на берег не было. А в окно лазали солдаты после Февральской революции, когда из окон со стороны реки Невы были выщелканы из пролетов оконных решетки самими же солдатами, и эти решетки были снаружи привалены

¹ Впоследствии В. Н. Смолин вспомнил, что маршрут выкатки пушек из Кронверкского арсенала был другим. См. последнее письмо.

к стенкам против окон, которые и служили лестницами из казармы спускаться в сад. Я уже об этом писал вам ранее в своих материалах. Ход на берег был через Невские ворота.

4. Вопрос. Не видели ли вы матроса с «Амура», он был связанной с крейсером «Аврора»?

Ответ. Такого связанного матроса с «Амура» мы не знали.

На вопрос: английский корреспондент Филипп Брайс видел на флагштоке крепости красный флаг в дни Октября.

Отвечаю. Если бы был на флагштоке красный флаг до начала штурма, то зачем нам было искать веревку, чтобы подтянуть на флагшток красный фонарь. Мы бы тогда спустили на низ флаг, и привязали фонарь, и подтянули бы фонарь вместе с флагом на одной веревке. А то у нас никакой веревки на мачте в тот момент не оказалось, отчего и задержалось надолго начало штурма дворца. Разве только тогда мог флаг оказаться на флагштоке, когда закончилась стрельба, то есть взята Зимний. Последнее вернее всего. Да, по окончании штурма красный флаг зареял на мачте. Это хорошо вспомнилось. Тогда прав Филипп Брайс...

Уважаемый Александр Григорьевич!

...Вот вы пишете, будто бы учебные пушки в отдельной роте артиллерии были без прицелов и панорам. Это неверно, как же без прицелов и панорам? Прицелы были, но они от орудий отделялись после каждой стрельбы, а перед стрельбой снова устанавливались на передней казенной части орудия.

Все эти трехдюймовки пушки были сбоку замковые, как и крепостные шестидюймовые. Такого же состояния были и пушки из Кронверкского арсенала.

Пушки, что стояли у Екатерининской куртины образца 1900 г., которые были летом 1916 г. отправлены на фронт в воздухобойные батареи под Двинск. Как те, так и другие не имели броневых щитов. Да, в компрессорах действительно не было масла. Масла не было не только в компрессорах орудий, но его не было и на батарее крепости. Не удивительно, что крепостные шестидюймовые и трехдюймовки пушки ко дню штурма 25 октября оказались неисправными, заржавевшими, так как за неимением на батарее масла эти орудия не чистились.

О Кронверкском мостике.

Ваша схема чертежа от 20 мая 1966 г. в вашем письме дана правильно.

Мостик этот был временный на деревянных

сваях (столбиках), [с] деревянным поперечным настилом. В проливе у мостика стояли деревянные баржи, нагруженные кряжником основных дров, приплавленных неизвестно откуда. Эти приплавленные дрова из барж выгружались рабочими и солдатами и укладывались на берег в стенах крепости, а оттуда развозились войсковыми частями, находящимися в крепости, для своих нужд кухонного и казарменного отопления. Чуть повыше этого мостика, на том же левом берегу, были построены два деревянных тесовых сарая, в которых втугую было набито эвакуированное и трофейное разное имущество, привезенное с фронтов, как-то поношенное обмундирование, конское снаряжение и др. Которые поценнее вещи, все это было сбито в сарай, а крупные предметы, как-то церковные колокола, заводские станки, громадные котлы, пушки, на которых были надписи белым мелом: «Перемышль», «Варшава» и др. Как видно, оттуда эвакуировано это имущество, которым завален был весь берег почти до войсковой бани. Все это было завалено разным барахлом: утюгами, медными шпильками сапожными, в котлах которые были рассыпаны, как видно из казенных крупных войсковых сапожных мастерских, и это все добро находилось не один год под открытым небом, под дождем. Тут находились и прожектора, валяясь в этих кучах. Всего не перечтешь. Для охраны этого имущества отдельной ротной артиллерии был выделен пост сторожевой, куда назначалось 2 человека на сутки. Стояли по 4 часа, а в сутки выходило 12 часов. Мне, Смолину, тоже частенько приходилось на этом посту морозить свои сопля.

Еще забыл написать, что у этого Кронверкского мостика в воде стоял высокий столб, на котором была прибита широкая доска и на ней написано предупреждение:

Якорей не бросать!
Электрический кабель.

Ну ладно, что потребуется, пиши.

Смолин.

Уважаемые Анна Ивановна и Александр Григорьевич!

Ваше дорогое письмо от 6 августа с/г я получил, большое спасибо. Простите, что призадержался с ответом. Вечные какие-то у нас дела, то уборочная, то другое, третье...

Я храню все ваши присланные разные снимки и привезенные памятные записки в марте 1964 г. У меня теперь, кроме Великого Устюг-

ского музея, в котором много что там экспонируется моего, составилась целый музей на дому в моей большой передней комнате. Даже я приобрел сигнальный фонарь с красными стеклами, который подтянут к потолку, чтобы он был всем виден. И я собравшись у меня в комнате людям рассказываю, показывая им на фонарь своей рукой. Вот на крепости загорелся сигнальный фонарь, и тотчас же прогремели два холостых орудийных выстрела: 1-й с крепости, а 2-й с крейсера «Аврора»¹. От ярких вспышек орудийных выстрелов в ночной темноте на миг озарились река Нева и ее набережные и т. д.

Да, мы с тобой, Александр Григорьевич, теперь хорошо уяснили о всех мостиках, ведущих из крепости к Кронверкскому арсеналу.

Этот мостик исчез, будем считать, в 1918—1919 г., в гражданскую войну, на дрова. Теперь не осталось от мостика никаких следов, только воспоминания. По этому-то вот исчезнувшему мостику в день 25 октября 1917 г. в 10 ч. утра артиллеристы Петропавловской крепости Смолин Василий Николаевич, Новоселов Григорий, Сколотнев Афанасий Яковлевич, Вилланен Андрей и другие (забытые фамилии), все эти поименованные солдаты отдельной роты 1-го взвода в 10-м часу утра катали легкие трехдюймовые пушки со двора и от сараев Кронверкского арсенала, через лагерную поляну и устанавливали эти орудия на берегу Невы на приплеске близ Трубецкого бастиона дулами по направлению на Зимний дворец. На ваш вопрос ко мне: «Вы лично слышали выстрел «Авроры»?

Мой ответ. Да, очень хорошо я слышал выстрел «Авроры»¹.

Пишите. Ваш друг С м о л и н.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Публикуемые с сокращениями письма В. Н. Смолина интересны прежде всего тем, что они освещают участие солдат Петроградской отдельной крепостной артиллерийской роты в Октябрьском вооруженном восстании. Рассказы о «нейтралитете» роты имеют под собой некоторые основания. Она действительно заявила о своем невмешательстве в события в июльские дни. 5 июля, когда крепость была

занята кронштадтскими матросами, полуденный выстрел не производили, чтобы не дать оснований для подозрений в провокации. Сильны были «нейтралитские» настроения и в Октябрьские дни. Но факт остается фактом: именно артиллеристы роты выкатили на приплесок Невы знаменитые трехдюймовки. Наконец, именно они произвели несколько боевых выстрелов. Единственное попадание внутрь дворца со стороны Невы — тоже результат их работы.

В. Н. Смолин говорит и об отказе артиллеристов стрелять из трехдюймовых пушек. Но он дает этому факту другое, чисто психологическое объяснение. Солдатам казалось странным, зачем их заставляют перенавешивать эти пушки за крепостные стены, когда на бастионе стоят вполне пригодные к бою «свои» пушки?

В. Н. Смолин отрицает факт стрельбы из трехдюймовых пушек, стоявших в «лагерях». Возможно, они стреляли одновременно с шестидюймовками Нарышкинского бастиона, и поэтому грохот выстрелов слился. Возможно, это просто провал в памяти. Морьяки-артиллеристы действительно пришли в Петропавловскую крепость и стреляли из трехдюймовых пушек. Об этом говорится во многих воспоминаниях. Сотрудники Артиллерийского музея в Ленинграде заняты сейчас установлением имен и фамилий этих артиллеристов.

Есть и другие пробелы в воспоминаниях бывшего артиллериста. Так и остается неизвестно, когда же они получили приказ готовить шестидюймовые пушки к бою, кто именно передал им этот приказ?

Помимо ряда фактических деталей обстрела Зимнего, письма Смолина интересны и с точки зрения изображения революционного быта Петроградского гарнизона, и даже быта старой царской казармы. В этом смысле примечательна история солдата Замятина. В рассказе Смолина много ценного и для социолога. Психология солдата — вчерашнего крестьянина отчетливо проявляется во многих письмах. Посмотрите, с каким хозяйским сожалением описывает В. Н. Смолин беспорядочный склад вещей за стенами Петропавловской крепости, у которого стоит на посту. Сколько мыслей пронеслось в его уме, когда он рассматривал все это имущество, так небрежно хранимое! А как интересен и по-своему образ народный язык писем, среди которых встречаются настоящие находки, прекрасные описания!

¹ А. Г. Петров выяснил, что холостой заряд шестидюймовой пушки Нарышкинского бастиона состоял из 8 фунтов бездымного пороха, а холостой заряд шестидюймового орудия системы «Канз» крейсера «Аврора» — из 17 фунтов. Таким образом, выстрел «Авроры» был более мощным и слышен был дальше.



Обложка журнала «Коммунистический Интернационал».

А. Я. Манусевич

Пролетарии всех стран...

Документы интернационалистов

В дни становления власти Советов, в годы борьбы за ее победу и утверждение рядом с российскими рабочими и крестьянами сражались многие тысячи выходцев из ближних и дальних стран. Одни из них издавна были связаны узами совместной борьбы с народами России против общих врагов — царизма, российских и местных помещиков и капиталистов; другим пришлось преодолеть серьезные языковые, политические и другие барьеры для того, чтобы уяснить общечеловеческое значение революционных свершений, начатых рабочими России.

Разные обстоятельства привели выходцев из других стран на землю, охваченную революцией. Часть из них пришла в довоенную Россию в поисках заработка; другие в годы войны 1914—1918 гг. переместились с соседних земель, ставших ареной жестоких сражений; третьи попали в ходе войны в русский плен. Последних (пленных из германской, австро-венгерской, турецкой и болгарской армий) в 1917 г. насчитывалось свыше 2 миллионов человек. Второй по численности группой среди временного населения России было более чем 1,5 миллиона беженцев, переселившихся в глубь страны из прифронтовых районов с польских, румынских и других оккупированных земель. Третьим значительным контингентом (около 400 тысяч) были рабочие — отходники, либо сами приезжавшие в Россию, либо завербованные во время войны на строительные, лесные, горные и другие работы.

Таким образом, свидетелями, а в части своей и участниками величайших классовых битв в 1917—1920 гг. оказалось почти 4 миллиона пришлого населения. Поэтому вопрос о том, какую позицию займут эти люди в происходивших вокруг событиях, немаловажен.

Процесс втягивания в политическую армию революции такого своеобразного резерва, каким оказалась рабоче-крестьянская часть временного населения России, был не прост и не одинаков для различных его групп. Быстрее всего дал себя знать союз выходцев из Польши и из Финляндии с пролетариями России. Решающую роль в этом сыграла исторически сложившаяся общность совместной

борьбы против царизма, постоянные связи польской социал-демократии и финской социал-демократии с партией большевиков.

Польские социал-демократы дали большевистской партии прекрасные закаленные кадры профессиональных революционеров. Рядом с Феликсом Дзержинским за дело революции сражались многие другие выдающиеся деятели польского рабочего движения: член Петроградского комитета партии большевиков, затем председатель Малого Совнаркома Мечислав Козловский, партийные публицисты: Збигнев, Фабрневич, Юлиан Лещинский (Ленский), Мечислав Броньский, Станислав Бобиньский, члены Военно-революционных комитетов и комиссары этих комитетов: Юзеф Уншлихт, Станислав Будзыньский, Станислав Пестковский, Александр Гранас, Францишек Гжелцак. Здесь был и один из старейших польских революционеров, многолетний узник царизма Бронислав Веселовский. Революционный опыт многих деятелей польской социал-демократии, их преданность делу революции стяжали им такой авторитет и уважение, что в Петрограде и Москве, Киеве и Симферополе, Красноярске и Саратове, Екатеринославе и Минске, Ташкенте и Ростове-на-Дону и во многих других городах они избирались в руководящие большевистские органы, в Советы рабочих и солдатских депутатов и Исполнительные комитеты. На VI съезде большевистской партии в августе 1917 г. Феликс Дзержинский был избран в состав ЦК партии.

Признанными руководителями финских революционеров в России были Александр Шотман, Иван и Эино Рахья и другие деятели, издавна состоявшие в большевистской партии. В Петроградской организации большевиков на правах районной действовала финская группа, насчитывавшая осенью 1917 г. свыше 1000 членов.

На юге, в Одессе, был центр деятельности румынских социал-демократов. С 5(18) сентября 1917 г. они издавали свою газету «Лупта» («Борьба»). Редактором газеты был видный деятель румынского рабочего движения Михай Бужор. Вместе с ним работали Ион Дическу Дик, Василе Попович, А. Николау, Альтер Залак и другие. В Одессе же, а также в Петрограде, Екатеринославе, Киеве складывались революционные группы в среде выходцев из земель южных славян.

Не только польские и финские интернационалисты, но и революционные элементы из Венгрии, Австрии, Сербии, чешских земель, Словакии и других стран принимали участие в вооруженном восстании в Петрограде и в установлении Советской власти на местах.

Победа Октябрьской революции еще более усилила движение пролетарской солидарности среди иностранных рабочих и крестьян. Их передовые круги стали формировать отряды Красной гвардии. Когда в феврале 1918 года германский империализм двинул свои войска против Советского государства, многие беженцы, отходники, бывшие военнопленные поднялись на защиту Советской власти. Тогда же возник ряд первых интернациональных формирований Красной Армии. При личной поддержке В. И. Ленина американец Альберт Рис Вильямс приступил к формированию Интернационального легиона.

Примерно в это же время авангард зарубежных интернационалистов делает важный политический шаг — приступает к созданию



3-й Интернациональный полк. Петроград.

национальных коммунистических групп при РКП(б). В марте 1918 года оформилась Венгерская, в апреле — Румынская и Немецкая, в мае — Южнославянская и Чехословацкая группы РКП(б). Сложившаяся в августе Англо-французская группа в сентябре того же года разделилась на две самостоятельные группы — Французскую и Английскую; последняя в декабре была преобразована в Англо-американскую группу. В октябре 1918 года из Южнославянской группы выделилась Болгарская группа РКП(б). Несколько позднее (в сентябре 1919) сложилась Итальянская группа РКП(б). Все эти группы образовали Центральную федерацию иностранных групп при ЦК РКП(б). Помимо групп, входивших в Федерацию, продолжали свою деятельность тесно связанные с РКП(б) организации польских и финских коммунистов, революционная организация иранских рабочих «Адалят»

(«Справедливость»); возникли также турецкие, корейские, китайские, греческие и другие коммунистические группы. Словом, идеи РКП(б) овладевали сознанием широких кругов иностранных пролетариев, находившихся на территории первого и в ту пору единственного государства рабочих и трудящихся крестьян. Свыше 160 газет на языках народов зарубежных стран, издававшихся на территории Советской республики, несли правду о революции в массы иностранцев, вольно или невольно находившихся на советской земле. В. И. Ленин придавал особое значение тому, что зарубежные интернационалисты, «обученные» в школе русской революции, разнесут ее опыт по всему земному шару. Действительно, вернувшиеся в свои страны участники интернационалистского движения сыграли большую роль в развертывании у себя на родине революционного движения.

В отпоре немецким интервентам, в подавлении контрреволюционных мятежей, в борьбе против белогвардейских войск и антантовских интервентов неизменно участвовали зарубежные интернационалисты. Они сражались на всех фронтах, из них формировались отряды и некоторые прославившие себя воинские части: 1-й Московский интернациональный коммунистический отряд, в который входили венгры, немцы, румыны, болгары; состоявший из венгров, чехов, поляков, немцев, австрийцев, китайцев Самарский интернациональный полк 25-й стрелковой дивизии В. И. Чапаева; 1-й Интернациональный полк 24-й Железной стрелковой дивизии Г. Гая; польский кавалерийский отряд «Победа» Петра Боровича, Отдельный персидский полк, отряд финских курсантов под командованием Тойво Антикайнена, 2-й Интернациональный полк 16-й стрелковой имени Кививиде дивизии и т. д. и т. п. В рядах Красной Армии были и турки и индусы, французы и бельгийцы, арабы и греки, американцы и японцы. Из разных стран на землю революции пробрались сквозь фронты и блокаду смелые люди для того, чтобы поддержать великое дело. Среди них были итальянцы Франческо Мизано и Артуро Зирони, голландцы С. Рутгерс и Б. Лютераан, немец П. Крюгер, болгары Борис Шаранков и Федор Главчев и многие другие.

Но предоставим слово тем, о ком идет речь, — самим интернационалистам. Пусть они расскажут о себе — расскажут языком воззваний, строками писем и протоколов полувековой давности.

№ 1.

1(14) марта 1917 г. Петроград. Резолюция собрания петроградских рабочих-поляков с приветствием в адрес Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов по случаю свержения самодержавия.

Польские рабочие города Петрограда приветствуют революционное движение пролетариата России. Мы всегда шли с вами рука об руку в борьбе против нашего общего врага — царского правительства, оплота всеобщей реакции. Мы приложим все свои силы, чтобы вместе с вами довести до победного конца начатое дело свержения ненавистного самодержавия. Пусть ваша победа проложит пролетариату всех стран дорогу к решительному бою возрожденного Интернационала с капитализмом, который толкнул народы на теперешнюю кровавую резню.

Да здравствует революция в России!

Да здравствует международная солидарность пролетариата!

Журнал «Promien», Петроград,
31. III (13. IV). 1917 г.

№ 2.

16(29) ноября 1917 г. Одесса. Резолюция митинга румынских рабочих, находившихся в Одессе, о поддержке Декрета о мире.

Румынские рабочие Одессы, собранные в экстренном всеобщем собрании исполнительным комитетом Румынской соц.-демокр. партии 16 с. м., заявляют: румынские рабочие, крестьяне и солдаты считают попытку Совета Народных Комиссаров приблизить заключение мира как большое и революционное действие, должное водворить между народами мир, уничтоженный конкуренцией и жадной наживой капиталистов.

Они отдают себе отчет в том, что заключение мира спасет остаток солдат и население страны, которые еще не были уничтожены бойней, голодом и болезнями.

От имени истерзанного румынского народа, от имени вдов, сирот и калек мы приветствуем русскую революцию, носительницу мира!

Мы требуем от румынского правительства присоединиться к инициативе Совета Народных Комиссаров и послать делегатов для начала переговоров о мире.

Если оно и на этот раз не прислушается к желанию и воле рабочего класса, румынского народа, разрыв между правительством и народом будет окончательный и пропасть, которая откроется между нами, проглотит навсегда олигархию.

Долой войну!

Да здравствует мир!

Да здравствует русская революция!

Газета «Lupta»¹, 20. XI (3. XII). 1917 г.

№ 3.

24 февраля 1918 г.² Петроград. Воззвание к эмигрантам из Англии и Америки, призывающее их вступить в интернациональный отряд в целях защиты революции³.

¹ «Lupta» («Борьба») — румынская социал-демократическая газета, выходившая с 5(18) сентября 1917 г. в Одессе при ближайшем участии М. Бужора, А. Николау и др.

² Дата публикации.

³ Как рассказывает в своей книге «Десять месяцев с Лениным» американский журналист Альберт Рис Вильямс (1883—1962), когда В. И. Ленин узнал, что Рис Вильямс решил вступить в Красную Армию для участия в отпоре наступлению германской армии, он, одобрив шаг американца, посоветовал ему привлечь к защите Советской власти других иностранцев.



Румынский революционный отряд. Одесса, январь, 1918 год.

участвовать в защите Советской власти от угрожающего ей удара, присоединяйтесь к нам!

Альберт Вильямс
Самуэль Агурский
А. Нейбут¹.

Газета «Правда», 24 февраля 1918 г.²

№ 4.

16 мая 1918 г. Москва. Резолюция первого пленарного заседания Югославянской коммунистической группы, направленная в ЦК РКП(б).

Мы, южные славяне (сербы, хорваты, словенцы и болгары), на первом пленарном заседании основанной Югославянской коммунистиче-

ской эмигрантской партии, 6 мая 1918 г. в Москве, руководствуясь принципами марксистского научного социализма и III Интернациона-

¹ Помимо А. Риса Вильямса, воззвание подписали большевики С. Агурский и А. Нейбут, долгое время участвовавшие в американском рабочем движении. В тексте возвания вместо «Вильямс» дано «Виллиамс», вместо А. Нейбут — Ф. Небут.

² По указанию В. И. Ленина воззвание было опубликовано в «Правде» на русском и английском языках, в также передано телеграфом по всей стране (см. Альберт Рис Вильямс, О Ленине и Октябрьской революции. М., 1960, стр. 55).



Данило Сердич.

ла, а также опытом революции и тактикой Всероссийской коммунистической партии, вынесли следующую резолюцию:

1. Принимая во внимание разрозненность нашего югославянского коммунистического движения и отсутствие единого центра для всех искренне преданных делу революции товарищей, мы, проживающие в г. Москве югославянские коммунисты, организовали Югославянскую коммунистическую эмигрантскую партию, чтобы таким образом провести организацию всех югославян, стоящих на платформе коммунистической программы и защиты Советской власти. Органом партии является газета «Революция».

2. Югославянская коммунистическая эмиграционная партия считает себя секцией Всероссийской Коммунистической партии и просит в этом смысле утверждения со стороны Всероссийской Коммунистической партии.

3. Преследуя интересы югославянского пролетариата, находящегося в пределах Всероссийской Федеративной Советской Республики, мы считаем необходимым учреждение Югославянского отдела при народном комиссариате по национальным делам (по образцу Чехословацкого отдела).

ЦПА ИМЛ, ф. 549, оп. 6, д. 2, л. 1—2.

№ 5.

11 июня 1918 г. Москва. Воззвание Центрального Комитета Чешско-словацкой коммунистической партии в России к чешским рабочим и солдатам с призывом бороться против мятежа чехословацкого корпуса.

Товарищи!

Во время тяжелых испытаний для Российской социалистической республики чешские солдаты, руководимые чешскими и русскими врагами рабочих и крестьян, вооруженным восстанием пытаются низвергнуть власть Советов. Они забыли, что являются гостями русского народа, они забыли свои возвышенные цели, они кровью невинных жертв, кровью рабочих и крестьян осквернили свои руки. Подстрекаемые контрреволюционными деятелями из рядов чешской и русской буржуазии, они со штыками в руках двигаются на Восток, низвергая везде Советскую власть и содействуя смуте и анархии. Чешские военные руководители, ведущие чешских солдат на гибель, преследуют свои тайные интересы. Они пользуются чешскими солдатами для нанесения вреда Советской власти и надеются в союзе со всеми российскими контрреволюционными элементами уничтожить ее совсем. Вот какие их стремления! Вот какие их мечты!

Товарищи! Действия чешско-словацких эшелонов ложатся тяжелым пятном на весь чешско-словацкий трудовой народ. Мы не можем молчать в эту минуту, мы должны громко заявить, что чешский пролетариат в эту трудную минуту весь на стороне Советского правительства русских рабочих и крестьян. Мы от имени чешско-словацкого пролетариата заявляем свой протест против явной и тайной работы контрреволюционных элементов среди чешских солдат и высказываем всем, кто сознательно идет против Советской власти, свое пролетарское пренебрежение и осуждение



Командный состав 1-го Пензенского чехословацкого революционного полка.

всем тем, кто своими черными действиями осквернил имена чешского трудового народа.

Но рабочий народ не дрогнет перед лицом врага. Мы, чешские рабочие, вместе с революционным пролетариатом социалистической России будем защищать завоевания трудовых масс и не дадим торжествовать врагу. Пролетариат сплоченными силами даст отпор всем тем, кто стремится залить кровью свободную пролетарскую Российскую республику.

Товарищи! Все на места! Всеми имеющимися в вашем распоряжении средствами содействуйте ликвидации мятежа чешско-словацких эшелонов, везде помогайте советским органам в их трудной задаче по восстановлению нор-

мального хода жизни в районах, затронутых мятежом. Только энергичной и усиленной работой нас всех мы можем смыть позор, навешанный на нас несчастным и преступным выступлением чешско-словацких полков.

Товарищи! Зовем вас под революционные знамена Интернационала. Немедленно идите и записывайтесь в ряды чешско-словацких частей Российской Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Это будет самым достойным и самым лучшим ответом на действия тех заблудившихся наших земляков, которые в настоящую минуту играют своим мятежом на руку мировому капитализму и империализму.

Товарищи! Зовем вас к работе, к трудной

и ответственной работе! Но мы твердо верим, что вместе с пролетариатом всех народов приведем эту борьбу к полной и окончательной победе. Все за работу!

Долой чешско-словацких белогвардейцев и изменников трудового народа!

Долой чешско-словацкую буржуазию!

Да здравствует правительство рабочих и крестьян!

Да здравствует международная социальная революция!

Москва, 11 июня 1918 г.

Центральный комитет Чешско-словацкой коммунистической партии в России

Председатель А. Муна

Секретарь Е. Гандлирж

ЦПА ИМЛ, ф. 17, оп. 1, д. 97, л. 18—19.

№ 6.

1 августа 1918 г. Петроград. Из обращения финской коммунистической газеты «Вапаус»¹.

Для защиты социалистического Отечества создается регулярная Красная Армия. В ее состав уже вошли латышские стрелки, немцы, австрийцы, венгры, эстонцы, беломорские и олоецкие карелы и ингерманландцы. Финские рабочие тоже должны вступать в ее ряды. Сейчас такое время, что каждый должен защищать завоевания Великой Октябрьской социалистической революции. Финский рабочий одновременно будет защищать и интересы своей родины, вступив в ряды Красной Армии. Там, где нет возможности создавать финские национальные войсковые части, вступайте в другие национальные части, например в ряды латышских стрелков.

«Вапаус», I.VIII.1918

№ 7.

Ноябрь 1918 г. Благовещенск. Из предсмертного письма венгерского интернационалиста, расстрелянного белогвардейцами.

Военно-полевому суду в Благовещенске от бывшего офицера австро-венгерской армии Л. Лискаш.

Господа!

Вы нашли предлог, чтобы приговорить меня к смерти через расстрел, не ожидая окончания предварительного расследования. Хотя такого рода конец для солдатского сердца самый желательный, я возбудил протест перед комиссией предварительного расследования сразу же после вынесения мне приговора.



И. Дическу-Дик.

Почему? Не потому, что я возмущен вашим «неюридическим» делопроизводством. Я очень хорошо знаю, что вы все принадлежите к разряду палачей, что убийство является вашей специфической социальной функцией и юридическая процедура совсем не соответствует вашим желаниям и деяниям. Но, как солдат, как бывший офицер, я хочу высказать вам, которые служат и носят звание офицера, мое последнее мнение. Отсюда мое стремление по-

¹ «Вапаус» («Правда») — финская коммунистическая газета, выходившая в Петрограде с 25 мая 1918 г.



Ф. Мизиано.

лучить короткую отсрочку. Как я уже говорил, я бывший офицер, то есть офицер австро-венгерской армии, и в качестве такового после двухлетней полевой службы, после двухлетнего пребывания в компании вам подобных говорю теперь.

Весной этого года я бежал из лагеря, пребывание в котором было весьма неприятным, и, пользуясь сепаратным миром, заключенным между РСФСР и центральными державами, хотел скорейшим образом попасть на родину. Мое путешествие на запад не увенчалось успехом. Фронт, возникший в результате предательства чехословацких солдат, стал непреодолимой преградой. Короче говоря, за

Иркутском я попал в руки интернационалистов, которые задержали меня как офицера и как предполагаемого шпиона заперли на замок.

Случилось так, что охранять меня поставили тех людей, которые в свое время на фронте находились под моим командованием и вместе со мной попали в плен. Из опыта других я уже знал, как эти люди, и, конечно, не без оснований, ненавидят офицеров, и поэтому не ожидал ничего хорошего. Но произошло обратное.

Мое представление об интернационалистах как о «банде грабителей» — типичное мнение офицера — исчезло. Я видел перед собой людей, которые проникнуты сознанием справедливости и гуманизма в гораздо большей степени, чем все генеральные штабы и офицеры земного шара, вместе взятые. Вы, господа, как раз и являетесь ярким доказательством правильности этого утверждения.

Не буду долго рассказывать. Короче говоря, за этим моим открытием последовало другое (после подробных бесед с командой моих стражей), что эти люди являются сознательными борцами за новый мир, лучший порядок на земле, что социализм далеко не то, что думает о нем средний офицер.

Думать, что теперь я смогу снова стать прежним, являлось бы бесполезным заблуждением. Вы даже не понимаете, вы не способны понять, что завтра над вами, как над эмниками капитализма, нависнет смертельная опасность.

Итак, самый кратчайший путь вел теперь на фронт вместе с моей командой, которая за меня поручилась. Ведь на фронте была большая нужда в обученных военному делу и преданных командирах.

Во время этого этапа моей жизни я не заслужил ни одного упрека. Никогда раньше не сражался я так охотно, как вместе с этими людьми. Теперь, будучи солдатом, я испытал двойное наслаждение. Теперь, первый раз в жизни, я действительно знал, за что я борюсь, и армия, в рядах которой я сражался, тоже понимала это, до единого человека.

К сожалению, нам не повезло. «Военное счастье нам не улыбнулось» — как принято говорить...

Теперь самая суть. В вашем обвинении и в вашем обосновании приговора говорится, что я, согласно таким-то и таким-то параграфам царского кодекса, являюсь «шпионом германского генерального штаба и должен быть расстрелян». Ну, господа, как говорят венцы, «это уже слишком».

То, в чем вы меня обвиняете в обосновании вашего возмутительного убийства, используя для этого подлую демагогию, достаточно доказывает, что вы относитесь не к деморализованным элементам, а к самым утонченным палачам мира. Как смеете вы называться офицерами! Ведь вы не достойны этого звания, и новое общество устранил вас, как опасный пережиток старого порядка.

Это единственный пункт, против которого я протестую самым энергичным образом. Заметьте, господа, я протестую не против моей казни, не против смертного приговора, а против бессмысленного утверждения, что я агент германского генерального штаба — той клики продажных наемников буржуазии, ради уничтожения которых я, к сожалению, сделал все-таки очень мало, но для чего я отдал бы десять жизней, если бы было возможно.

Это, собственно говоря, главная причина моего послания к вам — все другое не имеет значения. Итак, я совершенно готов последовать за вашими холопами-палачами в любую минуту.

Я умираю убежденным и спокойным и желаю вам, господа, скорейшим образом пережить то же.

Л. Лиска и.

Центральный государственный архив Советской Армии, ф. 28361, д. 450, лл. 195—222.

№ 8.

26 декабря 1918 г. Москва. Письмо Англо-американской группы РКП(б) В. И. Ленину

Уважаемый тов. ЛЕНИН!

При сем препровождаем официальное объявление об основании Англо-американской группы коммунистов в России, членов РКП(б). Обращаем Ваше внимание, что мы готовы информировать Россию относительно английского и американского рабочего движения, что касается организации военнопленных, говорящих по-английски, мы обращаемся к Вам с просьбой способствовать нам концентрировать таковых в Москве с целью предоставить нам возможность пропагандировать их.

Просим оказать нашей группе содействие в ее деятельности.

За Исполнит(ельный) комитет Англо-американской группы

Предс(едатель) И. И. Файнберг

Секр(етарь) С. Ю. Рутгерс

Русский секр(етарь) Житомирский.

«Объявление

Настоящим извещаем об образовании Ан

гло-американской группы коммунистов России, наметившей себе следующую задачу:

Вести устную и печатную пропаганду среди британских и американских рабочих в России и за границей, осведомлять и организовывать британских и американских военнопленных и информировать партию коммунистов о рабочем движении в Англии и Америке.

Предс(едатель) группы избран И. Файнберг.

Секретарем — С. Ю. Рутгерс.

Только члены РКП(б) могут быть членами вышеназванной группы. Все московские, как и провинциальные товарищи, владеющие английским языком и желающие участвовать в работе группы, должны списаться с секретарем.

Убедительно просим дать все имеющиеся сведения об аналогичных группах, образованных в России, которым может понадобиться английская литература для пропаганды».

ЦПА ИМЛ, ф. 19, вр. оп., ед. хр. 186, лл. 1—2.

№ 9.

19 января 1919 г. Уфа. Из протокола митинга иностранной партии коммунистов (большевиков)

Тов. председатель Пейзнер дает слово т. секретарю Гашеку, который предлагает принять на митинге следующую резолюцию.

Мы, иностранцы, выслушав доклады ораторов всех национальностей, готовы защищать с оружием в руках революцию пролетариата и помогать Советской России отбить атаки иностранных империалистов и царских генералов и офицеров во главе с Колчаком, до конечной победы всемирной революции. Пусть гремит красная гроза, и пусть знают все империалисты и буржуазия, в кого угодит молния Интернационала, тот уже не встанет.

Резолюция принимается с аплодисментов единогласно.

ЦПА, ИМЛ, ф. 549, оп. 1, д. 75, л. 57.

№ 10.

15 августа 1920 г. Ташкент. Из письма красноармейца, опубликованного в газете «Црвени барьяк»¹.

До нас дошли официальные известия из Югославии. Оказывается, наша буржуазия в

¹ «Црвена барьяк» («Красное знамя») — югославская коммунистическая газета, выходившая в Ташкенте в мае — ноябре 1920 г. на сербскохорватском и словенском языках.

ужасе перед югославянскими рабочими и крестьянами, находящимися в России. Она заявляет, что в России нет югославян, которыми следовало бы интересоваться, что ее не касаются «сыновья Ленина».

Ну что ж, мы, рабочие и крестьяне Югославии, можем только гордиться тем, что нас называют сыновьями великого пролетарского вождя, перед кем дрожит вся мировая буржуазия и который ведет рабочих к освобождению от ярма капитала. Поэтому, когда угнетатели и кровопийцы называют нас «сыновьями Ленина», мы гордо восклицаем: «Да здравствует наш отец, отец всех угнетенных и притесненных, великий вождь мировой революции товарищ Ленин!»

Один из сыновей.

Опубликовано в кн.: «Дело трудящихся всего мира». М., 1956, стр. 99.

Их немного — приведенных здесь документов. Да и место любого из них могли бы с равным основанием занять другие письма, резолюции, обращения. Можно было бы привести и удостоверения тех, кто в обстановке разгоравшейся гражданской войны помогал рабочим России устанавливать Советскую власть.

Так, в документе, выданном Московским военным округом венгерскому революционеру, ставшему в 1919 г. одним из руководителей Венгерской Советской республики, Тибору Самуэли, говорилось о том, что ему поручается организовывать интернациональные полки из всех стоящих на платформе Советской власти. «Всем военным комиссариа-

там предлагалось оказывать тов. Самуэли всяческое содействие».

Бела Кун, бывший в апреле 1917 г. военнопленным офицером и находившийся в Томске, обращался к местному комитету РСДРП.

«Товарищи!

Как член Венгерской социал-демократической партии и как боец пролетариата, которого обстоятельства забросили в Томск, поздравляю вас и вместе с вами победоносную русскую социал-демократию, поздравляю во имя международной солидарности пролетариата.

С радостью и завистью смотрю я на великие и удивительные достижения революции и страстно жду того дня, когда мы сообща будем продолжать наше общее дело — освобождение пролетариев всех стран, когда социал-демократия, выполняя историческую миссию всего современного пролетариата, осуществит великое дело всемирного освобождения...»

Группа австрийских и германских военнопленных призвала солдат австро-венгерской и германской армий следовать пролетариату России.

«Русский пролетариат сделал важное дело — взял власть в свои руки, и вы должны поднять знамя восстания против ига капиталистов в своей стране... Организуйте Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, передайте власть в их руки. Организуйте полковые, ротные, фабричные и заводские комитеты, постройте новую жизнь, возвысьте голос протеста против братоубийственной войны.

Россия добилась власти народной. Последуйте ее примеру! Подымайте знамя борьбы и помните, что освобождение рабочих есть дело самих рабочих».

Как приведенные здесь, так и многие другие документы говорят о замечательном союзе революционеров различных наций, сложившемся в России в годы революции.

Казань 27 июня 1918.

Примите мои искренние соболезнования.

Я думаю, что свидание это состоится 30, но лучше все же
 узнать, как в этот час.

В ночь на 25 июня произошли расстрелы близкой рабочей
 группы Турин.

В субботу он уехал в Москву в г. Займище, а
 в воскресенье в 10 часов утра в
 котором он не поехал в
 Самаркандской Коммуны
 для расквартирования
 как на подходе в
 него свидания в, что
 будет вам дорого. То при
 женой и семье в. проф. Ву. Корнелов везет в
 Восток а раньше прокатился по дороге. На субботу турин
 турин Турин, он уезжает с собой семью и
 у берега пошел к Дону. Наступила ночь. Когда они
 находились к шестому, что находились близу деревни и отпе-



Г. Олькеницкий.

Гирш Шмулевич Олькеницкий в 1915 г. вступил в партию большевиков. Летом 1916 г. жандармское управление Казани сообщало, что студенты Гирш Олькеницкий и Казимир Шнуровский уехали в Уфу и распространяли Циммервальдский манифест среди рабочих. Вскоре Г. Олькеницкий был арестован, исключен из университета и выслан под гласный надзор полиции в Казань.

После Февральской революции он сразу же включился в партийную работу. 26 марта он был избран членом Казанского Комитета РСДРП(б), а через некоторое время стал одним из редакторов газеты «Рабочий».

В дни Октябрьского восстания Г. Олькеницкий выполнял обязанности секретаря Казанского комитета партии. Утром 26 октября вместе с К. Шнуровским написал Обращение к населению города о переходе власти Советам.

В декабре 1917 г., оставаясь секретарем губ-

М. И. Ионенко
Смерть коммуниста

кома, Ольеницкий в то же время возглавил революционно-следственную комиссию, выполнявшую до июля 1918 г. функции губернской ЧК.

Летом 1918 г., когда в Поволжье шли тяжелые бои с белочехами и вооруженным иудачеством, враги организовали злодейское убийство Г. Ш. Ольеницкого. Произошло это 23 июня около деревни Займище под Казанью. Следствие установило политический характер убийства, совершенного с целью обезглавить революционно-следственную комиссию Казанского Совета накануне вторжения в пределы губернии белогвардейцев и белочехов. Ниже мы публикуем письмо К. Шнуровского сестре Г. Ольеницкого, рассказывающее об обстоятельствах его гибели.

Казань, 27 июня 1918 г.

Приготовьтесь узнать страшную весть. Я мучусь, что сообщить это должен я, но здесь больше никого, кто бы знал Вас.

В ночь на 23 июня злодейски расстрелян бандой разбойников Гирш.

В субботу он уехал на дачу к Шейнкману в д. Заимище, чтобы отдохнуть воскресенье от той каторжной работы, которую он нес последнее время, состоя членом чрезвычайной следственной комиссии по борьбе с контрреволюцией, и вел расследование раскрытого заговора против Советской власти. Как ни тяжело все это писать, но я чувствую себя обязанным сообщить все, что знаю, ибо думаю, что всякая подробность будет Вам дорога. По приезде на дачу Гирш, Шейнкман с женой и член губ. прод. упр. Коршунов вечером прошли к Волге и решили прокатиться на лодке. На обратном пути Гирш, все чувствовали себя очень хорошо и, оставив лодку у берега, пошли к даче. Наступила ночь. Когда они стали подходить к мостику, что находится вблизи деревни, и спустились к нему с горы, то заметили, что к ним навстречу поднимаются пятеро людей. Коршунов шел впереди и подумал, что это местные крестьяне, и даже спросил их дорогу, но они молча приближались. Подошедши вплотную, неизвестные окружили всех и, приставив им к вискам револьверы, скомандовали: «Руки вверх!» Хотя у Шейнкмана был револьвер, а у Коршунова даже два, но они были так неожиданно застигнуты, что не успели их вынуть и тут же были обезоружены. У Гриши, по словам Коршунова, оружия не было.

Обобравши карманы, грабители повели всех в деревню и, назвав их советскими людьми, причем показали какое-то удостоверение, содержание которого осталось неизвестным, сказали, что они будут производить у арестованных обыск с целью обнаружения золота,

которое якобы разобрали большевики. Затем приступили к обыскам. И хотя было ясно, что это преступники, хотя все это происходило на глазах у крестьян, но на их помощь рассчитывать было нельзя, ибо они были заранее спровоцированы, а некоторые являлись соучастниками, что теперь точно установлено. Разбойники разыгрывали роль представителей Совета, причем трое из них были в форме матросов. Они потребовали, чтобы при обыске присутствовали понятые от крестьян, что последними и было исполнено. При обыске отобрали у Коршунова 100 000 р. казенных денег, взяли все ценное и всех четверых арестованных повели обратно к Волге, заявив, что их везут в город. Арестованные были уверены, что их расстреляют, но ничего не могли сделать и вынуждены были идти. Отведя их на некоторое расстояние от деревни, грабители предложили Коршунову уйти, заявив, что он свободен. Затем остальных повели дальше, но скоро остановились молча. Один из разбойников стал заходить к Шейнкману сзади, с целью, видимо, его застрелить. Он сказал разбойникам, что если они не трусы, то пусть стреляют в грудь, а не в спину. В это время его жена встала между матросом и мужем и защитила его. Затем они стали друг с другом прощаться, Гриша все время стоял молча.

Когда Шейнкман уже попрощался с женой и приготовился к смерти, ему вдруг предложили уходить. Будучи уверен, что это лишь маневр и что его расстреляют, как только он повернется спиной, он еще раз предложил им не издеваться, а скорее кончать свое гнусное дело. Но после вторичного предложения удалиться ушел и, завернув за деревья, побежал. Гирш был оставлен один.

Отбежавши сажен 20, Шейнкман услышал сзади себя один за другим три выстрела и понял, что это расстреляли Гришу.

Крестьяне не дали даже лошади, чтобы поехать в город за помощью. Я о совершившемся узнал на другой день, в воскресенье утром, от спасшегося Коршунова, который пришел и все рассказал. На место немедленно была выслана уголовная милиция и автомобили.

До вечера у нас еще теплилась надежда, что, быть может, Гриша еще жив и выстрелы были сигналами.

Но вечером вернулся автомобиль и привез труп.

Была брошена на розыски вся судебно-уголовная милиция — лучшие агенты. Удалось напасть на след, и через день двое из убийц

были арестованы и сознались, выдавши остальных трех. Но их до сих пор задержать не удалось, так как хотя и установлено село, где они скрываются, но крестьяне этого села арестовали двух наших инспекторов, посланных туда, и не выдали преступников. Вчера ночью я послал туда отряд с двумя пулеметами на автомобилях, но боюсь, что разбойники уже скрылись. Те двое, что арестованы, будут на днях, безусловно, расстреляны.

Причина того, что убили одного Гришу, вероятно, та, что он знал одного из убийц в лицо, имея с ним раньше дело, когда работал в следственной комиссии.

Похороны состоялись вчера, то есть 26, в 4 часа дня. Тело находилось в университете, но вскрытия не было. Одновременно хоронили останки семерых товарищей, членов следственной комиссии, сожженных монахами Раифского монастыря, когда те приехали арестовать видного белогвардейца, скрывшегося в монастыре.

Гроб Гриши утонул в живых цветах и венках. Процессию сопровождала тысячная толпа рабочих, работниц, войск, членов Совета, с оркестром музыки, с массой траурных флагов. После прощальных залпов гроб был опущен в общую с сожженными могилу. Говорились прощальные речи.

Похоронен Гриша в крепости, в саду против дворца быв. губернатора.

Вот все более существенное. Писать тяжело. Утешать не буду — это было бы оскорблением.

Нет слов выразить весь ужас происшедшего.

Если можете — утешьте старушку мать, приготовьте ее к горю. Ей труднее всех.

Телеграфом сообщить не мог, так как в Уфу не принимают.

Утешиться нельзя, нужно примириться. У всех нас дни сочтены, и всех ждет судьба Гриши. Такова жизнь революционера.

Охотно сделаю все — пишете с попутчиками. Впрочем, положение непрочное, и не уверен, получите ли это письмо.

Ю. А. Писарев

Недошедшие письма

Трагедия русских солдат
на Салоникском фронте

Работая в архиве Военно-исторического института Югославской народной армии в Белграде, я случайно натолкнулся на обрывок письма одного из солдат Особой русской дивизии на Салоникском фронте с просьбой освободить его из неволи и отправить домой, на родину.

Письмо, написанное простым солдатом, было полно негодования по поводу грубого произвола командования и безысходной тоски по своему маленькому крестьянскому хозяйству, оставленному им в далекой Сибири.

На письмо не было ни адреса, ни даты, ни указания на то, откуда и кем оно послано. Документ находился в исключительно плохом состоянии: чернила выцвели, а на бумаге остались следы воды — огромные желтоватые разводы, мешающие прочитать многие слова; часть букв вообще была смыта.

Как попала вода на этот документ? Почему письмо русского солдата хранится в архиве Югославской народной армии? Какова судьба автора письма и десятков тысяч других русских солдат, брошенных войной на Балканский полуостров? Удалось ли им вернуться на родную землю или их прах остался в горах Македонии? Эти вопросы заставили меня начать поиски других документов. Мне удалось ознакомиться с рядом югославских архивов, отыскать оставшихся в живых участников событий — бывших воинов Особой русской дивизии на Балканах, а также местных жителей Македонии, сохранивших воспоминания о боях на Салоникском фронте.

Изучение документов позволило установить одну интересную деталь: почти все солдатские письма носили на себе следы длительного пребывания в воде, как будто кто-то намерен-

Эти фотографии сняты солдатом 2-го инженерного батальона С. И. Артемьевым, находившимся на Салоникском фронте с сентября 1917 года.

В 1918 году Артемьев вместе с другими солдатами, отказавшимися от дальнейшего участия в империалистической войне, был отправлен на принудительные работы в Африку. В 1920 году ему удалось вернуться на родину. Став геологом, он участвовал в ряде экспедиций, жил и работал в Москве. В 1941 году добровольцем ушел в ополчение и погиб в боях под Москвой.

Фотографии получены нами из собрания другого участника событий, А. Н. Ковалева. Он был солдатом Экспедиционного корпуса во Франции, а затем попал на Балканы, где и находился в 1917—1919 годах.

1918 год. Македония, район города Веррия. Солдаты 2-го инженерного батальона направляются на собрание по поводу приказа о расформировании русских полков.

Французские колониальные солдаты производят обыск вещевых мешков русских солдат, отбирая все наиболее ценные вещи.

Французские кавалеристы-зуавы, окружающие лагерь русских солдат. Справа — сербы, местные жители. Они приносили русским хлеб, брынзу, воду.

Общий вид палаточного лагеря русских в районе города Веррия.

1918 год. Балканы, район озера Преспа. Русские солдаты на одном из биваков в походе перед отправлением в лагерь.

Район озера Преспа. Русские солдаты и местные жители-македонцы, приносившие хлеб и воду.



но держал их во влажной атмосфере. Чтение одного полицейского донесения раскрыло секрет. В нем говорилось: «Наш пост на Черной реке захватил два письма русских солдат, адресованных в Россию. Письма были запакнованы в бутылках и пущены в воду, чтобы их переправить в Россию»¹.

Оказывается, письма отправлялись по воде! Русские солдаты, лишённые других способов почтовой связи, использовали протекшую близ их лагерей Черную речку и бросали в неё письма, помещённые в бутылки. Они надеялись, что течение принесет их послания к болгарам или сербам, которые отправят их дальше в Россию. Солдаты не знали, однако, одного: французская полиция установила пост для перехвата писем на Черной реке, оборудовав его специальными сетями.

Русские войска прибыли на Салоникский фронт поздней осенью 1916 года и в течение 18 месяцев участвовали в военных операциях. Они были присланы из России для оказания помощи армиям Антанты на основе соглашения, заключённого в ноябре 1915 года русской Ставкой и председателем Военной комиссии французского сената Полем Думером.

Соглашение представляло собой позорную сделку царизма с Антантой: Россия отправляла на Салоникский фронт и во Францию солдат, Антанта взамен посылала России оружие.

Для Салоникского фронта были сформированы две бригады, объединившиеся позже в Осо-

¹ Архив Военно-Исторического института (в дальнейшем АВИИ), п. 3, к. 22, № 2.



бую русскую дивизию с общей численностью около 15 тысяч человек. Дивизия получила более 20 тысяч человек пополнения, в результате чего общая численность русских войск, находившихся на Балканах, превышала 30 тысяч человек. Половина солдат погибла в боях или стала инвалидами¹.

После Февральской и особенно Октябрьской революций в России в дивизии развернулось революционное движение, а когда Советская Россия вступила в конце 1917 года в мирные переговоры с Центральной коалицией в Брест-Литовске, русские войска вообще отказались от дальнейшего участия в войне и потребовали возвращения на родину.

В ответ на это командование Салоникского фронта приняло решение о расформировании русских войск. Обманув солдат обещанием

отпустить их домой, оно осуществило разоружение Особой русской дивизии, что было грубым нарушением статуса русских войск, обязанных подчиняться в вопросах формирования только Верховному командованию России.

Расформированию русских войск предшествовал незаконный роспуск командованием Салоникского фронта революционных солдатских комитетов и других выборных организаций, созданных в Особой русской дивизии в начале 1917 года. Державы Антанты в это время еще не порвали дипломатических отношений с Рос-

¹ Центральный Государственный Военно-Исторический архив (в дальнейшем ЦГВИА), ф. 2003, оп. 1, д. 1195, л. 210, 215).



сией и, следовательно, не имели даже формального права распускать выборные органы русских войск, признававших Советское правительство.

Безоружные русские солдаты были окружены усиленными отрядами французских колониальных войск и поставлены перед необходимостью выбора: участие в войне или каторжные работы.

Несмотря на давление и угрозы, абсолютное большинство солдат высказалось против войны. Из 15 275 солдат и офицеров, участвовавших в опросе, в армию Антанты согласились отправиться только 642 человека, главным образом офицеров, все остальные потребовали возвращения на родину¹.

Командование Салоникского фронта жестоко расправилось с непокорными солдатами:

4268 человек были сосланы на каторгу в Африку, 10 тысяч человек отправлены на принудительные работы в прифронтовой полосе². Было создано 10 трудовых лагерей: 8 — под начальством французских офицеров, 2 — под начальством англичан³.

О жизни в этих лагерях и рассказывают солдатские письма, найденные в югославских архивах.

В одном из писем говорилось: «Состояние



¹ АВВИ, п. 3, к. 22, № 3.

² Ю. Н. Д а н и л о в, Русские отряды на Французском и Македонском фронтах. Париж, 1933, стр. 218—219.

³ «Октябрь за рубежом». М., 1924, стр. 64—71.



наше самое критическое и безысходное. Мы каждый день ожидаем, что достигнет какая-нибудь весть из России, которая нас освободит от этого буржуазного ига, но из России вот уже 4 месяца, как мы ничего не получили и ничего не знаем. И потому, дорогие родители, если получите это письмо, которое вам посылаю рекой, текущей через фронт в Болгарию, я вас прошу передать содержание этого письма русскому правительству, которое существует в Петрограде. Попросите, не могло бы оно что-нибудь предпринять в отношении нашего безысходного положения¹.

А вот другое письмо: «Мы надеемся, что вам уже известно, что мы здесь страдаем. Почему? Потому что нас продала за золото французским (империалистам) группа людей из буржуазии — генералы Тарановский и Занкевич².

Эта группа шкурников наслаждается, а тысячи из нас погибли. Нас мортят голодом. Наши комитеты арестованы и отправлены в Африку, и, по слухам, эти комитеты, в которых было около 1000 человек, потоплены в море. Зачем французы все это делают? Для того, чтобы мы отправились защищать Париж, а вместе с тем и нашу буржуазию в лице Занкевича и Тарановского. От нас не принимают никаких

¹ АВИИ, п. 3, к. 196, № 2. Письмо без адреса и без даты. Его текст, так же как и тексты других писем, публикуется без изменений.

² Царские генералы: Тарановский — командир расформированной Особой русской дивизии; Занкевич — представитель русской Ставки во Франции.



писем, а также из России мы не получаем писем»¹.

Не все документы были безымянными. Так, солдат П. М. Базаев рассказывал о расформировании Особой русской дивизии, об обстоятельствах опроса, во время которого солдат пытались обмануть заявлениями о том, что в случае возвращения русских войск в Советскую Россию их ожидают репрессии. Базаев писал и о настроении солдат, стремящихся, несмотря на все провокации и преграды, вернуться на родину².

О том, как поступило командование Восточной армии Антанты с непокорными русскими солдатами, рассказывает третье письмо, подписанное инициалами «ЕАМ». Приводим его полностью.

«Здравствуйте, многоуважаемый брат Васи-

лий Алексеевич и супруга ваша Прасковья Алексеевна, а также дети ваши Катя и Зоя! Примите поздравления от меня, Егора Алексеева и наилучшие пожелания. Дорогой брат, никто из вас и не знает, в каком страшном положении мы находимся и какие муки переносим со стороны французских офицеров, которые нас в союзе с нашими офицерами всечески притесняют. Мы голодаем и терпим все, нас избивают и даже убивают и принуждают нас работать под стражей. Нам предложили и нас разделили на три категории: 1, 2 и 3-ю.



¹ АВИИ, п. 3, к. 22, № 2.

² См. «Исторические записки», т. 79. М., 1966, стр. 134—135.



В первую категорию включили тех, кто хочет воевать заодно с французами, во вторую — кто будет добровольно работать, а в третью — кто хочет вернуться в Россию. Большинство не хотело ни воевать, ни работать, а вернуться ся домой. Тогда нам сообщили, что те, кто не хочет работать, получают только половину порции хлеба. Но мы не поддались на это. Тогда они приняли самые суровые меры вплоть до расстрела и силой заставляли нас работать за 25 сантимов в день, что составляет наших 10 копеек. Напишу вам это письмо, помещу его в бутылку и потом брошу в реку. Брат, пропадем мы здесь, и положение наше хуже, чем у военнопленных. Не позволяйте нам разговаривать ни с сербами, ни с болгарами, ни с итальянцами. Негры (колониальные войска. — Ю. П.) с ружьями постоянно находятся около нас. Если получите это письмо — попытайтесь что-нибудь сделать для нас, потому что мы сами ничего не можем учинить, так как если мы хоть слово скажем, стражники начинают нас бить прикладами до полусмерти. У многих от их ударов выбиты зубы, переломаны руки и ноги — все по указаниям французских и русских офицеров.

До свидания, с богом, ваш брат ЕАМ»¹.

В письме, подписанном «Же. Ад. Сг. В» и отправленном 1 апреля 1918 года, дается классовая оценка войне.

«Беру карандаш в руки, чтобы описать нашу судьбу, судьбу русской армии во Франции и того отряда на Македонском фронте, который проливал свою кровь и много людей положил в сырую землю по всем горам Македонии за неизвестные нам цели и интересы. Почему мы воевали? За что боролись и проливали свою кровь? Кого мы защищали? Свое отечество? Нет! Может быть, сербов и югославян? Тоже нет! Македонию и Албанию? Опять нет. Эти высокие горы нашей матери России не нужны. В России предостаточно своих гор и равнин.

Русские солдаты по всем местам земного шара проливали свою кровь за проклятого Николая II, бывшего царя.

Так, 2-я дивизия по полгода стояла на позиции без смены. Потребовали мы смену, нас сменили французы 24 декабря 1917 года. Только что сменили и тут же разоружили. Около 10 дней жили стихийно, а затем нам предложили разделиться на 3 категории: 1) борцов, 2) рабочих и 3) кто хочет домой. Это был, однако, предлог. Нас начали морить голодом. 20 дней давали нам по четвертушке хлеба, а затем стали силой прогонять на работы. Мы сопротивлялись и не хотели идти, но

они нас избивали прикладами, а многих расстреляли.

На работах мы чинили дороги... Наши душегубы нам заявили: сегодня вы наши пленные и что хотим, то и сделаем с вами. И вот мы и работаем с 6 часов утра до 6 часов вечера...

Вот такая-то наша судьба, и мы не знаем, кто нас освободит от проклятых французов. Нам неизвестно точно, что происходит в России. Они (офицеры армий Антанты. — Ю. П.) говорят нам, что Россия покорена и в ней владеет Вильгельм, а мы слышали, что в России — Ленин. Он должен постоять за нас.

Кто получит это письмо, попросите своих друзей, чтобы отправил его на Родину, в свободную Россию, а вы, женщины, попросите об этом своих мужей. Друзья! Прошу вас, в чьи руки попадет это письмо, очень прошу, срочно послать его по адресу, который стоит на конверте.

А сегодня до свидания. Остаюсь жив и здоров Же. Ад. Сг. В»².

Дополнениями к письмам служат воспоминания бывших участников этой трагической эпопеи, по счастливой случайности сохранивших свою жизнь

Так, солдат 2-й роты 8-го полка Особой русской дивизии Иван Рыжов рассказывает: «Полтора месяца — с января по середине февраля 1917 г. — простояли мы на македонском кладбище одной деревни, в палатках, по колению в грязи, окруженные проволочными заграждениями. Вокруг лагеря установили сенегалов (колониальные войска. — Ю. П.) на расстоянии 2-х саженей друг от друга. Дров совершенно не давали. Суточная порция пищи была буханка хлеба весом в 2,5 фунта на 12—13 человек. Чтобы совершенно не умерли, через каждые 4 дня выдавали консервы — фунтовую банку на 30—40 человек и немного воды. Все равно обреченные на смерть, некоторые товарищи в темную ночь прокрадывались ползком через цепи часовых, заходили в деревню к македонцам, которые с большим участием относились к русским, давая им хлеб»³.

О хорошем отношении македонского, сербского и болгарского населения и солдат серб-

¹ АВИИ, п. 3, к. 196, № 2 (Письмо адресовано в Орловскую губернию, Дмитровский округ, почтовое отделение Суислово, Вербская община).

² Там же, к. 23, № 1 (Письмо адресовано С. Пузыреву, Черниговская губ., Билицкий уезд, село Малая (далее неразборчиво)).

³ «Октябрь за рубежом». М., 1924, стр. 61.

ской армии к русским солдатам свидетельствует ряд документов.

В донесении начальника службы безопасности при Верховном командовании сербской армии Оперативному отделу штаба Верховного командования от 17 апреля 1918 года сообщалось: «Сегодня в беседе, которую я имел с начальником французской полиции и его заместителем, мне сообщили, что у них имеются данные, что наши солдаты оказывают помощь русским солдатам в побеге, и не только их не прогоняют, но даже помогают деньгами, вследствие чего около 600 русских успело бежать из лагеря в селе Петели¹.

В Оперативном дневнике Оперативного отдела штаба за 15 апреля 1918 года зафиксировано следующее донесение начальника полицейского поста в Острове: «...По имеющимся сведениям, наши (сербские солдаты. — Ю. П.) помогают русским бежать и в разговорах советуют бежать на фронт к нашим войскам, где они будут приняты в нашу армию. Русские поступают согласно этим советам².

В сообщении Оперативного отделения Верховного командования сербской армии от 15/IV 1918 года отмечалось бегство 25 русских солдат из лагерей в Ослоне, Карасули, Вардаре, Веррии и Вертекопе. Все они были радушно приняты местным населением³. В документе особо отмечалось содействие населения русским солдатам в селах Драгоманцы, Калиници, Почепа и Тресини, где крестьяне не только отказались выдать беженцев карательным отрядам, но и снабдили их на дорогу продовольствием и одеждой⁴.

Имели место случаи хорошего отношения к русским солдатам и со стороны французских солдат, охранявших лагеря с интернированными русскими войсками. В заявлении группы русских солдат 8-й роты «бис», опубликованном французской газетой «L'Independend» от 22 июня 1918 года, говорилось: «Радостно и тепло становится на душе, когда тайком от офицеров, сквозь проволоку или дверь просылалась руна с хлебом или когда часовой на посту, заметивший убежавших, отворачивался в сторону, чтобы не видеть»⁵.

Русские солдаты, бежавшие из трудовых лагерей, вступали в сербскую армию или пробивались через Болгарию и Австро-Венгрию в Россию. Они несли с собой революционные идеи. Вот что сообщало по этому поводу Верховное командование сербской армии командующему Салоникским фронтом генералу Гюйма: «Необходимо обратить внимание на то, что частое бегство русских солдат и их постоянный контакт с сербскими солдатами

может иметь самые плачевные последствия. Прежде всего существует опасность, что они внесут в наши войска разрушительные идеи русской революции, тем более что из-за близости языков сербские и русские солдаты могут легко понимать друг друга»⁶.

Другой документ Верховного командования сербской армии отмечал: «Появление в сербских войсках бежавших от французов русских представляет серьезную опасность для морали наших войск, особенно потому, что наш народ всегда относится с большой симпатией и расположением к русским»⁷.

Русские солдаты-беженцы находили поддержку не только у бывших союзников-сербов, но и у своих бывших противников — болгар. «...Болгары нас (сербов. — Ю. П.) и русских называют «братьями»⁸, — писал министр внутренних дел Верховному командованию сербской армии.

Командование Восточной армии Антанты на Балканах отдало строжайший приказ, запрещающий русским солдатам вступать в сербскую армию и обязывающий возвращать бежавших обратно в трудовые лагеря⁹. Жесткие репрессии ожидали всех тех, чей побег оказывался неудачным.

«Пытающихся бежать французы сажают в узкий ров, в котором нельзя ни сесть, ни лечь, — писали «Известия» 6 декабря 1918 года. — Больных также отправляют на работу. При малейшем возражении и неповиновении безжалостно расстреливают. В таких условиях работают наши четыре полка в течение двух лет, сдерживавшие натиск войск Центральной коалиции на Македонском фронте».

К концу войны более половины состава трудовых батальонов русских войск умерло от голода и болезней. От окончательной гибели русских на Салоникском фронте спасло Советское правительство, которое добилося возвращения их на родину.

¹ АВНИ, п. 3, к. 23, № 1.

² Там же.

³ Там же, к. 22, № 2.

⁴ Там же.

⁵ «Красный Архив», № 1 (44), 1931, стр. 160—161.

⁶ АВНИ, п. 23, к. 22, № 2.

⁷ Там же.

⁸ Там же, п. 3, к. 174, № 5.

⁹ Там же, п. 23, к. 22, № 2.

Ю. А. Ахапкин

Встреча в поезде

Эпизод из биографии Ленина

В воспоминаниях Н. К. Крупской о В. И. Ленине описывается одна случайная встреча с незнакомым офицером в поезде. Было это 3(16) апреля 1917 года в Финляндии, между станциями Выборг и Белоостров.

«Мимо нас прошел несколько раз бледный поручик и, когда мы с Ильичем перешли в соседний пустой вагон, подсел к нему и заговорил с ним. Поручик был оборонец, Ильич защищал свою точку зрения — был тоже ужасно бледен. Скоро набился полный вагон. Солдаты становились на лавки, чтобы слышать и видеть того, кто так понятно говорит против грабительской войны. И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица».

Только один абзац посвятила Крупская этой встрече, это все, что сохранила ее память. Больше всего ей запомнились бледные лица горячо споривших Ленина и офицера, внимательные и напряженные лица солдат.

С тех пор прошло пятьдесят лет, свидетелей этой встречи было много, но только одна Н. К. Крупская в 1930 году вспомнила о ней. Однако сегодня есть возможность дополнить этот факт новыми сведениями.

Среди документов переписки секретариата Председателя Совета Народных Комиссаров за 1918 год, хранящихся в Центральном партийном архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, есть черновой вариант письма управляющего делами СНК В. Д. Бонч-Бруевича, написанного им после доклада Ленину о письмах, полученных на его имя. Судя по пометкам, Бонч-Бруевич послал письмо в шесть центральных учреждений в Москве, в Петроградские трудовую коммуну и чрезвычайную комиссию:

«Препровождая при сем копию заявления Савицкого на Ваше распоряжение, при сем сообщаю, что Председатель Совета Народных Комиссаров лично не помнит названного Савицкого — вероятно, это была случайная встреча в поезде».

Тут же оказалось и письмо Савицкого от 19 октября 1918 года, в котором он следующим образом описывает встречу 3 (16) апреля 1917 года:

«Когда Вы ехали в Россию, я ехал с Вами от Выборга, я был тогда в казачьей форме, и мы с Вами вели разговор относительно коммун и помещиков. Я тогда же Вам сказал, что я сын помещика Петроградской губернии, и Вы еще шутя предлагали совместно организовать коммуну, на этом наш разговор прекратился, мы тогда подъезжали к Белоострову. Я как комендант пошел исполнять формальности по пропуску. Тогда же Вы сказали: работайте, молодой человек, а когда нужно будет, то зайдите поговорить, меня вы всегда найдете».

Итак, в какой-то степени случайно (я не ставил себе задачу искать новые сведения об этой встрече) найдены документы, которые дополняют воспоминания Крупской.

Основываясь на письме и воспоминаниях, можно предполагать, что в беседе затрагивались многие вопросы: и об отношении к войне, к земле и о помещиках, при этом, по видимому, Владимир Ильич настолько уверенно говорил о скорой победе социалистической революции, что пригласил Савицкого «совместно организовать коммуну».

Совершенно иначе теперь представляется полный вагон внимательно слушающих солдат, иначе звучат слова Надежды Константиновны: «И с каждой минутой росло их внимание, напряженнее делались их лица».

Известен стал и собеседник Ленина — комендант поезда поручик А. С. Савицкий. Беседа с Лениным повлияла на его дальнейшую судьбу: после Октябрьской революции он служил в советских учреждениях, был начальником 1-го округа пограничной охраны русско-финляндской границы, о чем свидетельствует копия удостоверения за подписью председателя Чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией при Петроградском Совете рабочих и красноармейских депутатов М. С. Урицкого от 16 августа 1918 года, приложенная к письму. К сожалению, дальнейшая судьба Савицкого не прослеживается по документам, но возможно, что со временем сведения эти будут также найдены.



Эпизод на станции Режица. С рисунка худ. В. В. Щеглова.

В. В. Фарсобин

Эпизод на станции Режица

Новые сведения о борьбе с войсками
Керенского на подступах к Петрограду
25 октября 1917 года

В бюллетене ЦК РСДРП(б) от 5 ноября 1917 года есть скупая фраза: «поставлены заставы на путях к Петербургу: Режица, Сокольники». Но фраза эта не раскрывает деталей. Не помогает узнать ход событий и мемориальная доска на здании железнодорожной станции Резекне (быв. Режица), сообщающая, что «31.X (12.XI) 1917 г. на этих путях революционный гарнизон Резекне разоружил броневой дивизион, посланный на подавление революции».

В условиях недостатка источников художники и историки стали дополнять события долей фантазии. Во втором томе «Истории гражданской войны в СССР» помещен рисунок

художника В. В. Щеглова, изображающий бой на станции Режи́ца: выстрелы из пистолетов, оцетинившиеся штаны и т. п.¹. На самом деле события выглядели иначе. Вот что рассказал нам делегат 2-го Всероссийского съезда Советов, председатель Режи́цкого уездного Совета в 1917 году, комиссар Петроградского Военно-революционного комитета, руководивший операциями по задержанию контрреволюционных войск в Режи́це, Павел Николаевич Солонко.

— Возвращаясь однажды из Пскова, — говорит Павел Николаевич, — я решил съехать в Двинск, чтобы навеститься в армейский комитет V армии: Эта поездка запомнилась на всю жизнь. Перед глазами и сейчас стоит нахальное, толстое, веснушчатое лицо, рыжая шевелюра казачьего офицера, ехавшего со мной в одном купе. Всю дорогу офицер спорил с пассажирами и бросался злыми словами:

— Большевики! Я бы всех их перерезал собственной рукой, чтобы не допустить революции.

Не вступая в спор, замечаю: — Не рано ли вы грозитесь, господин офицер?

В Двинске рыжий казак направился в отделение штаба, где располагалось контрреволюционное офицерство во главе с командующим армией генералом В. Г. Болдыревым, а я поспешил на расширенное заседание армейского комитета. Там происходили бурные споры о том, кому посылать помощь: петроградским рабочим и солдатам или Временному правительству. Большеви́стская фракция добивалась приостановки всякого движения воинских эшелонов на Петроград, но рекомендовала посылать революционные эшелоны в другие районы страны, где местные организации не в силах были установить советские формы власти. Спор долго не мог решиться голосованием ввиду равновесия сил. Но в итоге удалось договориться не посылать в Петроград ни революционных, ни контрреволюционных войск. Командование присоединилось к этому соглашению.

В Режи́цу возвратился поздно вечером — собрался отдохнуть, но заснуть не удалось. Раздался торопливый стук в дверь, и в комнату вбежал запыхавшийся посыльный из Совета:

— Товарищ председатель, на станцию прибыли своим ходом какие-то броневики. Сейчас они грузятся на платформы.

— Что за броневики? Куда они направляются? — Но посыльный лишь развел руками.

Через несколько минут я был уже в Совете. Но собравшиеся тут члены Совета и красногвардейцы тоже ничего не знали: от реакционно настроенных экипажей броневиков не так легко было что-либо выведать. Но вскоре все же удалось установить, что бронедивизион снят с фронта и направляется в Петроград. Их экипажи состоят из офицеров, переодетых в солдатские шинели.

Оказалось, генерал Болдырев, опасаясь, что погрузка броневиков в Двинске может быть сорвана армейским комитетом, приказал следовать им походным порядком до Режи́цы.

Когда красногвардейцы прибыли на станцию, бронемашин с закрытыми люками уже стояли на платформах. Не хватало лишь паровоза. Дорога была каждая минута.

Немедля красногвардейский отряд под командованием поручика Фролова оцепил эшелон. Наиболее отважные залезли под платформы. В депо было послано указание: «Затормозить подачу паровоза».

Томительно тянулось время. Не выдержавшие холода офицеры стали вылезать из броневиков; их без шума обезоруживали и вбд конвоем отправляли на станцию. Так без единого выстрела был обезоружен весь эшелон...

Арестованных препровождали в комнату, где происходил допрос, один из них показался мне знакомым.

...Ба! Так это же тот казачий офицер, который грозился перерезать всех большевиков. Напомнил его слова. Белогвардеец побледнел и стал молить о пощаде.

Задержанных, после обещания никогда не выступать против Советской власти, отпустили, а на броневики сели верные революции солдаты. Режи́цкий Совет от имени рабочих и солдат местного гарнизона послал Советскому правительству телеграмму, в которой докладывал о задержании броневиков, шедших «...на братоубийственную бойню».

Воспользовавшись паузой, спрашиваю Павла Николаевича Солонку, читал ли он в «Истории гражданской войны» о том, что в Режи́цу для захвата броневиков прибыл отряд, посланный армейским комитетом, в составе 30 человек, что этот отряд освободил и вооружил 150 солдат, арестованных за большеви́стскую

¹ История гражданской войны в СССР, т. 2. М., 1942, стр. 296.

агитацию. Известно также имя начальника отряда — Г. Миерин.

— Здесь какое-то недоразумение, — отвечает рассказчик. — Лично я никогда об отряде Г. Миерина не слышал. Может быть, такой отряд прибыл в Режицу в мое отсутствие или позже названных событий. Но вероятность всего, что прибывшие 30 человек смешались в общей массе солдат гарнизона и Красной гвардии и могли быть незамечены. Все же и в этом случае версия освобождения арестованных из тюрьмы неверна. В действительности в Режицкой тюрьме содержалось около 300 солдат и офицеров, отказавшихся идти в наступление в июне 1917 года. Но они были освобождены не отрядом Г. Миерина, а военным судом 37-го армейского корпуса, который состоялся в Режице 11—20 октября 1917 года¹.

Из Петрограда был прислан представитель ЦК РСДРП(б) видный юрист П. А. Красинов, возглавивший защиту подсудимых. На процессе выступал по просьбе арестованных и П. Н. Солонко. После освобождения арестованных из них был организован красногвардейский отряд. Режица, таким образом, не нуждалась в посторонней помощи².

— Не знали тогда красногвардейцы, что первая победа явится для них лишь своеобразной репетицией перед более серьезными событиями, — продолжал рассказчик.

Выполняя предписание контрреволюционной ставки, командование Северного фронта пыталось сломить сопротивление Режицкого гарнизона и Красной гвардии, послав войска на выручку задержанных в Режице броневиков. К тому времени через Режицу пытался просочиться эшелон с броневиками без экипажей. Его мы также задержали. Красногвардейцы несли обычную вахту по охране броневиков, когда внезапно налетели казацкие сотни... Лишь позднее стало известно, что за продвижением этих броневиков из Петроград пристально следил генерал Н. Н. Духонин. Он непрерывно запрашивал штаб Северного фронта: — Отправлены ли бронемашинны?

Генерал С. Г. Лукирский, начальник штаба фронта, отвечал:

— Броневики из состава V армии застрели в Режице. Послал на выручку им две сотни уссурийцев, добровольно согласившихся сопровождать броневики в Гатчину³.

Тогда руководители Режицкого Совета не знали об этом разговоре. Красногвардейцы, захваченные врасплох, были арестованы казаками. Броневики снова оказались в руках белых.

Совет объявил в городе тревогу. По ней были подняты на ноги 400—500 человек красногвардейцев и рабочих. Винтовок хватило на всех, а вот патронов — в обрез. Где их достать? Вдруг кто-то воскликнул:

— Товарищ комиссар! (К этому времени я уже был не только председателем местного Совета, но одновременно и представителем Петроградского ВРК.) В гостинице живет офицер, который держит в своем номере четыре ящика с патронами. Зачем они ему?

— Мы немедленно помчались в гостиницу. Вот и комната. Но на стук никто не ответил. Тогда красногвардейцы выбили оконную раму. В номере действительно нашли ящики с патронами. Вопрос с боеприпасами был решен. Приказав раздать патроны, я возвратился в Совет. И тут же схватился за телефонную трубку:

— Станция!

К телефону подошел казачий офицер.

— Говорит председатель Режицкого Совета. Я требую, чтобы старший офицер немедленно явился в Совет.

Последовал категорический отказ:

— Предупреждаю вас: мы никому не позволим хозяйничать на территории Совета. Дорога заминирована. Если только составы двинутся с места, путь будет взорван.

Пока велись эти переговоры, красногвардейцы со всех сторон окружили станцию. Время было выиграно. Звоню начальнику станции:

— Немедленно освободите станцию от служащих и пассажиров. Сейчас начнется бой с казаками.

В телефонной трубке раздался истерический крик:

— Спасайтесь, кто может!

Люди, находившиеся на вокзале, бросились врассыпную. Казаки побежали к вагонам.

¹ «Известия Режицкого Совета солдатских рабочих и крестьянских депутатов», № 163, 169, 170 за 17, 24, 25 октября 1917 г.

² Факты такого крупного суда и участие в нем представителя ЦК РСДРП(б) не отражены ни в исторических хрониках, ни в других книгах по истории Октября, а газета «Известия Режицкого Совета...», которая подтверждает воспоминания П. Н. Солонко, отсутствует даже в Библиотеке имени В. И. Ленина в Москве. Единственная неполная подшивка этой газеты хранится в библиотеке Академии наук СССР в Ленинграде.

³ «Красный архив», 1927, № 5, стр. 91—92; ЦГВИА, ф. 2031, оп. 1, д. 1552, лл. 21, 37.

Вскоре в Совете раздался телефонный звонок. Начальник Красной гвардии спрашивал:

— Прикажете взрывать эшелоны?

Затем добавил:

— Казачьи поезда задним ходом покидают вокзал.

Портить железнодорожную линию не хотелось, тем более что броневики остались у нас, и я ответил:

— Полотно не взрывать.

Далеко уйти казачьим составам не удалось. На восьмом километре от Режицы эшелоны столкнулись.

На этом попытки карателей прорваться в Петроград не прекратились. Спустя некоторое время с соседних станций сообщили о движении на Режицу новых воинских эшелонов, на этот раз с белоказаками. Совет разработал план по разоружению казаков: распределили обязанности, заминировали в нескольких местах железную дорогу, расставили броневики, проинструктировали красногвардейцев и солдат местного гарнизона. Перед железнодорожниками была поставлена задача расчленить эшелоны: первый принять на Виндавском вокзале, второй на Варшавском.

Один эшелон Совет поручил разоружить отряду во главе с начальником Красной гвардии И. Я. Фроловым, а руководство захватом другого состава, в котором, как стало известно, находился казачий генерал, я вместе с начальником местного гарнизона подполковником А. К. Пинхусовичем¹ взял на себя. Пинхусович — замечательный человек и командир. До июня 1917 года он командовал батальоном 734-го пехотного Прешканского полка. В июне был арестован по обвинению в «возбуждении солдат против офицеров»². Мы освободили его вместе с другими арестованными. В момент Октябрьских событий Совет назначил его начальником Режицкого гарнизона. Мне известно, что этот человек погиб в гражданской войне, сражаясь за Советскую власть. Большего о нем не знаю, но хотелось бы знать. По прибытии казачьих эшелонов мы приступили к осуществлению намеченного плана. Вошли в генеральский вагон. Пинхусович взял под козырек и вежливо, но твердо произнес:

— Ваше превосходительство! Приказом Режицкого Совета мне, как начальнику местного гарнизона, предложено разоружить эшелон. Прошу сдать оружие!

— Мы Советов не признаем. Приказу не подчиняемся. Если потребуется, вступим в бой, — последовал ответ.

— Не шутите, генерал, — заявил подполковник. — Не успеете вы выйти из вагона, как будете уничтожены. Обратите внимание на этот куст...

Генерал выглянул в окно. Заняв удобную позицию, наготове стояли броневики, залегли цепи красногвардейцев. Генерал обмяк и принял ультиматум.

В начале ноября 1917 года Бюро военной организации РСДРП(б) сообщало в Центральный Комитет партии: «Мы задержали 3 казачьих полка и 16 броневиков и бронированный поезд с определенно враждебным настроением»³. А несколько дней спустя Солонко лично доложил об этих событиях Ленину⁴.

Режицкие события 1917 года, о которых так детально мы впервые узнали из воспоминаний П. Н. Солонко, имели далеко не местное значение. Об этом, в частности, свидетельствует и запись разговора по прямому проводу Н. Н. Духонина с генерал-квартирмейстером Северного фронта В. Л. Барановским от 31 октября 1917 года. Докладывая Духонину о движении контрреволюционных войск на Петроград, Барановский сообщил:

— Сегодня должны были уйти уссурийцы и меричицы из Пскова, но в связи с Режицкими событиями были задержаны⁵.

Причины их задержки вполне ясны.

¹ В Центральном Государственном Военно-Историческом архиве нам удалось найти некоторые сведения об обстоятельствах ареста А. К. Пинхусовича. В июне после одного из бурных солдатских митингов в батальоне Пинхусовича солдаты арестовали четырех офицеров за издевательства над нижними чинами и сильно избили одного из них. Вину за это событие командование возложило на любимца солдат — командира батальона. 17 июня Пинхусович был арестован. Боясь, что авторитетного человека, пользовавшегося доверием солдат, освободят силой, командование передало его из мест расположения первой армии в район пятой. Таким образом он попал в Режицкую тюрьму. (ЦГВИА, ф. 2234, оп. 1, д. 744, л. 232.)

² ЦГВИА, ф. 2234, оп. 1, д. 744, л. 232.

³ Переписка Секретариата ЦК РСДРП(б) с местными партийными организациями (ноябрь 1917 г. — февраль 1918 г.). Сборник документов, т. 2. М., 1957, стр. 460.

⁴ П. Н. Солонко, В Смольном и в Кремле. В кн.: «Вечно живой». М., 1965, стр. 138—139.

⁵ Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Док. и мат., М., 1957, стр. 650—651.

А. Я. Грунт

Две неизвестные странички стенограммы заседания Московского Совета 25 октября 1917 года

Поздним вечером 25 октября 1917 года в здании Политехнического музея в Москве шло заседание объединенного пленума московских Советов рабочих и солдатских депутатов.

Председательствующий — большевик П. Г. Сидович — объявил, что пленум Советов создан для образования в Москве революционного центра власти, и предложил депутатам прежде всего заслушать информацию о последних событиях в Петрограде.

Солдат-большевик Н. И. Муралов зачитал собранию телефонограмму, полученную из Питера около 12 часов дня от находившегося там председателя Московского Совета рабочих депутатов В. П. Ногина:

«Сегодня ночью Военно-революционный комитет занял вокзалы, Государственный банк, телеграф, почту. Теперь занимает Зимний дворец. Временное правительство будет низложено».

Столичный пролетариат вступил в решительный бой с правительством Керенского и теперь дело было за Москвой, от победы вооруженного восстания в которой во многом зависела судьба всей революции.

Большая часть депутатов восторженно приветствовала весть о победоносном восстании в столице. Но фракции эсеров и меньшевиков встретили это сообщение в штыки. Поддерживая Временное правительство, они не хотели допустить создания в Москве Военно-революционного комитета, который бы поднял массы на вооруженное восстание. Вокруг этого вопроса на пленуме и разгорелась ожесточенная борьба. В то время как большевики требовали избрать ВРК и начать действовать немедленно, «ставя себе задачей поддержку

революционного комитета Петроградского СР и СД¹, эсеры и меньшевики соглашались на создание «демократически-революционного органа» для «поддержания порядка» в Москве с включением в него представителей не только Советов, но и городского и земского самоуправления, штаба Московского военного округа и других буржуазных организаций.

Резкое различие позиций противостоящих друг другу политических групп было очевидно. Голосование дало решительный перевес большевикам. Их резолюция собрала 394 голоса против 106 при 23 воздержавшихся. Фракция эсеров участия в голосовании не приняла, заявив, что «отказывается поддерживать большевистское движение и употребит всю силу своего партийного влияния, чтобы отвлечь массу от участия в восстании»².

После перерыва пленум перешел к конструированию Военно-революционного комитета. Первым взял слово один из лидеров меньшевистской фракции, Югов. Поняв, что воспрепятствовать созданию боевого революционного центра им не удастся, меньшевики изменили тактику. «...Мы в этот орган войдем, — заявил Югов, обращаясь к большевикам, — но войдем не для тех целей, для которых вы идете, а для того, чтобы продолжать ту разоблачительную работу, которую мы делали в Совете, для того чтобы смягчить все те губительные последствия, которые падут на голову пролетариата и солдат Москвы³. В зале поднялся гул возмущения. Присутствовавшие понимали, что меньшевики входят в Военно-революционный комитет не как боевые товарищи по оружию, а как люди, поставившие своей целью всеми силами противодействовать победе вооруженного восстания. Напряжение достигло предела.

...И вот на этом месте стенограмма заседания, повествующая нам обо всех изложенных выше событиях, обрывается. Под «звездочкой» в конце страницы лаконичная фраза:

¹ «Известия Московского Совета рабочих депутатов», № 197, 26 октября 1917 г.

² Там же.

³ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. I, М., 1963 г., стр. 255—256. В публикации запись названа «протоколами». На наш взгляд, это неверно. Сам характер текста, степень его подробности явно свидетельствуют о том, что это стенографическая, а не протокольная запись. Подлинные черновики записи этого заседания нами не обнаружены.

«на этих словах протокол оканчивается»¹. И действительно, в архивном деле, на которое ссылаются составители публикации, продолжения стенограммы мы не находим. Острое чувство сожаления и разочарования охватывает читателя, хотя в общем-то ему известно по газетным отчетам, что произошло дальше. Но разве может скупой газетный отчет заменить подробную стенографическую запись, которая во всех деталях воспроизводит картину событий?

Просматривая дела Московского Совета рабочих депутатов за 1917 год, хранящиеся в Государственном архиве Октябрьской революции и социалистического строительства Московской области (ГАОР и ССМО), в стенограмме заседания Моссовета за 19 сентября я неожиданно натолкнулся на «кинородное тело». Два листа записи явно не относились к 19 сентября². Уже беглый просмотр текста показал, что мне посчастливилось найти окончание стенограммы пленума московских Советов рабочих и солдатских депутатов 25 октября. Сличение опубликованной части с обнаруженными листами полностью подтвердило это предположение. Первый лист как раз начинался с выступления меньшевика Югова, которым обрывается опубликованная часть, а заключительные фразы председательствующего на втором листе не оставляли сомнения в том, что мы имеем дело с действительным концом заседания.

Трудно сейчас сказать, каким образом эти два листа оказались в неполюченном им месте. Очевидно одно: уже после победы Советской власти дела Моссовета, видимо, приводились в порядок. Это и естественно. Делопроизводство Московского Совета и Военно-революционного комитета велось, особенно в дни восстания, наспех и крайне отрывочно. Многие документы вообще исчезли бесследно. Вероятнее всего, случайно, по недосмотру кого-то из секретарей листы октябрьской стенограммы и были подшиты в папку с сентябрьскими материалами.

Как и опубликованная часть, последние два листа стенограммы представляют собой неправильную машинописную копию. В ней много различных огрехов: пропущены некоторые слова и фразы, как и в опубликованной стенограмме отсутствуют тексты резолюции, которые приходится восстанавливать по другим источникам, искажены или пропущены фамилии упоминавшихся в выступлениях лиц и т. д. И все же это замечательно интересный документ. Мы снова как бы включаемся в ход заседания, его темп и ритм.

Выступление Югова было последней попыткой соглашателей втянуть депутатов в длительную и бесплодную дискуссию о том, что должен из себя представлять и чем должен заниматься Военно-революционный комитет. Но время для дискуссий уже миновало, а каждый час промедления с началом восстания давал контрреволюции возможность собрать свои силы и воспрепятствовать взятию власти Советами. Это было ясно всем участникам собрания.

Не ввязываясь в спор с меньшевиком, А. П. Розенгольц от имени большевистских фракций Советов рабочих и солдатских депутатов предложил избрать в качестве членов Московского Военно-революционного комитета большевиков Г. И. Ломова, В. М. Смирнова, Г. А. Усиевича, Н. И. Муралова и кандидатами А. Я. Аросева, П. Н. Мостовенко, С. Я. Будзыньского и А. И. Рыкова (последний практического участия в работе МВРК не принимал, так как еще накануне восстания был отозван в Петроград). Со своей стороны меньшевики предложили в состав комитета двух человек — М. И. Тейтельбаума и М. Ф. Николаева. Объединенцы — фракция, занимавшая промежуточное положение между большевиками и меньшевиками, — выдвинули членом комитета И. Ф. Константинова и кандидатами Л. Н. Гальперина и В. Я. Ясенева.

Заседание подходило к концу. Предложенные кандидатуры не встретили возражений, и Военно-революционный комитет в составе семи членов и шести кандидатов был избран. Решены последние практические вопросы, даны последние указания членам исполкомов и депутатам Советов. Заключительное слово берет председательствующий:

«Сегодняшнее заседание, товарищи, — говорит он, — в истории революционного движения в России займет одно из самых видных мест, потому что мы сегодня приняли те решения, которые мы приняли... (далее в стенограмме неразборчивая фраза. — А. Г.)... должны все как один человек провести в жизнь. Да здравствует революция»³.

В ту же ночь Военно-революционный комитет приступил к работе.

¹ «Триумфальное шествие Советской власти», ч. I, стр. 267.

² Государственный архив Октябрьской революции и Социалистического строительства Московской области (ГАОР и ССМО), ф. 66, оп. 12, д. 35, лл. 24—25.

³ Там же, л. 25.





Т. А. Словатинская (1900 г.).

Татьяна Александровна Словатинская (1879 — 1957) вступила на путь активной революционной борьбы в 1898 году.

За свои почти 60 лет в строю нашей партии Татьяна Александровна находилась в самой гуще партийной работы и многое могла бы рассказать, но слишком поздно взялась за воспоминания. В основном она успела описать только свою работу в подполье и совершенно не коснулась своего участия в гражданской войне, работы в Бюро Секретариата, Политбюро ЦК. Ей приходилось сталкиваться с очень многими руководящими работниками нашей партии, многих знала она лично еще с подпольных времен, но смерть помешала ей закончить свои воспоминания.

И все же даже из этих очень неполных, отрывочных записок видно, что Татьяна Александровна была настоящим солдатом партии, служила стойко и упорно, не жалея сил и поступаясь своими личными делами.

Строгая партийная принципиальность, прямота и твердость характера сочетались у нее с редкой душевностью и внимательным отношением к людям. Работая в политотделах армии и фронтов (зам. нач. политотдела), в Парторганизации ЦК (партследователем), в Политбюро ЦК (дежурным секретарем), на приеме у секретарей ЦК (заведующей приемом), она ежедневно имела дело с десятками людей; товарищи, которые сталкивались с ней по работе или приходили в ЦК и ЦКК по своим личным делам и со своими горестями, долго помнили теплое, не формальное отношение со стороны Татьяны Александровны и настоящую товарищескую помощь.

Нам кажется, что записки Т. А. Словатинской интересны, как еще один документ, говорящий о старой гвардии большевиков, рядовых бойцов партии, для которых не было ничего выше и дороже служения идее коммунизма.

Рукопись подготовлена к публикации
Е. А. ТРИФОНОВОЙ и П. А. ЛУРЬЕ.

I. Немного о детстве

Я родилась в 1879 году в Вильно (Вильнюс). Отец мой много лет работал на сплаве леса — плотовщиком, потом учетчиком на лесопильном складе. Чтобы прокормить пятерых детей, приходилось работать много; склад был далеко, и отец уходил в 6 утра, а возвращался в 11 ночи, и мы видели его только в праздничные дни. Семья была большая, мать занималась хозяйством и, чтоб подработать, брала на дом починку белья. Жизнь была нелегкой. Родители кое-как сводили концы с концами, пытаясь дать образование детям, но это им не удалось. Только старшая сестра успела окончить гимназию и стать учительницей в народной школе, когда с отцом случилось несчастье и семья осталась в большой нужде.

Т. А. Словатинская
Из воспоминаний

На работе произошла авария, обрушились доски, отцу придавило ногу. Началась гангрена, ногу пришлось отнять.

Хозяева, у которых отец честно проработал 40 лет, ничем ему не помогли. Теперь такое положение показалось бы диким: человек стал инвалидом на работе и не получил ни пособия, ни пенсии, никакой помощи на лечение. Я и сейчас не могу без горечи вспомнить, как в течение двух лет отец мучился, а хозяин все обещал дать 25 рублей на покупку деревянной ноги. Чуть ли не каждую неделю я ходила за обещанными деньгами и всякий раз слышала от хозяйки одно и то же: «Вот поговорю с мужем, сейчас ему некогда, приходи в другой раз». Я была гордой девочкой, мне было очень трудно просить, но я все надеялась помочь отцу и всякий раз возвращалась разочарованная, обиженная и возмущенная. «Не смей ходить к ним! — кричал на меня брат. — Камнем голову им надо разбить, а не просить у них». Мать тоже считала, что это безнадежно — от хозяев нечего ждать помощи, они могут только высасывать кровь у своих рабочих. Так мой отец и умер, не дождавись этой ноги. Мне было тогда 14 лет.

Эта несправедливость, с которой я так рано столкнулась в жизни, многому меня научила, и прежде всего научила видеть горе и зло вокруг и задумываться о том, как с этим бороться.

Еще когда отец работал, я поступила учиться в частную четырехклассную школу. Раз в четверть надо было вносить плату 10 рублей. В эти же сроки платили за квартиру, и, сколько я помню, каждый раз для родителей это было просто невозможно. И вот, когда приходил срок, директор школы заходил в класс и при всех спрашивал меня: «Принесла деньги?.. Нет?.. Сиди дома». В слезах я шла домой. Что сказать родителям? Я же знала, как им трудно. Но училась я хорошо, брать меня из школы было жаль, и оставалось одно — идти к ростовщику.

Помнятся мне такие цифры: за 45 рублей надо было отдавать 50, по два рубля в неделю, да еще каждый раз какие-то дополнительные 30 копеек. Мне, как самой младшей, приходилось относить эти деньги и выслушивать лицемерные вопросы: как отец поживает, как мать, передай привет и пр.

А на похоронах отца этот ростовщик произнес слезливую речь о том, какой отец был кристально чистый человек, честный работник, любящий семьянин, верный друг и пр.

Еще будучи в третьем классе, 13 лет, я ста-

ла брать на дом работу по вышиванию, а также давала уроки отстающим девочкам 2-го и 1-го классов за 2 рубля в месяц. В 14 лет я окончила школу и уже много работала. Детство у меня было трудное и трудовое, но я не могу сказать, что оно было безрадостным: были прогулки, каток, книжки, было много товарищей. В нашем доме всегда было много молодежи. Кто не имел возможности, как я, продолжать учение в гимназии, собирались в кружки по самообразованию. Мы много читали классиков, доставали и подпольную, запрещенную литературу.

Мои родители, сами необразованные люди, очень поощряли наши занятия, беседы и чтения. Отец, пока работал, сам нам доставал через знакомых «запретные книги». Так, он принес «Что делать?» Чернышевского, «Воскресение» Толстого, переписанные от руки, «Шаг за шагом» Омуревского... Доставали мы «Подпольную Россию», Степняка-Кравчинского, Якубовича и др. Кое-кто из знакомых гимназистов был уже связан с революционными кружками.

Вся обстановка нашей жизни дома и все, что я видела вокруг — эксплуатация трудящихся, полицейский произвол царского режима, и все, что мы узнавали из так называемых «запретных» книг, толкало меня и многих моих товарищей на путь протеста и борьбы. Мы уже не ограничивались только чтением и обсуждением прочитанного в своей среде. Где только можно, среди знакомых фабричных рабочих и в мастерских мы старались делиться своими мыслями и будить сознание людей, которые не думали о борьбе, считали, что ничего изменить нельзя.

Мать прислушивалась к нашим настроениям и спорам с сочувствием, но считала, что мы бессильны бороться с самодержавным строем, с его войском, полицией и капиталистами, и в то же время помогала, когда надо было, спрятать литературу, а позднее и в более серьезных делах.

С пятнадцати лет я начала учиться в музыкальной школе. Мое музыкальное образование началось довольно случайно. Уезжая куда-то, соседи поставили у нас на время свой рояль. Дома у нас никто не играл, но меня неудержимо влекло к этому чужому роялю и, будучи еще совсем маленькой девочкой, лет 4—5, я подбирала одним пальцем любую песню. Позднее одна знакомая, обратив внимание на мой хороший слух и любовь к музыке, взялась давать мне бесплатные уроки и подготовила в музыкальную школу. Встал вопрос о покупке инструмента. Старшая сестра и брат

уже начали зарабатывать, но все равно это было очень трудно. До сих пор помню все эти цифры, которые без конца обсуждались и взвешивались. Наконец за 40 рублей мне купили подержанный, маленький, какой-то допотопный инструмент в форме стола. 15 рублей дала сестра из своего скудного заработка учительницы, 25 рублей одолжила дочь ростовщика, о котором я упоминала (на этот раз без процентов!). Мне казалось, что я совершенно счастлива. Я бегала по урокам, брала на дом вышивание (вышивала, не жалея глаз, приданое для богатых невест), выплачивала долг и еще смела мечтать о скрипке. Потом удалось купить и скрипку, но музыкантом стать не пришлось: стремление к революционной деятельности оказалось сильнее любви к музыке. Но об этом потом.

Прочувшись в музыкальной школе два года, я решила поступить в Петербургскую консерваторию. Старший брат и сестра помогли мне поехать в Петербург, и я в 1896 году была принята в консерваторию по классу фортепиано.

В Петербурге были у нас дальние родственники, которые обещали матери, что помогут мне устроиться. Приняли они меня по-своему радушно. Дядя уплатил первый взнос за учебу, тетка предложила приходить к ним каждый день обедать. «Только жить у нас негде», — сказала она, показывая на квартиру из 8 или 9 комнат. Там были столовая, гостиная, спальня, кабинет, детская, комната для игрушек, еще что-то и, наконец, большая светлая «шкафная», где стояли шкафы. Когда я спросила, нельзя ли мне пока пожить в шкафной, меня подняли на смех: «Только виленцы могут такое придумать. Поместить родственницу в шкафной!»

Представляя меня знакомым, они говорили гордо: «Это наша племянница Таня из Вильно, учится в консерватории»; и, чтоб показать свое доброе отношение к бедной родственнице, наваливали мне на тарелку, как будто я работала грузчиком и по неделям не ела. Все это было мне настолько противно, что я вовсе перестала к ним ходить. Отговорилась тем, что у меня есть урок «с обедом». «Ради бога, только не знакомься со студентами», — поучали меня.

Но это предостережение не помогло. Очень скоро я познакомилась со студентами, и со студенческими кружками, и с казацкой нагайкой на студенческой демонстрации.

Это «первое крещение» я получила при разгоне демонстрации протеста по поводу самоожжения в тюрьме курсистки Ветровой.

II. Первые годы в Питере. Встреча с А. А. Сольцем

В Петербурге началась для меня совершенно самостоятельная жизнь. Полная, интересная, подчас трудная и голодная, но веселая студенческая жизнь.

Сколько мы тогда успевали! Занятия в консерватории отнимали очень много времени, затем, чтоб заработать на жизнь, надо было бегать по урокам. Кроме того, я всегда брала на дом работу по переписке, статистическую работу (из Вольно-экономического общества), работу по вышиванию, словом, все, что можно было достать. Зачастую срочную работу приходилось выполнять по ночам.

Я снимала комнату с курсисткой Соней Н. За несколько копеек можно было пообедать в студенческой столовке, а дома, если была селедка или дешевая колбаса — хорошо, не было — тоже ничего. Мы были молоды, и все было нипочем.

Раз в неделю, в 6 часов утра, профессор Лесгафт читал бесплатные лекции по педагогике — это тоже нам было нужно. Кроме того, мы успевали бегать по концертам и театрам (на галерку, конечно). Иногда ночами стояли в очередях за дешевыми билетами, чтоб с галерки послушать Шаяпина, Комиссаржевскую или артистов Московского художественного театра.

А когда ко всему этому я познакомилась с А. А. Сольцем и через него связалась с революционным кружком, жизнь стала еще более напряженной и интересной.

Революционная волна захватила. Совместить учебу с подпольной работой при условии, что надо было зарабатывать на жизнь, стало не под силу. Прочувшись почти два года, в 1898 году я ушла из консерватории и целиком отдалась революционной работе.

Да, если 60 лет назад, еще совсем молодой девушкой, приехав в Петербург учиться, я вступила на путь революционной борьбы, то этому я обязана знакомству с Ароном Александровичем Сольцем.

Участие в кружках по самообразованию, общение с передовой свободомыслящей молодежью, чтение революционно-демократической литературы — все это, конечно, подготовило почву, но только встреча с Ароном Сольцем в 1898 году дала мне возможность сразу включиться в живую практическую революционную работу, так сказать, от разговоров перейти к делу.

Еще в Вильно в музыкальной школе я по-

знакомилась с Эсфирью Сольц, у нас были общие друзья среди революционно настроенной учащейся молодежи. От Эсфири я много слышала о ее брате — студенте юридического факультета Петербургского университета. Поэтому в Питере, когда моя приятельница Соня Н. позвала меня в компанию знакомых студентов, среди которых был и А. Сольц, я охотно согласилась, тем более что давно хотела с ним познакомиться.

Эта первая встреча с Ароном запомнилась мне на всю жизнь. Соня была славной девушкой, несколько экспансивной и грубоватой. Жили мы дружно, но она любила подсмеиваться над моими якобы провинциальными привычками. Ароном она меня «представила» так: «Смотрите, какую я привела идиотку — она постится! Сама не верит в бога, а вот обещала матери соблюдать посты».

Можно себе представить, как я себя почувствовала от такой рекомендации при первом знакомстве! Но Арон сразу очень спокойно оборвал ее: «Почему вы так говорите? А по моему, она молодец, если умеет держать слово, данное матери». И мне сразу стало легко и просто с ним разговаривать.

Потом мы пошли куда-то гулять, Арон расспрашивал меня о Вильно, об общих знакомых, о моих планах и тут же, в первый день, предложил посещать их кружок и обещал дать «работу».

Эта умная чуткость по отношению к незнакомой девушке, доброта и умение как-то сразу заглянуть человеку в душу, понять главное и отбросить несущественное, поразили меня.

III. Мое первое партийное поручение

Нужна была вера Сольца в людей и некоторая смелость, чтобы поручить девятнадцатилетней девушке, недавно приехавшей из провинции, «ответственное дело». А дело было такое: надо было добиться разрешения и получить свидание с узником Петропавловской крепости Михаилом Лурье и как-то передать ему в беседе, что товарищ под кличкой «Пушкин», которому грозила казнь, жив.

Добиться свидания было нелегко. Под видом племянницы заключенного, которого я не видела в глаза, с письмом, якобы от его жены, состряпанным нашими товарищами, мне пришлось хлопотать в жандармском управлении, потом в Департаменте полиции и, наконец, перед начальником Петропавловской крепости.

Это было мое первое ответственное поручение и, позабыв целый ряд событий моей жи-

ни, я помню до мельчайших подробностей это «первое свидание» в тюрьме.

В те времена я еще плохо представляла себе камеры крепости, и когда там в какой-то приемной я ждала коменданта и увидела через низкие (до пола) окна Неву, я подумала: «Как хорошо, что наши товарищи могут видеть реку». Потом-то я узнала, что в казематах таких чудных видов на реку не было. Я не знала еще, что из себя представляет тюрьма, но я уже хорошо знала жандармов и крепко их ненавидела. Когда мне предложили сесть в ожидании какого-то полицейского начальства, я подумала: «Не стану садиться, чтобы не вставать перед ними, когда они войдут». Так я и ждала стоя.

Я была хорошо подготовлена и, отвечая на вопросы жандарма, врала без всякого смущения: «Да, я племянница Михаила Лурье. Его жена, тетя Бэла, прислала мне письмо, вот оно. Дядя сидит без свидания уже 10 месяцев, а она не может приехать, у нее маленькие дети...» — «Чем вы занимаетесь?» — «Я учусь в консерватории». (Это как раз было правдой.) — «Знаете ли вы, какой характер носит свидание? Можно говорить только о здоровье, о семье, о детях. Никаких новостей, никакой политики...»

Меня повели по каким-то коридорам и лестницам в комнату с небольшим окошком в стене. Напротив через проход, шириной примерно в метр, я увидела другое окошко и там черного незнакомою человека с большой шевелюрой. «Дядя,— закричала я,— это я, Таня!» — и протянула к нему руки. Между окошек выросла фигура жандарма. «Руки протягивать нельзя», — сказала фигура. Мы повели настоящий разговор горячих родственников. «Дядя» быстро сообразил, что я послана друзьями. Он называл меня Танечкой, говорил, что я очень выросла, расспрашивал, как я учусь. Я своей болтовней быстро усыпила бдительность жандармского полковника, который нас слушал, и сумела вернуть нужные слова о Пушкине так, что он понял, что Пушкин здравствует.

Товарищи нашли, что я со своей задачей справилась отлично, и за первым заданием последовали другие, более сложные.

IV. А. А. Сольц

Я надеюсь, что найдутся еще товарищи и напишут настоящую книгу об Ароном Александровиче Сольце. Его роль в партии достаточно велика, а светлый образ Сольца-большевика мог бы служить примером для мно-

гих поколений. И сейчас с болью думаю о том, как умер Арон после тяжелой болезни в Москве в мае 1945 года.

Очень надеюсь, что книга о Солнце будет. Я-то не могу этого сделать, но в своих воспоминаниях мне хочется рассказать хотя бы немного об этом дорогом мне большом человеке.

Солц был человеком исключительно ярким. Умный, честный и справедливый, он был большевиком с самой большой буквы. В. И. Ленин назвал его «партийной совестью», и это прозвище Арон Александрович оправдал всей своей жизнью.

Как и многие профессиональные революционеры, Солц неоднократно подвергался арестам и ссылкам, но когда он выходил из тюрьмы или бежал из ссылки, мы снова видели его бодрым и веселым, готовым к борьбе, готовым помочь старым товарищам и вовлекать в работу новых.

В тюрьме и ссылке он не прекращал свою деятельность. Используя все возможности, он поддерживал связь с товарищами на воле и в тюрьмах. У него была огромная переписка, он вел пропагандистскую работу, сам много читал и изучал языки.

Если Солц писал мне: «Есть тут очень славный человек, такой-то, он зайдет к тебе, помоги, пожалуйста, устроиться с работой и пр.», я уже знала, что это не просто увлечение новым знакомым, а что это человек, которого надо связать с нашим подпольем.

Как-то написал мне А. А. из тобольской ссылки: «познакомился с замечательными ребятами — казаки, братья Трифоновы» (с одним он познакомился заочно — тот был на каторге), и опять было серьезное знакомство, оно кончилось дружбой с обоими Трифоновыми на всю жизнь.

Где только мог, Арон просто по-человечески помогал людям. Как-то он мне написал: «Встретил тут прекрасного парня. Если б я его встретил раньше, не попал бы он сюда по уголовному делу, не может быть, попал бы по другому. Найди его мать там-то, скажи, чтоб не тревожилась за сына, он у нее хороший, и сделай ему, пожалуйста, передачу, табак и еще что-нибудь, он ничего не получает».

И конечно, я это делала, потому что знала Арона: не будет он попусту просить о таких вещах, значит это нужно для человека или для дела, необходимо нужно.

В городе Вильно Солц учился в гимназии с Василием Ивановичем Качаловым. Какими разными дорогами пошли эти два больших человека! Но когда им приходилось встречаться

(а я несколько раз видела Качалова у Солца в 20-х и 30-х годах), приятно было смотреть, как тепло и нежно они относятся друг к другу. В один из дней рождения Солца, кажется в 60-летие, Василий Иванович принес и читал свои приветственные стихи, где в очень остромуной форме вспоминал их школьные годы. А до революции, когда Качалов уже был актером с мировым именем и узнал, что Солц сидит в тюрьме, он проявил к нему большое внимание, помог деньгами и передачей.

Как-то я была свидетелем длинного спора между В. И. Качаловым и А. А. Солцем. У Арона собралось несколько друзей, и все мы с большим вниманием слушали этот спор, проходивший в полуслушливой, полусерьезной форме. Речь шла о гуманности. Слушать Василия Ивановича всегда было огромным удовольствием. Уж не говоря о голосе. Весь его облик был обаятелен, и говорил он к тому же какие-то хорошие слова о любви к человеку. Я не могу передать разговора, может быть, кто-либо из присутствовавших товарищей когда-либо писал об этом. Но я хорошо помню, как Арон слушал Качалова с нежной улыбкой, как слушают красивого ребенка, которого очень любят, и отвечал спокойно и твердо, что-то в таком духе: да, большевики гуманисты, но если надо убрать с дороги свирепого врага, его убирают, борьба есть борьба.

Потом Качалов вынул из кармана мало еще тогда известные стихи Багрицкого и читал. А прощаясь, они поцеловались, эти старые гимназические друзья, и В. И. сказал, что все-таки Арон его не убедил.

В 1918 году некоторое время А. А. работал в какой-то продовольственной коллегии (не помню, как это точно называлось). Словом, ведал распределением продовольствия. Это была тяжелая работа: ежедневно сотни людей осаждали его приемную, требуя мяса, хлеба и молока для больницы, детсадов и других учреждений. При голоде и разрухе, царивших в стране, не было возможности удовлетворять все просьбы и требования. Приходилось часто отказывать, люди требовали, шумели, и к концу дня А. А. тоже совершенно выходил из себя. Мы, товарищи, говорили, что это дело совершенно не для него, но партия поручила ему эту работу, и он вкладывал в нее все свои силы.

Как-то группа посетителей-рабочих начала скандалить и требовала проверить, как живет сам Солц. Тут же отправились к нему на квартиру. Но дома, кроме нескольких моро-

женых картошек, у человека, воровавшего вагонами продовольствия, ничего не нашли и ушли смущенные, извиняясь.

В Тюмени, будучи секретарем партийной организации, он одно время так поставил дело, что члены партии вносили чуть ли не 20 процентов своего заработка на нужды организации. При этом он заявлял: если человек уже встал на путь революционной борьбы и рискует свободой, здоровьем и даже жизнью, то может ради дела потерпеть и некоторый материальный ущерб. И это была целеустремленность, а вовсе не аскетизм, как некоторые думают. А. А. любил жизнь во всех ее проявлениях.

Любил природу, музыку, литературу, увлекался шахматами. Своей семье ему не удалось создать, всю жизнь и даже в ссылке он жил вместе со своей сестрой Эсфирью Сольц, членом партии с 1901 года.

Товарищи говорили Сольцу, что он оценивает людей немного лучше, чем они того, может быть, заслуживают. Но он считал, что лучше переоценить человека, чем недооценить, и никогда об этом не жалел: люди обращившиеся к нему своей лучшей стороной.

Он умел всегда привлечь, заинтересовать, наставить на правильный путь. Мог отругать горяча, но если и случалось допустить какую-то несправедливость, он тут же выправлял свою ошибку и меньше всего думал о своем личном авторитете. И несмотря на это, а может быть, именно поэтому, авторитет Арона Александровича среди товарищей, которые его знали по работе, был очень велик.

Мне пришлось работать с Сольцем в Центральной контрольной комиссии. Я была партследователем и не раз была свидетелем, как тонко и умно, по-человечески, а не формально он разбирал дела. Иногда, правда, он бывал очень резок с товарищами. Были вещи, которые он не прощал: если, например, человек, оправдываясь в чем-то, ссылался на свою большую «нагрузку», Сольц выходил из себя: «Партийная работа для вас «нагрузка»? — возмущался он. — Если так, то вы сами лишняя нагрузка для партии!» Особенно нетерпимо А. Сольц относился ко всякому проявлению корыстолюбия и стяжательства со стороны членов партии.

Вспоминается такой случай. После разбора нескольких очень некрасивых историй Арон Александрович был сильно взвинчен и все свое скопившееся за день негодование обрушил на одного товарища, накричал на него и сказал, что ему не место в партии. Товарищ вышел из кабинета таким убитым, что я про-

сто испугалась за него. Я его задержала, не отпустила, потом зашла в комиссию и сама напустилась на Арона Александровича: «Разве можно так разговаривать с людьми?! Смотри, что ты наделал! Человек в таком состоянии, он плачет, как ребенок, он пойдет и сделает с собой что-нибудь». Другие члены комиссии меня поддержали. «Плачет? — удивился Арон. — Ну, пусть зайдет».

С товарищем побеседовали более спокойно, разобрались в его деле и заменили исключение строгим выговором. Мне казалось, он ушел почти счастливым. Арон не боялся признать свою ошибку и уронить свой престиж.

У. Работа с Е. Д. Стасовой и наша партийная «техника»

После первых поручений по связи с заключенными в Петропавловской крепости я включилась в работу по «технике».

На этой работе я встретилась с Еленой Дмитриевной Стасовой. В 1900—1902, в 1905—1906 и позднее — в 1916 и 1917 годах я немало поработала под ее руководством и по ее заданиям, когда она заведовала «техникой» Петербургского комитета и потом Секретариатом ЦК партии.

Тогда же пришлось работать с Софьей Марковной Познер и Феодосией Ильиничной Драбкиной («Наташей») и другими товарищами.

В чем же заключалась эта самая подпольная «техника»? Сюда входит все вплоть до изготовления паспортов, добывания оружия и т. п., но прежде всего это наше, издательское дело, нелегальная печать, организация подпольных типографий.

Я переписывала воззвания гектографическими чернилами (печатными буквами), размножала их на гектографе, передавала их по адресам рабочих за Невскую заставу, на Выборгскую сторону, на Охту и в другие рабочие районы.

Часто давались задания — подыскать квартиры для собраний, для явок и встреч товарищей, квартиры для передачи литературы по заводам и фабрикам.

При этом широко использовались все знакомства среди интеллигенции и либеральной буржуазии. Сочувствующих партии и желающих помогать было тогда много. Но дело требовало большой осторожности.

Если в каком-либо доме можно было без риска встретиться раз или два с кем-либо из товарищей, это еще не значило, что там мож-

но держать литературу или поставить гектограф. Дома, которые годились для связей и явок, могли оказаться совершенно невыносимыми для собраний и т. д.

К доставке оружия я имела мало касательства, главным моим делом была печать.

Петербургский комитет имел всегда по нескольку типографий, так что провалы не прерывали общей работы.

Печатать приходилось по-всякому. Позднее, когда я поступила корректором в книгоиздательство «Просвещение», мне удалось связаться с типографией издательства через одного метранпажа и одного старшего наборщика. В редакции также работал тов. Вольфсон, старый большевик, вернувшийся из колымской ссылки (впоследствии руководитель крупнейших советских издательств).

Так что бумагой, шрифтом, краской для подпольных типографий я была обеспечена. Все эти материалы надо было переносить на определенные квартиры, куда за ними приходили товарищи из нашей типографии, и туда же приносили готовые листочки.

А один раз мне в типографии «Просвещение» даже набрали и передали готовую гранку набора, и нашим «печатникам» оставалось лишь оттиснуть валиком нужное количество листочков.

До организации этой «техники» много листов печатали мы сами на гектографе. Работали ночами, в подвалах, в разных тяжелых условиях.

Запомнился такой эпизод. Один студент, Быков, сын богатого помещика, предложил нам воспользоваться пустовавшим домом его отца, где-то на Бассейной улице. Там можно делать что угодно. Он дал нам ключи. Отправились туда мы с Эсфирью Сольц, которая тоже приехала в Петербург из Вильно, и с М. И. Фрумкинним. Охранявший дом дворник пустил нас. Небольшой дом был пуст и заброшен, никто не мешал нам. До глубокой ночи мы работали на гектографе, потом все прибрали, поужинали всухомятку и кое-как разместились спать не раздеваясь.

Ночью поднялся страшный шум. Где-то далеко на кухне что-то гремело, громыхали кастрюли, слышалась беготня и шорохи. Это набежала масса крыс, огромных, как кошки. Они набросились на остатки нашего хлеба и колбасы.

Фрумкин спокойно храпел, а Эсфирь всю ночь сидела на столе, раскрыв зонтик, отмахивалась им от крыс.

Утром было много смеху, но ночью было жутко.

С Эсфирью Сольц немало было подобных приключений. Раз, еще в Вильно, когда Эсфири надо было что-то тайно отпечатать, знакомый приказчик пустил ее на ночь в подвал магазина, дал свечу и запер. Эсфирь допоздна работала, свеча погасла, спичек не было, и до утра, пока за ней не пришли, она в полной темноте немало натерпелась.

Маленькая, худенькая, в чем только душа держится, но всегда бодрая и неунывающая при всех обстоятельствах, в тюрьмах и ссылках, Эсфирь Сольц была бесстрашным борцом, всей душой преданной делу партии. И таких товарищей в нашем деле было немало.

Во всех делах, связанных с «техникой», Елена Дмитриевна Стасова имела большой опыт и многому меня научила. Это через нее я получила задания, это она связала меня с В. И. Лениным, когда он жил в Финляндии.

В годы 1912—1917, вплоть до Февральской революции, у меня в Петербурге была одна из явочных квартир ЦК партии (на Васильевском острове, 16-я линия, д. 35, кв. 21).

Товарищи, приезжавшие из провинции, освобождаясь из тюрем, бежавшие из ссылок, получали у меня нужные адреса, восстанавливали партийные связи, встречались с кем надо.

Представителем Бюро ЦК была Е. Д. Стасова, с которой я с 1916 года снова держала связь.

После Февральской революции партия вышла из подполья. Масштаб работы резко увеличился.

Я стала работать в Секретариате ЦК, сперва только по вечерам, а когда меня уволили с работы (в Бюро сельскохозяйственной механики) за подготовку забастовки, я целиком перешла на работу в ЦК.

Секретарем ЦК был Я. М. Свердлов, заместителем — Елена Дмитриевна.

Весь «аппарат» состоял из нескольких человек — помню В. Р. Менжинскую, К. Т. Свердлова (Новгородцеву), Мехоношину... Маша Гляссер приходила печатать на машинке.

Помещались мы на Фурштатской ул., д. 19, в полуподвальном помещении, к Октябрю перебрались в Смольный.

Работы было очень много, работали до поздней ночи. Елена Дмитриевна вела все связи с членами ЦК, а мы писали и печатали материалы ЦК, проводили всю переписку с быстро растущими организациями партии на местах, отправляли товарищей с инструкциями,



А. А. и Э. А. Сольц, Т. А. Словатинская, А. П. и Р. П. Лурье. 1902 год.

с литературой, даже с газетами, потому что при Временном правительстве почта часто задерживала нашу партийную печать, а с мест требовали газет.

На VII съезде партии в марте 1918 года тов. Свердлов так сказал об этом периоде:

«...Были моменты, особенно в июле, в августе, когда ЦК приходилось выполнять огромную организационную работу в самых тяжелых условиях почти нелегального существования... Создавалась гора работы, которая всецело валилась на Секретариат...»

Особенно запомнился такой случай. Это было незадолго до Октябрьских дней. Поздно, уже в час ночи, пришел тов. Миха Цхакая и

принес от товарища Ленина, который еще скрывался в подполье, густо исписанный кругом большой лист — это было известное письмо членам ЦК по поводу предательского выступления Зиновьева и Каменева. Было его немедленно отпечатать. Мадзинка (Гляссер) уже ушла, пришлось мне писать одним пальцем. Разобрать рукопись трудно. Видно было, что Ильич очень быстро писал и клеймил штрихборашкой его обычно очень четкий, хоть мелкий почерк было не узнать. Мы втроем с Еленой Даминевой и тов. Цхакая еле-еле разбирали два-три слова, я их тут же отстукивала на машинке, и мы разбирали дальше. Лишь только

кой ночью мы закончили печатанье этого важного письма.

Елена Дмитриевна была совершенно неутомимой и от товарищей, работающих с ней, требовала такой же неутомимости. Мне не приходилось видеть Ел. Дм. на отдыхе, но я всегда отлично представляю ее в работе. Всегда озабоченная, спешащая куда-то и вместе с тем прямая и подтянутая, хорошо одетая, она как полководец управляла своими ближайшими помощниками.

Откровенно говоря, тогда все мы здорово побаивались Елены Дмитриевны. Она могла вспылить и разнести нас, как казалось иногда, ни за что. Но там, на Фурштадтской, один человек ее не боялся, маленькая дочка уборщицы, лет четырех: ей действительно ни за что не влетало. Елена Дмитриевна была с ней неизменно ласкова, а девочка, подбирая с полу бумажки после наших бессонных ночей, когда мы рассылали письма, клеили конверты, ворчала: «Вот, Митревна, опять раскидала бумажки...»

Бывало, что требовательность Елены Дмитриевны к особой пунктуальности во всем доводила нас до слез и мы говорили друг другу, что так работать невозможно. Но с нее быстро сходил гнев, она была опять внимательна к товарищам, и мы понимали, что относится она к нам тепло и по-дружески, а вспышки ее легко объяснить тем колоссальным напряжением, в котором находились тогда мы все.

Внешне очень суровая, Елена Дмитриевна была нам настоящим другом и многому нас научила. И до сих пор я питаю к Елене Дмитриевне чувство большого уважения и благодарности «за науку».

Когда наш Секретариат перебрался в Смольный институт, там разместились и все организации Петроградского Совета и ЦИКа, которые раньше были в Таврическом дворце.

Накануне 25 октября Временное правительство собралось развести мосты на Неве, чтоб отрезать рабочие районы от центра.

Товарищ Ленин тогда был уже в Питере, скрывался на разных конспиративных квартирах. Мне поручили разыскать Надежду Константиновну Крупскую и через нее передать Владимиру Ильичу, чтобы он прибыл в Смольный. Дали адрес — клуб где-то на Кронверкском проспекте, где работала Надежда Константиновна. Было поздно, когда я туда добралась, но Надежды Константиновны уже не застала. Там дали другой адрес — какой-то школы. Трамваев не было, на улицах пустынно, город замер в тревожном ожидании событий. Лишь кое-где встречаются военные пат-

рули, в центре — юнкера, на рабочих окраинах — красногвардейцы, моряки...

Только к ночи смогла я выполнить это «техническое поручение».

VI. 1901—1903 годы

Меньше всего я хотела останавливаться в этих записках на своих «личных делах», но они так тесно переплелись с работой, что немного приходится сказать.

В 1901 году я вышла замуж за инженера Абрама Павловича Лурье, двоюродного брата Солнца. Мой муж тоже участвовал в подпольной работе, и поэтому полиция часто вмешивалась в нашу жизнь. Так, в 1902 году его выслали на родину, в г. Лиду Виленской губернии, и в том же году меня задержали на студенческой демонстрации у Казанского собора. На нас налетели конные жандармы. Все стали разбегаться. Меня жандарм ударил плеткой по спине, нас загнали в какой-то погреб. Меня задержали и затем выслали в Вильно. Оттуда я скоро переехала к мужу. Несмотря на то, что оба мы жили под надзором полиции (нас так и называли «надзорники»), мы и не подумали прекращать свою подпольную деятельность. Связавшись с местными социал-демократами, рабочими кожевенного завода и железнодорожных мастерских, мы организовывали кружки самообразования, вели пропагандистскую работу, а 1 мая нам удалось провести собрание под видом загородной прогулки. Шли, как на пикник, целыми семьями, с детьми. Рабочих было немало по тем временам, человек двадцать пять, с ними и побеседовали на лоне природы о международном празднике рабочей солидарности и о самых насущных делах — об экономической и политической борьбе.

В конце 1902 года мы вернулись в Питер, и мужа тут же выслали в Ревель (Таллин).

В начале 1903 года у меня родился сын. Муж приехал нелегально из Ревеля, чтоб поглядеть меня, и тут полиция опять вмешалась в наши дела и задержала его. Как-то ему удалось уйти из охранки, куда его привезли. (Несколько часов, в ожидании допроса, его караулил городской в каком-то незапировавшемся помещении, а потом уснул.) Без пальто и шапки в середине января муж явился ко мне в больницу, а через некоторое время вошла испуганная сестра и шепнула мне, что его ждет внизу жандарм. Муж не спешил уходить, и надо отдать справедливость жандарму, он нас не трогал. Мы поговорили, муж позна-



М. И. Калинин и Е. И. Калинина с сыном Валей, 1908 год.

комился с сыном, а выйдя из родильного отделения, отправился в тюрьму. Там он объявил голодовку, и его выпустили, вернее выслали обратно в Ревель. Примерно через месяц и я приехала туда с ребенком.

В Ревеле муж не мог найти работу по специальности (технолога), и мы жили частными уроками. Он преподавал математику, я давала уроки музыки. Прожили мы там почти три года.

В Ревеле жила целая группа высланных революционеров (Соколов, Дешкин, мой муж А. П. Лурье и другие). Руководил социал-демократической организацией Михаил Иванович Калинин.

Когда я с грудным ребенком приехала из Петербурга в Ревель, у меня была «явка» к М. И. Калинин. Но оказалось, что муж уже знал Михаила Ивановича. В первый же день моего приезда он сам пришел к нам.

Калинин работал тогда на заводе Вольта и уже в то время был прекрасным организатором. У него были большие связи с рабочими всех ревельских заводов и широкий круг знакомых среди местной, сочувствующей нашей партии интеллигенции. Эти знакомства он использовал для нашей подпольной деятельности, которую развернул в больших масштабах.

Мне Михаил Иванович сразу поручил заве-

довать «техникой» и очень помогал своими практическими советами. У меня, правда, тоже уже был немалый подпольный стаж работы в Петербурге и Лиде.

В 1904 году Михаил Иванович был арестован и выслан в г. Лодейное Поле Архангельской губернии. Перед высылкой мне удалось его повидать. Это не было официальное свидание. Он сидел при полицейском участке, а не в тюрьме. Не помню точно, как нам удалось обмануть или подкупить полицейского, приставленного к Михаилу Ивановичу, но хорошо помню наше свидание на какой-то черной лестнице во дворе участка. Я не знала, сколько минут в нашем распоряжении, а надо было что-то передать Михаилу Ивановичу и какие-то поручения принять от него, и поэтому я сперва очень волновалась. Но Михаил Иванович владел собой исключительно, был весел и этим успокоил меня. Единственной его заботой было, чтоб из-за его ареста не пострадало дело. И в это короткое свидание он сумел передать мне все нужные адреса и связи с рабочими заводов Вигант, Вольта, Лютер и железнодорожных мастерских.

Из ссылки М. И. часто писал нам, он интересовался нашей работой, мы отвечали ему, так что он был все время в курсе наших дел. По его просьбе мы выслали ему слесарный инструмент, чтоб он мог в ссылке работать. В Ревеле к тому времени, как Михаила Ивановича арестовали, организация была уже довольно сильная. Нам много помогала ревельская интеллигенция. Учителя эстонской женской гимназии и реального училища — Маштаков Петр Лазаревич, Бобылев, врачи, адвокаты, редактор либеральной газеты.

Они предоставляли нам квартиры для собраний, для печатанья листовок на гектографе, на их адреса мы получали из-за границы «Искру» и «Освобождение».

Когда после 9 января 1905 г. Ленин настойчиво требовал от членов партии овладения оружием — мы тоже организовали обучение стрельбе — на даче одного из сочувствующих интеллигентов. Помню, оружие нам привозил один товарищ студент из Дерпта (ныне Тарту). Настоящего имени его я тогда не знала, и встречались мы всего несколько раз. Но он меня узнал через много лет. Я очень удивилась, когда после какого-то совещания в ЦК ко мне подошел М. М. Литвинов и спросил, была ли я в Ревеле тогда-то и помню ли историю с оружием. Оказалось, он и был тем студентом.

С Михаилом Ивановичем мы встретились

в 1905 г. в Петербурге. Дружба, завязавшаяся в Ревеле, продолжалась, продолжалась и совместная работа.

В начале 1906 года у меня на квартире на Забалканском проспекте Михаил Иванович встретился со своей будущей женой Екатериной Ивановой. В 1905 году Катя Лоорберг совсем молодой девушкой участвовала в организации забастовки на Балтийской мануфактуре. Это фабрика в пригороде г. Нарвы в Эстонии. Все члены семьи Лоорберг были рабочими фабрики. Когда после забастовки начались жестокие репрессии и аресты, Кате с сестрой пришлось скрываться. Друзья помогли достать билет на пароход, и таким образом Катя попала в Петербург с «явкой» ко мне. Так я познакомилась с Екатериной Ивановой Лоорберг, впоследствии Калининой. В Петербурге Е. И. поступила работать на Охтинскую ткацкую фабрику. Она жила у нас некоторое время на Забалканском и помогала мне в моей организационной и технической работе. О нашей совместной работе напишу ниже.

В 1908 году Михаил Иванович был выслан из Петербурга и около двух лет жил в Москве. Затем он был арестован. Ему предостояла ссылка в Иркутскую губернию. Е. И. через департамент полиции добилась для него разрешения ехать в ссылку на свой счет, а не по тазу, а весной она должна была сама приехать к нему с детьми. Но освободившись, Михаил Иванович не стал дожидаться нового ареста и ушел в подполье. Время было горячее, уезжать в ссылку было некогда, надо было особенно усиленно работать.

В эти годы М. И. нелегально жил в Шувалове (под Петербургом) у тов. Карла Тихомирова, и мы опять стали часто встречаться. Помню, как весело встречали мы Новый 1916 год у наших общих друзей Ивановых, которые жили в Озерках, недалеко от Шувалова. Мы провозглашали тосты за революцию, а революция была не за горами. Через год она свершилась. Но за этот год Михаил Иванович успел еще раз побывать в тюрьме. Освободился только в конце 1916 года.

После Февральской революции мне не раз приходилось слышать выступления Калинина. Михаил Иванович был прекрасным оратором, говорил просто, ясно, доходчиво. Хорошо помню его речь 1 мая 1917 года на Марсовом поле. Не знаю, записана ли она где-нибудь. Стенографистки, во всяком случае, там не было. Он говорил горячо и просто, стоя на трибуне (на платформе грузовика) о нашей революции, о международном значении про-

летарского праздника. «Если б мы могли просверлить земной шар насквозь и посмотреть через дырку, что там происходит на той стороне, в Америке, — при этом он наклонился и сделал рукой сверлящий жест, — мы бы увидели, что пролетариат Америки тоже отмечает день 1 мая...»

Весной 1919 года после смерти Свердлова Михаил Иванович по предложению Ленина был избран Председателем ВЦИК. Помню, он зашел тогда к нам (я жила тогда с дочерью в Москве), говорил о предстоящей работе, между прочим сказал: «Я решил попросить на несколько дней отпуск, съездить к себе в деревню». И как-то смущенно добавил: «Владимиру Ильичу было неудобно отказать мне...»

Со своей родной деревней он поддерживал связь все время. Как-то в 1921 году Михаил Иванович пригласил и меня поехать с ним в деревню (деревня Троица быв. Тверской губернии, теперь Калининская область). Тогда там еще жила его мать и, кажется, младшая дочка, а Екатерина Ивановна, мой бывший соратник по подпольным делам, была в тот период председателем волостного исполкома Печетовской волости.

От станции Кимры до Троицы мы ехали в машине ночью. Тогда по этой дороге машины ходили редко. Может, распространилась уже весть о предполагаемом приезде Михаила Ивановича, но в деревнях, которые мы проезжали, на шум машины выходили люди, иногда открывались окна и вслед машине несли приветствия. Не то что демонстрации трудящихся встречали главу государства, просто люди встречали своего земляка. «Михайло, надолго ли приехал?» — кричали они, а Михаил Иванович так же просто отвечал словами приветия. По дороге мы заехали в с. Печетово, где захватили Екатерину Ивановну...

На другой же день с утра в избу Калинина начали сходить земляки... Люди шли запросто, и Михаил Иванович принимал их также по-дружески. Одни приходили просто повидаться, другие посоветоваться о своих делах, личных и общественных, послушать новости из Москвы, а кое-кто и с жалобами всякого рода.

Я никогда не забуду этой обстановки какой-то удивительной простоты, с какой глава государства разговаривал со своими гостями.

Тем, кто пришел раньше и успел уже поговорить, не хотелось уходить, а подходили новые гости. Изба набилась до отказа, одни си-

дели на лавках, другие стояли, тут же вертелись ребятишки. Разговор шел и серьезный и веселый. «Михайло» знал почти всех по именам, расспрашивал о тех, кого не было, живо интересовался судьбами всех односельчан и их делами. Михаил Иванович умел пошутить, и часто раздавался общий веселый смех. Сейчас мне не восстановить в памяти эти разговоры. Михаил Иванович не возил с собой ни репортеров, ни стенографисток. Но вот помнится, например, такое: сельский священник пожаловался: вот, мол, какой народ стал — венчаться, крестить, отпевать и прочую службу требуют, а платить зачастую не хотят. Михаил Иванович укоризненно покачал головой: «Не платят, ах какие! А вы им не служите, отец Василий, нет, не служите!»

Тут же Михаила Ивановича пригласили пойти на сенокос. Мы пробыли в Троице три дня, и все дни Михаил Иванович вставал с рассветом и отправлялся на сенокос. Но ни Е. И., ни меня, ни других «москвичей» он не брал, говорил: «Вы будете только мешать».

Михаил Иванович был хорошим семьянином и очень любил ребят. Помимо своих троих, всегда в его доме были еще дети: племянники, воспитанники, земляки из Троицы.

Вспоминается тесная узкая комнатка Калининых в Шувалове в 1915 году. Нелегко тогда жилось Михаилу Ивановичу на нелегальном положении, не имея постоянной работы, с тремя детьми (примерно от 3 до 7 лет), но все же он устроил детям маленькую елочку и пригласил меня с детьми.

Ровно через 20 лет, уже не с детьми, а с внуками, я была на елке у Калининых в Москве. Елка у Председателя ВЦИК была, конечно, больше и богаче. Вокруг нее веселились уже внуки Калинина. Но Михаил Иванович был тот же радушный хозяин и умел находить веселые и приветливые слова для своих внучат и их гостей.

VII. Моя первая листовка

Накануне Кровавого воскресенья несколько товарищей из нашей подпольной группы поехали в Петербург, в комитет за инструкциями. Мне пришлось остаться в Ревеле с детьми (дочке было 4 месяца, сыну два года), муж в это время был у родных в Полтаве.

Вечером в воскресенье ко мне пришел редактор ревельской эстонской газеты «Тea-тая», беспартийный, но сочувствующий нам товарищ Мартна, и сообщил, что из Петербурга получены телеграммы о кровавой расправе, о

многочисленных жертвах. Надо было немедленно что-то предпринять, как-то протестовать и, конечно, первым делом выпустить листовку к рабочим. Редактор обещал техническую помощь, но писать листовку отказался. Так как старых опытных товарищей из нашей группы не было, я попыталась обратиться к одному-другому из товарищей, сочувствующих нам. Таких было много среди интеллигенции (присяжный поверенный Штрандман, учитель Бобылев), но в тот момент они от помощи уклонились. Так как ждать было невозможно, мне пришлось писать самой.

Я кратко изложила события и призывала к забастовке. Это была моя первая листовка. Наверно, ее можно было написать более литературно, но она была продиктована сердцем и потому дошла до сердца рабочих. Марта Лепп, моя знакомая и помощник по «технике», перевела листовку на эстонский язык, и мы принялись за работу. Всю ночь мы печатали на гектографе, а рано утром, наполнив листовками молочный кувшин и повязав голову платком, Марта поехала развозить это «молоко» по адресам наших рабочих-связистов. Те, в свою очередь, rozdali листовки по заводам и фабрикам. Это было в понедельник, а во вторник 11 января вечером уже забастовал газовый завод, и город погрузился во тьму. Вслед за газовым стали все другие заводы и фабрики (кроме железнодорожных мастерских).

А утром 12-го загудели гудки железнодорожных мастерских — забастовали и там. Успех забастовки был полный.

Утром 12-го приехали наши товарищи из Петербурга. К их приезду уже бастовал весь город.

Вечером за городом у нас было собрание активистов-рабочих. Шли по одному, во тьме и тишине, прохажив почти не было, полиция попрыгала. Только шаги рабочих патрулей нарушали тишину. С дубинками они шагали по городу, готовые охранять революционный порядок во время забастовки.

На собрании читали гапоновскую петицию рабочих к царю, приехавшие товарищи рассказали о пережитом в Петербурге — об ужасной по своей жестокости расправе. Затем обсуждали инструкцию Петербургского комитета, наметили конкретный план действий.

Вскоре начались аресты, но мы продолжали с удвоенной энергией нашу работу. На место арестованных товарищей вступали в строй новые. Урок, полученный от царского правительства, не прошел даром. Волна забастовок прокатилась по стране.

VIII. Снова в Питере. Е. И. Калинина. Мое первое выступление

Осенью 1905 г. я с детьми переехала в Петербург и поступила работать корректором в издательство «Просвещение».

Революционные события нарастали. Разразилась всеобщая забастовка. Вышел царский манифест (17 октября) со лживыми обещаниями свободы и реформы. В Петербурге создан первый Совет рабочих депутатов.

Я помню большую демонстрацию. Собрались на Невском проспекте у городской думы и с революционными песнями, без всяких поэм прошли весь Невский, Владимирскую до Загородного проспекта, а когда уже подходили к Семеновским казармам, неожиданно раздалась пулеметная стрельба. Передние ряды смешались, часть демонстрантов побежала назад, опрокидывая идущих сзади. Я упала, меня сильно потоптали. Не знаю, как и кто оттащил меня в какие-то ворота, я потеряла сознание. Там меня и нашли наши товарищи А. Л. Гельфер и В. К. Маштакова.

После демонстрации правительство искусственно создавало погрывные настроения против студентов и революционной молодежи, поощряло черносотенцев. Стал известен приказ генерала Трепова: «Холостных залпов не давать, патронов не жалеть...»

В ответ партия большевиков призывала рабочих к вооружению и отпору. Сбор денег на оружие мы проводили довольно открыто. В Горном институте, в Технологическом и в других учебных заведениях прямо на площадках лестниц за столиками мы проводили сбор денег.

Через Елену Дмитриевну Стасову я была связана с Петербургским комитетом партии и вела пропагандистскую работу в одной сапожной мастерской на Большой Охте, а потом через Екатерину Ивановну Калинину связалась с работницами Ниточной мануфактуры.

С Екатериной Ивановной связаны лучшие воспоминания моей молодости. С тех пор как она в 1905 году пришла ко мне с «явкой» от товарищей из Эстонии, началась наша совместная работа в Петербурге и большая дружба. Так же, как и я, Катя не имела законченного среднего образования, но когда мы встретились, она уже испытала на себе капиталистический гнет, уже имела свой «опыт борьбы» и главное — желание продолжать эту борьбу.

Нас связывает много дорогих воспоминаний, и грустных и радостных. Так же, как и я, она самозабвенно занималась нашей не-

легальной «техникой», проявляя смелость, выдержку и большую находчивость. И теперь, когда мы встречаемся, мы часто уходим в далекое прошлое. Вспоминаем эпизоды, которые сейчас кажутся забавными, а в свое время были довольно опасны. «...Помнишь, как я таскалась с гектографом?..», «А как мы проводили собрания, а как тебя арестовали...» и т. д. и т. д. У нас есть что вспомнить.

Приведу пару эпизодов. Нужно было переправить две большие кипы листовок с Петроградской стороны в Нарвский район. Везти на извозчике было рискованно. Катя нашла выход: вместе с подругой, надев белые фартуки, какие носили горничные, они вдвоем перенесли эти кипы (каждая размером с подушку) на плечах. Среди бела дня через весь город, мимо городских и шпиков листовки были доставлены по назначению. Другой раз было такое дело: мы заподозрили, что за моей квартирой следят, надо было срочно вынести ротатор и прокламации. Дважды я договаривалась по телефону, куда это препроводить, и Е. И., наложив опасный груз в сумку, отослила. И оба раза по указанному адресу нужного товарища не оказывалось дома. То ли там в последнюю минуту испугались, то ли что-то другое помешало, не помню. Помню только, как Катя рассердилась: «Хуже нет, иметь дело с трусами!» Тут к нам пришли еще двое товарищей, все листовки и части ротатора распахали у себя под одеждой и так вышли поодиночке, унеся все в другое место мимо шпиков, уже следивших за домом. Ночью был обыск, но ничего не нашли.

Как-то Екатерина Ивановна пришла ко мне просить какого-нибудь «оратора». Она рассказывала, что у них на фабрике очень несознательные рабочие; имеют даже погромные настроения против студентов и евреев, из-за которых будто бы дорожает жизнь и вообще происходят все беды. После октябрьских событий 1905 года правительство создавало и поддерживало эти погромные настроения.

Мы договорились, что Е. И. организует собрание, а я приведу агитатора, чтоб разъяснить рабочим положение в стране и вести социал-демократическую пропаганду. Мне обещали прислать из Петербургского комитета агитатора. Однако случилось так, что в назначенный день он почему-то не пришел. Я пошла туда очень огорченная, народ уже давно собрался. Говорю Екатерине Ивановне: «Агитатора нет, надо распустить людей». Е. И. заявила сразу, что распустить собрание рабочих невозможно. «Как же так, — возмутилась она. — Люди собрались в первый

раз, ждали так долго, они же потеряют в нас веру, в следующий раз их будет еще трудней собрать. Словом, рабочие ждут, выступай ты». Я боялась, что не сумею. До сих пор мне приходилось беседовать только в небольших кружках и с более организованным народом. «Сумеешь, — сказала Катя. — С нами умела? Так и с ними говори!»

В большой полуподвальной комнате, которую Катя сняла у какой-то женщины, собралось много народа, прямо с работы. Маленькая лампочка освещала только ближайшие лица... Я объявила, что «оратор» заболел, и стала сама рассказывать о событиях, о забастовках... Меня слушали внимательно, все больше заинтересовываясь, обступили вплотную, задавали вопросы, завязалась беседа. Прощались мы уже очень тепло, меня просили обязательно приходить, обещали собрать еще больше народа. Так Е. И. заставила меня впервые выступить; с тех пор мы с ней стали еще активнее работать. Екатерина Ивановна была депутатом от своей фабрики в Первый Совет рабочих депутатов и зимой поехала на съезд (третий созыв рабочих депутатов), происходивший в Финляндии. Там она впервые встретилась с Михаилом Ивановичем Калининным, а в начале 1906 года они оба часто бывали у меня на Забалканском проспекте.

IX. Встречи с В. И. Лениным

Мне на долю выпало большое счастье: я много раз видела В. И. Ленина, слышала его выступления, говорила с ним лично и выполняла его поручения. О Ленине так много написано воспоминаний, что трудно найти какие-то новые слова. Мне по крайней мере трудно. Но некоторые встречи мне так дороги, что я не могу о них не упомянуть.

В начале 1906 года у меня дома (я жила тогда в Петербурге, Забалканский проспект, д. 40, угол Клинского) происходило важное партийное собрание, на котором присутствовал В. И. Ленин. Мою квартиру выбрали потому, что она была очень удобна в конспиративном отношении. Она находилась на 4-м этаже, на 5-м была лечебница, а на 3-м зубной врач. К врачу и в лечебницу всегда ходило много народа, и поэтому приходившие товарищи не вызывали подозрений. Они расспрашивали у швейцара о лечебнице, а шли ко мне.

Должно было собраться человек 15, в том числе Е. Д. Стасова. Секретарь собрания тов. Эссен (партийная кличка «Зверь») сказала мне, что сейчас придет Ленин, он точен всег-

да. И действительно, точно в условленный срок, когда я побежала открывать дверь, я увидела Ленина.

Владимир Ильич прошел с черного хода, через большой двор, проследил, чтоб за ним никто не шел, а когда поздоровался, первыми его словами были: «За мной никого нет, чисто!» Этими короткими словами он показал свою дисциплинированность опытного подпольщика: важно было не притащить за собой «хвост» — шпика.

Ведь тогда, после кратковременных «свобод» девяносто пятого года, многие товарищи стали нарушать правила конспирации.

На собрании обсуждался вопрос о предстоящих выборах в первую Государственную думу. Ленин говорил, что революция не кончилась, и разоблачал вредность конституционных иллюзий, говорил, что дума — это подделка и полицейский обман.

Он настаивал на необходимости активного бойкота выборов в думу.

К сожалению, мне как хозяйке надо было все время следить за домом и быть начеку, так что в тот раз как следует послушать Владимира Ильича не удалось. Но этот день и тогда был для меня праздником, и потом я всю жизнь вспоминала, как Ленин был у меня дома.

В 1907 году Владимир Ильич и Надежда Константиновна жили в Финляндии, в Куоккале, в небольшом домике недалеко от станции. Туда мне пришлось несколько раз носить письма Владимиру Ильичу от ПК, которые мне передавали в Петербурге, и отвозить его ответы. Я жила тогда с детьми в деревне Люта Хенда, недалеко от Куоккалы, на нелегальном положении, по чужому паспорту. В Питер я ездила почти каждый день — за работой в издательство, где брала корректуру, и по партийным делам.

Один раз надо было передать Ленину срочное письмо. Было поздно, идти далеко через лес мне одной не хотелось. Со мной пошла няня моих ребят, она осталась ждать возле дачи, я вошла.

Владимир Ильич и Надежда Константиновна всегда встречали очень радушно, и на этот раз Владимир Ильич стал расспрашивать меня о работе и обязательно хотел напоить чаем. Но я всегда боялась отнимать время у Владимира Ильича и тут сказала, что не могу задерживаться, меня ждет няня.

«Так зовите и еел Надюша, организуй товарищам чай». Я стала отговариваться: нам надо идти, дома остались одни дети. Этот довод показался Владимиру Ильичу убедительным,

детей оставлять нельзя. Но он захотел обязательно пойти с Надеждой Константиновной нас провожать. Я его уверила, что нам не страшно. «Так возьмите хоть свечку», — сказал Ильич и сам принес мне свечу. Вот такой он был внимательный всегда.

Так мы и пошли через лес со свечой, освещая дорогу на один шаг вперед. Вдруг рядом раздается выстрел, и перед нами вырастает человек с ружьем. Растерявшись, я хватаю его за грудь и кричу: «Кто стрелял? Кто стрелял?» Это оказался финн-обходчик. Я на него так налетела, что он сам испугался и знаками стал мне показывать, что стрелял вверх.

Когда в следующий раз я была у Владимира Ильича, он спросил, как мы тогда добралась. Я рассказала ему эту забавную историю, он от души хохотал.

Много раз я еще встречалась с Лениным и после революции, когда работала в Таврическом дворце, в Смольном и потом в Москве, когда была дежурным секретарем в Бюро Секретариата в ЦК и работала на съездах. И всегда его отношение к окружающим его людям казалось мне пределом внимания, человечности и простоты. Но об этом уже писали и говорили тысячи людей.

Я хочу только добавить, что с первых же встреч с Владимиром Ильичем все, что он говорил, было для меня так ясно и убедительно, что я прониклась к нему полным доверием. И я не стесняюсь сказать, что если в партийных спорах мне порой было трудно разобраться, например, когда была дискуссия о профсоюзах, у меня и тени сомнения не было, что надо голосовать, как Ленин, и никогда не ошибешься. Это была не слепая вера, а глубокое доверие.

Х. Отъезд из Финляндии

После ареста весной 1906 года и шести месяцев тюрьмы я перешла на нелегальное положение и переехала в Финляндию, продолжая брать корректорскую работу из Петербурга. Из Финляндии мне пришлось уехать довольно неожиданно. Впрочем, в нашей жизни революционеров-подпольщиков такие «неожиданности» были делом постоянным и привычным.

Как-то мне достали билет в консерваторию на концерт известной певицы Элеоноры Дузе. С паспортом Нины Марковны Познер (Ершовой) я отправилась в Петербург, захватив и пакет с работой.

На пограничной станции Белоостров в вагон вошел жандарм с каким-то штатским и предложил мне сойти с поезда. Стали меня допрашивать: где живу, куда еду, что везу. Возмущаясь тем, что «без всяких оснований» полиция задерживает честных людей, я объяснила, что живу в деревне, потому что у меня слабые дети и «нуждаются в воздухе, а сама тем временем думала об одном: что они обо мне знают и как хорошо, что на этот раз у меня нет с собой ничего, кроме работы для издательства «Просвещение».

Жандарм принялся подозрительно рассматривать мою работу (это была корректура энциклопедии «Наука и жизнь»). Видно, он сам не знал, как к ней отнестись, и медлил. А я чуть не со слезами на глазах показывала им билет на концерт. «Ведь это Дузе! Мне с таким трудом достали билет, теперь я из-за вас опоздаю. Вы понимаете, Дузе!» — твердила я, как будто это было единственное, что меня тревожило.

Наконец меня отпустили, сказав, что за пакетом я должна завтра явиться с паспортом в жандармское отделение на Финляндском вокзале. Из Петербурга я сейчас же отправила одного товарища-студента к Нине Познер с ее паспортом и с точными указаниями, как и что говорить в жандармском управлении, а утром мы уже смеялись по поводу того, как нам на этот раз удалось обдурить жандармов.

Дузе я все же послушала с опозданием, правда, однако, на душе было после этой истории не очень спокойно. Я поняла — раз началась слежка, в Финляндии мне оставаться нельзя.

Через день, наспех собрав самое необходимое, я уже перевозила детей в город.

И тут, как нарочно, когда надо было возможно меньше обращать на себя внимание, мы опаздываем на поезд и вынуждены ночью сидеть на станции. Это была непростительная оплошность для конспиратора, и я очень огорчилась. Спасение явилось в образе писателя Корнея Ивановича Чуковского, который жил тогда в Куоккале. Мы не были близко знакомы, но у нас были общие друзья.

Увидев меня на станции с детьми, Чуковский сразу предложил переночевать у него на даче. Мне было не очень-то удобно в моем нелегальном положении заходить в малознакомый дом и, может быть, подвергать хозяев неприятным объяснениям с полицией, но Корней Иванович ничего не хотел слушать и потащил нас к себе. В доме писателя, где было своих двое или трое ребят, нас приняли очень

радушно, детей моих обласкали, накормили и уложили спать.

Лет через 40, на вечере в Управлении по охране авторских прав, где я работала, выступал Чуковский, и я ему напомнила об этой встрече. Он вспомнил, а может, сделал вид, что вспомнил; для него это был маленький случайный эпизод, а меня Корней Иванович тогда сильно выругил.

XI. Дети

Дети никогда не были помехой в моей работе. Скорее наоборот, они были хорошей ширмой и до некоторой степени отводили от меня подозрения полиции. Действительно, трудно было предположить, что молодая женщина с двумя маленькими детьми, служившая в приличном книгоиздательстве корректором да еще дававшая уроки музыки, будет заниматься опасным революционным делом. За 20 лет до 1917 года я была арестована всего дважды.

А жила я между тем более 10 лет по чужому паспорту. Конспирации ради я снимала квартиру и одну-две комнаты всегда сдавала учащимся. Таким образом, я выглядела вполне «благонадежной» хозяйкой, в то время как квартира была «явкой», и постоянно у нас бывали товарищи большевики на своих путях между ссылками и тюрьмами.

Но дети, конечно, были вымуштрованы у меня хорошо. Они знали, что ни с какими чужими людьми нельзя разговаривать. Они знали, например, что с детства знакомого дядю Арона вдруг надо называть «Владислав Павлович» при посторонних, или «господин Кац», или еще как-нибудь. Они знали, что полиция может арестовать самых хороших людей, что лучшие наши друзья часто попадают в тюрьмы и ссылки, но об этом нельзя рассказывать.

Сами не знаявая того, ребята мне уже помогали. В ученическом ранце-сын переносил листовки, передавал нужные записки. Как-то я дала ему пакет и позвонила Елене Дмитриевне, что посылаю ей книжку по географии, которую она просила. Только через много лет сын мне сказал, что он уже тогда понял, что это вовсе не география, а нечто совсем другое, и когда проходил по улице мимо городского, с гордостью думал, как ему удастся обмануть того.

В Ревеле приходившие к нам товарищи, забавляясь и дурачась, заставляли его, двухлетнего, повторять всякую всячину. Забавно было слушать из уст ребенка такие слова, как «Ни-

колай дурак» и пр. Это было, конечно, неосторожно, и я это как-то остро почувствовала после событий 9 января. Я шла с сыном по темным улицам Ревеля во время забастовки, и он не переставая ворчал: «Николай дуляк, он бьет лабочих...» «Замолчи сейчас же, — говорила я, — нас сейчас арестуют», — а он упрямо повторял свое. Он рано научился писать и всюду, где мог, писал свои «прокламации» огромными буквами: «Тут не надо войны», — писал он. Такие вещи и забавляли и настораживали. Мы все время помнили, как осторожно надо говорить о своих делах при детях.

Когда я была арестована в 1906 году в Питере, моим ребятам было: сыну три с половиной года, дочке меньше двух. Мне принесли их в тюрьму «на свидание». Как-то сын пожелал остаться, и надзирательница разрешила. Несколько суток сидел со мной мой Павлик, выходил гулять в тюремный двор с надзирательницей, но потом запротестовал: «Все на ключ и на ключ», — говорил он.

Сын мой был в тюрьме «добровольцем», но там был у нас ребенок со своим сроком — сидела цыганка по уголовному делу с маленьким очаровательным мальчиком, любимцем всей тюрьмы. Часто высываясь из окна, он кричал настойчиво и упорно: «Я не головный, я потитицкий», что означало, что он не уголовный, а политический заключенный.

Дети все же дети, и как я ни пыталась обучать их конспирации, были случаи, когда они могли меня здорово подвести.

В Петербурге ребята учились в частной школе, которой руководили очень передовые по тому времени педагоги-энтузиасты Е. А. Насонова и О. А. Яковлева. Обе они сочувствовали революции, как я позже узнала, и были связаны дружбой кое с кем из подпольщиков-большевиков (например, с Н. А. Крыленко — «товарищ Абрам»). Но тогда я всего этого не знала и, конечно, никаких разговоров о своих делах и связях не вела. И вот один раз Екатерина Александровна Насонова сказала мне, тихо и по-хорошему улыбаясь: «Сегодня ваш Павел выдал вас с головой», и рассказала, как среди ребят возник разговор о Христе и когда кто-то спросил: «А что было бы, если б вдруг сейчас Христос явился?», мой восьмилетний сын с полной уверенностью заявил: «Его бы арестовали». Он знал, что всех хороших людей арестовывают.

По тому, как мне об этом сообщили, я поняла, что имею дело с настоящими людьми, и, когда один раз мне предстоял арест, я смело доверилась им, и они охотно взяли мо-



Семья Т. А. Словатинской, 1909 год.

их ребят на несколько дней, чтоб я могла соответствующим образом подготовиться, и «в случае чего» обещали о них позаботиться. Но в тот раз дело ограничилось обыском, и меня не взяли.

Когда после Февральской революции, работая в ЦК, я часто бывала то в Таврическом дворце, то в райкоме, на митингах, демонстрациях — всюду, где только можно, где это не мешало работе, я брала с собой ребят. Мне часто говорили знакомые: «Сами рискуете головой, зачем подвергаете опасности детей?», но я на это не обращала внимания. Я сама переживала тогда такой подъем и радость, и мне хотелось, чтоб и дети это чув-

ствовали. Я брала их с собой на похороны жертв революции на Марсовом поле (когда обыватели пугали, что будет давка и может быть повторение Ходынской катастрофы), и на встрече Ленина ночью на Финляндском вокзале, и, конечно, на демонстрацию 1 Мая.

Помню, как шла я с ребятами с Васильевского острова на Петербургскую сторону — мы должны были идти с ПК, который помещался в дворце Кшесинской. Со всех сторон собирались кучки рабочих демонстрантов с флагами. У всех были красные банты, у моих ребят тоже. Я шла и не могла удержаться слез. «Если б вы знали, — говорила я детям, — как праздновали раньше мы этот день...»

Мы шагали в рядях, пели подряд все революционные песни, а Н. И. Подвойский стыдил товарищей: «Надо петь «Интернационал». Неужели не знаете слов, стыдно!» (А многие, действительно, еще не знали.) И тут же очень многие со слов Николая Ильича выучили слова «Интернационала»...

Когда дети подросли, они мне помогали: дочка делала всякую техническую работу: писала адреса и клеила марки на циркулярных письмах ЦК, продавала «Правду» и другую большевистскую литературу и пр. Сыну поручали уже более ответственную работу в газете «Правда» и в Василеостровском райкоме партии. И в 14 лет он уже вступил в партию.

XII. О конспирации

Мои дети и внуки частенько подсмеиваются над моей приверженностью к конспирации, которая у меня осталась от старых подпольных времен, и до сих пор я все якобы конспирирую. Это, конечно, шутка, но в ней есть и доля истины.

Многолетняя привычка «быть начеку», не доверяться малознакомым людям и не болтать лишнего, конечно, оставила след в моем характере. Все же 20 лучших лет жизни я вела в подполье борьбу с царскими слугами. Теперь, на сороковом году Советской власти, та наша жизнь многим, да и нам самим порой, кажется очень романтичной, а ведь была она трудной и опасной. Знать, что тебя и твоих друзей все время преследуют полицейские ищейки, что в любую минуту могут лишит свободу, разбросать в разные стороны семью и на какое-то время, а может и навсегда, оставить детей сиротами, — все это не просто, и надо соблюдать осторожность; и это необходимо не только ради собственной безопасности, а ради дела, которому мы посвятили нашу жизнь. Смелость большевика не в том,

чтобы лезть на рожон. Настоящего революционера не пугают и не останавливают трудности, но он не допускает никакой «игры в опасность», никакого лишнего риска.

Отсюда и конспирация, отсюда и моя привычка к ней. Я и сейчас в свои личные и общественные дела посвящаю только тех, кого это непосредственно касается. Я и сейчас терпеть не могу болтливых людей. У меня нет к ним доверия. Получая партийные поручения от старших товарищей (Сольца, Стасовой и др.), я получала также и всякие указания о том, как разговаривать с жандармами, как сбивать со следа шпииков, как прятать и передавать нелегальную литературу и пр. Отбрасывая ложную скромность, могу сказать, что я оказалась способной ученицей и «законы конспирации» усвоила хорошо. А в практическую работу вносила много собственного творчества и придумывала всякие уловки, чтоб обмануть врагов. Сейчас странно вспоминать всякие мелочи, которые приходилось придумывать, а тогда это были необходимые элементы подпольной работы.

Один раз, когда у нас печатались листовка, раздался звонок. Я пошла к двери и начала громкий разговор через дверь, изображая бестолкового человека, который испуган и не соображает, что делать. Я дала время товарищам убрать всю «технику». И когда, наконец, открыла дверь, все было в порядке.

Однажды во время ночного обыска у меня оказалась Е. И. Калинина. Я знала, что меня арестуют, и, сделав вид, что я хозяйка, а она няня моих детей, я все время громко давала ей хозяйственные указания, что и как делать без меня, и между тем передавала ей, а она прятала кое-какие нелегальные бумаги. Е. И. сама была достаточно «стреляный воробей». Она понимала меня с полуслова, быстро вошла в роль и ловко перекладывала «литературу» по моим указаниям.

А как мы изощрялись, чего только не придумывали, чтоб установить связь с товарищами, сидящими в тюрьме. С передачами мы ухитрялись посылать записки, всячески стараясь держать товарищей в курсе наших партийных дел. Так, например, свернутые в трубочку тончайшие записки я засовывала в финики, вынув косточки, и в грецкие орехи. Помню, получила письмо из тюрьмы, что грецкие орехи оказались особенно вкусными, и просьбу прислать еще. Конечно, было большой радостью получить такой «привет». Случались, конечно, и неудачи, но ни при каких обстоятельствах мы не опускали рук, а искали новых путей связи.

Можно было бы вспомнить еще много фактов из рассказов товарищей об организации побегов, о проведении «эксов» (экспроприаций). В героических эксах мне не приходилось участвовать, разве что давать приют товарищам, их совершавшим, но вот запомнился один случай с бомбами.

Это было в пятом году. Партия готовила рабочих к вооруженному восстанию. Однажды мне поручили получить и доставить по назначению две бомбы. По указанному адресу, где-то на Большой Охте, в закоулках, в небольшом домике я с трудом разыскала слесарную мастерскую и товарища, который их делал. Получив бомбы (без запалов), положила их в сумочку и пошла. Кроме бомб, у меня еще одно важное письмо было, которое тоже надо было передать по назначению.

Было уже поздно, темно, до города далеко. Я решила зайти переночевать к товарищу А. Л. Гельферу — доктору-большевику, который жил на Охте. Меня уложили в пустой комнате. Перед сном я на всякий случай завернула бомбы в сверток в виде колбасы и на веревочке вывесила его через форточку наружу, на подоконник, где лежал снег. А. Л. Гельфер пришел поздно, я ничего ему не сказала. А среди ночи явилась полиция арестовать А. Л. и его сестру Лизу. К нему ходило много товарищей, и за квартирой, оказывается, давно следили.

Я услышала шум и топот в соседней комнате, там начался обыск. В коридоре стояли понатые. Пока я обдумывала, что делать с письмом, которое было спрятано у меня на груди, вошли в комнату, где я спала. Гельферы сказали: «Это наша родственница, она здесь не живет, приехала в гости». Жандармы привели женщину, жену дворника, чтоб меня обыскать.

Я начала второпях одеваться и нарочно рассыпала из кармана юбки деньги. Хотя меня торопили, я стала ползать по полу, собирать медяки, будто ничего спросонку не понимая, и в это время сумела незаметно засунуть письмо под комод. На мне ничего не нашли, комнату бегло осмотрели, к окну даже не подошли. Гельфера и его сестру увели, у них была найдена запрещенная литература. Я осталась утешать плачущую жену А. Л., а утром поскорее унесла все по назначению. А если бы у меня нашли бомбу или то письмо, дело могло бы кончиться для всех очень серьезно.

О своих выдумках надо было делиться с товарищами очень осторожно. Каждый новый способ связи, передачи, организации побега надо было беречь от ненадежных и болтливых людей. Хорошо помню, как мы возмуца-

лись Троцким: ему удалось бежать из ссылки каким-то новым путем, через Северный Урал, а потом он за границей выпустил брошюру «Туда и обратно», где подробно описал этот свой ловкий путь и закрыл его таким образом для других сыльных.

Порой эта конспирация обходилась довольно дорого. Когда освобождали Арона Солца, я поехала к тюрьме встретить его. Он вышел весь заросший, как дикий образ, с тяжелой корзиной книг, которые накопились у него за время сидения. Решили, что он немедленно отправится в парикмахерскую и баню, а я отвезу на извозчике книги. Но, подъезжая к дому, я подумала, что извозчику, которого взяли у тюрьмы, совершенно незачем показывать мою квартиру. Поэтому я сошла не доезжая, а когда он отъехал, потащила корзину. В общем я тогда здорово надорвалась, получила серьезную болезнь на всю жизнь.

Очень важно было правильно вести себя по отношению к представителям власти, с которыми, хотя мы этого всячески избегали, приходилось сталкиваться. У полицейских чинов в обращении с нами тоже были разные методы: иногда они бывали очень грубы, а иногда предупредительно вежливы и даже чрезмерно любезны. Порой изображали сочувствие или прикидывались либерально мыслящими людьми. Я рано научилась сдержанности, не верила «словам», подвергала сомнению любезности полицейских.

Еще в самом начале моей революционной работы один товарищ поучал меня, как держаться на допросах. Самое лучшее — на все отвечать «не знаю». Что бы ни спрашивали. Рассказал мне такой случай из своей богатой практики: «Спрашивает, спрашивает меня жандарм, а я все «не знаю» и «не знаю». Он говорит: «Ну, ладно, а если я спрошу вас, сколько вы платили за это пальто, вы мне тоже не скажете? Ведь это никакого отношения не имеет к делу?» — «Все равно скажу «не знаю», потому что, раз вы спрашиваете, значит вам надо, а раз вам надо, то и не скажу».

Когда меня арестовали в 1906 году, допрашивал меня один жандармский полковник. Видно, хотел усыпить мою бдительность, изображая из себя такого мягкого человека, либерала. Пустился в «откровенный разговор». Он, мол, не просто полицейский, показал свой университетский значок, сказал, что он тоже за прогресс, только не путем революции, а путем эволюции, словом, всячески старался и меня вызвать на откровенность. Я все молчала, а на прямые вопросы отвечала «не знаю».

Вошел прокурор, жандарм показывает ему пустой лист допроса, плечами пожимает: «Она по-видимому, так запугана, слово боится сказать. Думает, что мы не люди, а какие-то разбойники». Стали теперь оба меня убеждать не бояться, говорить свободно и пр. Я продолжала свою тактику. Пусть за кого хотят принимают, за запуганную дурочку, не дам им ни слова для протокола. Показывают мне большой, весь исписанный лист: «Марию Николаевну знаете?» — «Не знаю». — «Да как же не знаете, она про вас вон сколько написала». — «Не знаю, читать не стану» (хотя прочесть было интересно). — «Фрумкина знаете?» — «Не знаю». — «Как не знаете?! Вы же его на вокзале встречали, там-то!» Это было, верно, встречала, но я опять говорю: «Не знаю». Они начали терять терпение. «Разве вы слышали, чтобы прокуроры привлекали когда-либо человека без оснований?» Тут я тоже не стерпела и выпалила: «Сколько угодно!» — «Где? Когда?» А я опять замолчала. Так и отстали. Осудили меня только на основании найденных у меня при аресте листовок.

В 1913 году после ареста жившего у нас Арона Сольца и обыска у меня в квартире я, конечно, ожидала допроса и, может быть, ареста. Меня действительно вызвали в охранку. Идти или не идти, думаю. Сама ведь я жила по чужому паспорту. Посоветовалась с товарищем-юристом. Н. Н. Крестинский сказал: «Идите. Там у них сейчас такая горячка, такая неразбериха. В связи с наступлением романовских дней (был трехсотлетний юбилей царствования дома Романовых) арестовывают массу народа, сами запутались».

Я оделась пошикарнее, друзья достали мне какую-то ротонду, шляпу с вуалью, и в таком respectableм виде отправилась. Прихожу. В большой комнате стоит, как в ресторане, множество столиков, за каждым по двое — это одновременно ведутся беседы с вызванными людьми. Сажусь и я. Следователь подает мне связки фотографий, они, как баранки на веревке, нанизаны. «Посмотрите, нет ли знакомых». Перебираю карточки с равнодушным видом, а сама думаю, кого из друзей сейчас увижу. Смотрю — Арон. Скрывать нет смысла, восклицаю радостно: «Так это же господин Кац, наш жилец!» — «Откуда вы его знаете?» — «Совсем не знаю, он снял у меня комнату по объявлению». — «Так вот, — сообщают мне торжественно, — это вовсе не Кац, у него совсем другая фамилия». (Я поражена.) Следователь: «Смотрели вы его паспорт?» — «Не смотрела, отдала дворнику на прописку, и все». И тут мне пришлось выслу-

шать подробное внушение о том, насколько важно хозяйке квартиры проверять паспорта. С тем меня и отпустили.

Здесь я хочу сделать маленькое отступление. При всей моей ненависти к жандармам и прочим полицейским чинам, надо сказать справедливости ради, что не все они были собаками. Попадались просто тупые и продажные люди. Дашь ему целковый — пропишет кого надо, не донесет куда не надо. Были и такие, что пытались выразить сочувствие или дать добрый совет. Как-то отнесла я передачу в тюрьму. Очень старательно и, мне казалось, надежно наложила туда записки. Возвращает мне тюремный надзиратель мою корзину, а там на дне все мои записочки. «Ну, — думаю, — плохо дело, лишат передачи или что еще похуже». А он только сказал: «Больше так не делайте, барышня».

А с Эсфирью Сольц был еще более странный и забавный случай. Как-то на улице она уронила и рассыпала пакет с прокламациями. Стала подбирать, подошел городской и стал любезно помогать. Эсфирь оцепенела, ждала ареста, но городской, увидев, в чем дело, начал говорить: «Вот вы, господа революционеры, пишете листки о положении рабочих, защищаете их, ругаете полицию. А знаете, какая у нас тяжелая жизнь, какие гроши получаем, как начальство обращается. Вы бы и про нас написали». Помог все собрать, отковырял и отошел. А в Вильно и вовсе был у нас один «свой» жандарм, отец одного нашего товарища гимназиста. Он не раз через сына собиравал нам ценные сведения, предупреждал о готовящихся обысках и пр.

Но ни о каком доверии и речи не могло быть. Однако на хорошее обращение отвечали хорошим отношением. Рассказывал мне тов. В. А. Трифонов, как гнали их в ссылку по этапу, большую группу. И попались конвойные молодые ребята, только что призванные служить. Простые и хорошие, чем могли, они старались облегчить путь. Так ссыльные решили между собой: не бежать с дороги, не подводить конвойных. Так и шли до места, а там уже планировали и совершали побег.

Не думаю, что эти факты могут иметь сейчас какое-либо практическое значение (скажем, для политзаключенных в странах капитала). «Теперь «техника» не та. Но мне кажется, для молодежи, которая изучает историю революции, все эти «детали» могут быть интересными. Они говорят о нашей целеустремленности, которая порождала упорство, изобретательность и находчивость, активность и смелость. Мы знали, за что мы боремся.

ИСКРЫ

№ 43.

Иллюстрированный художественно-литературный журнал с карикатурами.

Выходит еженедельно при газете „Русское Слово“

Подписная цена на год в том. 8 р., по почте — 2 р. 50 к., на 3 мес. 1 р. 30 к., на 1 мес. — 80 к.

РЕДАКЦИЯ: Москва, ул. Мясницкая, 10. ТЕЛЕГРАММНЫЙ АДРЕС: ИСКРЫ.

№ 43.

РАЗГРОМЛЕННАЯ МОСКВА.

Воскресенье 19 ноября 1917 года. На этот раз дело, которое началось с того, что в Москве, в районе Мясницкой улицы, в доме № 10, в котором находится редакция „Искры“, произошло нечто необычайное. В этот вечер, в 10 часов вечера, в дом этот вошли несколько человек, во главе которых стоял некто, называвший себя „командиром“ и объявивший, что он является представителем „народной власти“ и требует от редактора „Искры“ прекратить издание этого журнала. Редактор, не желая вступать в спор с „народной властью“, согласился прекратить издание „Искры“.

Воскресенье 19 ноября 1917 года. На этот раз дело, которое началось с того, что в Москве, в районе Мясницкой улицы, в доме № 10, в котором находится редакция „Искры“, произошло нечто необычайное. В этот вечер, в 10 часов вечера, в дом этот вошли несколько человек, во главе которых стоял некто, называвший себя „командиром“ и объявивший, что он является представителем „народной власти“ и требует от редактора „Искры“ прекратить издание этого журнала. Редактор, не желая вступать в спор с „народной властью“, согласился прекратить издание „Искры“.



Послѣ боя и пожара.

Восстановление разрушенного здания в Петербурге. Вид на здание после пожара. Вид на здание после пожара.



Восстановление разрушенного здания в Петербурге.



Восстановление разрушенного здания в Петербурге.

ъ Кремля.

В Москве, в Кремле, в стенах
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях

и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях

и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях
и в башнях, в стенах и в башнях



Успенский собор Кремля. Вид с площади перед собором.



Палата князя Александра Невского. Вид с площади перед палатой.



Успенский собор. Вид с площади перед собором.



Палата князя Александра Невского. Вид с площади перед палатой.

На улицахъ

Създадена е нова улица в градъ Бургасъ (България) по проектъ на архитекта г-нъ Димитровъ. Улицата е широка и красива, с красиви къщи и магазини. Вдлъж нея са построени и много паркове и градини. Това е едно отъ новите и красиви градове в България.



Древенъ транспортенъ автомобилъ (България)



Улица в Бургасъ



Библиотека в Бургасъ (България)



Улица в Бургасъ (България) с красиви къщи и магазини



Правителствена сграда в Бургасъ (България)

МОСКВЫ.

Самые старые постройки в Москве — Кремль и Китай-город. В старейших частях города сохранились остатки древней Москвы — Китай-город и Кремль.

В старейших частях города сохранились остатки древней Москвы — Китай-город и Кремль. В старейших частях города сохранились остатки древней Москвы — Китай-город и Кремль.

В старейших частях города сохранились остатки древней Москвы — Китай-город и Кремль.



Исторический музей. Исторический музей. Исторический музей





Handicrafts in the mountain regions of the Andes



Government building, mountain region of the Andes



Handicrafts in the mountain region of the Andes



Handicrafts in the mountain region of the Andes

Въ здании Суда

Фотомонтажъ рисунковъ и фотосъ изображенъ въ здании бывшаго суда въ Ленинградѣ. Зданіе разрушено въ 1918 году. На фотосъ изображены: Потрясающія картины въ разрушенномъ здании бывшаго суда. Зданіе разрушено въ 1918 году. На фотосъ изображены: Потрясающія картины въ разрушенномъ здании бывшаго суда.



Кабинетъ цинки въ здании бывшаго суда



Кабинетъ ризы въ здании бывшаго суда



Залъ бывшаго заседания. На полу—пудовыя лопы, на стенах—лестныя вырванныя



Залъ въ бывшемъ здании бывшаго суда



Кабинетъ въ здании бывшаго суда. На фотосъ изображены: Потрясающія картины въ разрушенномъ здании бывшаго суда.



Залъ бывшаго ресторана въ здании бывшаго суда

Въ Никитскомъ районѣ.



Узкий уголъ Колодезья въ Никитскомъ Районѣ.



Разрушенный и сохранившійся Преображенскій монастырь на Голубой Бухарѣ въ Никитскомъ Районѣ.



Книжная издательская палата, принадлежавшая издательству.



Книжная издательская палата въ Никитскомъ Районѣ.



Однѣ изъ оконъ въ Никитскомъ Районѣ.



Многоэтажный домъ въ Никитскомъ Районѣ.



Баррикады на Арбате. Москва, октябрь 1917 г.

Г. Артемова
**Октябрьские дни
 в Москве**
 Воспоминания участников

Судьба вооруженного восстания в Москве решалась в многодневных боях. По одну сторону баррикад были рабочие и солдаты, возглавляемые большевиками, по другую — силы контрреволюции, объединившиеся вокруг Комитета общественной безопасности.

В ночь на 26 октября по приказу партийного центра были заняты почта и телеграф. В ответ на это юнкера захватили здание думы и манеж. Попытку белогвардейцев проникнуть в Кремль сорвали солдаты революционного 56-го полка, несшего охрану Кремля. Командующий Московским военным округом полковник К. И. Рябцев предъявил восставшим ультиматум. Он требовал распустить Военно-революционный комитет и вывести из Кремля 56-й полк. На размышление давалось 15 минут, после чего полковник грозил применить артиллерию против Московского Совета. Ультиматум был отклонен без обсуждения.

27 октября юнкера совершили ряд налетов на помещения Военно-революционного комитета, заняли Бородинский мост, укрепились на Садовом кольце. Первое крупное вооруженное столкновение произошло 27 октября на Красной площади между юнкерами и отрядом двинцев, потерявших около 70 человек.

Утром 28 октября Рябцев предложил команданту Кремля О. М. Берзину сдать Кремль, заверив его, что восстание подавлено и ВРК распущен. Из-за отсутствия связи, не зная о действительном положении дел, Берзин приказал открыть Троицкие ворота. Ворвавшись в Кремль, юнкера учинили расправу над солдатами, расстреляв из пулеметов около 300 человек.

К концу дня 28 октября почти весь центр города был захвачен силами контрреволюции. В этих условиях успех восстания решали районы, призванные ВРК и Центральным советом профсоюзов к вооруженной борьбе.

В течение всего дня 29 октября красногвардейские отряды районов вели ожесточенные бои. Пытаясь спастись от поражения, Комитет общественной безопасности и меньшевистский Викжель предложили Военно-революционному комитету заключить перемирие.

30 октября было потрачено на бесполезные переговоры о создании коалиционного правительства. Вскоре стало ясно, что контрреволюция затеяла эти переговоры с целью выиграть время и подтянуть подкрепления. После того, как по требованию МК переговоры были прерваны, произошел решительный перелом в ходе восстания.

31 октября по приказу ВРК началось наступление. Ряд белогвардейских гнезд был обстрелян артиллерией. Два дня бои не прекращались. Юнкера, отчаянно сопротивляясь, отступали в сторону Кремля. За Кремлевскими стенами укрылся и бежавший из здания городской думы Комитет общественной безопасности.

В ночь на 2 ноября начался артиллерийский обстрел Кремля. На рассвете 3 ноября революционные силы вступили в Кремль.

Так, на восьмой день после начала восстания, говорилось в манифесте ВРК, «ценою крови мужественных бойцов — солдат и рабочих — была достигнута победа».

Представленные ниже воспоминания были написаны активными участниками октябрьских боев — рабочими, красногвардейцами и руководителями восстания — ряда районов Москвы. Записанные по горячим следам событий, эти рассказы подкупают своей непосредственностью и правдивостью. Все они публиковались в начале 20-х годов.

Воспоминания печатаются с незначительными сокращениями.

Замоскворецкий район

Помню, в 12 часов ночи позвонили по телефону, чтобы оставить завод и послать рабочих за получением оружия в Московский Совет. На заводе было около 200 красногвардейцев. Когда позвонили по телефону, приказав идти в Московский Совет за винтов-

ками, я, чтобы убедиться лично, поехал в Совет. Подъезжая к Каменному мосту, я встретился с цепью юнкеров. Тогда еще активных действий они не проявляли, но факт тот, что они шли в наступление, чтобы захватить мост и электрическую станцию. Мне пришлось вернуться.

Помню, как на Серпуховской площади было столкновение со студентами. Тут была организована группа в 15—16 человек под командованием офицера. У моста было первое сражение. Рабочие предложили сдать оружие, у них был сильный революционный подъем. На угрозы они отвечали выстрелами, студент был ранен, офицер убит, остальные сдались в плен. Это первое, что происходило в Замоскворецком районе.

На следующее утро рабочие организованно шли с завода в революционный комитет с требованием выдать им винтовки и отправить на поле сражения. Рабочие также шли в одиночку и предъявляли требования об их вооружении. Шли даже старики и женщины. На заводе Михельсона была организована санитарная команда из 150 женщин, которые принимали активное участие в борьбе. Часть из них сражалась в окопах, часть находилась в санитарной команде: перевозили, перетаскивали патроны и т. д.

Помню, при сражении у Каменного моста был убит молодой 18-летний юноша, слесарь завода Михельсона, Александр Киреев. Вражеская пуля сразила его, попав в голову. Во время стрельбы он кричал: «Товарищ Стрелков, Уваров, бей белогвардейцев!»

Помню, когда мы пошли с рабочими в наступление на Крымский мост, по рабочим стреляли на Остоженке почти из каждого окна. В Замоскворецком районе все было спокойно, потому что здесь рабочий район и живут исключительно рабочие, но как только перевалили через Крымский мост, так сейчас же картина изменилась. Там ждал нас буржуазный элемент, который, увидев рабочих, начал в них стрелять из-за угла.

Помню, когда происходило сражение в окопах на Остоженке, был убит мальчик 15 лет с завода Михельсона — Андреев, он работал учеником на заводе, был сыном кузнечного мастера нашего завода. На Остоженке он не удовлетворился стрельбой из окопов, не видя противника. Влез на бруствер окопа; белогвардейцы заметили смельчака, открыли пулеметный огонь и изрешетили его пулями. После этого он был втащен в окоп, отправлен в госпиталь, где промучился около трех суток.

Помню, так же погибла Люся Лисинова — курсистка Коммерческого института, энергичная, с большими организаторскими способностями. Она находилась в санитарном отряде, бесстрашно исполняла свой долг. На Остоженке вражеская пуля сразила ее прямо в грудь.

Надо особенно отметить роль рабочих трамвайного парка, которые во время Октябрьской революции бесстрашно возили красногвардейцев. Рабочий совершил Октябрьскую революцию своими руками, и теперь этот рабочий своими руками победит и экономическую разруху Советской республики.

Уваров — рабочий с завода Михельсона. Речь, произнесенная в Институте К. Маркса 6 ноября 1921 г. «Октябрьские дни в Москве и районе». М., 1922.

Суцевско-Марьинский район

Узнав на заседании районных дум о выступлении белогвардейцев, я немедленно сообщил об этом дежурному члену завкома завода № 33 т. Цыганову и секретарю завкома т. Доман, прося их снять с работы из ночной смены всех членов партии и сочувствующих и направить их в распоряжение районного ревкома.

Через 10 минут мы с Щукиным и другими членами думы с нашего завода пришли на завод.

Во дворе нам представилось красивое зрелище: выстроившись десятками, стояли члены партии и сочувствующие стройными колоннами, отправлявшиеся в распоряжение Бутырского и Суцевско-Марьинского ревкомов.

Рабочие, встревоженные уходом коммунистов и им сочувствующих, остановив работу в мастерских, быстро заполнили весь двор.

Не успели мы взобраться на трибуну, как со стороны центра началась ружейная и револьверная перестрелка.

Вся эта масса, организованная в десятки, быстро направилась в распоряжение Бутырского и Суцевско-Марьинского ревкомов. Небольшая часть была оставлена для охраны завода. Здесь же выделена группа женщин в разведку, санитарные отряды, заведовать продовольствием.

В первую ночь боев рабочие завода № 33, заняв театр «Олимпия», ждали дальнейших распоряжений.

При выступлении во всем районе было 4—5 старых ружей, да и те не все работали. Первое оружие, которое мы получили, это было около 17 берданок, полученных из конвойной команды, находившейся против завода и присоединившейся к Советам. Одно из этих ружей было оставлено для охраны завода № 33, а остальным вооружили рабочих, направленных в распоряжение ревкома.

Некоторые отряды из нашего района, перемешавшись с отрядами других районов, весьма успешно выбивали белогвардейцев из занятых ими домов по Никитской улице, тесня их от Газетного переулка по направлению к Никитским воротам.

2 часа ночи. По Б. Грузинской огни не горят, только прохожие нарушают тишину.

— Стой! Кто идет? — раздается зычный голос.

Из-за угла Зоологического сада выскакивают в засаленных блузах и пиджаках с направленными дулами револьверов в упор. «Свои!» — кричим в ответ. Через 2 минуты мы окружены со всех сторон. Ознакомились с нашими мандатами; мы направляемся дальше. Осенний, холодный, сырой, с крупинками дождя ветер пронизывает нас насквозь, заставляет ежиться.

Проходим по Кудринской улице. Темно, в двух шагах невозможно различить человека. Когда проходим по двору здания Пресненского ревкома, вдруг раздался, как бы у самого уха, пушечный выстрел, который был так силен, что оглушил нас, заставил вздрогнуть землю. Через четыре шага мы заметили пушку с обращенным на улицу жерлом. Внутри помещения ревкома светло, набито народом, кругом шум, смех. Настроение крайне повышенное. В комнатке ревкома тов. Бельский встречает нас с распростертыми объятиями, угощает чаем, хлебом и мясными консервами, отнятыми, по его словам, у юнкеров. Обрисовывает положение района, успехи на местах сражений, уверенность в скорой победе сквозит в его словах. Интересуются происходящими событиями в Суцевско-Марьинском районе.

В Октябрьские дни Суцевско-Марьинский район являлся неисчерпаемым источником сил, непрерывным резервуаром пополнения, и он выполнил возложенные историей задачи.

Илья Батышев, — член районной думы. «Рабочая Москва», 1922, 7 ноября.

Басманный район

Наш район соприкасался с кадетскими корпусами и Алексеевским военным училищем. Кроме того, недалеко от Разгуляя помещалась школа прапорщиков. Помнится, в первый же вечер расставили мы своих красногвардейцев на посты, послали патрули по всему району. Решили бороться с продажей самогонки.

А тут с первого дня все фабрики и заводы стали требовать оружия для охраны предприятий. Оружия! Наши красногвардейцы шли на посты, и на всех не хватало винтовок. А патронов! Как были счастливы товарищи, когда им выдавали по 5, а то и по 3—2 патрона.

Патрули доносили, что юнкера разъезжают на грузовиках и везут оружие.

Но на 3—4-й день оружие стало прибывать к нам в большом количестве. Найден был целый склад, принадлежал он железнодорожникам.

В нашем районе военных частей было очень мало. Самой лучшей боевой единицей был самокатный батальон, расположенный в казармах, на тогдашней Немецкой, а теперь улице Баумана.

Были две дружины, состоящие из стариков, последних годов запаса, все они были на стороне революции.

Была еще на свечном заводе казачья сотня. С их делегатами мы в первый же день устроили совещание, и они заявили, что будут держать нейтралитет, и действительно это выполнили.

Были еще команды выздоравливающих, те в значительном количестве вливались в наши вновь организуемые отряды.

Чуть ли не на второй день восстания центр потребовал у нас присылки отряда. Мы вызвали добровольцев, их нашлось больше чем нужно.

Нашему району пришлось совместно с Лефортовским и Рогожским брать Алексеевское военное училище, приходилось наступать, рыть окопы, обстреливать — и все это в значительной степени делали красногвардейцы, которые впервые в своей жизни взяли в руки винтовку и тут, в буквальном смысле слова, учились военному делу на баррикадах.

А враги! Юнкера, офицеры под командой лучших полковников и высших чинов старой армии.

Мне вспоминается, что за все время восстания у нас было 2—3 прапорщика. Один из

них, товарищ Севецкий, из батальона самокатчиков, выделялся самым добросовестным и героическим отношением к восстанию. Правда, он вскоре после победы вступил в ряды нашей партии.

Это самое поразительное явление во время восстания — все восстание провели сами рабочие и солдаты и только нас человек 5—6 старых партийных работников.

Такого образцового порядка, какой был в районе в те дни, трудно себе представить, а ведь очень скоро, как только взяли Алексеевское училище, мы все свои отряды отправили в центр, и они брали Ильинку, Красную площадь, Метрополь и городскую думу.

Героем революции была сама масса, которая стихийно, в процессе самой борьбы выделила Красную гвардию.

Нельзя никогда позабыть дорогих для нас могил, что у кремлевской стены.

А. Н. Мандельштам (Одиссей) — председатель ревкома Басманного района. «Рабочая Москва», 1922, 7 ноября.

Симоновский район

...Под боком у нас находились Крутицкие казармы, в которых, помимо солдат, находилась 6-я школа прапорщиков, и это соседство нас страшно нервировало, так как казармы находились на хорошем стратегическом пункте и угрожали нашей главной артерии (Камер-Коллежскому валу), по которой проходило все движение Симоновки. И это единственная хорошая дорога, связывающая Симоновку со всей Москвой; да к тому же из казарм можно было хорошо обстреливать ревком, пороховые склады и всю Симоновку.

Отсюда и очевидна наша нервность; и всякий раз, когда я проезжал со своим отрядом мимо казарм, выполняя боевые задания, мы держали всегда винтовки наготове, готовые при первом выстреле открыть огонь, но там все злое молчало и это больше бесило нас. Правда, в отношении их были приняты меры. За ними велось наблюдение, кругом лежали за прикрытием красногвардейцы. Но это не могло нас утешить, потому что мы знали, что противник сильнее, обученнее, дисциплинированнее нас и т. д. и т. д.

И вот тов. Гончаров предлагает мне немедленно отправиться в Крутицкие казармы парламентаром для переговоров о сдаче, забрав

с собой т. Марчиняка и еще второго (не помню, кто это был).

Я направился для выполнения приказа ревкома. Объяснил цель моего прихода пикету, стоявшему у ворот; меня пропустили во двор, а там послали доложить по команде. Ожидая их решения, я наблюдал, что делается у них, — всюду ходили вооруженные группы по три, по пять человек. В главном корпусе, на чердаке, я заметил наблюдавших юнкеров, и вообще казармы представляли вид военного лагеря, собирающегося иметь бой.

Мои наблюдения были прерваны приходом двух юнкеров, которые прежде всего предложили оставить оружие у часового, стоящего у ворот, и на обратном пути взять его.

Я категорически заявил, что этого не выполню: пришел к ним не драться, а вести переговоры, поэтому они могут быть спокойны, тем паче, что численный перевес на их стороне — нас всего трое, а их батальон, и они смогут нам дать отпор.

После некоторых пререканий я, наконец, вместе со своими спутниками, вооруженный, направился в главный корпус, на 2-й этаж, где у них была столовая.

Придя туда, я застал юнкеров почти всех в сборе. Став на лавку ближе к окну, выходящему на улицу, я предложил от имени ревкома сдаться и сдать оружие, предложив это исполнить в течение 15 минут, в противном случае по казармам будет открыт артиллерийский и ружейный огонь, и все равно они никуда не уйдут, так как казармы кругом обложены Красной гвардией. И как бы в доказательство моих слов, здесь же стали поступать донесения, что «кругом происходит перебежка красных, по всей вероятности, они готовятся к наступлению».

На мое предложение сдаться я получил ответ, что они согласны исполнить, но без разоружения. Я повторил категорически свое требование, добавляя, что время истекает и наши могут пойти в наступление, доказывая бесполезность сопротивления, так как все равно они будут разбиты и только будет лишняя кровь.

Тогда меня попросили подождать, с тем чтобы они смогли провести собрание и договориться, так как «для них сдать оружие — хуже смерти». «Многие потеряли все, и это им же заменят жен, отцов и матерей...» «Они лучше умрут, но не сдадут его...»

Эта школа состояла почти вся из георгиевских кавалеров, поэтому они считали

для себя позорным выполнение моих требований.

Я еще раз повторил требование, внося корректив, что это не мое требование, а ревкома.

В этот самый момент раздался один, затем другой и третий выстрелы. Я, признаться, внутренне срефил; не понимая, кто и куда стреляет, схватился за маузер, сказав, что если еще раздастся выстрел, то я дам сигнал открыть огонь.

Марчиняк взялся за бомбу, которая во все время переговоров находилась у него в руках, готовый бросить ее по первому признаку нашей опасности.

В общем мы приготовились к бою неравному и, пожалуй, невозможному, но мы предпочитали умереть с боем, чем без него.

Наша паника скоро рассеялась. Юнкера на своем совещании решили сдаться на наших требованиях, а те из них, которые не хотели этого, связанные словом по отношению своих товарищей, стали стреляться, и таких нашлось трое.

Узнав истинную причину выстрелов, я успокоился, повторил свое требование, которое сию же минуту стало выполняться. В столовую стали вносить винтовки, патроны, после чего я через одного из сопровождавших меня товарищей дал знать о происходящем находившимся вне казарм красногвардейцам. Не прошло и несколько минут, как казармы быстро заполнились нашими бойцами. Достигнув соглашения, я доложил ревкому о происшедшей сдаче. Здесь же меня назначили комендантом Крутицких казарм. Получив инструкцию, я немедленно вернулся в казармы, после чего объявил воинского начальника арестованным, оставил его на квартире, приставил караул, произвел обыск...

Затем приступил к розыску оружия, которого оказалось весьма много: так одних бомб различных систем и силы было набрано в кладовых 3 полутонных грузовика; найдено разобранных пулеметов 7 или 9 штук, винтовок и патронов к ним набрано 6—7 грузовиков, вообще изрядное количество, так что возить пришлось с двух часов дня и до 5—6 часов утра. Можно себе представить, сколько рабочей крови было бы пролито, если бы юнкера перешли в наступление в первые дни нашей революции, при той технике, которую мы имели в тот момент: десятка два винтовок и больше ничего. Правда, подъем был такой, что и голыми руками взяли бы, но крови выпустили бы много. Замешательство

или пассивность юнкеров я объясняю их изоляцией, которую мы провели с первых дней наших боев. Техническая связь была порвана, живой им не удалось установить, так как вокруг залегли мы, что делалось кругом, для них не было известно, кроме ружейной, пулеметной трескотни они ничего не слышали...

...Очистив одно из опасных мест, находящихся, что называется, под боком у ревкома, мы могли действовать решительнее, так как с этим у нас освободилось много боевых сил, которыми можно было маневрировать и в других районах.

Симоновка, таким образом, была очищена и находилась целиком в наших руках, но впереди еще предстоял бой...

...Наконец получен приказ о выступлении Симоновки, и на нее выпала доля выбить противника с Варварской площади, из сквера части Маросейки, прилегающих переулков и проездов, загнать их на Ильинку и по ней вести наступление на Кремль...

И. В. Горшков — начальник милиции и командир Красной гвардии Симоновского района. («Мои воспоминания о Февральской и Октябрьской революции 1917 года в Рогожско-Симоновском районе», М., 1924.)



¹ Симоновский и Рогожский районы объединились в апреле 1918 г.



ЗАВОДСКИЙ КОМИТЕТ
Варшавского Арматурного
ЗАВОДА.

Крымский валь д № 9
ТЕЛЕФ. завода № 5-88-15

Москва

Ульяну Крю

дня 1918 г.

№ 1118

Удостоверение

Дано в том, что тов. Люба
Станислав Янович работает
на нашем заводе в качестве
токаря с 15 мая 1918 года по 15 мая
1918 года и уволен по распоряжению
завода при расчётах по зарплате за
два месяца вперёд.

Ни каких против товарищеских
замечаний не было.

Председатель Комитета

Сергей Гусь



С. Люба
Польские рабочие
в Октябрьских боях
в Москве

Летом 1915 года Варшавский арматурный завод, на котором я работал, был эвакуирован в Москву. Несколько сот рабочих-поляков разместились в городе неподалеку от Крымской площади, Zubовского бульвара и Калужской площади. Завод был расположен в корпусах бывшего завода Бромлея на Крымском валу, на берегу Москвы-реки. Основная мас-

Станислав Янович Люба — участник Октябрьских боев в Москве, член Коммунистической партии с 1917 года. В настоящее время работает в Научно-исследовательском экономическом институте Госплана РСФСР. (О нем см. «Экономическую газету» от 18 мая 1967 г.)



Станислав Льоба.

са рабочих — металлисты, токари, литейщики, слесари — состояла из людей, воспитанных в революционных традициях. В 1917 году они все встали на сторону пролетарской революции. Многие из них, сражаясь на улицах Москвы, показали образцы отваги в тяжелых продолжительных боях у Крымского моста, в яростных атаках на крупнейшие в Москве интендантские склады на Зубовском бульваре, ночью штурме около Каменного моста, в долгом и трудном сражении на Остоженке, где белогвардейские отряды преградили путь к Кремлю.

Польские рабочие находились в рядах

Красной гвардии, ведущей бои с белогвардейцами и в других районах Москвы.

Заводской комитет варшавских военных предприятий получил от Военно-революционного комитета Замоскворецкого района приказ направить всех добровольцев-красногвардейцев к Калужской площади. Там мы должны были получить оружие. Рабочие ночной смены, из которых были сформированы два отряда, группами двинулись от Крымского моста к назначенному пункту.

Тишина царила в Москве вечером 27 октября 1917 года. На улицах не было ни души. Трамваи не ходили. Освещения почти не было. Мы осторожно продвигались по Крымскому валу. Обстановка производила гнетущее впечатление.

Люди оживились, лишь добравшись до Калужской площади. Здесь появились группы рабочих, направлявшиеся, как и мы, к трехэтажному дому, в котором расположился штаб Замоскворецкой Красной гвардии. Перед домом выстроилась очередь, которая вела на третий этаж, в арсенал штаба. Мы присоединились к ней. Очередь продвигалась довольно быстро.

Когда мы достигли цели, перед нашими глазами предстала довольно необычная картина. В большом зале у груды винтовок и боеприпасов стоял рослый матрос-балтиец и выдавал каждому подходившему к нему рабочему винтовку и патроны. Операция эта проделывалась так быстро, что я, не успев прийти в себя от первого впечатления, уже держал в руках винтовку со штыком и десять штук патронов.

Тогда мне казалось, что я получил необыкновенно эффективное оружие. Но позже, в ходе боев, которые приобрели в Москве затяжной характер, я понял, что винтовка моя — однозарядная, системы «Бердан» — отнюдь не совершенство.

На второй день боев после того, как наши отряды взяли лицей, мы получили возможность пополнить свое вооружение.

Здание лицей находилось в удобном для белогвардейцев пункте. С крыши его можно было без труда следить за передвижением отрядов и наносить удары по нашим людям. Напротив, наши позиции, расположенные за Крымским мостом, были невыгодны, не давали надежного прикрытия от атак. В этом довелось убедиться уже в первую ночь боев.

Кроме того, белые располагали лучшим вооружением: пулеметами, трехлинейными винтовками, револьверами и огромным количеством патронов. Как видно, они собирались

обосноваться в лицее надолго и именно здесь сдерживать наступление Красной гвардии, продвигавшейся к центру города — Кремлю. На крыше лицея они установили пулеметы и снабдили их большим запасом патронов с разрывными пулями. По тому, как вспыхивали на мостовой огоньки этих разрывных пуль, видно было, что пулеметы находятся в опытных руках. Находясь в укрытии, я оборачивался в сторону мостовой, чтобы следить за ровной линией огоньков, ложившихся поперек Крымского вала и попеременно то приближавшихся к нашим позициям, то отдалявшихся от них. Беда наша была в том, что ни единым выстрелом мы не могли ответить на этот ураганный огонь белых. Из-за скудости боеприпаса, полученного в штабе Красной гвардии, нам было запрещено стрелять до тех пор, пока противник не подойдет на близкое расстояние. Приказ этот был разумен, и никто его не нарушил, поэтому на нашем участке царила полная тишина.

Абсолютное молчание с нашей стороны привело белых в недоумение. Вероятно, они начали сомневаться, есть ли за Крымским мостом какая-нибудь живая сила. Чтобы рассеять сомнения, они решились на провокационный шаг. Пулеметный огонь прекратился, и в разведку была послана автомашина. Мы услышали вдали рев мотора, затем нас ослепил свет мощных фар. Не имея возможности определить, что это за машина и с какой целью она направляется в нашу сторону, мы приготовились к встрече. Задержав автомобиль, мы обнаружили в нем трех человек в белых халатах. Один из них начал объяснять, что они приехали по поручению белогвардейского командования, но с добрыми намерениями: оказать врачебную помощь раненым наших отрядов, так как предполагают, что после такого сильного обстрела наших позиций среди красногвардейцев наверняка есть раненые.

Разгадать лживость этих «добрых намерений» было нетрудно. Мы понимали, что белые появились на нашем участке с целью разведки, и откровенно им об этом заявили. Но, несмотря на это, никаких репрессивных мер по отношению к этим «санитарам» принято не было. Более того, мы даже не реквизировали автомашину, которая очень пригодилась бы нам для связи. Просто белогвардейским разведчикам было предложено немедленно вернуться к себе и не показываться нам на глаза. Они повернули в сторону Крымской площади.

Трудно сказать, какое влияние оказал на белогвардейцев гуманный поступок наших

товарищей. Но этой ночью пулеметный обстрел не возобновился, хотя белые имели довольно точное представление о расположении наших позиций.

Однако нам необходимо было выбить белогвардейцев из лицея, так как они угрожали нашему подразделению и вообще операциям Красной гвардии в этом квартале.

Утром на следующий день мы получили приказ подготовиться к атаке. Мы должны были овладеть зданием лицея и разоружить оставшихся там контрреволюционеров. Штаб Красной гвардии прислал нам в помощь еще один отряд красногвардейцев и несколько моряков. Со стороны белых ожидалось сильное сопротивление.

Чтобы достичь здания лицея, надо было пройти Крымский мост и значительную часть улицы после моста. На это требовалось не менее пяти минут. Белые, расположившиеся в лицее, не могли нас не видеть, так как дело было уже утром. Наше громовое «ура» также не давало повода предполагать мирные намерения с нашей стороны. Однако белогвардейские пулеметы молчали. Ни один выстрел с их стороны не раздался. Когда мы добежали до лицея, то оказалось, что двери главного входа открыты и никем не охраняются. На разных этажах здания мы встречали отдельных лицейстов, щегольски одетых и не производивших впечатления людей, которые совсем недавно обстреливали рабочие отряды Красной гвардии. Они заявили, что ничего не знают о том, кто бы это мог стрелять из пулеметов. Наш командир дал им пять минут на сдачу оружия. И в большом зале на первом или втором этаже выросла гора винтовок, всякого рода пистолетов, сабель, охотничьих ножей и штыков. Офицеры и лицейсты подходили и бросали оружие вместе с боеприпасами, а затем отходили.

Наши товарищи обыскали все здание, все этажи, чердаки и подвалы, но пулеметов не нашли. Они, вне сомнения, были заблаговременно вывезены в квартал, занятый белогвардейцами. Разговор, который мы вели между собой, разумеется по-польски, подслушивали два вылощенные польских аристократа, слушатели лицея.

Они подошли к нам и начали доказывать бесцельность участия польских рабочих в революции. Поляки-де рисковали жизнью, участвуя в революциях во многих странах, но благодарности не дождались. Они называли такие страны, как Франция, Италия, Испания и т. д.

Лозунги польских революционеров, нацио-

нальных героев Польши, которые боролись с царизмом «за нашу и вашу вольность», не были поняты этими представителями закоренелого аристократического мира.

Наша теоретическая подготовка и общая политическая сознательность были тогда невелики, но, несмотря на это, мы сумели ответить этим молодым людям, что интересы рабочих всех национальностей одинаковы, независимо от места их пребывания.

Все лицеисты, попавшие в плен, были отпущены на свободу после того, как дали слово, что не будут бороться против Советской власти.

После лицей на очереди были интендантские склады на Zubовском бульваре. Их пришлось атаковать несколько раз. Белогвардейцы укрепили свои позиции и яростно оборонялись. Руководство Замоскворецкого штаба Красной гвардии прислало нам подкрепление — солдат 193-го пехотного полка, размещенных в Хамовнических казармах. Совместный дружный натиск рабочих и солдат решил судьбу складов. Они перешли в наши руки.

Воодушевленные успехом, мы продвигались далее по Садовому кольцу к Смоленской площади. Но белые засели на чердаках многоэтажных домов и обстреливали отсюда наших товарищей, как только они появлялись на улицах. Пришлось двигаться перебежками: от ворот до ворот. Это нам надоело, и мы решили перейти к лобовой атаке на стрелявших с чердаков. Наш отряд вышел из укрытия, одна часть людей побежала к дому, где засели белые, а другая построилась и залпами стала обстреливать врага. Схватка длилась недолго. Атакующие с двух сторон, белогвардейцы прекратили огонь и разбежались.

Воцарилась тишина, улица начала оживать, показались отдельные прохожие. Мы их не задерживали, если не возникало каких-либо подозрений. Подозрительных мы останавливали, проверяли документы и даже обыскивали.

Такой порядок был установлен с самого начала и действовал все те дни, пока в Москве шли уличные бои. Бывали однако единичные случаи, когда это правило нарушалось, и имели место печальные последствия и даже напрасные жертвы.

Один эпизод произвел на меня особенно тяжелое впечатление потому, что главную роль в нем играли девочка шести-семи лет и шедший с нею дедушка, старик — генерал царской армии. Произошло это на Zubовском бульваре как раз в тот день, когда

мы начали продвижение в сторону Смоленской площади и перестрелка на время прекратилась. Не знаю, зачем старику понадобилось выйти из дома с ребенком в такое тревожное время. Такой риск едва не стоил ему жизни. Нечеловеческий крик девочки, который еще долго звенел у меня в ушах, спас старика от неминуемой смерти. Когда я услышал этот крик, то увидел солдата, вынимающего из ножен саблю, чтобы расправиться с генералом. Я моментально подскочил к ним, схватил солдата за руку и отвел удар в сторону. Мне не составило большого труда убедить его, что подобные действия бессмысленны, к тому же меня поддержали и другие красногвардейцы нашего отряда. Генерала и его внука мне пришлось отвести в штаб. По дороге он рассказал, что еще до начала боев он вместе с внучкой отправился в гости и засиделся там. Начавшаяся в городе стрельба задержала их в чужом доме, и вот спустя два дня, дождавшись временного затишья в этом районе, он предпринял неудачную попытку добраться до дома. В штабе генерала допросили, проверили документы и после этого приказали мне доставить его домой.

От Смоленского бульвара мы вернулись на Остоженку. Здесь бои приняли ожесточенный характер. День и ночь не прекращалась стрельба. Винтовочные выстрелы из наших окопов чередовались с вражескими залпами.

Такой интенсивный обстрел требовал большого расхода патронов, которые ночью надо было доставлять из 193-го полка в Хамовниках. Враги находились всюду. Они прятались на чердаках, на крышах, наблюдали из окон домов. Однажды ночью мне с двумя товарищами пришлось совершать очередную рейс за патронами. К Хамовническим казармам мы добрались без приключений. Но как только мы вышли из ворот, неся ящик с патронами, с крыши домов, расположенных напротив, началась стрельба.

Выручили нас солдаты 193-го полка, которые открыли огонь, после чего занялись тщательным обыском домов, из которых велся обстрел.

Штаб Красной гвардии приказал нам очистить от белых Гаванный мост. Ночью отправились мы туда по набережной со стороны Крымского моста.

Подошли к мосту с большой осторожностью, но с правой стороны канала не обнаружили противника. Попытавшись перейти на другую сторону, мы попали под обстрел

белогвардейцев. Отступать было поздно. Мы бросились вперед и оттеснили белых. Спустя некоторое время нам удалось захватить грузовую машину с оружием, которую белые отправили на подкрепление своим. Они не ожидали, что Каменный мост уже не в их руках.

На седьмой день стрельба в Москве начала утихать. Даже на Остоженке винтовочные залпы становились реже и потом совершенно прекратились. Когда мы подошли туда со стороны Крымской площади, то на позициях белогвардейцев увидели белый флаг. Офицеры и юнкера, неудачливые защитники контрреволюции, сдавались в плен. Колонну пленных, в которой было около 300 человек, нам было поручено доставить на Калужскую площадь. По обе стороны улицы стояли москвичи, среди которых порой раздавались грозные крики в адрес белогвардейцев, требования расстрелять на месте всех офицеров, делались попытки прорвать цепь нашей охраны с тем, чтобы учинить расправу на месте, но нам удалось избежать эксцессов. Пленные были благополучно доставлены на место, где у них были проверены документы и взята подписка в том, что они не будут воевать против Советской власти. После этого они были отпущены на свободу.

К вечеру в одном из обширных помещений Военно-революционного комитета Замоскворецкого района были собраны некоторые активные участники Октябрьских боев. На этом собрании выступил П. Г. Смидович, который поздравил нас с победой.

Рюрик Ивнев

Воспоминания о первых днях и месяцах Советской власти

На Большом проспекте Петроградской стороны, при слабом ответе лампочек в окнах аптеки, под густыми хлопьями непрерывно падавшего снега, я прочел экстренный выпуск, извещавший о свержении Временного правительства и образовании Совета Народных Комиссаров под председательством Владимира Ильича Ленина (Ульянова). Народным комиссаром по просвещению стал А. В. Луначарский. Через несколько дней после этого я зашел к нему утром. Никогда не забуду обстановки, в которую я попал.

Он занимал тогда квартиру из трех комнат. В столовой я застал Анатолия Васильевича, диктовавшего распоряжения по Наркомпросу Дмитрию Ильичу Лещенко, примостившемуся на краю стола, на котором стояли недопитые стаканы жидкого чая и высилась вазочка с монпансье. Жена Анатолия Васильевича, Анна Александровна, возилась с четырехлетним сыном Толей. В комнате было еще несколько человек.

Закончив диктовать, Луначарский начал подписывать бумаги. Подписывая, он говорил мне о том, как трудно работать в условиях полного саботажа чиновников, в котором приняло участие даже швейцары здания Комиссариата народного просвещения. По наущению бывшего своего начальства они закрыли все двери и не впускали представителей только что созданной Советской власти, так что сам нарком по просвещению не мог в первые дни войти в свой Наркомат.

Д. И. Лещенко с подписанными бумагами вышел. В это время принесли почту. Она была для того времени довольно обширной. Едва Луначарский приступил к ее разбору, как его вызвали. Уезжая, он попросил меня продолжить разбор почты. Когда он вернулся, у меня все было готово.

— Ну вот, вы меня выручили, большое спасибо, — сказал он и через секунду добавил: — Может быть, вы придете и завтра утром, ведь вы живете почти рядом со мной.

На другой день я пришел опять с утра. И с тех пор, без всякого официального назначения, я начал секретарствовать у Анатолия Васильевича: разбирать почту, составлять проекты ответов, а потом вести прием посетителей в Зимнем дворце. Эта «стихийно» возникшая работа длилась не меньше двух месяцев, так как я очень хорошо помню, что однажды, по дороге в Зимний дворец, в машине, Луначарский мне сказал:

— Товарищ Ивнев, но ведь вы же работаете, надо оформить ваше назначение, иначе бухгалтерия не выпишет вам жалование.

Откровенно говоря, ни о какой оплате я не думал, так как жил на литературный заработок и на свою работу смотрел, как на временную. Мне казалось, что раз чиновники саботируют, то надо помочь Анатолию Васильевичу хоть чем-то. Но он, призадумавшись, добавил:

— Ведь это же ни на что не похоже. Вы работаете уже два месяца.

И сейчас же, приехав в Зимний дворец, продиктовал отношение в бухгалтерию о выплате мне жалования за два месяца. С этих пор я уже официально числился секретарем наркома.

Вскоре Луначарский переехал с Петроградской стороны на Литейный проспект. В первый же день переезда он мне сказал:

— Теперь вам будет далековато ездить ко мне по утрам, я дал распоряжение в Конюшенную базу Зимнего дворца посылать за вами экипаж.

Мои соседи, состоявшие большей частью из саботажничающих чиновников, и так косо смотрели на меня за мою «связь с большевиками», а когда увидели, как я по утрам сажусь в «дворцовый экипаж», совсем уж вышли из себя и начали отпускать мне вслед разные замечания: «продался большевикам», «вот они, новые сатрапы». Машин в ту пору было сравнительно мало, поэтому приходилось пользоваться лошадьми.

Когда за мной посылали одноколку, я не обращал внимания на шипение саботажников, но как-то раз свободных одноколок не оказалось, и за мной прислали пару лошадей под голубой попоной. Экипаж показался мне чересчур «аристократическим», и я почувствовал некоторую неловкость.

Все эти мелочи можно было бы и не вспоминать, но я записываю и это, вспомнив, как однажды Сергей Есенин, рассматривая мою коллекцию афиш, обратил внимание на то, что на одной из них внизу было напечатано: «Зал будет отоплен». И когда я, рассердившись, сказал ему: «Ты обрати внимание на имена артистов, а не на какую-то глупую приписку, которую я даже не заметил», он ответил: «Во всей афише самое интересное вот эта приписка, что зал будет отоплен. Это важная деталь и для историков и для будущих романистов».

После установления Советской власти митинги продолжались. Наряду с большевиками часто выступали эсеры и меньшевики. Эсеро-меньшевистская печать продолжала выливать ушатy грязи на Советское правительство. Га-

зета Виктора Чернова «Дело народа» пустила новое словечко — «комиссародержавие».

Распространялись всевозможные слухи о якобы жестоком обращении большевиков с находящимися в Кронштадте «узниками» — юнкерами и офицерами, защищавшими Временное правительство.

В связи с этим привожу один сохранившийся у меня любопытный документ, восстановивший в моей памяти поездку в Кронштадт.

Привожу его полностью.

«Комиссар
Домов Заключение
17 ноября 1917 г.
№ 171

Пропуск

Литератору Рюрику Ивневу и представителю партии христианских социалистов А. Миронову во все места заключения гг. Петрограда и Кронштадта для общего ознакомления положения заключенных и широкого общественного осведомления в целях прекращения газетной травли против большевиков.

Главный комиссар (подпись)
Секретарь (подпись)».

Погода была отвратительная. Катер кидало из стороны в сторону. Дождь смешивался со снегом. Холод пронизывал насквозь.

В Кронштадте наш пропуск открыл двери помещения, в котором находились «пленные» юнкера и офицеры, их дела еще не разбирались.

Когда я вошел в камеру, набитую безусой молодежью, мне показалось, что я попал в большой куль с румяными яблоками.

Я не увидел ни одного «замученного» или озлобленного лица. Передо мной мелькали вопрошающие, недоуменные глаза, добродушные улыбки. Как вскоре выяснилось, это были просто обманутые или обманувшие себя юнцы в военной форме, которых начальство кинуло на защиту Временного правительства. Они так же разбирались в политике, как в китайских иероглифах. Вскоре их всех освободили.

Через несколько дней после этой поездки я уже выступал на митингах и рассказывал о том, что видел своими собственными глазами в Кронштадте.

Раскол среди интеллигенции, наметившийся еще до Октября, теперь стал вполне определенным. Но между крайне правыми (вроде Соллогуба и Мережковского) и левыми интеллигентами, примкнувшими сразу к больше-

викам, была еще часть интеллигентов, занимающих колеблющиеся позиции. Вот для этой-то части интеллигенции я и решил организовать митинг. Прежде всего я обратился к А. В. Луначарскому. Он горячо одобрил эту идею, согласился выступить с основным докладом на тему «Интеллигенция и народ».

Зная, что Александр Блок еще до Октября выражал свое сочувствие большевикам, за что подвергался саркастическим нападкам своих бывших соратников по лагерю символистов, особенно со стороны Зинаиды Гippiус, я после беседы с А. В. Луначарским отправился к нему, объяснил подробно цель митинга и просил его согласия на участие в нем. Он сразу без всякого колебания разрешил поставить свое имя на афише. Я торопился по делам, связанным с этим митингом, и, получив его согласие, поднялся с места, но Блок со свойственной ему обаятельной простотой задержал меня и начал говорить о том, что его так волновало, — о судьбах России.

В противоположность многим тогдашним «пророкам» он считал, что Октябрьская революция подлинно народная. Больше того, он чувствовал и повторял это не раз, что, по его мнению, этой революцией открывается новая страница в истории человечества. Он очень тепло и задушевно говорил о Ленине, расспрашивал меня о Луначарском.

Я вышел из его квартиры окрыленным. Я подумал тогда: ведь Блок не только один из самых лучших русских поэтов, он один из самых благородных и объективно мыслящих интеллигентов. И он всецело на стороне большевиков.

Я не буду описывать подробно мои переговоры с другими намеченными участниками будущего митинга, скажу только, что, кроме Луначарского и Блока, согласились выступить А. М. Коллонтай, Всеволод Мейерхольд, Сергей Есенин, художник Петров-Водкин и др.

Этот митинг состоялся в конце декабря 1917 года в зале «Армии и флота» на Литейном проспекте.

В этот день была выюга. Товарищ, которому было поручено заехать за участниками митинга, по каким-то причинам ни за кем не заехал, и митинг был бы сорван, если бы А. В. Луначарский, живший в это время почти рядом с залом «Армии и флота», не пришел вовремя и не открыл митинга своим блестящим выступлением.

Я тщетно ждал обещанного извозчика и, прождав около часа, кое-как добрался по завьюженным улицам на Литейный проспект.

Я пришел как раз к концу доклада Луначарского и выступил после него. Большинство аудитории отнеслось сочувственно к нашим докладам, но небольшая кучка людей, настроенных враждебно, неистовствовала, прерывая злыми репликами и нас и тех, кто выступал вслед за нами.

В день первого опубликования поэмы «Двенадцать» (2 или 3 марта 1918 г.) я был свидетелем, какое впечатление она произвела на Анатолия Васильевича. Перед выездом из его квартиры в Зимний дворец кто-то дал ему свежую газету «Знамя труда», сказав, что в ней напечатана поэма Блока. Мы сели в машину. Луначарский, поправив пенсне, углубился в чтение.

По выражению его лица я догадывался, что поэма ему нравится. Я не ошибся.

Протягивая мне газету, он сказал:

— Так написать мог только Блок. Это крик души поэта, влюбленного в Россию. Здесь все — и вера в правду, и победа надежды над сомнениями, колебаниями и даже отчаянием. Какая редкая удача, — продолжал Анатолий Васильевич после небольшой паузы, — да, этому произведению суждено стать бессмертным!

В десятых числах марта 1918 года Советское правительство переехало в Москву. Петроград и Петроградская область были объявлены «Северной коммуной». А. В. Луначарский, оставаясь на посту наркома по просвещению, не покидал Петрограда. В Москве его заместителем была Н. К. Крупская. Осуществлять связь наркома с Наркоматом, по мысли Луначарского, должен был я, в должности секретаря-корреспондента.

Я выехал в Москву в одном из настолько переполненных поездов, что всю дорогу мне пришлось просидеть почти неподвижно.

На другой день я пришел в Наркомпрос знакомиться с делами и повидаться с заместителем наркома Н. К. Крупской, к которой у меня было письмо от А. В. Луначарского.

Наркомпрос РСФСР помещался тогда в бывшем Катковском лицее на углу Остоженки и Садовой, невдалеке от старого Крымского моста.

Был яркий солнечный день, весна уже вошла в свои права, снег таял. На улице журчали ручейки. Я еще не совсем оправился от утомительного путешествия, и наблюдательная и чуткая Надежда Константиновна, заметив мое состояние, быстро закончила деловую часть беседы и начала расспрашивать меня о дороге. Когда я рассказал ей об условиях,

в которых мне пришлось ехать, она сейчас же спросила меня, где я остановился, где питаюсь. Забота об окружающих людях, по-сильная помощь им в трудных условиях 1918 года — эти черты были органически свойственны и Надежде Константиновне и Анатолию Васильевичу. Помню один любопытный случай. Была зима. Мне приходилось часто разъезжать, а перчаток у меня не было. Однажды, встретясь в подъезде Наркомата с Луначарским, не мог пожать его руки, ибо моя была как ледышка. Анатолий Васильевич улыбнулся и сказал:

— Вот ведь какое время — и перчаток-то нет у нас. — И добавил: — Напишите заявление, я думаю, у наших хозяйственников найдется пара.

И вот потребовалась бумага Наркомпроса за тремя подписями: Луначарского, начальника канцелярии К. А. Федина и управляющего делами, чтобы получить перчатки.

6 июля 1918 года левые эсеры подняли мятеж в Москве. Начался он с убийства германского посла графа Мирбаха, организованного с целью спровоцировать войну с Германией. Посол был убит в германском посольстве, помещавшемся в Денежном переулке на Арбате, эсером Блюмкиным, часто бывавшим в литературных кругах. Я шел в это время на заседание в Наркомпрос, на котором должен был присутствовать приехавший из Петрограда Луначарский, и пересекал одну из улиц этого района. Заметив толпу народа, оживленно что-то обсуждавшую, я подошел ближе и тут узнал об убийстве Мирбаха. Я сразу подумал о том, к каким тяжелым последствиям может привести этот террористический акт.

Когда я пришел в Наркомпрос, заседание уже началось. Я написал записку Анатолию Васильевичу: «Убит Мирбах». По лицу Луначарского пробежала тень. Однако он продолжал заседание. Когда оно кончилось, он отвел меня в сторону и спросил: достоверно ли это? Я рассказал ему про то, о чем услышал на улице, и в эту минуту сам усомнился в достоверности моего сообщения: как-никак, а это был только еще не проверенный слух.

Анатолий Васильевич сейчас же уехал в Кремль.

На другой день все газеты были полны описанием убийства германского посла.

Почти все были убеждены, что катастрофа неминуема. Большинство людей, с кем мне пришлось тогда обсуждать это событие, было уверено, что в ответ на этот акт последует объявление Германией войны Советской России. Многие вспоминали убийство в Сараеве наследника престола Австро-Венгерской империи Фердинанда и то, что за этим последовало.

Однако расчеты эсеров на войну с Германией не оправдались. Мятеж же их в ночь на 8 июля был подавлен.

Шло время. Интеллигенция все более переходила на сторону победившей революции.

Левые художники подняли знамя «современного революционного искусства». В клубе «Красный петух», организованном ими, проходили диспуты на тему о связи искусства с народом. В другом клубе, называвшемся «Кафе футуристов», в Настасьинском переулке поэты В. Маяковский и В. Каменский читали свои зажигающие, зовущие идти в ногу с революцией произведения. Именно в этот период Каменский создал вдохновенную поэму «Стенка Разин», рожденную, как он о ней говорил, самим временем. С другой стороны, призывавшие некогда «бурю» Мережковский, Зинаида Гиппиус, Бальмонт укладывали чемоданы; их соратник по символической школе Ю. Балтрушайтис стал посланником буржуазной Латвии. На углу Кузнецкого моста и Петровки, в кафе «Музыкальная табакерка» собирались артисты и литераторы, пребывавшие, по существу, в стане врагов. Помнится, в этом кафе ставился какой-то фарсовый номер, в котором обманутый муж, поддавшийся коварному совету друга и поняв, какую он совершил глупость, поет «бойтесь советов». Публика, сидевшая за столиками, подхватывала:

«Бойтесь советов, бойтесь советов».

Получалась двусмысленность, которую потом пострадавшие от революции домовладельцы и лавочкиники долго смаковали.

Я пробыл в Москве до марта 1919 года, когда в связи с работой по организации агитационного поезда имени Луначарского получил командировку на Советскую Украину.



И. И. Вацетис.

Иоаним Иоанимович Вацетис родился в семье крестьянина-латыша 23 ноября 1873 года. Служил в старой царской армии. В 1897 году он окончил Виленское пехотное училище, в 1909 году — Академию генерального штаба. Участвовал в мировой войне 1914—1918 годов. В 1917 году в чине полковника командовал 5-м латышским стрелковым полком. В дни Октябрьской революции безоговорочно встал на сторону Советской власти. В отличие от многих других старых военных специалистов, особенно из состава генерального штаба, обуславливавших сотрудничество с Советским правительством только участием в войне с Германией, без участия в гражданской войне, И. И. Вацетис с первых дней Октябрьской революции отдал Советскому правительству весь свой военный опыт и военные знания без всяких оговорок и принял активное участие в разгроме внутренних контрреволюционных очагов. Вместе с Н. В. Крыленко, назначенным Верховным главнокомандующим старой армией после Октября 1917 года, он участвовал в ликвидации Ставки старой армии в Могилеве и распоряжением Н. В. Крыленко был назначен начальником полевого революционного штаба, образованного при Ставке нового Верховного главнокомандующего для борьбы с вооруженными силами внутренней контрреволюции. В январе 1918 года Вацетис руководил отрядами Красной гвардии и революционными отрядами старой армии в борьбе с контрреволюционным восстанием против Советской власти польского корпуса генерала Довбор-Мусницкого и, несмотря на малочисленность революционных сил, нанес этому корпусу решающее поражение. В последующем он возглавлял советские отряды, наступающие с севера, против войск Украинской рады, группировавшихся в районе Киева. Весной 1918 года был назначен командиром Латышской стрелковой дивизии, являвшейся в то время одной из боеспособных регулярных соединений Красной Армии. В должности командира этой дивизии Вацетис принял участие в ликвидации левоэсеровского восстания в Москве 6—7 июля 1918 года.

11 июля после измены командующего Восточным фронтом М. А. Муравьева И. И. Вацетис был назначен командующим войсками этого фронта. Им была проведена огромная работа по укреплению фронта, здесь были созданы первые регулярные части Красной Армии. Под руководством И. И. Вацетиса и работавших вместе с ним членов Реввоенсовета фронта А. А. Кобозева, К. Х. Данишевского, К. А. Мехоношина, осенью 1918 года было остановлено продвижение белых, а затем на рубеже Волги мятежным чехословацким частям и созданной под их прикрытием белой «Народной армии» нанесено решительное поражение. 4 сентября 1918 года И. И. Вацетис был назначен первым Главнокомандующим всеми вооруженными силами республики, и оставался в этой должности до 8 июля 1919 года. С августа 1919 года по 1922 год И. И. Вацетис работал на ответственных должностях в Реввоенсовете республики, с 1922 года, по 1937 год был профессором Военной академии имени М. В. Фрунзе.

Предлагаемая вниманию читателя глава III большого мемуарного труда Вацетиса «1918 год», хранящегося в Центральном Государственном архиве Октябрьской революции

И. И. Вацетис

Мятеж левых эсеров

(ЦГАОР), печатается с сокращениями.

Воспоминания И. И. Вацетиса об июльских событиях 1918 года в Москве ценны прежде всего тем, что они передают факты в отношении действий латышских стрелков в это время, показывают точку зрения самого Вацетиса, на долю которого выпало руководство подавлением главного очага левозероковского восстания. Автор не ставит себе задачу полностью осветить всю картину мятежа. Он передает лишь то, что видел, как командир Латышской дивизии, которому В. И. Лениным была поручена ликвидация восстания. И. И. Вацетис не был подробно знаком с политической подоплекой мятежа, но имел подробных сведений о состоянии Московского гарнизона и положения в Москве в это время в целом. Поэтому многие его суждения в этой части носят субъективный характер и не во всем совпадают с тем, что говорили по этому поводу другие участники событий, и тем, как отражены они в вышедшей впоследствии литературе.

Публикация подготовлена А. В. Голубевым.

Подготовка восстания

В середине лета 1918 года РСФСР оказалась почти в кольце окружения. На западе и юге — германская интервенция, гетманская Украина, армия контрреволюционного донского казачества. На востоке — фронт большой гражданской войны. На севере крейсировала враждебная антантовская эскадра, готовящая десантную операцию в Мурманске и Архангельске. Советская территория сузилась до пределов бывшего Московского государства середины XVI столетия. РСФСР — это первое государство диктатуры пролетариата, возглавляемое авангардом рабочего класса, ленинской партией большевиков, представляла собой осажденный лагерь, внутри которого кипел вулкан политической борьбы. В начале июля политические страсти были накалены докрасна и дали взрыв в разных городах.

Московское восстание 6 и 7 июля явилось в то время наиболее серьезным и опасным среди всех прочих политических взрывов.

Мне пришлось руководить войсками, посланными для подавления Московского восстания.

Левозероовским восстанием руководили: помощник председателя ВЧК Александрович и член Военной коллегии и Высшего Военного Совета Прошьян.

Сигналом восстания 6 июля послужило убийство германского посла Мирбаха левым эсером и троцкистом Блюмкиным.

Знал ли кто-нибудь, что в Москве подготавливается восстание, и имелись ли об этом конкретные указания?

На этот вопрос я могу ответить совершенно

утвердительно, что о подготовляемом в Москве восстании знали и имелись об этом конкретные указания.

Дело было в следующем. В двадцатых числах июня было замечено нами, что какая-то властная рука старается убрать из Москвы латышские стрелковые части, которые разбрасывались под видом командировки в распоряжение местных Советов по отдаленным от Москвы провинциальным городам. 4-й латышский полк был взят из Кремля и отправлен на Восточный фронт. Лично меня, командира Латышской стрелковой дивизии, хотели выпроводить в Казань в качестве сотрудника в штабе Муравьева. В Москве остался только 1-й и 3-й латышские полки, оба довольно слабого состава.

За несколько дней до восстания в штабе Латышской дивизии (Знаменка, 10) был получен приказ экстренно отправить один батальон 1-го латышского полка в Нижний Новгород в распоряжение исполкома. Батальон этот был отправлен по назначению, но на другой день командир батальона прислал в штаб дивизии донесение, что исполком Нижнего Новгорода не обращался в Москву с просьбой о присылке латышских стрелков и в их помощи не нуждается.

На основании вышеприведенных данных я сделал доклад комиссару дивизии тов. Петерсону К. А., в котором указал, что в Москве готовится что-то неладное и что надо звать латышские части обратно в Москву. Тов. Петерсон отнесся к моему докладу с некоторым недоверием, но через два дня (числа 3 или 4 июля) сообщил мне, что ВЧК напала на след подготовляемого восстания, но где и как — об этом он мне ничего не сказал. Тогда же было сделано нами экстренное распоряжение вернуть все латышские части в Москву, но все командированные части прибыли уже после ликвидации восстания.

Восстание было назначено на 6 июля, то есть накануне Ивана Купала, когда латышские стрелки по старой традиции этого праздника выехали за город повеселиться на лоне природы.

В то время, когда латышские стрелки весело пировали в окрестностях Москвы, левые эсеры вышли на улицу и захватили здание ВЧК в Б. Трехсвятительском переулке¹. Пред-

¹ Для того чтобы захватить это здание, левым эсерам не пришлось выходить на улицу, так как именно там был расположен отряд сотрудника ВЧК, левого эсера Попова, поднявший мятеж.

седатель ВЧК Дзержинский, его помощник Лацис были захвачены ими и арестованы.

Помещение ВЧК (морозовский особняк) сделалось резиденцией левозерского правительства¹. Войска ВЧК перешли на сторону левых эсеров и начали строить укрепления на улицах и приводить дома в оборонительное состояние. Отдельные их заставы были выставлены на реке Яузе.

Мой вызов к начальнику гарнизона Муралову Н. И.

Было около 5 часов пополудни 6 июля. Я находился в помещении технической редакции «Известий НКВМ» на Садово-Кудринской. Там же был тов. Антонов-Овсеенко и другие. К подъезду подъехал автомобиль, оттуда выскочил адъютант Муралова и, вбежав к нам в комнату, потребовал, чтобы я немедленно ехал с ним к начальнику гарнизона. На мой вопрос, почему и какая во мне необходимость, адъютант сказал: «Там узнаете». По дороге наш автомобиль несколько раз был остановлен вооруженными грузовиками коменданта города, искавшими какой-то черный автомобиль, на котором скрылись убийцы германского посла Мирбаха.

Мы подъехали к зданию бывшего Александровского военного училища и остановились у подъезда Высшего военного трибунала. Видно было, что меня ждут, так как пропуска были везде заготовлены и часовые предупреждены. Везде стояла усиленная охрана. Меня ввели в большую квартиру, занимаемую комендантом города Москвы. В одной комнате за столом, подалше от окна, сидели Муралов и Подвойский. На столе был разложен план города Москвы, который оба они внимательно рассматривали. С Подвойским мы были знакомы, Муралова же я видел впервые. Подвойский познакомил меня с создавшейся обстановкой и сказал, что надо разбить левых эсеров ночной атакой так, чтобы к 4 часам утра все было ликвидировано. На этом настаивал тов. Подвойский, причем он указал, что начало атаки назначается в два часа ночи и что в этой ночной атаке должны проявить себя латышские стрелки.

До этого момента для меня было все ясно. Главная задача возлагалась на латышские части, а я, как командир дивизии, должен буду руководить их действиями.

Но мои предположения оказались неверными. Муралов, обращаясь ко мне, заявил: «Командовать войсками вы не будете; ваша задача — разработать план разгрома левых эсеров».

Я был крайне поражен таким заявлением Муралова и спросил его, что же будет командовать войсками. Задав такой вопрос, я подумал, что весьма естественно будет, если поведет в ночную атаку советские войска сам Муралов. Как начальник гарнизона он имел полные революционные права на это. Я как бы в роли начальника штаба.

Но я опять ошибся в своих предположениях, ибо Муралов сказал, чтобы я дал им командующего.

Теперь уже получилась какая-то нелепость, и, в сущности, мне было выражено недоверие.

Я задал вопрос Муралову: значит ли это, что мне выражается недоверие? Муралов ответил сердито, что никаких объяснений дано не будет, а что надо скорее составить план атаки и назначить командующего.

Я указал на командира 1-й Латышской бригады Дудина. За ним был послан автомобиль. Я спросил Муралова, какие же войска будут участвовать в атаке и сколько войск будет у Дудина.

Муралов ответил следующее:

— Все московские войска делятся на три категории. К первой категории относятся те войска, которые находятся в Ходынском лагере. Эти войска готовятся для войны с Германией, и они объявили нейтралитет. Вы с ними не считайтесь.

Ко второй категории относятся различные отряды, они ни туда ни сюда.

К третьей категории относятся латышские стрелки и одна школа курсантов — 80 человек. Эти войска, безусловно, преданы большевикам, и на них можете рассчитывать для подавления левозерского восстания.

Я заметил Муралову, что для ночной атаки одних латышей мало, и выразил мое недоумение, почему не привлечена к подавлению мятежа также и Красная гвардия. Кроме того, я указал Муралову, что тот план атаки, который будет составлен мною, могу выполнить только я. Муралов перешел на повелительный тон и указал мне делать то, что приказано. Я принял обдумывать план предстоящих действий.

Силы левых эсеров определялись до 2000 штыков, 8 орудий, 64 пулеметов, 4 — 6 бронемашин. Где эти войска и что они делают — известно не было.

Время от времени приходили какие-то разведчики и докладывали нам собранные сведения. Общее впечатление у меня составилось

¹ Не правительство, а ЦК левых эсеров.

такое, что левые эсеры действуют нерешительно.

Приехал Дудин. Я передал ему, что он назначен командовать войсками при ночной атаке, и дал ему задачу отправиться в Хамовнические казармы и собирать войска к Храму Христа.

Дудин стал отговариваться, ссылаясь на свою неподготовленность к действиям в центре большого города. Муралов прикрикнул на него и пригрозил трибуналом в случае неповиновения или плохого выполнения задачи.

Дудин уехал крайне взволнованным. Я снова принял за обдумывание плана ночной атаки. Первое — надо было удерживать в наших руках Кремль. Там был расположен в качестве гарнизона 9-й латышский стрелковый полк, около 1500 бойцов. Этих сил было вполне достаточно, чтобы считать Кремль обеспеченным от захвата штурмом.

Начало уже темнеть. Возвратился комбриг Дудин в крайне расстроенном виде и доложил, что стрелки уехали за город, на празднество, и поэтому полки соберутся несоро. Муралов хранил молчание, но Подвойский вышел из себя и начал кричать на Дудина за беспорядки в войсках и приказал во что бы то ни стало собрать стрелков для ночной атаки. Дудин набрался храбрости и заявил вторично, что он не считает себя способным руководить предстоящей операцией, и предложил, чтобы Подвойский командовал войсками. Но тут вмешался Муралов и, резко прикрикнув на Дудина, заявил, что если он будет отказываться от исполнения приказа, то будет предан немедленно военному трибуналу и расстрелян. Этот грубый окрик подавляюще подействовал на Дудина. Он растерялся, громко разрыдался и просил меня заступиться за него. Я указал Муралову и Подвойскому на подавленное состояние Дудина и сказал, что руководить столь ответственной операцией он не может. Дудин — молодой человек, лет 22—23, без боевого опыта. Я предложил им выставить своего кандидата, но они ответили, что у них своего кандидата нет. У меня получилось такое впечатление, что Подвойский готов был взять в свои руки руководство операцией, но Муралов этого не хочет. Все замолчали. Я снова принял за обдумывание плана действий. На дворе шел дождь. Темнота наступила рано. Зажгли свечи, так как электрическая станция не работала. Надо было что-то делать, так как время уходило, противник делал, что хотел, а у нас происходили какие-то непонятные для меня споры о том, кому командовать латышскими стрел-

ками, в то время, когда законный командир налицо.

Мне казалось крайне странным, почему не доверяют мне командование в бою латышскими частями, для которых я являюсь прямым начальником. В то же время я видел, что доверить командование латышскими стрелками случайному человеку в ночной атаке, в уличном бою рискованно. На успех рассчитывать нельзя в таких случаях. Мое положение сделалось крайне щекотливым, ибо стрелки могли подумать, что я изменил своему революционному долгу. Кроме того, я не мог понять, кто был заинтересован в моем устранении от латышских стрелков в столь критическую минуту для Ленина, которого латышские стрелки, в том числе и я, считали своим идейным вождем и за которого мы стояли непоколебимо.

Принимая во внимание все сказанное, я пришел к решению, что сложившаяся обстановка требует, чтобы операцию по подавлению восстания я взял в свои руки.

Я обратился к Муралову и Подвойскому и заявил им о таком моем решении и просил их доложить об этом немедленно тов. Ленину и добавил, что за успех я отвечаю головой. В тот момент я был несколько взволнован, что не могу теперь восстановить в памяти, какое впечатление произвело на Муралова и Подвойского это мое категорическое заявление. Помню только, что они удалились в соседнюю комнату и оттуда вели переговоры с Кремлем, а мы с Дудиним приступили к обсуждению создавшегося положения, которое было признано нами крайне тяжелым.

Во-первых, мы имели очень мало сведений о действиях противника.

Во-вторых, у нас не было налицо необходимых войск.

Прошло около получаса времени, а Муралов и Подвойский все еще вели переговоры с Кремлем. Наконец они вернулись и сообщили мне, что тов. Ленин одобрил мое решение взять на себя руководство операцией по подавлению восстания, причем было сообщено, что они оба назначены при мне в роли комиссаров, с добавлением еще двух комиссаров от ЦК Латышской коммунистической партии, а именно: Петерсона К. А. и Данишевского К. Х. Следовательно, при мне было четыре комиссара: Муралов Н. И., Подвойский Н. И., Петерсон К. А. и Данишевский К. Х. Тов. Петерсон К. А. сообщил мне, что моего отвода от командования добивался очень настойчиво Троцкий и что в конце концов Лениным были запрошены члены ЦК Ла-

тышской компартии: могут ли они поручиться за мою верность большевикам. Ответ был дан положительный, но Троцкий настаивал, чтобы от ЦК Латышской компартии были бы при мне назначены два комиссара. В течение ночи Троцкий четыре раза справлялся, не изменил ли Вацетис, причем указывал смотреть за мной зорко. Я предложил перейти в штаб Латышской дивизии, который был тут же рядом, но Муралов настоял на том, чтобы перейти в штаб округа. Мы переехали туда, когда уже совершенно стемнело.

По пути я заехал в штаб вверенной мне дивизии, и здесь был сюрприз. Ко мне подошел начальник штаба дивизии, бывший полковник генштаба, и заявил, что он сдал занимаемую должность и покидает штаб. На мой вопрос, какая причина заставляет его в столь ответственный момент для Советской власти бросить работу, он ответил следующее:

— Вы революционеры. Вы знаете, за что вы погибаете, а я за что погибну? Кроме того, весь гарнизон против большевиков, и что же вы думаете, кучкой ваших латышей победить?

Я тут же назначил нового начальника штаба дивизии.

План моих действий

От ночной атаки пришлось отказаться, так как у нас не было налицо готовности войск.

В число противников надо было включить также и войска Ходынского лагеря. Были получены сведения, что лагерь митингует и... что там происходит — я точно не знал. Наступление наших войск было назначено на рассвете 7 июля.

Участие в наступлении должны были принять следующие части:

- 1) Один батальон 1-го латышского полка при 4 пулеметах и 4 орудиях. Исходное положение — у Храма Христа.
- 2) Один батальон 2-го полка при 4 пулеметах и 4 артиллерийских орудиях школы. Исходное положение — Страстная площадь.
- 3) 3-й полк. Исходное положение — казармы в Хамовниках.
- 4) 9-й полк — в Кремле.
- 5) Образцовый полк. Исходное положение — в казармах в Хамовниках.
- 6) Тяжелая артиллерия — 4 орудия — на Плющихе.
- 7) Авиационный отряд Латышской дивизии. Исходное положение — в Люберцах.
- 8) Дивизионца. Исходное положение — у штаба Латдивизии.
- 9) Инженерный батальон — Плющиха.

10) Одна школа курсантов: исходное положение — Лесной пер., № 1. В течение ночи разведка должна была дать точные сведения о противнике, а наши передовые войска отеснить противника в район Трехсвятительского переулка.

Положение в городе

В чьих руках была Москва в ночь с 6 на 7 июля? Дать определенный ответ на этот вопрос было довольно трудно. Мятеж был налицо. Восставшие против власти большевиков имели в своем распоряжении вооруженную силу, вполне достаточную, чтобы добиться успеха. Все было неясно и в различных предположениях.

Известно было нам, что во главе восстания стояли Александрович и Прошьян, хорошо знавшие настроения и расположение войск Московского гарнизона.

6 июля вечером Прошьян, в сопровождении отряда преданных ему войск, захватил центральную телеграфную станцию и стал рассылать свои воззвания по Москве и другим городам, призывая к свержению власти большевиков и к объявлению войны Германии. В захваченных типографиях изготовлялись прокламации к населению Москвы и к красноармейцам.

Из состава 9-го латышского стрелкового полка были высланы две роты отбить центральную телеграфную станцию у левых эсеров, но эти роты действовали так неискусно, что были захвачены в плен, обезоружены и отведены в Трехсвятительский переулок, где часть стрелков была оставлена в качестве заложников, а остальные отпущены в Кремль.

Мое первое посещение тов. Ленина в Кремле

После назначения при мне четырех комиссаров сильно осложнился вопрос о том, кому же я должен подчиниться непосредственно и от кого я должен получать директивы. Мы должны были считаться с возможностью крупных осложнений, так как положение в городе для нас оставалось совершенно неясным, а потерянное время могло быть использовано восставшими для закрепления своего положения. Политические группировки в вопросе войны с Германией были для меня более или менее ясны, но степень активности каждой группы в связи с выступлением левых эсеров оставалась для меня загадкой.

Мне было известно, что в войсках Ходынского лагеря большевистской агитации не велось совершенно, а при таком положении эта

войсковая масса могла выступить с оружием в руках против нас. Не лучше ли было разогнать Ходынский лагерь, пока он не занял позицию на главном фронте?

Со мной поехал Данишевский. Было около полуночи.

По-видимому, в Кремле нас ждали, так как везде были заготовлены пропуски и нигде никаких остановок не было.

В Кремле было темно и пусто. Нас провели в зал заседания Совнаркома и просили подождать.

Данишевский пошел к Ленину, который был у себя.

Довольно обширное помещение, в котором я очутился сперва, освещалось одной электрической лампочкой, подвешенной под потолком, где-то в углу. Занавеси у окон были спущены. Обстановка напоминала мне прифронтную полосу на театре военных действий.

Войдя в зал, я остановился шагах в пяти. Через несколько минут дверь на противоположной стороне зала отворилась, и в нее вошел тов. Ленин. Он подошел ко мне быстрыми шагами и спросил вполголоса:

«Товарищ, выдержим до утра?»

Задав этот вопрос мне, Ленин продолжал смотреть на меня в упор. Я в этот день привык к неожиданностям, но вопрос тов. Ленина озадачил меня остротой своей формы. Я понял, что вождь пролетарской революции ждал от меня ответа категорического и что всякий другой разговор здесь делается излишним.

Но дать ответ на такой вопрос, какой поставил мне тов. Ленин, я совершенно не приготовился.

Почему явилось важным выдержать до утра? Неужели мы не выдержим до конца? Было ли наше положение столь опасным? Может быть, состоявшие при мне комиссары скрывали от меня истинное положение наше?

Под упорным взглядом Ильича я изложил то, что было известно мне: обстановка еще не выяснена, положение в городе осложняется, атаки в 4 часа быть не может, так как наши войска не могут быть собраны.

Я просил тов. Ленина дать мне около двух часов времени, я объеду город, соберу нужные мне сведения и в 2 часа 7 июля дам совершенно точный ответ на поставленный вопрос. С этим тов. Ленин согласился и сказал: «Я вас буду ждать», ушел таким же быстрым шагом, как вошел.

Положение к 2 часам утра 7 июля

К 2 часам 7 июля наше положение значительно окрепло. У Храма Христа собрались части 1-го латышского стрелкового полка с артиллерией и образцовый полк. На Страстную прибыл 2-й латышский стрелковый полк при четырех орудиях артшколы. Во всяком случае, мы имели группы войск: у Храма Христа Спасителя, в Кремле, на Страстной площади и на Арбатской площади. Мы уже вышли из того тяжелого положения, в котором очутились 6 июля после выступления левых эсеров.

Сведения о действиях восставших были крайне скудные и сбивчивые. Определенно было известно, что штаб и резиденция левозероцкого правительства расположены в особняке Морозова.

Все же так одни весьма веские данные были налицо, а именно: левозероцкие вожди пропустили момент для решительных действий, и без больших жертв они уже не могли победить большевиков, так как мы были готовы дать отпор.

В общем и целом к двум часам 7 июля у меня создалось впечатление, что мы победим, если утром перейдем в решительное наступление всеми силами, собранными в течение ночи.

Мое вторичное посещение тов. В. И. Ленина

Вторичное свидание с тов. Лениным состоялось, как было между нами условлено, в два часа ночи 7 июля. Со мной был Подвойский, но он остался в секретарской комнате.

Я как и первый раз стоял. Тов. Ленин вышел из той же двери и таким же быстрым шагом подошел ко мне. Я сделал несколько шагов навстречу ему и отпартовал: «Не позже 12 часов 7 июля мы будем полными победителями в Москве».

Ленин схватил обеими руками мою правую руку и крепко-крепко пожал ее и сказал: «Спасибо, товарищ. Вы меня очень обрадовали». Он просил меня присесть на рядом находившееся кресло, сам сел рядом и просил меня рассказать ему, что делается в городе и в каком положении противник и его войска.

Я рассказал все, что было известно о левых эсерах, о настроении Московского гарнизона, а равно и о наших войсках. Тов. Ленин задавал различные вопросы, касающиеся настроения латышских стрелков, особенно интере-

совался, не ведется ли среди них эсеровская агитация.

На все вопросы я дал совершенно определенные ответы, чем, по-видимому, тов. Ленин остался вполне доволен. Я изложил ему также намеченный мною план действий.

Наша беседа длилась минут двадцать. Окончив свой доклад и видя, что тов. Ленин не задает больше вопросов, я встал и просил разрешения уехать. Владимир Ильич еще раз выразил свою горячую благодарность мне и вышел вместе со мною в секретарскую комнату, где мы и распрощались.

Из вышеизложенного видно, что я выдал два весьма ответственных векселя.

Первый вексель я выдал Советскому правительству, взяв в свои руки командование войсками при подавлении левозсеровского мятежа, поручившись головой за успех, а второй — обещал лично Ленину ликвидировать левозсеровский мятеж не позднее полудня 7 июля. Оба эти векселя вытекали из создавшегося положения и сильно обязывали меня.

План операции

В основную идею операции были положены два главных соображения:

- 1) Организовать концентрическое наступление на расположение противника, которое завершить штурмом.
- 2) Одновременно со штурмом произвести разгром артогнем штаба и резиденции левозсеровского правительства.

Начало наступления было назначено на 5 часов утра.

План наступления был выработан следующий. Третьему латышскому стрелковому полку с двумя орудиями вести наступление со стороны Таганки на Яузский мост и далее на Яузский бульвар.

Первый полк с двумя орудиями поведет наступление по Варварке, Большому Ивановскому и Большому Трехсвятительскому переулкам.

Второму полку с двумя орудиями, наступая по Чистопрудному бульвару, занять Покровские казармы и оттуда развивать дальнейшее наступление.

Девятый полк обороняет Кремль и частью своих сил действует в сторону Ильинки и Покровки.

К 10 часам утра положение полков должно было быть следующее: 3-й полк должен был занять Подколокольное и Воронцово поле, 1-й полк должен быть на Малой Ивановке и Колпачном переулке, 2-й полк должен был

занять Покровские казармы. Образцовый полк действовал между первым и третьим полками. Образцовый полк и третий латышский полки были объединены под командой комбрига Дудина. Артиллерия была распределена по полкам.

Для выполнения второй задачи, то есть разгрома левозсеровского штаба и резиденции левозсеровского правительства, была назначена в распоряжение комбрига Дудина особая батарея, которая должна была подвести свои орудия на руках возможно ближе к особняку Морозова и разгромить его стрельбой прямой наводкой.

В моем резерве на Девичьем поле:

1) Инженерный батальон Латышской дивизии.

2) 4 тракторных 6-дюймовых орудия.

Ожидалось прибытие латышского кавалерийского эскадрона из Павловского посада.

Утром вывилась в штаб Латышской стрелковой дивизии (Знаменка, 10) матросская делегация, присланная главарями левых эсеров. Матросы просили вступить в переговоры с левыми эсерами. Из штаба дивизии спросили по телефону меня, как поступить с делегацией; я сказал, чтобы попросили матросов удалиться. Около 7—8 часов утра послышалась артиллерийская стрельба со стороны Трехсвятительского переулка по Кремлю. Снаряды падали в Малый дворец. Огонь велся из полевых орудий гранатой и шрапнелью.

С наших батарей последовал запрос о разрешении открыть огонь. Одна батарея хотела стрелять от Храма Христа, другая — со Страстной площади. Я отдал распоряжение не открывать огня до моего приезда.

Сначала я отправился на батарею, расположенную у Храма Христа. Там стояли два орудия, которые обслуживались курсантами. Курсанты готовили орудия для стрельбы по карте. Орудия были наведены на Тохсвятительский переулок. Направление было взято согласно указаниям какого-то прохожего, расстояние, вычисленное по карте, было неправильное. После тщательной проверки оказалось, что снаряды ударили бы в воспитательный дом.

Этой батарее я запретил стрелять. Что же касается батареи, расположенной на Страстной площади, то тут случилось неразрешимое для того времени препятствие, а именно: стрелять пришлось бы по углу меру и уровню, а с этим атрибутом современной артехники курсанты были слишком мало знакомы. Я от-

дал распоряжение, чтобы артиллерия стреляла исключительно прямой наводкой.

Наступление

Наступление советских войск началось согласно отданному боевому приказу и вначале развивалось вполне успешно. Утром 7 июля был густой туман, покрывший город серой непроницаемой завесой. Видеть вперед можно было шагов на 15—20, а отличить своих от противника было совершенно невозможно, так как и те и другие были в сером. Наши войска теснили противника по всему фронту и к 9 часам сошлись совсем близко. На всем фронте завязалась ружейная и пулеметная стрельба. Время от времени левозэсеровская батарея бросала снаряды по различным направлениям.

Москва превратилась в боевое поле. Публика, невзирая на праздничный день, на улицы не выходила.

У меня была телефонная связь с комбригом Дудиным, который присылал донесения вполне исправно. К 10 часам 2-й латышский полк с батареей курсантов занял часть Покровских казарм.

Труднее было положение на фронте 1-го латышского и Образцового полков, которым пришлось действовать по узким переулкам под сильным обстрелом. Оба названные полка понесли значительные потери. Комбриг Дудин сообщил мне, что сопротивление противника принимает очень упорный характер, что у восставших много пулеметов и действуют бронемашинны.

1-й латышский стрелковый и Образцовый полки временно приостановили наступление и начали закрепляться.

Люди стали занимать прилегающие дома и приспособлять к обороне заборы и площади. Комбриг Дудин находил наше положение крайне тяжелым и сомневался в возможности открытого штурма средствами одних только пехотных частей. Этот вопрос занимал меня с самого утра, и я строил различные проекты планов насчет того, как расправит-

ся с восставшими и выполнить обещание, данное Ленину. В конце концов в связи с донесениями комбрига Дудина я принял следующее решение, а именно: разгромить артиллерийским огнем резиденцию левозэсеровского правительства, расположенного в особняке Морозова, после чего перейти в общую атаку. Для осуществления этого решения мною было указано комбригу Дудину подвести совершенно скрытно несколько орудий возможно ближе к морозовскому особняку и когда эта задача будет выполнена, то доложить мне по телефону. Это распоряжение было отдано около девяти часов утра, и при исполнении его могли встречаться очень крупные затруднения маневренного характера. Во всяком случае, по моим соображениям, к полудню я должен получить доклад комбрига Дудина, что орудия наведены на резиденцию левозэсеровского правительства.

Невзирая на большие трудности, эта задача была выполнена, и командиру артиллерийского дивизиона Берзину Э. П. удалось подвести два орудия к храму Владимира и установить их на расстоянии 300 шагов от морозовского особняка.

Один из первых пущенных снарядов влетел в окно и разорвался в соседней комнате с той, где заседало левозэсеровское правительство. Это последнее, охваченное паникой, обратилось в бегство.

Вдогонку было выпущено еще около десяти снарядов шрапнелью и картечью. Всего израсходовано 17 снарядов.

Оглушительные разрывы гранат произвели ошеломляющее воздействие на заседание, участники которого моментально бросились на улицу и, спасаясь от картечи, разбежались в разные стороны. За главарями побежали также и войска. Около 12 часов комбриг Дудин донес мне по телефону о том, что левые эсеры бегут и что особняк Морозова занят 1-м латышским стрелковым полком. Через полчаса Дудин сообщил, что войска левых эсеров разбежались и сопротивления нигде не оказывают. Около половины первого было донесено тов. Ленину, что восстание левых эсеров ликвидировано.



О. В. Куусинен.

Убийство на льду

Строка в газете как выстрел над ухом.

«Убийство товарища Куусинена».

Я посмотрел на заголовок: «Красная газета», 1920 год. Февраль. Газета сообщала, — финская полиция опубликовала заявление о том, что агенту охраны Койвукоски было «приказано выследить политического преступника Куусинена и арестовать его». Выполняя приказ, Койвукоски вблизи от Вааса, на льду Ботнического залива, увидев одинокого лыжника, уходившего в сторону Швеции, догнал его и, узнав в нем Куусинена, потребовал вернуться. Тот не подчинился, и охранник выстрелом из браунинга убил его...

Все правдоподобно. В ту пору Отто Куусинен действительно был в Финляндии в глубоком подполье. И тому, кто выдаст его, действительно обещали награду в десятки тысяч марок. Путь к шведскому берегу по льду залива у Ваасы не превышает и сотни километров. И если в последнюю войну со Швецией Барклай де Толли провел там пешим ходом русские полки — разве умелому лыжнику трудно повторить этот рейд?

Правдоподобно — и вместе с тем невозможно!

Я огляделся — не пригрезилось ли все это мне, ведь не прошло и месяца, как сей много лет назад убитый человек выступал в Москве на конгрессе Коминтерна!

Но нет, все на месте — лампы с зелеными абажурами отбрасывают ровный свет на столы, за которыми в уютной библиотеке над книгами склоняются книголюбы.

Эту поразившую меня телеграмму я нашел, перелистывая хрупкие пожелтевшие страницы комплекта «Красной газеты», когда собирал материалы для своего романа «Клятва», посвященного финской революции. Нет дыма без огня. Что же все-таки тогда произошло?

Ну что ж, спрошу у самого Отто Вильгельмовича, как ему удалось уйти от выстрела. И конечно, при первой же встрече у него дома, когда он подарил мне вышедшую в Стокгольме мою повесть «Падение Кимас-озера», я не уступаю случая задать этот вопрос. Но Куусинен недовольно отмахнулся.

— Ерунда! Такого никогда не было. Хвастливые выдумки провокатора. В Швецию я добрался летом, и совсем другим способом, — пробурчал он. — Но сейчас еще не время рассказывать об этом.

Лет через десять побывав в Финляндии после войны, я уже знал, что телеграмма, напечатанная в свое время в «Красной газете», точно

Геннадий Фиш

Сага о двух побегах



Маяк в шхерах.

воспроизводила то, что писалось в 1920 году в финской и шведской прессе.

И когда в феврале разнеслась тревожная весть о том, что Отто Куусинен убит сыщиком во льдах Ботнического залива, известие это глубоко потрясло трудящихся Суоми.

Тысячи рабочих Хельсинки вышли на демонстрацию и выражающих возмущение, посыпалась из-за границы в адрес правительства.

Даже центральная газета правых социал-демократов сочла выгодным поместить некролог, в котором говорилось о заслугах Куусинена, талантливого лидера рабочего класса, восхвалялись его «богатые природные дарования,

сочетавшиеся с такой деятельной энергией», признавалось, что «он обладал такими теоретическими знаниями о социализме, что его с полным основанием считали наиболее видным теоретиком». Мертвый, он теперь казался им уже не опасным. Назревал неслыханный скандал. Но то, что фашисты склонны были считать своей победой, на деле обернулось их поражением.

Но как же все было на самом деле?

— Отто Вильгельмович, — спросил я, — полагаю, что сейчас уже настало время, когда рассказ о том, как вы тогда выбрались из Финляндии, никому не повредит? Не правда ли?..

— Пожалуй, — согласился он, — но лучше пусть вам расскажет о нашем побеге женщина, которая организовала его. Зовут ее Айно, так же как героиню Калевалы, а фамилия Песонен...

Прощай, Хельсинки!

— Черт побери! Если бы вы только знали, как у меня упало сердце, когда я прочла в газете, что Куусинен убит! — с юношеской энергией говорит Айно Песонен, как будто за ее плечами и нет восьмидесяти лет.

— Ведь он был объявлен вне закона, и любой мог безнаказанно его прикончить. А я видела Отто перед этим дня за три или четыре. Мы вместе работали. Он писал, а я шифровала. И все-таки я поверила. Да! Да! — погрозила она кому-то пальцем. — Как же было не поверить в это другим?..

Он был душой тройки, которая руководила революционным подпольем в стране. В мои обязанности входило также подыскивать для Отто безопасное жилье и время от времени менять его, чтобы не пронохали полицейские. Так за год я сменила ему девять квартир. Нелегкое дело! Но я, кажется, справлялась. Правда, иногда стоило запоздать на один день, и все было бы потеряно. Но каждый раз спасало его бесстрашие и хладнокровие. Один раз, когда полицейские уже окружили дом, где он жил в квартире у кондуктора трамвая, Отто ушел, переодевшись в костюм хозяина. Спокойно, не торопясь прошел мимо полицейского, дежурившего в воротах и даже спросил у него, который час. Полицейский взял под козырек и ответил, не заподозрив в трамвайном кондукторе лидера финских коммунистов. И как же так Отто, ничего не сказав мне, ушел из Хельсинки на север! Это меня, признаюсь, озадачило и даже немного обидело, — рассказывала Айно. — Мне было очень жалко его. И я тревожилась, как дальше пойдет дело, но через два дня пришел ко мне Вилле Оянен — он тогда был молодой, красивый, сильный, — передал пачку писем для шифровки и сказал: «Привет тебе от убитого!»

Я так обрадовалась, что чуть ли не в пляс пошла.

Через несколько дней после этого левые газеты опубликовали письмо Куусинена — «Это ошибка, будто я уже арестован и убит», в котором он дал глубокий обзор положения в стране и с беспощадным сарказмом расправлялся с теми, кто вдохновлял на подобные «подвиги» полицию, кто потопил в крови рабо-

чую революцию и теперь стремится развязать войну против Советской России, принять участие в интервенции, чтобы в награду получить «зеленое золото» — лесные богатства Карелии.

«Я нисколько не хотел дразнить вас. Вы и ваше воинство давно в таком состоянии, когда люди уже не думают о том, что творят. — Такими словами Куусинен заключал свое письмо. — Я ваш враг, столь же определенный, как и рабочий класс Суоми. Если вы меня схватите, то, как я догадываюсь, вы меня убьете. Если вы попадете ко мне в руки, я предам вас суду организованных рабочих. Очень возможно, что вы доберетесь до меня раньше, чем я до вас. Но это не так уж важно...»

— Как это так — неважно! — возмущалась Айно. Ведь партия ей поручила сделать все, чтобы этого не произошло, чтобы полиция до Отто не добралась никогда.

В парламенте был сделан запрос. Обстановка накалялась.

Письмо произвело сенсацию. Это случилось зимой.

А уже в мае в Хельсинки, в Рабочем доме, собрался Учредительный съезд Социалистической рабочей партии, проект программы которой составил Куусинен.

Эта массовая партия должна была быть легальной, хотя, по существу, ею руководили представители коммунистической партии, которая в те годы в условиях подполья не могла стать массовой.

Едва возникнув, новая партия объединила уже тридцать тысяч рабочих.

Но на второй день работы съезда, как только принято было решение пригласить к Коммунистическому Интернационалу, полицмейстер отдал приказ закрыть съезд и арестовать делегатов.

Так все участники его прямо с заседания угодили в тюрьму. Но, к удивлению полицмейстера, Куусинена среди них не оказалось. И хотя делегаты оказались за решеткой, не прошло и месяца, как в Хельсинки снова собрался съезд, положивший начало легальной Социалистической рабочей партии Финляндии.

В те дни полицейские сбились с ног, отыскивая Куусинена среди делегатов и в рабочих районах столицы. Кольцо облавы сужалось и сужалось, и казалось — вот-вот они схватят его. Но Куусинена и след простыл.

Правда, ему не хотелось покидать Хельсинки до съезда, но слишком уж плотно облегла облава, и к тому же предстояли другие, не менее важные дела.

Как в те годы, когда большевики были загнаны в подполье и свои съезды и конференции

могли проводить лишь за границей, так и финские коммунисты, когда реакция заставила их уйти в подполье, собирали свои съезды за рубежом, в той же Швеции и — долг платежом красен — в Советской России. Предстояла конференция Финской компартии... А затем... Впрочем, все по порядку.

Айно Песонен и Вейкк — подпольная кличка Вилле Оянена — было поручено организовать «отъезд» Отто. Легче всего было провалиться «на запертой на замок», как утверждали шюцкоровцы, финско-советской границе.

— Как ты переносишь качку? — спросил Вилле. — Что, если махнуть на моторке морем на Стокгольм?

Путь этот, конечно, опасен. Но он казался им и надежнее.

— Буду откровенна, я видела, что и за мной уже установлена слежка, и мне тоже хотелось скорее покинуть Хельсинки. Если бы меня поймали — несдобровать! Десять лет каторги — самое меньшее!

В январе восемнадцатого года на башне Рабочего дома в Хельсинки зажегся красный огонь. Это было сигналом к пролетарской революции. Восставшие рабочие быстро захватили власть, организовали революционное правительство — Совет Народных Уполномоченных, душой которого были испытанные рабочие лидеры Отто Куусинен и Ирвь Сирола. В разгоревшейся гражданской войне Красная гвардия на всех фронтах теснила белогвардейцев. Но судьбу революции решили призванные белыми войска Германской империи. Революция разбита. В стране воцарился белый террор. Молодая, созданная уже после революции компартия была загнана в глубокое подполье.

В дни рабочего восстания Айно, старшую приказчицу большого мануфактурного магазина Пиркконена, где она заведовала отделами трикотажа и гардин, товарищи послали работать кассиром в Финском банке.

— И не мало денег выдала я оттуда на нужды Красной гвардии. Пачку за пачкой... На мне уже висел заочный приговор.

— А тебя не закачают? Море все-таки!.. — снова спросил Вилле.

Нашли удобный баркас. Сторговали его. Вилле, экономя, купил подержанный мотор. И в то время, как он разбирал и снова собирал его, читал и перечитывал правила обращения с ним, Айно написала письмо товарищам в Швецию, между строк которого невидимыми «чернилами» — лимонной кислотой намечены были место и дата встречи... Се-

гельскяри. Самый южный островок в шхерах Финляндии, в районе Ханко. Туда — из Хельсинки немногим больше ста километров — они и собирались дойти на своей моторке... И с этого островка, на котором с давних пор стоял лоцманский знак, их должны были переправить в Стокгольм уже шведские друзья. Сообщив название белой быстроходной моторки, которая снимет их с Сегельскяри — «Энгельбрект», Стокгольм подтвердил условия принятия.

И в первое июньское воскресенье около баркаса на пристани Хиеталаhti, с рассвета — а июньские ночи короче воробьиного носа: не успеет в одном краю неба погаснуть вечерняя зорька, как в другом зажигается утренняя, — Вилле уже возился с мотором. А по пристани вместе с женой инженера, хозяйкой конспиративной квартиры, держа в руках тяжелую сумку с продуктами и запасом пищи на трое суток, прохаживалась Айно, то и дело поглядывая на мыс, из-за которого должна была появиться лодочка.

С мотором что-то не ладилось.

— Я и раньше говорил, что мотор штука капризная, с ним неожиданностей не обещешь! — ворчал Вилле.

И вот, наконец, из-за мыса появилась долгожданная лодочка... Ослепительно белая. Только что выкрашенная. На веслах брат хозяйки последней квартиры, где Айно поселила Куусинена. На корме...

Не знай Айно заранее, что в лодке должен быть Куусинен, она бы ни за что его не признала в этом примостившемся на корме ярко рыжем человеке. Если Айно и Вилле в своей будничной одежде нисколько не отличались от прочих обывателей, то Отто, по их мнению, был слишком уж переконспирирован. Поверх обычного костюма он напялил другой, поношенный. Булавки скрепляли дыры на старом, продранном свитере. И сразу бросилось в глаза, что сапоги не по ноге — велики...

— В них уместился бы еще один человек! — сказала Айно.

Нет, никто, никогда в этом рыжем обывателе не признал бы популярнейшего лидера рабочего класса Финляндии, обычно такого подтянутого — магистра философии, депутата парламента, одного из организаторов компартии. Полиция знала также, что Куусинен вошел в руководство Коммунистического Интернационала, в создании которого принимал деятельное участие.

В своем «новом» одеянии он совсем был непохож на разосланную охранкой фотогра-

фию и «особые приметы». Это было прекрасно.

А что касается цвета глаз — то у девятности из ста финнов глаза голубые или серые.

Вдруг мотор затарахтел — заработал. Вилле выпрямился и торжествующе поглядел на товарищей. Но не успели Айно и Отто положить свои сумки в баркас, как мотор зачихал, закашлял и заглох.

— Издевательство! Сатана-перкелел! — выругался Вилле и снова нагнулся и стал колдовать над мотором.

А тот опять зачихал и заглох.

— Хронический насморк! — и Вилле выругался.

Солнце уже поднялось. Морская гладь голубела. На набережной появились прохожие. Надо немедленно что-то предпринимать... Отправляться в дальний путь на тяжелом баркасе с неисправным мотором рискованно! Сидеть на берегу или возвращаться обратно в квартиры, за которыми уже установлено наблюдение, не менее опасно...

— Оставим тут ко всем чертям баркас с мотором, а поедем на этой белой лодочке, — вдруг предложил Вилле. — Трое в ней легко разместятся: один — на веслах, другой — у руля, третий — на корме. Собственный мотор всегда надежнее. Весла не подведут. Были бы сила и упорство. — И он пощупал свои бицепсы.

Что и говорить, Вилле Оянен не только красивый парень, но только настоящий революционер, но еще и первоклассный спортсмен. Гимнаст. Он одно время даже преподавал гимнастику. А Куусинен, хотя тоже не из слабых, но, конечно, в силе уступал ему. К тому же месяцев восемь он просидел взаперти, не выходя на воздух. И рыжие волосы только оттеняли бледность его щек.

— Ну, а я, хотя на лодке никогда дальше прибрежного острова Сеурассаари не добралась, была согласна с Вилле, — вспоминает Айно.

Обычно такой неразговорчивый, тут он разговорился.

— На маленькой гребной лодочке даже безопаснее — никто не подумает, что на ней едут в Стокгольм. Слишком уж это рискованным покажется. Большую, да еще моторную, скорее заподозрят.

— Люблю людей, которые не только знают, что надо делать, но и умеют думать! Собственный мотор так собственный мотор! — одобрил Куусинен предложение Вилле.

Сказано — сделано.

Белая лодка отвалила от пристани. На весла сел Куусинен. Айно на носу. На корме Вилле взял в руки рулевое весло... Грести решили по очереди, сменяясь через два часа...

— Молодые мы были. Лодочка наша сначала легко пошла! Вышли из Сандвикского залива, оставили справа Западную гавань. Слева сосновый бор на острове Лаутассаари. И вот уже и Сеурассаари — дальше его никогда я на лодке раньше не заплывала!

Море закрыто островами, вода гладкая, как на озере. И солнышко ослепительно дробится на воде. День воскресный, кое-кто на лодках уже выехал. Ловят рыбу. И Сеурассаари вот уже позади. Но долго-долго, куда ни повернешь, виден покрытый серебристыми звездами синий купол Кафедрального собора. Куусинен пристально вглядывался в него.

Давно ли Сенатская площадь перед собором бушевала митингами. А слева от собора на этой площади университет, где он был студентом, где защищал магистерскую диссертацию об эстетике Гегеля. Город, четырежды избравший его депутатом парламента, город, где каждый камень помнит его! Прощай, Хельсинки!

Первые сутки

Миновав Сеурассаари, Айно вынула из сумки сложенные гармоникой морские карты с нанесенными на них фарватерами. Островки, заливы, островки — сколько их, без числа! Извилистые проливы, фиорды и снова большие и маленькие, как точечная сыпь. Запутаться тут куда легче, чем разобраться...

Айно передала карты Оянену, и он углубился в них.

— Что вы понимаете в картах! — подтрунивал над товарищами Куусинен. — И без них заблудитесь!..

Но когда Вилле и Айно рассказали ему, что вот за тем островком надо повернуть ближе к берегу и тогда откроется широкий пролив, а там, миновав мыс, на котором стоит лоцманский белый знак, следует рулить налево, и выйдешь в открытое море — и Отто вскоре увидел, что все так и есть, — он с удивлением сказал:

— Да, вы неплохо разбираетесь в вехах... Мореходное дело много потеряло оттого, что вы ушли в революцию!

Когда Айно сменяла Куусинена на веслах, а Вилле перебирался на корму рулить, они почувствовали, как неустойчива «Беляночка», которой вверили свою жизнь. Лодочка с та-



Хельсинки. Вид города.

кой легкостью затанцевала, накреняясь из стороны в сторону, чуть ли не зачерпывая воду бортом, что Айно с трудом удержала равновесие. Приходилось не переходить, а чуть ли не переползать с банки на банку... Все трое, словно гири разновеса, весили поразному. Легче всех был Куусинен, тяжелее Оянен. Перемещаясь с места на место, они не должны забывать об этом.

На карте проложено было три параллельных фарватера.

Прибрежный фарватер для судов с малой осадкой намного удлинял путь, к тому же с берега легче обнаружить беглецов. Наиболее краткий путь имел отдаленный от берега

фарватер, но он же грозил и разгулом стихии и тем, что ночью большой пароход мог потопить лодку, даже не заметив ее.

Избранный беглецами средний фарватер среди разбросанных в беспорядке шхер, то голых и гладких, как спина тюленя, то топящихся, как еж, поросших сосняком, был самый скрытный и защищенный. Но тут надо было следить за каждым лоцманским знаком, за каждым поворотом.

То, что на веслах тяжелее, чем за рулем, Айно поняла, когда настал ее черед грести.

Сначала весла, казалось, сами весело окунались в воду и выскакивали из нее, оставляя маленькие верченые воронки.



Берег у Ханко.

— Не частй! Береги дыхание! — командовал Вилле.

Постепенно весла становились все тяжелее и тяжелее, и видно было, как капли скатываются по лопасти медленно, словно пот со лба. Но хотя к концу смены Айно гребла с меньшей силой, лодка по-прежнему шла вперед, не теряя скорости.

Она с благодарностью взглянула на Вилле. Ох уж этот Вилле, он не только рулил коротким веслом, но все время помогал ей, подгребал коротким рулевым веслом то с одной стороны борта, то с другой...

Потом Айно увидела, что Вилле «подгребал» и тогда, когда за весла взялся Отто.

— Крепко пришлось в первый день поработать, — вспоминает она. И все же только к семи вечера «Беляночка» оставила позади полуостров Порккала и вышла на просторы Барозунда...

К вечеру! Какие в начале июня вечера на Балтике! Высокое-высокое расписное прозрачное небо. Но вдруг в западном углу оно стало сизым, потемнело. Большая туча быстро шла навстречу, захватывая все большее и большее пространство. Порыв ветра бросал в лицо колкие брызги. Закачал лодчонку. Внезапно стало темно, сверкнула молния. Прокатился гром.

Дальше идти рискованно. По счастью, со-

всем близко одинокий скалистый островок. Но причалить к нему не так-то легко. Гонимые ветром волны, пенясь, разбивались о скалы и снова бросались на них.

— Вот и отлично! Буря устроила нам перерыв на обед! — сказал Отто, когда с трудом удалось вытащить на камни «Беляночку».

Молнии, как ножницы, кромали темную холстину неба, она свалась на части с оглушительным треском.

— Во всем можно найти положительное, — говорил Куусинен, — в такую погоду нас здесь никто искать не станет.

— Только бы она не затянулась, — отвечал, поглядывая на часы, Вилле...

Но буря так же внезапно, как обрушилась на шхеры, убралась дальше на восток, к Хельсинки, и снова над берегами, лесами и морем воцарилась таинственная белая прозрачная ночь. Сильный опытный гребец, Вилле уверенно вывел лодку в открытое море.

— «При составлении планов военных операций следует учитывать соотношение светлого и темного времени, в июне круглые сутки может разворачиваться деятельность подводных лодок и авиации. Скрытность операций под прикрытием темноты затруднена до самых крайних пределов. При маскировке можно пользоваться лишь часто случающимися в это время туманами», — по памяти, а она у него была отличная, процитировал вслух Куусинен военно-морское наставление.

— Да, небольшой туман не помешал бы.

Но тумана-то на этот раз не было... И снова каждый отработал на веслах свою смену. И снова Вилле, сидя за рулем, подгребал товарищам. Так по фиордам Финского залива путники добрались до острова Юссаро.

Снова наступило раннее утро. Целые сутки прошли без сна.

— И то время, когда, дожидаясь Куусинена, я бродила по пристани, казалось таким далеким. Слово в раннем детстве. Не мудрено, что мы с Отто задремали. Вилле греб больше, чем ему полагалось. Жалко было будить нас. Но мы сами очнулись от тараканий мотора. Навстречу шел пограничный катер...

Ну, конец! У меня упало сердце. Я увидела, как Отто нащупывает в кармане пистолет. Голыми руками они нас не возьмут. Но в это же время издали затарахтел другой мотор. Вдоль горизонта, чуть ли не сваливаясь за него, шла моторка с десятком пассажиров. Пограничники дали сигнал катеру

остановиться. Но он продолжал уходить на восток.

Не вняли на уходившем суденышке и второму сигналу. Тогда, оставив «Беляночку» в покое — какая, в самом деле, могла быть контрабанда на этой скорлупке, — пограничники круто повернули за ними.

— От нас эта лодочка не уйдет — осмотрим катер и догоним ее. Пять литров спирта или самогона не велика добыча! — решил капрал.

Когда пограничники свернули на восток, Вилле стал грести с удвоенной силой, чтобы уйти подальше на запад.

Главным в пограничной службе сейчас была поимка контрабандистов, которые, нарушая царивший в стране «сухой закон», нелегально провозя спиртные напитки, зарабатывали бешеные деньги.

Но и на катере, где столько пассажиров — капрал издали насчитал семерых, — тоже вряд ли перевозят контрабанду.

Догнать его было не трудно, тем более что вскоре он и сам приглушил мотор. А потом, всхлипывая всеми клапанами, начал пятиться навстречу пограничникам.

Кaprал не обсчитался. На катере было семь человек, вид которых не внушал доверия. Небритые, в потрепанной одежде, какие-то бродяги. Только один из них, рулевой, со шрамом на щеке, выглядел поприличнее... Оказалось, что это старшой... Он первым, как только катера сблизилась, обратился к капралу...

— Господин фендрик, помогите, пожалуйста... Испортился мотор. Возьмите на буксир! — взмолился он.

— А куда вы держите путь?

— В Котку... Там забастовка. Везу туда штрейкбрехеров. Мало... Но все же лучше, чем ничего, — словно оправдываясь, что ему не удалось завербовать больше людей, тараторил рулевой.

«Значит, я не ошибся, приняв их за бродяг», — подумал капрал.

— Этих доставлю, поеду за следующей партией, — продолжал рулевой. — В такое время бастовать! Мы проучим бездельников! Только помогите, пожалуйста. Возьмите на буксир! А мы тем временем отрегулируем мотор.

— Дальше сорока километров не могу буксировать вас, — сказал капрал. Его катер патрулировал вдоль берега пятьдесят километров в одну сторону, пятьдесят — в другую.

— А водки нет? — строго спросил он.

В ответ эти хмурые люди заулыбались, а рулевой рассмеялся.

— Если было бы на водку, разве кто из них нанялся бы в Котку? Вот когда будут возвращаться при деньгах — другое дело! Тогда и спрашивайте!

«Он прав», — подумал капрал и, проверив удостоверение личности рулевого, приказал взять катер со штрейкбрехерами на буксир.

А когда часа через полтора штрейкбрехеры, сэкономив горючее, исправили у себя мотор (это было сделать нетрудно, потому что тот и не выходил из строя) и пограничники, отдав концы, повернули обратно, капрал предпочел не вспоминать о «Беляночке», которая уже была в четырех часах хода от них.

На Сегельскяри

В это время «Беляночка» проходила у берегов острова Юссаро, от которого, чтобы достичь Сегельскяри, нужно свернуть прямо на юг.

Отсюда Сегельскяри, где их должны ждать друзья из Швеции, виден невооруженным глазом. Но чем дальше отходила «Беляночка» от Юссаро, тем сильнее становилась волна. Тем тяжелее становилось грести. Да и лодочка вовсе не была приспособлена к плаванью на такой крутой волне, к тому же то ли ее плохо подготовили к весне, то ли неосторожно вытаскивали на скалы, дно расщелилось, и на носу и на корме показалась течь.

Айно орудовала черпаком, Куусинен на носу банкой из-под консервов, но вода у днища не только не убывала, а, наоборот, уже доходила до щиколотки.

Вилле стал уставать, сказывались бессонные сутки и безостановочная гребля. Айно с Отто Вильгельмовичем были гораздо слабее, и хотя в тихую погоду гребли неплохо, но чем сильнее свирепел ветер, тем труднее им становилось продвигать вперед ладью. Все же Куусинен энергично уселся за весла. Но «Беляночку» все быстрее и быстрее уносило в открытое море. Тогда Вилле повернул корму против ветра и погнал «Беляночку» обратно, прямо на Юссаро. И вскоре лодка килем зашуршала по камешкам.

Берег... Айно не могла без содрогания смотреть на руки Вилле. На пальцах и ладонях мозоли. Водяные волдыри. Некоторые лопнули, вода уже сошла, и потерявшие места кровоточили.

Как только он удерживался от стонов!

— У тебя просто волшебный мешок, мо-

лодец, все предусмотрела, — похвалил Айно Куусинен, когда она, порывшись в сумке, вытащила оттуда бинты и стала перевязывать руки Вилле.

Слой за слоем накладывались бинты на руки. Теперь казалось, на них надеты белые рукавицы... И тут из-за туч выглянуло солнце, словно для того, чтобы придать бодрости мореплавателям по неволе. Подкрепившись всухомятку хрустящими хлебцами с маслом и колбасой, усталые путешественники прилегли отдохнуть на часок-другой да так без просыпа и проспали восемь часов. Они спали бы дольше, если бы дневной солнечный свет не сменила пронизывающая прохлада.

Несмотря на то, что ветер усилился, решили продолжать путь на Сегельскяри, чтобы пристать к нему в тот же день. Иначе можно разминуться с «Энгельбректом». Ведь встреча назначена на понедельник. Ветер переменялся и стал попутным, волны чуть не захлестывали «Беляночку», и все время приходилось, словно на санках, скатываться с горы, въезжать на нее и снова скатываться вниз.

Белые повязки — рукавицы Вилле, он правил рулевым веслом — то взлетали, как чайки над головой Айно, то проваливались и белели вниз.

Волны облизывали борта, подгоняя лодку, и, казалось, готовы были каждую минуту проглотить ее. Уключины скрипели. Отто, сжав в напряжении зубы, заносил весла назад. Над лодкой нависла темная волна. Айно зажмурилась.

Но, может, в том, что «Беляночка» была легкой, как щепка, и крылось их спасение.

Насквозь промокшие, продрогшие, до предела измотанные, добрались они до Сегельскяри — самого южного островка, самой южной точки Суоми.

— Вот ты и получил ответ, как я переносу качку, — гордо, хотя ее и мутило, сказала Айно, когда они с Ояненом вытаскивали лодку на берег пустынного острова.

Здесь их должны были ждать.

Но никого не было.

Часы у Отто показывали без четверти двенадцать. Значит, не опоздали. Понедельник. До вторника оставалось четверть часа.

Сегельскяри, однако, оказался вовсе не таким пустынным, как утверждала карта. Правда, людей на нем не было. Но... в незапертом дощатом сарае валялись ломы, топоры, мастерки, пилы, мешки с цементом, доски, обрывки шведских и финских газет за субботу.

— Не надо быть Шерлоком Холмсом, чтобы понять, что недавно здесь были люди и скоро вернуться, — решил Вилле.

— Подождем стогольмцев, докажем, что не мы, а они опоздали, — сказал Куусинен. — Не допускаю и мысли, что нас не дождались.

Ждать. Ничего другого и не оставалось. Тем более что над головой какая ни есть, а все-таки крыша и мешки с цементом защищают от ветра, гуляющего по складу.

Хотя от усталости не хотелось есть, они закусили и улеглись.

Двое спали, один поочередно бодрствовал. — Если бы ты, Вилле, стал пастором, как хотели твои родные, то вымолил бы у бога, чтобы сегодня еще до ночевки нас подобрал «Энгельбрект», — сказала Айно. Она первой заступила на вахту, когда сон еще не склеивает веки.

— Если бы бог внимал мольбам каждой собаки, то с неба падал бы не дождь, а жареные кости, — ответил, похосившись на Куусинена, Вилле.

И все трое дружно засмеялись.

Хотя положение у них было далеко не веселое, но смеялись они от души, потому что хорошо знали, о чем идет речь. Когда один из депутатов — пастор, выступая с парламентской кафедры, призвал бога обрушить громы и молнии, чтобы уничтожить социалистов, выступивший вслед за ним депутат Куусинен мимоходом, соблюдая правила парламентской вежливости, метнув взгляд в сторону предыдущего оратора, сказал:

— Если бы господь бог внимал мольбам каждой собаки, то с неба падал бы не живительный дождь, а жареные кости, — и все депутаты, без различия партий, встретили его слова смехом.

Утро настало ясное, без единого пятнышка на небе, но ветер еще не совсем улегся. Солнце вынырнуло из моря, омытое, розовое. Мужчины осматривали островок, впрочем, все было как на ладони — плоские, вылизанные волнами, сглаженные ветрами темные скалы, и близости от сарая — начало каменной кладки.

Что могли здесь строить?

— Наверное, маяк, — сказал Вилле.

Куусинен разглядывал оставленные в сарае старые газеты.

— Воды да ветра и у ничего много, — вспомнила Айно половицу и добавила: — Ветра действительно много, а воды нет.

«Самое время вскипятить чай», — решила она. Но на острове не было ни колодца, ни

ручейка. А вода из луж, оставленных прошедшим ливнем, никуда не годилась. Пришлось опорожнить в котелок одну из фляг.

Но только она принялась разжигать извлеченный из «волшебной сумки» примус, как послышался звук работающего мотора.

— Скорее разбейтуй! — протянул ей руки Вилле. — Если на моторке чужие, повязки вызовут ненужные расспросы.

А на баркасе как раз были чужие. Человек восемь. Это не «Энгельбрект». Что за народ? Вдруг узнают? Надо срочно сочинять легенду... То, что на такой лодчонке беглецы осмелились забраться так далеко в море, уже подозрительно, и, вернувшись домой, незнакомцы обязательно сообщат властям. А почему бы и нет? Да не полицейские ли это?..

По счастью, пассажиры на моторке, принадлежавшей местному лоцману, оказались рабочими-строителями, возводившими на Сегельскяри (прав был Вилле) новый маяк. Один за другим выскакивали они на берег. Последний тащил на себе бочонок с водой. Прогуляв не только воскресенье, но и понедельник, строители немедленно принялись за работу. Объясняться пришлось с лоцманом, но старым еще, рыжебородым шведом. Его матрос в это время заливал горючее в бачок.

— Мы с компанией забрались сюда в воскресенье, на пикник. Утром в понедельник остальные уехали на моторке и обещали к вечеру вернуться за нами, но почему-то не вернулись...

Лоцман пылливо взглянул на Айно.

Он согласился взять «Беляночку» на буксир и доставить друзей до лоцманского островка, в шхерах, оттуда уже до Ханко, куда они держат путь, не трудно добраться и на их лодочке...

Через несколько минут моторка с пассажирами отчалила от Сегельскяри, позади нее на пеньковом тросе волочилась «Беляночка».

Не Вилле и не Отто — Айно рассказывала лоцману «легенду». Заранее было условлено, что там, где надо говорить по-шведски, беседу ведет Айно. Природная финка, как и они, Айно в совершенстве владела шведским. Этому причина — непоседливость ее отца, мастера-клепальщика паровозных котлов на железной дороге.

В каких только депо он не работал — и в Выборге, и в Рихимяки, и в Турку... И каждый раз, взяв расчет по своему желанию, переезжал всей семьей, с малыши детьми.



В. Оянен и А. Песонен.

Вскоре после переезда в Вааса он выиграл в лотерею малую толику денег, да кое-что было приколплено уже, и жена уговорила его обосноваться в Вааса, построить домик. Отец увлекся этой затеей. А когда дом был готов, снова заскучал.

— Теперь переедем в Тампере, — сказал он жене.

— А дом? — спросила она.

— Продадим.

Нет, она не согласна продавать дом.

— Знаешь что, — сказала жена, — если хочешь, поезжай один, а я с детьми не желаю больше мыкаться по чужим углам, да и тебе будет куда возвращаться.

Отец уехал, а семья осталась в Вааса. Там

и пошла в школу Айно, там и окончила ее, там и начала служить. А Вааса — город, где преобладают шведы. И школа тоже была шведская. Так что по чистоте произношения Айно нельзя было отличить от природной шведки. Другое дело Ювяскюля, где с отличием кончал среднее образование Куусинен, — город исконно финский. Буквы «б», «г», «д» народ до сих пор неизменно называет «господскими буквами». Соответствующих звонких звуков в финском языке нет. Даже в начале слов, которые заимствованы из других языков, они превращаются в глухие. Так «генерал» становится «кенрали», «граф» — «крэйви», «банк» звучит «паннки», «Борго» — «Порввоо» и так далее. «Господские буквы» — буквы языка господ. А господами лет пятьсот в Суоми были шведы. И хотя в школе шведский язык обязателен и Оянен и Куусинен отлично владели им, но все же произношение у них не такое чистое, как у Айно.

Куусинен окончил лицей первым. А фамилии первых учеников записаны на скрижалях школы. И когда мне в 1958 году довелось побывать в Ювяскюля, тамошние приятели с радостью рассказывали, что той весной паренек, окончивший лицей так же отлично, как и Куусинен, — также коммунист.

Когда при встрече с Отто Вильгельмовичем я сказал ему об этом, он сначала улыбнулся, а потом, поморщившись, ответил:

— Это была несправедливость! Письменную работу по-шведски я списал у Эдуарда, у Гюллинга — он сидел впереди. Мне поставили выкший балл за нее, а ему дали меньший. Потому что я был финн, а он швед. Добрый человек, он никогда мне в вину свой балл не ставил.

Когда у них впервые зашел об этом разговор, Вилле прямо сказал:

— Мы с тобой, Отто, отлично знаем и шведский и немецкий, но говорим с саволакским произношением. Когда пишем, нас хорошо понимают, а стоит заговорить... — И Вилле развел руками.

— Однако один человек отлично понимал меня, несмотря на саволакский диалект... Ленин, — сказал Куусинен и сразу осекся. Это могло показаться хвастовством, а ничто так не чуждо ему, как это.

Не легко было отвязаться от Айно, когда она легко-то сильно хотела. А разузнать подробнее о Ленине, и притом из первых уст, раз так уж случилось, этого она не упустит. Под конец Куусинену пришлось сдаться.

Да, он познакомился с Лениным десять лет назад, в Копенгагене на конгрессе Социалистического Интернационала. Ленин был в делегации русских социал-демократов, а Куусинен — финских.

— Если бы я тогда уже понимал, что Ленин — это Ленин, то, конечно, больше обратил бы внимания на этого коренастого, подвижного, молодого еще, но уже лысеющего человека с перевязанной от зубной боли щекой. Мы, финские социал-демократы, тогда слабо различали меньшевиков, большевиков, эсеров... И я, каюсь, больше прислушивался к Плеханову, статьи и книги которого читал по-немецки. А Ленина еще не переводили. К тому же и работали мы в разных комиссиях. Если бы раньше поняли его правоту, не пришлось бы нам с вами сейчас совершать эту увеселительную прогулку.

Подлинное же знакомство, ставшее потом дружбой, произошло в сентябре семнадцатого года. По приказу Керенского был разогнан финский парламент — сейм, большинство депутатов которого были социал-демократы. Пришлось для этого специально послать гусарский полк, так как расквартированные в Хельсинки войска были на стороне большевиков. И отказались выполнить приказ. Ленин в это время скрывался в Хельсинки от грозившей ему в Питере расправы.

К нему-то на улице Тееле в однокомнатную квартиру паровозного машиниста Блушквисте и пришел Куусинен. Он уже понимал тогда, что Ленин — это Ленин.

О многом было переговорено.

— Вы правильно сделали, что вопреки приказу Керенского не признали законность роспуска сейма. Наша партия стоит за независимость Финляндии, — говорил Владимир Ильич, — об этом легко будет договориться, когда власть в России перейдет в руки рабочего класса!..

А в том, что это случится, Ленин был безоговорочно убежден. Огромное впечатление на Куусинена произвела эта убежденность человека, скрывающегося под чужим именем в чужом городе, в том, что близок час, когда от имени русского народа он осуществит этот великий исторический акт...

И ведь в самом деле, не прошло и трех месяцев, как Ленин подписал декрет, признающий независимость Суоми!

Когда, уже прощаясь, Владимир Ильич сказал, что собирается завтра в Петроград, Куусинен спросил:

— А нельзя ли хоть немного отложить отъезд? Опасно ведь очень.



Рыболовная шхуна.

— Нет, больше ждать нельзя, с огромной быстротой назревает момент решающей схватки.

На другой день Ленин был уже в Выборге, поближе к революционному Питеру.

— По совету его, — рассказывал Куусинен, — я содействовал в парламенте обострению борьбы против Керенского... Нет, в тот день никак и подумать нельзя было, что не пройдет и двух месяцев, как он возглавит новое правительство России!

В мае восемнадцатого года тяжело переживавшие поражение финской революции Куусинен и председатель революционного правительства Маннер пришли к Ленину

в Кремль... Он встретил их с распростертыми объятиями.

— Еще и года не прошло, как скрывался в Хельсинки, а теперь...

— Не следует терять бодрости, не следует падать духом, в следующий раз готовьтесь лучше... — подбодрял их Ленин.

Айно была делегатом. Она приехала в Москву из Предуралья, из Буя с тяжелым мешком черного хлеба для тех, кто прибывал из более голодных мест.

Жили делегаты в комнатах семинаристов, заседали в бывшей семинарской церкви, приземистой духовной семинарии, ставшей Третьим Домом Советов.

Я отлично представляю себе этот дом и семинарские дортуары, потому что осенью двадцатого года там жили делегаты третьего съезда комсомола, среди которых был и я, — делегаты, имевшие счастье услышать программный доклад Владимира Ильича. Участники же учредительного съезда Финской компартии выступления Ленина, хотя он и обещал прибыть, услышать не смогли. В день открытия съезда Владимир Ильич был тяжело ранен террористкой-эсеркой.

— Тогда-то мы воочию постигли разницу между большевиками и эсерами!

Русских коммунистов на этом съезде представлял глава молодого Советского государства Яков Свердлов и старый знакомец Куусинена, питерский финн, один из основателей РКП — Александр Шотман.

Но вернемся назад в лоцманский бот, из которого вместе с лоцманом вышли на берег лоцманского острова Хистобусо трое пассажиров.

— Нет, нет, лоцман не хочет брать ни пени за услугу, за буксир. Разве только то, что стоит горючее.

Он отвел в сторону Айно и тихо, чтобы не услышал матрос, сказал:

— Фрекен, куда вам нужно? Я и мой бот в вашем распоряжении.

Но — увы! — услугами его нельзя было воспользоваться не только из осторожности, но, главное, потому, что неизвестно, куда им нужно сейчас плыть.

— Верно, уж очень ты ему понравилась, — узнав, о чем шептался с Айно лоцман, насторожившись, сказал Вилле.

— Тут дела не эмоциональные, а национальные, — отозвался, усмехнувшись, Отто. — Он принял ее за шведку. А здесь только и разговора об Аландских островах, о национальной солидарности шведов. О том, что Лиге наций плевать на их волю!

Но что это?!

Вдали на юге на горизонте показалась большая моторка.

Шла она быстро, и борта ее были окрашены в белое.

Совсем как «Энгельбрект», который должен был подобрать их на Сегельскяри.

Но «Беляночку» с моторки увидеть нельзя было потому, что и мала она и терялась на фоне шхер.

— Сигнал бы даты! — вырвалось у Айно.

Но ни сирены, ни ракеты в ее «волшебной сумке» не было. К тому же эта моторка, уходящая уже вдаль, может, все же не из Швеции, а сигнал мог привлечь к ним ненужное внимание.

Пуškai уж она скроется скорее с глаз, не берedit душу!

Неудача адвоката Хелльберга

Нет, друзья не ошибались, когда, отчалив от лоцманского острова, завидев у горизонта моторку, подумали: не она ли? Это и был «Энгельбрект». Но недолго он бередил их души, взяв курс на запад, он вскоре скрылся из виду. Команда «Энгельбректа» была обескуражена неудачей.

Приходилось возвращаться на солоно хлебавши, без тех, кого взялись они привезти в целости и сохранности. Они сделали все, что могли, но шторм, который отогнал их далеко на юг, возможно, стал причиной гибели товарищей или в лучшем случае заставил где-нибудь отсиживаться!

Если бы они знали где, они с охотой пошли бы хоть за сотни километров. Но в том-то и дело, что неизвестно, куда идти.

На «Энгельбректе» было двое людей. С высоким синеглазым матросом со странным прозвищем «Птица» мы могли бы познакомиться, если бы знали команду «Эскильстун», прорвавшейся год тому назад через блокаду в Питер. Он был там добровольцем-юнгой.

После двух рейсов на «Эскильстуне» этот молодой гетеборжец несколько раз уже матросом ходил на товарном судне с лесом в Америку. Но, кроме досок и крепежа, на этом судне нелегально перевозились коммунистическая литература, листовки, брошюры, газеты для финнов и шведов, которых в то время в Соединенных Штатах и Канаде было больше миллиона.

Не желая ссориться с американскими властями и к тому же разделяя их политические воззрения, капитан в Гетеборге списал Птицу

с корабля... Долго не находил он работы на кораблях и этим летом время от времени выходил в море на моторке адвоката Хелльберга. А сейчас, когда тот сказал, что они должны выволить из опасности финского революционера, Птица, как говорится, «крыльев над собой не чуял».

Сам Хелльберг пошел в это плавание потому, что хотел лично познакомиться с Куусиненом, о котором так много слышал, читал.

Хелльберг был один из немногих тогда интеллигентов, разделявших взгляды той левой части социал-демократической партии, которая шла с Лениным. Сразу же после Октября он воспользовался первой возможностью, чтобы попасть в революционный Петроград и побывать у Ленина. А случай был такой. Некто Гумелиус, швед, проживавший в Питере, убил там другого шведа и его прислугу, тоже шведку, за что был посажен в Кресты, где находился на испытании врача-психиатра. Для участия в расследовании Советское правительство разрешило приехать двум шведским юристам. Один из них был старик консерватор, известный адвокат Аксель Карлсон, другой — молодой, левый Хелльберг. Советское правительство утвердило заключение врачей о том, что преступление было совершено в невменяемом состоянии, и разрешило шведским адвокатам увезти Гумелиуса на родину. За время пребывания в Петрограде шведы побывали в Крестах, а также беседовали с Лениным и присмотрелись к нашему, тогда еще совсем юному правлению. Хелльберг еще больше утвердился в своих левых воззрениях, а старик консерватор Аксель Карлсон специально пришел к нашему представителю Воровскому, чтобы выразить свой восторг.

На гонорар, полученный от богатых родственников Гумелиуса, Хелльберг приобрел быстроходную моторку, которую с радостью предоставил финским товарищам, чтобы вывезти Куусинена и его друзей с острова Сегельскяри.

Надеясь на быстроходность «Энгельбректа», они рассчитали время ровно в обрез, чтобы дойти до острова к назначенному сроку. Но ветер с севера, шквалами налетавший на «Беляночку» за мысом Порккалла, у горла Финского залива разразился настоящим штормом. Море гудело и пенилось. Высокие гребни нависали над палубой катера, захлестывали его, гнали прямым ходом на юг, к скалам Эстонии и чуть не прибили к берегу острова Даго. Против такого шквального ветра и большой волны оказались бессильны

даже два мотора «Энгельбректа». И лишь после бессонной ночи, когда волнение немного утихло, они взяли курс на север и, конечно, опоздали!

— Если кто-нибудь там есть, то подождет! — сказал Птица, и Хелльберг с ним согласился.

Однако, когда «Энгельбрект» приблизился к острову, они увидели на берегу не трюх, а восемь человек, занятых стройкой. Моторка подошла к Сегельскяри, когда строители уже собрались шабашить. Дважды обошел «Энгельбрект» вокруг Сегельскяри. Но, как Хелльберг и Птица ни вглядывались, замедляя ход, они не заметили, чтобы кто-нибудь, увидев их, снял пиджак.

И, покрутившись вблизи острова, обследовав заодно и два ближних острова и никого там не обнаружив, сетуя на северный ветер, из-за которого опоздали на двенадцать часов, на самих себя за то, что рассчитали время, не оставив и часа про запас, Хелльберг с Птицей повернули обратно и на рассвете были дома с печальной, едва ли не траурной вестью.

В Стокгольме были обескуражены. Точность Хелльберга и Айно: они хорошо знали.

Рассказ Хелльберга о шторме, отогнавшем его к берегам Эстонии, посеял тревогу — не похоронила ли Балтика в своих водах финских друзей?! И более опытные рыбаки, случалось, погибали при меньшем волнении.

В лихорадке листали они последние газеты из Турку, из Хельсинки, Ханко — нет ли сообщения об аресте Куусинена.

Но ни одной строки об аресте Куусинена ни на материке, ни в шхерах в финских газетах не было.

Вокруг Ханко

Конечно, от лоцманского острова можно было бы добраться до Ханко в тот же день к вечеру. Но ни в порту, ни в курортном городке надежных знакомых не было. Куда безопаснее заночевать неподалеку от Ханко. Это была их третья ночь в пути.

Место неизвестное, костра не разжигали — не ровен час зайвится лесник или владелец роши. А ночь, как назло, выдалась холодная. И хотя они надели на себя все, что можно было, холод пробирал до мозга костей. То и дело приходилось вскакивать и быстро ходить по берегу, чтобы хоть немного согреться.

Вдалеке светились огоньки Ханко, но в море и они погасли, растворились в разлитом

молоке белой ночи, и от этого, казалось, стало еще холодней. Айно никогда не думала, что белой ночью можно так мерзнуть.

К тому же и желудки были пусты. Продолговатые запасы из расчета, что друзья из Швеции подберут их в понедельник, а уже начиналась среда.

Утром часа за два беглецы довели «Беляночку» до Ханко... Подтащили ее на пляж, где рядом стояли рыбацкие и прогулочные лодки.

Отто остался дежурить — в таком наряде невозможно было появиться в городе. Айно и Вилле отправились на почту и в магазины.

Несмотря на ранний час и будний день, на улицахлюдно. Среди прохожих подозрительно много шоцкоровцев в полной форме.

С чего бы это?

— В осиное гнездо угодили! — шепнул Вилле и взял под руку Айно.

Мужчина с женщиной под руку прогуливаются, ни от кого не скрываясь, — это никак не похоже на конспирацию.

На почте Айно написала письмо в Стокгольм какой-то Марте о том, что она с мужем отдыхает в Ханко, хотя знакомых нет и вообще курортников еще мало. Но все-таки надеется, она, что скупа скоро развееется — вода станет теплее, и можно будет купаться сколько захочешь. А выйдя с почты, в укромном уголке городского сада между темно-синих строчек невидимой прозрачной лимонной кислотой (пузырек ее оказался в волшебной сумке) написала, что на Сегельскяри в назначенное время их никто не встретил и теперь, начиная с завтрашнего вечера, они будут ждать в шхерах — западнее, на острове, — название которого Айно записала цифровым шифром. Потом они зашли в рыбацкий кооператив, купили две блесны и лески. Без особых трудностей удалось купить в соседней лавчонке копченую рыбу, прошлогоднюю бруснику, большой кусок сыра и масла. Местных хлебных карточек у нее не было, а хельсинкские не принимались. Пришлось из-под полы за маленький каравай заплатить втридорога. Да еще прикупить несколько килограммов картошки...

Пока Айно наполняла флаги, Вилле, чтобы не отставать от жизни, купил пачку газет всех направлений.

Дела заняли несколько часов. И когда они, условившись ничего не говорить Отто про скопление шоцкоровцев в Ханко, вернулись к «Беляночке», увидели его оживленно беседующим с рабочими, которые смолити лодки.

Руки его были запачканы смолой. Он тоже не терял времени зря и как мог конопатил и смолити щели «Беляночки».

— Откуда вы? — спросил его рыбак, возившийся у своего суденышка.

Куусинен назвал местечко километрах в двадцати от Ханко... Рыбак засмеялся.

— Ну и протасок ты, рыжий! Думал, что я поверю. На такой лодчонке отсюда не доберешься!..

— Невежливо приставать к незнакомому человеку. У него свои соображения. Что хочет и говорит, — остановил его другой рыбак.

Так завязался оживленный разговор, из которого Куусинен узнал, что здесь ожидается пароход с оружием для шоцкоровцев этой губернии. Но он тоже решил ничего не говорить об этом товарищам, не беспокоить зря хороших людей.

День выдался солнечный, теплый. Но к вечеру, когда они оттолкнули «Беляночку» с каменистого пляжа, тучи опять закрыли небо и снова подул пронизывающий северный ветер.

Куусинен предлагал заночевать на том же месте, где и вчера, зайти в лесок и переждать непогоду. Его знобило.

— Нет, — сказал Вилле, — надо уйти возможно дальше отсюда, слишком уж много тут подозрительных молодцов.

К тому же за эти два дня раны на руках зажили настолько, что он снова мог сесть за весла.

Так выяснилось то, что они хотели скрыть друг от друга. Можно бы и посмеяться над этим, но им было не до смеха.

— Как хочешь, — согласился Куусинен, — только мне что-то не по себе.

Айно приложила ладонь к его лбу. Лоб пылал. Жар! Да еще какой!

Айно и Вилле немедленно уложили больного на днище лодки, подстелив наломанную хвою и плащи. Сверху укутали своей одеждой. И надали ходу.

За день отдыха набрались достаточно сил, чтобы переплыть на лодке через большой залив, и хотя по-прежнему ветер неистовствовал, но шел он теперь искоса и, относя лодку в сторону, все же подгонял ее...

Вечером высадились на полуострове Ханко, километрах в десяти от порта, где лес подступал к берегу. Спрятали лодку за деревьями, чтобы близкой своей не привлекла постороннего глаза. Неподалеку от берега нашли в лесу безветренную полянку.

Температура у Куусинена повышалась. Озноб бил его. Вилле быстро наломал веток

ели и молодой духмяной березы. Смастерили из них постель. Снова укутали его всем, что было у них.

Айно разожгла примус, вскипятила воду из фляги, ручья поблизости не было. «Есть ли ручей на том острове, куда мы едем, — подумала она, — по карте этого не узнаешь». Затем вытащила баночку меда и чай.

— Там у меня чистый спирт, в рюкзаке, — прошептал Куусинен. Его знобило так, что зуб на зуб не попадал.

— Как тебе удалось достать? — удивился Вилле.

В те годы страну «поразил», как говорили любители выпивки, строжайший «сухой закон».

Вилле откупорил бутылку. Приложился к ней и сразу же плюнул.

— Обманули тебя. Спекулянты! Чистый денатурат. Отравя. Примуса разжигать, а не пить.

Тогда Айно деловито раскрыла сумку.

— Меня-то не подведут... Друзья кооператоры ни пени не взяли, — сказала она и извлекла из глубин бутылку, о которой раньше и не обмолвилась.

Вилле пригубил. Поперхнулся, закашлялся и одобрил.

— Воистину «волшебная сумка»!

Айно поднесла Отто большую кружку горячего чая, разбавленного медом и спиртом.

— Пей до дна!

Он залпом выпил эту обжигающую смесь и снова зарылся с головой в одежду и хвою.

Поможет или нет? В прошлом году он перенес воспаление легких. Айно боялась рецидива — шутка ли, прошлой ночью так прозяблил... А потом восемь месяцев провел затворником. И теперь сразу без передыха трое с половиной суток словно накачивали в него свежий, даже слишком свежий, холодный воздух... А днем на припеке. С каждым часом страх за друга, за которого она была в ответе, все нарастал и нарастал.

Снова они растолкали Куусинена и заставили еще раз выпить кружку крутого чая с медом.

Опять дежурили по очереди. Но когда под утро гряда одежды и хвои зашевелилась и Куусинен вынул из нее рыжую голову, они оба встрепенулись, словно и не дремали.

— Это самое... болезнь, кажется, проходит, — пролепетал Отто. — Я мокрый, как мышь. Насквозь пропотел! — и снова спрятал голову.

Вилле и Айно переглянулись и, с облегчением вздохнув, засмеялись.

— Боязь за Куусинена еще больше сблизила нас, — улыбалась она, вспоминая то далекое утро, — а от радости мы просто поглупели.

— Я думаю, что Отто Вильгельмович раньше нас понял, что мы с Вилле совершаем предсвадебное путешествие. Все не как у людей? Не свадебное. А мы тогда даже и не помышляли, что не пройдет года и мы станем мужем и женой. Не до того было, — сказала Айно, с молодым лукавством взглянув на меня.

Наутро Куусинен казался уже совсем бодрым. Термометр показывал 36 градусов, и друзья с новыми силами продолжали путь на запад, к острову, название которого в письме начертано было лимонной кислотой и который они прозвали «обетованным».

Только бы не спутать его с другим в этом лабиринте, в этом архипелаге больших шхер и малых островков. Теперь уже Куусинен подтрунивал над склонившейся у карты, рулившей Айно.

Впрочем, он был занят другим — испытывал лески и блесны, купленные в Ханко.

Испытания прошли отлично: за два часа — четыре рыбины, треска. Правда, не очень крупная.

Обетованный остров

Причалив к острову и вытащив на берег «Беляночку», друзья сразу же разложили костер, на углях поджарили рыбу. А печень — рыбий жир — сварили в эмалированной кружке.

Айно с детства ненавидела его. Но мужчины выпили с удовольствием.

— Пей, Айно, до дна, до дна пей! — поднес ей эмалированную кружку Куусинен.

Она отвернула голову.

— Свеженький! Вкусно! — сказал Вилле, отпив полкружки, и сказал он это таким «вкусным голосом», что Айно захотелось попробовать. Но, боясь насмешек, она отошла от угасшего костра.

На карте остров был голый, но карта явно отставала от жизни. Он был покрыт молодым смешанным леском — сосна и береза. И еще кустарник — волчья ягода, крушина, дикая смородина, черемуха. А главное, казалось, из-под самых корней высокой ольхи изливался прозрачный, холодный ключ. Откуда взялась на этом каменистом острове ключевая вода? А в кроне ольхи свила гнездо себе какая-то птица, и счастливый отец семьи, не об-



Острова и озера Суоми.

ращая внимания на людей, то и дело подлетал с приношениями.

Наломав ветвей, друзья соорудили под ольхой шалаш, где троим было не так уж тесно.

Сегодня письмо дойдет до Стокгольма. Завтра его вручат адресату. И тогда сразу отправятся за нами. На дорогу клади сутки. Значит, придется прожить здесь самое большее трое суток! Так прикидывали они, расчисляя часы ночных дежурств.

— Самое время сажать картофель, — сказал Вилле, церемонно поднося Айно ветку черемухи, на которой за цветами не видно было листьев.

Она знала эту примету и еще другую: ког-

да распускается черемуха — холодно. А распустилась — придут теплые деньки.

Высокое вечернее небо было расписано прозрачными, изнутри светящимися красками, словно расплылась, размыла свои строго очерченные контуры, перемешала, сместила цвета радуга — и заполонила весь небесный свод. Такое чудесное небо бывает на Балтике весенними вечерами!..

Куусинен листал газеты. В каждой из них говорилось об Аландских островах.

На Аландском архипелаге, населенном шведами и принадлежавшем ранее Российской империи, впервые в конце семнадцатого года, а в середине прошлого девятнадцатого года



Аландские острова.

вторично было проведено всенародное голосование: в границы какой страны — Финляндии или Швеции — должны быть включены острова. И дважды огромнейшим большинством решали присоединиться к Швеции. Но тогдашние финские правители не согласились с результатами свободного волеизъявления. И по их требованию решение этого, казалось, ясного вопроса было передано на рассмотрение Совета Лиги наций... Так вместо моста, соединяющего обе страны, Аландский архипелаг, прикрывающий вход в Ботнический залив, был превращен в яблоко раздора... Но Куусинена этот спор сейчас мало трогал.

Он искал в газетах сообщения об открытии съезда Социалистической рабочей партии в Хельсинки.

— Наверно, еще не успели дать отчет! — предположил Вилле. — Но это хороший симптом! Если бы разогнали съезд и арестовали участников, все газеты обязательно сообщили бы... Как-никак сенсация!..

И долго еще Айно, дежуря у шалаша, слышала, как, укладываясь спать, Отто и Вилле размышляли, рисовали себе картины, как проходит съезд, кто какие речи произносит, кого изберут в руководство, каким большинством будет принята программа.

Если бы они могли предвидеть, что не

пройдет и года, как в беседе с иностранными товарищами на организацию финскими подпольщиками-коммунистами легальной левосоциалистической партии Ленин укажет как на пример отличного сочетания подпольной и легальной работы! Если бы они знали, что на первых же выборах новая партия проведет в парламент 27 депутатов, они, вероятно, спали бы спокойнее...

Впрочем, сон их в ту ночь был, по свидетельству Айно, таким, что, когда одна зорька за Аландскими островами отплыла и сразу же занялась другая на северо-востоке и наступила очередь дежурить Вилле, она с трудом добудилась его. Но перед тем как залезть в шалаш, она еще долго любовалась голым ночным небом, на котором невидимое еще солнце расписывало прозрачными акварельными красками абстрактные фрески.

«Торпеда»

Новый день на обетованном острове начался песней примуса, на котором закипало душистое, пахнущее сразу и домашним уютом и дальними странами кофе.

— Не знаешь, кто изобрел примус? — спросила Айно.

— Какой-то швед, — отозвался Куусинен, — но фамилию его я и Вилле запомнили.

— Неблагодарные, мы не помним фамилий тех, кто облегчает жизнь людей. Ну кто, например, изобрел простой настенный выключатель? Иголку? Колесо? Лыжи? Восковую свечу? Блесну?

— Зато я знаю, кто позавчера купил ее, — отозвался Куусинен.

— А я знаю, — в тон ему сказал Вилле, — что сейчас мы снова пустим ее в дело.

— И я знаю, что если будет клев, то вы для разнообразия получите на обед уху.

Рыба клевала хуже, чем вчера, но на уху хватило, да еще какую наваристую...

Разморенные обедом, они сидели на солнечном припеке около «Беляночки». Лодку поставили на самом берегу, так, чтобы ее могли сразу увидеть. Белый опознавательный знак! И хотя рано еще было ждать, они все-таки вглядывались в морскую даль... Маленькие прозрачные волны набегали на гальку, ласково ложились у ног и нехотя откатывались назад.

— Совсем как робинзоны, — сказал Вилле, — отыскивает на горизонте спасительную точку.

— Ну, ты Робинзон, Айно — Пятница. А я? Попугаем быть не согласен. Давайте лучше

считать себя в краткосрочном отпуске, — сказал Куусинен, — и будем отдыхать и развлекаться... Кто из финнов не играл на сцене, не был любителем?! По-моему, таких нет. — Тогда волны пусть будут зрителями! — сказала Айно и обратилась к морю:

О жизнь, глубокое море бушует!
Но путь впереди не проложен
И мой след позади пропадает.
А мне хоть бы что, черт побери!
Свой путь у меня, своя цель.
Свое выполняю призвание!..

— Как пуля пробивает дерево, — перебил ее Вилле и продолжил:

Как молния камень крошит,
Так и я пробью твой панцирь, чудовище.

— Черти, — взмолился Куусинен, — что вы из разных мест шпарите! Уродуете стихи. Остановитесь! Лучше уж я сам прочту правильно, по порядку...

Стихотворение это называлось «Торпеда». Торпеда, запущенная пролетариатом, аллегорически означала беззаветных революционеров, которые идут на смерть, лишь бы сокрушить Морское чудовище — пиратский корабль капитализма и освободить томящихся в трюмах рабов. Написанное вольным стихом, с романтическими преувеличениями, оно клеймило нерешительных, призывало к борьбе, вдохновляло на бой.

Концерты и собрания рабочих открывались чтением «Торпеды».

Это стихотворение звучало в то время, как у нас «Песня о Соколе» и «Буревестник» Максима Горького.

Первый раз, помнится, вскоре после того, как оно было написано, в девятьсот пятом году, в дни всеобщей забастовки, молодой автор «Торпеды», тогда командир одного из отрядов Красной гвардии в Хельсинки, выстроил своих парней в шеренгу, а сам в гражданской одежде — невысокий, с огромным револьвером, болтавшимся на боку, — вышел перед строем и прочитал ее. Красногвардейцы восторженно встретили произведение своего командира.

И вот на «обетованном острове» в тот день «Торпеда» снова прозвучала в исполнении автора, потому что автором ее, как и многих других стихотворений, был не кто иной, как Отто Куусинен.

— Теперь после «литературного вечера» — шахматный турнир! — предложил Вилле.

Но в «волшебном мешке» Айно не было ни шахмат, ни шахматной доски. Пришлось

мужчинам взяться за свои пуукко — финские ножи, и вырезать из березы пешки, и коней, ферзей, королей, да так, чтобы легко было отличить офицера от лады.

Ни в тот день, ни на другой они не дождался никого.

Не дождался и на третий день, когда уже обязательно должны были прибыть за ними из Стокгольма. Этот день отличался от предыдущих только тем, что, кроме рыбной ловли, шахматных партий, Айно пришлось съездить на «Беляночке» на соседний остров — прикупить у единственной крестьянской семье, обитавшей на нем, еще немного картофеля. Картошка и хлеб из Ханко были съедены. К тому же Айно хотела разведать, не продаст ли хозяин хутора лодку покрепче и поустойчивее «Беляночки», чтобы, если уж никто не прибедет из Стокгольма, попробовать самим переплыть Аландское море.

Картофель у хуторянина нашелся, но лодку свою он ни за какие деньги отдавать не соглашался. И чем больше Айно настаивала, тем угрюмее и подозрительней он становился.

В перерывах между ужением рыбы и шахматами Куусинен снова взялся за газеты.

— Слушайте! — вдруг воскликнул он так, что Айно выпустила из рук скользкого недочищенного окуня. — Из тюрьмы в Таммисаари бежали товарищи! Сообщение полиции. Приметы. Неужели же никто из вас не хочет получить награду за поимку?! Немалая сумма...

И они принялись вслух обсуждать, кто из друзей может быть среди беглецов. И никто из них даже не помыслил, что тот катер, к которому устремились пограничники, презрев «Беляночку», имеет хоть какое-то отношение к узникам из Таммисаари.

— Нет, не хотел бы я сейчас очутиться там, откуда они бежали, — сказал Вилле.

— Да и они тоже, как видишь, не захотели! — отозвалась Айно.

Однако как мечтали бы они оказаться сейчас на месте беглецов из Таммисаари, если бы знали, где находятся те в эту минуту!..

У «Красной лошади»

Неподалеку от форта «Красная лошадь» в Маркизовой луже, километрах в пяти от берега, краснофлотцы взяли на буксир катер со штрейкбрехерами...

Он стоял без движения — кончилось горючее, — и легкий ветерок с востока медленно отгонял его к финским водам. А этого-то

больше всего боялись пассажиры катера. Два весла пересилили даже легкий ветер не могли.

— Кто вы? — спросил старший краснофлотец. — Эстонцы? Англичане? Финны?

— Суомалайнен! — ответил рулевой, человек со шрамом на лице, и, видя, что краснофлотец не понимает его, повторил: — Финлянд! Из Таммисаари.

— Нет, мы не финлянд, мы советские, русские, — сказал краснофлотец. — А финлянд там. — И он указал рукой в ту сторону, куда ветер отгонял катер.

Тогда рулевой ткнул себя указательным пальцем в грудь:

— Коммунист! — И, обведя рукой своих пассажиров, повторил: — Коммунистен!

— О, это другое дело! Это по-нашенски! Братва! — обернулся краснофлотец к своей команде... — Мировая революция к нам в гости прибыла! А впрочем, — махнул он рукой в сторону плоского песчаного берега, — там разберут, что к чему. — И приказал взять катер на буксир.

Но и на берегу тоже не могли разобрать, что к чему, потому что рулевой настаивал на том, чтобы из Питера вызвали представителя финских коммунистов, который мог их опознать, и ничего другого сообщать не хотел. Рулевой назвался Ханнесом Ярвимаки. И хотя много лет спустя Ярвимаки перечислил мне всех, кто был с ним на катере, фамилий тех я не запомнил, кроме одной — Урхо Антикайнен. Младший брат Тойво Антикайнена, того самого, кто через два года командовал лыжниками, совершившими героический рейд по тылам противника, рейд, которому я посвятил повесть «Падение Кимас-озера».

Два дня пришлось провести «штрейкбрехерам» на краснофлотской гауптвахте, а на третий их доставили уже по сухопутью в Питер.

Еще один день

Волна подняла лодку на гребень. Высоко занесенные весла захватывали только воздух и завихряли его воронками, не достигая воды. И странно, что Айно видела эти воронки. Обе руки Отто забинтованы. Совсем как у снежной бабы. Вилле еще раз взмахнул со всей силой веслами — напрасно. Скрежет железа заглушил вой ветра. Уключина сломалась. Упала в воду и пошла, вращаясь, ко дну. «Беляночка» опрокинулась вверх килем, и Айно, глотая солоноватую воду, захлебываясь, устремилась вслед за сломанной уклю-

чиной, стараясь схватить ее. Но та ускользала, погружаясь все глубже и глубже. Конец!

Айно открыла глаза. Над ней шумела листовая ольха. Сквозь ветви ее виднелось голубое весеннее небо.

Как хорошо, что это был только сон!

Айно вдохнула всей грудью весенний морской воздух, сдобренный ароматом черемухи. Медленно поднявшись с хвойной постели — торопиться некуда, — она пошла к берегу: не потеплела ли вода настолько, что можно выкупаться? А главное, еще раз взглянуть вдаль, не появились ли на горизонте «гости из Стокгольма». Пора был!

Но нет ничего! Только, ластясь к берегу, прозрачная легкая волна накатывала на черную, розовую, серую, голубоватую, коричневую гальку и, отпрыдывая назад, оставляла облизанные голыши блестящими, искрящимися на солнце, словно полированными.

Надо готовить завтрак. Обратно к шалашу Айно пошла напрямик через неведомо как выросшие между булыжниками камыши. И из-под ног ее с пронзительным, истерическим вскриком вспорхнула чайка. Но не улетила прочь, а, вереща, раскрыв белые, окаймленные черной плоской крыльях, стала кружить над головой. На возмущенные ее вскрики из камышей и с моря появились другие чайки, две, три, пять. Теперь было уже не до счета. Одна из них запустила лапу в волосы Айно. Другие вились неотступно, крыльями, клювами, когтями касаясь, задевая, царапая.

Закрыв лицо руками, Айно, спотыкаясь, побежала прочь от берега. Чайки с гоготом, визгом, скрежетом преследовали ее.

Там, в камнях, уже вывелись или должны были со дня на день вылупиться чайчата, и родители дружно встали на их защиту.

Взволнованная нападением птиц, не обращая внимания на подтрунивание товарищей, Айно думала о своей дочке Инкери.

Муж умер уже несколько лет назад, и девочка жила теперь у бабушки в доме, где прошло и детство Айно. С начала восемнадцатого года она не видела ее (ведь сны не в счет и никакой конспирацией не предусмотрены). Инкери шел пятый год. Узнает ли она мать? Покидая сейчас Суоми, Айно не знала, где и когда встретятся они. И встретятся ли?

А впрочем, Айно была убеждена: не пройдет и пяти лет, как они снова будут вместе. Именно такие сроки отводились нами тогда для победы мировой революции.

Не один молодой человек улыбнется сегодня наивности, легковерию своих отцов,

непреодолимое желание которых подгоняло ход истории и которые делали все, что было в их силах, чтобы приблизить сроки.

Но пусть этот юноша перелистает пожелтевшие страницы тогдашних газет и поймет, какие это были годы! Грохот рушащегося старого мира оглушал и радовал. Российская революция побеждала на всех фронтах. Англичане уходили из Архангельска и Мурманска, французский флот восставал у берегов Черного моря. Три самых могущественных в мире императорских трона смывты были с лица на ходу перекраивавшейся карты: Российская империя, Германская империя, Австро-Венгерская империя — три кита, на которых держалась реакция, перестали существовать. Российская Советская республика, Баварская Советская республика, Венгерская Советская республика, Советы рабочих и солдатских депутатов в Германии, Австрии, Норвегии. Взлет рабочего протеста в странах Антанты. «Руки прочь от Советской России!» Волнения в Индии. Послевоевропейский кризис! Казалось, еще один нажим, еще шаг вперед — и старый мир войны, наживы, несправедливости рухнет раз и навсегда!..

Сегодня мы знаем, что история пошла более сложным, извилистым путем, что, пользуясь разобщением трудящихся, субъективной их неподготовленностью, старый мир выжил, получил передышку и, меняя личины, окреп. Но разве благая весть о рождении нового мира не прозвучала всесветно, не стала музыкой современности! Разве кровью своей он не добился передышки и не встал несокрушимой твердой человечеством! Да, старые строки гимна мы пели по-новому, не «это будет», а это «есть наш последний и решительный бой». Что же, не вина отцов, что он не стал последним, но их заслуга, их подвиг в том, что решительным и даже, скажем прямо, решающим он стал!

Но в тот день на острове Айно убеждена была, что не пройдет и пяти лет, как она обнимет дочку.

Четвертый день «отдыха» на необитаемом острове превратился для робинзонов в томительный труд ожидания. Наступивший штиль, солнышко, пряные запахи черемухи и идилические цветочки, невесть откуда появившиеся на каменистой почве, уже не радовали ни души, ни глаза, а, наоборот, раздражали своим безмятежным спокойствием, когда в душе и во всем мире царил все нарастающая тревога.

Значит, письмо из Ханко не дошло! Или посланные на выручку искали их на каком-ни-

будь другом островке! Ведь в здешнем лабиринте сам черт ногу сломит! Или тогда хуже — нарвались на полицейских и кружка где-нибудь поблизости, чтобы отвести глаза.

Как бы то ни было, друзья решили продать свою робинзонаду еще на день, а потом еще раз попробовать на одном из ближайших островов купить шлюпку (благо деньги есть) и самим переправиться через море — чем, мол, мы не викинги! Правда, зато рискованная, но не менее опасно было сидеть на острове и ждать, пока сцапают.

Стокгольм. Стуре гаттан, 10

— Когда потеряны деньги — ничего не потеряно, когда потеряно время — очень много потеряно, когда потеряна надежда — потеряно все! Не надо никогда терять надежды, Хурмеваара! — сказал рыжеватый молодой человек в студенческой белой с голубым околышем фуражке, подбодряя товарища.

Хурмеваара тогда представлял финских коммунистов в Швеции, а подбодрявший его студент Иорпес со дня на день должен был получить диплом врача. Разговор шел в комнате, отведенной шведскими коммунистами для финского бюро в доме № 10 на одной из центральных улиц столицы — Стуре гаттан...

Не отвечая, Хурмеваара подошел к окну, из которого виден был старый тенистый сад, липовые аллеи которого стягивались к памятнику Карла Линнея.

И в эту минуту принесли письмо.

Хурмеваара надорвал конверт.

— Свечу! Свечу! — попросил он у Иорпеса.

— Свечи нет, — протянул тот коробок спичек. — Ими обойдешься!

Чтобы прочесть письмо, просветив лимонную кислоту над огоньком, пришлось истратить полкоробка. И с каждой строкой его Хурмеваара становился веселее.

— Нашлись! — наконец с облегчением произнес он.

— Я же говорил тебе, не теряй надежды, — усмехнулся Иорпес. — Но посвяти меня в дело. Кто нашелся?

— Двое мужчин и одна женщина! — Хурмеваара никогда не забывал о конспирации.

— Ну, скажи хоть имя ее. Можешь быть уверен — женщину уж я не выдам! — усмехнулся студент.

— Айно!..

— Не Песонен ли?

— А ты ее знаешь? — удивился Хурмеваара.

— Еще бы! Ведь мы с ней на моторке выехали из Выборга за день до того, как ворвались белые. Четыре моторные лодки, перегруженные людьми так, что край борта вровень с водой. Стояла тихая погода, иначе до Питера не добрались бы.

До сих пор, каждой весной, сдав испытания на то, что у нас называется «аттестатом зрелости», а у скандинавов «студенческими экзаменами» (дающими право поступать в вузы без дополнительных испытаний), тысячи девушек и юношей с торжеством надевают долгожданную, заранее купленную студенческую фуражку: с белым верхом и красным околышем в Дании, синим в Норвегии и черным в Швеции, голубым в Финляндии. И хотя лишь немногие из сдавших «студенческие экзамены» осенью пойдут в университеты и институты, все они, даже те, кто обычно обходился без головных уборов, будут целое лето носить студенческую фуражку — символ их перехода во взрослое состояние. С осени эти фуражки носят уже только те, кто действительно становится студентом, а остальные нередко хранят ее всю жизнь как воспоминание о славных днях молодости. Окружающие, однако, долгое время еще называют их студентами, хотя они и не переступали порога вуза.

Вилле Оянен, сын рабочего с лесопилки в Куопио, которого Айно в разговоре со мной не раз называла студентом, тоже был таким «студентом», который из-за нехватки средств в вуз не поступил. Добившиеся достатка родственники его, благодаря поддержке которых он смог окончить гимназию, согласились помогать Вилле учиться в университете, но при одном условии: на богословском факультете. Они мечтали увидеть члена своей семьи пастором. К тому времени ставший уже социалистом Оянен решительно отказался от духовной карьеры, и родственники поставили на нем крест. А он вернулся в Куопио, начал работать в тамошней известной своим радикализмом социал-демократической газете и вскоре стал известным в стране журналистом, эрудитом по вопросам политической экономики. Но если Вилле Оянен был «студентом» в скандинавском понимании этого слова, то Иорпес был студентом в русском смысле и к началу рабочей революции в Финляндии заканчивал третий курс медицинского факультета в Хельсинки.

Уроженец Аландских островов, Иорпес, один из немногих студентов, примкнувших



Стокгольм. Вид с моря.

в дни революции в Суоми к восставшим, организовал медицинскую помощь раненым красногвардейцам и, когда гражданская война закончилась, оказался в Советской России, приютившей политических эмигрантов в городке Буй Вятской губернии, где были собраны тысячи и тысячи финнов, перешедших через границу (там была и Айно). Иорпес с радостью бы закончил курс в русском университете, но, кроме шведского языка, он владел финским, немецким и латинским, а ни на одном из них — ни в Петербургском, ни в Московском университетах — не преподавали, и поэтому он поехал в Швецию и поступил там в Стокгольмский университет.

Когда спустя лет сорок автор этих строк увидел Иорпеса в Стокгольме, тот был уже маститым ученым, академиком. Но в те дни, о которых идет здесь речь, сдав с отличием все испытания, он ждал диплома врача и мечтал о практике в Каролингской больнице.

— На лодке, говоришь, из Выборга в Питер? Значит, у нее пристрастие к морским авантюрам! Вот и сейчас она на лодке... Надо выручать, — сказал Хурмеваара. — Тут каждый час важен, а Хелльберг на своем «Энгельбректе» на три дня отдыхать укатил. Не хотелось бы, чтобы Койвукоски на этот раз взял реванш!

— Я, кажется, могу ускорить встречу с Айно, — сказал Иорпес и вскочил со стула.

— Куда ты! — уже вслед ему крикнул Хурмеваара.

— Пока буду рассказывать, можем опоздать! — ответил на ходу Иорпес.

Дело в том, что сегодня у него ночевали три молодых паренька — родичи с Аландов, рыбаки. Продав еще вчера улов на рыбном рынке, они собирались уходить на своей шхуне домой. И молодому медику пришлось в голову подрядить их на это дело. «Только б не опоздать», — думал он, торопясь на набережную Сэдермальма, перескакивая с трамвая на трамвай. Только бы не успели поднять парус!

Шхуна с Аландов

Утро пятого дня, такого же тихого, как и предыдущие, после завтрака началось шахматами. Играли всерьез, ожесточенно. Айно любопытно было наблюдать, как мужчины, словно дети, обижались, когда один из них выигрывал, но как взрослые стремились скрыть обиду. А так как на партию уходило часа два, то и время пролетало незаметно. Силы у партнеров были равные. Каждый набрал по десять очков. Играли последнюю, контрольную, решающую...

— Однажды Вильгельм Либкнехт случайно выиграл у Маркса партию в шахматы, — рассказывал Оянен, расставляя фигуры на доске. — И когда Маркс предложил продолжать игру, старик Либкнехт отказался.

— Я хочу, — сказал он, — иметь право говорить, что последнюю нашу партию с Марксом выиграл я...

— Но так как среди нас нет ни Либкнехта, ни Маркса, — ответил Отто и передвинул на доске фигуру, — игра продолжается.

— Нет, игра прерывается! — воскликнула Айно. Она увидела поднятый парус подходившей к острову шхуны.

Друг ли это, случайный корабль или враг?..

Со шхуны людей у шалаша за кустами смородины не увидеть. Зато они сквозь ветви могли наблюдать за тем, что делается на борту.

Парус увял, опустился... В сотне метров от берега шхуна остановилась.

Двое парней подвели к борту тузик, волочившийся на канате за кормой шхуны, и прыгнули в него. Тузик пошел к берегу.

Айно помогла Вилле надеть пиджак, и он медленно, словно прогуливаясь, пошел к тому месту на берегу, куда нацелился тузик. Когда парень, сидевший на корме, увидел

Вилле, он что-то сказал гребцу, и тот немедленно стал сушить весла, а рулевой приподнялся с банки, снял пиджак, встряхнул его, словно отряхая пыль, и снова надел.

Оянен махнул ему рукой. Но тот ничего не ответил, гребец продолжал сушить весла, и лодку течением стало относить в сторону.

— Ах, черт побери, — выругал себя вслух Вилле, — от радости чуть не забыл!

И он тоже снял пиджак, встряхнул его и снова надел в рукава.

— Теперь нет сомнения — это друзья! Условный знак понят. Гребец опустил весла в воду, и через полминуты оба парня были на берегу.

— Вас должно быть трое. Где женщина? — настороженно спросил рулевой. Вдруг лицо его расплылось в довольную улыбку. Айно и Куусинен вышли из прикрития.

«Как хорошо, — с облегчением подумала Айно, — что не надо хуторян уговаривать продать лодку, не надо на веслах пересекать Аландское море».

Ребята со шхуны в эти минуты казались ей богатырями, вынырнувшими из древних рун. И разговаривать с ними было одно удовольствие.

Вскоре все было слажено. В верткий тузик больше трех человек не вмещалось, и парни возвратились на шхуна одни. Отвели ее за другой недалекий островок, где к ним должны были присоединиться ставшие пассажирами «робинзоны»...

Взбираясь на борт шхуны, Айно в последний раз взглянула на лодку.

— Прощай, «Беляночка», ты вытерпела из-за нас такие муки, к которым тебя не готовили!

— Это вы хорошо придумали поставить лодку на виду, как вежу. Мы издали заметили ее, — сказал старший рыбак, которому тоже не было и двадцати лет. Но на щеках и подбородке у него вился пушок, который он не сбрасывал, не вынимал изо рта трубку и охотно отзывался на обращение «шкипер».

— Я и моя команда в вашем распоряжении, — любезно сказал он.

Двое других вместе с Вилле перебрались в «Беляночку», взяли тузик на буксир и поплыли к «обетованному острову». Младший был еще совсем мальчиш, и кличка «юнга», которой окрестила его Айно, сразу прилипла к нему. Средний, которого отныне они звали «команда», сел на весла.

Айно перед отплытием нашла местечко на островке, где «Беляночка» может спокойно дожидаться хозяев.

Вилле с парнишками вытянули ее на берег, дотащили до шалаша под ольхой и, обрушив его, похоронили лодку под грудой веток среди кустов черемухи.

Снова подняты паруса, запущен мотор, и шхуна, лавируя между отмелями и подводными камнями, посреди скалистых островков — как только они находили безопасную дорогу! — повернула на запад к Аландскому архипелагу...

За кормой кружились чайки, взмах крыла подымал их, а затем на недвижно раскрытых крыльях они парили, покачиваясь на невидимой глазу воздушной волне, и вершили плавный вираж за виражом, требовательно попискивая...

«Может быть, это кружит мать тех птенцов, которых я чуть не раздавил! За «Беляночкой» чайки так не увивались, сразу поняли, что у нас нечем поживиться. Сметливые птицы!» — думала Айно.

Еще раз мелькнул за кормой мысок обетованного острова, но его уже закрыл другой. Прощай, приютивший нас островок с шалашом под ольхой, с разноцветной галькой у берега, с гнездом неопознанной пичуги! — Я, конечно, не теоретик и не поэт, — обернулась Айно к Куусинену, — но если бы я была поэтом, то на твоём месте, Отто, написала бы поэму о примусе, об уключине, которая не сломалась, о холодном чистом ключе, который поил нас своей прозрачной водой на этом добром острове.

Аландский архипелаг

На шхуне, у борта, в металлическом чане с морской водой обычно плескалась рыба, которую хотели сохранить живой до рынка. Сейчас тут, извиваясь, плавал большой черны угорь.

— Подговори ребят продать его нам на ужин, — попросил Куусинен.

— Я змею от роду не едала и есть не буду! — категорически отказалась Айно.

— Нам больше останется! — засмеялся Вилле.

К зажаренному угрю Айно так и не притронулась. Хотя друзья уверяли ее, что вкуснее рыбы в жизни не пробовали.

— Все равно змея!..

Море было спокойной. Изредка налетавший ветерок морщил гладь мелкой рябью. И снова становилось тихо.

Один только раз их качнуло на волне, шедшей от большого парохода «Боре», направлявшегося из Турку в Стокгольм.

Одинокая чайка за кормой, то плавно по-

качивавшаяся на недвижно-раскрытых крыльях, то взметавшаяся вверх встречным потоком воздуха, устремившись за пароходом, покинула шхуну.

На всех парусах шхуна вошла в Аландский архипелаг.

Она проплывала между островами, как по руслу широкой извилистой реки, берега которой, вдруг сужаясь, то превращали ее в узкий пролив, то, ширясь и ширясь, в большое озеро. Но это было не озеро, а море, и сосновые рощи, отступая, вдруг открывали глазу, что растут они не в сплошной тайге, а на скалистом острове, уставившем свой гранитный лоб на мимо скользящую шхуну.

Только равномерный звук мотора разрезал отбившую тишину.

Изредка мелькал среди зеленеющей нивы домик цвета спелой брусники, да бревенчатая банька окунала ступеньки в море.

Куусинен и Оянен расстелили «шахматную доску» на бочке у кормы и продолжали превращенную партию.

— Как вы находите дорогу среди этих пяти тысяч шестисот островов? — поразившее ее воображение число Айно запомнила со школьной скамьи.

Шкипер, не вынимая изо рта погасшей трубки, развернул перед ней карту. Она показала ей очень похожей на карту средней Финляндии, где озер не меньше, чем островов на Аланде. Та же пестрота, изрезанность, то же лабиринтное мельтешение. И в расцветке разницы нет — голубой и коричневый. Только здесь, как в зеркале, то, что там было озерами, стало островами. Суша с морем поменялись местами.

— Среди островов не так-то уж трудно найти дорогу, они с места не трогаются, стоят, как путеводные вежи, а вот мы ходим просто в океаны, где нет земных ориентиров, и возвращаемся с зерном из Австралии не заблудившись. Я в будущем году поступлю матросом на такое судно. Капитан Густав Эрикссон в Мариехамне обещал взять меня.

— Да ну! — протянула Айно, проникаясь уважением к парню, который на паруснике собирался в Австралию. И она видела, что он не хвастает.

Превращенную на островке партию не удалось закончить в тот день на шхуне, потому что «шкипер» снова предложил пассажирам и даже Айно уйти с палубы — суденышко подошло к хутору. И никто не должен знать, что на борту пассажиры. А чтобы и подозрений не возникло, парни для верности снаружи забили дверь каюты наперекрест досками.

— Когда стемнеет, лампы не зажигать. Скоро вернемся! — и, забрав пакеты со стокгольскими покупками, ребята отправились предупредить родных, чтобы те не беспокоились — не пропали, мол, не потонули, скоро снова вернемся с гостинцами!

— Ты бывал на Аландах, что ты знаешь о них? — спрашивает меня Айно Песонен.

Что я знаю об Аландских островах?! Читал чудесную повесть Юхани Ахо, известную у нас под заглавием «Совесть», написал рецензию на повесть уроженки Аландов шведки Айли Нурдгрэн «Гори, Огонь!». На полке у меня «Северная повесть» Константина Паустовского, действие которой происходит на одном из островов Аландского архипелага. В багратионовском отряде, который весной 1809 года пошел в рискованный рейд по льду Ботнического залива через Аландские острова на Стокгольм, было два поэта-офицера — Денис Давыдов и Константин Батюшков.

В одной из схваток со шведскими отрядами на Аландах Батюшков потерял томик Торквато Тассо, с которым не расставался и в тяготах походной жизни. В письмах своих он сетовал, что, несмотря на поиски в снегу и под неприязельским огнем, книгу он так и не разыскал...

Но, разумеется, не о романах и стихах спрашивала меня Айно!

И еще я знал, что Аланды были последним на земле пристанцем флотилии парусных кораблей. Она доставляла тогда пшеницу из Австралии в Финляндию. В 1949 году было совершенно последнее заокеанское плавание под парусами.

— Айно, — ответил я, — когда-то я был влюблен в женщину, детство и юность которой прошли на Аландах. Звали ее Ханна, и она рассказывала мне о своей родине, мечтала увидеть ее. Послушать ее — лучше нет места на земле, чем эти острова. И особенно мне запомнился ее рассказ о том, как цветут на Аландах яблони. Необыкновенно, у самых берегов, так, что цветы можно срывать прямо с лодки. И...

— Да, да, — подхватила Айно, — правда! Из окошка каюты нам были видны не только ивы, тянущиеся к воде, но и яблони. И они как раз цвели! Казалось, белые хлопья снега густо облегают ветви, прикрыв их черноту и зелень распускающихся листьев.

Нежные, едва уловимые запахи цветения ветер доносил в каюту шхуны.

Прошло немногим больше часа, парни вернулись на тузике, подняли якорь, завоились на палубе, развернули шхуну, поставили пару-

са... И лишь когда суденышко, послушное ветру и рулю, плавное пошло по проливу, «шкипер» оторвал доски, освобождая добровольных затворников.

— Вы свободны! — весело сказал он. Но только Айно вышла на палубу, как «юнг» окликнул «шкипер», и тот тревожным шепотом приказал:

— Назад! Не выходить!

В пролив входило таможенное судно. На его мачте медленно поднялся флаг, означавший «таможенный осмотр».

Шхуна замедлила ход, и на ее мачту пополз ответный флаг, означавший «готовы к таможенному осмотру».

Но когда таможенники разобрали, чья это шхуна, командир махнул рукой, и таможенное судно, не останавливаясь, прошло мимо!

— Вам повезло, — сказал «шкипер», когда таможенники скрылись за мыском и он разрешил пассажирам подняться на палубу, — наша шхуна никогда не была замечена в контрабанде или еще в чем неблагоприятном. К тому же они не хотят сейчас ссориться с природными аландцами! — заключил он.

...Аландское море шхуна пересекла безоблачной ночью. Все звезды высыпали на открытое небо.

Глядя на него, Вилле задумчиво сказал:

— Каждый стоящий человек должен всегда иметь над своей головой Полярную звезду... Пусть все вращается, меняет места. Она одна неизменна, Полярная звезда.

— Да, ты, я вижу, тоже не чужд лирики, — заметил Куусинен.

На рассвете товарищи увидели Тьярва, а затем Толбакен — маяки, открывающие путь в глубоко врезавшийся в сушу фиорд. В дальнейшем замыкающем углу этого фиорда на островах и мысах расположился Стокгольм, омываемый с запада водами озера Меларен.

«Разве есть на свете места красивее, чем озеро Сайма с островами, которых тут больше, чем дней в году», — так думала раньше Айно, но Стокгольмский фиорд с лесистыми и скалистыми островками, с встающим над ним ранним солнцем, от которого розовела вода, был очень похож на Сайму...

— Разве есть на свете что-нибудь красивее, чем Аланды, — вдруг в унисон ее мыслям произнес «шкипер». — Но не находите ли вы, господа, что Стокгольмский фиорд не уступает Аландам? Посмотрите, такие же баньки у скал.

Куусинен кивнул. Мысли его были заняты другим — предстоящей встречей с друзьями, и прежде всего с Эдуардом Гюллингом, това-



Х. Ярвимики.

рищем по гимназии, по университету, по партии, по революционному рабочему правительству — другом, у которого, он знал, найдет совет и поддержку в том, что сейчас его так волновало.

Фиорд жил уже полной жизнью, буксиры тянули за собой баржи, оставляя пенный след, розоватую гладь бороздили быстрые моторки, но люди на шхуне чувствовали себя уверенно, и никто не прятался в каюте.

Навстречу шел миноносец. На его флаге у кормы желтый крест пересекал синее поле. И это сочетание красок вызывало совсем другие чувства, чем белое поле на флаге, пересеченное голубым крестом.

Так они добрались до Тьоко — конечной

пристани пригородного пароходства. Еще раньше решили: в Тьоко разделиться на две группы. Хотя из-за Аландских островов отношения между шведским и финским правительствами были неприязненные, не исключено, что, узнав Куусинена, его могут выдать финским властям. К тому же нереспектабельный костюм его сам по себе мог показаться подозрительным.

Итак, «шкипер» и «команда» оставались на шхуне вместе с Отто и Вилле, а Айно с «юнгой» на местном пригородном пароходике отправились в столицу.

Увы, в «волшебной сумке» пудры не оказалось, а солнце, ветер и соленая морская вода сделали свое дело — кожа на носу облупилась. «Надо было на острове закрывать его березовым листком», — упрекала себя Айно за недогадливость, чувствуя на своем обветренном лице дружелюбные взгляды пассажиров и особенно не ухидивших с палубы пассажиров.

— Мы с Аландских островов, мимоходом, — сказал «юнга», покупая билет.

И скоро это стало известно всем на пароходе.

— А, молодые граждане нашей страны! Счастливого пути! — напутствовал их капитан на прощанье, когда пароходик подходил к пристани против Королевского дворца, и пожал им руку.

Рукопожатием почтили их и матрос у трапа, и вышедшие из машинного отделения машинисты, и многие пассажиры.

— Счастливого пути, земляки!..

Впервые за много времени Айно шла по улице, не опасаясь, что каждую минуту ее могут схватить и заточить в каземат.

Беглец из Таммисаари

В доме номер два на Гороховой пассажиры катера, доставленных из форта «Красная лошадь», разъединили. На третий день как раз в то самое время, когда рыбацкая шхуна аландцев подходила к «обетованному острову», рулевого вызвали к следователю. Кроме него, в кабинете он увидел человека коренастого, сутулящегося, в гимнастерке защитного цвета с красными «разговорами», в полотняном шлеме с шишаком, который назывался тогда буденовкой. Но едва следователь взял лист бумаги и обмакнул ручку в чернила, как военный энергичным шагом подошел к рулевому и, пристально взглянув на него, бросил:

— Он не врет! Это Ханнес Ярвимики! — И, уже обращаясь к Ханнесу, сказал: — Я тебя

предупреждала, надо отходить! Почему вы не выполнили приказ! Это безобразия! За это и поплтались... — И снова, повернувшись к следователю, военный сказал: — Он командовал Красной гвардией на среднем участке. Около тридцати тысяч штыков! У Лахти. Был приказ отступить, чтобы выровнять фронт, а они замитинговали. Не пожелали отходить. Вот и попали в ловушку!

Перед Ярвимиаки был Эйно Рахья, один из командующих Красной гвардией во время финляндской революции...

То, о чем Рахья сказал следователю, случилось года два назад, во время гражданской войны в Суоми, когда квалифицированный медник, старый (с десятилетним стажем) социал-демократ Ярвимиаки был избран в своем родном городке Ловиса командиром красногвардейского отряда. А еще через некоторое время он, не проваживший военной службы, с грехом пополам изучивший трехлинейную винтовку, стал командующим средним фронтом.

О том, что Эйно Рахья в грозные предоктябрьские месяцы был связным Ленина и доставил Владимира Ильича из Выборга в революционный Питер, Ярвимиаки узнал лишь после смерти Ильича. О том, что год назад Эйно Рахья командовал десантом в знаменитой операции в Видлице на Ладожском озере, ему стало известно через неделю после этой встречи. Но в тот день на Гороховой Эйно, объясняя ему, что значит два ромба в петлице, сказал, что он комиссар Интернациональной военной школы в Петрограде, среди курсантов которой у Ханнеса много друзей...

После разгрома финской рабочей революции Ярвимиаки удалось некоторое время скрываться. Белые расстреляли брата и семидесятилетнего отца. Потом схватили и самого Ханнеса. Его приговорили к двенадцати годам тюрьмы. О том, что ему удалось сделать в Выборгской тюрьме, он не рассказал тогда на очной ставке с Эйно. Скажем только, что через несколько месяцев Ханнес ускользнул из Выборгского замка.

— Профессия помогла, — улыбнулся он.

— Но тебя легко узнать. — Рахья взглянул на шрам на щеке Ярвимиаки. — Откуда он?

— Встретил в поезде одного друга детства. Стали вспоминать прошлое. И я, между прочим, спросил: «Где ты работаешь?» А он оказался охранником.

Ярвимиаки тут же был арестован.

— Неужели по старой дружбе не пустишь в уборную?

К счастью, финны народ экономный, и убор-

ные в вагонах такие, что двоим не поместиться. Другу детства пришлось поджидать в тамбуре. Это было в ноябре прошлого года. За окном навстречу бежала серая, бесснежная еще земля, на телеграфных столбах провисали провода. Несколько секунд размышления. Другого выбора нет. Он повернул ручку — закрыл уборную. Быстро опустил окно — и прыгнул.

— Шрам — память о прыжке! И другая отметка на ноге. — Ярвимиаки засучил штанину. — Не думал, что создаю себе особые приметы.

Через некоторое время его снова схватили на одной из подпольных явок. Уйти не удалось. К старым двенадцати годам привели еще пять и поместили в надежную, славившуюся жестоким режимом и зверьями стражниками тюрьму в Экенесе-Таммисаари. Одному оттуда бежать невозможно. Нужно было подобрать группу бесстрашных. Ярвимиаки стал работать в мастерских по специальности. А сверх всяких заданий сделал в подарок начальнику тюрьмы медный кофейник. И этот дар несколько смягчил для него режим. Работа в сверхурочное время — другой медный кофейник надзирателю — дала возможность потихоньку смастерить самодельный компас. Бежать-то он собирался по морю, на суше с отметиной на щеке далеко не убежишь! Ножницы, кусачки для резки меди и жести пригодились бы для колючей проволоки, трижды опоясывавшей тюремный двор. Только взять их из мастерской можно в последний вечер.

Одному из заключенных, который получал свидания с женой, поручили достать карту местности.

Ее начертил живший тут же в городке на уроках географии старший сын узника и проверил учитель. Правда, карта была слепая, без названий, и, оборвав края так, чтобы походила на бумажную рвань, в одной из передач ею обернули хлеб.

Половину своего и без того скудного пайка Ханнес потратил на то, что на прогулках подкармливал собак. Такой же добровольный пост устроили себе и другие заключенные, которые готовились бежать вместе с ним.

По этой решимости добровольно усилить голодание Ханнес и отобрал самых верных людей. Так, вместо двадцати девяти, объявивших о своей готовности бежать, на поверку оказалось шесть.

Хорошее отношение собак было важнее хорошего отношения начальника тюрьмы и даже надзирателя.

Владельцу старого, бывшего в переделках

катера обещали выплатить стоимость нового при условии, что он объявит о пропаже катера не раньше чем через три дня.

Спускались босиком по водосточной трубе, проклиная белые ночи. Связанные шурками ботинки висели на шее. Не дай бог, сорвется штиблет или кто-нибудь кашляет... Но тех, кто кашлял, заранее решено было не брать с собой. Пайки скормили собакам не зря. Псы признали беглецов, но ластиться к ним не стали — не так воспитаны!..

Ножницами, вынесенными из мастерской, Ярвмяки перерезал три ряда колючей проволоки, за ним прошли остальные.

Скорее к морю! Но тут обнаружили, что парень, которому поручили карту, второпях потерял ее... Где? Когда? Не было времени ни выяснять, ни отыскивать ее.

По компасу добрались к морю.

Часа за два до утреннего подъема в тюрьме они нашли катер с бидоном питьевой воды, двумя бидонами горячего и на ощупь, наугад вышли между шхерами из залива. В открытом море слово «ориентироваться» приобрело свой истинный смысл. Правь на восток — и все... Но к вечеру их задержал катер финских пограничников.

Обо всем этом Эйно Рахья подробно узнал в тот же вечер.

— Я думаю, — сказал он, — тебе лучше всего поступить курсантом в Интернациональную военную школу. Станешь красным командиром и тогда поймешь, что, если командование приказывает отступить, надо подчиняться, даже если на твоём участке дела хороши. Иначе можешь попасть в ловушку, как с тобой уже случилось, — навстречу острале Эйно Рахья. Он не умел сглаживать острые углы.

И в Выборгском замке и в тюрьме Таммисаари заключенные знали письмо-клятву, которое написали финские коммунисты в 1918 году, потрясенные известием о злодейском выстреле в Ленина. Листки папиросной бумаги с этим письмом и обращением к финнам-красногвардейцам, вступившим в Красную Армию, в подполье укрывали и передавали из рук в руки... И Ханнес Ярвмяки чуть ли не наизусть запомнил это обращение.

«Вы поступили правильно, предложив свою помощь и кровь своего сердца Советской республике. Стойте непоколебимо бок о бок с русскими товарищами, безжалостно громите врагов рабочего класса, сокрушайте их. Боритесь за победу пролетариата в России. Эта победа будет решающей для международной революции и коммунизма!»

Под каждым словом этого обращения, написанного, как и письмо-клятва учредительного съезда Ленину, Отто Куусиненом, Ханнес охотно подписывался всем своим разумием и сердцем. И вполне естественно, что на другой день после встречи с Эйно он пришел на Васильевский остров, в красное здание бывшего Первого кадетского корпуса на берегу Невы, где помещалась Интернациональная военная школа, и стал красным курсантом.

Вместе с ним пришли еще три беглеца из Таммисаари.

Встреча в Стокгольме

В то самое утро, когда Ханнес Ярвмяки на Васильевском острове, в Питере, записывался в курсанты Интернациональной военной школы, Айно Песонен в Стокгольме подымалась по лестнице дома номер десять по Стуре гаттан.

Когда она вошла в кабинет, навстречу ей бросился Хурмеваара, и, к удивлению присутствующих — у финнов это не принято, — они крепко обнялись, расцеловались. Кроме Йорпеса, который был в курсе дела, остальные не знали, что ее появление здесь означало и то, что Куусинен прибыл, что он здесь, на свободе.

Айно не стала отвечать на вопросы, которыми ее засыпал Хурмеваара.

— Скорее отправляйтесь в Тьоко за Куусиненом и Вилле.

Хурмеваара принялся названивать по телефону. Но только к вечеру удалось раздобыть моторку адвоката Хелльберга.

А пока Айно узнала, что Гюллинга, на встречу с которым так рассчитывал Куусинен, нет в Стокгольме — его вызвал в Москву Ленин. И сейчас он, пройдя через всю Норвегию, до ее крайнего севера, на рыбацкой ладье уже переправился в Мурманск, всего несколько недель освобожденный от интервентов, а оттуда в Москву.

В то время это был самый безопасный путь с запада в Россию.

Айно поместили на квартире у Гюллинга, у его жены Фани. Когда Эдуард даст знать о себе, они вместе отправятся в Петроград. Вилле Оянена временно устроивали на квартире у Усениусов, тех самых, где в Хельсинки в августе семнадцатого года двое суток жил Владимир Ильич.

Куусинена забирал к себе Хурмеваара.

Вечером он повел Айно и «юнг» к гранитной набережной, у которой плавали белокрылые лебеди, посадил на подошедший бе-

льный моторный катер Хелльберга «Энгельбрект» и, пожелав удачи, сказал, что будет ждать их на пристани у Скансена.

Моторка, рассекая розовую от заката воду фиорда, шла с непривычной для Айно скоростью.

— У нее два мотора, с правого борта и с левого, — гордясь быстроходностью судна, сказал высокий и белобрый пареньек, которого и Хурмеваара и старший член экипажа капитан Эфраим Эриксон называли Птица. Эриксон год назад провел в петроградский порт пароход «Эксильстуну III» с медикаментами. У него сегодня выдался свободный денек, и он с удовольствием согласился пойти в этот внеочередной рейс. Хотелось познакомиться с Куусиненом, тем самым весте об убийстве которого на льду Ботнического залива вызвала негодование рабочих Швеции.

— Неделю назад мы ходили в Сегельскяри, чтобы подобрать троих финских товарищей, но их почему-то там не оказалось, — сказал Птица.

— Это были мы! — нарушила конспирацию Айно. — Вы опоздали!

— А как вы туда добрались?

— На двухвесельной лодочке. В назначенный срок.

— Не может быть! — усомнился Птица. — Какой ведь шторм был! Нас с двумя моторами и то отнесло к эстонским берегам. Потому мы и запоздали... Но после два раза обошли вокруг Сегельскяри. Там было много людей, что-то строили... Но никто, увидев нас, не снял пиджака!.. И мы ушли.

— Значит, мы видели вас, но... — И Айно развела руками.

«Энгельбрект» летел в пене, дрожа, словно понесший конь.

— Хочет взять реванш за неудачу предыдущего рейса, — засмеялась Айно, то тут же оборвала себя. — Рано смеяться. Еще не конец.

Когда «Энгельбрект» остановился, прильнув к борту рыбацкой шхуны, там все еще спали.

Поднять товарищей, расплатиться с рыбаками, подарив им сверх платы свой скарб — карту, примус, компас, два пистолета, кофейник и кружки, было делом нескольких минут. С собой захватили лишь самодельные шахматы. Партия в этот день была, наконец, доиграна.

— Кто победил?

— Ничья!.. Доиграем в Стокгольме, — недовольно пробурчал Оянен.

Он во что бы то ни стало хотел выиграть

матч на звание чемпиона «Беляночки» и «Обетованного острова».

«Шкипер» с уважением смотрел на катер, прибывший из Стокгольма за его пассажирами. И, восхищаясь быстроходностью «Энгельбректа», его осясткой, новизной, проникался все большим уважением к своим пассажирам. Перебираясь обратно со шхуны на моторку, перекидывая ногу через борт, Айно услышала, как он сказал «юнге»:

— Да, не думал я, что мы возьмем такую ценную рыбу!

Птица включил моторы. В полупрозрачной полумгле белой ночи растворились очертания аландской шхуны.

Острова с пригородными дачами медленно потекли назад. «Энгельбрект» возвращался в Стокгольм.

Айно и Вилле на палубе вполголоса переговаривались с Птицей, который называл проходящие мимо островки и места, где в окнах светились огоньки, а Куусинен, забравшись в каюту, с жадностью набросился на газеты, которые привезла Айно.

Она ему уже сказала, что в ближайшее время в Стокгольме откроются курсы для финских подпольщиков, где Куусинен и Оянен будут вести занятия. Отто придется еще заняться редактированием газеты «Пролетарий», печатающейся в Стокгольме, но предназначенной для Финляндии. Поэтому на несколько месяцев нужно задержаться в Швеции. Газеты радовали. Съезд Социалистической рабочей партии в Хельсинки состоялся, принял программу и избрал правление.

— Так, так, так! — повторял Куусинен, читая эти известия. Вести из Советской России тоже благоприятные. Подробно описывались последние дни англо-американской интервенции в Архангельске и на Мурмане.

— Так, так, так, — повторял он.

«Теперь и мне надо через Норвегию пробираться на Мурман, — подумал он. — Хорошо, что Гюллинг открыл этот путь».

На Западном фронте Красная Армия, к удивлению французской печати, разбив белополяков, продолжала стремительное наступление.

Хурмеваара синим карандашом подчеркнул телеграмму из Ревеля. В Эстонии, в Юрьеве (он же Дерпт и он же Тарту), начались мирные переговоры между Советской Россией и Финляндией.

Этого настойчиво требовала Финская компартия, это было одним из важнейших требований в программе новой, Социалистической рабочей партии, но этому изо всех сил

противились силы реакции, делавшие ставку на падение Советской власти. Освобождение Киева, наступление Красной Армии на Западном фронте сделали свое дело.

В списке советской делегации Куусинен отметил своего неизменного друга Сантери Шотмана... Дружба эта завязалась еще десять лет назад, когда Шотман, член Хельсинкского комитета партии, был частым гостем редакции газеты «Тюэмиес», которую редактировал Куусинен. Но Куусинен не знал, что в тот день, когда «Энгельбрект», управляемый Птицей и Эриксоном, нес своих пассажиров к Стокгольму, в Кремль Владимир Ильич после того как от него ушла делегация, отъезжавшая в Юрьев и в кабинете остался наедине с ним Шотман, своим широким размашистым почерком написал записку коменданту Второго Дома Советов.

«Квартира 2-го Дома Советов № 439, занимаемая тов. А. В. Шотманом, во время его отъезда находится в распоряжении Центрального Комитета Финской коммунистической партии и без особого разрешения Совнаркома не может быть никем занята.

Предлагаю оказывать приезжающим товарищам финнам всяческое содействие и снабжать их довольствием на общих основаниях. А лучше на лучших основаниях как гостей.

Председатель СНК Ленин.

Написав, Владимир Ильич оторвал глаза от стола, увидел настороженный взгляд Шотмана, улыбнулся и приписал:

«Копия тов. Шотману».

Куусинен воспользовался гостеприимством и остановился в этой квартире спустя семь месяцев. Назначенный на пост председателя Северо-Кавказского Экосо, Александр Шотман в то время был в Ростове.

Хозяин квартиры 439 Шотман стал первым председателем ЦИК Карельской республики, а через много лет, перед Великой Отечественной войной и после нее, этот высокий пост занимал Отто Вильгельмович Куусинен.

Последняя глава

С тех июньских дней двадцатого года сейчас прошло столько лет... Многое неизвестное изменилось.

Ныне, когда финские коммунисты входят в правительство, финской молодежи странным, наверно, кажется, что в былое время эта партия была загнана в подполье и принадлежность к ней каралась как государственная измена.

Ныне, когда во внешней политике Финляндии восторжествовала линия Паасикиви —

Кекконена — добрососедская политика взаимовыгодной дружбы, — ныне, когда Советская Армия по договору о дружбе и взаимопомощи надежно защищает нейтралитет своей северной соседки, многие молодые люди только понаслышке, по рассказам старших знают о других, но мирных временах. Поэтому кое-что покажется устаревшим и в той программе, которую в двадцатом году перед своим побегом Куусинен составил для Социалистической рабочей партии — этом прообразе нынешнего Демократического союза финского народа. Но многие положения сохранили действительность и вошли в программу Финской компартии, принятую на съезде в июне 1957 года.

Последний раз я встретился с Отто Вильгельмовичем на съезде писателей в Кремлевском дворце. Во время нашего разговора подошли карельские писатели, и сразу же завязалась беседа о том, что надо перевести заново «Калевалу», потому что ритмы ее в оригинале гораздо богаче и разнообразнее, чем в существующем сейчас переводе, и русский читатель получает неточное представление о великом памятнике народной поэзии. А дальше пошла речь о том, кого из русских поэтов привлечь к переводам.

Таким он мне и запомнился — оживленный, озабоченный тем, чтобы поскорее советский народ познал финский карельский эпос во всей его нерукотворной красоте.

Вилле Оянен учился и потом учил других в Коммунистическом университете народов запада в Ленинграде и вместе с Куусиненом работал в Коминтерне, был одно время председателем Госплана Карелии, а последние годы жизни вел научную работу в Международном аграрном институте в Москве, где я с ним и познакомился.

Ханнес Ярвимаки вместе с группой курсантов Интернациональной военной школы, около станции Мга под Питером, валили лес, заготавливая дрова, чтобы отогреть замерзавшее здание школы, со стен которого уже отваливалась штукатурка, когда прибыл нарочный и передал приказ немедленно вернуться в город... Так начался для него прославленный рейд финнов-лыжников на Кимас-озеро. В этом походе Ханнес был разведчиком, и на его плечи легко немало тягот.

А когда с гражданской войной было покончено, Александр Шотман — тогдашний председатель Карельского ЦИК и Эдуард Гюллинг, председатель Совнаркома Карелии, угворили Ярвимаки работать вместе с ними. Собирая материалы для книги о лыжном

рейде на Кимас-озеро, в Кондопоге я познакомился с Ярвимики. Этот полный неукротимой энергии человек возглавлял тогда бумажно-целлюлозный комбинат и строительство новых его цехов. Вместе с ним ходил я по стройке, а вечерами на деревянной терраске директорского домика над гладью Кондопожской губы, отмахиваясь от надоедливых комаров, он рассказывал о гражданской войне в Суоми, о своих побегах, о лыжном походе.

Время от времени на столе появлялся неуклюжий медный кофейник, и, разливая кофе по чашкам, Ольга, жена Ярвимики, сказала:

— Самоделный! Начальнику тюрьмы по своей охоте красивый сделал, а тут с трудом упростила старое ремесло вспомнить!

— Торопился! Минуты свободной нет, — оправдывался Ярвимики. — Погоди, во время отпуска смастерю лучше, чем в Таммисаари.

Я провел на Кондопоге тогда гораздо больше времени, чем предполагал, потому что Ханнес мог только урывками отвлекаться от неотложных хозяйственных, строительных, директорских дел. К тому же он готовился к поездке в Хельсинки, на процесс Антикайнена, где выступал свидетелем защиты.

Однако рассказ о Кондопоге, о суде над Антикайненом — совсем другая история. Но об одном человеке, с которым встретились пассажиры «Беляночки», я все же хочу рассказать, хотя и его история тоже выходит из рамок этой хроники.

Речь пойдет о Птице, брови которого напоминали спелый колос ржи, положенный над голубыми глазами. Через год на «Энгельбректе» он дважды совершил переход из Стокгольма в Питер, доставив туда делегатов скандинавских стран на Третий конгресс Коминтерна, тот самый, для которого по поручению Ленина Куусинен разработал и составил доклад об организационном строении компартий, о методах их работы.

Ознакомившись с его тезисами, Ленин писал: «безусловно настаиваю, чтобы реферат дали ему и только ему... непременно на этом конгрессе. Необходимо... Он знает и думает... Польза будет гигантская...».

Делегаты проголосовали и за тезисы доклада Куусинена и за избрание его в Исполком Коминтерна. И в этом, как тогда называли, штабе мирового коммунистического движения он работал, отдавая делу всю свою душу, бесценно, больше четверти века, наравне с такими своими друзьями и соратниками, как Антонио Грамши и Тольятти, Димитров и Колларов, Бела Кун и Юрьё Сирола, Сен Катаяма и Морис Торез, Тельман и Вильгельм Пик.

...Только вот кто был второй член экипажа «Энгельбректа», не знаю. Птица запамятовал. Один раз кажется, это был сам адвокат Хелльберг, другой — капитан Эриксон, твердо поручиться он, мол, не может.

Но, увлекшись рассказом о встрече с тем, кого товарищи называли Птицей, я чуть не забыл сказать, что путешествие на «Беляночке» и в самом деле было предсвадебным. Айно и Вилле, разными путями вернувшись в Петроград, вскоре поженились там. Брак их, сцементированный общим делом, до самого дня гибели Вилле (1937) был счастливым. Не сказал я также и о том, что Вилле и Отто, сыграв десятки шахматных партий в разных городах и странах, где они побывали вместе, так и не установили, кто из них имеет право на звание чемпиона «Обетованного острова». Счет очков неизменно был равный.

— Оказывается, я понравилась Вилле еще при первом нашем знакомстве, когда была кассиром Финского банка, и ему не раз приходилось иметь со мной дело. Ведь в революционном правительстве он ведал финансовой частью железных дорог. А когда мы плыли на «Беляночке», он решил, что или я буду его женой, или никто! А я-то и не догадывалась тогда об этом, — смущаясь, вспоминает Айно. — О, в выражении чувств Вилле был старомодным финном... — говорит она.

Нет, не погас в ее сердце пламень, вспыхнувший в дни побега.

А с дочерью ей пришлось встретиться не через пять, а через тридцать пять лет, когда Айно, уже не скрываясь, съездила на побывку в Финляндию, окруженная там уважением и признательностью товарищей, так же, как и она, трудившихся, чтобы восторжествовали в Суоми демократические основы жизни. Дочке, ткачихе на текстильной фабрике в Вааса, было тогда уже за сорок... А самой Айно сейчас, когда я заканчиваю эту хронику, — неужели ей восемьдесят четыре?!

Правда, устает она сейчас быстрее, чем раньше. Но ни разу еще не ходила к врачам. Впрочем, медики теперь сами приходят к ней в московскую квартиру на Беговой улице, чтобы выведать, как до таких, что называется, преклонных лет можно сохранить жизненную силу и здоровье.

— Для этого, — отвечает Айно Песонен, — надо каждый день, как это делаю я, дважды спускаться с седьмого этажа!.. И это, пожалуй, единственно недостоверное в правдивых рассказах женщины, носящей имя, прославленное рунами Калевалы.



Н. В. Крыленко.

Евг. Симонов

Человек многих вершин

«29-VIII-33 (1933 года.— Е. С.) на этом перевале (5560) ночевала группа альпинистов в составе: Н. Крыленко, В. Воробьев и С. Ходакевич.

Группа с ледника Москвина (под пиком Сталина) переваливает в сторону перевала на Аю-Джилгу.

В. Воробьев».

Написанная чернильным карандашом на плотной бумаге записка прекрасно сохранилась. А лежала она внутри ледяного кристалла под грудой камней, на той же вершине, где и была оставлена тридцать три года назад.

Нашедшие ее альпинисты услышали до-

шедший через десятилетия голос того, кто хаживал в горы еще с Лениным и одним из первых творил тот мир, в котором они жили теперь. Голос прозвучал из глыбы льда, словно она сохранила его законсервированным и лишь тепло прикоснувшихся к нему ладоней высвободило его из холодного плена.

Заяезжие иноземные гости поведали некогда Европе о неописуемой стуже в Московии: так она сильна, что, когда зимой поляки кричат со своего берега на московский, на лету смерзаются даже слова и становятся слышны на московитской стороне лишь с наступлением весны. Так и здесь. Голос, растаяв, стал слышен через тридцать три весны.

Документы и люди

Документы... Умирали люди. Рушились великие империи. Землетрясения колебали города. А листок бумаги, не более, казалось, живучий, чем осенний лист с берез, явился вдруг спустя десятилетия к людям, чтобы поведать о тех, кого уже нет.

Записка, найденная во льдах, — это лишь частичка того потока документов, которые могут поведать и о годах большевистского подполья, и о великом 1917-м, и боевом 1918 годах.

В архиве Института марксизма-ленинизма хранится «Адресная книга ЦК РСДРП (1912—1914 гг.)». Заполненная рукой секретаря ЦК Н. К. Крупской, она предстает перед нами живым свидетелем той разветвленной, необъятной, изо дня в день ведущейся работы, которую направляли из своего эмигрантского далека «Ильичи».

Путешествуя по хозяйству Надежды Константиновны, встречаешься с неутомимым агентом партии Абрамом¹. Ленин — в Кракове; Крыленко — рукой подать, в Люблине. После тюрьмы, военной службы и, конечно же, упорной большевистской пропаганды в казарме Крыленко обосновался здесь преподавателем истории. Краков — в Австро-Венгерской империи, Люблин еще в России.

В России вспыхивают зарницы революции. Нарастает прибой забастовок: от Питера до Лены. Как и в девятьсот пятом, баррикады на Выборгской, столкновения с казаками в Юзовке. Барометр явно идет на бурю. Переезд Ленина из Парижа в Краков знаменует перебазирование к переднему краю революции.

И вот запись в книге. Частые, хотя и крат-

кие пометы: «От Ник. Вас.», «От пана Николая или Николая Васильевича», «Чтобы разыскать Николая Васильевича, ночевка», «Внутри для Абрама», «Письма и посылки Абраму», «Для явки: разыскать (Люблин) Радзивилловская, 3, кв. 20, Ивана Семеновича Петриковского, у него спросить Сергея от Маруси, пароль «Она уехала». Адрес для Н. В. (на один раз) Радзивилловская, 5, Евгению Петриковскому для Веры, Люблин».

И в переданных через Н. В., или Абрама, или Килыча конвертиках и бандеролях таятся те семена, которые пять лет спустя взойдут в революционной России.

Снова в Питере

— Горошинка! Сколько лет, сколько зим! Невысокий, большелобый военный с фронтовыми погонами прапора обернулся. Кто бы это мог быть?.. Ведь звали его так лишь немногие, лишь товарищи по «Военке» пятого года. За быструю и складную речь: «Говорит, как горохом сыплет».

Конечно же, он враз признал окликнувшего его: того же, с заостренными чертами, поминутно съезжающим чеховским пенсне, длинными волосами. Есть что-то в нем от тургеневских нигилистов.

— Антонов, дружище!

— Он самый! А ты сюда, в Питер, делегатом от окопников?

— Честь имею: делегат одиннадцатой армии на съезд Советов. Будем действовать по Марксу: сменим оружие критики на критику оружием. Такой наказ дали в нашем тринадцатом финляндском полку.

— А как с войной?

— Кому же охота отдавать свою жизнь за любезные сердцу Милокова Константинополь и проливия. Солдаты в один голос твердят: «Штык в землю. Саму землю — народу».

Невский, залитый солнцем, был и старый, знакомый и чем-то уже иной... Нет грудастых, осанистых городовых. На перекрестках студенты и гимназисты с повязками на рукаве. Из-за колоннады Казанского собора слаженное «Аллилуйя» архиерейского хора. Прошли мимо витрин Елисеевского магазина. Остановились... Крыленко озорно подмигнул в сторону бронзовой императрицы:

¹ Одна из десяти партийных иллич Н. В. Крыленко.

— И вас, Катеринхен, революция не обошла, свита фаворитов с удивлением глядит на алый флаг в вашей августейшей длани.

А под ногами шуршит, рассыпается шелуха от семечек. Их лузгают на ходу, во время митингов, даже солдаты в строю.

А газет, газет в киосках... И старые, ведущие начало с семидесятых да восьмидесятых годов вроде «Нового времени» или «Биржевых ведомостей» и еще больше новых, старающихся перекричать одна другую. Вечером в Петроградском комитете Крыленко узнает, что в городе выходит полторы сотни газет.

Они шли и говорили, и, как это бывает после долгой разлуки, не текла беседа по точно отмеренному ей руслу, но то и дело втекали в нее новые темы и возвращали вспять ее течение, а там с силой уносило ее вдаль.

«...Давно ли с помпой справляла свое трехсотлетие династия Романовых. Не прошло и четырех лет, как уже свалили ее в помойную яму истории». — «А началось вроде бы вовсе с неэпохального: какая-то учебная команда отказалась стрелять по приказу какого-то ротного. Будь у нас свой Талейран, мог бы достать золотой брегет, сказать для истории: «Отметьте, господа! В 9 часов 20 минут 27 февраля 1917 года династия Романовых перестала царствовать в России». — «Кажется, если не роль Талейрана, то этакого наполеонишки целит сыграть Керенский». — «Про него неплохо сказано у Мануйльского: божок мещанистых девиц и свой человек заговорщических кадетско-октябрьских салонов». И, посерьезнев, пораздавались, что ушли в небытие годы их жизни на чужой земле.

Крыленко, видимо по законам контрастов, вспомнил на сегодняшнем Невском — непричесанном, неумытом, но веселом — чистенький, до противного благовоспитанный Кларан в Швейцарии. Он председательствовал там на ленинском реферате. Ну и дал же тогда Ильич социал-шовинистам всех мастей! Словно не блокнотик вытащил, а бомбу. И вот сегодня видим цену меньшевистского тогдашнего прорицания: «Наступили долгие каникулы для большевизма».

«Вот живое опровержение, — кивок на идущих с винтовками рабочих, — сказано же в шебуевском «Пулемете»: «Его величество Пролетарий Всероссийский». — «А Ленин словно в воду глядел. Из сонного Кларана увидел шаги революции».

По пути в бывший особняк Кшесинской,

в дребезжащем трамвае развернул «Правду». Пробежал ее от шпигеля до выходных данных. Остановился на первой полосе: «Большевизм и «разложение» армии». Ильич отвечает на критику. В своей ленинской манере отвечает. Не уходит в оборону. Нет! Он разит, обличает, наступают...

Он удивленно и, что скрывать, радостно сдвигает фуражку. Еще раз вчитывается в уже прочитанное... «Прапорщик Крыленко... Товарищ Крыленко...» С высоты своего командного поста заметил-таки Ленин на одном из окутаных проволокой фронтов тебя, прапор, выделил, поднял.

...Ленин избличает тех, кто видит спасение в «твердой власти», в диктатуре, в «железной дисциплине», в том, чтобы заставить всех неподчиняющихся молчать. «Им нужен повод сказать: «большевики разлагают армию», а затем заткнуть рот большевикам.

Чтобы раз навсегда отгородиться и от клеветы «врагов» и от нелепейших извращений большевизма, мы приведем конец прокламации, распространенной одним из делегатов в войсках перед Всероссийским съездом.

«...Товарищи! На этом съезде я буду требовать:

Во-первых: передачи всей власти Совету рабочих и солдатских депутатов.

Во-вторых: немедленного обращения с мирными предложениями мира без аннексий и контрибуций от имени народа к народам и правительствам всех воюющих держав, как союзных, так и враждебных...

В-третьих: отобрания на государственные нужды денег у тех, кто нажил на войне, путем конфискации военной прибыли капиталистов.

...Чтобы от вашего имени сказать все это нашему правительству в Петрограде, я избран на съезд в Петроград.

Член Армейского комитета XI армии, делегат Центрального Комитета Российской с.-д. рабочей партии (большевиков) на съезде Юго-Западного фронта прапорщик Крыленко».

«...Всякий, кто дал себе труд прочесть резолюции нашей партии, — пишет далее В. И. Ленин, — не может не видеть, что суть их вполне правильно выразил товарищ Крыленко»¹.

¹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 32, стр. 256—257.

29-VIII-33 на гребне
 перевале (5560) ного-
 вала. группа шесте-
 рых в составе
 Н. Крыленко, В. Воробьев
 и С. Ходякович.
 группа следит за

Москвитин (поп. Кин)
 сталена) перевал
 вост. в сторону
 рвала на Ав-Ду
 и

В. Крыленко

Записка, оставленная группой Н. В. Крыленко на гребне хребта Академии наук.

Голос революции

Полуколонны кадетского корпуса на Васильевском острове. Овалы окон и блестящие люстры зала. Ответ Ленина на выступление лидера меньшевиков Церетели: «Он (Церетели. — Е. С.) говорил, что нет в России политической партии, которая выразила бы готовность взять власть целиком на себя. Я отвечаю: «ксты! Ни одна партия от этого отказаться не может, и наша партия от этого не отказывается: каждую минуту она готова взять власть целиком»¹ — вот уже который день будоражит делегатов. Правда, из 777 членов политических партий (всего делегатов — 1090), большевиков — 105, но за ними 26 тысяч членов партии в солдатских шинелях либо матросских бушлатах.

На съезде не только свои, так сказать, домашние соглашатели, от Чхеидзе до Керенского, но и спешно импортированный из Европы Вандервельде, с адвокатским старанием разглагольствующий о «чудесной энергии Керенского» и том общественном спасении, которое принесет созданный им кабинет.

На трибуне Ленин. За двадцать один день съезда он берет слово дважды. Скупые, точные, далеко нацеленные положения... Растущее с каждым днем значение Советов. Нарождается тип нового Советского государства. Дума пережила самое себя. Власть возьмет народ.

Ощущая одобрительный ленинский взгляд, Крыленко ввязывается в спор с «самим» премьером. После каждой пущенной маленьким прапорщиком фразы — антивоенные настроения по всем фронтам, безответственность и беспомощность властей, усиливающаяся разруха — все внимательнее глядит на него Ленин и все сильнее дергается сведенная злобой мышца на желтом, истеричном лице премьера.

Стремительно бегут дни. Обычным становится маршрут Крыленко на тот конец города, где на берегу Невы белеет поражающая гармонией своих линий колоннада бывшего монастыря, бывшего привилегированного учебного заведения.

Огромное трехэтажное здание создал в начале прошлого века в стиле русского классицизма Кваренги. Оно протянулось на сто с лишним сажен. Восьмиколонный портик лежит на аркаде парадного входа. При Петре стоявший здесь Смольяной двор поставлял и смолу и снасть «про весь корабельный запас». Теперь он представляется

огромным кораблем: вот-вот звякнут в ключах поднимаемые якоря, заполющут под свежим ветром паруса, подаст с высоты своего мостика команду крутолобий, зоркий, знающий лоцию жизни и политики капитан.

Огромное, прохлестанное сырими ветрами поле перед Смольным. Пробившаяся между булыжником редкая трава. Спят ближние кварталы. Бодрствует Смольный. Погасли огни в домиках. Зажглись костры на площади. Затих гул заводов. Вторгся в тишину питерской ночи гул бронемашин.

Длинные улицы коридоров. По сторонам в два ряда комнаты. Поверх эмалевых дощечек написанные от руки бумажки. Далеко за полночь, а Смольный не спит. Матросы. Солдаты. Интеллигенты. Железнодорожники.

Закрутился Крыленко. Несется на гребне прибора революции... Цирк. Манеж. Казарма... «Военка». Исполком ВЦИК (введен от большевистской фракции). ЦК. Митинги до хрипоты. Споры до утра. Борьба до победы.

Давно ли заявлялся он в Государственную думу, стараясь незамеченным прошмыгнуть мимо истуканоподобного швейцара, с которого лепил Александра III Паоло Трубецкой... Давно ли, как «сведующее лицо», инструктор ЦК и доверенный Ленина встречался здесь с членами Думы от рабочей курии: Бадаевым, Петровским, Мурановым?..

Вот и белоколонный, купольный Таврический дворец. В комнате тринадцать на хорах фракция большевиков.

Крыленко уже взяли здесь на заметку: большевик, фронтовик, оратор. Будем посылать по полкам, враз увидят — этот свой брат, из окопов.

Площадь перед Таврическим. Серо-зеленое море гимнастерок. Старейший из полков — Преображенский. Когда-то в него зачислялись только шатены, обязательно с большим носом. Шефами преображенцев были все цари. А теперь с начинавшими революцию волынцами пришли они слушать большевиков.

Крыленко зычно, но не по-строевому здоровается с солдатами. Фронтовики прислали им свое окопное слово. Верят, что и преображенцы не подкачают. Недаром же еще в девятьсот пятом, когда поднялся 1-й батальон их полка, командиром которого считался Николай II, по горячим следам

¹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 32, стр. 267.

Ленин писал: «Уж если преображенцы оказались неблагонадежными у царя, то чего же еще ждать хуже для царя?»¹.

Утихают разговоры. Только табачный дымок. Только шорох семечек над площадью.

— Товарищи! Неделю назад съезд Советов избрал Всероссийский исполнительный комитет. Он и должен быть нашим правительством. — С минуту вглядывается в лица, выбирает румяного, скуластого, внимательно слушающего солдата и словно бы через него обращается к остальным: — Требуйте, чтобы он взял всю власть и решил вопросы о мире, о земле, об управлении хозяйством. Выбирайте уполномоченных, пусть идут и предъявят наши требования.

Делегаты, топя тяжелыми сапогами, заполняют Александровский зал.

Крыленко:

— Сейчас в Екатерининском зале заседает ВЦИК, пойдемте туда.

— Айдә!

В зале с хоров голоса:

— Кто говорит?

— Какой-токой партии?

— Как звать? Фамилия оратора? Пускай говорят от большевиков.

И надо мчаться в казармы к гренадерам, где соглашатели протачили резолюцию: поддержать наступление на фронтах. И, примостившись у подоконника, настроичить подвал в «Солдатскую правду». И заскочить в «Военку». Скоро соберется общероссийская конференция военных организаций фронта и тыла: Ленин наказывает подготовиться артистичательно, можно ждать всего вплоть до вооруженных провокаций.

Еще недавно ни один большевик не мог появиться в казарме, не рискуя быть арестованным, а то и убитым. Солдаты-большевики должны были скрывать свою принадлежность к партии, иначе им не давали говорить.

Особыми приказами офицерство и солдатские комитеты не допускали в казармы большевистскую «Правду».

А теперь есть уже собственная «Солдатская правда». Во дворце Кшесинской идут до глубокой ночи дебаты в солдатском клубе «Правда». Только что солдаты не могли слушать ни меньшевиков, ни эсеров. Стрелка барометра явно склонялась к новому революционному взрыву.

Но момент еще не наступил. Об этом трезво говорил Ленин 107 делегатам, заполнившим зал бывшего дворца Кшесинской. Владимир Ильич подчеркнул необходимость

дальновидной тактики: не забегать вперед, не поддаваться на провокации из стана контрреволюции.

Крыленко выступает не только делегатом «своего фронта. Центральные комитеты поручили ему и Е. Ф. Гозмирович доклад на одну из самых наболевших для солдата тем: «О войне, мире и наступлении». Докладывает он и «О демократизации армии».

— Выйдет боком этому зарвавшемуся прапорцу затеянная им демократизация, — роняет вернувшийся с доклада от Керенского его адъютант.

Не вышел, а вылетел из кабинета Савинков: полувоенный френч, краги желтые, опутанные ремнями, умное и злое лицо. «Депешу в контрразведку Ставки. Передать незамедлительно».

Когда помощник военного министра покинул приемную, адъютант подмигнул бывшему здесь английскому корреспонденту:

— Неплохая сенсация, сэр. Потерпите часок и шпарьте ее в Лондон. Вставьте фитиль всем коллегам.

— Представляемая мною пресса достойно оценит вашу любезность.

— Телеграмма об аресте Крыленко.

— Разве его нет в городе?

— По донесениям службы наружного наблюдения, выправил литер на станцию Могилев.

— Телеграмма от Савинкова?

— Подымайте выше. Самого министра-председателя. «Если пубовод у гражданской судейской власти не будет, то содержать под стражей прапорщика Крыленко по моему личному приказу».

И вот он в тюрьме Керенского. В царской он успел написать выпущенную за подписью «А. Брам» первую свою книгу «В поисках ортодоксии». Здесь не до книг. Но все арестованные офицеры-большевики продолжают писать и даже печататься на полосах «Рабочего», как называлась в эти дни «Правда».

Крыленко обвиняют в «государственной измене, содействии неприятелю, в мятеже». Но он недаром, еще только закончил историко-филологический факультет, но и получил цензовое юридическое образование. «Вот и при-





В. А. Антонов-Овсеевко.

годится звание юриспруденции». Обвинения опровергнуты, но из тюрьмы не выпускают.

А с воли весть за вестью. Чудновский подписывает опубликованное в «Рабочем пути» приветствие Николаю Васильевичу Крыленко от армейских большевиков XI армии: «Конференция военной организации РСДРП(б) шлет Вам свой горячий привет. Насилие, совершенное над Вами врагами революции и врагами нашей партии, не изгладило из памяти нашей армии Вашего имени, которое по-прежнему остается для нас символом революционной чести и революционной отваги. Конференция просит у Вас раз-

решения выставить в нашем кандидатском списке в Учредительное собрание Ваше имя, которое будет его украшать».

Независимо от солдат кандидатуру Крыленко в Учредительное собрание поддержал и Ленин.

В конце сентября двери тюрьмы распахнулись.

— Отдохнуть? К чертям отдых. Сегодня почти по Чацкому — с гауптвахты в Александринку, на Предпарламент. Завтра митинг в цирке «Модерн». А там такие дела пойдут, о которых до поры до времени молчок! Не до отдыха. В тюрьме «наотдыхались».

Фронт проходит в Питере

Они сталкиваются в коридорах Смольного: Антонов и Крыленко.

— А ты уже не едешь на фронт, Горошинка?

— Фронт проходит теперь здесь, в Питере, — серьезно отвечает Крыленко. — Сам небось видишь.

По коридору цепким флотским шагом прошли матросы: бушлаты нараспашку, бескозырки на затылках, за ремнями по связке гранат. У оголенных лип зафыркал грузовик, до самого борта — винтовки. Кто в кожанке, кто в перетянутых солдатскими ремнями партикулярных пальто прошли серьезные, настороженные красногвардейцы. Из бововых комнат то и дело выбегали люди, помахивая еще не просохшими мандатами.

Проходили: Подвойский — худой, бородатый штатский человек, в мозгу которого созрели оперативные планы восстания; Антонов — небритый, в грязном воротничке, шатающийся от бессонницы; Крыленко — коренастый, широколицый, с постоянной улыбкой, оживленной жестикуляцией и резкой речью; Дыбенко — огромный бородатый матрос со споконным лицом.

Близился день решающего штурма. Немало собиралось в те предгрозовые дни совещаний и съездов, но одному из них, назначенному на одиннадцатое октября, Ленин придавал особое значение. Пусть был он не общероссийским, а по модусу представительства всего лишь областным. Но это была область, в которую входили полки Питерского гарнизона, и весь Балтфлот, и вся революционная Финляндия. Съезд Советов Северной области. О том, какое значение придавал ему Ленин, говорит и специально написанное им «Письмо к товарищам большевикам, участ-

вующим на областном съезде Советов Северной области».

«Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию. И такое движение имеет девяносто девять шансов из ста привести в несколько дней к сдаче одной части казачьих войск, к полному разгрому другой части, к свержению Керенского, ибо рабочие и солдаты обеих столиц поддержат такое движение».

Ленин был твердо убежден, что успех предпринятого Центральным Комитетом вооруженного восстания «может и должен решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно серьезнее, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее».

Флот, Кронштадт, Выборг, Ревель могут и должны пойти на Питер, разгромить корниловские полки, поднять обе столицы, двинуть массовую агитацию за власть, немедленно передающую землю крестьянам и немедленно предлагающую мир, свергнуть правительство Керенского, создать эту власть. Промедление смерти подобно!»¹.

Мандатная комиссия подводит итоги: из девяноста четырех прибывших пятьдесят один большевик. Остальные распределились так: «левых» эсеров — двадцать четыре, правых эсеров — десяток, эсеров-максималистов и меньшевиков-оборонцев — по четыре, меньшевик-интернационалист — один.

Побывавший на фронтах Крыленко делится своими впечатлениями с Антоновым, Невским, Мехоношиным.

— Явно готовится новая корниловщина в Минске. Город окружен казачьими частями. Штабы перешептываются со Ставкой. Развернулась усиленная агитация против большевиков среди осетин и других национальных частей. Идет обработка самой отсталой части.

— Но есть же и там большевики?

— Поверьте, не сидят сложа руки. Фронт в целом за нас и пойдет за нами против Керенского. Минский гарнизон может разоружить все подозрительные части. Можем даже дать из Минска корпус для Питера.

Съезд открывается в Актовом зале Смольного. По предложению Антонова председателем избран Крыленко.

Зал постепенно утихает. Из-за стола под-

нимается Крыленко. Начинает уверенно и спокойно, ох, и нелегко обреталось это спокойствие у задиристого, как называла его Крупская, студента, слушавшего лекции Тарле и Тураева и сдававшего экзамен революции.

— Товарищи! Нельзя обойти молчанием трагизм переживаемого нами момента. Если подвести итоги сделанному за семь месяцев революции, то они будут весьма неутешительны. Через семь месяцев революции мы стоим снова перед безответственной властью, и на данном съезде лежит тяжелая обязанность противодействовать этому. В данный момент в крестьянских массах происходит широкое движение. Власть, несмотря на то, что она принимает старые приемы усмирения, не может остановить этого движения. Хозяйство страны в катастрофическом состоянии, и власть ничего не предпринимает для приведения его в нормальное состояние. Что касается основного вопроса революции — вопроса войны и мира, — то он поставлен так, что и в этом вопросе мы стоим перед катастрофой. О внешней политике Временного правительства говорить не приходится. Совет республики и ЦИК разводят соглашательскую канитель. ЦИК посылает Скобелева на Парижскую конференцию договариваться с союзными империалистами. Широкие народные массы изверились в этой политике, и данный съезд, а затем и Всероссийский съезд Советов должны сказать свое веское слово по этому вопросу.

Революционный пролетариат ждет, чтобы мы исполнили свой долг, и мы свой долг перед революцией исполним.

Зал долго не смолкает. Крыленко отпивает глоток воды и берет в руки председательский колокольчик: бронзовый, увесистый, с какими-то амурчиками.

— Кто у нас следующий? Впрочем, для внеочередного заявления от фракции большевиков товарищ Антонов. Приготовьтесь товарищу Дыбенко от Центробалта.

Первый напоминает о тех, кто с самого июля за решеткой «Крестов». Освобождая страну от диктатуры контрреволюционеров, мы этим вызвали из тюрьмы наших товарищей. Пока же призовем их от имени съезда щадить себя, прекратить голодовку. Ведь час свободы так близок.

Говорят с трибуны города, флоты, гарнизо-

¹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 34, стр. 390.



П. Е. Дыбенко.

ны, полки. Путиловцы сообщают: вооружаем восстание, даем оружие всех калибров, блиндированные площадки для бронепоездов, автомашины с зенитками. Ни одно изделие не попадет к Керенскому: распределяет свой большевистский завком.

Съезд почти единогласно при трех воздержавшихся принимает резолюцию:

«Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — в центре и на местах. На стороне Советов не только право, но и сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным вы-

ступлением всех Советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти».

А Смольный не знает ни сна, ни отдыха, ни колебаний. Из-за колонн нацелены стволы орудий. «Пропуск, товарищ! Ваш недействителен». — «Но я же пресса». — «Я сам от пресса, с листопрокатки. А пропуск выправьте новенький». — «К кому же, черт побери, обратиться в этом бедламе?» — «К ВРК». — «Это еще что за деятель объявился?» — «Военно-революционный комитет».

Третий этаж Смольного. Небольшая комнатка, за ней вторая. Меблировка небогатая: два стула. На одном, не снимая по-кавале-

рийски длинной шинели, примостился Подвойский. На другом — его письменный стол. Влетел запыхавшийся Крыленко. Вошел со стаканом чая Свердлов, помешивая ложечкой, иронически посмотрел на содержимое стакана — такой чай смолянского буфета Ленин окрестил «чахоточным». Оставил его на подоконник. Быстрым взглядом оглядел сидящих на корточках вдоль стены делегатов частей. Вполголоса — к Крыленко: «А вы, господа хорошие, попомните директиву Ильича: поменьше, бога ради, поменьше теорий и схем. Но влезайте в каждую мелочь». Взял из рук Николая Ильича листок — план штурма Зимнего, — понимающе кивнул, ухмыльнулся, услыша: «Мы к вам, товарищи Крыленко! Из Исколастрела¹, генкварм² выводит нас из гарнизона, посылали депутатов к дегенарму³ — велел убить в двадцать четыре часа». Ухмыльнулся и сердито кашлянул: конечно же, издержки революции, какой-то волапюк вместо речи. А вот «упоконники», как сказанулось у кого-то про «УП» — «умеренно правых» — совсем, совсем недурственно.

Приближается девятый вал революции.

...Бурлит, готовится, кует оружие Питер окраин. Затаился старый чиновный. Тщетно зывают к войскам Керенский, Черемисов, Половцев. Из окон ампириных особняков торчат колена жестяных труб. В пасти печек, неизвестно кем окрещенных «буржуйками», догорают красное дерево и мореный дуб гарнитуров. На углу Морской молчаливые личности в черных до пят балахонах, с полумасками суют листовки: «Свергайте все и никому не верьте. Вас спасет только анархия». В столовой Смольного можно перехватить миску чечевицы и потешить себя известием, что ВРК выписывает наряд на пакгауз Николаевской-товарной, где патруль обнаружил сто ведер бесхозной халвы. Сто ведер! А тут хоть бы кусок рафинада на лишнюю пару чая.

Ленина здесь не было. Но он стоял за каждым, кто готовил революцию. Написанное им в шалаше либо на конспиративной квартире становилось приказом. А побывавший у него еще в сентябре Шотман поведал наиболее близким, как он отвечал на вопросы Ильича о новостях, о настроениях рабочих, взял да и шутки ради брякнул:

— Есть и такие, Владимир Ильич, которые уверяют, что месяца через два вы будете президентом республики.

— Нет ничего удивительного, — спокойно заметил Ленин.

Штаб революции — ВРК. Листая его протоколы, можно удивиться, почему состав его неперестанно меняется: то доходит до восьмидесяти двух, то вдруг сокращается, одни выбывают, других кооптируют. По статусу ВРК председатель комитета — Подвойский, секретарь — Антонов-Овсеенко, но на ряде документов «председателем» подписываются Садовский, Лашевич, а секретарская подпись принадлежит Крыленко, Карахану, Мехоношину, Молотову, Свердлову, Ершову, Пупыреву. Этот кажущийся алогизм можно объяснить, видимо, тем, что комитет действовал, а не выступал блюстителем буквы, параграфа. Недаром Джон Рид сравнивал его с «перегруженной током динамо-машиной».

...Крыленко выступает. Оружие оружием, но нужно еще одно усилие, чтобы не осталось равнодушных либо обманутых. Сегодня из Смольного за реку в цирк «Модерн».

Полинявшая окраска стен. Отодравшаяся обивка кресел. На тонких проволоках свисают мерцающие вполнакала лампочки. Но амфитеатр слушает затаив дыхание солдата 548-й дивизии с серым, измученным лицом. Солдаты против войны. Если им и нужна земля, так это та, которой владеют помещик Романов, дворяне, богачи. «Я привез вам привет с того места, где люди роют себе могилы и называют их окопами».

И митинги один за другим одобряют образование ВРК.

16 октября сопровождаемый Эйно Рахья Ленин по плохо освещенному Выборгскому шоссе добрался до дачи жены директора компании Зингера. Теперь здесь распоряжался председатель местной думы М. И. Калинин. Ленин снял пальто. Подумал, стащил парик — будут только свои.

На повестке три вопроса, но, по существу, все они сводились к одному — восстание!

Двухчасовой доклад Ленина. Выступления Свердлова, Дзержинского, Калинина, других. Деловой разбор настроения в районах. В черновых секретарских записях сохранились и записи двух выступлений Николая Васильевича.

«Тов. Крыленко от Военного бюро сообщает, что у них резкое расхождение в оценке настроения.

¹ Исколастрел — исполком латышских стрелков.

² Генкварм — генерал-квартирмейстер.

³ Дегенарм — дежурный генерал.

Личные наблюдения приводят к тому, что настроение в полках поголовно наше, но сведения от товарищей, работающих в районах, расходятся; говорят, что для выступления нужно, чтобы что-нибудь их решительно задело, а именно: вывод войск. Бюро полагает, что настроение падает. Большая часть бюро полагает, что не нужно заострять вопроса практически, но меньшинство думает, что можно взять на себя инициативу».

И еще...

«Тов. Крыленко заявляет, что в одном сходилось все бюро, именно в том, что вода достаточно вскипела; выносить резолюцию, которая брала бы эту резолюцию¹ назад, было бы величайшей ошибкой. Наша задача — поддержать восстание вооруженной силой, если бы оно где-нибудь вспыхнуло».

Он кончил¹ тем, что надо вывести войска. Доверия к генералам уже нет, «...беспокоиться о том, кому начинать, не приходится, ибо начало уже есть».

Разошлось около семи утра. С моря дул ветер — предвестник бури.

Крыленко дочитывает корректуру, когда связной, прислони к стене самолет, сообщает: «Юнкера в Ораниенбауме, ударники из Царского Села не выступят на стороне Керенского. Нейтралистски настроены даже казаки».

— А это в типографию.

«...Военно-революционный комитет постановляет:

1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами Совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного Совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского Совета и все делегаты на Всероссийский съезд Советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание.

Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы ее врагов».

...Которую уже ночь пылали костры, тревожными сполохами отражаясь в бесконечности окон Смольного, над главным входом которого еще темнел романовский герб. Наступила ночь победившего Октября.

«Было ровно 5 часов 17 минут утра, — пишет Рид, — когда Крыленко, шатаясь от усталости, поднялся на трибуну и показал собранию (открывшемуся II съезду Советов. — Е. С.) какую-то телеграмму.

«Товарищи, с Северного фронта! XII армия приветствует съезд Советов и сообщает о создании Военно-революционного комитета, который взял на себя командование Северным фронтом!» Началось нечто совершенно неопишное. Люди плакали и обнимали друг друга...

Свершилось...

Было шесть часов. Стояла тяжелая холодная ночь. Только слабый и бледный, как неземной, свет робко крался по молчаливым улицам, заставляя тускнеть сторожевые огни. Тень грозного рассвета вставала над Россией».

И тот, кого его соратник Шотман называл «президентом», с присущей ему деловитостью уже размышлял вслух, переходя от телефона к телефону.

— Надо устроить комиссии по управлению страной, которые и будут комиссариатами. Председателей этих комиссий назовем народными комиссарами. Коллегия председателей будет Советом Народных Комиссаров, которому и принадлежит полнота власти. Съезд Советов и ЦИК контролируют его деятельность, им же принадлежит право смещения комиссаров.

Без тени пафоса. Деловито. Просто.

— Всероссийский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов постановляет:

«Образовать для управления страной, впредь до созыва Учредительного собрания, временное рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров...

В настоящий момент Совет Народных Комиссаров составляется из следующих лиц: Председатель Совета — Владимир Ульянов (Ленин)...

По делам военным и морским — комитет в составе:

¹ Резолюция о текущем моменте.

В. А. Овсеенко (Антонов), Н. В. Крыленко и П. Е. Дыбенко...»¹

Стояла глубокая осенняя ночь, когда автомобиль Ленина, миновав арку, притормозил у одного из казенных зданий, опоясывающих Дворцовую площадь. Быстрой упругой походкой поднимается Ленин в аппаратную штаба военного округа. «Прямой разговор со Ставкой Верховного. И — незамедлительно!»

Нудные переговоры с дежурным генералом. Духонин почивает. Ленин не склонен медлить. А Ставка явно оттягивает время. Генералитет во главе с Духониным саботирует прямое и недвусмысленное указание правительства — немедленно вступить в переговоры о мире со всеми державами.

Ленин в упор:

— ...Получена вами радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров, посланная в 4 часа, и что сделано во исполнение предписания Совета Народных Комиссаров?

Генерал Дитерихс увиливает. На что-то ссылается. Они-де должны предварительно проверить достоверность приказанного. Ведь телеграмма государственной важности не имела исходящего номера. Нужны гарантии от генерала Маниковского. Этим и занимаются. «Разрешите, Владимир Ильич!» Ленин молча кивает. Крыленко подсаживается к телеграфисту.

— Почему одновременно не был послан этот запрос мне, — отстукивает аппарат, — как народному комиссару по военным делам, так как главоверху было известно из личного разговора со мной, что генерал Маниковский только лицо, на обязанности которого лежит преемственность технической работы снабжения и продовольствия, в то время как политическое руководство деятельностью военного министерства и ответственность за таковую лежит на мне.

Ставка отнекивается.

Петроград настаивает. Духонин будет нести ответственность за поражения, голод, бунты. О его позиции сообщает солдатам.

Ленин одобрительно кивает. На минуту задумывается.

А на том конце провода появился-таки Духонин. Он тоже явно оттягивает время. Ленин перекидывается несколькими словами с Крыленко, и вот уже снова застрекотал аппарат.

— Народные комиссары у аппарата, ждем вашего ответа.

Но Духонин вольтит. Единственное, что он подтверждает, — это получение телеграммы

Совета Народных Комиссаров. Он так и сыплет вопросами, называя их «чисто техническими». Он даже не склонен видеть в Совете Народных Комиссаров «центральное правительство».

Ленин ставит вопрос ультимативно. Приступить к переговорам немедленно и безоговорочно.

— Благоволите дать точный ответ.

— Я могу только понять, что непосредственные переговоры с державами для вас невозможны. Тем менее возможны они для меня от вашего имени. Только центральная правительственная власть, поддерживаемая армией и страной, может иметь достаточный вес и значение для противников, чтобы придать этим переговорам нужную авторитетность для достижения результатов. Я также считаю, что в интересах России заключение скорейшего всеобщего мира.

— Отказываетесь ли вы категорически дать нам точный ответ и исполнить нами данное предписание?

— Точный ответ о причинах невозможности для меня исполнить вашу телеграмму я дал и еще раз повторяю, что необходимый для России мир может быть дан только центральным правительством.

Хорошо, господа генералы! Решимости большевикам не занимать. Глаза Ленина прищурены, пальцы руки легонько постукивают по столу, словно аккомпанируя тем распоряжениям, которые минуту спустя прочитают в ночном Могилеве, и они еще круче повернут руль истории.

«Именем правительства Российской республики, по поручению Совета Народных Комиссаров, мы увольняем вас от занимаемой вами должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение, несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Мы предписываем вам под страхом ответственности по законам военного времени продолжать ведение дела, пока не прибудет в Ставку новый главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие от вас дел. Главнокомандующим назначается прапорщик Крыленко»².

¹ Ленин В. И., Полн. собр. соч., т. 35, стр. 28.

² Там же, стр. 80.



С. М. Нахимсон.

Б. Гальперина
**Жизнь, отданная
за революцию**

6 июля 1918 года во время белогвардейского мятежа в Ярославле был убит Семен Михайлович Нахимсон. По свидетельству очевидца, последние слова его были: «Расстреливайте меня, но вам не расстрелять и не убить того дела, за которое я боролся и умираю. Вы все погибнете под развалинами Ярославля!»

Участник революции 1905 года, сотрудник «Правды», организатор военных комитетов в армии во время первой мировой войны, член военной секции Петросовета после Февральской революции и Петроградского комитета партии большевиков и, наконец, председатель Совета одного из районов Петрограда — тако-

ва многогранная деятельность этого человека, которому в 1917 году было всего 32 года.

Март 1917 года. В Петрограде один за другим организуются районные Советы. 1-й Городской район — один из центральных в городе. Здесь расположен гильзовый отдел Патронного завода, заводы «Сан-Галли», Орудийный, несколько фабрик и много мелких полукустарных мастерских, торговых заведений. Основное население — мелкая и средняя буржуазия, среди которой преобладает влияние соглашательских партий. При выборах в Совет именно их лидеры отдают свои голоса избиратели. От большевиков попадает лишь несколько человек. Тогда районный комитет РСДРП(б) делегирует в этот Совет Нахимсона. Энергично взявшись за дело, он создает большевистскую фракцию, численность которой увеличивается за счет произведенных довыборов. Постепенно большевики завоевывают все более и более сильные позиции. Собрания в Совете протекают бурно. Причем постоянная полемика происходит между Семеном Михайловичем Нахимсоном и его братом Федором Михайловичем, представляющим фракцию меньшевиков-оборонцев в исполнительном комитете районного Совета¹. На собрании членов Совета 27 мая 1917 года большевики одерживают блестящую победу над оборонцами, и С. М. Нахимсон избирается председателем районного Совета.

По воспоминаниям члена районного Совета, а впоследствии его председателя А. А. Корсак-Голубицкого: «На всех общих собраниях, на которых председательствовал т. Нахимсон, страсти всегда разгорались, так как речь его — всегда стальная, острая, колючая — безжалостно терзала правое крыло и не оставляла в руках его другого оружия, кроме ухода с собрания... Во весь рост вставал законченный работник подполья. Даже то, как он обыкновенно стоял у стола, немного согнувшись, в оборонительной позе, указывало, что он каждую минуту готов ринуться в бой. Доклады его были всегда яркими и меткими; не раз при разборе вопросов текущего момента Совет 1-го Городского района своими резолюциями выражал порицание меньшевистской тактике Петроградского Совета и этим поддерживал большевистское крыло. Конечно, руководителем прений и редактирующим резолюцию всегда был т. Нахимсон»².

Как председатель Совета 1-го Городского района С. М. Нахимсон принимает участие в образовании руководящего органа районных Советов — Междурайонного совещания.

В августе 1917 года ЦК партии большевиков командует его в XII армию. Нахимсон становится во главе большевистской солдатской газеты «Окопная правда». Один из товарищей Нахимсона по работе в газете, В. Денисенко, вспоминает: «Как редактор «Окопной правды», С. М. Нахимсон был неподражаем, и именно в лучшем смысле этого слова. Один человек, он мог заполнить всю газету, и надо сказать, что эта газета с первого и до самого последнего столбца была сплошной огонь, воспламеняющий массы... Недаром оборонцы, допускающие в своей экспедиции буржуазные и просто черносотенные газеты, наложили вето на «Окопную правду», недаром коменданты ст. Венден, Рамоцкое и т. д. иступленно рвали и жгли кипы «Окопной правды».

Семен Михайлович быстро приобретает широкую популярность в солдатских кругах и избирается первым комиссаром всех латышских стрелков и членом Искосола (Исполнительный комитет Совета XII армии). Ему удается создать «левый блок», сыгравший важную роль в большевизации XII армии. В конце сентября на заседании Искосола он пытается провести резолюцию, требующую созвать 20 октября Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, создать новое революционное правительство, которое положит конец войне, передаст землю крестьянам, обеспечит контроль рабочих над производством и распределением и т. д. Оборонческий Совет не принимает этой резолюции, и тогда отпечатанная в «Окопном набате»³, а также изданная отдельными оттисками, она широко распространяется в армии, обсуждается в отдельных полках, и ряд частей XII армии присоединяется к ней.

Работать Нахимсону приходится очень много. Днем он выступает на солдатских митингах, ночью занимается редакционной работой. 15 октября он пишет родным: «А я и не ложился. Скоро начнется конференция большевистских организаций... потом обычная работа в ночной редакции и типографии

¹ Сразу после Октябрьской революции С. М. Нахимсон вступил в ряды большевистской партии.

² Государственный Архив Октябрьской революции и социалистического строительства Ленинградской области (ЛГАОРСС), ф. 54, оп. 1, д. 11.

³ Газета «Окопная правда» после разгрома в Вендене в июне 1917 года выходила под названием «Окопный набат». — Б. Г.

«Окопного набата». Только недавно приехал домой». Так проходят дни и ночи, ночи и дни.

XII армия многое определяет в судьбах революции. Нахимсон знает это. 22 октября он пишет: «От того, кто будет руководить XII армией, зависит в значительной степени, кто, какая партия и какое направление в революции получит в необходимую минуту вооруженную поддержку от той армии (нашей), которая, являясь наиболее многочисленной и близкой к Петрограду, занимает подступы к столице...»

Октябрьское вооруженное восстание победило, но опасность по-прежнему грозит революционному Петрограду. 29 октября бюро большевистских организаций XII армии помещает в «Окопном набате» воззвание к солдатам: «Вся наша Красная революционная XII армия, конечно, не запятнает себя ни единым случаем предательства, измены оплоту и гордости революции — социалистическому Петрограду»¹.

На посту комиссара XII армии Нахимсон завоевывает не только любовь и уважение солдат, но и получает признание от идейных противников. Бывший командующий армией, генерал Новицкий говорил, вспоминая впоследствии о совместной работе с комиссаром: «В этом личном общении, в этих продолжительных беседах, признаюсь, Нахимсон производил на меня впечатление честного идейного большевика, идущего с беспощадной прямолинейностью к осуществлению своих революционных идеалов. ...Уезжая в конце ноября из армии в Псков для вступления в командование армиями Северного фронта, я с сожалением расставался в этот тяжелый политический момент с человеком, который, несмотря на всю непримиримость своих взглядов, для меня совершенно неприемлемых, сумел тем не менее создать эти сносные условия для совместной работы со мной...»

После Брестского мира штаб XII армии переезжает в г. Рыбинск Ярославской губернии. Совет Народных Комиссаров назначает С. М. Нахимсона военным комиссаром Ярославского округа и возлагает на него задачу организации кадров Красной Армии. Одновременно он работает в Ярославском Совете.

В первых числах июля 1918 года в Ярославле состоялся губернский съезд Советов, на котором председательствовал Нахимсон. В своей речи съезду он отметил трудное положение, в котором оказалась молодая Советская республика. Он говорил, что контрреволюция напрягает все силы и пытается свергнуть Советскую власть. «Убийство Володарско-

го — это не последняя жертва бешено сопротивляющейся буржуазии, но... мы не должны поддаваться панике, и мы обязаны доказать, что мы истинные революционеры. В нашей уверенности и решительности наша сила. Если не мы, то кто станет на защиту городской и деревенской бедноты...»²

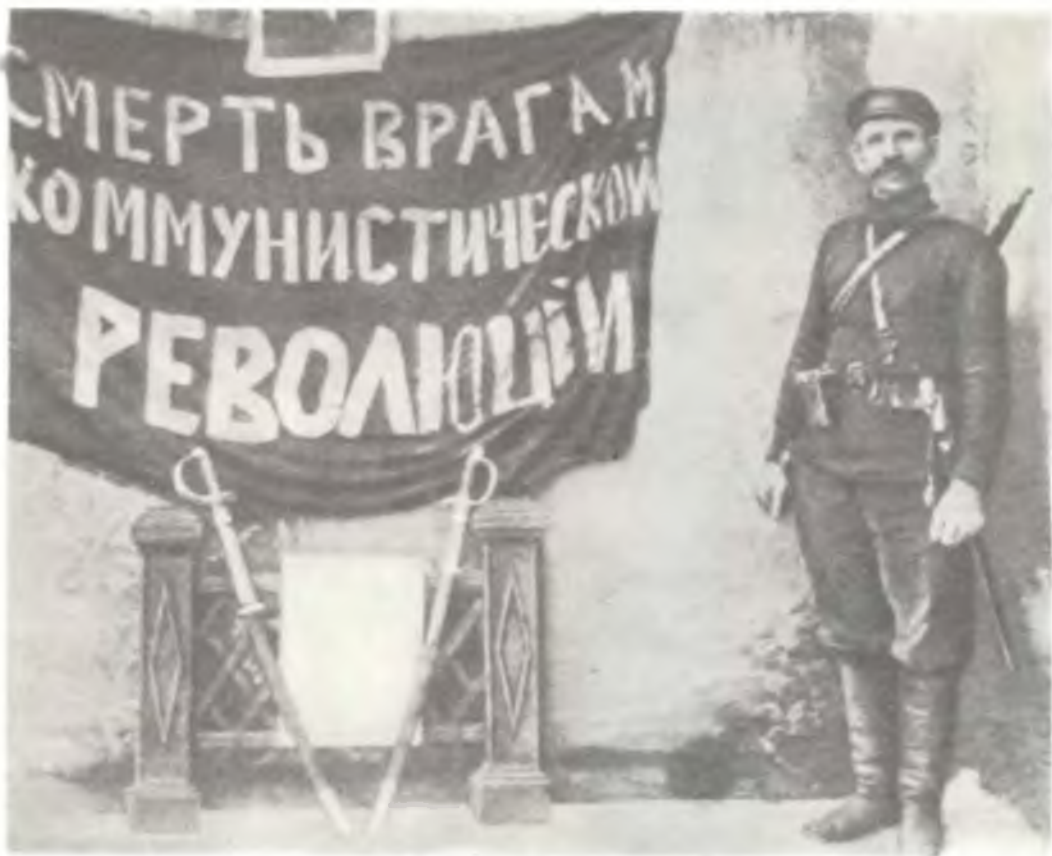
Эта речь стала последним выступлением Нахимсона. В Ярославле вспыхнул белогвардейский мятеж. Около двух часов ночи вернулся Нахимсон домой. Ему жаль было будить жену, которая приехала к нему всего неделю назад. В 7 часов утра у дверей номера гостиницы «Бристоль», где жили Нахимсоны, раздался грохот. Били прикладом в дверь. Нахимсон попросил жену спрятаться, оделся. Дверь рухнула под ударами прикладов... 6 июля 1918 года белогвардейцы расстреляли его. Надругательства продолжались и над мертвым. Труп растерзанного Нахимсона взвалили на дроги и в течение нескольких часов возили по улицам Ярославля, а затем бросили во дворе земской больницы, где он находился несколько дней. И только приближение советских войск заставило похоронить его. После подавления мятежа гроб с телом Нахимсона был перевезен в Петроград.

30 июля в Совете 1-го Городского района состоялся траурный митинг. Зал был переполнен, а к зданию Совета тянулись одна за другой все новые и новые группы с траурными знаменами. Когда гроб был вынесен и установлен на лафете, за траурной процессией двинулось несметное море рабочих и красноармейцев. Среди провожавших в последний путь С. М. Нахимсона шли члены Петроградской трудовой коммуны, Центрального и Петроградского комитетов партии, Совета 1-го Городского и других районов Петрограда, а также приехавшие из Москвы представители Совета Народных Комиссаров и Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, члены ярославской большевистской организации, представители профессиональных союзов и других организаций. На Марсовом поле, у вырытой могилы, выступил Я. М. Свердлов. Он говорил о той тяжелой утрате, которую понесла революция, призывал пролетариат теснее сомкнуть ряды и ответить на убийство своего товарища беспощадной борьбой с классовым врагом³.

¹ «Окопный набат», 29 октября 1917 г.

² ЛГАОРСС, ф. 54, оп. 1, д. 11.

³ Там же.



М. Г. Назаров у Красного знамени.

Свидетельство главкома

Весной 1919 года в штаб Восточного фронта пришел рабочий М. Г. Назаров с предложением сформировать бронепоезд с десантным отрядом.

Время было трудное. Армии Колчака наступали; Симбирск, где и находился штаб фронта, оставался почти без прикрытия.

Командующий фронтом С. С. Каменев не раз в эти дни получал предложения о формировании полка или даже дивизии, но все инициаторы формирований оказывались бессильными перед такими препятствиями, как недостаток вооружения, обмундирования, лоша-

М. Палант
Самородок



М. Г. Назаров.

дей. Поэтому понятно, что С. С. Каменев встретил Назарова с некоторым предубеждением, однако очень скоро он должен был признать себя неправым.

Предоставим слово самому С. С. Каменеву. Главнокомандующий Вооруженными Силами Советской республики рассказал об этой встрече в сборнике, посвященном четвертой годовщине Красной Армии¹.

«Товарищ Назаров оказался совсем необычным организатором. Его затея отнюдь не походила на желание создать какой-либо «лихой» отряд партизан, который в лучшем случае можно было бы впоследствии использовать на пополнение строевых частей, а в

худшем — доставлял немало забот своей требовательностью и неорганизованностью. Стремление тов. Назарова сводилось к желанию использовать своих товарищей железнодорожников, работа которых срывалась приближением врага, как вооруженную силу, дабы ими усилить слабеющие наши части. Для этой цели он и предложил сформировать бронепоезд с десантным отрядом, причем все требования его свелись к двум японским орудиям с наибольшим количеством снарядов и четырем-шести пулеметам.

На мой вопрос: «А как же быть с прочими предметами вооружения и снаряжения, без которых трудно сделать бойца?» — тов. Назаров скромно ответил: «Этого нам не надо; кое-что из вооружения имеем, а недостающее достанем на фронте: ведь там много раненых, есть и выбывшие из строя. Товарищи уже отправились на фронт и, наверное, кое-что привезут». Поразительная по тем временам скромность, а равно и разумная мысль использования местных сил и средств для усиления фронта была столь заманчива и явилась столь отвечающей моменту, что не оставалось никаких препятствий к признанию такой самостоятельности самым правильным подходом к создавшейся обстановке, и тов. Назаров немедленно получил просимое разрешение, а равно и средства.

Закончив эти принципиальные разговоры, я поинтересовался узнать, как мыслит себе тов. Назаров работу бронепоезда с десантом. Задавая ему этот вопрос, я далек был от мысли производить ему какой-либо экзамен; я только интересовался планом работы десанта, которых в то время при наших бронепоездах совсем не было. Объяснения, которые я получил от тов. Назарова, убедили меня в том, что в лице тов. Назарова мы имеем ту одаренную натуру, какую смело можно поставить среди тех, кого справедливо называют самородками. «Прежде всего, — сказал он, — бронепоезд в одиночку работать не может. Это батарея артиллерийская и пулеметная. Батарею свою я должен выдвинуть вперед и поставить ее так, чтобы вести по противнику продольный огонь. Противник, попав под такой огонь, не выдержит и подается назад. Тогда пусть наша цепь наступает, а я с бронепоездом продвину вперёд».

«Правильно, товарищ Назаров, — неволь-

¹ «Сборник воспоминаний к четвертой годовщине Рабоче-Крестьянской Красной Армии. 1918—1922». М., 1922, стр. 4—7.

но перебил я, — но для чего же тогда вам десант?»

«Как для чего? — ответил тов. Назаров. — Без десанта выдвинутый поезд не удержится и вынужден будет отойти. Ведь из каждой деревни в него будут палить, и надо из этих деревень повыбивать противника затем, чтобы вести разведку для следующего передвижения».

Поясняя это, тов. Назаров набросал схемку. «Кроме десанта, товарищ Каменев, — продолжал тов. Назаров, — мне нужно организовать ремонтную летучку, вооруженную пулеметами. Летучку я пушу вперед, она или осветит мне, что путь исправлен, или исправит его. В летучке будет один вагон, вооруженный пулеметами, там же будет часть десанта, ну и, конечно, там же будут ремонтные рабочие и материал. Рабочие будут вооружены. Исполнив свою задачу, летучка уйдет назад, и ее заменит бронепоезд, а летучку буду держать позади на случай, чтобы противник не испортил в тылу полотна да не отрезал бы бронепоезд».

На этом мы закончили свою беседу. Передо мной открылся новый прием работы бронепоездов и совершенно неожиданно отыскался самородок военного дела.

Уже после того, когда мы разбили Колчака и вновь собрались овладеть Уфой, тов. Назаров приехал и привез с собой рапорт о разрешении расформировать свой бронепоезд, так как задача была им выполнена, а железная дорога теперь особенно нуждалась в рабочих. Разрешение на расформирование поезда ему было немедленно дано; причем я, конечно, поинтересовался, какие боевые задачи и когда выпали на долю бронепоезда.

Тов. Назаров с гордостью сообщил, что общий, решительный переход в наступление на симбирском направлении был начат выдвиганием его поезда, и затем, что работа его поезда была именно такая, какую он рисовал мне в первое наше свидание. Одновременно он показал схемки тех боевых положений, какие поезд занимал в период интереснейших боев нашего наступления. К глубочайшему моему сожалению, эти схемки у меня не сохранились, и я воспроизвести их по памяти не могу.

По этой причине я вынужден окончить свою заметку. Хотелось бы только еще сказать, почему именно этот эпизод, а не другой захотелось мне запечатлеть в день «воспоминаний». Дело в том, что самодеятельность является, пожалуй, одной из наиболее ярких черт в истории Красной Армии.



С. С. Каменев.

В этом небольшом примере я хотел указать, откуда и как эта самодеятельность шла в Красную Армию. Она шла извне в лице тех одаренных рабочих, которые не могли оставаться равнодушными к деятельности Красной Армии и прилагали все свои силы, чтобы хоть что-нибудь свое вложить в дело борьбы, в которой побежденными остаться было нельзя.

В 4-ю годовщину, в день «воспоминаний» я шлю всем товарищам «Назаровым» свой пламенный привет и был бы очень счастлив, чтобы эти строки дошли до того товарища Назарова, о котором здесь велась речь».

Свидетельство главнокомандующего чрезвычайно инте-

ресно. Человек, окончивший Академию генерального штаба, прошедший путь от царского полковника до одного из высших руководителей Красной Армии, имеющий опыт первой мировой и гражданской войн, получает урок военного дела от простого рабочего. Уже одно это обстоятельство вызывает пристальный интерес к Назарову, к истории его жизни. Важно и другое — известная типичность Назарова. Недаром Каменев при переиздании называет свою статью «Привет назаровцам». «Самодетельность» — инициатива и активность, характеризующие Назарова, были свойственны передовым рабочим—авангарду пролетарской революции. Именно эти качества помогли бойцам Красной Армии победить сильных и многочисленных врагов.

Но кто же этот самородок? Какие жизненные «академии» довелось ему пройти? Как сложилась его дальнейшая судьба? Сохранились ли документы о жизни этого человека?

В 1924 году в Уфе местный испарт издал сборник «Былое Урала» № 3, посвященный памяти Владимира Ильича Ленина. В этой ставшей теперь редкостью книжечке (тираж 1000 экземпляров) перепечатаны воспоминания С. С. Каменева о встрече с Назаровым. А по соседству со статьей главкома помещены мемуары «Биография и партийная работа». Автор записок — Назаров. Мемуары написаны неровно, негладко, «не причисаны» литературно, но это интереснейший человеческий документ. Другим источником — не менее важным, чем записки, доведенные Назаровым до мая 1919 года, — являются документы и материалы, хранящиеся в архиве города Златоуста Челябинской области. Итак, обратимся к биографии М. Г. Назарова.

Анкетные данные

Фамилия — Назаров. Имя — Михаил.
 Отчество — Григорьевич.
 Дата рождения — в 1878 году, 1 ноября.
 Образование — низшее.
 Национальность — русский.
 Профессия до революции — слесарь-машинист.
 Партийность — член ВКП(б) с 1905 года.
 Партибилет № 0508026.

Из анкеты комиссии по проверке красных партизан, красногвардейцев и их семей. На анкете, заполненной Назаровым в 1932 году, имеется штамп «Проверен комиссией партизан»¹.

«О революции не нужно говорить, ее нужно делать»

Сын крестьянина-бедняка Симбирской губернии, Михаил Назаров, 14 лет от роду, должен был отправиться в Казань на заработки. Там начались его «университеты». Он работал учеником на заводе Крестовниковых, плавал по Волге и Каспию в машинном отделении пароходов «Могучий» и «Меридиан», наконец стал слесарем в железнодорожном депо в Златоусте.

В революционное движение он вступил в 1903 году. С тех пор стачки, вооруженные столкновения, обыски, аресты, гибель товарищей, повседневная кропотливая партийная работа заполнили жизнь Михаила Назарова.

Наступил 1917 год. «Я был избран от горнозаводской ветки делегатом на первый съезд профессионального союза паровозных бригад, который состоялся в Москве, — пишет М. Г. Назаров. — Съезд продолжался 10 дней большого значения не имел, обсуждались исключительно шкурные вопросы».

Под «шкурными вопросами» Назаров имеет в виду экономические требования профсоюза паровозных бригад, которые были выработаны на майском съезде 1917 года в Москве.

«После 2-го заседания (съезда) я встретил Пятницкого², старого нашего подпольного работника... т. Пятницкий в беседе со мною дал мне наказ работать в низах и помог приобрести необходимую литературу для нашей работы... По возвращении в Златоуст я привез кипу политических материалов. Работа кипела в низах, опровергая все походы и выпады эсеро-меньшевистского течения. Мы свято выполняли завет нашего мирового вождя В. И. Ленина, который сказал: «О революции не нужно говорить, ее нужно делать».

В дни Октябрьского восстания внимание Назарова всецело приковано к Петрограду. Его, как и других большевиков-железнодорожников,

¹ Златоустовский архив, дело Р-348-1-142, лист 1.

² Пятницкий Иосиф (Осип) Аронович (1882—1939) — видный работник большевистской партии, член РСДРП с 1898 года. Активный участник первой русской революции. Неоднократно подвергался репрессиям. В октябре 1917 года — член боевой партийной «пятерки» в Москве. После революции — председатель объединенного профсоюза железнодорожников, секретарь МК РКП(б), член Центрального Контрольного Комиссии, член ЦК ВКП(б), секретарь Исполкома Коминтерна.

рожников, возмущает предательская позиция Викжеля. Этот эсеро-меньшевистский исполком, выбранный I-м общежелезнодорожным съездом еще в августе, объявил в дни октябрьских боев о своем «нейтралитете». Пролетарии стальных магистралей бьют тревогу, требуют созыва Чрезвычайного Всероссийского съезда железнодорожных рабочих и мастеровых. 30 ноября 1917 года М. Г. Назаров был избран делегатом съезда от железнодорожников заводской ветки Златоустовского казенного завода.

Съезд открылся в Петрограде, в здании Института инженеров транспорта 12 декабря 1917 года. На нем присутствовали 279 делегатов от более чем 393 тысяч рабочих. Большевиков среди делегатов было 161, сочувствующих большевикам — 22.

На второй день работы съезда, 13 декабря, перед делегатами выступил В. И. Ленин. «Только общими усилиями с вами мы сумеем сломать беспорядок и укрепить власть рабочих, солдат и крестьян, — сказал он. — Советская власть только и держится на поддержке широких трудовых масс. Мы уверены, что настоящий железнодорожный съезд закрепит власть народных комиссаров созданием такой организации, которая поможет нам в борьбе за мир, землю»¹.

Выполняя ленинский наказ о создании новой железнодорожной организации, делегаты Чрезвычайного съезда рабочих и мастеровых приняли участие в работе II общежелезнодорожного съезда, открывшегося 18 декабря.

«На втором заседании съезда, — пишет Назаров, — происходит раскол по вопросу о правящей власти. Одни стояли за Советскую власть, а другие за «учредилку». После раскола левая часть съезда объявила себя правомочной, выдвинув резолюцию: «Вся власть Советам!»

За этими скупыми строчками стоят дни, полные ожесточенной политической борьбы. Съезд потратил больше двух недель на проверку мандатов, выборы президиума и «текущий момент». Правые эсеры двинули в бой по «текущему моменту» таких своих лидеров, как Чернов, Чайковский, Церетели. Железнодорожники, по их мнению, были как раз той силой, которая может заставить Советскую власть капитулировать перед Учредительным собранием. Позицию большевиков защищал В. Володарский.

5 января 1918 года по всей сети железных дорог была отправлена телеграмма: «В ночь с 4 по 5 января среди членов... железнодорожного съезда произошел раскол по воп-

росу о признании власти Советов. Позиция правой части съезда, не признающей Советской власти, втягивающая всю железнодорожную армию на путь политической авантюры, саботажа и преступного сопротивления власти рабочих и крестьян, отвергнута левой частью, в виде протеста покинувшей зал... Левая часть съезда считает, что железнодорожники, всегда составлявшие авангард революционной армии, не могут отступить от позиций, завоеванных революционными классами в октябрьские дни, и поэтому твердо стоят на точке зрения признания власти Советов»².

Левая часть, организовавшая новый, Чрезвычайный съезд, избрала вместо обанкротившегося Викжеля новый Всероссийский исполнительный комитет железнодорожников — Викжелдор. Заседания этого съезда, а особенно выступления В. И. Ленина и других лидеров большевиков произвели на Назарова большое впечатление.

«Эта воплощенная сила рабочего класса, как титаны, рушили старый государственный строй буржуазии и крепили новый строй власти рабочих, их диктатуры».

Конец 1917 — начало 1918 года стали большой политической школой для Назарова. Речи В. И. Ленина, которые не раз ему доводилось слышать, жаркие схватки на съездах, участие в разгоне контрреволюционных сторонников «Учредилки» на Литейном проспекте в Петрограде — все это дало Михаилу Григорьевичу новую закалку для дальнейшей борьбы. Назаров отправляется «делать революцию» на Урал.

«Получив задания от Викжелдора, я отправился в Златоуст с полным стенографическим отчетом съездов». Кроме стенограмм, Михаил Григорьевич вез также полученное в Петрограде оружие.

«По прибытии в Златоуст я немедленно созвал собрание в железнодорожном клубе, обрисовал положение нашей республики, ознакомил рабочих со съездом, зачитал стенографический отчет, после чего была вынесена резолюция, принятая в Петербурге на съезде. Соглашатели... были выброшены с нашей дороги. Затем я провожу собрание в городе в нашей партии, где делюсь материалами о...

¹ Ленин В. И., Поли. собр. соч., т. 35, стр. 168.

² Центральный государственный архив Октябрьской революции (ЦГАОР СССР), фонд 5498, дело 22, лист 54.

съезде Советов, о событиях и нашей задаче, после чего принимаем решение бороться с эсеро-меньшевистским Советом в Златоусте».

Руководители златоустовских большевиков разрабатывают боевой план. Три отряда красногвардейцев — городских (командир — В. Ковшов¹), железнодорожных (командир — М. Назаров) и челябинских (командир — С. Елькин²) в ночь на 17 марта 1918 года занимают эсеро-меньшевистский штаб в доме горного начальника.

В этой операции, как пишет М. Назаров, участвовали 100 красногвардейцев (80 пехотинцев и 20 кавалеристов) при четырех пулеметах³.

Красногвардейцы разоружили боевую дружину соглашателей. Власть перешла к ревкому, затем был избран местный Совнарком, утвердивший в Златоусте диктатуру пролетариата.

«Выполнив возложенную на меня работу Викжелдором и нашей РКП(б) в Златоусте, я отправился в Москву, в Нижелддор⁴, к которому был прикреплен. Потом получил задание по эвакуации железнодорожного транспорта с юга, где проводилась демобилизация старой армии. С мандатом и инструкцией от НКПС я отправился в Донбасс».

Преодолевав хаос разрухи и саботаж, Михаил Григорьевич налаживает продвижение составов с грузом. Вернувшись в Москву, он немедленно получает новое задание. «На заседании Всероссийского исполнительного комитета ж. д., где обсуждался вопрос о тяжелем продовольственном положении нашей республики, было решено командировать членов Викжелдора на юг России для продвижения продовольственных грузов. В этой командировке принял участие и я».

В начале лета 1918 года Назаров отправляется в район Царицына. О том, в каких условиях приходилось отправлять тогда поезд с хлебом для Москвы и Питера, свидетельствует справка, написанная на станции Балашиха 14 июля 1918 года:

«Большая работа проделана отрядом по борьбе с саботажем передвижения продовольственных грузов и поездов в Центр.

Отряд находился при двух пулеметах.
М. Назаров»⁵

Отряд железнодорожников вошел в состав Красной Армии под Царицыном, а Михаила Григорьевича вновь отозвали в Москву. Но недолго пробыл он в столице. Разгорался пожар гражданской войны.

«С лозунгом «Все на фронт!» созывается экстренное собрание в Большом театре... Все-

российский исполнительный комитет командирует меня на линию чехословацкого фронта для организации железнодорожников в вопросах транспорта и политического аппарата. Получив инструкцию, я отправился в Симбирск, установил там связь с губкомом и полкомом...»

Опыт, накопленный за короткое, но чрезвычайно бурное время грозного восемнадцатого года, позволил Михаилу Григорьевичу выступить теперь в качестве настоящего политического комиссара. Он становится организатором и председателем партийного комитета Волго-Бугульминской железной дороги, неумолимо создает партячейки на дорожной сети.

«На станции Часовня Нижняя (поселок) я встретил преданных Советской власти рабочих. Организовал там ячейку нашей партии, то же самое сделал в Киндяковке, Часовне Верхней. Втянул в работу управление Волго-Бугульминской железной дороги. После районного собрания был создан комитет РКП Волго-Бугульминской железной дороги, который выдвинул стойких товарищей в управление... В непродолжительном времени были организованы ячейки в Мелекесе, Нурлате, Бугульме, Кандрах, Чижмах. Я устанавливаю связь с ячейкой патронного завода для контактной работы, информирую губком об организационной работе, передавая туда все протоколы. Таким путем была достигнута об-

¹ Ковшов Виталий Дмитриевич (1894—1920) — активный работник златоустовской организации большевистской партии. В 1917 году возглавлял Военно-революционный комитет в Златоусте. Участник гражданской войны — командир кавалерийского полка, комиссар дивизии, начальник штаба дивизии, командир кавалерийской бригады. Награжден двумя орденами Красного Знамени. Погиб в боях под Мозырем в ноябре 1920 года. Похоронен в Москве, у Кремлевской стены на Красной площади.

² Елькин Соломон Яковлевич (1888—1918) — уральский революционер-большевик. В 1917 году — председатель Челябинского Совета рабочих и солдатских депутатов. Во время гражданской войны — командир красногвардейских отрядов. Погиб в бою с белогвардейцами под станцией Бузулук.

³ Златоустовский архив, дело Р-208-1-5, лист 35.

⁴ Исполком рабочих Николаевской (ныне Октябрьской) железной дороги.

⁵ Златоустовский архив, дело Р-208-1-5, лист 22.

щая работа с губкомом. Одновременно высылаю все сведения о транспорте и в Москву, Викжелдору. Попутно открываю клуб РКП(б) и библиотеку, достаю большое количество книг... Организуем всеобщую...»

Назарову удается сделать многое. Коммунисты поднимают массы железнодорожников на успешное восстановление транспорта:

«Все вагоны и оставшиеся паровозы были отремонтированы и пущены в ход, восстановлена передача грузов и красноармейских частей через Волгу на баржах, так как Волжский мост был подорван белогвардейцами. После осмотра... работ, произведившихся на Волжском мосту... через губком и губсовнархоз достали необходимые материалы для ремонта моста. Таким путем было восстановлено движение поездов через Волжский мост по Волго-Бугульминской желдороге... Я, как председатель комитета РКП(б), смело скажу: за январь месяц (1919 г.) вывезено хлеба с Волго-Бугульминской ж. д. 1 200 000 пудов, за февраль — 960 000 пудов (по имеющимся сведениям грузоотправлений)».

Но вот на берегах Волги вновь слышится сигнал боевой тревоги — весной 1919 года армии Колчака переходят в наступление.

Пора опять братья за оружие.

Газетная хроника

«Из действующей армии. Собрание красноармейцев бронепоезда имени тов. Назарова. ...Красноармейцы решили все, как один, примкнуть к коллективу сочувствующих партии коммунистов...»

Председатель собрания — М. Назаров».

Симбирская газета «Заря» от 3 июля 1919 г.

«Партийная жизнь»

«...Все вновь принятые товарищи коммунисты находились в рядах доблестной Красной Армии и добровольно на бронепоезде тов. Назарова отбивали г. Златоуст».

Из письма райкома Златоустовской железнодорожной организации РКП(б) в Главполитпуть. «Известия ВЦИК» от 19 октября 1919 г.

«Выполнение трудной задачи я взял на себя»

Действовать надо было быстро, решительно.

«Из Чишмов идут сведения: Колчак наступает. Тов. Жигмунд, занимавший пост начальника военных сообщений Востфронта, дает

мне задание по эвакуации подвижного состава и всего железнодорожного инвентаря. Я немедленно созываю районное собрание нашей партии, информирую о создавшемся положении на Волго-Бугульминской ж. д., намечаю план предстоящей работы. На собрании было избрано 20 стойких товарищей для эвакуации и борьбы с саботажем. В броневом вагоне я с ними приезжаю на ст. Мелекес, где также провожу собрание железнодорожников с представителями городских и воинских организаций, намечаю план наших работ, после чего, не теряя времени, еду в Бугульму. Здесь узнаю, что противник занял ст. Туймаза. Собираю партийное собрание ст. Бугульма с представителями укома и гарнизона особых частей. Создается военно-революционный комитет. Мобилизуем отряд коммунистов от уездкома, который вливается в железнодорожный отряд, и отправляем на фронт».

Формирование боевых частей и отправка их на фронт не входили в обязанности Назарова, командированного «для борьбы с саботажем и для содействия в случае надобности эвакуации станций»¹.

Однако он не мог отступить в стороне от главного. А главным в ту пору, конечно, было остановить колчаковцев, бешено рвавшихся к Волге. Вместе с сформированным им отрядом Михаил Григорьевич отправляется на станцию Ютаза, где находился штаб единственного соединения Красной Армии, прикрывавшего в тот момент направление Чишмы — Симбирск, — бригады тов. Блажевича. Подкрепление оказалось весьма своевременным.

«Тов. Блажевич немедленно использовал наши силы. Часть отряда из боевиков была послана в распоряжение т. Серебрякова, в его батарею, которая стояла на открытых платформах в поезде, в количестве 5 орудий. Последние были не приспособлены к правильному действию с поезда, поэтому пришлось выполнить довольно сложную техническую работу, чтобы можно было орудия повертывать на платформах. Из второй половины отряда был сформирован головной строительный отряд для восстановления транспорта... Под прикрытием артиллерийского огня наши части перешли в наступление. В результате неприятель был отброшен к ст. Кандры и при отступлении сжег мост через реку Ик. Ровно через

¹ Златоустовский архив, дело Р-208-1-5, лист 20.

9 часов головным отрядом железнодорожников был этот мост восстановлен, и разрушенная ст. Туймаза была в наших руках.

Вскоре после взятия Туймазы поступают сведения, что белогвардейцы обошли советские части и появились у них в тылу. Отряд Назарова вновь направляется к станции Ютаза вместе с пушками на платформах.

«Прибыли на ст. Ютаза, повернули орудия и открыли огонь по занятым белогвардейцами местностям. Командовал командир Петроградского полка т. Вострецов¹. Неприятель был отброшен за станцию Ютаза... Тов. Блажевич по военным соображениям стал отходить на правый фланг к Белебюю... Последним отошел с досадой наш коммунистический отряд, уничтожив весь оставшийся подвижной состав на ст. Ютаза. Долго светило огромное зарево пожара от горящих вагонов. Благодаря умелым действиям тов. Вострецова окруженные противником отряды т. Блажевича и другие части, не потеряв ни одного красноармейца, вышли из кольца».

Бои у станций Ютаза и Туймаза показали Назарову, какой грозной силой оказалась артиллерия, используемая с железнодорожных платформ. Сочетание мощного огня с подвижностью — в этом-то и заключалась основа успеха. Сформировать такую батарею снова? Нет. Михаил Григорьевич понял и другое: просто платформы слишком уязвимы, необходимы бронированные вагоны. Нельзя также ставить на вагоны любые пушки: требуются орудия, специально приспособленные для этой цели. Наконец, опыт совместных действий коммунистического отряда железнодорожников с батареей на платформах подсказал Михаилу Григорьевичу идею организации постоянного прикрытия («десанта») при бронепоезде. Вывод напрашивался сам собой: как можно скорее создать бронепоезд и двинуть его на фронт. Со всей своей неукротимой энергией Назаров немедленно принимается за дело.

«На очереди был вопрос о создании бронепоезда, так как ни одного на Волго-Бугульминской ж. д. не было. Выполнение этой трудной задачи я взял на себя... Надеясь создать десант при бронепоезде, я прибыл в Симбирск, собрал районное партийное собрание, сделал доклад о работе на фронте и о создавшемся положении на Волго-Бугульминской ж. д. На собрании было вынесено решение создать бронепоезд. В ту же ночь устроили субботник, работали до утра, приспособив 4 вагона. Особенно должен отметить работу тт. Тарасова, Осипова и др. Наутро были го-

товы 2 американских двухосных вагона с двумя стенками и достаточным количеством бойниц как для пулеметов, так и для винтовок, кроме того, две платформы для орудий и бронешаши для хранения снарядов и прикрытия команды. Оборудованный бронепоезд был отправлен в балластный карьер для засыпки песком пространства между стенками».

Итак, проблема бронирования вагонов была разрешена подручными средствами — металл и песок имелись у железнодорожников. Но вот собственных пушек у них, конечно, не оказалось.

«Наш бронепоезд был еще без орудий, и я отправился в артиллерийский склад, где мне ответили, что все орудия распределены по распоряжению Реввоенсовета Востфронта. Оказалось свободным только орудие в губвоенкомате — японского образца, которое комиссией было не принято для фронта. При выстреле оно сильно сдавало, зарываясь в грунте земли, что крайне тормозило работу. Это меня несколько не успокоило. Я отправился в военкомат. Военком разрешил осмотреть орудие, стоящее в парке. Сверх моих ожиданий оказалось, что орудие возможно было на платформе достаточно хорошо приспособить для действия. Не чуя от радости ног под собой, я явился в Реввоенсовет Восточного фронта. Ждать пришлось недолго... Я подробно изложил мой проект относительно приспособления японского орудия на платформе и доказал, что использовать его возможно и очень легко. Тов. Каменев тут же наложил резолюцию о выделении двух орудий для бронепоезда и пожелал мне успеха. Не могу описать своей радости — так я был доволен благополучным и скорым достижением цели».

Работа кипела, все делалось молниеносно. «В управлении Волго-Бугульминской ж. д. я дал наряд о доставке двух приспособленных платформ к пакаузу и распорядился в райкоме о сборе товарищей на фронт. В губвоенкомате вручил резолюцию командующего Восточным фронтом т. Каменева, и через два часа, громяхая, орудия следовали по камени-

¹ Вострецов Степан Сергеевич (1883—1932) — рабочий, кузнец, член партии с 1905 года. С 1918 года — на гражданской войне, где прошел путь от помощника командира роты до командующего ударной группой при легендарном штурме Спасска в 1922 году. Награжден четырьмя орденами Красного Знамени. После гражданской войны — командир дивизии, затем корпуса.

стой улице Симбирска на погрузку для бронепоезда, в сопровождении добровольца-артиллериста и пулеметчика с командиром батареи т. Воронковым и командиром пулеметной роты т. Бобруйским, с 6-ю пулеметами от Симбирского губвоенкомата. Через час погрузка была закончена, и бронепоезд свисток паровоза известил подход поезда к Часовне Нижней, где уже ожидали 60 коммунистов в боевом снаряжении. Были выдвинуты бронев вагоны с бойницами для пулеметчиков и 5 вагонов для бойцов. Мы немедленно напрягли все свои силы и с быстротой, какую только мог развить паровоз, помчались на помощь товарищам. Попутно из ячеек нашей партии по Бугульминской дороге мы увеличивали боевую силу. На станции Нурлат был сформирован головной строительный поезд с достаточным количеством квалифицированной силы и материалами. При нем находился санитарный вагон с персоналом и медикаментами, вагон-пекарня и кухня, месячный запас продовольствия по расчету на 200 красноармейцев и весь необходимый инвентарь, также достаточное количество телефонов для связи с частями. Одним словом, все, что имелось, было двинуто на защиту рабоче-крестьянского правительства».

Прибыв на фронт, Назаров явился в штаб 3-й бригады 27-й стрелковой дивизии. Командир бригады Г. Д. Хаханьян¹ тут же дал Назарову боевое задание.

«Нужно заметить, что фронт наш был очень слаб. Я немедленно получил приказание выбить противника из деревни Девидеровка. По деревне было выпущено 30 снарядов. Через 20 минут она опустела. Белогвардейцы в беспорядке бежали по разным направлениям. Картину бегства видели наши бойцы. Подъем духа был небывалый. Я наблюдал за противником, который отошел за пределы артиллерийского огня, но вдруг случилось для нас нечто неожиданное. В трех саженях от нашего бронепоезда поднялся столб вихря, это пролетел неприятельский снаряд, затем другой справа и слева. Раздалась команда: «Номера по местам!» Поезд был двинут на 50 саженей вперед, и перед нашими глазами появился из-за опушки леса белогвардейский броневик, по которому нами был открыт артиллерийский огонь. Наши артиллеристы стреляли очень искусно. С двух снарядов неприятельский броневик был сбит с пути. В это время показала неприятельская цепь справа. Мы выпустили по цепи 15 шрапнельных снарядов. И все замолкло. Настала тишина...»

На этот раз бронепоезд все же получил

приказ об отходе. Однако вскоре на фронте наступает перелом. С клятвой «победить или умереть» бойцы Назарова пошли в решительный бой.

«Неприятель сосредоточил против нас крепкие силы при поддержке своей артиллерии,— пишет Назаров. — После упорного четырехдневного боя мы заставили замолчать колчакскую батарею. Нами было выпущено 1 000 снарядов по неприятельским цепям и заставам. Враг не выдержал напора нашей доблестной Красной Армии и ураганного огня наших броневых сил, был разбит наголову и бежал, преследуемый нашими частями.

Многих товарищей недосчитались мы здесь. Они погибли в бою за рабочее дело... Слава оставшимся товарищам и вечная память погибшим в бою!»

«Задачи выполнил с честью»

Красная Армия наступала. Бронепоезд Назарова успешно участвовал в боях против Колчака. В автобиографии, которая хранится в архиве, Михаил Григорьевич писал: «Фронт прошел от Симбирска до Челябинска»².

За выдающиеся заслуги в борьбе с колчаковщиной М. Г. Назаров был удостоен высшей в то время награды — ордена Красного Знамени. По-своему наградили героя и бойцы — именем Назарова они назвали организованный им бронепоезд.

Головной строительный отряд, который также возглавлял Михаил Григорьевич, действовал весьма активно. Им было восстановлено 16 железнодорожных мостов, две мастерские ремонта разбитых вагонов, 400 верст железнодорожного полотна, отремонтировано 8 паровозов, 4 водокачки, восстанавливалась и железнодорожная связь³.

Златоуст был освобожден от белогвардейцев частями 26-й стрелковой дивизии 13 июля 1919 года. Вместе с передовыми частями в город вошел и Назаров. Михаил Григорьевич возглавляет железнодорожный ревком — дея-

¹ Хаханьян Григорий Давидович (1895—1939) — член большевистской партии с 1917 года. Участник штурма Зимнего дворца. В период гражданской войны — комиссар дивизии, командир бригады, помощник начальника дивизии. После войны — крупный армейский политработник. Награжден тремя орденами Красного Знамени.

² Златоустовский архив, дело Р-348-1-142, лист. 4.

³ Там же.

тельно руководит восстановлением транспорта, организует первый на станции Златоуст коммунистический субботник. Однако полностью заняться мирным трудом ему еще не удается — гражданская война не закончена. И в сентябре 1920 года Назаров снова выступает на фронт, на этот раз внутренний, комиссаром железнодорожного коммунистического отряда по борьбе с бандитизмом в Тамьян-Катайском кантоне Верхне-Уральской области. Лишь после этого этапа в 1921 году Назаров смог полностью заняться мирной профессией — подняться на паровоз.

Отремела война, но слава о боевых подвигах самородка все жила. Сергей Сергеевич Каменев написал свои воспоминания к четвертой годовщине Красной Армии. В них, как мы помним, главком выразил надежду, что его строки дойдут до Назарова. А в канун пятой годовщины, 22 февраля 1923 года, на торжественном собрании в Златоусте Михаилу Григорьевичу вручили именную шапку за героизм от Революционного Военного Совета республики. На этом же собрании говорили и о статье главкома — Назаров узнал о лестной оценке его боевых заслуг. К стати сказать, к ним прибавились и трудовые: Михаил Григорьевич первым из златоустовских железнодорожников получил почетную грамоту «Герою труда».

Мирная работа М. Г. Назарова еще раз была прервана.

«В 1929 году разразившийся конфликт на Китайской ж. д. расшевелил старые раны, я не мог усидеть, стал просить окружком отпустить меня на Дальний Восток, в свою часть, под родные знамена 26-й Златоустовской дивизии. Окружком дал свое согласие, рабочие выбрали единогласно»¹.

Надо сказать, что тогда на Дальний Восток брали далеко не всех добровольцев. Командующий Особой Краснознаменной Дальневосточной армией В. К. Блюхер говорил: «Мы получаем целые потоки писем от добровольцев и если их всех взять, то Особая стала бы в пять раз больше, чем теперь. В этом нет никакой надобности. Хотя Особая и немногочисленна по сравнению с белокитайской армией, но она достаточно крепка для защиты советских границ»².

Однако М. Г. Назаров оказался в числе наиболее нужных добровольцев, которые влились в состав войск. «Весь конфликт прошел в Приморской группе на бронепоезде с 1-й Тихоокеанской и 26-й дивизиями. Те задачи, которые были возложены на меня ВКП(б) и рабочим классом, и задания Реввоенсовета ОКДВА выполнил с честью»³.

За боевые действия при разгроме белокитайских милитаристов М. Г. Назаров был награжден вторым орденом Красного Знамени.

Умер Михаил Григорьевич Назаров в 1932 году. Похоронен он в Златоусте у самых железнодорожных путей, на том месте, где в мае 1918 года красновардейцы дали бой белому эшелону. Крепко поставлена на каменном постаменте литая фигура рабочего. В одной руке он держит молот, в другой — винтовку.



¹ Златоустовский архив, дело Р-348-1-142, лист 4.

² В. Душенькин, От солдата до маршала. М., 1964, стр. 184.

³ Златоустовский архив, дело Р-348-1-142, листы 4—4 об.

быть, так бы и засох на никому не нужной символике».

Все новые и новые факты творческой биографии поэта, новые документы и материалы о литературно-общественной деятельности Есенина в годы революции становятся известными в наши дни.

«О Русь, взмахни крылами»

Время было героическое, но неизмеримо трудное. Над страной нависла угроза интервенции, блокады. Все больше давала знать о себе разруха. Казалось, о каких памятниках в такое время может идти речь. Но за три месяца поистине было сделано невозможное: не только созданы и утверждены десятки проектов памятников, но изготовлены и установлены сами монументы!

Воскресенье 3 ноября. На площадях и улицах Москвы идет спешное приготовление к Октябрьским дням.

В уличных толпах чувствуется какое-то приподнятое настроение: не слышно разговоров о хлебе, всюду с жаром обсуждаются телеграммы утренних газет, рождаются имена героев дня: поэтов Шевченко, Кольцова, Никитина и героя французской революции Робеспьера.

Памятники Кольцову и Никитину воздвигнуты недалеко друг от друга у кремлевской стены. В ожидании открытия построены воинские части, оркестры, делегации от рабочих организаций. Много знамен с революционными лозунгами, венки от трудовой единой школы: «Певцу народной печали Кольцову», «Певцу народной бедноты Никитину» и др.

Памятник Кольцову открыл председатель Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов, его, как указывалось в «Известиях», «сменил поэт-футурист Есенин». Об этом выступлении Есенина сохранились воспоминания писателя Ивана Белоусова. «При открытии памятника Кольцову, — рассказывает он, — Сергей Есенин, молодой, задорный, читает свое стихотворение, стоя у подножия памятника. И как сейчас вижу его фигуру с поднятой смело головой, слышу его голос, бросающий в толпу новые слова:

О Русь, взмахни крылами,
Поставь иную крепь!
С иными именами
Встает иная степь.
По голубой долине,
Меж телок и коров
Идет в золотой ряднине
Твой Алексей Кольцов...

Юрий Прокушев

Сергей Есенин в 1918 году

Кадры старой кинохроники 1918 года. Всего несколько метров документальной ленты. Потускневшие от времени изображения, все в паутине каких-то белых полос и царапин.

На экране Сергей Есенин. Вот он перед нами. Живой. Неповторимый. Ветер играет в копне его золотистых волос. Он снят крупным планом. Во всем его облике удивительная естественность и простота. Весь он как бы светится изнутри.

А вот Есенин, со всех сторон окруженный людьми. Их много, очень много, особенно молодежи. Они пришли на открытие памятника поэту Алексею Кольцову.

В те дни молодая Республика Советов готовилась торжественно отметить первую годовщину Великого Октября.

Поэзия Октября... Это и вдохновенно-призывные ритмы блоковской поэмы «Двенадцать», и полные безграничной веры в революцию чеканные строки «Левого марша» Маяковского, и бунтарские, богоборческие стихи Сергея Есенина о революционном преображении России:

Сойди, явись нам, красный конь!
Впрягись в земли оглобли.

.....
Мы радугу тебе — дугой,
Полярный круг на сбрую,
О, вывези наш шар земной
На колею иную.

Октябрь озарил есенинскую поэзию новым светом, и поэт сумел сказать свое правдивое слово о Руси Советской. «Не будь революции, — подчеркивал Есенин, — я, может



Открытие мемориальной доски у кремлевской стены.

А там, за взгорьем смолым,
Иду, тропу тая,
Кудрявый и веселый
Такой разбойный я.

Призывно звучат заключительные строки стихотворения:

Довольно гнить и ноять
И славить взлетом гнусь —
Уж смыла, стерла деготь
Воспрянувшая Русь.

Уж повела крылами
Ее немая крепь!

С иными именами
Встает иная степь.

Фигура Есенина возвышается над толпой, которая слушает его с огромным вниманием. Кажется, люди подняли и держат поэта на своих руках.

Именно этот знаменательный момент у памятника Кольцову мы видим на старой документальной ленте.

«Спите, любимые братья...»

7 ноября 1918 года. «К 11 часам Красная площадь запружена народом. Раздаются звуки «Интернационала», и стройными рядами



Фрагмент мемориальной доски «Павшим в борьбе за мир и братство народов» работы С. Т. Коненкова.

начинают прибывать войска. С Театральной площади направляется колонна Всероссийского ЦИК. Она останавливается у кремлевской стены, на которой укреплен мемориальная доска. Сюда же подходит и устраивается колоссальный хор и оркестр «Пролеткульта». По площади движется большая колонна членов 6-го съезда Советов. Торжество начинается.

В. И. Ленин, поднятый на руки окружающими, срезает печать на задрапированной доске, и покров падает к ногам. Глазам присутствующих представляется белокрылая фигура с веткой мира в руке и надписью: «Павшим в борьбе за мир и братство народов». Пло-

щадь оглашается скорбными звуками музыки, склоняются знамена».

«Тов. Ленин призывает перед памятью павших дать обещание следовать их лозунгу. Этот лозунг — «Смерть или победа».

— И тогда, — говорит тов. Ленин, — мы можем быть уверены, что победим...

После речи Ленина начинается шествие. Бесперывно движутся полки и районы со своими знаменами. Проходят мимо могил, обнажают головы, склоняют знамена...

Манифестанты идут тремя колоннами, заполняя всю площадь морем голов и знамен. Здесь сотни тысяч. Никогда еще Москва не



Сергей Есенин. 1918 г.

видела такой огромной манифестации, такого глубокого единодушия демонстрирующих... неизгладимое могучее впечатление».

Скупые строки газетных заметок воскрешают знаменательное событие первых лет Октября, с которым непосредственно связана история одного стихотворения Есенина.

К торжественному открытию кремлевской мемориальной доски вместе с поэтами М. Герасимовым и С. Клычковым он написал «Кантату», посвященную памяти погибших борцов революции:

Спите, любимые братья!
Снова родная земля

Неколебимые рати
Движет под стены Кремля.

Долгое время было неизвестно, как была написана «Кантата», почему авторами ее стали именно эти три поэта. Я заинтересовался этим впервые в 1957 году и тогда же побывал в мастерской у скульптора С. Т. Коненкова. Он рассказал много интересного о «Кантате» и своих встречах с Сергеем Есениным.

— Привел его ко мне в мастерскую впервые поэт Сергей Клычков. Случилось это незадолго до революции. Позднее, после 1917 года, Есенин стал бывать у меня в мастерской довольно часто. Много раз он при-



КАНТАТА.

Сквозь туман кровавой смерти,
 Через страданы и печаль
 Мы провидим, верьте, верьте,—
 Золотую высь и даль.

Всех, кто был вчера обречен,
 Обойдем легкой судьбой,
 С дымных фабрик, черных хижин
 Мы скликаем в светлый бой.

Пусть последней будет данью
 Наша жизнь и тяжкий труд.
 Верьте, верьте, так за гранью
 Зори новые цветут.

II

Спите, любимые братья
 Снова родная земля
 Неколебимая рати
 Движет под стены Кремля.

Новые в мире зачатая,
 Зарево красных зарниц...
 Спите, любимые братья,
 В свете нетленных гробниц.

Солнце златою печатью,
 Стражем стоит у ворот...
 Спите, любимые братья,
 Мимо Вас движется ратью
 К зорям вселенским народ.

III

Сойди с креста, народ распятый,
 Преобразись, проклятый враг,
 Тебе грозит судьба расплатой
 За каждый твой неверный шаг.

В бою последнем нет пощады,
 Но там за границами побед
 Мы Вас принять в обития рады,
 Простив неволю долги лет.

Рви, земля, последней бурей,
 Сьмыкай на бой, скликай на пир,
 Пусть светит новый день в лазури,
 Преображая старый мир.



Надпись издательство треста «Заревко», И. Герасимов, Сергей Есенин, Сергей Клычков.
 Визуальная часть — скульптура Носовова и Шенка на обложке.

Страницы из журнала «Зарево заводов», где впервые напечатана «Кантата» М. Герасимова, С. Есенина и С. Клычкова.

езжал ко мне вместе с Айседорой Дункан, иногда вместе с Клычковым и другими поэтами.

Разговор перешел к истории создания мемориальной доски для кремлевской стены.

— К первой годовщине Октябрьской революции было решено установить обелиск на кремлевской стене в память о героях революции, павших в боях за свободу. Московский Совет объявил конкурс. По конкурсу прошел мой проект, и мне было поручено сделать мемориальную доску-надгробие. Я приступил к работе. Времени было мало. В мастерской в те годы у меня бывали Клычков и Есенин. Как-то в разговоре с ними

я сказал, что хорошо бы написать стихи для торжественного открытия мемориальной доски. Они живо и охотно откликнулись на мое предложение. К ним подключился и поэт Михаил Герасимов, с которым в то время Есенин был близок. Композитор Иван Николаевич Шведов написал на стихи Есенина, Клычкова и Герасимова музыку. Так появилась «Кантата». На торжественном митинге, посвященном открытию мемориальной доски, который состоялся в первую годовщину Октября, оркестр и хор исполнили «Кантату». На митинге выступал Владимир Ильич Ленин. У меня сохранилась фотография, на которой запечатлен момент выступления Ленина. Среди слу-



С. Есенин выступает на открытии памятника А. В. Кольцову.

шающих речь Ленина можно разглядеть и меня.

Я интересуюсь, были ли на митинге Есенин, Клычков и Герасимов. Задумавшись, Сергей Тимофеевич говорит:

— Скорее всего были. Я помню, что домой с митинга мы шли все вместе. Были с нами и Клычков и Есенин.

Идя к С. Т. Коненкову, я захватил журнал «Зарево заводов», где впервые была опубликована «Кантата». Сергей Тимофеевич долго и с интересом листает страницы старого журнала, а затем рассказывает, как создавался им скульптурный портрет Сергея Есенина.

— Толчок к этому дал Есенин. Несколько

раз он просил меня вылепить его портрет. Я сделал вначале наброски карандашом, когда он позировал. Эти рисунки позднее я подарил Айседоре Дункан, у меня, к сожалению, сохранился только один из них. После этого я приступил к работе над скульптурным портретом Есенина. Мне хотелось запечатлеть поэта в тот момент, когда он читает свои стихи. Во время чтения Есенин обычно, вскинув над головой правую руку, как бы бросал ею в окружающих изумруды своих поэтических образов. Именно таким я и попытался его запечатлеть в своем скульптурном портрете.

Жена скульптора, Маргарита Ивановна, вспоминает, как однажды Есенин в ответ на ее

просьбу мгновенно произнес экспромт, посвященный Сергею Тимофеевичу:

Пусть революция, ну что же,
В душе звенит святая Русь,
И небом мчащийся Коненков
Сквозь звезды оставляет путь.

— Было это в 1918 году, — добавляет Сергей Тимофеевич.

«Зовущие зорь»

Осенью 1918 года Есениным в соавторстве с поэтами М. Герасимовым, С. Клычковым, Н. Павлович был написан киносценарий «Зовущие зорь», посвященный Октябрьской революции.

Сохранился беловой автограф киносценария, большая часть которого написана рукой Есенина.

Фильм должен был начаться с показа картины подготовки восстания в Москве.

Четыре части сценария: «Канун Октябрьской революции» (1-я часть), «Преображение» (2-я), «Пролеткульт» (3-я), «На фронт мировой революции» (4-я) — должны были, по замыслу авторов, как бы художественно раскрыть важнейшие этапы революционного преобразования России.

Одно из центральных мест в сценарии занимает образ большевика Сергея Назарова. В прошлом рабочий, участник революции 1905 года, после февральских дней он вернулся на Родину и с головой ушел в революционную работу.

Среди действующих лиц в «Зовущих зорях» важную роль играют и «обыкновенный квалифицированный рабочий» Петр Молотов, и его жена, работница ткацкой фабрики Ната-

ша, и «кражистый, угловатый в движениях» Митрий Саховой, недавно пришедший на завод из деревни.

Во второй и третьей частях «Зовущих зорь» предусматривалось включение кадров документальной кинохроники о боевой жизни царицынского южного, дубовского фронтов, Первомайской демонстрации 1918 года в Москве.

В построении сюжета, в характеристике персонажей, в обрисовке отдельных эпизодов сценария еще много наивного и художественно несовершенного.

И пусть многое еще пришлось после этого пережить и передумать поэту, пусть не сразу смог он понять, «куда несет нас рок событий», и всем сердцем почувствовать, как прекрасна рождающаяся Советская Русь, — при всем этом образ зовущих зорь Родины был всегда дорог и близок поэту.

Когда в 1922 году Есенин приехал в Берлин и одна из эмигрантских газет пожелала узнать, как он относится к тому, что совершилось на его родине в 1917 году, то поэт с гордостью заявил: «Я люблю Россию. Она не признает никакой иной власти, кроме Советской. Только за границей я понял совершенно ясно, как велика заслуга русской революции, спасшей мир от безнадеежного мещанства».

Есенин мечтал написать большую поэму о Ленине. «Я в долгу перед образом Ленина, — говорил он своему другу — редактору «Бакинского рабочего» П. И. Чагину, — ведь то, что писал о Ленине — и «Капитан земли» и «Еще закон не отвердел, страна шумит, как непогода», — это слабая дань памяти человека, который не то что, как Петр I, Россию вздернул на дыбы, а вздыбил всю нашу планету».



Г. Фейгин.



Г. Данилина

Они погибли в 1917—1921 годах

По страницам книги „Памятник борцам
пролетарской революции“

Еще не отгремела гражданская война, как было решено увековечить память героев, павших за великое дело революции. Для этой цели Истпарт опубликовал список наиболее известных фамилий с просьбой к родным и знакомым прислать о них биографические материалы.

Обращение Истпарта нашло живой отклик. Бесперывно стали поступать материалы о погибших во время революции и гражданской войны. Список пополнялся новыми именами, число биографий росло.

Истпарт, полагая, что немедленное опубликование тех материалов, которые уже имелись, поведет к присылке более подробных новых сведений, решил не откладывать издание сборника. «Памятник борцам пролетарской революции» — так была названа книга, вышедшая в 1922 г. В нее вошли все сведения, поступившие до 31 декабря 1921 года.

*Камнем же над этими могилами
Все внести, все выдержать мья пасть...*

Героям и мученикам пролетарской революции, павшим на баррикадах в дни восстаний, в борьбе с капиталом за власть труда, —

погибшим защитникам пролетарского государства, павшим бойцам нашей славы Красной армии, в течение четырех лет грудью своей отстоявшей власть рабочих от нападений мировой буржуазии, —

смело поднявшим красное знамя в стане белых, замученным пытками, повешенным и расстрелянным Деникиным, бароном Врангелем и Слащевым-Крымским, адмиралом Колчаком и генералом Юденичем, японским наймитом Семеновым и ж-зровским бандитом Савиновым, слугами Англии и наемниками Франции, «социалистическими» демократами Грузии и водноотельцами Самарской уездной комиссии, —

беззаветно отдавшим все свои силы делу строительства и борьбы и, ставши бессильными бороться со смертью, ушедшим от нас, —

павшим вождям восставшего пролетариата и рядовым пролетарского строя, —

поставим мы воздвигнуть ПАМЯТНИК.

Пусть этот траурный сборник послужит первым камнем Памятнику, и пусть весь пролетариат России примет участие в дальнейшей постройке его!

Пусть память о павших борцах пролетарской революции не вызовет ни скорби, ни уныния — призывом гордым к борьбе, к победе пусть будет она!

И если, быть может, в смерти многих товарищей по имени и мы, — живые, не сумевшие вовремя окружить их должной заботой, — пусть не утратит память о них, а грозным повелительным призывом: Побольше внимания к живым!

Над трупами павших рываны изыщину...

Не нужно ни гимнов, ни слез мертвецам.

Воздайте им лучший почет —

Шагайте без страха по мертвым телам,

Несите их знамя вперед!

Г. Русаков.



О. Дилевская.

Однако после того, как первый выпуск «Памятника» был сдан в печать, в Истпарт продолжали поступать новые биографии. Во многих партийных изданиях, как столичных, так и провинциальных, стали появляться воспоминания очевидцев о пережитых событиях, об отдельных товарищах, сыгравших более или менее выдающуюся роль в революционной борьбе. Особенно много подобного материала вышло к пятилетию Октябрьской революции.

Тогда Истпарт решил, соединив эти сведения с теми, что вошли в первый выпуск, опубликовать второе издание «Памятника». В него вошло все то, что поступило до 1 июня 1923 года. Кроме рукописных материалов, были использованы также газеты и юбилейные сборники, вышедшие к пятилетию Октября («Октябрьская революция. Первое пятилетие», Харьков; «Пять лет пролетарской борьбы», Са-

ратов; «Октябрь 1919 г.», Ростов-на-Дону; «Братская могила», Москва и др.).

В 1925 году появилось третье издание «Памятника», в которое вновь были внесены исправления и дополнения, основанием к которым послужили новые издания губкомов («Пролетарская революция на Дону», Ростов; «История революционного движения в Терской области»; «Красная летопись», Ленинград; «Страницы борьбы», Николаев; «Братская могила», вып. II, Москва; «Путь борьбы», Тамбов и др.).

И вот перед нами книга, вышедшая 42 года тому назад. Листаешь ее, и перед глазами проходят сотни и сотни борцов, погибших за торжество пролетарской революции. Здесь и легендарные герои гражданской войны (Чапаев, Щорс, Лазо, Пархоменко) и старые испытанные революционеры (Л. М. Книпович, И. Арманд, К. Самойлова); здесь и ученые, отдавшие

весь свой талант и знания молодой Советской республике (И. А. Тимирязев, Н. Е. Жуковский), и коммунисты других стран, погибшие в годы гражданской войны (Жанна Лябурб, Джон Рид), и рядовые солдаты революции, павшие в борьбе с белогвардейцами и иностранными интервентами.

Различны пути и судьбы людей, ставших героями в дни Октября и в годы гражданской войны. Одни из них пришли в революцию, оставив студенческую и даже гимназическую скамью, другие, более зрелые — порвали со своим классом и пошли против него. Но основная масса борцов — это рабочие и крестьяне, матросы и солдаты, в боях отвоёвывавшие свое право на свободу, землю, мир.

Книга издавалась по свежим следам событий. В ней представлено около двух тысяч человек. Сведения о них самые разнообразные. Иногда это краткие биографические справки, часто без указания возраста, классовой и партийной принадлежности. Но имеются и более полные данные: газетные некрологи, подробные биографии, воспоминания участников событий, предсмертные письма осужденных на казнь и т. п.

Из этих двух тысяч человек более 800 были расстреляны или повешены белогвардейцами и интервентами. Почти столько же пало в боях, многих унесли эпидемии, в основном тиф.

Почти половину погибших составляли коммунисты и комсомольцы. Из приведенных материалов также видно, что в процессе революции многие порывали с другими партиями и из анархистов, левых эсеров и пр. становились стойкими, последовательными большевиками. Были и такие фанты, когда юноши 15—17 лет, попавшие в руки белых, шли на казнь, называя себя коммунистами. Трудно судить о возрасте погибших; он указан далеко не у всех. Но из имеющих данных следует, что это в основном зрелые люди, в возрасте 30—40 лет; следующая самая многочисленная группа лиц — в возрасте 20—25 лет.

В приложениях к книге даны списки казненных («Кощмарный список» и «Скорбный список»)¹.

В настоящее время это издание стало библиографической редкостью. Ниже мы публикуем с незначительными сокращениями несколько статей из третьего издания «Памятника» о жизни и смерти рядовых героев революции.

Аросева Мария Августовна (Вертынская) — 18 сентября 1918 года была уведена белыми из Спасской тюрьмы и расстреляна в 8 верстах от г. Спасска. М. А. было 50 л. Ее вина заключалась в том, что она вела культурно-просветительную работу среди крестьян, да еще в том, что была матерью коммуниста Александра Аросева.

М. А. была революционерка-народница. Тихо, спокойно, незаметно для окружающих протекала ее работа в глуши Спасского уезда в дер. Войкине. Всей душой ушла она в эту работу — просвещение темной деревни. Всей душой была она предана делу трудящихся. «...Я всегда была с тобою и за тобою, — пи-

шет она сыну 17 ноября 1917 года, — ваша идея для меня свята, ибо она — сама правда и справедливость. Слепец тот, кто этого не видит, и негодяй тот, кто это видит, но не признает из-за личных выгод...»². «Ежедневно езжу по деревням и устраиваю собрания и чтения по одному разу в неделю в каждом селе поочередно...», — пишет она сыну в другом письме. Белогвардейцы знали, кого они убивают... Преданного друга народа убили они.

Бич, Иван Андреевич — крестьянин Енисейской губ. Колчаковщина открывает ему глаза на совершающиеся события, и он уходит в тайгу, организуя партизанские отряды на реке Бирюсе. Его лихие набеги наводят ужас на белогвардейские отряды — и имя его делается легендарным. В 1919 году румынским отрядам удается захватить его. Накануне казни он пишет жене: «Лучше быть бедным, но справедливым, чем богатым, но подлецом — это последняя моя просьба... я последнюю ночь ночую, осужденный к повешению». 1 декабря 1919 года он был повешен румынами на ст. Тайшет.

Грошев В. — 19 лет. В 1919 году он был мобилизован в маленькой деревушке Рязанской губ. и отправлен на Волгу, над которой в то время шли грозные тучи колчаковских армий. Он пришел на фронт, молчаливый, неуклюжий, весь опутанный беспросветной деревенской темнотой. Вскоре Грошев был брошен вместе со своим полком на передовые линии фронта.

Мы встречались с ним в то время почти ежедневно, и порою я даже не мог понять, что, собственно, происходит с ним. Другие сохли, горбились, желтели от голода, от грязи, от невероятных лишений походной жизни, а Грошев, живя в одинаковых со всеми условиях, наоборот, с каждым днем становился все более бодрым и мужественным. Однажды мы разговорились с ним. Грошев говорил, что именно на фронте, в бою, столкнувшись лицом к лицу с белогвардейщиной, творящей неслыханные насилия над рабочими и крестьянами, он понял, на чьей стороне правда, понял, в чем эта правда, что, поняв это, он уже никогда не вернется к прежнему рабству, к старой жизни. «Вот здесь нашему

¹ При подсчете эти данные не учитывались, а брались только биографические сведения.

² Здесь и далее — отточие в тексте.

брату надо или сгнбнуть, или победить и до-
биться своего. Теперь дрыхнуть на печи дома
али околачиваться где — невозможно».

Несмотря на ужасные фронтовые условия,
Грошев с какой-то особенной жаждой принялся
за учебу, урывая для этого всякую свобод-
ную минуту. И едва научившись водить пером
по бумаге, едва научившись читать, он уже
пишет стихи, пряча их на первых лорах от
чужих глаз. Дело, разумеется, не в стихах
Грошева. Стихи писали и многие другие красно-
армейцы. Дело в том, что во всем поведе-
нии его, в его настроениях, в его глазах
сквозило что-то из ряда вон выходящее.
Становилось ясно, что это парень исключитель-
ный, что в нем зарождается творческая лич-
ность. Но вскоре он стал писать стихи весьма
интересные:

О, я не вкусил еще силы удара,
Не знаю, как сладок орлиный полет,
Но, властно захваченный красным угаром,
Иду я со всеми вперед и вперед.
Мне старые годы, как верные друзья,
В червонную даль указали пути,
И слышу я песен чеканные звуки,
И вижу я факел, зажженный в груди.

Вот такого рода настроения были особенно
для него характерны.

В процессе гражданской войны Грошев почти
совершенно потерял свой крестьянский об-
лик. Он подружился с рабочими. Через рабо-
чих он внутренне приобщился к фабрике, к
заводу. Даже странно звучат в устах крестья-
нина такие, например, стихи:

Грозно шипят раскаленные горна,
Жрут, как чудовища, глыбы углей.
Пасты раскрыли ревущие жерла,
Брызгая струями желтых огней.
Пламя колышется, трепетно бьется,
Лижет, кусает багровый металл.
Лава стальная кипит и трясется,
Точно вулкана глубокий провал.
Грозно трепещут чугунные плиты,
Стиснул модели пресс-великан,
Крепкий кузнец, из железа отлитый,
Молотом хлещет в стальной барабан.
Морды задрали пожарные трубы,
Капли горячие медленно льют.
Горны раскрыли горячие губы,
Песни веселые буйно поют.

Несмотря на ряд недостатков, это стихотво-
рение дышит огромной фабричной мощью.
И таких стихов у Грошева довольно много.
Почувствовав в себе силы поэта, он стал
рваться в Москву, в студию московского Про-

леткульта. К этому его подстрекал целый ряд
товарищей. После больших усилий ему, на-
конец, удалось получить перевод в одну из ча-
стей московского гарнизона. Но по дороге в
Москву он заразился тифом и умер.

Дилевская Ольга — выйдя из буржуазной се-
мьи, получив высшее образование, не прель-
стилась легкой жизнью. Страдания рабочих,
революционная борьба стали для нее доро-
же, чем жизнь богачей. Отдавшись всецело
борьбе за социализм, она в 1912 году охран-
кой была выслана из Москвы в Нарымский
край.

Вся ее деятельность протекала среди рабо-
чих. Борьба за улучшение их жизни была ее
заветной мечтой, целью ее жизни. В марте
1919 года ее не стало. Во время подавления
восстания в Тюмени белогвардейский разгул
захватил и ее, она была расстреляна на Яр-
марочной площади.

Перед арестом О. Д. написала письмо
А. Н. Ногинной с просьбой позаботиться о до-
чери:

«Александра Николаевна! Пишу вам с
расчетом, что мое письмо вы прочтете после
моего ареста. Вам придется позаботиться
об Ирине. Я знаю, что вы сделаете это
и без моей просьбы. Никто не знает, что мо-
жет случиться».

РАССТРЕЛ О. ДИЛЕВСКОЙ

(Из воспоминаний ее мужа, Н. Н. Авдеева,
который подвергся расстрелу вместе
с Дилевской, но остался жив и затем
выздоровел)

Из письма видно, что Ольга предвидела
возможность ареста. И это весьма понятно:
она была секретарем Центрального бюро
тюменских профессиональных союзов, была
в курсе назревающих событий, как и я.
Кроме того, как и ее, так и меня, кое-кто из
знакомых предупреждал о грозившей нам
опасности. Наконец, за нами была опреде-
ленная и открытая слежка со стороны кол-
чаковской контрразведки.

Наступило 13 марта...

Ольга была арестована у себя на квартире
и немедленно отправлена в контрразведку.
Я в это время находился в типографии тюмен-
ского союза потребительских обществ. Выйти
из типографии было уже нельзя, так как она
была оцеплена вооруженными колчаковцами.
Через некоторое время (часа в 3 дня) я был
арестован чехом и отправлен под охраной
в контрразведку, где я встретил Ольгу.

Ни меня, ни ее не допрашивали и отправили в так называемую каталажку (помещение для уголовных), которая находилась как раз против контрразведки. Город был объявлен на осадном положении¹.

В каталажке мы пробыли часа три. В течение этого срока, как потом оказалось, контрразведка и все, кто был с ней в союзе, распространяли по городу слухи, что мы арестованы во время произнесения речей перед взбунтовавшимися солдатами, что у меня найден план вооруженного восстания. Тюменская буржуазия, конечно, радовалась, что арестованы главные «организаторы» восстания. Часов в 6 вечера нас отправили под охраной на извозчиках в тюрьму. Тюремный двор в это время представлял из себя вид военного лагеря. Нас временно поместили в будку со стеклами, где обыкновенно происходили через решетку свидания с заключенными. Настроение у нас было напряженное. Вдруг раздался залп где-то вблизи.

Залп заставил нас насторожиться... Невольно мелькнула мысль, что нас ожидает что-то...

Скоро нас разлучили: Ольгу отвели в женскую тюрьму, а меня — в мужскую. Часов в десять вечера меня и Ольгу вызвали в контору. Там мы встретили еще 3-х заключенных, арестованных несколько месяцев тому назад.

Из конторы нас впятером под усиленным конвоем отправили в контрразведку. Там нас не допрашивали, а заставили с полчаса ждать нового конвоя, чтобы отправить снова в тюрьму. Нам это показалось по меньшей мере странным. Я после узнал, что начальник контрразведки Эверт был в это время в поисках кого-либо из офицеров, который согласился бы руководить нашим расстрелом. Охотник нашелся. Это был подпоручик Константинов. Дальнейшие события главный начальник Тюменского военного округа генерал Рычков в своем докладе министру внутренних дел от 15 апреля 1919 года описывает так: «Около 11 часов вечера 13 марта сего года под конвоем от унтер-офицерской школы из помещения контрразведки препровождалась в тюрьму партия арестованных (5 человек), в том числе граждане Авдеев и Дилевская. Проходя через Базарную площадь среди ларей и лавок, трое арестованных бросились бежать, но, кто именно, за темнотой конвою не удалось рассмотреть. Начальник конвоя, подпоручик Константинов, приказал стрелять по убегающим. В результате под

выстрелами пали все пятеро». Донесение Рычкова, может быть, и было бы похоже на правду, если бы подпоручик Константинов и его помощники несколько удачнее выполнили данное им поручение, но дело вышло так, что, несмотря на расстрел, я все-таки остался жив, правда, в искаленном виде, и потому то, что подлецы стремились сделать тайно, обнаружилось во всем ужасе и бесстыдстве.

Дело происходило иначе: когда нас довели до Базарной площади, до того места, где находятся лари и лавки, то раздался возглас Константинова: «Стой, снимай одежды, готовься к расстрелу». Точно электрический ток прошел по всему телу, сердце екнуло и потом будто замерло, будто его нет... Что это — сон или действительность?.. Потом вдруг все стало ясно... Да, действительность... Хотят расстрелять... Щелкают ружейные затворы... Начинают прицеливаться... Что же так долго?.. Или это так кажется... Что это такое? Почему вдруг солдаты опустили ружья?.. Раздался лошадиный топот, и мимо нас проскакали два всадника... Вероятно, это чеки... Снова прицел... Овладеваю собой и начинаю думать о чем-то другом... Мелькает образ дочки... Смотрю вперед... Целятся, но что медлят?.. Что они — пьяны или трусят?.. Эх, если бы Ольга не страдала астмой, можно было бы попытаться... Вдруг раздается ее возглас: «Будет издеваться! Стреляйте... или вы трусите?..» Раздался залп... Я очнулся... Лежу на боку... Чувствую страшную боль в правой руке и в спине... Чувствую, как льется кровь... Под боком холодно... Снег и мороз... лежу с полуоткрытыми глазами, не шевелясь... кто-то застонал... Раздается возглас: «Кто-то из них жив. Надо попробовать их штыками...»

Да, придется умереть... Что же с Ольгой? Ах да, она рядом со мной, лежит навзничь... Мертвая!.. Слышу скрип шагов... За спиной кого-то пронзают штыком... Приближаются ко мне... Напрягаю всю волю... Не шевелюсь... Вдруг удар штыком в спину возле позвоночника... Я лежал на боку, и штык не пронзил меня насквозь, а нанес мне рану вниз по спине... Было больно, но не очень... Даже стало несколько легче, чем было до этого...

¹ Осадное положение было введено в связи с восстанием мобилизованных колчаковцами в Тюмени, которое произошло в марте 1919 года.

Очевидно, штыком солдат вытолкнул пулю, засевшую возле позвоночника... Я не крикнул, и это меня спасло... Начался грабеж. Грабеж кончился... И подпоручик с солдатами куда-то скрылся. Вероятно, скоро явятся за трупами... Нужно попытаться уйти, хотя все равно через день-два придется умереть. Но это не важно: смерть для меня теперь безразлична. Важно другое: нужно во что бы то ни стало все это гнусное дело сделать достоянием гласности... Но есть ли силы уйти? Попытаюсь... Трудно не только встать, но даже сесть: кружится голова, ломит руку, спину... Наконец сел... Огляделся... Тихо... Рядом со мной трупы товарищей, и среди них труп Ольги... Стираю зубы, чтобы не вскрикнуть от внутренней боли... Опираюсь на плечо Ольги и встаю на колени... Кружится голова... Но вот еще усилие, и я на ногах... Качает из стороны в сторону... Однако надо идти... Но куда? К знакомым нельзя: подведешь... Пойду к себе домой: пусть будет что будет... Прощай, дорогая и милая Ольга!..

Жедяев Михаил — священник Рождественской волости с. Когebaхтино Пермской губ. В 1918 г. вел агитацию за организацию комитетов бедноты в волости. Вскоре Жедяев сбросил священническую рясу, вступил в партию коммунистов и стал уездным агитатором волости. Ведя агитацию против попов, указывал всегда на свой прежний священнический сан; он пользовался популярностью среди крестьянской бедноты. Жедяев погиб при Колчаке; он не знал об отступлении из волости Красной Армии и, продолжая свои агитационные разъезды, попал в лапы передового карательного отряда Колчака. При 30-градусном морозе совершенно раздетым вели его с версту до с. Когebaхтино, где он был расстрелян.

Козьмин Петр Павлович — беспартийный рабочий, погибший в первые годы революции. Сын городского рабочего, сапожник по профессии, тов. Козьмин с малых лет жил и работал в Осипцевской волости Пермской губ. В партии Козьмин не состоял, но был ярким защитником Советской власти. «Наша эта власть — рабочих и крестьян, — постоянно твердил он крестьянскому люду, — должны мы защищать ее до последней капли крови, если не хотим снова услышать свист царской нагайки да работать на дармоедов».

Во время восстаний кулаков в 1918 году тов. Козьмин, находясь в рядах самых актив-

ных защитников Советов, был послан в разведку, пойман и зверски убит в деревне Грязнухе.

Лыткин Федор — юноша, студент, с начала Октябрьского переворота порывает с привилегированным классом и увлекается работой на пользу рабочей революции. Он становится не только видным работником в рядах коммунистического пролетариата (в советских организациях г. Томска, на II Всесибирском съезде совдепов, а затем и в Центральном Исполкоме Советов Сибири), но и наиболее восторженным ее поэтом-певцом, журналистом, редактором боевых коммунистических и красноармейских газет.

Энтузиаст, мечтатель, поскольку можно считать мечтателем человека, до бесконечности верящего в грядущее счастье всего человечества, подлинный рыцарь рабочей революции, он связал самыми тесными узами свою судьбу с судьбой рабочего класса. Когда Советская власть под напором чешских и белогвардейских банд отступила от Иркутска, Ф. Лыткин ушел в тайгу с партизанским отрядом, где и погиб в сентябре 1918 года.

Одно из его стихотворений может служить и его эпитафией. Оно называется «Мой завет». Вот его строки:

Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной
Не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной.
Я иду на широкое поле
Под удары скрещенных мечей.
Над моей безрассудною долей
Пусть вздыхает лишь ветер степей...
Я иду на беспечные встречи,
На бесстрашные встречи с врагом,
Напролом,
На жестокие сечи
Со спокойным, открытым челом.
Я иду на последние битвы,
В беззаветный и радостный бой!
Надо мной
Не творите молитвы,
Не грустите, друзья, надо мной!..

Таким певцом, рыцарем рабочей революции он был в своей жизни, таким он и отдал свою жизнь.

Станкевич — бывший царский генерал. Когда у власти стал пролетариат, когда рабоче-крестьянской России понадобились знания и опыт военных специалистов, тов. Стан-

кевич, будучи уже шестидесятилетним стариком, стал в ряды Красной Армии. В ее рядах он честно, героически боролся за рабоче-крестьянское дело. Тов. Станкевич не был коммунистом, когда вошел в ряды Красной Армии. Он не вошел в Коммунистическую партию и позже, но он сумел стать верным защитником революции и дела трудового народа. Он сумел стать товарищем рабочих по общей борьбе. Тов. Станкевич был командиром дивизии на Орловском фронте. Когда белогвардейцы подошли к Орлу, начальник штаба дивизии генерал Лауряц перебежал к белым и предал тов. Станкевича. Станкевич попал в плен. Белогвардейцы предали его суду. По словам пленных перебежчиков, тов. Станкевич вел себя на суде с необыкновенным достоинством, гордо и смело бросал в глаза белым насильникам свое презрение к ним. Суд приговорил его к смертной казни через повешение. И в момент казни он показал себя героем: он имел мужество сам себе надеть на шею петлю палача. Умер тов. Станкевич в октябре 1919 года. Он сумел понять благородство и величие пролетарской революции, хотя по своему прошлому, по своему положению он был чужд пролетариату. Он сумел сделаться героем в этой революции героев, бороться и пасть, как герой.

Фейгин Герасим — член Иваново-Вознесенского губернского комитета РКП(б), секретарь Иваново-Вознесенского губернского комитета союза молодежи, делегат X съезда РКП(б), погиб в ночь с 17 на 18 марта 1921 года при взятии Кронштадта.

Это был, несомненно, даровитый и талантливый юноша — поэт, беззаветно преданный коммунизму.

Участвуя в нескольких боях на Южном деникинском фронте, т. Фейгин проявляет себя хорошим, стойким воином и комиссаром (он был тогда заместителем политкомиссара полка). Красноармейцы его любят, так как он

в дни затишья — среди них, а в момент горячих схваток — впереди их. Это отношение к нему красноармейцев его несказанно радует. «Я не окомиссарился», — с гордостью говорит он. Большую культурную работу проделал Герасим и в деле организации школ грамоты, театров и т. д. в минуты затишья. Культурно-просветительная работа у него была поставлена образцово.

Открывается польский фронт. Тов. Фейгин отправляется туда. В 18 лет он уже комиссар полка.

Раздается кронштадтский гром... Т. Фейгин отправляется добровольцем под Кронштадт.

Нервный, живой, донельзя рассеянный, донельзя увлекающийся, пламенный оратор, зажигающийся сам и зажигающий других. Его воспитала мелкобуржуазная атмосфера. Это очень сказывается и в нем и в его творчестве. Порывами он грустит — и в жизни и в стихах беспредметно рвется куда-то, уходит в себя и отчаивается, порывами он — весь огонь, вера и твердость. Он желал определить свое место в жизни, сказать о себе всю правду, никого не вводить в заблуждение.

Я пришел к вам из чужого, ненавидимого
стана,
Я пришел к вам от ничтожных, все
опошливших людей.
Я пришел к великой правде, покорившей
ураганно
Мир насилья и бессилья, мир поношенных
идей...
Сколько счастья в красном стане! Сколько
солнца, сколько света!
Сколько гордых и могучих
победителей-борцов!
Сколько жизни в красном стане! Сколько
песен для поэта!
Сколько юных, вдохновенных, окристалленных
певцов!..
Я пришел для новой жизни, я пришел для
красных песен...
Сколько солнца, сколько света, сколько
счастья без конца!

ПРИИТО
ВАМУ
БРИТАНЦІ
ЗА
ПОМОЩЬ
В БОРЬБЕ
С БОЛЬШІ
ВІКАМИ
СПАСИБО





Японские интервенты во Владивостоке.



Парад частей Красной Армии в Харькове.



Бойцы 11-го и 12-го полков Народно-революционной армии. Дальний Восток. 1921 год.



Парад английских войск во Владивостоке. 1918 год.



Атака красной конницы. 1919 год.



Бронепоезд интервентов.



Немцы в Киеве. 1918 год.





А. Веселый.

Артем Веселый

Три рассказа о гражданской войне

Автобиография, написанная Артемом Веселым (1899—1939) в 1924 году, была предельно короткой. «Родился на Волге. С весны 1917 года занимаюсь революцией. С 1920 — писательством».

Эти три лаконичные фразы вобрали всю жизнь.

«Родился на Волге».

30 сентября 1899 года в семье самарского крючника-грузчика Ивана Николаевича Кочурова родился сын Николай¹. Его мать — Федора Кирсановна — была женщина замечательная. До замужества она жила в деревне, батрачила; была неграмотна, но в невероятно трудной жизни сохранила тонкую, чуткую душу и любовь к яркому и меткому русскому слову.

На берегу великой реки прошли детство и юность Артема Веселого.

В Самарской церковноприходской школе научился он грамоте и завершил свое образование окончанием двухклассного земского училища.

События времен революции и гражданской войны в Поволжье, участником которых был сам Артем Веселый, дали ему материал для первых статей и очерков, а позже для романов «Страна родная» и «Россия, кровью умытая». Волге были посвящены многие яркие страницы исторического романа Артема Веселого «Гуляй Волга». Работая над романом, он проплыл по следам своего героя Ермана «по русским и сибирским рекам под двенадцать тысяч верст».

Плавая на рыбацкой лодке от верховьев Волги до Астрахани, Артем Веселый и отдыхал и работал. На шумных базарах Казани и Васильсурска, у рыбацких костров он искал слово-самородок в золотых россыпях народного языка. На скользких, пахнущих смолой и солнцем плотях он записывал частушки, жадно вслушиваясь в «молодые, сильные, напоенные ветрами голоса» плотовщиков.

На безбрежных волжских просторах, один на один с природой, провел Артем Веселый последние месяцы своей жизни.

«С весны 1917 года занимаюсь революцией».

¹ Настоящее имя Артема Веселого — Николай Иванович Кочуров. Псевдоним был принят в 1920 году.

С понятием «классовая борьба» Артем Веселый соприкоснулся на Трубочном заводе, где он работал чернорабочим в кузнечной и котельной мастерских. Большевицкой организацией на заводе руководил В. В. Куйбышев, и наука его «глубоко запала в сознание передовых рабочих»¹.

В первые дни Февральской революции Артем Веселый вступил в партию большевиков. Вместе с товарищами он расценивал по городу листовки, вел агитацию, оповещал население о митингах и собраниях, которые денно и нощно бурлили на главных улицах, в казармах, у фабричных ворот.

Ночами Артем Веселый помогал редактору «Приволжской правды». Он безотказно делал все, что требовалось: правил границы, распространял газету и под руководством редактора газеты А. Х. Митрофанова, старого партийца и опытного пропагандиста, писал заметки. Газетная работа увлекла Артема Веселого. Вскоре в большевицких газетах стали появляться его статьи и очерки о положении на фронтах, о классовой борьбе в деревне, о мероприятиях Советской власти.

Артем Веселый не был только начинающим журналистом, он был и солдатом революции. Зимой 1917/18 года он участвовал в боях на Оренбургском фронте. Во время чехословацкого мятежа Артем Веселый вступил бойцом в коммунистическую дружину и был ранен в бою на подступах к Самаре. Он был арестован чехами, бежал, перебрался через линию фронта и уехал под Саратов, где временно находился Самарский губком РКП(б).

В декабре 1918 года он был направлен на работу в Мелекесский уезд. Здесь Артем Веселый налаживал выпуск газеты «Знания коммунизма». Выступая на заседании Мелекесского исполкома, Артем Веселый говорил: «...работают один в редакции, и не только в редакции, но и в Чена, очень перегружен работой, отчего может быть, терпит ущерб и газета».

Как один из секретарей укома, Артем Веселый много разъезжал по селам уезда, выступал на собраниях, разъяснял политику партии. В одной из таких поездок он едва ушел от кулачковой расправы.

В августе 1919 года Артем Веселый в числе многих тысяч коммунистов ушел добровольцем на денкинский фронт.

«С 1920 — писательством».

В 1920 году Артем Веселый ездил с агитационно-инструкторским поездом ВЦИК «Красный казак» на Дон и Кубань редактором поездной газеты. В этой поездке у него возник замысел написать большой роман. «В одно, как говорится, прекрасное утро, — вспоминал писатель, — на перегоне от Тихорецкой к Екатеринодару, я поднялся чуть свет, выглянул из окна купе и — ахнул. И сердце во мне закричало петухом. На фоне разгорающейся зари, в тучах багровоющей пыли двигалось войско казачье — донцы и кубанцы — тысяча десять... Считанные секунды — и поезд пролетел, но образ грандиозной книги о гражданской войне во весь рост встал в моем сознании. В тот же день в поездной типографии были отпечатаны письма-обращения к участникам гражданской войны, отпечатаны и разошланы во все населенные пункты Кубанской области, Черноморья, Ставропольской губ., Ингушетии, Кабарду, Адыгею, Дагестан. Спустя месяц в Москву мне было прислано больше двух пудов солдатских писем. Завязал связи с наиболее интересными корреспондентами.

Первые годы я употребил на сбор материала. У меня скопились груды чистейшего словесного золота, горы книг. Материал подавлял меня, его хватало бы на десяток романов. Я не мог справиться с хлынувшим на меня потоком. Только спустя четыре года я начал писать книгу...»¹ Роман «Россия, кровью умытая» стал главной книгой его жизни. Но впервые Артем Веселый выступил в московском журнале не как прозаик, а как драматург, — в 1921 году.

Открыв мартовскую книжку журнала «Красная новь», читатели увидели необычное имя — Артем Веселый и странно-короткое для пьесы название «Мы». «Мы» — это драматические сцены из эпохи революции и гражданской войны. Действуют в пьесе социальные типы: рабочие, бедняки, середняки, кулаки.

Очень взъяснительно относятся к писателю и к редакторскому труду, Артем Веселый был недоволен изданием своей первой вещи. «Пьеса издана отвратительно: смонжана, спрессована, крайне неудачно отделана — художественные места выпущены, а трескучие агитационные фразы, от которых я уже полгода как отказался, как назло, оставлены. Такая досада. Первый блин вышел комом. Допускать пьесу к печати — было большой глупостью»². «Как писатель я еще младенец, у меня только еще прорезываются зубы художника, я еще только расправляю крылья. Я весь в будущем! Я всего еще только сделал один-два неуверенных, нетвердых шага по литературной дорожке, у меня впереди еще длинный путь».

Три года упорнейшего труда («Работаю над собой лихорадочно, бешено!») дали блестящий результат. В 1924 году издательство «Молодая гвардия» издало повесть Артема Веселого «Реки огненные». С этой книгой двадцатипятилетний Артем Веселый вошел в большую советскую литературу.

К осени 1924 года были написаны и изданы отдельные главы из «Россия, кровью умытая»: «В деревне на масленице», «Дикое сердце», «Вольница», отрывки из романа «Страна родная».

С 1932 по 1936 год «Россия, кровью умытая» издавалась четыре раза, «Гуляй Волга» — шесть раз. Артем Веселый получил признание широкого читателя.

Публикуемые рассказы не включались ни в один из сборников Артема Веселого и печатались только в газетах:

«Под красными знаменами» — «Коммуна», 1923 г., 23 февраля.

«В плену» — «Волжская коммуна», 1935 г., 28 февраля.

«Степь да степь кругом...» — «Легкая индустрия», 1936 г., 23 февраля.

Публикация подготовлена
Гайрой Веселой

¹ Артем Веселый, Валериан Владимирович Куйбышев (Воспоминания). Журнал «30 дней». М., 1935, № 1.

² «Литературная газета», 1934, 26 декабря.

³ Из неопубликованных писем Артема Веселого начала 20-х годов.

Под красными знаменами

I

...Ночь. Поезд летит всюю. Разъезд. Полустанок. Остановится на пару минут и, вздрогнув, опять дергает вперед, и колеса дробно отбивают такт.

Наш кавполк катит на фронт.

Привычные к опасностям и в бесчисленных боях закалившие свой дух, буденновцы не боятся новых тревог.

С вечера орали разгульно-разудалые песни и, не кончив одну, не слушая друг друга, запевали новые.

На одной из станций в вагон пустили парня-гармониста, который обещал всю дорогу играть. Нерешительно и нестройно загалдели басы, точно заспорили о чем-то... От шума и утреннего холода мы просыпаемся и слушаем.

Вспоминаются убогие деревни, страдающие матери, плачущие жены, надрывающие силы в мужской работе, и угрюмые, заезженные лошадиным трудом, отцы и деды.

Чтобы сбросить с сердца тяжесть дум, каждому хочется забыться, и, точно угадав общее настроение, с места сорвался и с гиком пустился в пляс молодой длинный парень.

Ты, тальянка,
Д'медна планка,
Тонки, звонки
Голосья-а-а...

Все закружилось в бесшабашном, диком разгуле. Пели, орали, свистели.

— Шире круг!

Потеснились, раздались. Ударил плясовую. Стон стоял в вагоне до самого утра.

II

Утро. Станция забита эшелонами. Кругом нервная суета. Чувствуется близость фронта. На перроне, в вокзале и около вокзала прямо на мостовой валяются больные и раненые в последних боях бойцы. Их не успевают увозить. Измученные лица, горящие злобой и болью глаза. Обожженные зноем и стужей, загорелые тела в рубищах валяются на кучах мусора, на грязной соломе.

На перевязках из разорванного белья цветут заскорузлые пятна крови. Ослабевшими голосами, давясь обидой и болью, просят:

— Братишка, дай хлеба кусок. Два дня не жрались.

— Как собаки подышаем... У-у, иху мать!.. Наш полк строят перед вокзалом на площади.

Пока разгружали коней, политком говорил речь. Не слушали.

Посадились на коней и, построившись взводными колоннами по четыре в ряд, двинулись в путь-дорогу.

Прокатились через сонный провинциальный городишко. Из калиток и из-за кисейных занавесок выглядывали уже привыкшие к тяготам гражданской войны обыватели.

Толпа босоногих ребятишек проводила полк с версту за город.

Раскислевшая после дождя дорога вьется по холмам. Полк то взбирается на бугор, то тонет в ложине.

Навстречу стали попадаться кучками и в одиночку.

...Армия отступает. По размытому дождем, разбитому шоссе тянется обоз артиллерии. Изнуренные большими переходами, загнанные лошади еле тащатся.

Тяжелораненых везут на линейках, рессорных дрогах и бричках, которые то и дело проваливаются в бесчисленные выбоины и ямы. Лошади то встают в изнеможении, то под ударами кнутов и палок дергают изо всех сил. Тряска причиняет раненым боль, и они стонут, и плачут, и крепко, по-солдатски, ругаются.

Выстроившись длинными колоннами, ползет серая масса пехоты. Это остатки дивизий гонят в тыл для реформирования.

Идут вразброд. Грязные, измученные. В глазах светится отпечаток недавно пережитого ужаса.

— За-ку-ри-вай! — катится команда.

Тяжело дыша, дыма взмыленными боками, встают лошади. Умолкает грохот колес. Подложив под себя скатки шинели, бойцы закуривают, по привычке шутят.

— Ну как там, жарко?

— Ничего себе, не озябнешь...

— Здорово чешет?

— Только поспевай моргать.

Немного передохнув, опять все приходит в движение и катится дальше. Опять стелется шум.

Приводят партию пленных врангелевцев. Далеко впереди бухают резкие орудийные залпы. Наши боевые кони, чувствуя приближение опасности, всхрапывают и прядут ушами.

III

Деревня, которую занимали белые, раскинулась по широкому обрывистому берегу Днепра.

Не останавливаясь ни на минуту, всю ночь шли в обход неприятельской деревни, с трудом продвигаясь сквозь чащу орешника, и вязли.

Лошадей пришлось бросить. Орудия и пулеметы тащили на руках. На заре вышли к Днепру в тыл неприятельской позиции.

Наши снаряды с воем полетели через цепь и с треском рвались по деревянной улице, взметывая тучи песка и пыли. Скоро запылали две-три хаты.

Весело стучали пулеметы, точно кто-то торпливо вколачивал в стенку гвозди.

Наша цепь подалась вперед.

По полю вспыхивали и бежали, точно живые огоньки, винтовочные выстрелы. На ветряной мельнице, что стояла за деревней на бугре, нашим огнем давно уже сбиты уши (крылья), но на ее двух окошечках беспрерывно сверкают два огненных языка — то работают пулеметы белых.

Окопавшись, мы лежали, вдавившись грудью в рыхлую землю, и стреляли по метавшимся в дыму фигурам.

Цепь сухо затрещала огнями.

Трубит рожок — условный знак к атаке. Подается команда делать перебежку. Цепь флангами, а потом и центром подается вперед.

— В атаку за мной!

— Ура!

Вскакиваем, лезем через плетни, выбиваем врагов с гумен, с огородов. Группами перебегаем проулки, по которым текли волны пулеметного огня.

— Ур-а-а-а!

— Даешь деревню!

Белые защищались отчаянно. Никто из них не просил пощады, и ни один из них не вышел из деревни живым.

Пальба смолкла. Деревня взята.

Мы долго плескали водой в смеющийся огонь, но, видя бесплодность усилий, бросили. Пожар, вылизав половину деревни, прекратился.

Убитые были тяжелы, ровно из глины вылеплены. Таскать приходилось далеко за деревню. Складывали рядом на край бездонного оврага и, обшарив, стаскивали, как поленья.

Вечером разложили костры. Кипятили чай и готовили ужин.

До самой ночи плакала и смеялась гармонь, дробно сыпалась пляска и гремели наши удалые песни. 1923.

В плену

(Рассказ бойца)

Армию заедала тифозная вошь, армия отступала. По всем дорогам и заячьим тропам двигались в растерзанном виде войска, артиллерия, обозы, лазареты.

Белые наступали нам на пятки и ни на один день не давали передышки. В тылу — по всей Терской области — одна за другой восстанавливали казачьи станицы. Настигала зима, летел первый снег, а мы шли кто в летнем обмундировании, а кто и совсем наг и бос. Патронов оставалось мало, снарядов то же самое оставалось мало: не знай — ими стрелять, не знай — их с чаем пить. По целой неделе мы не видели горячей пищи, питались одними консервами, да и то только тогда, когда они были. В линии фронта всюду оказались дыры, сквозь которые лезли кадеты, стараясь всех нас окружить и уничтожить.

Последний крупный бой наш полк принял под станцией Суворовской, где перепившиеся казаки за одно утро четыре раза кидались на нас в атаку. Задали мы им дерку. А патронов осталось — у кого обойма, у кого две. Делать нечего — пришлось отступить дальше.

По всем городам и селам, станицам и хуторам мы бросали на произвол судьбы своих больных и раненых товарищей, везти их было не на чем: поезда ходили редко, а лошади дохли, как мухи осенью.

Тяжело было видеть, как отец заживо растается с сыном, брат с братом и товарищ с товарищем.

Но со всем этим волей-неволей приходилось мириться.

Скоро и меня постигла такая участь: заболел я голодным тифом и был оставлен на излечение в городе Владикавказе.

Очутился я в лазарете, недалеко от вокзала.

В лазарете не видно ни коек, ни хлеба, ни кипятку, окна отчасти были побиты, помещение от вшей облито керосином и застлано соломой. «Вот, — думаю, — ежели загорится... Эй, ребята, кури поосторожней!»

Вдруг слышим стрельбу. Поднялась паника. Кто был поздоровее — подхватился и наутек. На вокзале будто бы формировался санитарный поезд.

Я был на втором этаже. Решил уходить, пока цел. Но как? Да на коленках. Сползая

вниз по лестнице и хватаюсь за дверную ручку, чтобы встать на ноги, но этого у меня никак не получалось, — ноги совсем ослабли, а оставаться здесь мне было неинтересно.

Мимо пробегал санитар и спрашивает: «Что ты делаешь?» Я ему говорю: «Встать охота». — «Куда собрался!» — «Да на станцию».

Он схватил меня под руки и потащил обратно на второй этаж. «Лежи, — говорит, — калека. На улицу носа не высывай».

В это время со двора послышался крик: «Кадеты! Кадеты!»

Кто начал ругаться, кто плакать, кто сто-нать.

Страхом подняло меня, выглянул в окно — мать честная! Дело плохо — казацкие шашки блестя, на полный ход идет рубка. Слышны крики: «Ой, простите!» — и воспоминанье божье, но пощады никакой.

Чую, как меня с ног до ушей заливает холодом.

Отполз я в самый угол, нашел удобное место и — делать нечего — лег. Лежу. Сердце колотит в грудь, как камнем в доску.

Рядом со мной лежит Азовского полка пулеметчик Назеров. Тихим голосом он говорит:

— Пропали.

— Что людям, то и нам, — отвечаю ему.

Закурили. Курим.

Вдруг в коридоре кто-то закричал дурным голосом, потом все стихло. На лестнице звон шпор, и — вот они! — к нам заходят казаки и офицер.

Один казак, только, господи благослови, переступив порог, подает приказ:

— А ну, шившая команда, готовь кошельки, часы, бритвы, папироски, документы.

В общем пошел повальный грабёж.

Подходит ко мне один казак и спрашивает: — Кубанец?

— Нет, — говорю, — я рязанской губернии...

— Пришел на Кубань хлеб наш поедать?

— Молчу.

— Агитатор? Забастовщик?

— Молчу.

На мне была текинская с серебряным галуном папаху, он срывает с меня ту папаху и говорит:

— Ты, похоже, кубанский казак, голова у тебя бритая и морда казачья.

Я божусь: «Рязанский».

Он спрятал папаху в свой мешок и сказал: — Твоя дурная голова не стоит этой шапки.

— Молчу.

Больше ничего у меня не взял, только на ногу наступил, да так — из глаз у меня посыпалось семьдесят семь огней.

Офицер подошел к Назерову искомандовал:

— Встать!

Тот встал.

— Здорово, красноармеец!

— Здравия желаю, ваше высокоблагородие...

Ударил.

Упал.

— Встать!

Встал.

— Здорово, красноармеец!

— Здравия...

Ударил кольтю по голове, убил.

Ушли.

Видно, во дворе стоят три виселицы. Дело к ночи, у нас тихо, только больные бредят. Один кричит: «Поехали, поехали!» Другой кричит: «Жарко, заройте меня в снег!» И так далее, кому чего на ум взбредет.

В палате темно. Кто-то говорит:

— Может быть, из нижней палаты будут вешать? До нас еще не скоро очередь дойдет...

Сколько времени спал, не помню. Мне казалось, около меня лежит много народу. Проснулся — лежу в своем углу один. Душила меня болезнь, а не народ. Рассветало, на дворе трое висят.

Пришел санитар, рассказывает: в Курской и Молоканской слободах кадеты делают напущение на женщин и на одной постели насилюют мать и родную дочь; на базаре и так по улицам вешают направо-налево; китайцев беспощадно расстреливают на мосту и сбрасывают в Терек.

На другой день приходит распоряжение всем собраться во дворе с вещами. Кто был поздоровее, вышел сам. Больных, ровно котят, таскали санитары. Вынес санитар и меня и бросил на снег. Я в одной летней гимнастерке и босой: сапоги я еще раньше променял на кусок сала и на буханку хлеба, а шинель сперли, когда я был без памяти.

Пришел казачий урядник, выстроил тех, кто мог на ногах стоять, и стал считать. Санитары отворили ворота. На улице нас ожидало сколько-то трамвайных вагонов.

Я промерз до самых печенок, все во мне заоченело, ноги почернели, на щеках образовался лед.

Проезжали мимо лазарета два верховых офицера, увидали нас в ворота, остановились, что-то поговорили и заехали во двор. Один

говорит: «А ну смотри, попаду ли я», — он указал на сидящего у забора на короточках бойца — тот оправлялся — и выстрелил. Свалился боец с простреленной головой и захрипел. Они поехали дальше.

Началась посадка на трамвай. Кто был здоровее — влез, а мы, калеки, сидим, не знаем, что делать. Спасибо одному конвойному, всех нас покидал в вагон.

От кондуктора мы узнали: отправляют нас к Тереку, в какой-то кадетский корпус, куда со всего города свозят всех больных. На сердце тревога. В большинстве ребята молодые, хочется пожить, а нас везут туда, откуда нет возврата. Так оно и случилось.

В кадетском корпусе был настоящий ад.

Проходы были завалены больными и ранеными, многие лежали около дверей, на снегу. Сильное зловоние, стоны, плач. Тут же у забора лежат расстрелянные и порубленные, и в сарае лежат расстрелянные и порубленные.

Нет сил и слов всего рассказать, кто как умирал — плакали, просили, а иные умирали смело, твердо, с проклятиями на устах, много умирало с голоду: сперва начнет пухнуть, а потом свернется — и готов.

Иной кричит: «Товарищи, дай воды глоток!» Ему отвечает: «Товарищ, нету». Тогда он кричит караульному: «Кадет, дай воды!» — но получает удар плетью. После этого он принимается ругать самыми последними словами генералов, буржуазов, все денкинское правительство и всю кадетскую власть и умирает от руки палача, или сам себя душит ремнем, или перерезает себе горло стеклянкой.

Этот проклятый дом был оцеплен конвоем. Пищи нам никакой не давали.

У меня уцелел перочинный ножик, променял его за семь картошек: торговки приносили к забору, их гоняли. А еще к забору подходили жители и кидали нам через забор куски хлеба. Один кусок и я успел схватить. Выпросил у товарища котелок, насобирав по двору щепок, стал варить картошку... Вот подходит казак и пинком сшибает мой котелок. Котелок слетел, залил огонь, картошка раскатилась какая куда. Потом он выбил у меня из рук кусок хлеба и затоптал его в грязь.

Спать лег опять голодный. Злоба во мне по всем жилам текла...

«Ну, — думаю, — гады, только бы вырвать-ся мне из ваших когтей, за все и за всех расплачусь».

Крепка ты, кишка русская, тянешься, да не рвешься!

Прошел я в том кадетском корпусе три

дня. Решил бежать, пока жив. Не было больше моего терпенья смотреть на все это. Снимаю с мертвого шерстяные чулки, натягиваю те чулки на свои распухшие ноги и выхожу во двор. Дождлся вечера, стемнело. Была в заборе одна оторванная доска, болталась она на одном гвозде. Через ту дыру я и драпанул. Ночь, темно, собаки гавкают...

Мне собаки не страшны, держу направление на собачий лай: вырвался из кадетских зубов, которые пострашнее собачьих зубов. Из носу текла кровь, я забивал ее снегом. Идти силы не было, пройду сто шагов, и опять идет кровь, пройду еще немного и опять жажду отдохнуть.

Вот и слободка. Подхожу к убогой хижине, из окон которой сивозь закрытые ставни приветливо блестит огонек. Заглядываю в щелку, хозяин с хозяйкой сидят — ужинают. Осторожно стучу. Они испугались и погасили свет. Подождал я немного, опять стучу. Выходит хозяин, внимательно разглядывает меня и спрашивает:

— Что ты есть за человек?

Я вкратце объясняю.

Он не хотел принять меня из боязни, что ему будет вешалка за укрывательство, но жена умолила его припрятать меня хотя ненадолго, пока немного поправлюсь. Он поколебался-поколебался, но все-таки согласился. В хате было тепло, пахло горячим хлебом. Хозяйка приказала мне раздеться догола, без всякого стеснения обтерла меня с головы до пяток керосином, выдала мне пару чистого белья, а мою засыпанную паразитами одежду выкинула на мороз.

Кинуло меня в дрожь: ну, думаю, значит, живой буду. Подсадил меня хозяин на печку, хочу поблагодарить, но не могу и одного слова выговорить — в горле у меня кипят слезы радости.

Сколько времени спал, не помню,

На другой день попросил хозяйку принести мне кислого молока, разыгрался у меня после тифа аппетит на кислое. Она сходила на базар и принесла.

А лечила меня так: заварит в кадлушке крутым кипятком полыни и велит, чтоб я совал туда ноги. Делать нечего — сую: мертвое мясо сварится и отпадает. Потом она мазала мне ноги сметаной, и дело быстро пошло на лад.

Через две недели хозяин мне и говорит:

— Ну, товарищ, собирайся и убегай подальше.

Дал мне документы племянника своего, погибшего на германском фронте, дал кое-какую одежонку и немного денег.

Горячо я их поблагодарил и — гайда.

В станицу свою меня не манило, решил искать героев и пробираться в горы Чечни, где, по слухам, товарищ Гикало уже поднимал восстание против кадетской своры.

1935

Степь да степь кругом...

1

Степь была разломана оврагами.

Кружил по степи горячий ветер, завывал на дорогах черную, чернее сажи, пыль.

На кургане дремал, сонно озирая дали, высеченный вечностью, косматый орел.

Нескатые и местами уже начавшие осыпаться хлеба, точно море, подступали к самым порогам хат.

Уже вторую неделю кавполк безмятежно отдыхал на затерянном в степи хуторе.

По вечерам, когда сваливала жара и по улицам ложились густые тени тополей, политушки проводили по эскадронам занятия.

А ночами отдохнувшие бойцы с гармошкой и песнями шлялись по хутору и, случалось, уже затевали из-за девок драки.

Командир полка Иван Черноярлов, выслушав от своего ординарца Шалима доклад о тех сварах, недовольно ворчал:

— Пора бы и за дело брать... Самый раз... У хлопцев кровь застоялась, осатанели от скуки.

Но штаб дивизии молчал.

2

Иван Черноярлов давно искал встречи со своими станичниками, что не захотели служить революции и пошли под трехцветные знамена «единой и неделимой».

И вот наконец-то конная разведка доставила на хутор «языка», от которого с точностью было известно о стоявшем в недалеком селе пластунском батальоне Запорожского полка.

Черноярлов возликовал.

Вся подготовка к набегу была проведена в полном секрете и в кратчайший срок.

Была темная августовская ночь. Тишина нарушалась лишь редким лаем собак да доносившимся с речки немолчным кваканьем лягушек. Небо было затянуто грозowymi тучами, и меж туч лишь где-где мерцала робкая звезда.

Трубаач проиграл сбор.

Спавший до того мертвым сном хутор вмиг ожил — в окнах хат зажелтели трепетные огоньки, захлопали двери, заржали кони, тпрукали хриплые спросонья голоса. Не про-

шло и полной минуты, как со дворов уже вылетали всадники и устремлялись к условленному заранее месту сбора — за сады, к ветрякам.

Полк выстроен.

Бубнят низкие голоса, в зубах вспыхивают раздуваемые ветром сигарки, всхрапывают кони, чуя дорогу.

Черноярлов вполголоса объясняет окружившим его эскадронным командирам и ближайшим своим помощникам предстоящую задачу.

— Из огня в плен не брать, — говорит Черноярлов, сверкая в темноте огненными очами, — попал под шашку, рубли.

Эскадронные разъезжаются по своим местам, подают команду, и полк трогается к речке.

Выпавают коней на дорогу, потом эскадрон за эскадрон вытягиваются за хутор, на шлях и, сопровождаемые неистовым собачьим лаем, пропадают в темной степи.

3

Полк шел переменным аллюром.

Впереди смутно белел степной шлях, по сторонам — волнуемые ветром — шумели хлеба.

Мягко погромыхивали колеса пулеметных тачанок, звякали удила, подковы, пулеметные щиты. Ветер заглушал все эти звуки.

Время от времени из головы колонны в хвост передавалась негромкая команда:

— Не кури-и-ить... Кашляй в шапку-у-у...

Иван, как и всегда, был впереди полка. Под ним поскрипывало новое, еще не обмятое седло. Громобой — так звали его жеребца — бодро потряхивал головой, прося повода. Стремя в стремя с командиром по один бок ехал верный Шалим, по другой бок — трубаач.

Иван перед боем, как перед прыжком в холодную воду, весь был собран, серьезен... Но душа его была пьяна — атака была его любимая игра. Вот уже третий год, как он беспрерывно находился в огне — Персия, Украина, Кубань, — он заболел дикой тоской, когда подолгу не было боев, и только после хорошего дела веселел, орал вместе с бойцами нехитрые походные песни и на дневках переплясывал самых удалых плясунков.

Так полк двигался часа два.

Засерел рассвет, но еще настолько слабо, что и в десяти шагах всадник был еле различим.

И не было еще никаких признаков села. «Опоздали», — эта мысль уже мелькала кое у кого в голове.

Вот-вот готовый вспылить Иван обернулся к начальнику конной разведки Бурульбашу и недовольно буркнул:

— Ну, где ж твой чертов курган?

— От туточки, Иван Михайлович, — шепнул старый Бурульбаш, и под бледным светом звезды блеснула вдетая в его ухо серебряная серьга.

И действительно, проехав еще немного, Иван различил в указанном направлении смутный контур кургана. Он очертил собранною в руке плетью быструю петлю и тихонько свистнул.

Бурульбаш все понял.

Он крутнул коня и замешался в движущуюся конную массу, а через какую-нибудь минуту его полусотня, оторвавшись от полка, пошла наметом прямо по хлебам, обтекая курган с обеих сторон, чтобы захватить, по возможности без шума, неприятельский дозор, если он там засел, да чтобы немедленно выпытать у тех дозорщиков пароль.

Иван ослабил в ножнах шашку и выдернул из коробки маузер.

И следовало бы подождать Бурульбаша, но было уже некогда: заметно начала редеть ночная темень, была дорога каждая доля минуты.

Сразу за курганом должно было быть село, и еле слышный редкий собачий брех уже доносился оттуда.

Полк остановился.

Иван отдал последние распоряжения, а сам с полусотней осторожно двинулся вперед.

И сейчас же за ним в некотором отдалении двинулись уже перестроенные в боевой порядок эскадроны.

В стороне кургана вспыхнул короткий крик, блеснул один-другой выстрел, и там все смолкло.

И — почти одновременно — впереди испуганный окрик:

— Кто идет?

— Свои, — глухо, волнуясь, отозвался Иван.

— Пароль?

— Рубай! — подал Иван команду и, выдернув шашку, ринулся с полусотней на заставу белых.

В мгновение ока заставка была перерублена.

На храпящем кабардинце подскакал Бурульбаш и начал было рапортовать:

— Так что, Иван Михайлович...

Но впереди уже слышались чужие голоса, и некогда было слушать Бурульбаша.

Иван привстал на стременах, гаркнул:

— По-о-о-olk, шашки к бою!

Горнист повторил на рожке приказание командира.

Полк пришел в движение.

Однако, проскакав не более сорока сажен, Иван наткнулся на залегшую в неглубоких окопах цепь противника: несомненно, что пластуны были уже предупреждены кем-то о готовящемся набеге.

Тревога, первые — вразнобой — выстрелы.

Степь ожила.

Прямо в лоб — веером каленого гороха — брызнул неприятельский пулемет.

Иван с полусотней, потеряв несколько всадников, отлетел в сторону.

Скачущий за ним следом эскадрон затоптался на месте, не зная то ли спешиваться и класть коней, то ли кидаться в атаку.

Полк был открыт... Успех налета заколебался, точно на острие ножа...

— По-о-о-olk, за мной!

Иван с полусотней стремглав поскакал по неглубокой ложбинке вдоль неприятельской цепи.

Эскадроны, спутав всякий порядок, рванулись за ним.

Степь загудела от конского топота.

Темнота ночи все еще боролась с рассветом.

Трещали, точно кто плотно драл, винтовочные залпы.

Пулеметы белых, видимо заранее пристрелянные, поливали шлях, на котором уже не было ни одного всадника.

Наконец — на стыке двух рот — Иван скорее угадал, чем увидел, разрыв, прогал и кинулся в него со своей полусотней.

За ним, расширяя брешь, как прорвавшаяся вода, хлынул первый эскадрон, второй эскадрон, весь полк.

Полыхнуло короткое:

— Ура-а!

И дальше подхватили:

— А-а-а...

Неожиданно дело приняло для пластунов дурной оборот: в самом центре своего расположения они имели целый кавполк.

Стрельба на минуту захлебнулась.

Всадники — одни направо, другие налево — кинулись по фронту, работая шашками и горляна:

— Ложи оружие!.. Сдавайся, гады!..

Но в следующее мгновение с новой силой разгорелась стрельба и — пошла потеха. Водоворот боя.

Там, поддетый пластуном на штык, вылетел из седла Семен Зряхов, первый в полку песенник.

Тут упал с рассеченной головой, задрав бороду, пластун Яков Дубонос: то-то будет радости его семерым детишкам, когда весточка об отце долетит в станицу.

Горячая пуля чмокнула в переносицу рыбака Остапа Калайду, и осиротела его белая хатка на берегу моря, под Таганрогом.

Опрокинулся навзничь и выпучил остановившиеся глаза сотник Петро Цаберябый — пожалет теперь у его кудрявой голове не одна молодая казачка Бейсугского юрта.

Под казаком Игнатом Забуженко кобыла сломала ногу, попав ногою между спицами колес. Игнат упал вместе с кобылой и, запутавшись в стремени, не успел сразу вскочить — он был затоптан конями.

Рядом с ним лег поручик Стрижевский. Еще не успеет как следует разгореться день, а по его измазанному запекшейся кровью, мертвому лицу уже поползут мухи; мухи набьются в ноздри и в полураскрытый побокший рот, который еще так недавно и с таким азартом целовала в Армавире какая-то девчонка...

Как косарь идет, косою играя и оставляя за собой широкий прокос, так и Иван Черноярлов, с молниеносной быстротой работая шашкой, прорубался сквозь самую гущу врагов.

Вдруг он увидел на одном из возов своего родного брата Василия, того самого, что давно уже оторвался от казачьего рода и жил в городе и в городе имел свою торговлю. Стоя на возу, он отбивался железной лопатой от наседавших на него Никиты Чубаренко и Петра Галагуры.

Иван метнулся к брату и закричал: — А ну, хлопцы, осадил!.. Я с ним сам расправлюсь!

Чубаренко и Галагура осадили. Василий с непостижимой быстротой выхватил из кобуры наган и вскинул его.

Иван на мгновение увидел перед собой черную дырочку дула... щелкнул курок... и вот — то ли наган дал осечку, то ли в нем уже не оставалось ни одного патрона, чего Василий впопыхах не заметил, — выстрела не последовало.

Он поднял над собой руки и дико, страшно закричал:

— Ваня! Братец!..

Ударом шашки Иван выбил у него из руки наган и осекшимся, чужим голосом туго выговорил:

— Молись, стерва!..

И тогда случилось странное...

Громобой под Иваном, быть может, испугавшись выражения глаз Василия, что еще не так давно был его хозяином, храпел, упирался и никак не хотел подойти к нему настолько близко, чтобы того можно было достать шашкой.

Иван прищпоривал Громобоя, но все было напрасно.

А Василий Михайлович, несмотря на свою полноту, вдруг легко закружился на возу и, отмахиваясь от брата руками, точно от овода, залился каким-то кудахтающим смехом:

— Ванька, не балуй... Ванька, не лезь...

В глазах его, как пламя, вихрилось безумие, изо рта начала клубом выбиваться пена.

«Спятил», — мелькнуло в сознании у Ивана.

Начонец он совладал с конем и рассек брата через плечо до пояса: ключица — под шашкой — хлопнула, точно револьверный выстрел.

Между тем пластуны бежали куда попало. Кавалеристы гонялись за ними по степи и секли их клинками.

Первый эскадрон под командой Юхима Загоры уже ворвался в село, по широким улицам которого метались обозы.

Бой закончен.

Горнист играет сбор.

Отовсюду — на рысях — сгоняют пленных, подбадривая их плетями и озорно покрикивая:

— Шире шаг!

Иван спрыгнул с седла, чтобы немного поразмяться и, бросив повод своего коня Шалиму, спросил его:

— Ну как, кунак, жарко?

— Уф, Ванушка, жарко, — ответил тот, отирая рукавом черкески пот с заветренного лица.

— Велик ли урон?

— Чотири гроба, семнадцать раненых.

Иван раскурил трубку, вскочил в седло и, с места взяв с копытца, поскакал в село.

Илья Френкель

Рассказ

Говоря откровенно, я так и не знаю, не уверен в том, что все это было. То есть происходило на самом деле. Сомнителен год. Впрочем, после девятнадцатого это не могло случиться. С другой стороны, прошло черт знает сколько лет, пока вдруг все происшествие не всплыло в моей голове. В общем не то в марте, не то в апреле какого-то года, как полагаются, днем снег таял, с крыш капало, солнце светило не только с неба, а отовсюду: отскакивало от уцелевших стекол со страшной силой, плавило тротуары и заборы (тоже уцелевшие от разрухи) — вообще все словно плавало в солнечном масле, ярком до рези в глазах, до появления черных пятен, если зажмуриться... И воздух был такой особенный — не то солнечный, не то ледяной — даже чуть больно дышать. Очень чистый воздух. Думаю, оттого, что никаких автобусов и всех этих автомашин тогда не бегало, даже трамваи редко-редко ходили, а улицы так долго не убирались, что приобрели какую-то полевую, степную дикость. Или это потому, что мне было пятнадцать лет и я был постоянно голоден, как волк, до легкого приятного головокружения. Вы — кто еще моложе меня — должны были хоть раз в жизни испытать подобное ощущение: оно бывает у людей в марте, на переломе зимы к весне.

Вот эти впечатления от света, от воздуха, от голодного замирания в голове — похоже на то, как будто ты выздоровел, что ли, — могли создавать что-то вроде миража. В дымке еле-еле трепетавшего предвесеннего дня улица Воздвиженка, от поворота на Арбат до Троицких ворот Кремля, казалась широкой, как река, где берегами стояли ряды домов. А какие они были, эти дома, я и не помню и не видел в этот день. Может быть, видел, но позабыл, когда случилось все это. Дал Надо сказать, что я был мал ростом для моих

пятнадцати лет (через год я вырос, наверно, на полметра), рукава отцовской куртки приходилось подвертывать внутрь, а самое кожанку запахивать, так что пола заходила подмышку. Но не было комсомольца и комсомолки в то время, какие не мечтали о том, чтобы щеголять в этих доспехах воинов пролетарской революции, пусть они не так новы и не так скрипучи и пахучи. Человек в кожаном становился выше, подбористей, энергичней на ходу, чем в неуклюжем пальтишке или в так называемой шубе, какие раньше изготовлялись с единственной целью — так укутать тело, чтобы оно полностью утратило очертания и гибкость, абы теплее, абы в сон кинуло: вот это действительно шуба! А в кожанке, кажется, и слышится лучше, а уж ходишь наверняка стремительнее, особенно в мороз. В пазухе запахнутой и стянутой ремнем кожанки, за поясом штанов, упирался в живот тяжелый наган — все время чуешь свою вооруженность, не забываясь ни на секунду. Дома у меня был карабин — вроде японский, две лимонки-гранаты, пугавшие мою маму до обморока. Я мечтал о пулеметной ленте: вот бы обмотаться крест-накрест!..

Никак не подойду к самому происшествию, пока все наружные и внутренние признаки той поры не станут вам сколько-нибудь ясны и ощутительны.

На тротуаре лежала тень большого дома, и я вошел в нее, моргая ресницами, на которых сразу сгустился липкий иней, а ноздри склеивались при каждом вдохе, но отсюда, из тени, еще сильнее горел мартовский день, еще плотней стала дымка, дрожащая над тающим снегом. Сквозь эту дымку я увидел двоих. Один — весь в хрустящей черной одежде (куртка, штаны, сапоги), донесся едкий казарменный запах, всегда опьянявший меня. Этого мужчину я заметил и охватил взглядом сразу всего. Даже фуражку, тоже кожаную, новенькую, одобрил про себя: «Правильный комиссар!» Вот только очки... Да ведь сам я близорукий с детства. Вдруг понял: знаком мне этот комиссар, так знаком, что сердце заколотилось где-то над наганом. Свердлов это был — ну кто его не знал по портретам? Они подходили все ближе к самой границе тени, где солнце всего ярче. Смеялись. Другой здорово хохотал, аж отдавалось на другом берегу улицы. Он как раз был в таком зимнем пальто — неуклюжем, презренным одеянии штатских. И шапка — скучная, обыкновенная шапка. Честное слово, он был в калошах. Прямо скажем, Свердлов

«забивал» его своей комиссарской красотой. Он покорял «как мимолетное виденье», почти неправдоподобно, может быть, в силу того, что уж очень много завидных и желанных вещей на нем было. А его собеседник теперь захохотал, увидев меня. И они остановились на самой границе тени. Свердлов сказал: «Закрой рот, мальчик!» Я еще не успел обидеться за «мальчика», как узнал спутника, все еще смеявшегося. Товарищ Ленин, живой Ленин смотрел на меня, и ничего, кроме этих добрых глаз, усов и бородки, больше я не видел и не хотел видеть.

Потом, спустя долгое время, я понял: на Воздвиженке, на этой стороне помещался ЦК партии. Они, наверно, гуляли, Свердлов с Владимиром Ильичем. Им, наверно, тоже нравилась эта погода, а возможно, и смешной мальчишка в непомерной куртке, с разинутым ртом. Никогда впоследствии я не видел вождей так близко. Никогда и никто так славно не смеялся. А за то, что Свердлов назвал меня «мальчиком», я все-таки обиделся. Это

чувство помню вот почему. Они двинулись дальше, еще ближе ко мне. И тут Свердлов поскользнулся, проехал шага два на одной ноге и упал. Он барахтался в своей черной коже, пытаясь встать, и Ленин протянул ему руку, небольшую сильную руку и продолжал смеяться, говоря: «Революционер обязан крепко стоять на ногах». И то, что Ленин от души смеялся над барахтающимся Свердловым, прогнало мою дурацкую обиду. А Свердлов, встав, наконец, на ноги, обтянул куртку и поправил пенсне — да, он носил не очки, а пенсне. И они пошли дальше. И Свердлов раза два оглянулся на меня, все еще бывшего в каком-то столбняке. И первый раз он глядел смущенно и раздосадованно. А во второй раз сам засмеялся и показал себе пальцем на рот: то ли хотел опять сказать, чтобы я закрыл свой. А может, намекнул: не болтай, дескать, об этом случае.

Прошло больше сорока лет, и я, понимаете, разболтал.



Февраль как пролог Октября

И. И. Минц, История Великого Октября, т. I. Свержение самодержавия. М., изд-во «Наука», 1967, 930 стр., тираж 14 000.

В начале XX века в России произошли две буржуазно-демократические революции. Первая из них, революция 1905—1907 годов, закончилась поражением; вторая — Февральская революция 1917 года — осуществила то, о чем мечтали многие поколения передовых людей России, — самодержавие было свергнуто. Однако если о первой революции в нашей исторической литературе написаны многие десятки книг, то количество работ о второй исчисляется лишь единицами. Чем это можно объяснить?

На наш взгляд, существуют две основные причины. Одна из них — объективная — состоит в следующем. Есть в истории выдающиеся по своему значению события, непосредственно за которыми последовали события еще более грандиозные, еще более величественные. И тогда то, что им предшествовало, с течением времени как бы тускнеет в памяти, отодвигается на второй план. Так произошло с Февралем. Всего лишь через 8 месяцев после свержения монархии началась Великая Октябрьская социалистическая революция, естественно приковавшая к себе внимание историков, писателей, публицистов.

Но была и другая причина — субъективная. Она заключалась в том, что постепенно, примерно с 30-х годов, стали, по-видимому, считать, что основным результатом победы Февральской революции был приход к власти буржуазии в лице Временного правительства, в то время как с точки зрения развития последующих событий гораздо более важным последствием свержения монархии явилось возникновение Советов — органов диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Но в итоге мы сами в известной степени как бы «отказывались» от Февральской революции, что, конечно, было только на руку эмигрантским историкам и мемуаристам. Февральскую революцию они провозгласили «своей», «настоящей» демократической революцией, завоевания которой перечеркнул и уничтожил Октябрьский большевистский «переворот».

Между тем В. И. Ленин придавал Февральской революции большое значение. Он указывал, что без свержения монархии, без установления демократических свобод в стране движение к социалистической революции невозможно. Именно Февральская революция превратила Россию, по словам Ленина, в самую свободную страну того времени. Столь

широкая свобода была не результатом реформаторской деятельности Временного правительства, а сосредоточением фактической власти в руках Советов, опиравшихся непосредственно на вооруженный народ. «Если бы народное творчество русской революции, прошедшее через великий опыт 1905 г., — писал В. И. Ленин — не создало Советов еще в феврале 1917 г., то ни в коем случае они не могли бы взять власть в октябре, так как успех зависел только от наличия уже готовых организационных форм движения, охватившего миллионы».

Таким образом, значение Февраля очевидно: он открыл путь к Октябрю, он был прологом Октября, и связь между ними неразрывна. Но в выходящих до недавнего времени книгах и учебниках тема Февральской революции тесно увязывалась с темой первой мировой войны, после чего, как правило, следовал расказ о... русской культуре эпохи империализма. Так, история Февральской революции искусственно отрывалась от истории Октябрьской революции.

Внимание к истории Февральской революции стало расти в конце 50-х — первой половине 60-х годов. Появились интересные работы, посвященные различным аспектам истории свержения самодержавия. И тем не менее до сих пор не было всестороннего, обобщающего исследования истории Февральской революции, которая бы рассматривалась в свете ленинской теории перерастания революции буржуазно-демократической в революцию социалистическую. Нельзя поэтому приветствовать выход в свет большой монографии академика И. И. Минца, целиком посвященной этой проблеме.

Монография И. И. Минца, являясь самостоятельным, законченным произведением, в то же время представляет собой первый том трехтомного труда «История Великого Октября», который готовится сейчас к выходу в свет в издательстве «Наука». Это обстоятельство важно само по себе. По существу, впервые в нашей историографии история Февральской революции занимает подобающее ей место: она открывает историю Великого Октября. Такой подход в то же время наносит удар по буржуазной концепции Февральской революции, согласно которой Февраль и Октябрь противостоят друг другу. Следует вообще отметить, что недостаточное внимание советских историков к изучению Февральской революции создавало зарубежным авторам дополнительные возможности писать историю Февраля «по-своему». И, пожалуй, ни одно другое событие не обросло такими мифами и легендами, как Февральская революция. Исследование академика И. И. Минца, воссоздающее подлинную картину событий, опровергает многие из этих легенд.

Остановимся на причинах Февральской революции. В зарубежной исторической литературе широко распространена версия, утверждающая, что свержение царизма было вызвано в основном двумя факторами: неудачной войной и разложением, дискредитацией правительства Николая II. Не будь этих факторов, утверждают буржуазные авторы, все острые проблемы русской действительности были бы разрешены на путях «мирной модернизации», которая быстрыми темпами уже совершалась в период третьенеюнской монархии. Революция в России не была, следовательно, неизбежной и необходимой.

Не отрицая значения войны и кризиса «верхов» в ускорении революционного взрыва, И. И. Минц, используя огромный и разнообразный материал, показывает, как глубочайшие сдвиги, происшедшие в экономике царской России в конце XIX — начале XX века, подточили социально-экономическую базу царизма, превратили его в тормоз на пути дальнейшего прогресса страны. Никакие попытки царского правительства открыть клапаны путем создания Государственной думы, проведения столыпинской земельной реформы, введения «рабочего законодательства» и т. п. не могли в корне изменить классовую природу царизма. История не отпустила царизму тех 20 лет, которые нужны были, по мнению П. А. Столыпина, для реформирования России. Глубокие социально-экономические и политические противоречия, свойственные российской действительности, были разрешены революцией.

Другой миф, широко распространенный в зарубежной историографии, — утверждение о «единодушном» характере Февральской революции. В отличие от Октябрьской, утверждают буржуазные авторы, Февральская революция была общенациональной революцией, революцией «всех», причем сознательно-политическая роль в борьбе с царизмом принадлежала буржуазии, либералам, а массы лишь «анархически бунтовали» на почве голода. Книга И. И. Минца начисто опровергает эту версию. В ней показано, что в предреволюционный период, когда трудящиеся все активнее втягивались в борьбу за свержение самодержавия, буржуазно-либеральная оппозиция, критикуя царизм, делала в то же время все возможное, чтобы не допустить революции.

Не было никакого «единодушия» и в ходе самих февральских событий. В то время, когда рабочие и солдаты сражались на улицах Петрограда, буржуазные либералы маневрировали, стремясь войти в контакт с царем и, заключив с ним соглашение на основе программы «прогрессивного блока», остановить революцию. К этому в конце концов стал склоняться и царь. Но было уже поздно: Революционное движение приняло такой размах, что остановить его «жертвой пешики» было уже нельзя. Только тогда буржуазия совершила поворот и от активного противодействия революции перешла к ее «признанию», но это отнюдь не означало, что буржуазия стала революционной силой.

Зарубежные авторы отрицают какую бы то ни было роль революционных организаций в подготовке пролетариата и солдат к революционному выступлению, а также сколько-нибудь активное участие этих организаций в самих февральских событиях. В современной буржуазной историографии тезис о непричастности большевистской партии к Февральской революции возведен в ранг аксиомы. Данные, содержащиеся в монографии И. И. Минца, опровергают эту «аксиому». Бесспорно, что в годы войны репрессии, обрушившиеся на партию со стороны царизма, поставили ее в трудные условия, привели к сужению ее деятельности по сравнению с предвоенным периодом. Однако, несмотря на сложнейшую обстановку, партия продолжала вести огромную организационную и пропагандистскую работу.

Академик И. И. Минц детально исследует

деятельность центральных и местных партийных организаций накануне 1917 года, показывает большевиков в самой гуще рабочих и солдат в дни Февраля.

Один из зарубежных «авторитетов» в области истории Февральской революции Б. Лонкарт, сокрушался о том, что Февральская революция незаслуженно «забыта», пишет, что «люди, которые совершили Февральскую революцию, похоронены в пыли забытых книг». Сейчас, накануне 50-летия Октября, за рубежом, в частности в США, пытаются вытащить из этой пыли мнимых героев Февраля. Все чаще и чаще в американской прессе мелькает имя А. Ф. Керенского, бывшего премьер-министра и главноверха, доживающего свой век в США в качестве преподавателя русской истории. Коллега Керенского Р. Браудер называет его «центральной фигурой Февральской революции», а сам Керенский именует себя ее «повивальной бабкой». Но подлинными вершителями и героями революции были не Керенский и его друзья, отсиживавшиеся в те решающие дни в Таврическом дворце, а десятки рабочих-большевиков, с которыми читатель встретится на страницах книги И. И. Минца. Имена В. Каюрова, И. Чугурина, А. Скороходова, П. Корянова, И. Свешникова и многих, многих других революционеров не будут похоронены «в пыли забытых книг».

Монография И. И. Минца представляет собой широкое историческое полотно. Из Петрограда, где, конечно, решалась судьба Февральской революции, автор переносит читателя в Москву, в другие города России, в провинцию, на фронт, где также в конце февраля — начале марта происходили драматические события. И эта развернутая картина революции, победоносной шествовавшей по стране и ломавшей сопротивление царских властей, убедительно опровергает еще один «хлесткий» миф, миф об удивительно легкой победе над царизмом, о «чудесном» извлечении страны от самодержавия, о капитуляции монархии без всякого сопротивления. Как явствует из работы И. И. Минца, царизм судорожно цеплялся за власть как в центре, так и на местах и был сокрушен не только вследствие своей слабости, но главным образом благодаря небывалому размаху и всепокрушающей силе революционного движения, в авангарде которого шел пролетариат.

Исследование И. И. Минца — плод многолетнего труда. Им проанализированы десятки и сотни архивных документов, изучены тысячи страниц воспоминаний участников и очевидцев событий, учтены и обобщены достижения советской исторической науки в разработке истории революции 1917 года почти за полвека. Перефразируя известное римское изречение, И. И. Минц пишет в предисловии к своей книге: «Я сделал все, что мог, пусть другие продолжат и сделают лучше».

Автор монографии сделал действительно многое. С выходом его книги советская историография обогатилась первой фундаментальной работой по истории свержения царизма в России. Нужно пожелать, чтобы советские историки последовали призыву маститого ученого и продолжили изучение Февральской революции. Она, безусловно, заслуживает этого.

Г. Рогмили

Штаб революции

«Петроградский Военно-революционный комитет». Документы и материалы, т. 1—3. М., изд-во «Наука», 1966 — 1967, тираж 7200.

Перед нами два интереснейших документа, относящихся к первым шагам деятельности только что родившегося Советского государства:

«Военному коменданту Политехникума
31 октября 1917 г. № 2071

Я, народный комиссар просвещения, настоящим отношением сообщая Вам, товарищ комендант, что ввиду наличности в Политехникуме весьма значительных научных сокровищ, являющихся имуществом народов России, необходимо немедленно принять экстренные меры и ограждению этих ценностей от возможного расхищения и порчи их.

Для этой цели мною назначается в Политехникум тов. Игнатов в качестве комиссара по охране народного достояния Политехникума. Тов. Игнатов будет давать свои распоряжения по соглашению с коллегией профессоров Политехникума.

Прошу Вас, тов. комендант, оказать ему в его действиях всемерную помощь. Прошу Вас также поставить на вид товарищам из воинских частей, находящимся ныне в Политехникуме, что их прямым долгом является, с честью для себя и для нового истинно народного режима, тщательно охранять народное достояние от всякого ущерба.

Народный комиссар по просвещению». «В полномочия комитет гвардии Преображенского полка. 7 ноября 1917 г. № 2829.

Ввиду того, что имеющийся в Преображенском полку симфонический оркестр представляет значительную художественную ценность и, благодаря хорошо налаженной работе, может быть использован для обслуживания широких народных масс, я, народный комиссар по просвещению, прошу принять меры для сохранения этого симфонического оркестра в его настоящем артистическом составе, не дробя его сил и не нарушая цельности и организованности.

Подписал: Народный комиссар по просвещению А. В. Луначарский.

Скрепил: Старший секретарь
Подлинную получил капельмейстер гвардии Преображенского полка Влад. Бакалейников.

Оба документа написаны на бланках и с регистрационными номерами Петроградского Военно-революционного комитета.

Они впервые публикуются в юбилейном из-

дании — трехтомном сборнике документов Петроградского Военно-революционного комитета.

Петроградский Военно-революционный комитет вошел в историю как штаб подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания. Гораздо меньше известна его разносторонняя деятельность как первого государственного органа Советской власти.

Публикация документов Петроградского ВРК началась вместе с началом создания истории Великой Октябрьской социалистической революции.

Сейчас можно назвать немало изданий, в которых нашли свое место документы ВРК. Наиболее крупные из них: «Документы Великой пролетарской революции», т. 1, М., 1938; «Донесения комиссаров Петроградского ВРК», М., 1957; «Большевистские военно-революционные комитеты», М., 1958; «Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде», М., 1957.

Тем не менее ощущалась настоятельная необходимость нового, более полного издания этих документов. Дело в том, что все прежние публикации носили выборочный характер, в каждой из них опубликована сравнительно небольшая часть документов ВРК. В основном неоднократно публиковалась группа документов о вооруженном восстании в Петрограде и разгроме мятежа Керенского — Краснова. Кроме того, в большинстве случаев по разным причинам при публикации в документах допускались пропуски, опускались резолюции и пометы, а главное, подписи под документами.

Для сравнения скажем, что если в наиболее полное до настоящего времени издание «Документы Великой пролетарской революции» вошло 560 документов, то в новом трехтомнике опубликовано до 5 тысяч документов ВРК. Еще столько же документов включено в приложения к третьему тому.

Первый том открывают письма В. И. Ленина сентября — октября 1917 года и протоколы ЦК РСДРП(б), без которых немислимо понять историю создания и задачи, стоявшие в этот момент перед Военно-революционным комитетом.

9 октября Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов по предложению большевиков принял решение о создании при нем революционного комитета обороны для организации защиты столицы как от внутренней контрреволюции, и в частности попытки Временного правительства вывести на фронт части революционного гарнизона, так и внешней опасности. После принятия ЦК большевиков на следующий день, 10 октября, резолюции о вооруженном восстании по указанию и под непосредственным руководством В. И. Ленина было решено использовать создаваемый орган в качестве легального оперативного штаба восстания. По предложению большевиков он получил новое название — Военно-революционный комитет.

В сборнике впервые публикуется персональный список членов ВРК. Подавляющее большинство в комитете составляли большевики. Членом ВРК был В. И. Ленин. В ВРК входили и представители левых эсеров, несколько с.д. интернационалистов и анархистов-коммунистов.

К 24 октября Военно-революционным комитетом была проделана колоссальная по размаху работа по подготовке сил восстания. Во все части петроградского гарнизона, на Север-

ный фронт, в склады оружия были направлены комиссары. В новом издании впервые публикуются все сохранившиеся удостоверения, выданные ВРК своим комиссарам, эмиссарам, агитаторам, уполномоченным. В Семеновский полк был назначен прапорщик Ю. М. Коцюбинский, в Измайловский — солдат Г. И. Чудновский, прапорщик А. Ф. Ильин-Женевский — в огнеметно-химический батальон и гренадерский полк, корнет П. И. Вьюгин — в 9-й запасной кавалерийский полк, Г. А. Мануйлов в 180-й пехотный, прапорщик О. П. Дзенис — в Павловский, прапорщик И. П. Вишневецкий — в Московский, Я. М. Рудник — в Финляндский, А. М. Любичев — в Кенсгольмский полк, И. Е. Зайцев — в гвардии Егерский полк и т. д.

Вот удостоверение комиссара легендарного крейсера «Аврора» А. В. Бельшеву.

«24 октября 1917 г. № 1125. 12 ч. 20 м. дня. Товарищ Бельшев делегируется комиссаром от Военно-революционного комитета при Петроградском Совете рабочих и солдатских депутатов на крейсер «Аврора». За председателя Н. Подвойский. Секретарь Антонов».

В исторические дни 24—25 октября по приказам Военно-революционного комитета революционные силы рабочих солдат и моряков парализовали все действия Временного правительства, овладели Зимним дворцом.

Первый документ, возвестивший о свершении Великой Октябрьской социалистической революции, — известное воззвание «К гражданам России!» — был написан В. И. Лениным от имени Петроградского Военно-революционного комитета.

На другой же день после победы революции началось вооруженное выступление контрреволюционных сил — мятеж Керенского — Краснова. Одновременно «Комитет спасения родины и революции» подготовил мятеж юнкеров в самом Петрограде.

Этой странице истории посвящено около половины документов первого тома. Военно-революционному комитету пришлось взять на себя военную организацию разгрома контрреволюции.

В этот опасный момент В. И. Ленин лично руководил работой ВРК. На ряде документов ВРК этих дней имеются подписи и резолюции, сделанные рукой В. И. Ленина.

30 октября В. И. Лениным написано удостоверение С. В. Косиору:

«Предъявитель сего, товарищ Косиор, является представителем Военно-революционного комитета и пользуется правом реквизиции всех предметов, необходимых как для нужд армии, так и для нужд Революционного комитета.

Председатель Военно-революционного комитета Владимир Ульянов (Н. Ленин). Петроград, 30 октября 1917 года».

После победы вооруженного восстания, когда перед большевистской партией, перед Советским правительством встали грандиозные

задачи организации управления страной в неминуемо тяжелых условиях общей разрухи, голода, саботажа со стороны чиновничества, Военно-революционный комитет из чрезвычайного органа Петросовета превращается во всеобщий орган государственного управления, подчиненный ВЦИК и СНК, становится главным и почти единственным оперативным органом в руках Советского правительства. «Новый ВЦИК, взяв на себя задачу верховного исполнительного органа трудящихся масс, — говорил в отчетном докладе на III съезде Советов Я. М. Свердлов, — оказался в исключительно тяжелом положении. Дело в том, что старый ЦИК присвоил все дела, суммы и отчеты... Наше положение облегчалось лишь тем обстоятельством, что в самом начале революции образовался Военно-революционный комитет, который и взял на себя все задачи, вытекающие из условий момента». Такое же состояние саботажа наблюдалось во всех министерствах. Новый аппарат наркоматов только начинал формироваться.

Теперь становится понятным, почему именно в делах Петроградского Военно-революционного комитета сохранились приведенные распоряжения А. В. Луначарского. Эти документы не единственные. В сборнике впервые опубликован целый ряд документов, рассказывающих о сразу же принятых Советским правительством и комиссарами Военно-революционного комитета мерах по охране культурных ценностей и сокровищ искусства Эрмитажа, Зимнего и других дворцов Петрограда и окрестностей, которые объявлялись отныне принадлежаниями народу, «единственному их владельцу и хозяину».

Со второй половины ноября, по мере укрепления органов Советского правительства, активизации деятельности Петроградского Совета, ВРК постепенно стал разгружаться от ряда функций, передавая их соответствующим учреждениям. В то же время ВРК направлял своих испытанных работников в новые центральные учреждения: в Наркомат по военным и морским делам, Наркомат внутренних дел, во Всероссийскую Чрезвычайную Комиссию по борьбе с контрреволюцией, саботажем и преступлениями по должности (ВЧК).

Вопрос о реорганизации ВРК рассматривался на заседаниях Совнаркома и Петроградского Совета. 5 декабря ВРК принял постановление, в котором говорилось: «Военно-революционный комитет, выполнив свои боевые задачи в дни петроградской революции и, считая, что дальнейшие работы Военно-революционного комитета должны быть переданы отделу по борьбе с контрреволюцией при Центральном Исполнительном Комитете Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, постановляет ликвидировать все отделы, работающие при Военно-революционном комитете, и все дела передать в соответствующие отделы Центрального Исполнительного Комитета, Совету Народных Комиссаров и Петроградскому или районным Советам рабочих и солдатских депутатов».

Е. Орехова

Флот на стороне революции

В. В. Петраш, Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. Изд-во «Наука», М. — Л., 1966, 267 стр., тираж 25 000.

Около 700 кораблей и 100 тысяч моряков — вот что такое Балтийский флот, вставший на сторону революции в 1917 году. Именно это подразумевал В. И. Ленин, когда писал: «Только немедленное движение Балтийского флота, финляндских войск, Ревеля и Кронштадта против корниловских войск под Питером способно спасти русскую и всемирную революцию»¹.

В основе исследования В. В. Петраша «Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября» — широкий круг разнообразных источников. Автор работал в Центральном архиве Военно-Морского Флота, в ЦГАОР, в Центральном государственном военно-историческом архиве, в Центральном партийном архиве и др., откуда извлек большое количество ценных документальных материалов, не использовавшихся ранее.

В. В. Петраш изучил социальный состав, положение и условия службы матросов и офицеров Балтийского флота накануне революции, борьбу большевистских организаций за демократизацию флота; в книге рассказано и о силах контрреволюции во флоте, с которыми пришлось бороться матросским массам.

Статистические расчеты автора интересны и красноречивы. Из 86 625 балтийских матросов (по данным на 1 января 1917 г.) 64 процента составляли молодые новобранцы, призванные на службу в 1912—1916 годы. В 1917 году им исполнилось 20—25 лет. Следовательно, более 50 тысяч матросской молодежи — вот из кого состоял «костяк» революционной Балтики.

Вторую по численности группу (16,6 процента) составляли запасные, призванные во флот в 1904—1908 годах и демобилизованные

в запас в 1909—1914 годах. Снова призванные в годы войны, запасные играли во флоте особую роль, по своему значению превосходящую их «процент»: ведь в большинстве своем они являлись обученными специалистами и опытными моряками, часть которых участвовала в русско-японской войне. Кроме того, все они проходили службу в годы первой русской революции 1905—1907 годов и были участниками или свидетелями первых революционных выступлений во флоте.

Трудно найти лучшую иллюстрацию для эстафеты революции 1905—1917.

Несколько меньше, чем запасных, служило во флоте задержанных демобилизацией матросов, призванных в 1909—1911 годах (15,5 процента). Среди этой группы также было немало специалистов и обученных матросов. В 1917 году этим людям было уже 26—28 лет, они выслужили положенный срок и, конечно, особенно тяготились продолжавшейся войной. Не случайно именно из матросов 1909—1911 годов вышло много активных деятелей матросских большевистских и демократических организаций.

Особое положение занимала среди личного состава флота небольшая группа сверхсрочников (2466 человек — 3 процента) и кондукторов (1245 человек — 1,5 процента). Это были старослужащие (от 30 до 54 лет) унтер-офицерского и кондукторского звания, оставшиеся добровольно на сверхсрочную службу. Получая известные льготы и преимущества перед простыми матросами, многие из них были на стороне контрреволюции, шли в провокаторы, осведомители и агенты царской охранки. Сразу же после Февральской революции матросские массы категорически потребовали ликвидации института сверхсрочников и кондукторов. Отчисление их из флота (по приказу 12 июня) существенно ослабило силы контрреволюции во флоте в период борьбы за власть Советов.

Очень интересны данные о классовом и социальном составе матросов. Из призванных 1913—1916 годов (основной массы, служившей во флоте в 1917 году) 36,2 процента матросов Балтийского флота составляли рабочие, из них почти 80 процентов — квалифицированные специалисты, главным образом металлисты, 15,3 процента — торговые моряки и рыбаки, то есть полупролетарские элементы, 23,9 процента — крестьяне. Следовательно, в отличие от армии, в основном состоявшей из кре-

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 34, стр. 390.

стьян (рабочих там было в 1913 году 3,4 процента), флот был укомплектован более чем на половину выходцами из рабочих и полупролетарских элементов. Пролетарская прослойка во флоте составляла его революционное ядро, оказывала огромное влияние на остальную часть матросов.

Обращает на себя внимание и высокий процент грамотных среди матросов Балтийского флота. 85 процентов призывников 1913—1916 годов были грамотными, 8 процентов малограмотными, что в несколько раз превышало средний российский уровень. Это обстоятельство, конечно, способствовало росту сознательности матросов и помогало революционной агитации среди них.

В борьбе с революционным движением во флоте надежной опорой трона, а позже Временного правительства было реакционное морское офицерство. Чтобы понять и объяснить позицию морского офицерства в 1917 году, В. В. Петраш рассматривает его социальный состав. Накануне революции в Балтийском флоте служило 4300 офицеров, что составляло почти 70 процентов всего офицерского состава русского флота. Кадровое офицерство и высший командный состав почти целиком состояли из выпускников Морского корпуса, которые в подавляющем большинстве были дворянского происхождения. Однако при этом уже к началу 1917 года морское офицерство не было политически единым. Кроме закоренелых монархистов, после Февральской революции среди офицеров сложились еще две политические группировки — кадетско-октябристская и численно незначительная, но влиятельная эсеро-меньшевистская группа. Часть морских офицеров позже пересмотрела свои взгляды и стала на сторону революции.

Проанализировав личный состав Балтийского флота, охарактеризовав революционные традиции балтийских моряков, автор приходит к выводу, что «к 1917 году Балтийский флот уже представлял потенциальный резерв революции». В ходе борьбы против самодержавия, против контрреволюции, корниловщины, в период подготовки и проведения Октябрьского вооруженного восстания Балтийский флот из потенциального резерва революции становится активным ее участником. Это убедительно показано в монографии В. В. Петраша.

Сложный путь прошли моряки Балтийского флота: от стихийных выступлений в 1915—1916 годах до открытого участия в вооруженном восстании, от небольших партийных ячеек к мощному отряду членов партии (12 ты-

сяч человек), возглавившему революционную борьбу матросов за власть.

11 боевых кораблей предоставил Балтийский флот 25 октября в распоряжение Военно-революционного комитета Петрограда. 10,5 тысячи моряков Балтики участвовали в вооруженном восстании. «Балтийский флот, верный делу революции, пришел на поддержку восставшего народа», говорилось в подписанном В. И. Лениным обращении СНК от 30 октября 1917 года.

Н. Часовникова

„Декреты Советской власти“

М., Госполитиздат, 1957, т. I, 626 стр., тираж 30 000; т. II, М., 1959, 686 стр., тираж 25 000; т. III, М., 1964, 664 стр., тираж 9000.

«Мы помним, — говорил В. И. Ленин на VIII съезде РКП(б) в марте 1919 года, — как в Смольном мы проводили зараз по 10 и 12 декретов. Это было проявлением нашей решимости и желания пробудить опыт и самостоятельность пролетарских масс».

Выступая на том же съезде, Владимир Ильич подчеркивал: «Декреты — это инструкции, зовущие к массовому практическому делу».

Изучение истории Великого Октября и гражданской войны в СССР невозможно без привлечения законодательных, распорядительных и агитационных документов высших органов Советской республики: Всероссийских съездов Советов, Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Совета Народных Комиссаров и — с 30 ноября 1918 года — Совета Рабочей и Крестьянской Обороны.

В течение длительного времени использование этого богатейшего материала было затруднено ввиду его распыленности. Необходимо было перелистать целые комплекты центральных газет, ведомственных журналов и сборников документов той эпохи, провести кропотливые изыскания в архивах.

В 1933 году вышел в свет сборник докумен-

тов «Декреты Октябрьской революции», подготовленные крупным советским историком и археографом С. Н. Валком. Это была первая попытка осуществить издание официальных актов Советского правительства, созданных либо самим Лениным, либо по его указаниям и под его руководством. Кроме документов СНК, в сборник были включены важнейшие декреты съездов Советов и ВЦИК, хотя они и не имели формально подписи Ленина. Большая заслуга составителя заключалась в попытке показать работу Ленина над законодательными актами, в выявлении разночтений между опубликованными и архивными текстами. Комментарии поясняли тексты и историю их создания.

С середины 50-х годов Институт марксизма-ленинизма при ЦК КПСС совместно с Институтом истории Академии наук СССР начал подготовку к систематической и по возможности полной публикации законодательных актов первых лет революции — «Декретов Советской власти».

В 1957, 1959 и 1964 годах вышли первые три тома «Декретов», охватывающие периоды: 25 октября 1917 — 16 марта 1918 года; 17 марта — 10 июля и 11 июля — 9 ноября 1918 года.

В основу издания положен тот же принцип, что и в «Декретах Октябрьской революции»: раскрытие деятельности В. И. Ленина как автора и редактора первых советских законов, распоряжений и воззваний. Вместе с официально утвержденными документами публикуются ленинские проекты, тезисы, наброски тезисов, замечания к проектам, проекты с его правовой и пометками. Так же, как и в «Декретах Октябрьской революции», оговариваются разночтения между опубликованными и архивными текстами, комментируется история их подготовки и прохождения в СНК и ВЦИК.

В сборники включены как опубликованные (I разделы), так и неопубликованные в свое время и напечатанные впервые (II разделы) правительственные акты. В приложениях даны краткие списки назначений и увольнений, неопубликованные ассигнования СНК.

Уже из беглого обзора легенд видно, что любое из предыдущих печатных изданий было далеко не исчерпывающим источником по истории Советского законодательства.

Исключительная ценность «Декретов» — в познании авторской и редакторской работы В. И. Ленина над законодательными актами.

В. И. Ленин работал над созданием 181 документа (главным образом СНК) из 1099, опубликованных в трех томах «Декретов»; особенно значительно его участие было в период зарождения основ советской государственности, между 25 октября 1917 года и принятием первой Конституции РСФСР (10 июля 1918 года).

Если тексты и легенды к ним непосредственно, наглядно показывают работу Ленина над документами, то примечания, составлен-

ные в основном по материалам протоколов СНК, свидетельствуют о ней косвенно (участие Владимира Ильича в комиссиях по разработке законодательных актов, его поручения составить проект соответствующего декрета и т. д.). Разумеется, все важнейшие официальные документы СНК или ВЦИК и СНК были подписаны В. И. Лениным, за исключением нескольких, утвержденных в его отсутствие (во время кратковременного отпуска 24—27 декабря 1917 года и после ранения 30 августа 1918 года).

«Декреты» являются ценным справочным пособием, поскольку включают значительный круг документов, почерпнутых из труднодоступных источников: архивов, ведомственной и местной печати. Так, исключительно в местных, ведомственных изданиях и сборниках первых лет Советской власти были найдены 87 документов для первых разделов I — III томов (10, 42 и 35).

«Архивная база» сборников неодинакова. Для первых разделов каждого из них архивные источники (подлинники, проекты с подписью В. И. Ленина после утверждения в СНК, проекты-автографы В. И. Ленина, копии, проекты без отметок об утверждении, корректурные экземпляры) были найдены соответственно к 266 (из 343), 271 (из 293) и 271 (из 291) документу. Из них подлинники были найдены соответственно к 161, 178 и 211 документам.

Заметнее всего отсутствие архивных источников к документам I раздела I тома: 77 (из 343) опубликованы исключительно по печатным изданиям, из них 13 принадлежат В. И. Ленину. К сожалению, мы до сих пор не знаем подлинников декретов о мире, земле, о земельных комитетах, о социализации земли и ряда других. Обращает на себя внимание такой факт, что значительное количество однотипных документов представлено в I томе главным образом копиями; например, некоторые постановления о национализации фабрик и заводов. Не исключено, что подлинники посылались на места вместе с возвращавшимися из Петрограда представителями этих предприятий.

В настоящее время подготовлен и сдан в печать IV том «Декретов Советской власти». В него входят законодательные акты и др. документы ВЦИК, СНК и Совета Обороны, принятые в период с 10 ноября 1918 г. по 31 марта 1919 г.

Выход в свет «Декретов» создает надежную основу для капитального исследования первого этапа истории Советского государства.

«Декреты» — хороший ориентир для дальнейших поисков еще не найденных официальных документов центральной Советской власти, для разыскания архивных источников к тем актам, которые известны лишь по печатным изданиям.

А. Покровский

Новое исследование о гражданской войне

Л. М. Спирина, *Классы и партии в гражданской войне в России*. М., изд-во «Мысль», 1967, 438 стр., тираж 8500.

Вот уже почти полвека гражданская война привлекает внимание советских и иностранных историков, экономистов и социологов, публицистов и литераторов. Ей уделено почетное место в мемуарах.

Казалось бы, что можно сказать нового о гражданской войне? Но как ни парадоксально, в обширнейшей историографии, посвященной этой теме, до сих пор не было работы, в которой комплексно исследовались бы важнейшие проблемы классовая и партийной борьбы в России 1917—1920 годов. В трудах советских историков нашли отражение лишь отдельные аспекты истории партий и классов в Октябрьскую революцию и гражданскую войну. С выходом в свет монографии Л. М. Спирина «Классы и партии в гражданской войне в России» этот пробел существенно восполняется.

На основе многочисленных документов, часть которых впервые вводится в научный оборот, автор раскрывает историю рабочего класса и его партии — РКП(б), капиталистов, помещиков и их партии (кадетов, а также монархических организаций), мелкой буржуазии и ее партий (эсеров, меньшевиков и анархистов) в период революции и гражданской войны. Спирина не ограничился изложением истории гибели антисоветских партий в России, а на широком социально-экономическом фоне дал краткую историю их зарождения, их развития и краха. В книге подробно излагаются программы всех партий, характеризуются их лидеры.

Основное внимание в работе уделяется раскрытию стратегии и тактики партии большевиков в борьбе за установление и укрепление Советской власти, за союз рабочего класса и трудящихся крестьян. Автор подробно анализирует процессы внутреннего развития РКП(б) в те годы, показывает упорную борьбу ленинского ядра партии за укрепление партийных рядов промышленными пролетариями, против различных уклонов, за единство и стройную дисциплину, против бюрократизма, фразерства, рвачества и комчанства.

Одно из важнейших мест занимает в книге проблема крестьянства. Такое пристальное внимание к этому вопросу вполне оправдано. Крестьянство составляло в России большую часть населения, и от того, за кем оно пой-

дет, зависела судьба революции. Спирина удалось убедительно показать, как практически развивалась ленинская политика в отношении крестьянства на разных этапах революции и гражданской войны. Неизменной оставалась основная стратегическая линия — союз рабочего класса и трудящегося крестьянства, но формы этого союза видоизменялись в зависимости от решавшихся задач — от нейтрализации середняка до союза с ним.

В связи с этим стоит подчеркнуть как удачу автора тщательный и подробный анализ взаимоотношений большевиков и левых эсеров, крупнейшей мелкобуржуазной партии России, черпавшей силы главным образом в среднем крестьянстве. Л. М. Спирина раскрывает суть коалиции РКП(б) и партии левых эсеров в конце 1917 года и указывает, что со стороны большевиков эта коалиция была честной и рассчитанной на длительный срок. Автор аргументованно возражает некоторым историкам, утверждающим, что большевики вступили в соглашение с левыми эсерами, желая разоблачить перед народом их соглашательство. Это упрощенная постановка вопроса. В действительности коалиция была вызвана сложной политической обстановкой того времени. История Коммунистической партии свидетельствует, что большевики и раньше шли на соглашения с другими партиями. Так, в 1907 году при выборах в думу большевики заключили временный политический блок с эсерами, летом 1917 года неоднократно блокировались с меньшевиками-интернационалистами на выборах в органы местного самоуправления.

В книге большое место отводится анализу форм, методов и средств классовая и партийной борьбы в гражданскую войну. Автор описывает антисоветские мятежи, белогвардейские восстания и заговоры, шпионскую работу империалистических агентов, вскрывает роль иностранных посольств в борьбе с Советской властью. На основании многочисленных новых документов, бывших неизвестными до сих пор, подробно рассматривается о подавлении восстания левых эсеров в Москве летом 1918 года, мятежа Муравьева на Восточном фронте, восстания белогвардейцев в Ярославле. Террористическая деятельность эсеров и анархистов также нашла свое отражение в работе Л. М. Спирина.

В отдельный раздел выделены кулацкие восстания. Автор указывает на их большую опасность, как самых массовых. Так, во второй половине 1918 года в Российской Федерации не было ни одного уезда, где бы не происходили выступления кулаков, богатых крестьян и части середняков против Советской власти. Эти выступления, подогреваемые антисоветской агитацией эсеров и скрытых белогвардейцев, были вызваны борьбой за хлеб и мобилизацией в Красную Армию.

Анализируя сложную социально-экономическую и политическую обстановку в стране в 1918 году, автор показывает беспочвенность попыток меньшевиков и эсеров создать в некоторых районах страны контрреволюционные мелкобуржуазные правительства: в Поволжье — Комитет членов Учредительного собрания (Комуч), на Урале (Уфимская директория), в Сибири (Временное сибирское правительство). Логика острейшей классовая борьбы неумолимо приводила такие «государства» к гибели, а их правительства и полному политическому банкротству. Лидеры мелкой бур-

жуазии не понимали, что в тот период и в тех условиях возможны были или диктатура пролетариата, или диктатура буржуазии. Отсюда вполне закономерным было свержение, например, меньшевистско-эсеровского «Временного правительства Сибири» Колчаком и установление им жесточайшей помещичье-буржуазной диктатуры, принявшей форму военного правления.

В монографии Л. М. Спирина подробно освещаются большевистское подполье и партизанское движение в тылу белогвардейских войск, показываются экономический и политический крах буржуазии и помещиков на занятых ими территориях, причины военных поражений Колчака и Деникина.

Особый интерес представляют приложения, удачно составленные автором. Книга насыщена богатым фанктическим материалом и цифровыми данными, и Л. М. Спирин поступил совершенно правильно, сведя многие из них в таблицы (данные о выборах в Учредительное собрание, сведения об изменениях численного состава губернских организаций РКП(б) в 1917—1920 годах, партийной принадлежности депутатов уездных Советов в 1918 году, численности казаков в России и состоянии их хозяйств).

Наличие в книге редких документальных фотографий повышает ее ценность.

В литературе, посвященной гражданской войне, есть спорные вопросы. К их числу относятся и периодизация и время начала войны. Одни историки считают, что гражданская война началась сразу же после Октябрьского переворота, другие — весной 1918 года. Этот вопрос имеет непосредственное отношение к теме исследования Л. М. Спирина, поэтому хотелось, чтобы автор четко определил свою позицию.

Исследование Спирина территориально охватывает только Российскую Федерацию (за редкими исключениями), было бы желательно проследить классовую и партийную борьбу на территории всей страны, но поскольку это трудно сделать одному автору, то не будем упрекать его за это.

В. Бутин

Авторы бывают разные. Один всю жизнь пишет о кругосветных путешествиях и заморских странах, а сам никогда не выезжал дальше соседнего города. Другой, прежде чем сесть за письменный стол, ведет бесполойную жизнь своих будущих литературных героев: вместе с ними бродит по белу свету, дышит соленым морским ветром, ставит паруса и берет рифы, вместе с героями своих книг поднимает восстания, штурмует Бастилии, а при неудаче попадает за их толстые сырые стены. Таким был Сергей Дмитриевич Мстиславский.

Помимо мемуарной книги «Пять дней», С. Д. Мстиславский не раз возвращался к воспоминаниям о 1917 году.

Однако строгие рамки мемуарного жанра не удовлетворяли революционера, ставшего в советское время известным писателем. Да и прожитые после революции годы гражданской войны и восстановления народного хозяйства были полны таких драматических событий, такой суровой борьбы за идеалы социализма, что уходящие в прошлое дни февраля 1917 года стали приобретать в глазах Мстиславского иное значение, иную характеристику. Ему захотелось создать широкое художественное полотно, в котором отразить свое новое понимание событий, участником которых он был. Так на свет появился роман «Накануне. 1917 год». Что же нового в этом втором изображении Февральской революции, написанном с интервалом в 20 лет?

События конца февраля 1917 года свалились на Мстиславского-мемуариста как снег на голову. В годы реакции и первой мировой войны партия социалистическо-революционеров, членом которой он был, переживала жестокий кризис. Ее связь с широкими народными массами крайне ослабла. Именно поэтому в мемуарах и появилось безапелляционное утверждение, что революцию никто не готовил, никто не начинал; именно поэтому в лагере революции есть только две силы — стихийная, неорганизованная голодная «толпа» и слившиеся с ней разрозненные солдатские массы, уставшие от надоевшей мировой войны.

Годы раздумий и анализа прошедшего, ознакомление с работами советских историков заставили Мстиславского в романе совершенно по-иному изобразить подготовку, ход и характер Февральской революции. Читатель узнает теперь о деятельности большевистской партии по мобилизации передовых слоев рабочего класса России на борьбу с царизмом, вместе с героями Мстиславского он присутствует на тайных собраниях большевиков и рабочих митингах, в солдатских казармах и на уличных демонстрациях. На страницах романа действует не стихийная толпа, а организованный гегемон всего освободительного движения в России — пролетариат.

Следуя заранее выработанному плану, автор романа отказался от детальной лепки своих литературных героев. Положительные персонажи его книги не имеют четких, ярких характеристик и отличаются друг от друга только именами. Этим литературным приемом С. Д. Мстиславский стремился, по-видимому, подчеркнуть роль народных масс в революции, резко выделить две решающие в революции силы — большевистскую партию, руководившую подготовкой и проведением Февраля, и рабочий класс, единодушно шедший за

Глазами романиста

С. Д. Мстиславский. Накануне. 1917 год. Роман. М., изд-во «Советская Россия», 1966, 253 стр., тираж 50 000 экз.

своей партией. Более детально, хотя и не всегда исторически верно, Мстиславский описывает отрицательных персонажей, широко используя шарж. Очень ясно представляет себе читатель «слона в экстазе» — генерала Крымова — главного участника заговора о дворцовом перевороте. Стремясь дать яркие, запоминающиеся портреты врагов революции, Мстиславский рисует карикатуры. Вот как он описывает лидера буржуазно-помещичьей партии октябристов, одного из российских «миллионщиков», А. И. Гучкова, который едет в великокожьем салон-вагоне принимать от Николая II отречение. «Тот, круглый, Гучков — из купцов, сразу видно. Совсем приличный не знает. Мимо плевательницы плюнул. И по вагону бродит, как карманник какой: шарит. А глаз беспokoйный. Прокудливый, а робливый, прямо надо сказать, глаз».

В таком же гротесковом стиле описываются и Керенский, и рядовые эсеры, и меньшевики, изредка появляющиеся в главах романа. Следует отметить, что такая упрощенная характеристика этих, по словам автора, «визгунов» и «крикунов», ставит современного читателя перед трудно разрешимой психологической загадкой: если меньшевики и эсеры, «продавшие Февральскую революцию и интересы пролетариата», были столь очевидно отталкивающи, то как они смогли получить именно в описываемое автором время большинство в Советах рабочих и солдатских депутатов?

Свой роман, переизданный в 1966 году, С. Д. Мстиславский писал в 1937—1938 годах, когда в исторической науке имели немалое распространение многие закостенелые догмы и мертвые схемы. Это сказалось и на понимании автором книги особенностей и закономерностей Февральской революции, на полноте и характере отбираемых им фактов. Читателю, хоть немного знакомому с историей, трудно себе представить многолюдное собрание в конце 1916 года, на котором все лидеры партий, «вплоть до социалистов», вступают вкуче с генералом Крымовым в заговор против Николая II. Совершенно неправдоподобно изложена история со знаменитым «Приказом № 1» и т. д. Мы не будем скрупулезно перечислять все фактические неточности и ошибки — ведь автор писал роман, а не документальную хронику событий (тем более что специально в примечании в конце книги издатели на двух с лишним страницах разбирают некоторые из таких неточностей). Подчеркнем еще раз одно: поставив перед собой цель — показать руководящую роль большевистской партии, возглавлявшей рабочий класс России в Февральской революции, романист с ней справился.

К. Шацилло

Вклад болгар в победу Октября

П. Панаѝотов, Приносит на българѝи за победата на Октомврийската революция. 1917—1920. София, изд-во на БКП, 1967, 243 стр., Тираж 1600 экз.

С фотографии смотрит молодой красивый болгарин в военной шинели, Это Борис Шаранков. Во время первой мировой войны он служил в кавалерии болгарской армии. Когда в России произошла революция, заветной мечтой члена студенческой коммунистической группы Б. Шаранкова становится перебраться в революционную страну, принять участие в борьбе, вступить в конницу Буденного. Несколько попыток перейти линию фронта окончились неудачей, но настойчивость и целеустремленность победили — в июне 1920 года Б. Шаранков пишет заявление с просьбой принять его в Первую Конную армию: «Пробравшись в Россию с горячим желанием познаться практически и теоретически с советским устройством России и с еще большим желанием вступить в качестве кавалериста в ряды Красной Армии, в конницу Буденного... где буду чувствовать себя в своей стихии». И вот Б. Шаранков — буденновец, командир взвода 22-го кавалерийского полка. Он участвует в боях против Махно, Петлюры, белополяков. Раненный, не оставляет поля битвы, а за храбрость и преданность делу Октябрьской революции был принят в ряды РКП(б).

Радио Димитриев — боевой генерал русской царской армии, встретивший Октябрьскую революцию далеко уже не молодым человеком. Его демократизм создал ему большую популярность и авторитет среди подчиненных, а несомненные способности военачальника выдвинули в годы первой мировой войны в число руководителей крупными боевыми операциями. Генерал не был большевиком, но когда после Февральской революции и в 12-й армии, которой он командовал, стали создаваться солдатские комитеты, большевики получили фактически неограниченное поле деятельности. Не случайно на совещании главного военного совета в июле 1917 года Керенский жаловался: «Он (Р. Димитриев. — Р. Г.) очень поддался влиянию солдат. Я требую его смены, он натравливает комитеты против меня». Вскоре эта угроза была приведена в исполнение — генерал Радио Димитриев был уволен из действующей армии. Оставшись не у дел, генерал не захотел эмигрировать из России.

После победы Октябрьской революции Р. Димитриев, находившийся тогда на Кавказе, одним из первых получил предложение о сотрудничестве с новой властью. С готовностью соглашается он служить в Красной Армии. Характерно его заявление при этом: «Я родился и жил до 17-летнего возраста в рабстве, поэтому лучше всякого другого понимаю, что такое революционная война... Я ни минуты не сомневался в том, что русская революция открывает новую эру для всех народов, и нет также сомнения в том, что после мировой войны вся Европа придет в состояние революционного брожения». К сожалению, деятельность Р. Димитриева в новых для него условиях не была продолжительной. В октябре 1918 года он трагически погиб.

Еще одна фотография. Стоян Джоров. Невысокого роста человек в папахе и гимнастерке, с саблей на боку. Участник социалистического движения Болгарии, в начале века он оказался в России. Стал большевиком, отбывал ссылку в Сибири. После Октябрьской революции Ст. Джоров организует московскую группу болгар-коммунистов, становится ее председателем. Болгарские коммунисты ведут агитационную работу среди болгарских военнопленных, среди болгарского населения южной России, насчитывавшего несколько десятков тысяч, стремятся вовлечь как можно больше болгар в интернациональные части Красной Армии. Под руководством Ст. Джорова московская группа становится объединительным центром для всех болгар. В марте 1919 года Джоров участвует в I конгрессе Коминтерна. В Царицынской партийной школе Джоров был одним из лучших лекторов. Он говорил пламенно, убежденно, заражал слушателей своим оптимизмом и революционным романтизмом. С лекциями и беседами он выступал на различных участках фронта, его хорошо знали бойцы революции. Но должность начальника информационного отдела политотдела Северокавказского военного округа кажется Джорову слишком спокойной, он просится на фронт и добивается своего. В августе 1918 года во главе отряда интернационалистов в составе 400 человек, четверть которых была болгарами, он принимает участие в ожесточенных боях на подступах к нынешней Махачкале. А затем напряженная политическая и организационная работа в Одессе, переходившей из рук в руки, налаживание нелегального канала связи с Болгарией, по которому сам Джоров с большим риском несколько раз переправлялся на родину.

Три судьбы, три разных человека болгарской национальности. Но для каждого из них участие в борьбе за торжество идей Октябрьской революции стало самым важным жиз-

ненным этапом, временем высшего взлета духовных и физических сил. И таких людей П. Панайотов, автор недавно вышедшей в Болгарии книги о вкладе болгар в победу Октябрьской революции, отыскал несколько сотен. Для этого ему пришлось изучить гору литературы, поднять кипы документов в болгарских и советских архивах, встретиться с многими оставшимися в живых участниками событий. И конечно, просеять весь этот огромный материал, отбросить явно недостоверное, проверить сомнительное. В результате — отлично выполненное историческое исследование. Автор не только восстановил многие, казалось, навсегда исчезнувшие имена своих соотечественников, принимавших участие в Октябрьской революции и гражданской войне, но и тщательно проанализировал формы, в которых проявлялась солидарность болгарского народа с борьбой народов России за Советскую власть. А они оказались многообразны и подчас неожиданны.

Болгары — бывшие военнопленные и жители южной России сражались в отрядах Красной Армии под Киевом и Царицыном, Житомиром и Бакун, повсюду, где проходила гражданская война. Уезжая затем на родину, болгары, как и интернационалисты других стран, возили с собой опыт революционной борьбы, уверенность в торжестве коммунизма. Вот характерное заявление тех времен: «Мы, военнопленные болгары, румыны, немцы, чехи, австрийцы, венгры, эвакуированные санитарным поездом № 1029, познакомившись с положением мировой революции, просим передать последний товарищеский привет руководителям ее авангарда и уверения, что, отправляясь на места, мы поможем проложить путь мировой единой коммуны».

Сколько болгар сражались в частях Красной Армии? Ответить на этот вопрос трудно, потому что в отличие от интернационалистов других стран из-за близости болгарского и русского языков болгары не объединились в национальные отряды, вступали в Красную Армию единицами или небольшими группами. Но в одной только южной России за власть Советов сражались около 15 тысяч болгар, главным образом из числа местных колонистов.

Страница за страницей воскрешает П. Панайотов то незабываемое время, когда в грохоте Октябрьской революции и гражданской войны проявилось в полной мере одно из лучших чувств, свойственных человеку, — чувство интернациональной солидарности, готовность прийти на помощь борющимся за правое дело, отдать все свои силы для его торжества.

Р. П. Гришина

„Заря, которая занялась в Октябрьские дни“

Слободан Босильич, Октябрьская революция 1917 года и первые годы Советской власти. Белград, изд-во «Младост», 1967, 303 стр.

На полках югославских книжных магазинов не так давно появилась книга в красочной суперобложке, невольно привлекающая внимание. Это работа Слободана Босильича «Октябрьская революция 1917 года и первые годы Советской власти».

«Полвека прошло с тех дней, «которые потрясли мир», — пишет в предисловии к книге один из старейших югославских коммунистов, Родолуб Чолакович. — Реакционеры и невежды считали это случайным эпизодом в истории человечества. На деле же это было началом гибели капиталистического общественного строя, днем рождения нового мира, «заря которого занялась в Октябрьские дни 1917 года».

Благородной задаче — рассказать о «заре человечества, заре нового мира» — и посвящена книга Слободана Босильича.

На основе большого круга источников и литературы автор создал предельно сжатый, четкий рассказ об Октябрьской революции, гражданской войне и первых послевоенных годах жизни советского народа. В авторский текст время от времени вводятся отрывки из всемирно известной книги Джона Рида, из воспоминаний Н. К. Крупской, А. М. Горького о В. И. Ленине, стихи В. В. Маяковского и др. Это, несомненно, помогает молодым читателям, на которых главным образом и рассчитана эта книга, не только понять, но и почувствовать все величие Октября.

Материал расположен в строго хронологическом порядке. В первых пяти главах — «Годы накануне Октябрьской революции», «От буржуазно-демократической к социалистической революции», «Октябрьская социалистическая революция», «Гражданская война. Интервенция и контрреволюция» и «Начало мирного строительства» — перед читателями разворачивается величественная картина борьбы трудящихся России под руководством партии большевиков за свержение власти капиталистов и помещиков, борьба партии и народа против вра-

гов революции, стремившихся повернуть вспять колесо истории.

Последняя глава — «Октябрьская революция, народы мира, югославские земли» — посвящена теме пролетарского интернационализма. Здесь содержится интересный материал об участии трудящихся зарубежных стран в защите завоеваний Октября, и естественно, что в этом разделе большое внимание уделено показу участия югославских трудящихся, лучших сынов сербского, хорватского, словенского, черногорского и других народов Югославии в событиях Октябрьской революции и гражданской войны. Наряду с известными фотографиями героев гражданской войны Олено Дундича, Данило Сердича, Боривою Агатоновича, Густава Барабаша представлено немало фотографий рядовых участников этих событий, и по сей день здравствующих в Югославии. В разделе об участии югославян в защите Советской власти Слободан Босильич кратко суммировал итоги исследований советских и югославских историков, которые уже в течение многих лет уделяют много сил разработке этой чрезвычайно интересной страницы советско-югославских отношений.

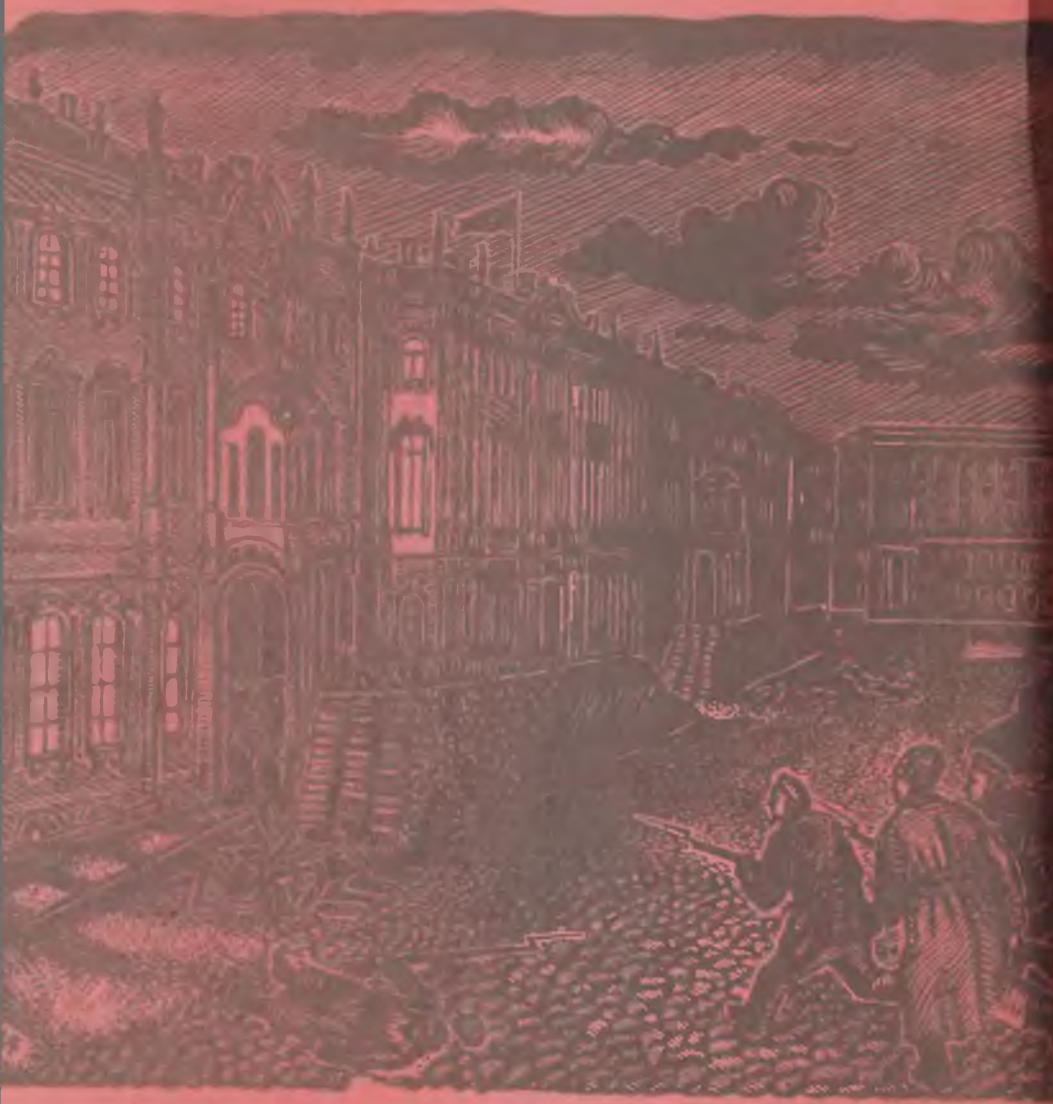
Заключительные разделы последней главы посвящены показу международного резонанса Октябрьской революции — «Революционные события в Европе в 1917—1919 годах», «Революционные события в югославских землях» и «Создание Третьего Интернационала».

Книга прекрасно иллюстрирована. Достаточно сказать, что на менее чем 300 страницах книги (хотя и большого формата) размещено около 1500 иллюстраций — фотографий, репродукций произведений живописи и графики, фотокопий с рукописных и печатных документов и т. п., которые благодаря удачному подбору представляют собою очень красочную и яркую фотоповесть об Октябре.

Большой удачей Босильича следует считать яркое и всестороннее отражение образа Владимира Ильича Ленина. Документальные фотографии, запечатлевшие В. И. Ленина на различных этапах его жизни, репродукции художественных произведений (подобные с большим тактом и соблюдением чувства меры), факсимиле ленинских рукописей — декретов, постановлений, статей и т. д., снимки с заглавных листов ленинских трудов, выходящих в огневые годы Октября, и др., — все это оставляет сильное впечатление. Югославские читатели знакомятся со многими деятелями большевистской партии, внесшими свой вклад в дело победы Октября. Одновременно им предоставлена возможность видеть лица и отдельных представителей российской и международной контрреволюции не только по репродукциям карикатур, но и по документальным фотографиям.

В целом же книга Слободана Босильича — автора более десятка книг по истории югославского рабочего движения, освободительной борьбы и революции — является новой удачей этого неутомимого публициста и ценным подарком югославскому читателю в юбилейном году.

В. Зеленин





А. М. Шорр

**Председатель и комиссар
коллегии**

На фотографии, относящейся к марту 1918 года, — группа членов контрольного совета, или первой рабочей коллегии, созданной большевистской организацией и Народным комиссариатом по морским делам на бывшем казенном сталелитейном Обуховском заводе в Петрограде почти вслед за победой Октябрьской революции.

Начальник старого заводоуправления генерал-майор Чорбо бежал, многие представители инженерного состава саботировали. Управление многотысячным коллективом и сложным производством взяли на себя рабочие. В состав коллегии входило восемь рабочих — представителей завкома, цехкомов и Исполкома Совета рабочих и солдатских депутатов, один служащий и три представителя инженерно-технического персонала.

Возглавили коллегию Александр Александрович Антонов и политический комиссар Илья Петрович Иванов. У колонны мы видим Антонова — он сидит с газетой «Правда» в руке, Иванов стоит слева. Оба они молоды: Антонову — 26 лет, Иванову — 27. Но за их плечами большой жизненный, политический, боевой опыт. Оба — сыновья питерских рабочих и сами питерские рабочие. Они друзья еще со времени учения в вечерней школе для рабочих за Невской заставой.

Александр Антонов в 1914 году вступает в партию большевиков. Он ведет большую работу на Обуховском заводе, а когда наступает Февральская революция, его выбирают членом Петроградского комитета партии от Невского района, становится он и членом Петроградского районного Совета рабочих депутатов. В период наступления Корнилова на Петроград и во время Октябрьского восстания Антонов организует красногвардейские отряды Обуховского района.

В это время Илья Иванов находится в технических войсках Румынского фронта. После Февральской революции его избирают на съезд комитетов армии и в Совет солдатских и офицерских депутатов 4-й армии Румынского фронта. В мае 1917 года он едет депутатом в Петроград на фронтовой съезд. Здесь он участвует в июльской демонстрации, затем снова попадает на фронт. Октябрьская революция застаёт его в Мурманске, куда он отправлен с Румынского фронта за большевистскую пропаганду.

Находясь на фронте, Иванов ведет политический дневник. В фондах Государственного Исторического музея сохранились его записки за август 1917 года. Они сделаны карандашом на тетрадошке, сшитой из бланков каких-то ведомостей. Приведем несколько выдержек из этого интересного документа.

Говоря об выводе из Петрограда четырех революционных полков, Иванов 25 августа пишет: «Если все это поставить рядом с новым готовым законопроектом о введении смертной казни в тылу, становится ясным: определено ведется наступление контрреволюции, определено срывается самый верный страж революции Пролетарий и определено обесиливается Петроград, чтобы легче расправиться с теми, кого именуют большевиками».

27 августа. «Мрак недоумения рассеялся. На следующий день... вышли экстренные выпуски... в которых Керенский распинался, власть оспаривается Корниловым, находится в опасности и свободу поэтому надо защищать...

На защиту революции, а не актеров от бонапартизма выступил рабочий и солдат. Он знал это и шел не по призыву Керенского, а по голосу своей души, зовущей спастись дорогое сердцу. Он знал также, что Керенский и Корнилов оба враги. Он выступил против одного, но он выступит и против другого, если тот осмелится поднять руку на драгоценную свободу. Он знает, что Корнилов первый из длинной очереди тех, кого в будущем предстоит свергнуть».

30 августа. «Теплое летнее солнце, лаская своими лучами еще сонный Петроград, было свидетелем радости, которую оно увидело со своих высот. Было видно, что сила, рискнувшая от имени народа идти на народ, была рассыпана в прах о беспредельную мощь народа. Это было так грандиозно и вместе с тем поучительно. Эта мощь разобьет так всех, кто дерзнет идти против нее. Это жестокий урок символики для тех, кто точит зубы на ненавистный ему народ».

И далее. «На ступени восходящего сентября обзриваем мы прошедшую ступень. Август как раз застал врагов народа в момент наступления или, верней, подготовки к нему. Предыдущая ступень, июль, обезоруживший рабочих, посадивший вождей его в катажанки, закрывший его газету, подготовил твердую почву для активного выступления. Московское совещание является совещанием генералов перед битвой. Из пышных фраз и решительных жестов сложился план наступления».

Глухие апартаменты Зимнего дворца разработали этот план. Газеты их сделали неудавшуюся демонстрацию для того, чтобы отвлечь силы народные от места наступления. И с благословения церковных колоколов и актерской треуголки был двинут на красный Петроград черный отряд туземцев и обманутых казаков. Сила, зиждидившаяся на обмане, была сломлена силой правды, но эта победа далеко не закреплена и Август Сентябрю дает трудную задачу закрепить взятое и разгромить вконец силу врагов».

Сила врагов сломлена. После победы Октябрьского вооруженного восстания Иванов возвращается в Петроград. В марте 1918 года он назначается политическим комиссаром Обуховского завода, где снова встречается с Александром Антоновым. Налаживать работу завода приходится в крайне тяжелых условиях. Нет топлива, сырья, денег. Разгорается пожар гражданской войны. Председатель коллегии и ее комиссар уходят на фронт.



Красногвардейцы Дорогомилова

На фотографии группа красногвардейцев Дорогомиловского района Москвы: рабочие, солдаты, женщины, подросток. Оружие, которое мы видим в их руках, было добыто ими накануне и главным образом в дни Октябрьских боев.

Молодой рабочий шорно-седельных мастерских Земского союза большевик Николай Петушков (в 1-м ряду первый слева) и красногвардейцы его «десятка» (Новиков, Крылов, Ломтев — 1-й ряд, справа) ночью, в полной темноте незаметно и бесшумно переправлялись через Москву-реку из Дорогомилова в Хамовники и обратно, доставляли продовольствие, перевозили людей, оружие.

Е. Розенталь

Они сражались на улицах
Москвы

Москва. Бр. Митрошин
 В. Г. Т.
 Здравоствуйте, дорогие маме
 и папаше Игорю Шура, и всем
 своим приятелям и все души желаю
 всем всего хорошего. Мне в
 среду закопали в в субботу
 отправят в Вязьму. Избежи
 свой профессии и прислушай
 не бездельничать. Р. Митрошина
 прощаюсь с мамой и не су-
 машу это маме сказать, чтобы
 очень легко и при первом
 известии не плакала. Штаны
 ты я взял из своей, а ты в кофас
 сейчас очень модные, брюки
 старые тоже не много, твои
 носки и шарфы оставь у маме



Обе женщины, заснятые в группе красно-
 гвардейцев (по следний ряд, слева), игра-
 ли видную роль в организации сил и в бое-
 вых действиях красногвардейцев района. Ма-
 рия Саруль (крайняя слева), работница
 завода весов и гирь братьев Арндт, член пар-
 тии большевиков, в дни боев была отважной
 разведчицей.

Красногвардейцы ее «десятка» (Митрошин,
 Радионычев, Соловьев — 1-й ряд, в центре)
 приносили в отряд необходимые сведения
 о местах скопления юнкеров, их вооружения
 и т. п. В разгар борьбы М. Саруль привела
 из Хамовнических казарм подкрепление —
 вооруженный отряд из солдат 193-го полка
 (М. Саруль погибла на Восточном фронте
 в 1919 году).

Рядом с ней мы видим молодую работницу.

Это Евдокия Ванторинна, большевичка, член
 ВРК Дорогомилловского района. Она соби-
 рала наличные силы и запасы оружия, чтобы ис-
 пользовать их в решающем штурме Бородин-
 ского моста, ненадолго оказавшегося в руках
 юнкеров, а во время штурма сама вела
 наступление один из отрядов. Вместе
 с Е. Ванторинной в красногвардейском отряде
 были и три ее брата — Василий, красногвар-
 деец сводного «десятка» (1-й ряд, второй
 слева), Александр — солдат, бывший сле-
 сарь магазина «Мюр и Мерелиз», накануне
 Октябрьских дней приехавший с фронта и
 ведавший в дни боев оружием запасами
 отряда (погиб в январе 1918 года) (3-й ряд,
 третий слева), и их младший брат —
 Володя Ванторин (2-й ряд, первый
 слева).



Начальник Дорогомиловского отряда Красной гвардии Кичуркин был убит случайным выстрелом во время учений отряда. Его место занял Иван Шапошников (2-й ряд, второй справа), солдат из команды выздоравливающих эвакогоспиталя.

Снимок сделан в декабре 1917 года во дворе дома на Б. Дорогомиловской улице, где в Октябрьские дни помещался Совет рабочих и солдатских депутатов — районный штаб восставших. Красногвардейцы принесли сюда и знамя Совета. Это знамя пытались уничтожить юнкера, ворвавшиеся в помещение Совета в ночь на 28 октября. Знамя было приведено в порядок, на нем отчетливо видны вышитые буквы «СРСД» — Совет рабочих и солдатских депутатов.

При штурме Кремля...

Обычный пистолет системы «парабеллум», к нему четыре патрона и потерянная кожаная кобура — это трофеи Октябрьских боев в Москве, захваченные у белогвардейского офицера при штурме Кремля. Их владелец Иван Николаевич Смирнов, член партии с 1913 года, был в те дни начальником штаба Красной гвардии паровозных мастерских Московско-Казанской железной дороги. Под его руководством красногвардейцами был установлен контроль за действиями администрации дороги, осуществлена смелая операция на станции Москва-Товарная по захвату 12 вагонов с оружием, 40 тысяч винтовок были доставлены в штаб отряда в мастерских.

27 и 28 октября к зданию мастерских то и



дело подъезжали грузовые машины из различных районов города и из воинских частей. «По распоряжению ревкома Железнодорожного района винтовки были выданы Лефортовскому, Замоскворецкому, Рогожско-Симоновскому и Городскому районам, — вспоминает И. Н. Смирнов, — а затем был получен приказ Московского военно-революционного комитета за подписью Усиевича о передаче оставшихся винтовок в его распоряжение».

В период решающих боев в Москве красногвардейцы Железнодорожного района должны были нести усиленную охрану Окружной железной дороги, Каланчевской площади, вокзалов. Из свободных сил формировались отряды добровольцев для захвата Московской телефонной станции и штурма Кремля.

В ночь на 2 ноября отряд И. Н. Смирнова,

сосредоточившийся на Никольской улице в районе так называемых Верхних рядов, постепенно продвигался к зданию Исторического музея. Сюда же со стороны Охотного ряда (ныне проспект Маркса) подошли несколько рот революционных солдат и красногвардейцы Городского района. «По условленному сигналу штурм Кремля начался на рассвете, — рассказывает И. Н. Смирнов, — враг встретил нас пулеметным огнем. Разбив Никольские ворота снарядами и гранатами, мы ворвались в Кремль. Не ожидая такого натиска, юнкера растерялись, заперлись в арсенале и после переговоров сдались»¹.

¹ Отдел письменных источников Государственного исторического музея СССР (ОПИ ГИМ). 96856/316 а., стр. 11.

В последующие годы гражданской войны, выполняя поручения Советского правительства по доставке продовольствия, по вывозке топлива, по восстановлению транспорта, вместе с мандатом Совета рабоче-крестьянской обороны за подписью В. И. Ленина, И. Н. Смирнов всегда имел при себе пистолет, доставшийся ему в памятную ночь боев в Москве.

Емельян Маленков

«Цепи, когда ходишь, очень гремят и под их звон хожу и мечтаю о хорошем будущем», — писал родным из тюрьмы в декабре 1915 года Емельян Маленков.

Потомственный московский рабочий, он подоткомом участвовал в распространении нелегальных изданий партии, в забастовках, особенно в сентябрьско-октябрьских стачках 1915 года, во время которых был арестован и приговорен к четырем годам каторжных работ. Из Бутырской тюрьмы Е. Маленкова освободила Февральская революция. Он смог снова поступить на свой завод в Сокольниках.

Водоворот событий и дел буквально захватил молодого большевика. Одно за другим выполнял он поручения партии, собирал рабочую молодежь, руководил формированием отрядов Красной гвардии в Сокольническом районе. Осенью 1917 года он был избран депутатом в Московский Совет.

Из командировки по заданию Совета Е. М. Маленков вернулся вечером 27 октября, когда на улицах уже шли бои. Прямо с вокзала бросился он в райком, куда только что сообщили, что нужна экстренная помощь на Пресне. За ночь он смог собрать и вооружить отряд рабочих, который утром 28 октября уже сражался рядом с пресненскими красногвардейцами.

С ожесточенными боями пресненские отряды вместе с отрядом Маленкова продвигались к центру города. Они участвовали в освобождении от белых Кудринской площади (ныне площадь Восстания), Б. Никитской улицы (ныне улица Герцена). На рассвете 3 ноября стихли последние выстрелы. Октябрьское восстание в Москве победило.

Первые месяцы Советской власти Е. М. Маленков — председатель Совета рабочих депутатов Сокольнического района.

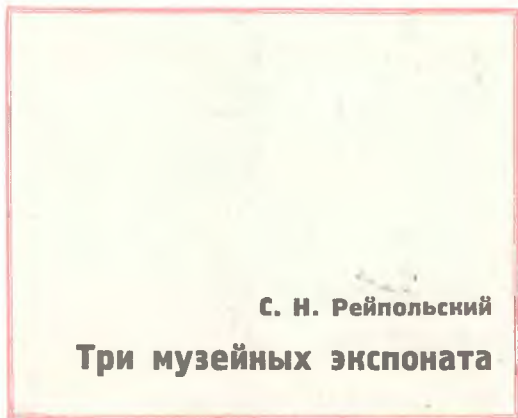
Наступил февраль 1918 года. Нарушив условия перемирия, перешли в наступление германские войска. Е. М. Маленков во главе отряда добровольцев сокольнических рабочих ушел на Западный фронт. Спустя несколько месяцев, осенью 1918 года, он уже сражался

на Восточном фронте под Оренбургом с белоказачьими отрядами атамана Дутова, с мятежниками Чехословацкого корпуса.

Пасмурным осенним утром 1918 года в бою под Мензелинском, поднимая батальон красноармейцев в атаку, Е. М. Маленков был убит.

Имя Емельяна Михайловича Маленкова, героя Октябрьских боев и гражданской войны, носит завод, на котором он работал, одна из улиц Сокольнического района столицы, пригородная станция по Ярославской железной дороге.

На стр. 365 — автограф первой страницы письма Ем. Маленкова к родным. Бутырская тюрьма, декабрь 1915 г. Московские большевики Н. Богданов, С. Бродская, Ем. Маленков (в центре) после освобождения из тюрьмы, март 1917 г.



С. Н. Рейпольский

Три музейных экспоната

Об одной забытой листовке

На первый взгляд перед нами бумажный денежный знак «100 карбованців» размером с николаевскую сторублевку «катеньку» с традиционным рисунком казначейских билетов. И если не вглядываться в рисунок и не прочесть имеющихся надписей, то можно подумать, что это одна из ассигнаций, которые печатались на Украине Центральной радой и германскими оккупантами и разными атаманами, гетманами, батьками, претендовавшими на власть в особенно тяжелом для Украины 1918 году.

Почти вся территория Украины была оккупирована тогда германскими войсками. Ставленником интервентов стал гетман Скоропадский, возглавивший буржуазно-помещичье пра-



вительство, покорное власти германских военных властей.

Но и в этих условиях в подполье печатались газеты и листовки, шла упорная борьба против интервентов и внутренней контрреволюции. И то, что мы приняли на первый взгляд за бумажный денежный знак, является острой сатирической листовкой против иностранных интервентов, против гетмана Скоропадского.

В духе острой и сочной народной сатиры сделаны надписи на листовке, да под стать им и изображения.

В орнаментальной рамке, как и положено, портрет «правителя». Свирип вид у гетмана. Вместо булавы — вилка с «балабушкой», в другой руке — рюмка водки. В нижней части рамки — свиная голова, а в верхней — то, что называется в народе «дулей». А в надписи сказано: «За сто карбованців у державной Снарбниці видається одна або дві дули». Справа от гетмана — кайзеровский солдат с винтовкой и нагайкой за поясом. На другой стороне «ассигнации» — наверху в венках опять же «дуля» и переплетенные инициалы гетмана «ГПС» (гетман Петр Скоропадский). Причудливо вплелись в орнамент и целый поросенок, и свиной окорок, и бутылка с рюмками. А надписи гласят:

«Сто карбованців ходять по світу
нарівні з мягеньким папиром».

«Розмін цих карбованців забезпе-
чується
усим добром Державної Скоро-Падіі¹,
пана гетьмана брехнею, немецьким
штиком, та гайдамацьким нагаєм».

«За фальшування — всімъ тюрма, а
черно сотни самостійність».

Как и положено подлинному денежному знаку, имеет эта «ассигнация» и водяной знак, представляющий собой рисунок упитанной свиньи, и дату выпуска «1918», и даже подпись директора «Лебедев-Юрчик».

К сожалению, все попытки узнать историю этой сатирической листовки² пока что не дали результата.



Награда волыньцам

«С. Петров, волынец», «Е. Полищук, волынец», «В. Веневцев, волынец», «Ф. Снегирев, волынец» — такие надписи сделаны на значках, хранящихся в Государственном Историческом музее. В центре значка изображен солдат с революционным знаменем в руке. Рядом — сидящая женщина в народном русском костюме, олицетворяющая Россию, свергнувшую иго самодержавия. На щите дата

¹ Скоро-Падіі — скоро падет, долго не продержится.

² Листовка была передана в Центральный музей Вооруженных Сил СССР вместе с коллекцией бумажных денежных знаков В. П. Вяельщиковым.



восстания Волынского полка — «27 февраля 1917 года». В этот день лейб-гвардии Волынский полк первым выступил на стороне революции.

В ознаменование этого события Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов и принял решение о награждении именными памятными значками участников восстания.

«Областной кредитный билет Урала чрезвычайного выпуска»

История этого денежного знака переносит нас к событиям 1918 года. Отсутствие в обращении бумажных денег вынуждает областной Совет Урала просить Народный комиссариат финансов разрешить печатание их на месте. Объявляется конкурс на проекты ри-

сунков купюр. Для билетов пятирублевого достоинства принимается рисунок художника Ульянова.

Печатание бумажных денег началось 25 мая в Екатеринбурге. Но восстание чехословацкого корпуса и активизация всех белогвардейских сил приводят к эвакуации города. Все материалы для печатания денег отправляются в Пермь. Здесь таких пятирублевок — «уралок» удается отпечатать на сумму 75 тысяч рублей, пока к городу не подходят войска Колчака. Надпечатка с надписью, посвященной первой годовщине Октября и начавшейся революции в Германии, сделана лишь на части билетов.

Экземпляр кредитного билета Уральского Совета хранится в фондах Центрального музея Вооруженных Сил СССР в составе коллекции, переданной музеем В. П. Вязельщиковым.



В. Е. Шумный
В. И. Чапаев
в Пугачевском уезде

Весной 1918 года в Самарской губернии разгоралась гражданская война. Небольшой уездный город Николаевск (с лета 1918 года — Пугачевск) да и весь уезд с апреля месяца были на военном положении. Во многих селах то и дело вспыхивали кулацкие восстания, и на подавление их из города уходили воинские части. В волостях создавались небольшие отряды Красной гвардии, но не всегда удавалось им защитить население от кулацкого террора. Так, в Семеновке кулаки вырезали 120 семей красноармейцев, создали свою дружину и ушли к уральским казакам, занимавшим тогда Больше-Глушицкую волость.

Крупное восстание произошло в конце 1918 года в селе Балакове. Там погиб в числе других балаковских работников брат Василия Ивановича Чапаева — военный комиссар. Пос-

ланный Николаевским исполкомом В. И. Чапаев быстро подавил восстание и на местную буржуазию наложил контрибуцию в 1½ миллиона рублей.

Николаевские большевики создали отряды партизан и бросили их против уральских казаков, угрожавших своими набегами уезду. В самом Николаевске красногвардейский отряд состоял из местных рабочих и бывших солдат 138-го пехотного полка, им командовал В. И. Чапаев. Партизанские отряды из заволжских крестьян вместе с дружинниками из саратовских рабочих создали довольно крупное соединение, которым руководил Саратовский Совет, назвав его «Особой армией». 1 мая 1918 года началось общее наступление этой армии на Уральск, и через 10 дней она была разбита. Произошло это из-за партизанщины, автономности действий отдельных соединений и выборности военачальников. Соединения эти были недисциплинированы и, по существу, неуправляемы.

Когда эти события стали известны Реввоенсовету республики, в Саратов приехал начальник инспекции Красной Армии Подвойский. Он передал военное руководство из Саратовского Совета в ведение командующего Восточным фронтом. Этим был положен конец местничеству в управлении войсками. Далее из Москвы был назначен бывший полковник Генерального штаба Ржевский вместо командовавшего «Особой армией» саратовского большевика поручика С. Загуменного; в помощь Ржевскому саратовцы дали в качестве начальника штаба большевика Хвесина. Так было положено начало созданию боеспособной 4-й Красной Армии. Партизанские отряды превращались в полки, пополненные рабочими, мобилизованными на фронт из промышленных центров. Это уже были красноармейцы, обмундированные и вооруженные в меру тех возможностей, с дисциплиной, которую высоко держали в чистях партийные ячейки и политкомиссары. Реорганизация николаевских партизан в красноармейские части была произведена после совещания командиров отрядов, происходившего 25 мая в селе Любичком. Выявив причины поражений под Уральском и высказавшись за реорганизацию, совещание избрало Чапаева командиром бригады, назвав ее Пугачевской, и поручило ему в новой роли заняться организацией полков. Из отрядов Потапова, Баулина, Плясункова и Топоркова был создан 1-й Пугачевский полк во главе с Топорковым. Полк, получивший название «2-й полк имени Стеньки Разина», был создан из партизан Чапаева, Бубенца и Кутякова, командиром его был назначен Ку-

тяков. Политическим комиссаром Пугачевской бригады стал Белолопов. 15 июля 1918 года бывшие партизаны возвратились с Уральского фронта уже красноармейцами и, усталые, без отдыха вступили в борьбу с чехословаками, занявшими северную часть уезда и угрожавшими самому Николаевску. 21 августа начался бой за город, который только что просыпался, в нем было спокойно, однако в отдалении, со стороны деревни Пуханихи, чуть слышны были раскаты артиллерии.

С нехорошим чувством я позвонил председателю Грибакову, который кратко мне сказал: «Наступают белочехи, мы эвакуируемся, тебе поручается вывести под охраной казачество и после этого явиться в штаб дивизии». Придя в исполком, я застал там большую суетню и спешку среди работников, готовившихся к эвакуации.

В кабинете председателя я увидел Дувакина, Димидкина и Бочкарева — это были наиболее влиятельные товарищи николаевской партийной организации. Начдива Захарова, как и комбрига Чапаева, в городе не было, хотя Николаевск от белочехов должны были защищать полки, входившие в Чапаевскую бригаду: 1-й Пугачевский полк и 2-й полк имени Стеньки Разина.

Из разговоров с товарищами стало ясно, что никто не знает, где находится Чапаев, что связь штаба дивизии с этими полками потеряна.

Грибаков передал нам свой разговор со штабом дивизии, из которого явствовало, что Захаров выехал на фронт и находится под городом в районе боя, что он отдал распоряжение единственному батальону, находившемуся в зоне воздействия штаба дивизии и штаб которого был в селе Давыдове, в 7 километрах юго-восточнее города, выступить и на подступах к Николаевску оказать сопротивление противнику.

Из окон исполкома можно было наблюдать наступление белочехов и довольно организованный отход к городу наших красноармейцев.

Утро было ясное и жаркое, в 2 километрах от города ни кустика, ни оврага, кругом мелкая выгоревшая трава да широкий пыльный большак на Самару: удержаться в таких условиях вырвавшуюся на широкий простор группу генерала Чепека, конечно, было очень трудно. В этой группе было около 3 тысяч белочехов, которые, отеснив в сторону к реке Большой Ирғиз полки Чапаевской бригады, широким фронтом шли к незащищенному городу. Вызванный из Давыдовки батальон под командованием Фадеева задерживал как

мог наступавшие густые цепи противника. На помощь им подошли организованные уездным комитетом партии вооруженные винтовками и пулеметами коммунисты.

Это дало возможность нашим организациям и учреждениям подготовиться и более организованно эвакуировать из города людей, ценности и легкие грузы, и город чехи заняли 21 августа не утром, а только вечером.

С эвакуацией казначейства мы несколько задержались, так как не учли трудностей, связанных с погрузкой на телегу тяжелого и громоздкого денежного сейфа. Правда, его ценность заключалась в двадцати- и сорокарублевых керенках, для которых вполне хватило бы одного парусинового мешка, но под огнем неприятеля, не найдя ключей, мы тщетно пытались его взломать, каждую минуту рискуя вместе с деньгами очутиться в руках белых.

В конце концов под пулеметным огнем, бившим уже по стеклам казначейства, подвода с деньгами тронулась в путь в направлении села Толстовки.

Покончив с эвакуацией, я подошел к зданию штаба дивизии, который уже выехал из города, но между ним и рядом находившимся зданием уездного комитета партии я нашел группу коммунистов — человек около тридцати, из которых Грибаков в большой спешке сколачивал последний отряд. Получив последние винтовки, коммунисты через несколько минут примкнули к отряду, отходившему с боем к южной части города, на Толстовскую дорогу, к Иргизу.

Белочехи, не прекращая огня, продолжали нас теснить дальше на юг, к монастырю, стоявшему у Иргиза. Силы наши численно уступали противнику: у нас было человек не более 300 коммунистов и около 400 солдат, руководимых комбатом Фадеевым, не хватало пулеметов, и не было ни одной пушки. Но малочисленность и недостаточная вооруженность компенсировались выдержкой и опытом, которую проявляли бойцы при защите города.

Мы отступали к Иргизу на участке, расположенном между монастырем и железнодорожным мостом. Вскоре на левом фланге у нас появился бронепоезд, который, маневрируя между городом и железнодорожным мостом, бил с фланга по противнику и тем самым способствовал нашему организованному отступлению. У Иргиза, не переходя на левый берег, мы нашли удобные позиции и залегли. Однако эти удобные позиции через несколько часов пришлось оставить под частым артиллерийским огнем противника, кото-

рый уже успел частично разрушить деревянный мост через Иргиз.

Укрепившись в полукилометре от противника, мы заночевали.

Ранним утром 22 августа наши части перешли в наступление. Но артиллерия противника молчала.

Чехи как-то постепенно стали отходить от нас влево, то есть не в сторону Николаевска, а к деревням, лежащим в направлении села Красная Речка. Со стороны города была артиллерия, но ее снаряды преследовали главным образом отступавших от нас белочехов.

Это недоумение исчезло после того, когда Фадеев сказал: «По всему видно, что Чапаев уже в городе и чехи удирают».

Утром 22 августа николаевские отряды большевиков вернулись в город, а Фадеев со своим батальоном продолжал преследовать врага. Штаб дивизии Захарова некоторое время не возвращался в Николаевск, его временно занял штаб бригады Чапаева. Он создал комендатуру, назначил комендантом города начальника штаба бригады П. Галактионова, который занимался тем, что писал ордер на право выезда из города, в то время как Чапаев, стоя на ступеньках каменного крыльца, устно допрашивал просителей и в положительном случае, кивая на штаб, говорил: «Скажи, чтобы выдали».

25 августа собралось общегородское собрание николаевской партийной организации. Людей было так много, что зал уездного комитета не мог вместить всех желающих: людьми была забита вся сцена, проходы и коридоры. Захарова на собрании не было. О военном положении докладывал Чапаев. Он был неплохим оратором и в течение полутора часов держал присутствующих в напряжении. Обойдя вопрос о сдаче города противнику, он сосредоточил свое внимание на том, что городские власти плохо помогают ему пополнением людьми, обмундированием, подводами и другими видами снабжения. Останавливая взгляд то на том, то на другом уездном комиссаре в поношенной военной одежде, он восклицал: «Вы тут сидите в добре и тепле, а раздетые и голодные солдаты вас защищают». Такими упреками не обошел Чапаев и меня. Я вынужден был ответить ему: «Если шинель, полученная на фронте против банд Каледина, в какой-то степени может защитить наш город от белочешских банд, я тут же ее снимаю и передаю Чапаеву».

Чапаев был сильной личностью, но с противоречивыми сторонами характера: со многим положительным в нем уживались крайний ин-

дивидуализм и упрямство. Эти качества долго мешали ему разобраться в «местничестве» и партизанщине, опираясь на которые он первое время и строил свою работу. Руководство уездного комитета партии и исполкома отрицательно отнеслось к поведению Чапаева. Мне было поручено выехать в Покровск и доложить о создавшемся положении члену Реввоенсовета 4-й армии В. В. Куйбышеву. Оказалось, что командованию 4-й армии известно о поведении Чапаева и о том, что происходит в 1-й Самарской дивизии. Куйбышев помог нам разрядить обстановку.

26 августа Чапаев со своей личной охраной выехал к месту расположения частей, вслед за ним покинул город и штаб вместе с Галактионовым, и только после этого уездный исполнительный комитет приступил к своей работе.

В конце сентября 1918 года командование 4-й армии перевело Чапаева из Пугачевской бригады и назначило его начальником 2-й Николаевской дивизии, которая стояла против уральских казаков и доукомплектовывалась.

Вскоре Чапаев стал членом партии и командованием 4-й армии был направлен в Москву для учебы в академию Генерального штаба. Из него вышел прекрасный командир Красной Армии, прославившийся своими победами на следующем этапе гражданской войны.

Октябрьская революция застала Михаила Константиновича Лемке, известного историка русского революционного движения, на посту управляющего Экспедицией заготовления государственных бумаг, после 1919 г. преобразованной в Гознак. На эту должность он был назначен еще в марте 1917 года.

Роль Экспедиции, ведавшей изготовлением бумажных денег и других ценных бумаг, имеющих платежное или актовое значение, была чрезвычайно важной. Решением Советского правительства М. К. Лемке был оставлен на этой работе.

«Я был первым, — говорил он, — давшим открыто, ясно и определенно подписку 25 октября 1917 года в признании новой власти. Я понял, что пришла вторая, более глубокая революция»¹. Этот шаг не был случайным для М. К. Лемке. Долгий и сложный путь подвел его к признанию Октябрьской революции.

Демократические взгляды Лемке были широко известны еще — начала 900-х годов. В 1901 году в знак протеста против запрета цензуры он выпустил свой известный «Белый номер» редактируемой им тогда газеты «Приднепровский край» (листы были отпечатаны в том виде, в каком их пропустила цензура). Министр внутренних дел Д. С. Сипягин приостановил газету на восемь месяцев, а Лемке был отстранен от должности редактора. Об этом факте писали прогрессивные газеты Парижа, Берлина, Амстердама. Департамент полиции стал пристально следить за Лемке, а Главный комитет по делам печати с «особым пристрастием» относиться к его трудам. После выхода книги Лемке «Эпоха цензурных реформ» Главное управление по делам цензуры увидело в нем «прямолинейного либерала в духе 60-х гг., сторонника Чернышевского и Добролюбова»², а когда появилась новая работа «Очерки освободительного движения 60-х гг.», то ее пытались конфисковать по 128-й статье уголовного уложения за возбуждение враждебных правительству настроений.

Преследования не останавливают М. К. Лемке — он участвует в земском оппозиционном движении, выступает на страницах сборника земцев-конституционалистов «Мелкая земская

М. Г. Вандалковская

Первый директор Гознака

¹ Пушкинский дом (далее—ПД), ф. 661, д. 39, л. 10.

² ЦГИАЛ, ф. 776, оп. 21, д. 717, лл. 1—8.

единица», посещает собрания кассы взаимопомощи литераторов, редакцию «Русского богатства», где звучат оппозиционные выступления Н. К. Михайловского, Н. Ф. Анненского и других видных представителей литературного и политического мира.

В 1905 году М. К. Лемке восторженно приветствует восстание на броненосце «Потемкин». «Это событие колоссальное, — пишет он, — это какая-то сказка, что-то чрезвычайно небывалое»¹.

В дни всеобщей октябрьской стачки, 18 октября, Лемке был свидетелем массовых манифестаций с красными флагами и пением «Марсельезы», участвовал в митингах в университете, в технологическом институте, видел, как «сдирали флаги и вешали красные или сдирали белую и синюю полосы». А сам он, в офицерском мундире, «...с удовольствием снимал шапку офицерскую перед красными знаменами»².

По своим политическим убеждениям в эти годы он примыкал к социал-демократам, меньшевикам, сотрудничал в меньшевистском «Начале».

В октябре 1907 года М. К. Лемке был избран кассой взаимопомощи литераторов председателем Комиссии помощи членам кассы, потерпевшим политические репрессии.

С годами углублялись демократические воззрения Лемке, росла его гражданская, политическая активность.

После победы Октябрьской революции, оставшись, как говорилось выше, на должности управляющего Экспедицией и став членом президиума комиссариата финансов Северной области, Лемке энергично занялся административно-хозяйственной деятельностью. Гражданская война и нараставшая разруха требовали увеличения выпуска денег. В значительной мере благодаря усилиям М. Лемке удалось в августе 1918 года (по сравнению с мартом 1917 года) увеличить выпуск денег в 6 раз.

Тем временем контрреволюционно настроенные чиновники министерства финансов пытались всеми мерами вывести из строя фабрику, изготавливающую деньги. Лемке решительно протестовал, ему удалось предотвратить забастовку служащих фабрики 30 октября 1917 года.

Весной 1918 года, когда немецкие войска наступали на Петроград, Лемке получил специальное задание Совнаркома эвакуировать Экспедицию. В Пензу было вывезено 1400 рабочих и служащих.

В мае 1918 года Лемке встретился с В. И. Лениным. Владимир Ильич благодарил Лемке за работу фабрики и за проведенную им эвакуацию в Пензу. В этой же беседе Лемке рассказал Владимиру Ильичу о трудностях, которые приходится преодолевать руководству Экспедицией³.

Однако в судьбе Лемке не все складывалось удачно. 7 августа 1918 года он, как бывший офицер, по недоразумению был арестован. А. В. Луначарский, В. Д. Бонч-Бруевич, хорошо знавшие Лемке, были убеждены, что ошибка будет скоро исправлена. Председатель Моссовета обратился по этому поводу к В. И. Ленину. После этого разговора он телеграфировал жене Лемке Марии Романовне о том, что он будет быстро освобожден⁴. Это, очевидно, дало основание М. К. Лемке в письме к жене от 30 августа 1918 года говорить о «поданной им (Лениным. — М. В.) надежде»⁵. По свидетельству дочери М. К. Лемке, Веры Михайловны, В. И. Лениным было дано указание об его освобождении.

В 1922 году Лемке вступил в партию большевиков и до конца дней все свои силы отдавал служению советской науке. По заданию Совнаркома он вел огромную и трудоемкую работу по изданию Полного собрания сочинений А. И. Герцена, занимался большой лекторской и пропагандистской работой, принимал активное участие в сплочении кадров левой профессуры, был одним из инициаторов организации «красной» профессуры и, наконец, «красным профессором».

¹ ПД, ф. 661, д. 10, л. 315.

² Там же, д. 11, лл. 33, 39.

³ Там же, д. 37, л. 6; д. 39, л. 10; д. 1309, л. 1.

⁴ Там же, д. 37, л. 2.

⁵ Там же, д. 331, л. 54.



Г. А. Тихов в 1917 году.

Виктор Пекелис
Годы революции в жизни
Г. А. Тихова

В книге «Весь Петербург» на 1913 год в списке на букву «Т» есть справка: «Тихов Гавр. Адр. кс. Пулково. Ник. гл. астрон. обсерв. Предс. астрон. секц. русск. об-ва люб. мировед». За всем этим стоит адъютант-астроном Николаевской главной астрономической обсерватории в Пулкове, коллежский советник Гавриил Адрианович Тихов.

В «табели о рангах», помещенной в томе III «Свода законов Российской империи», тоже на 1913 год, указывалось, что коллежский советник — чин немалый: соответствовал полковнику царской армии.

Эта формальная справка ни в коей мере, однако, не освещает подлинного лица

известного астронома, получившего премию имени Вильде, не указывает на его первые в истории астрономии цветные снимки Марса, не говорит о других смелых и интересных работах, каждая из которых сделала бы честь любому крупному астроному.

Г. А. Тихов прiderживался передовых взглядов не только в науке. Его другом был знаменитый шлиссельбуржец Н. А. Морозов, которого Тихов считал личностью героической, примером настоящего ученого-патриота, революционера. Астрономические идеи Н. А. Морозова он воспринимал как новое слово в науке.

Тихов и круг близких ему людей были некоторым исключением в пулковской среде. Пулковцы часто стремились показать, что они вне политики, что их дело — небо и звезды, а не люди и революции.

Но наступил день, когда революция вплотную подошла к Пулковским высотам. 30 октября 1917 года вблизи обсерватории произошел бой между красногвардейцами Петроградского и Царскосельского отрядов и войсками генерала Краснова. Шрапнель рвалась над зданиями обсерватории, и пули барабанили по крышам. После многочасового боя мятежные войска вынуждены были отступить.

Но революция вошла в Пулково не только сражением, разыгравшимся у Пулково. Она внесла новый стиль, новые нормы поведения, новое отношение государства к науке. Теперь научной деятельностью обсерватории руководил совет астрономов. Совет избирал директора сроком на три года. Астрономами и служащими могли стать и женщины. С особенной радостью узнал Тихов об увеличении штатов почти в три раза (с 18 астрономов и вычислителей до 50).

Революция дала новый толчок научной деятельности и самого Тихова. Если раньше он действовал на одном-двух главных направлениях, то теперь, применяя различные методы, он повел работу широким фронтом. Усиленно продолжая изучение спектров новых звезд — работы тонкой и трудоемкой, он в то же время вел начатые еще в 1914 году массовые наблюдения распределения цвета и яркости небесного свода.

Астрономы далеко не всегда сидят в башне у телескопа, направленного в небо. Им очень часто приходится путешествовать, чтобы вести наблюдения. Активным астрономом-путешественником был и Тихов. За свою долгую жизнь он совершил множество экс-

педиций, и немало из них в первые годы Советской власти. Только для изучения аномальной дисперсии света в земной атмосфере — так называемого зеленого луча — за один 1921 год он был в двух экспедициях — на Среднем Урале и за Полярным кругом на острове Кильдин.

Условия гражданской войны и разрухи были крайне тяжелы для многогранной научной деятельности Г. А. Тихова.

В конце октября 1919 года к Петрограду рвались белогвардейские банды Юденича. Красная Армия задержала их на Пулковских высотах. Снова здесь, на 75-метровом холме, над приземистыми башнями со свистом пронеслись снаряды. Крашенные охрой и суриком небольшие дома осыпал град пуль и осколков. В эти дни к этим покатым холмам, над которыми клубились серые низкие тучи, были обращены глаза всей страны, всего мира: здесь решалась судьба революции.

За рубежом уже справляли панихиду по «русскому Гринвичу». «Катастрофа, вызванная большевиками, — говорили там, — погубила Пулково, и оно вряд ли сможет служить развитию астрономии».

После 21 октября Красная Армия перешла в решительное наступление и стала быстро теснить белых. Вскоре непосредственная опасность для обсерватории миновала. Однако прошел не один месяц, прежде чем жизнь Пулково вошла в норму.

По свидетельству старейшего пулковца, академика А. А. Белопольского, несмотря на все невзгоды, переносимые астрономами, «число представленных к печати рукописей, число научных докладов, интенсивность наблюдений остались почти в том же виде, как во времена, несравненно более легкие».

В это тяжелое время Тихов в дополнение к своим научным занятиям начинает преподавательскую работу. Лекции по астрофизике, которые с 1917 года в Петроградском университете читал Белопольский, в 1919 году перешли к Тихову. Почти в это же время Н. А. Морозов, директор научного института имени Лесгафта, приглашает Тихова заведовать астрофизической лабораторией.

Тихов жил в Пулкове, и поездки его в Петроград были сопряжены с большими трудностями. Подчас при выюге он шел по глубокому снегу пять километров до станции Александровская, взбирался на открытую площадку вагона — проникнуть внутрь не было никакой возможности, наконец, приезжал на Варшавский вокзал. Оттуда Тихов

добирался на трамвае до Васильевского острова в университет. Из университета он шел в астрофизическую лабораторию. На дорогу ему требовалось не менее двух часов.

Большой радостью было после тяжелой дороги, после лекций в холодных помещениях проводить вечера в приятном гостеприимном доме Морозовых. Здесь царил атмосфера дружбы. У Николая Александровича был мягкий, доброжелательный характер. Его жена, Ксения Алексеевна, тоже отличалась большой добротой и сердечностью. У них часто бывали ученые, писатели, художники, общественные деятели.

В Пулковке весной, летом и осенью все были заняты огородами: они давали возможность кое-как просуществовать зиму. Рабочих не было. Сами рубили на дрова сухостой в пулковском Нижнем парке.

Тихов занимался теперь и еще одной деятельностью — культурно-просветительной. Пулковские астрономы читали общедоступные лекции, издавали научно-популярные статьи и брошюры, проводили экскурсии. Астрономы показывали инструменты, знакомили с методами наблюдений. Приходили сюда студенты, школьники, рабочие, служащие. Особый интерес к обсерватории проявляли моряки Балтийского флота. Пять-шесть тысяч человек в год посещали Пулково, а потом число экскурсантов превысило двенадцать тысяч.

Курс лекций по астрофотометрии, который Тихов читал в Петроградском университете, лег в основу учебника «Астрофотометрия».

Когда научное книгоиздательство в Петрограде выпустило в 1922 году полный курс «Астрофизики», работа Тихова вошла в нее первым томом. «Астрофизика» была задумана как пятитомное издание.

«Как ни тяжелы те условия, в которых приходится развиваться русской астрономии, науке, требующей много материальных средств, — писалось в предисловии курса, — мы должны с гордостью сказать, что молодая астрофизика имеет у нас предшественников, внесших в эту науку огромные по своей ценности вклады».

Русское общество любителей мироведения, сыгравшее большую роль в распространении астрономических и геофизических знаний, работало под председательством Н. А. Морозова. Г. А. Тихов стал вестать в обществе секцией астрономии. Здесь разрабатывали любительские наблюдения, давали справки о методах наблюдения, посылали выписки

из книг, рекомендации к покупкам и конструированию инструментов, к постройке обсерватории.

Тихов работал с большим увлечением. И общество выразило ему свое признание, учредив «Медаль имени первого председателя астрономической секции Г. А. Тихова». Первыми ее получили С. М. Селиванов и А. Д. Дубяго за открытие новых комет.

Секция состояла в основном из молодежи. Видя Тихова постоянно окруженным восторженными любителями астрономии, пулковцы прозвали его мироведческим батькой.

Большим событием в жизни мироведов был их первый Всероссийский съезд в сентябре 1921 года. Собрать съезд было нелегко. Тихову как председателю Организационного комитета пришлось решать почти неразрешимые задачи. Целые дни уходило на то, чтобы достать пятьдесят топчанов, двадцать пудов стружек, несколько десятков наматрачников. Энтузиазм Тихова и его помощников преодолевал все преграды: не только достали пропитание, но даже организовали столовую и, на удивление всем, повесили меню с разнообразными блюдами. Тихов в шутку все время повторял: «Не хлебом единым жив мировед». По его инициативе лучший зал института Лесгафта декорировали ельником и цветами, и украсили портретами Ломоносова, Кулибина, Камилла Фламариона и курского любителя-астронома первой половины XIX века Семенова. Тихову удалось добиться и иллюминации здания, где проходил съезд. Ни разруха, ни перебои на транспорте не могли помешать собраться 82 делегатам со всей России. 90 человек приехали из Петрограда и области.

Съезд продолжался двенадцать дней. Было прочитано около 50 докладов. Тихов сделал доклад «Успехи астрономии за последние годы», опубликованный затем в № 41 журнала «Мироведение».

Об огромной работоспособности Тихова говорит тот факт, что в это же время он говорил, а потом и руководил ответственной пулковской экспедицией на остров Кильдин.

Остров Кильдин лежит в Ледовитом океане к востоку от выхода из Кольского залива. Здесь открытый горизонт и большая широта — медленно заходит и восходит солнце. На острове, на северном его берегу Тихов разбил палатку для наблюдателей. Место так и назвали — «Зеленый луч».

Ученый любил вспоминать об этой экспедиции. Она натолкнула его на мысль о

более удобном и наглядном способе исследования зеленого луча.

Однажды Тихов прочитал в журнале «Исторический вестник» рассказ Тенеромо «Лев Толстой — пастух». В рассказе, между прочим, приписываются Толстому слова о том, будто бы древние плохо различали цвета и что в Библии нигде не говорится о синем цвете неба. Это очень заинтересовало Тихова. Он быстро нашел в Библии несколько мест, в которых ясное небо сравнивается с сапфиром. Исследовав спектральный состав света, проходящего через сапфир, ученый увидел, что он очень близок к спектру ясно-го неба.

Свойствами сапфира и воспользовался астроном, чтобы построить цианометр — прибор для изучения голубого цвета неба. Сапфир для цианометра Тихову подарил знаменитый минералог Ферсман Александр Евгеньевич. Они познакомились случайно в поезде. Один ехал на остров Кильдин для наблюдения зеленого луча, другой — на Кольский полуостров для исследования Хибинских гор.

Как-то раз пришел Тихов в минералогический музей к Ферсману и попросил показать ему сапфиры. Особенно заинтересовал Гавриила Адриановича один — из коллекции графа Кочубея. Тихов вынул камень из коробки, приставил его к щели карманного спектроскопа и моментально обнаружил, что сапфир искусственный.

— Не может быть, — возразил Ферсман.

— Уверю вас, — ответил Тихов.

Ферсман вынул лупу, посмотрел через нее на сапфир и смущенно заметил:

— Да, это стекляшка.

Пришлось «сапфир из коллекции графа Кочубея» убрать с витрины.

Так астроном Тихов в глазах минералога Ферсмана приобрел славу знатока сапфиров, которого Ферсман не раз приглашает потом на экспертизы.

Построенный Тиховым цианометр сначала был назван библейским. Теперь он известен под именем сапфирного. Это прибор немногим больше шестикратного призматического бинокля. Он удобен для наблюдения в экспедициях.

Если ко многим перечисленным работам Тихова прибавить еще исследования мерцающих звезд, научную аэрофотографию, наблюдение солнечных затмений, публикации обширных каталогов цвета звезд, фотографирование планет с помощью цветных светофильтров, то можно увидеть, какую титани-

ческую работу вел в то время видный русский астроном.

Революционный порыв словно приподнял ученого над землей, показав ему все дали и всю ширь астрономии.

С этой высоты уже можно было заглянуть и в смежные науки. Новый взгляд позволил заложить основы и новых направлений в исследованиях. Тихов приступил к первым опытам массового определения спектральной отражательной способности растений. Сравнение этих спектров с марсианскими привело его полвека назад к знаменитой гипотезе о возможности жизни на Марсе и позволило затем сформулировать основы астробиологии, а потом и космобиологии — наук, которые ныне прочно вошли в жизнь.

О. Д. Хвольсон

Что дал Октябрь русской физике

В 1927 году А. М. Горький, вспоминая о самоотверженности русских ученых в тяжелые годы гражданской войны, писал А. П. Карпинскому: «В эти годы я непосредственно убедился в обаянии и величии типа русского ученого. Никогда не забуду О. Д. Хвольсона, который работал — писал книгу «Физика и ее значение» — в маленькой тесной комнатке при двух градусах ниже нуля, одетый в зимнее пальто, в сапоги с чалашами и в нитяные перчатках. Работал, не жалуясь на эти ужасающие условия. Фантов, подобных этому, я знаю много».

Почетный академик Орест Данилович Хвольсон (1852—1934) был выдающимся педагогом и лектором — профессором Ленинградского университета, создателем пятитомного курса физики, переведенного на многие иностранные языки, первым председателем Российской ассоциации физиков.

Ниже мы публикуем его речь, произнесенную 1 ноября 1927 г. на заседании Российской ассоциации физиков. Эта речь была опубликована в давно ставшем библиографической редкостью журнале «Научный работник» № 12 за 1927 г.

Публикация подготовлена
В. Д. Есаковым



О. Д. Хвольсон.

Когда желают подвести итог тому, что дал Октябрь, приходится прежде всего поставить вопрос: за какой срок? Тов. Луначарский недавно указал, что когда речь идет о деятельности на культурном поприще, то, казалось бы, следует брать не десять, а только последние шесть лет, так как первые четыре года, годы мировой войны, гражданской войны и блокады, нечего считать, ибо, казалось бы, было не до того. Однако это не совсем верно. Мы все знаем, как относился Владимир Ильич Ленин к науке, как он ценил те знания, которые человечество накопило упорным трудом за долгие годы и без которых современная культурная жизнь невозможна. Впол-

не определенное отношение Советского правительства к науке стало ясно выступать с самого начала. Итоги приходится подводить не за шесть, а почти за все десять лет.

Благодаря чисто случайному стечению обстоятельств мне очень рано пришлось войти в контакт с представителями Советского правительства, и вот об этом я прежде всего и расскажу. При бывшем министерстве народного просвещения состоялась особая временная комиссия по учебным пособиям, во главе которой стоял профессор С. И. Соколов — по химии, я — по физике. После Февральского переворота я вскоре обратился к Временному

правительству, но сперва никакого сочувствия не встретил, чтобы не выразиться более точно, и только в конце сентября, а может быть, даже в начале октября состоялось специальное заседание для обсуждения вопроса о субсидии, на счет которой я хлопотал. Заседание кончилось ничем, комиссия поддержана не была. Очень скоро «кончилось» и Временное правительство.

Настал Октябрь, и власть перешла в руки лиц, о которых я знал очень мало; то же самое относилось и к большинству ленинградских ученых. В течение некоторого времени положение было явно выжидательным. Однако я ждать не хотел; работа комиссии по учебным пособиям не должна была заглохнуть, и я должен был добыть для нее средства.

И вот я, вероятно в конце марта 1918 года, отправился на Чернышеву площадь, в здание бывшего министерства народного просвещения. Поднявшись по лестнице, я вошел в большой зал, где за столиком сидел молодой человек, к которому мне надлежало прежде всего обратиться. Я назвал его и заявил ему, что я желаю переговорить с А. В. Луначарским. Он ответил, что Анатолий Васильевич очень занят, мало кого принимает, и спросил, в чем дело, на что я и ответил. Тогда он сказал, чтобы я обратился в такую-то комнату к З. Г. Гринбергу¹. Я отыскал эту комнату; перед нею несколько человек ждали приема, и я стал ждать своей очереди. Через короткое время я был принят и в первый раз в жизни очутился лицом к лицу с представителем новой власти. И вот я должен сказать, что я встретил на редкость сердечный прием, величайшее внимание, глубокий интерес к изложенному мною вопросу и полную готовность идти навстречу моим пожеланиям. Тут же мне была назначена сумма для комиссии по учебным пособиям и выдано распоряжение об ее выплате. Это дало мне смелость указать на трудное положение Отделения физики Русского физико-химического общества, и я тут же получил второе распоряжение о выдаче некоторой суммы Отделению физики. Вероятно, я не ошибаюсь, полагая, что этот мой первый визит З. Г. Гринбергу был в то же время моментом первого контакта между новой властью и русской физикой, а те суммы, которые тут же были ассигнованы, представляют первое, в историческом порядке, «что Октябрь дал русской физике».

Дальнейшая работа комиссии по учебным пособиям, касавшаяся только преподавания

физики и химии, продолжалась недолго. Уже осенью 1918 года созрел в Комиссариате народного просвещения гораздо более обширный план такого учреждения, которое ведало бы всеми вопросами, касающимися наглядных учебных пособий по всем предметам низшей и средней школы. Общее руководство лежало в руках «главного комитета по наглядным учебным пособиям» под председательством А. В. Луначарского. Этот комитет собирался по мере надобности и сравнительно не часто. При нем были учреждены Экспертная палата наглядных учебных пособий, которая состояла из большого числа специалистов, и исполнительный комитет под председательством П. А. Знаменского². Не вхожу ни в какие детали, так как это дело касалось не одной только физики, хотя понятно, что именно пособия по физике должны были здесь занимать наиболее широкое место. Замечу только, что при Экспертной палате издавался журнал «Вестник наглядных пособий», который затем при расширенной программе назывался «Педагогическое дело». Экспертная палата была впоследствии соединена с Центральным педагогическим музеем в бывшем Соляном Городке, под общим названием Всероссийского педагогического музея, преобразованного затем в Институт научной педагогики.

Осенью 1918 года несколько ленинградских физиков поехали в Москву на совещание по одному специальному вопросу; там возникла мысль о созыве в начале 1919 года съезда физиков в Ленинграде, тогда еще Петрограде. Тотчас же был учрежден организационный комитет под моим председательством. Жестко пришлось нам поработать. Подумайте, какое это было время: конец 1918 и начало 1919 годов, время исчезновения с рынка самых обыкновенных предметов. На одно из первых заседаний организационного комитета явился в качестве делегата от одного из правительственных учреждений служащий в главной физической обсерватории И. А. Кайгоро-



¹ Гринберг З. Г. — заместитель народного комиссара по просвещению Северной области.

² Знаменский Петр Алексеевич — педагог. Автор первых программ по физике для советской средней школы, руководств по методике преподавания физики, методических пособий для учителей и учебников физики. С 1944 г. член-корреспондент Академии педагогических наук РСФСР.

дов¹, который много помог работам организационного комитета. Между прочим, он указал на единственный магазин, в котором еще сохранились канцелярские принадлежности. Я направился туда, чтобы купить бумаги, чернила, карандашей и перьев из жалких остатков, которые еще нашлись и которые, однако, спасли наше критическое положение. Вот какое было время! Если съезд все-таки не состоится, то этим мы прежде всего обязаны тому, кто нам неустанно помогал, давал средства, давал советы, интересовался всеми деталями, — З. Г. Гринбергу. Он достал превосходное общежитие для приезжих членов съезда в Педагогическом институте имени Герцена, директор которого А. П. Пинкевич заблаговременно и сердечно принял гостей, заслужив глубокую их благодарность.

В съезде участвовало, кроме петроградских физиков, большое число московских, с профессором, ныне академиком, П. П. Лазаревым во главе. Были также приезжие из других городов, хотя, конечно, немногочисленные. Надо вспомнить, с какими трудностями была сопряжена тогда всякая дальняя поездка. Съезд прошел весьма удачно: в детали я не вхожу. При открытии съезда ректор университета профессор А. А. Иванов указал в своей приветственной речи, что это первый съезд ученых в Петрограде, вероятно и во всей России, при новом строе.

Вот на этот съезд можно указать как на второе, «что дал Октябрь русской физике», и в этом должен подчеркнуть, что это была именно физика, которая первая получила столь ценный подарок. При открытии съезда произнес большую речь И. А. Кайгородов; он указал на необходимость всем русским физикам сплотиться и образовать Российскую ассоциацию физиков. Это был момент зачатия нашей ассоциации; тут же была избрана комиссия для выработки положения об ассоциации; она работала весной и летом 1919 года. В конце августа все было готово, положение было одобрено. Таким образом, 1 сентября 1919 года есть день рождения Российской ассоциации физиков. По первоначальному положению ассоциация находилась в некоторой зависимости от Русского физико-химического общества, и в нее входили только различные общества. В 1921 году положение подверглось некоторым изменениям, связь с Русским физико-химическим обществом была уничтожена, и ассоциация сделалась вполне самостоятельным учреждением, в состав которого могут входить не только общества, но и институты и иные ученые учреждения. Кроме того, была

введена должность заместителя председателя. Впоследствии положение об ассоциации было еще раз пересмотрено и окончательно утверждено 11 марта 1924 года Народным комиссариатом внутренних дел.

В течение трех лет я имел честь состоять председателем ассоциации; в сентябре 1922 года на нижегородском съезде я был вновь предложен в качестве председателя, но отказался. С тех пор председателем состоит академик проф. А. Ф. Иоффе. В настоящее время в состав ассоциации входят 28 ученых обществ и научных учреждений в Ленинграде, Москве, Смоленске, Киеве, Одессе, Нижнем-Новгороде, Краснодаре, Воронеже, Саратове, Уфе, Казани, Томске и Ташкенте.

Первый всероссийский съезд ассоциации состоялся в Москве в декабре 1920 года². Во главе организационного комитета этого съезда стоял ныне уже покойный профессор Ю. В. Вульф, которым никогда не перестанет гордиться русская наука³. Съезд был превосходно организован и прошел с большим энтузиазмом и успехом. Кроме московских и многих ленинградских физиков, присутствовало большое число приезжих из других городов, например из бывшего Екатеринбурга, Саратова и даже Томска. Число докладов было очень велико.

Второй съезд ассоциации собрался в Киеве летом 1921 года. Председателем организационного комитета состоял профессор И. И. Косоногов, которому, несмотря на колоссальные трудности, удалось устройство съезда. Ввиду совершенно исключительной обстановки, в которой этот съезд состоялся, я сообщу некоторые характерные детали. Всего за-



¹ Очевидно, речь идет об Алексее Ивановиче Кайгородове (1881—1951) — советском геофизике и климатологе. С 1930 г. — директор Геофизической обсерватории в Минске. С 1947 г. — действительный член АН Белорусской ССР.

² Здесь допущена неточность. Первый съезд Российской ассоциации физиков проходил с 1 по 6 сентября 1920 г. (см. «Сообщения о научных и технических работах в республике. Вып. III — IV — Съезд Российской ассоциации физиков». М., 1920 г.).

³ Вульф Григорий (Юрий) Викторович (1863—1925) — советский кристаллограф, член-корреспондент АН СССР с 1921 г. Ю. В. Вульф впервые поставил в России рентгено-структурные исследования. Под его руководством был разработан новый метод производства рентгеновских экранов, которые применяются в медицине.

явили о своем желании принять участие в съезде 475 лиц, в том числе 236 иногородних. Фактически приняло участие 278, в том числе только 52 иногородних. И не удивительно: петроградские физики отправились в Киев своевременно, но из Москвы не могли двинуться дальше, несмотря на настоячивые хлопоты. Заявлено было 125 докладов, но прочитано было 59. Впрочем, на первом заседании присутствовало 453 человека, на последнем — 237. После съезда профессор Косоногов передал совету ассоциации подробные протоколы всех заседаний организационного комитета, а также книжечку под заглавием «Второй съезд Российской ассоциации физиков», которую он еще успел напечатать. К великому прискорбию всех русских физиков, он скончался через несколько месяцев после закрытия съезда, инициатором и руководителем которого он явился. Велики его заслуги перед русской наукой и специально перед нашей ассоциацией, которая не забудет его геройского подвига — устройства съезда в Киеве в 1921 году.

Третий, уже во всех отношениях прекрасно удавшийся съезд состоялся в Нижнем-Новгороде в сентябре 1922 года. Инициатива и председательство в организационном комитете принадлежали профессору В. К. Лебединскому. Велики были и в этом случае разнообразные затруднения, которые пришлось преодолеть организационному комитету, состоявшему из членов Нижегородской радиолaborатории и университета. Большую помощь комитет встретил в лице председателя президиума местного исполнительного комитета тов. Пер и огромную финансовую поддержку со стороны ярмарочного комитета, пожертвовавшего съезду в деньгах того времени 450 тысяч рублей. Кроме того, Народный комиссариат почты и телеграфа дал субсидию в размере 50 тысяч руб.

Председателем съезда был избран профессор И. А. Каблуков¹. Всего было на съезде 239 членов из 22 городов, в том числе из таких удаленных от Нижнего-Новгорода, как Киев, Витебск, Уфа и Томск. На съезде было прочитано 95 докладов, две речи и сделано 16 обзоров по различным общим вопросам всего на 24 заседаниях.

Четвертый съезд ассоциации имел место в Ленинграде в сентябре 1924 года. Председателем организационного комитета состоял председатель ассоциации А. Ф. Иоффе. Комитету удалось в сравнительно короткий срок созвать съезд и сделать все необходимое для успешного проведения его занятий. Это оказа-

лось возможным только благодаря исключительно широкому содействию со стороны заведующего Ленинградским отделением Главнауки М. П. Кристи.

До начала съезда была отпечатана книга в 102 страницы с изложением резюме 135 докладов; всех докладов было 179. Эта книга составляет 14-й выпуск «Сообщений о научно-технических работах в республике». В съезде участвовало 625 членов, из них 218 иногородних. Съезд состоял из трех главных секций и трех подсекций и имел 34 заседания. При содействии опять-таки Ленинградского отделения Главнауки удалось разместить всех иногородних членов съезда в Европейской гостинице и в общежитии КУБУ.

Пятый съезд нашей ассоциации состоялся в Москве в декабре 1926 года. И здесь была до начала съезда напечатана книга, содержащая своевременно присланные резюме 167 докладов. Эта книга была безвозмездно напечатана Государственным издательством. Число членов съезда превышало 650.

Я не вхожу в дальнейшие подробности. Еще слишком свежо у многих из нас впечатление от этого замечательно удачного и интересного съезда, от того дружеского приема, который мы встретили у наших московских товарищей.

Последние съезды имели место через каждые два года, хотя в «Положении об ассоциации» сказано, что они должны происходить ежегодно. Будем надеяться, что после съезда 1928 года, который соберется на волжских пароходах², мы будем в сентябре 1929 года иметь съезд в Ленинграде в ознаме-

¹ Интересно отметить, что выдающийся советский физико-химик Иван Алексеевич Каблуков (1857—1942), избранный председателем съезда, считал себя в то время прежде всего химиком и в факте избрания химика председателем съезда физиков видел отрядный пример единения между русскими физиками и химиками.

² Шестой съезд Российской ассоциации физиков открылся в Москве 4 августа 1928 г. После окончания 8 августа пленарных заседаний более 150 участников съезда, в том числе все иностранные гости, выехали в Нижний Новгород, где сели на пароход. На пароходе продолжалось слушание докладов и проведение дискуссий. Участники съезда посетили Казань и Саратов, где 15 августа 1928 г. состоялось заключительное заседание. Наиболее полным отчетом об этом съезде является статья выдающегося немецкого физика Манса Борна, перевод которой был опубликован в журнале «Телеграфия и телефония без проводов» (1928. № 51).

нование десятилетия существования нашей ассоциации.

Российская ассоциация физиков с ее прекрасными съездами, этими освежающими встречами дорогих товарищей по науке, — вот третья, «что дал Октябрь русской физике».

Я перехожу к следующему, пожалуй, наиболее важному делу — к учреждению целого ряда исследовательских институтов по физике и сопредельным с нею техническим дисциплинам. По этому грандиозному вопросу я могу ограничиться немногими словами, ибо дело слишком ясное и всем хорошо известное. В Ленинграде, Москве, Киеве и Одессе учрежден ряд исследовательских институтов, превосходно оборудованных, обладающих богатейшими собраниями и большим числом талантливых научных работников, беззаветно преданных своему великому делу, неустанно работающих на славу русской науки. Их непрерывной струей текущие работы заполняют не только русские, но и иностранные журналы, вызывая восторг и удивление зарубежной науки. Я ограничусь простым перечнем этих институтов. Называю их в совершенно случайном порядке и, конечно, исключительно те, которые относятся только к физике.

В Ленинграде мы имеем три исследовательских института по физике. Во-первых, Государственный оптический институт, устроенный и руководимый профессором Д. С. Рождественским и находящийся в ведении Главнауки; техническая его часть еще связана с Высшим советом народного хозяйства. Во-вторых, Физико-технический и рентгенологический институт, устроенный и руководимый А. Ф. Иоффе; он находится в ведении Народного комиссариата просвещения. В-третьих, Центральная ленинградская физико-техническая лаборатория, находящаяся также под непосредственным руководством А. Ф. Иоффе и в ведении Высшего совета народного хозяйства.

В Москве мы имеем следующие учреждения. Во-первых, Институт биологической физики, устроенный и руководимый академиком, профессором П. П. Лазаревым. Во-вторых, ассоциацию исследовательских институтов при первом Московском государственном университете. Здесь во главе стоят профессора В. И. Романов, А. К. Тимирязев и другие лица. В-третьих, Государственный экспериментальный электротехнический институт, весьма крупное и богатое учреждение, находящееся в ведении Научно-технического управления Высшего совета народного хозяйства: его директором состоит профессор Круг. В контакте

с этим институтом работает московская магнитная лаборатория, руководимая профессором В. К. Аркадьевым; ее замечательные работы в области магнитных явлений произвели большое впечатление в кругу ученых за границей. Исследовательские институты находятся также в Киеве и Одессе.

Я, конечно, не исчерпал списка тех исследовательских институтов, работы которых тесно соприкасаются с задачами физики. Во всех названных мною учреждениях кипит научная работа, и можно сказать, что столь пышного расцвета физики, как мы ныне с чувством радости и гордости наблюдаем, у нас еще никогда не было. Пусть эта работа и далее растет и процветает на славу всему нашему Союзу. Исследовательский институт — вот четвертое, «что дал Октябрь русской физике».

Я кончил свой обзор, поскольку он должен касаться истекающего десятилетия. Много, очень много дал Октябрь русской физике, и я счастлив, что мне суждено было дожить до этого времени.

Но взоры обращаются к будущему, и тут возникают некоторые пожелания и крепкие надежды на их исполнение, безусловно необходимое. Да, Октябрь много дал русской физике, но, к сожалению, следует сказать, что он кое-что от нее и отнял, или, вернее говоря, должен был отнять; нет сомнения, что это было сделано только временно, что отнятое будет возвращено при первой возможности, как только наш Союз еще более окрепнет и всякие по его адресу угрозы, откуда бы они ни являлись, безнадежно и бесславно исчезнут. О наших пожеланиях я хочу сказать откровенно. Они относятся к университетам и разнообразным другим высшим учебным заведениям и высшим техническим учебным заведениям. В них раньше была сосредоточена вся русская научная творческая работа, кроме той, которая происходила в Академии наук. Конечно, в то время у них средства были небольшие, но все же благодаря их работе русская физика пользовалась великим почетом за границей, да и не только физика, но и вообще русская наука. А в настоящее время университеты и другие высшие учебные заведения оскудели и им чрезвычайно трудно оставаться теми научными центрами, которые так долго и славно высоко держали знамя науки и давали ежегодно необходимое число молодых ученых. Многие университеты превращены в высшие педагогические институты, в которых физика играет маленькую, служебную роль, и не представляет чего-то самоудовлетворяющего, как это было раньше. Однако в университетах

и других высших учебных заведениях преподают настоящие ученые, а таковым должна быть предоставлена полная возможность научно работать. Расцвет исследовательских институтов не должен уменьшить значения университетов и других высших учебных заведений как научных центров. Ведь и в Германии возник целый ряд исследовательских институтов, но это нисколько не понизило научной работы огромного числа университетов и других высших учебных заведений.

Я кончил. Каковы же итоги? Мы с глубокой благодарностью ценим то великое, что Октябрь дал русской физике, и мы надеемся, что в скором времени окажется возможным идти навстречу тем пожеланиям, которые я позволил себе высказать.

Р. Орлова

Страх в империи доллара

(Октябрьская революция и американская реакция. „Красный психоз“ в США. 1919-1920 гг. Факты и документы.)

«У нас это невозможно» — так иронически озаглавил свой роман Синклер Льюис. В действительности у них это уже было...

«Никто из тех, кто находился в Америке осенью 1919 года, не умеет забыть лихорадочное состояние общественного мнения. Люди были буквально одержимы призраком Большевиизма. Они словно блуждали, гонимые кошмарами, гонимые тысячами фантомов разрушения. Собственники были объаты страхом. Устрашающим словом «радикальное» клеймили самые невинные отклонения от общепринятого...»

А. Гарднер, Некоторые значительные люди. Лондон, 1919 г.

Вторая годовщина Октябрьской революции ознаменовалась в США пальмеровскими налетами.

Пальмер — министр юстиции в США в те годы. Его имя стало нарицательным. Со вре-

мен Герострата существует особый вид славы: «машина Гильотена», «столыпинский вагон», «аракчеевский режим». Изобрести новые пытки, посадить как можно больше людей в тюрьмы, обнести землю колючей проволокой... Так остался в истории Америки Митчел Пальмер. Он действовал с помощью законов и нарушая законы.

ЗАКОНЫ О ШПИОНАЖЕ И ИЗМЕНЕ РОДИНЕ, ПРИНЯТЫЕ В США В 1917—1918 ГОДАХ

«Каждый, кто распространяет клеветнические сведения или заявления, имеющие целью помешать операциям или успеху военных или морских сил США или способствовать успеху врагов США... каждый, кто пытается нарушить субординацию, бунтовать или отказываться выполнять приказы военного или морского командования США... каждый, кто пытается намеренно саботировать призыв в армию, карается штрафом в 10 тысяч долларов или двадцатилетним тюремным заключением».

Именно по этому закону были привлечены к суду редакторы журнала «Массиз», в котором объединились лучшие представители американской интеллигенции. По решению суда журнал был закрыт.

Другой закон гласил: «...каждый, кто производит, пишет или публикует любые неloyальные, неприличные, оскорбительные или грубые слова об американском правительстве, о Конституции, о мундире армии или флота США... любые слова, направленные на то, чтобы способствовать сопротивлению Соединенным Штатам, или на то, чтобы помогать врагам страны...», карается штрафом в 10 тысяч долларов или двадцатилетним тюремным заключением.

Этот второй закон принимается в 1918 году, когда всем совершенно ясно, что война идет к концу.

«Красный психоз» стал главным средством, при помощи которого Америка переходила от войны, окончившейся победой, к миру, окончившемуся поражением».

Роберт Мюррей. Красный психоз. Исследование национальной истерии. 1919—1920 гг. Нью-Йорк, 1955.

Многopleменная Америка, где в одном Нью-Йорке больше ирландцев, чем в Дублине, и больше итальянцев, чем в Риме, начала изгонять «иностранцев», «чуждые элементы». Среди недовольных, бастующих, бунтующих пролетариев Америки было множество выходцев из Европы. На них-то в первую очередь обрушились и рука закона и шквал беззаконий. В 1919 году «иностранцев», главным образом членов ИРМ — анархистской организации «Индустриальные рабочие мира», начали ловить по всей стране. Их посадили в поезд «Красный специальный». 11 февраля 1919 года этот поезд привез «иностранцев» в тюрьму Элис-Айленд.

11 ноября 1919 года в городке Централия линчевали Весли Эверста — одного из руководителей ИРМ.

Для многих европейцев Американская Мечта кончалась тюрьмой, высылкой, смертью.

Пялит
руку
ваша свобода
над тюрьмой Элис-Айленд.
В. В. Маяковский,
Порядочный гражданин

Суды над «иностранцами» были скорыми и неправыми.

21 декабря 1919 года пароход «Буфорд» (впрочем, его скоро перекрестили в «Советский ковчег») отплыл от берегов США. «Чистых» на этом ковчеге не было — к 1919 году уже всех «красных» (или обвиненных в том, что они «красные») считали «нечистыми». Кого же в многоплеменной Америке можно было считать «туземцами»? Индейцев? Или потомков тех первых поселенцев, которые в 1620 году прибыли к американским берегам на корабле «Мейфлауер»? Но они — капля в море. Значит, «чистые» американцы — это те, кто одевается, как все, ходит в ту церковь, в какую все, читает те газеты, какие читают все... Так на долгие годы, на десятилетия вперед в умах американцев укреплялось: революционное, «красное» это выделяющееся и отделяющееся, чужое, европейское, антиамериканское, русское...

Что знали американцы о молодой революционной стране?

В августе 1920 года в прогрессивном журнале «Нью рипаблик» появилась серия статей двух молодых журналистов, Уолтера Липпмана и Чарльза Мерца, «Информация на проверку». Они показали, как «Нью-Йорк таймс» и другие ведущие газеты систематически, настойчиво искажали действительное положение дел в Советской России. За два года — с 1917 по 1919 год — «Нью-Йорк таймс» 91 раз сообщала, что крах большевизма неминуем. Липпман и Мерц писали:

«Факт остается фактом: во время острейшего кризиса великий народ не мог получить даже минимума необходимой информации о событиях первостепенной важности».

Прошло почти четверть века, в 1944 году при Корнельском университете были устроены курсы по изучению СССР. Открывая эти курсы, профессор Уилсон повторил ту же мысль:

«Никогда столь большое количество людей не знали столь ничтожно мало о таком значительном явлении».



В сентябре 1918 года был создан подкомитет сената США по юридическим вопросам. Цель этого подкомитета — расследование антиамериканской деятельности со стороны Германии. 4 февраля 1919 года сенат принял резолюцию, распространяющую деятельность этого комитета и на Советскую Россию.

11 февраля 1920 года начала работать комиссия конгресса под председательством сенатора Овермена — комиссия по расследованию большевистской деятельности в США. Требовалось лишь проиллюстрировать то, что было уже известно властям: Россия «кошмар в сумасшедшем доме».

Среди свидетелей, которых привлекла комиссия Овермена, были такие люди, как крупный миссурийский бизнесмен Френсис, посол США в России. Уже 19 ноября 1917 го-



Джон Рид за работой.



Пальмеровский рейд в Чикаго.

да сразу же после революции Френсис призывал русский народ «убрать все преграды со своего пути».

Под «преградами» имелась в виду власть большевиков. Он писал государственному секретарю Лансингу:

«...вчера я впервые начал ощущать отвращение и отчаяние, потому что в течение шести недель Россия дала возможность большевикам осуществлять контроль...»

Френсис и не хотел знать и действительно не знал того, что происходит в России. Но он не знал и того, что происходит в Америке. В 1916 году в США был арестован рабочий Том Мунни. Его обвинили в том, будто он во время демонстрации в Сан-Франциско бросил бомбу. Мунни приговорили к смертной казни. По Америке прокатилась волна митингов с требованием: «Свободу Тому Мунни!» Во многих странах рабочие поддерживали борьбу за освобождение Тома Мунни. Летом 1917 года перед американским посольством в Петрограде собралась толпа. Раздавались крики: «Свободу Тому Мунни!» Посол Френсис обратился к журналисту Линкольну Стеффенсу, который был в это время в Москве, с вопросом: «Кто такой Том Мунни?»

Перед комиссией Овермена прошло множество свидетелей, подобных Френсису. Большинство из них было настроено крайне антисоветски.

«Показания» свидетелей порою носили анекдотический характер:

«Из 388 служащих Смольного осенью 1918 года 265 — выходцы из Ист-Сайда, — утверждал один из них. — Они-то и сделали революцию...»

Еще до начала работы комиссии Овермена священник первой пресвитерианской церкви в Сизлет Марк Мэтьюз направил министру юстиции письмо, в котором заявил:

«...свержение Керенского было в основном задумано, спроектировано, выполнено в городе Сизлет...»

(25 мая 1918 г.)

Так говорили, думали, писали американцы, считавшиеся вполне нормальными людьми. Так раздувался психоз.

«С общественным мнением поступили, как с рекрутом. Его призвали на военную службу, а затем стали обращаться с ним, как с прочими новобранцами. Его мобилизовали. Его отдали на выучку к сержантам. Его заставили держать шаг. Его приучили стоять смирно и отдавать честь».

Френк К о б б, редактор газеты «Уорлд» (Нью-Йорк)

При таком «мобилизованном» общественном мнении, при таком состоянии умов и рождались выдумки одна нелепее другой. На комиссии Овермена была подхвачена выдумка о «национализации» женщин в Советской России (впервые пущена в ход в журнале «Нью Ероп» 31 октября 1919 года со ссылкой на газету «Известия», где будто бы были опубликованы декреты большевиков



Разгон демонстрации в Филадельфии.

г. Владимира и г. Хвальнска о «национализации»).

17 февраля на комиссии Овермена по этому вопросу выступил свидетель Роджер Симмонс (он был в России с экономической миссией). Он заявил, что красивые женщины от 17 до 32 лет являются в России «общественным достоянием». Те, кто будет сопротивляться, будут объявлены «врагами народа». Свидетель Симмонс ссылаясь на книгу путевых очерков Оливера Сейлора «Россия: белая или красная», 1919 г.

Журналистка Луиза Брайан, жена Джона Рида, которая тоже была в те годы в России, сразу же опровергла все эти выдумки в журнале «Либерејтор», но разве мог прогрессивный малотиражный журнал тягаться с могущественной газетно-журнальной армией?

Через неделю после «показаний» Симмонса госдепартамент заявил, что все это ложь. Но к тому времени клевета успела обойти все газеты и на десятилетия застряла в умах.

В Америке, как и во всех странах, были настоящие друзья Октября. Именно американец Джон Рид впервые рассказал о «Десяти днях, которые потрясли мир». Старший друг Рида Линкольн Стеффенс вернулся из России в 1919 году, где он был с неофициальной миссией Буллита.

Его спросил банкир Барух:

— Вы были в России?

— Нет, — ответил Стеффенс, — я ездил в будущее, и оно становится действительностью.

На массовом митинге в Мэдисон-сквер-гар-

ден, где собрались друзья революционной России, выступил 25 мая 1919 года священник Джон Хейнс Холмс. Он призывал к справедливости:

«От вашего имени и от своего имени я требую, чтобы Революция в России не была приостановлена. Революция, которая является единственным благоприятным исходом войны, Революция, которую будут помнить и благословлять везде... Русская революция, я повторю снова, должна быть спасена!»

Друзья выступали и на других собраниях, и на комиссии Овермена, и в печати.

«Там в Москве, в Советской России, где вши и голод, и принуждение и смерть, где сейчас ад, они там убеждены, и это может увидеть даже и не коммунист, что есть цель, ради которой стоит жить и, если необходимо, — умереть. Они знают там, что жизнь не всегда будет такой, как сейчас. Будущее приближается, оно уже виднеется на горизонте... И оно прекрасно. Его можно уже увидеть невооруженным взглядом, его могут увидеть простые люди. Я увидел будущее», — так писал Стеффенс в журнале «Фримен» 3 ноября 1920 г.

Комиссия Овермена и правительство, которому она была подчинена, не желали принимать во внимание наблюдения и выводы людей, которые были в России и «заразились» большевизмом. Выводы таких свидетелей, как Джон Рид. Но комиссия игнорировала и выводы, например, полковника Раймонда Робинса, убежденного противника большевизма. Робинс был в России с миссией Красного Креста. Этот человек, наделенный здравым смыслом и добрым сердцем, говорил:

«В Петрограде и в Москве при большевине Ленине больше законности и порядка, чем при антибольшевине Керенском».

Робинс утверждал: там, в этой мгле, «я увидел между людьми новые общественные связи».

Робинс настаивал: выбор существует лишь между интервенцией и сосуществованием. Он предостерегал: если не хотите торжества мирового коммунизма, избирайте путь связей, путь сосуществования, предлагайте миру новые идеи, так как идеи можно победить лишь иными идеями...

Робинс говорил непосредственно на комиссии Овермена:

«...против чего я возражал бы, сенатор, это против того, чтобы мы сами закрывали себе глаза на действительное положение дел в России, имели бы дело не с действительным положением вещей, не вникали бы в это положение, а осуждали его, не разобравшись в сущности, и отнесли к нему с нереалистических позиций...»

Сенатор Бора был прав, когда сказал, что знающим людям, вернувшимся из России с фактами, закрывали рты. Робинса не принял

президент Вильсон. Госдепартамент запретил ему публично выступать.

Государственные деятели, испугавшись сами «призрака большевизма», в свою очередь, пугали других. По мнению сенатора Кнута Нельсона, радикальная литература так заполонила штат Миннеаполис, что

«...страна сейчас нуждается в цензуре больше, чем во время войны...»

Защитники законности пытались апеллировать к американской конституции. Сенатор Миннезотан отвечал:

«...Конституция существует не для того, чтобы защищать радикалов».

Миннезотану почти буквально вторил Альберт Джонсон, председатель Иммиграционного комитета. В речи, произнесенной в палате представителей, он говорит:

«Свобода печати для нас, а не для них; свобода слова для нас, а не для них; мы и так уже позволили им слишком далеко зайти и захватить наши самые священные права».

Сенат рассматривал вопрос: не запретить ли красный флаг?

Страх нагнетался и газетами. «Солт лейк трибюн» писала:

«...свобода слова у нас доведена до той черты, когда она становится прямой угрозой».

«Вашингтон пост» призывала:

«Заставьте замолчать поджигателей пожара... Пусть рука закона опустится на тех, кто грозит насильем. И пусть это произойдет немедленно».

На помощь правительству и газетам поспешили «суперпатриоты», члены Лиги национальной бдительности, Американского легиона, Ку-клукс-клана. Они митинговали, проводили парады, пугали: «Враг у ворот!» Они призывали противопоставить большевизму «американизм».

«Если слышишь, как человек пытается дискредитировать Соединенные Штаты, значит перед тобой большевик».

Все законы попирались. Адвокат Кларенс Римс (настроенный антисоветски) писал Пальмеру о положении в г. Сизтле:

«Когда я сюда приехал, каждый государственный служащий — будь то в государствен-

ных учреждениях, будь то в органах штатов и в городских управлениях, — вплоть до пожарников, а также множество добровольцев обладали привилегией арестовывать без всяких церемоний граждан, «иностранцев», бросать их без всяких церемоний в тюрьмы, где они и дожидаются следствия...»

Главный штаб Ассоциации промышленников выпустил 31 декабря 1919 года листовку с призывом к судам Линча:

«Расправляйтесь с ИРМ и прочими антиамериканскими организациями... Высылайте радикалов из страны или пользуйтесь веревкой, как в Централлии!»

Между тем в разных городах начали взрываться бомбы — на традиционной первомайской демонстрации 1919 года, в домах правительственных чиновников, в резиденции самого министра юстиции. Обвиняли «красных», хотя ни одно обвинение не было подтверждено, доказано.

Конгресс предоставил департаменту юстиции 500 тысяч долларов, чтобы успешнее вести охоту на радикалов, на тех, кто пытается «дискредитировать» Соединенные Штаты, на тех, кто «угрожает насильем»...

Пальмер сообщил конгрессу, что в его ведомстве уже заведена картотека на 200 тысяч «нежелательных» лиц.

Бюро разведки министерства юстиции рассылало письменные инструкции.

«Вашингтон.
Строго секретно.
27 декабря 1919 г.

К вашему личному сведению сообщая, что аресты коммунистов назначены на пятницу вечером, 2 января 1920 г.

Если возможно, договоритесь со своими секретными агентами, чтобы они устроили в этот вечер митинги коммунистической и коммунистической рабочей партий. Как мне сообщали сотрудники бюро, такие приготовления делаются. Это, разумеется, облегчит аресты...»

2 и 6 января прошли самые массовые пальмеровские налеты. Было арестовано более 10 тысяч человек.

«Либерейтор», «Нейшн», «Сёрвей», «Дэйел», «Нью рипаблик» — либеральные и радикальные журналы — выступили против массового психоза.

Двенадцать крупнейших юристов страны — среди них декан юридического факультета Гарвардского университета Раско Паунд — протестовали против беззаконий.

«В продолжение шести с половиной месяцев мы, нижеподписавшиеся юристы, чей долг согласно присяге следить за исполнением конституции и законов Соединенных Штатов, наблюда-

даем с растущей тревогой непрекращающиеся нарушения этой конституции и подрыв законов со стороны министерства юстиции США. Под предлогом борьбы с радикальным движением прокурорский надзор в инструкциях из Вашингтона подведомственным ему лицам творит беззакония по всей стране».

Двадцать шесть протестантских священников, принадлежащих к так называемому Межцерковному всемирному движению, осудили акты беззакония.

Судья в Бостоне Джордж Андерсен гневно обличал Пальмера, его действия.

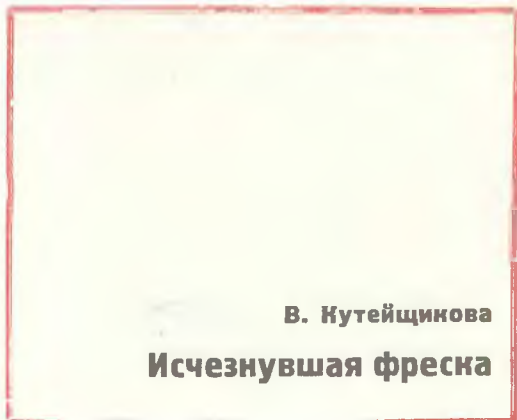
«Трудно представить себе нечто более беззаконное. И после этого говорят об американизации; в чем мы действительно нуждаемся, так это в американизации тех, кто поступает подобно Пальмеру. Я, как американский гражданин, едва могу сдержать негодование».

Летом 1920 года в Чикаго судили членов новорожденной коммунистической партии. Коммунистов защищал известный адвокат Кларенс Дэрроу. Сам он не был сторонником коммунизма, хотя его и называли часто «защитник заклейменных проклятьем», «красный адвокат». Дэрроу говорил в своей защитительной речи на суде, обращаясь к присяжным:

«С самого начала и до самого конца в этом деле вопиющим образом нарушались законы, разжигались страсти и создавалось предвзятое мнение, чтобы вы, господа, забыли то, что дорого сердцу каждого настоящего американца, что является самым для него существенным. Чтобы вы, господа, забыли то, что Америка когда-то защищала. Чтобы вы сыграли свою подлую роль, не давая человеку высказаться, парализуя его разум, подавляя его мысль, выкорчевывая и уничтожая ту свободу слова, которая когда-то была краеугольным камнем американских институтов. На самом деле вам предлагают сделать так, чтобы Америка стала страной тиранов, доносчиков и ростовщиков, которые попирают законы, конституционные и человеческие права, чтобы безнаказанно грабить народ».

Один из самых влиятельных либеральных деятелей США, Освальд Гаррисон Виллард, внук знаменитого аболициониста, редактировавший журнал «Нейшн» в течение четверти века, писал:

«Красный психоз» удостоверяет: Синклеру Льюису не надо было создавать роман, доказывавший, что «У нас это невозможно». Ему достаточно было обратиться к деяниям Вильсона — Пальмера и таким образом показать, что у нас это уже было. Многие из происходящего в гитлеровской Германии при Адольфе Гитлере напоминают то, что делали официальные лица в нашей стране в 1919—1920 годах...»



В. Кутейщикова

Исчезнувшая фреска

Более тридцати пяти лет назад гениальный мексиканский живописец Хосе Клементе Орско создал на стенах Новой школы социальных исследований в Нью-Йорке монументальную фресковую композицию. В 1953 году фреска фактически исчезла. Над ее главной частью был повешен непроницаемый занавес. Создание и исчезновение фрески — это не только глава в истории искусства, но и живой кусок бурной действительности нашего века.

За семь лет до Великой Октябрьской революции началась массовая крестьянская революция в Мексике. Свергнув прогнивший феодально-аристократический строй, она вывела страну на путь современного экономического и политического развития.

Едва отгремела в стране гражданская война, как группа талантливых художников-энтузиастов взялась за создание монументальной фресковой живописи, в которой самым непосредственным образом воплотилось только что пережитое социальное потрясение.

В этой живописи замечательным был и неукротимый дух революционности и своеобразнейшая форма художественного воплощения действительности. Монументальная фресковая стенопись возрождала традиции, которые еще в древности существовали в Мексике, родине великолепного искусства индейцев майя и ацтеков.

Пионерами этой новой живописи были «трое великих» — Диего Ривера, Хосе Клементе Орско и Давид Альфаро Сикейрос. На отвоєванных у государства стенах учреждений они изображали и героические страницы прошлого, и битвы недавней революции, и



многие события текущей общественной борьбы. Искусство мексиканских художников 20—30-х годов стало частью самой истории Мексики. Вот один из многих фактов.

В январе 1924 года в городе Мериде был предательски убит выдающийся революционер, «красный губернатор» Юкатана Фелипе Карильо Пуэрто.

Сикейрос, завершавший в тот момент роспись «Похороны рабочего», тогда же замуровал в стену записку с именем Карильо Пуэрто, навсегда связав таким образом свое произведение с реальным и трагическим фактом современности. Вскоре большое портретное изображение Карильо Пуэрто — вождя и мученика — появилось на фреске Диего Риверы, которую он писал тогда на стене здания министерства просвещения. А еще через несколько лет образ народного вождя появился

и в росписи Хосе Клементе Ороско. Именно с этим-то изображением и связана история фрески в Новой школе социальных исследований.

В 1930 году Ороско был приглашен сделать свою первую фреску в США; она появилась в колледже города Помона в Калифорнии. Художник изобразил на ней фигуру Прометея, как символ вечного порыва человечества к своему освобождению. А в конце того же года он принял заказ на вторую монументальную роспись, на этот раз от Новой школы социальных исследований.

Своему другу искусствоведу Хорхе Хуану Креспо де ля Серна Ороско писал в декабре 1930 года: «Вот уже много времени не пишу тебе, будучи очень занятым росписью новой фрески в Школе. Спешка здесь еще большая, чем в Помоне; они хотят, чтобы фреска была закончена к 1 января. К тому же и условия



работы очень тяжелые, так как не готово еще само здание. Кажется, работа идет хорошо, и это будет нечто совершенно отличное от того, что я делал раньше»¹.

Действительно, фреска стала произведением новаторским не только для творчества самого художника, но и для всей мировой живописи того времени.

Новая школа социальных исследований была учебным заведением, в котором с самого начала господствовал дух демократии и либерализма. В соответствии с характером этого учебного заведения Ороско задумал воспроизвести на стене в синтетически образном виде всю картину современного мира. Этот мир предстал в ряде фресок, каждая из которых имела самостоятельное значение и смысл и вместе с тем соотносилась с другими.

Росписи, озаглавленные «За столом братства», «Всеобщая семья», «Наука, труд, искусство», символически изображали справедливость того будущего общества, в котором господствует равенство рас, свобода личности, свобода творческого труда.

Две другие росписи, расположенные друг против друга, изображали, наоборот, конкретность сегодняшнего мира; они были названы «Борьба на Востоке» и «Борьба на Западе». На обеих художник поместил вполне реальные образы, олицетворяющие для него современную историю. На фреске «Борьба на Востоке» мы видим согбенную, трагически поникшую фигуру Ганди, на которую устремлен взор одетых в железные каски солдат колониаль-



¹ L. Cardoza-y-Aragón, Orozco. México, 1959, p. 284.

ного войска. Этой пассивной борьбе художник противопоставляет борьбу активную, революционную. Две страны воплощали для художника идею мировой революции, и обе они были изображены на фреске «Борьба на Западе» — это Россия и Мексика. Отсюда два центра композиции, два портрета, каждый символизирующий революцию своей страны. В правом центре Ороско поместил изображение В. И. Ленина, в левом — портрет Карильо Пуэрто.

Сам художник в автобиографии писал об этой композиции: «Темы моих росписей таковы — в центре стол всеобщего братства, здесь люди разных рас, а во главе стола — негр. На боковых стенах аллегорическое изображение мировой революции — Ганди, Карильо Пуэрто, Ленин. Далее группа рабов и другая группа рабочих, возвращающихся домой после трудового дня. На внешней стене зала — аллегорическое изображение науки и искусства. Из-за негра, возглавляющего стол братства, и фигуры Ленина Новая школа социальных исследований потеряла материальную поддержку некоторых из своих самых богатых покровителей — вещь весьма серьезная, ибо это заведение существует исключительно благодаря денежной поддержке своих друзей. Но в то же время эти же самые росписи привлекли к себе симпатии других, более многочисленных людей. Мне была предоставлена полная свобода для работы. Школа эта — школа исследования, а не подчинения»¹.

В крайне напряженные сроки фреска была завершена, и уже в письме от 21 января 1931 года Ороско сообщает тому же адресату: «Росписи в Новой школе социальных исследований закончены; уже сделаны тысячи фотографий с них. Ощущается некоторое волнение в связи с той панелью, где изображены Россия и Ленин. Поступили даже протесты, но школа держится стойко. Я сообщу тебе обо всем, что будет происходить, и пришлю статьи и фото, когда они появятся»².

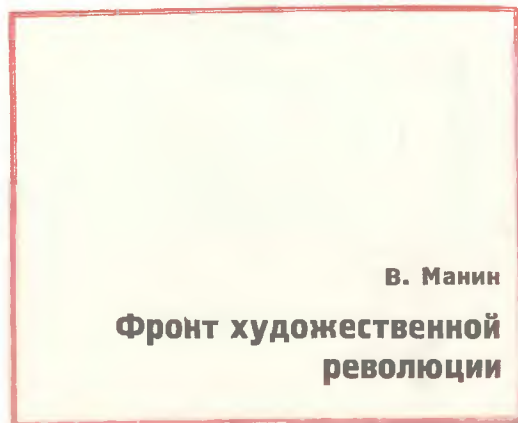
Несмотря на все эти волнения и протесты, школа приняла произведение Ороско, и в течение многих лет оно было представлено для всеобщего обозрения. Сам же художник вскоре вернулся на родину, где создал много новых творений.

Ороско был художником гениальным. Однозвучный титан, как назвал его Неруда, трагический и страстный живописец, он был переполнен горечью от уродства окружающего его мира. С потрясающей силой воплотил он героизм и драматизм судьбы своей родины.

Он умер в 1949 году, и его смерть нанесла непоправимый урон искусству Мексики и всего мира.

Уже после смерти Ороско его творчество начало подвергаться новым гонениям. Была запрещена выставка его картин в Калифорнии под предлогом того, что Ороско якобы коммунист. А в 1953 году в Нью-Йорке произошло событие, о котором было сказано вначале. Пронзительный ветер холодной войны проник и в стены Новой школы социальных исследований, бастиона либерализма. Изображение Ленина и Карильо Пуэрто исчезло.

Вот как в небольшой истории фрески Ороско преломились великие и сложные потрясения, которые испытал мир в послеоктябрьскую эпоху.



В. Манин

Фронт художественной революции

Петроград — бурный эпицентр двух революций — был переполнен событиями: петроградский художники, занятые последние два десятилетия самоопределением в сложной изменчивости художественной жизни, во многом еще только приобретали политическую зрелость. Февральская буржуазная революция вызвала к жизни почти анархическую энергию деятелей искусства, занявшихся поисками политических конструкций творческой жизни. Художники активно выступали за отделение искусства от государства. «Ратуйте за свободу искусства. Боритесь за право на самоопределение и самоуправление», — зывал союз

¹ J. C. Orozco. Autobiografía. México, 1943, p. 131.

² L. Cardoza-y-Aragón. Ibid, p. 285.



К. С. Петров-Водкин. Ленин, 1937 г.

«Свобода искусству», объединивший Н. Альтмана, Л. Бруни, Н. Венгрова, В. Воинова, М. Кузмина, В. Мейерхольда, Н. Пунине, А. Родченко, В. Татлина, С. Исакова и др. 12 марта 1917 года был торжественно учрежден Союз деятелей искусств — представительная организация, собравшая художников, писателей, музыкантов, актеров, музееведов, архитекторов. К октябрю 1917 года союз объединил свыше 200 организаций всех отраслей искусства. По одному только Петрограду в него вошло около 90 обществ и организаций. Насколько разнообраз-

но оказалось это объединение, можно судить по достаточно краткому перечню состоящих в нем коллективных членов. Это в первую очередь Товарищество передвижных художественных выставок и Ассоциация мировых футуристов, модернистский «Союз молодежи» и академическое Петроградское общество художников, Общество защиты и сохранения в России памятников искусства и старины и Дамский художественный кружок, общество «Возрождение художественной Руси», членами которого состояли архиепископы Новгородский и Ямбургский, княгиня Ширин-



В. Е. Маковский. Большевики. Сторожевой пост, 1919 г.



Н. А. Андреев. Портрет Миха Цхакая, 1921 г.

ская-Шихматова, С. Рябушинский и Б. Ханенко, и Еврейское общество поощрения художеств. Эти, казалось бы, взаимоисключения дополнялись Академией художеств, обществом мастерских живописцев, журналом «Аполлон», студией Мейерхольда, театром Незлобина, оркестром народных инструментов Андреева, Эрмитажем, Русским музеем и многими другими. Поистине новый вариант Ноева ковчега. Своего рода тред-юнион, где могли объединиться отдельные лица и организации.

Перед самым Октябрем делегаты Союза деятелей искусств как знамя прогресса поднимают идею созыва Учредительного собрания деятелей искусств, который должен определить основные принципы жизнедеятельности художников. Собор стоит выше всех правительств, выше всякой власти. Искусство подчинено целиком ему и не зависит от государства. Так говорят на заседаниях оргкомитета по созыву собрания О. Брик и В. Мейерхольд, к такому резюме приходит руководство союза.

Сложные перипетии интеллигенции, подошедшей к рубежу Октябрьской революции после долгих лет нравственных и идейных колебаний последнего десятилетия, — противоречивый и тяжкий процесс. Далеко не каждый художник легко и свободно принял и понял революцию. Привлечь интеллигенцию к социалистическому строительству, организо-

вать органы руководства искусством — такая задача встала перед первым советским наркомом просвещения А. В. Луначарским. 17 ноября 1917 года он обращается к союзу деятелей искусств с предложением участвовать в Государственном совете по заведованию дворцами и музеями. Совместную работу он мыслит как паритетное представительство художественных и научных обществ и «организованной демократии» (советов)¹. Союз отклоняет предложение. А. В. Луначарский через Н. И. Пунина сообщает о предполагаемом учреждении при Наркомпросе совета по делам искусств с участием в равных количествах представителей Советов и деятелей искусств. Слова наркома встречает стереотипный ответ: устройство жизни деятелей искусства правомочен решать только Союз деятелей искусств. И только один член этого союза заявляет, что нужно приветствовать новую власть и войти с нею в контакт. Это В. В. Маяковский².

На фоне разворачивающихся в стране социальных преобразований как будто небольшой резонанс имела полемика среди деятелей союза, одни из которых предлагали решение форм художественной жизни перенести на

¹ ЦГИАЛ, ф. 794, оп. 1, ед. хр. 25, л. 31.

² Там же, ф. 794, оп. 1, ед. хр. 25 л. 2 об.



А. И. Вахрамеев. Ночной патруль, 1920 г.

предстоящий собор, другие, более решительные или просто нетерпеливые, как Ф. Сологуб, настаивали на передаче всех полномочий власти Союзу деятелей искусств. Тем не менее полемика таила для художников важные последствия. Самые крайние, «левый блок», вынесли резолюцию: объявить себя собранием делегатов по созыву Учредительного собора, а все ранее существовавшие комиссии распустить. Резолюцию отклонили. 21 ноября 11 человек (П. Митурич, Л. Бруни, В. Хлебников, Н. Пунин, Ю. Анненков, В. Татлин, С. Толстая и др.) вышли из состава «левого блока». Эволюция художественной среды продолжалась. В ноябре 1917 года еще дискутировали о формах жизнеустройства художников, а через два месяца, в январе 1918 года, при Наркомпросе был создан отдел изобразительных искусств во главе с Д. П. Штеренбергом. В коллегию отдела вошли «левые» В. Татлин, С. Толстая, И. Школьник, Н. Пунин, О. Брик, Г. Якулов. Саботаж деятелей искусств был разбит. На первый взгляд такая метаморфоза трудно объяснима. Вероятно, она потребовала некоего самоанализа «левых» художников. Столь неожиданному шагу сами они дали такое объяснение: «Те, кто, осмеянные и гонимые, вел непримиримую борьбу со старой публикой и старыми господами в искусстве, были призваны к государственной работе. Многие из них в полугоде и нищете скитались по чердакам, подвалам и темным углам — пролетариат от искусства стал во гла-

ве государственного строительства новой художественной культуры»¹.

Как-то ошутимо менялась психология художников. Растерянность, непротивление или неприятие новой власти постепенно исчезали. Сначала ряд художников откликнулся на мероприятия по охране памятников, сбору и пополнению музейных коллекций и развитию музейного дела. Область вроде бы знакомая и не столь «политичная». А. Бенуа работает в Эрмитаже, П. Нерадовский в Русском музее, И. Грабарь, Е. Гольдингер в Комиссии по делам музеев Наркомпроса. В Москве активизируется профсоюз художников «Изограф». Дело начинается с предложения своих услуг Комиссии по охране памятников старины и искусства при Московском Совете рабочих и красноармейских депутатов. Постепенно «Изограф», куда входили передвижники, Союз русских художников и «Мир искусства», переключается на обсуждение всех вопросов художественной жизни Москвы (январь 1918 г.). После третьего приглашения комиссии к ее работе подключаются представители других художественных обществ.

Вообще же старые устоявшиеся общества медленно втягивались в культурное строительство. Неторопливо переосмысливая события, они робко искали контактов с новыми форма-



¹ ЦГАОР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 69, л. 1 об.



А. В. Шевченко. Спящий мальчик, 1919 г.

ми жизни. Примечателен тихой подавленностью отчет общества имени Куинджи за 1918 год, характерный, кстати, и для других реалистических объединений: «Общество наше не могло и мечтать о какой-либо культурной работе, лежащей на ее обязанности, а все силы были сосредоточены на самосохранении, на лавировании между подводными камнями, что до сих пор правлению и удавалось. Будем же надеяться, что и в 19-м году судьба будет хранить нас на пользу нашей родины»¹.

Далеко не сразу могли наладиться и выявиться формы связи государства и художника. Совнарком и Наркомпрос проводят длинную цепь мероприятий, реорганизующих жизнь на новых основаниях. В числе первых же актов стояли: упразднение Академии художеств, снятие памятников царям и их слугам, реорганизация учебных заведений, открытие музейных собраний для обозрения народа, организация системы закупок художественных произведений и помощь обществам в их экспонировании.

Вполне естественно, перемена должна была произойти также в содержании, в смысле и существе творчества. Союз деятелей искусств тем временем опротестовывает все декреты Советского правительства. Он возражает против упразднения Академии художеств, снятия памятников царям и т. п. [По существу, это были акции уже одного руководства союза. Художники пошли на сотрудничество с Сове-

тами. Голос руководителей Союза деятелей искусств стал вчерашним днем.

Передышка между революцией и гражданской войной предоставила счастливую возможность заложить основы революционного искусства, обдумать его перспективы и отправные стимулы. Самым масштабным в истории искусства государств нового времени было, пожалуй, предложение В. И. Ленина об установлении памятников деятелям революции и культуры.

План «монументальной пропаганды» привлек художников различных творческих принципов.

Московская коллегия во главе с В. Е. Татлиным внесла в Совнарком предложение заменить жюри всенародным обозрением конкурсных проектов. Сами массы должны были определить целесообразность установки памятников. Очевидно, это предложение содержало рациональные зерна, и если бы оно нашло реализацию, то предотвратило бы многие издержки великого начинания. Не все монументы оказались удачными. Некоторые из них вызвали настолько сильное осуждение масс, что Московский Совет вынужден был снять памятник Плеханову скульптора Б. Королева, а Петроградский Совет провел аналогичную экзекуцию со скульптурой Софьи Перовской (скульптор Гризелли).



¹ ЦГИАЛ, ф. 791, оп. 1, ед. хр. 2, л. 16.



Б. М. Греков. Вступление полка им. Володарского в Новочеркасск, 1920 г.

Широкое творческое содружество художников разных направлений четко выразилось в праздничном оформлении городов. Многочисленные художники и целые общества принимают участие в украшении Москвы и Петрограда. К Октябрьским праздникам 1918 года Н. Альтман, Д. Штеренберг, В. Лебедев, В. Щуко, М. Добужинский, Б. Кустодиев, К. Петров-Водкин, П. Кончаловский, С. Герасимов, С. Виноградов, Г. Савицкий, Б. Григорьев и др. вывели искусство на улицы и площади, сделали его достоянием масс. Революция открыла двери монументальному искусству, масштабы которого поражают своей грандиозностью. Праздничное оформление имело два следствия. Оно укрепило связь художественной интеллигенции с Советами и дало толчок к творческому развитию художников, ранее мало пробовавших свои силы в монументальном искусстве. Но на этом пути имелись свои издержки. Петроградский Совет вынес решение о недопущении футуристов к украшению города в праздник 1 Мая 1919 года. Удар весьма чувствительный. Он заставил сомневаться в способности футуристического искусства выразить идеи революции. Один из очевидцев этого события, художник Л. Пумпянский, оставил нам живое впечатление того времени. Он писал, что постановление Петроградского Совета «...совершенно верно отражает настроение масс, которым, как сам имел случай наблюдать, футуристические украшения не понравились»¹. Постепенно об-

рисовался крах футуристического искусства, занявшего подмостки времени. Программа, изложенная В. И. Лениным на III съезде комсомола, где основным стержнем деятельности намечалось широкое использование культурного наследия, осуждала и «левых» художников, отвергавших это наследие как проявление буржуазно-дворянской идеологии. Письмо ЦК РКП(б) о пролеткультах² (1920 г.) ясно определило отношение партии и к существующим течениям в искусстве и к перспективам его развития.

Область художественного образования издавна делилась между частными студиями и государственными заведениями. Революция полностью подчинила государственным заботам учебные заведения.

Государственные учебные заведения претерпевают сильные изменения. Академическое училище было преобразовано в Государственные свободные художественно-технические мастерские. То же произошло с Московским училищем живописи, ваяния и

¹ «Пламя», 1919, № 51, стр. 11.

² Пролеткульт — организация, созданная в сентябре 1917 года с целью просвещения пролетариата, развития его творческой самостоятельности в области культуры. После Октябрьской революции Пролеткульт вошел в Наркомпрос в качестве автономного его отдела.



П. П. Кончаловский. Портрет скрипача П. Ромашкова, 1918 г.



Н. И. Альтман. Труд, 1921 г.

зодчества. Частные студии продолжают функционировать, но отныне согласовывают свои программы с губнаробразами. Организация школ, студий, кружков отвечает тяге народа к знаниям, к творчеству, ранее столь трудно достигаемому. Когда в Удомле Вышневолоцкого уезда художники В. Бялыницкий-Бируля, В. Моравов и Н. Богданов-Бельский предложили создать для крестьянских детей художественную школу, то волостной комитет бедноты с энтузиазмом поддержал предложение художников. В 1919 году школа «Чайка» в имении Бялыницкого-Бирули открылась¹. Государственные учебные заведения, именуемые по терминологии трудового государства художественно-техническими мастерскими, быстро растут. К 1918 году их насчитывалось одиннадцать. Разрушив сословные преграды, мастерские открыли путь в искусство всем желающим учиться. На подготовительный курс в первую очередь принимались рабочие. Свобода — этот вирус революции, поразил и художественное образование. Учащиеся сами выбирали руководителей мастерской, стоило им собраться в количестве 20 человек.

Что это давало? Освобождение от догматов академического искусства, опробование на практике всех преимуществ и недостатков той или иной системы обучения. Может быть, такая свободная организация привела к засылу формалистов — этому злему недугу искусства? Не совсем так. В мастерских преподавали К. Малевич, В. Татлин, А. Родченко,

М. Матюшин и др. Но они отнюдь не составляли подавляющего большинства. Учащиеся часто предпочитали иметь своими наставниками П. Кончаловского, И. Машкова, С. Малютина, П. Кузнецова, Ф. Федоровского, К. Коровина, А. Куприна, А. Архипова, Н. Ульянова, Ф. Малявина — мастеров значительных и самобытных. А в Петрограде они пригласили А. Рылова, А. Матвеева, Н. Тырсу, В. Савинского, А. Карева и др. «Генералы от искусства», чиновные художники, преподававшие в старой академии, были ненавистны молодежи. Собравшись на конференцию, учащиеся заклеивали этот пережиток старого мира. «Долой дипломы, чины, ордена и преимущества, позорящие великое имя художников», — провозгласила резолюция делегатов Москвы, Петрограда и провинции (24 апреля 1918 г.). Молодежь осознала себя строителями новой жизни, жаждала непосредственного включения в ее созидание: «...мы входим как действующий орган в государственный механизм, даем работников во всех областях искусства, распространяем идею важности искусства в народе, демократизируем искусство, призвав на помощь себе великие традиции народного творчества»².

Реформа художественного образования да-

¹ ЦГАОР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 8, л. 493—495.

² «Пламя», 1918, № 2, стр. 10.



Б. М. Кустодиев. Праздник II Конгресса Коминтерна, 1921 г.

ла ожидаемый эффект. Мастерские резко увеличили процент пролетарского студенчества — будущих известных советских живописцев, графиков, скульпторов. Революция меняла привычные представления. Идеи братства, идеи коммунизма не могли остаться хотя бы эмоционально не воспринятыми художниками — чуткой стрелкой общественных перемен. В Москве делается попытка организации художественных коммун.

Первая коммуна предложена энтузиастом художником Тепером и утверждена Наркомпросом. Положение о вольных коммунах возвестило, что «Художественные коммуны, оставаясь свободными в своем творчестве, приходят на помощь государственной власти в деле удовлетворения различных потребностей общественного пользования, как то устройство памятников, плакаты, иллюстрации книг и т. д.»¹. Члены коммуны получали за свой труд необходимый минимум средств, вся их продукция становилась достоянием государства.

Однако Наркомпрос не смог долго субсидировать коммуны, тем более развивать это начинание. Уж очень большие средства поглощала она. На полугодовое содержание двух коммун было ассигновано 390 тысяч рублей. А. В. Луначарский признал организацию коммун преждевременной. Более привычными и удобными оказались старые формы товариществ, артелей, обществ. Упразднив государственную коммуну, Наркомпрос предложил

развивать кооперативные формы сообщества художников².

В 1917—1920 годах в Москве и Петрограде действовало 15 художественных обществ, не считая различных кооперативных товариществ и артелей. Новых обществ почти не возникло.

На первый взгляд удивительно, что после революции, несмотря на полную свободу, прекращается бесконечное дробление «левого» фронта на самостоятельные ответвления, ручейки и течения, зачастую с громко возведенными программами. Это явление, столь характерное для дореволюционного времени, как бы заморозилось. Очевидно, ранее имелся потребитель, стимулирующий его. Очевидно, революция не проявила к этому поощряющего интереса. Правда, имелся один решающий фактор. «Левые» встали у руководства искусством и не нуждались, видимо, в каких-то иных формах организации. Мало способствовала рождению разнообразных художественных направлений и обстановка гражданской войны. Пожалуй, только часть молодежи по-прежнему неугомонно пульсировала новыми открытиями, желаниями, стремлениями. Под влиянием формалистиче-

¹ ЦГАОР, ф. 2306, оп. 23, ед. хр. 215, л. 1.

² Там же, ед. хр. 51, л. 30 об. 44.



Г. К. Савицкий. 1919 год.

ских наставников и как бы продолжая повальные модернистические увлечения дореволюционного времени, образовались два молодежных объединения: Обмоху и Уновис. Общество молодых художников, или Обмоху, названное укороченно из модной любви к сокращениям, нельзя полностью назвать формалистическим. Как говорят его постаревшие теперь участники, они «футурили». Пробовали новые формы и принципы искусства, испытывали материал, проверяли воздействие своих работ на зрителя. Увы, далеко не всегда с желанным откликом. Члены Обмоху выставляли плакаты, эскизы декораций, предметы прикладного искусства. Тесно соприкасаясь с Наркомпросом, они часто выполняли его задания. Несравненно претенциознее было общество Уновис (Утвердители нового искусства), духовным отцом которого был К. С. Малевич. Если бы оно даже не афишировалось, то тайное присутствие Малевича отгадывалось бы по странному названию общества, весьма характерному для его лексикона. Уновис имел штаб-квартиру в Витебске, где преподавал Малевич, филиалы находились в Москве, Петрограде, Смоленске, Саратове и других городах. Но, несмотря на словесную шелуху манифестов Уновиса, среди учащихся витебских мастерских были и здоровые тяготения к промышленному и прикладному искусству. Проекты различных сооружений, интерес к керамике некоторых активных членов Уновиса (Чашник, Хидекель) — неоспоримое сви-

детельство выхода из абстрактных исканий в станковом искусстве.

Все-таки не молодежные художественные содружества определяли лицо искусства революционного времени. Традиционные общества художников со стажем в 10—20 или, как передвижники, в 50 лет переступили рубеж революции значительно измененными. Товарищество передвижных выставок потеряло капитал, обеспечивающий ему организацию передвижек. Да и обстановка тех лет делала невозможной организованную выставочную работу на периферии, где ранее продавались картины и скульптура. Может быть, поэтому Я. Минченков, известный директор-распорядитель передвижек, сокрушенно жаловался председателю ТПХВ Н. Дубовскому на трудное время, на вялое течение дел. Другое крупное объединение — Союз русских художников — довольно бойко вело торговлю картинами и даже обрастало новыми членами. «Мир искусства» своего раннего состава — А. Бенуа, К. Сомов, М. Добужинский, Б. Кустодиев, Е. Лансере, В. Замирайло, С. Чехонин и т. п. — участвует в выставках того же названия, а с 1920 года облюбовывает себе Дом искусств, где начинает экспонировать произведения своей группы, очищенной от позднейших прибавлений художников иной стилиевой направленности. Наряду с этим были организованы выставки членов общины художников, Товарищества московских и петроградских художников, Московского салона, Обще-



В. Е. Татлин. Проект башни в честь III Интернационала, 1920 г.

ства русских акварелистов и некоторых других.

Материальные затруднения в организации выставок отдельных обществ берет на себя государство. Одна за другой открываются выставки московского хранилища произведений современного искусства, государственные выставки картин, приобретений Третьяковской галереи и др. За 1918—1921 годы состоялась 21 государственная выставка. В них участвовали художники самых различных направлений. Государство предоставляет право для творческого соревнования всем направлениям. Оно приобретает произведения искусства в масштабах, неожиданных для трудных условий революций. За 1918—1920 годы Наркомпрос закупил 1926 работ 415 художников на сумму 260 800 750 рублей¹.

В годы революции и гражданской войны русское искусство обогатилось рядом замечательных произведений. Портретную серию известных деятелей русской культуры продолжает С. В. Малютин. Он пишет портреты инженера Передерия, художника Борисова, наркома Семашко. Портреты исполнены уважения к творческой личности, они утверждают ценность интеллектуального труда в новой жизни. К. С. Петров-Водкин, чуткий и своеобразный мастер, пишет «1918 г. в Петрограде» — полотно, полное трепетного ощущения времени, петроградскую мадонну, продолжающую образы его русских женщин. Почти символом просветленного духа, безоблачного, светлого



Д. П. Штеренберг. Простокваши, 1918 г.

чувства, символом времени, освобождающего человека для радостной жизни, стала живопись романтическая, полная свежести картина Рылова «В голубом просторе». Ближайшая к академической манера многочисленных натюрмортов делегатов Коминтерна отталкивает руку Н. А. Андреева. Они действительно чужды, крепки и точны в рисунке и столь же точно и метко улавливают основное в психологических характеристиках делегатов. Все эти работы есть продолжение традиций и уже новое осмысление событий и времени. Новаторский характер искусства оправдался не только новой тематикой. Он потребовал новых действенных средств выражения, способных оптимально воплотить новые идеи. Революция вызвала у художников желание всестороннего обновления искусства. Сам по себе этот многообразный процесс был отмечен чрезвычайным увлечением формальным экспериментированием некоторых художников. К. Малевич, Л. Попова, В. Татлин, А. Родченко назвали себя «революционерами форм». Революция художественного языка, по их мнению, была равнозначна революции идей. Супрематические полотна К. Малевича, абстрактные картины Л. Поповой, В. Кандинского, И. Кона и других, потеряв элемент изобразительности, порвали связь со зрителем, не могли в этом

¹ «Советское изобразительное искусство за 15 лет». М., 1933, стр. 102.



К. С. Петров-Водкин. 1918 г. в Петрограде, 1920 г.

революции стать рупором социалистических идей. Но многие находки «левых» экспериментаторов получили продолжение не в станковых произведениях, заведенных ими в тупик, а в художественном конструировании, в промышленном искусстве. Многими новыми конструктивными решениями означен проект башни в честь III Интернационала В. Е. Татлина. Созданные им проекты мебели действительно наметили реформаторский подход к проблеме соединения искусства с производством. То же можно сказать о текстильных работах В. Степановой, экспериментах А. Родченко, и даже К. Малевич имел неплохие результаты в сопряжении своего супрематизма с керамическим производством. Революция дала жизнь плодотворной идее дизайна, к которой подошли некоторые теоретики и практики «левого» искусства.

Поиски новой формы еще не ведут к формализму. Работы К. С. Петрова-Водкина, Б. М. Кустодиева («Большевик», «Праздник II Конгресса Коминтерна») или К. Юона («Новая планета»), каждая по-своему отказываясь от традиционного языка, выражали пафос революции. Овладение живописной культурой не имело узколокального, только для художников-профессионалов, значения. Оно расширяло эмоциональное воздействие искусства, обогащало и углубляло духовный мир открытых для восприятия искусства народных масс. Художникам, увлеченным живописными открытиями (А. Лентулову, П. Кончаловскому,

А. Куприну, Р. Фальку, В. Рождественскому, А. Осмеркину), в прошлом принадлежавшим к группировке «Бубнового валета», также свойственно было желание стать художниками революции, выразить ее живописным мироощущением. Они поднялись на высоту многих живописных достижений, однако лишены были пафоса революционного времени. Пути художников различны. Что-то приобреталось, что-то отвергалось жизнью. Несомненно одно, что революция дала импульс к раздумьям о теме, к поискам новых форм, к созданию образов времени, одухотворенных великими преобразованиями.

Широкий прилив рабочих начался в студии Пролеткульта — организации, занятой культурной работой среди пролетариата. В начале 1920 года в стране функционировало 300 пролеткультов с 80 тысячами студийцев¹. В студиях по изобразительному искусству преподавали видные художники: П. Кузнецов, С. Колесников, Н. Синезубов, С. Коненков, В. Фалилеев, Соколов и др. Но стремление рабочих к знаниям осложнялось теоретической путаницей руководителей пролеткультов, сказывающейся на творческой практике студий. Не говоря уже об ошибках идеологического характера, заложенных в философии А. А. Богданова, против которого выступили

¹ «Пролетарская культура», 1920, № 17—19, стр. 74.



В. В. Кандинский. Смутное, 1917 г.

В. И. Ленин и ЦК партии с письмом о пролеткультах, имелись извращения чисто творческого плана. Футуризм проник в студии и вызывал резкое недовольство студийцев. Некоторые руководители Пролеткульта понимали появившуюся опасность. В конце концов 17 декабря 1920 года, то есть после письма ЦК о пролеткультах, футуризм был осужден пленумом ЦК Пролеткульта, который признал «недопустимым привлечение в студии Пролеткульта в качестве ответственных руководителей и в качестве инструкторов-специалистов, а также лекторов лиц, заявляющих себя в искусстве футуристами и комфутуристами»¹. Осуждение футуризма совсем не означало зараженность им поголовно всех студий. Ничего подобного. Выставки студий изобразительного искусства показывали присутствие реалистической школы. Начала изобразительной грамоты занимающиеся все-таки получали. Все это не мешало, конечно, проникновению в ряды студий отмеченных пленумом ЦК Пролеткульта и ЦК партии «футуристических кривляний». Близость взглядов руководителей Пролеткульта с деятелями отдела Изо Наркомпроса сказалась в отношении к культурному наследию. Нигилистическое отрицание ими прошлого получило отповедь в ряде выступлений В. И. Ленина. В Пролеткульте, несмотря на различия в определении места культуры прошлого, позиция его руководителей вылилась в специфическую форму отрицания способности интеллигенции к творчеству про-

летарской культуры, а следовательно, и искусства. 20 марта 1919 года открылась II московская конференция Пролеткульта. Примечательным было выступление представителя студийцев Ефременкова. Коротко его слова сводились к следующему: во главе Пролеткульта стоят интеллигенты, люди, оторванные от пролетариата, его среды, его творчества. Дело дошло до того, что в провинции Пролеткульт именуют «интеллигенткультом». Нужна коренная реорганизация Пролеткульта. Пролетарская культура должна создаваться пролетариями и для пролетариев, иначе рабочий класс подпадет под влияние буржуазной культуры, буржуазного творчества². Очевидно, воззрения руководства Пролеткульта не оставались на поверхности, они проникли и в среду рядовых членов.

А. В. Луначарский, не ограничивая организационной самостоятельности Пролеткульта, одним из основателей которого он сам являлся, ориентировал на студийную работу, на выращивание талантов из среды рабочего класса. Именно на этом пути Пролеткульт смог дать плодотворные результаты.

После письма ЦК о пролеткультах меняется характер творческой работы студий. II съезд Пролеткульта отметил, что «изображение

¹ ГАОР ЛО, ф. 4416, ед. хр. 13, л. 14.

² ГАОР МО, ф. 880, оп. 1, ед. хр. 8, л. 6.



К. С. Малевич. Супрематизм.



А. А. Рылов. В голубом просторе, 1918 г.

предметов не является единственной задачей пролетарского художника¹. ЦК Пролеткульта предложил сблизить искусство с трудом «путем разработки в студиях мотивов-рисунков для обстановки общественных зданий и пролетарского жилища, для текстиля и керамики, добываясь их внедрения в жизнь путем оформления праздников, театральных постановок, выполнения лозунгов и т. д.»². Студии и кружки переходят на «самообслуживание». Они занимаются удовлетворением потребностей предприятий в оформительской работе: пишут лозунги и транспаранты, оформляют красные уголки, разрабатывают проекты эмблем и знамен, делают декорации к самодеятельным спектаклям.

Годы революции заложили начала многих свершений. Открытие искусства массам, сближение художника и народа, преобразование творчества на основе коммунистических идеалов закладывали основы эстетической культуры пролетарского государства. Годы революции — время острых поисков, время борьбы с буржуазным псевдоноваторством, с академическим аполитизмом, с нигилизмом и мещанской обыденностью. Вместе с тем годы революции — это время многих находок и достижений, время открытия путей нового, советского искусства.

Э. Коган

„Подвижной театр“

В один из дней февраля 1920 года в Народном доме села Белкино Малоярославецкого уезда Калужской губернии актеры-любители устроили вечер из двух отделений. Первое — часть декламационная — оставило зрителей равнодушными. Во втором отделении со сцены прозвучали великолепные стихи А. С. Пушкина из трагедии «Борис Годунов» в сценическом исполнении. Были установлены декорации, актеры были в костюмах. Эта часть вечера прошла «с громадным успехом». Так начал свою деятельность «Подвижной театр», работавший вплоть до лета 1924 года.

Это был один из трех тысяч любительских кружков и театров, «стихийно и безучетно»

¹ «Пролетарская культура», 1920, № 17—19, стр. 81

² Там же, № 20—21, стр. 30—31.

Э. Коган. «Подвижной театр»

возникших в стране за первые три послеоктябрьских года.

Весной 1919 года Наркомпрос поручил только что созданной первой Опытной станции вести педагогическую и просветительскую работу в селах и деревнях, находившихся на стыке Боровского и Малоярославского уездов. Для работы была создана прочная база. Станции были отданы имения вблизи сел Угодский завод, Белкино, Пяткино и у деревни Самсоново, детские сады, школы первой и второй ступени, трудовая колония, подсобные дома, библиотека. Станция создала практические педагогические курсы, сельскохозяйственную ферму, бюро изучения местного края. В ее работе участвовало около двухсот человек.

Просветители Калужского края не могли, конечно, обойтись без театра. Педагогический центр станции зимой 1919 года решил создать театральный коллектив. Инициативу взял в свои руки Александр Алексеевич Фортунатов, преподаватель истории, а впоследствии профессор Московского университета. Это был человек, влюбленный в театр, большой знаток и энтузиаст. Созданный им театральный коллектив должен был готовить постановки, костюмы и декорации в центре, а затем выезжать в села района.

Для выездов театру давали только одну телегу. На нее ставили фанерный ящик с реквизитом. Актеры шли пешком за 10—15 километров и в зимние морозы и в распутицу.

«Подвижной театр» начал свою работу тогда, когда все казалось устаревшим, когда шли поиски новых форм, создавался новый репертуар. Но как в этих условиях работать любительскому театру, в котором нет профессиональных актеров, сцена мала, костюмы и декорации созданы собственными руками, а посетители — люди, не привыкшие к театру, часто неграмотные. «Все те крики моды, — писал А. А. Фортунатов, — которые так интенсивны в столице и сейчас же объявляют отсталостью предшествующие способы постановки, все они, конечно, своей цены стоят, но они не для деревни».

Опыт работы подсказывал, что характер постановки должен определяться содержанием пьесы и восприятием посетителей. Поэтому театр ставил пьесы и «на сукнах» и в «футуре», с декорациями и почти без них, в реалистической манере и с определенной степенью условности. «Крестьяне обычно требуют, чтобы каждая вещь была похожа на то, что она изображает, и даже сердятся, если предмет слишком не похож на то, что нуж-

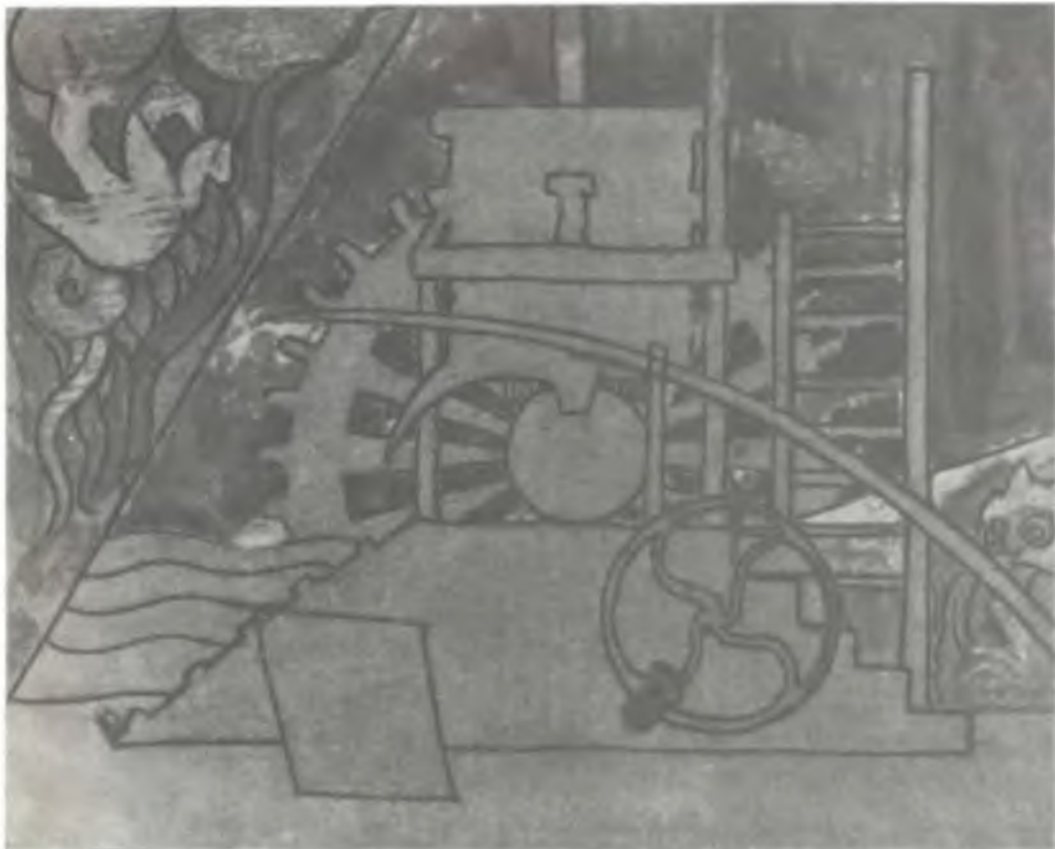
но. Но это не значит, что для крестьянина возможны только натуралистические постановки. Нет. Фантастика и стилизация до известных пределов вполне могут приниматься крестьянами, и мы их применяли».

Хотя исходили не из «модных» теорий, многое было заимствовано из современного театра. Перед началом спектакля актеры в костюмах проходили перед зрителями, а руководитель театра рассказывал о том, кто они, в каких отношениях друг к другу находятся, почему так странно одеты. В фойе делались небольшие выставки книг. Перед началом спектакля читались лекции, которые вводили зрителей в курс событий. Перед постановкой сцен из «Бориса Годунова» было сказано следующее: «Содержание ее взято из русской старины. 300 лет тому назад. Действующие лица действительно жившие. Около 300 лет тому назад Россия переживала большое волнение. В России происходило то, что сейчас называется революция. Тогда — Смутное время». Это конспект выступления. И хотя сравнение Смутного времени с революцией неверно по существу, лекция давала представление о борьбе Ивана Грозного с боярством, воцарении Бориса Годунова, Самозванца, Смуте и т. д.

Только для первой постановки были взяты костюмы напрокат. Все остальные шли в декорациях и костюмах собственного изготовления. При помощи весьма скромных средств художнику театра А. В. Гаврилову и костюмерше Е. И. Гавриловой удавалось создать иллюзию богатых костюмов, обстановки дворца, кельи и т. д.

Репертуар театра не был нов. Он ставил пьесы, давно уже шедшие на сцене: «На бойком месте» и «Грозу» Н. А. Островского, «Бориса Годунова», «Русалку», «Руслана и Людмилу» А. С. Пушкина, «Проделки Скапена» Мольера, «Хозяйку гостиницы» К. Гольдони, «Саламан(к)скую пещеру» по тексту М. Сервантеса в переводе А. Н. Островского, «Рюи Блаза» по В. Гюго, трагедию «Гибель «Надежды» Гюисманса. Это было наследие классического репертуара. Однако наряду с этим репертуарно-инсценировочная комиссия «Подвижного театра» создавала новые пьесы по известным литературным произведениям.

По-видимому, первые инсценировки были созданы по просьбе преподавателей литературы. Они искали новые методы работы, и было решено, что школьникам полезно участвовать в постановке пьес по тем произведениям, которые входят в программу. Именно



Эскиз декорации к спектаклю «Мельник, колдун, обманщик и сват».

с этой целью была создана инсценировка «Купец Калашников», поставленная в конце 1920 года школьниками трудовой колонии.

При подготовке текста инсценировки стихи Лермонтова сохранялись почти полностью. Для этого была введена фигура гусяря, который перед закрытым занавесом читал соответствующие части текста. За это время на сцене менялись декорации, затем разворачивалось само действие — в царской палате, в доме купца Калашникова, бой, казнь. Так как антракты были очень короткими, действие шло «в сукнах», реквизит был ограниченным.

Точно таким же путем была инсценирована сказка Ершова «Конек-Горбунок».

В инсценировке по сказке А. С. Пушкина о попе и работнике его Балде события разворачиваются на базаре, в доме купца и на берегу моря. Авторы инсценировки А. А. Фортунатов и С. Т. Шацкий, сохраняя сюжетную линию сказки, внесли вместе с тем и существенное изменение, заменив попа купцом Кузьмой Остолоповым¹. Стихи Пушкина были в основном сохранены и лишь в некоторых случаях сделаны добавления.



¹ Для жителей торговых в значительной мере сел, где работал театр, такая ситуация была более близкой.

Болотников

проект драмы.

Д I.

Смерть Симоны.

Двое. Все сядет и аблесимово слово. Болотников
 в селении. Уже темнеет на улице, болотников
 добры не для него. Тревога. Убогой Симоны
 -ше, дух души в вавилон и обмане ее. падает
 мертвой. Болотников замучает детей и падает.
 Владелец ищет и заводит. Симоны
 не жалеет в окно. Берет в плен Марину с
 приближенными. Симоны убит в доме. Его
 мертвого опознать через свидетелей и падает
 Маховский и Болотников мертвы. Болотников
 и Симоны умер.

Автограф А. А. Фортунатова.

Краткая строка Пушкина «Пошел поп по базару» превращена в первую сцену пьесы. Для насыщения ее действием были введены фигуры торговцев, покупателей, скomorоха, представление кукольника с Петрушкой, цыганом и т. д. Завязка событий сказки — приглашение Балды на работу на известных условиях — стала только кратким эпизодом в жизни шумного базара. Разработаны эпизоды в доме купца, сбора оброка с чертей и наказания корыстного купца.

В инсценировке «Барышни-крестьянки» при сохранении сюжетной линии в отдельные сцены были превращены те части повести, которые являются текстами от автора или

рассказами отдельных героев о событиях.

Театр подготовил и целую комическую оперу Аблесимова (текст) и Фомина (музыка) «Мельник, колдун, обманщик и сват».

Обосновывая мотивы выбора, летопись театра сообщает: а) доступность для публики как со стороны драматической, так и музыкальной; б) желание попробовать жанр комической оперы и оперетты; в) эстетические достоинства произведения, являющегося первым хронологическим опытом изображения на сцене русской деревни и обладающего в высокой мере прелестью изящного примитива; г) сравнительная несложность постановки. Об-



Сцены из спектакля «Царь Салтан».

щий характер постановки в стиле лубка (в духе народных картинок XVIII века Ровинского и т. д.).»

Работа над текстами пьес «Русский король Лир» и «Дон-Жуан» — целый этап в деятельности «Подвижного театра». Эти пьесы были не переработками или инсценировками, а самостоятельными творческими работами. Автор их — А. А. Фортунатов.

Выбор темы «Русский король Лир» подсказан деятельностью театра в сельской местности, стремлением осудить власть собственности, страсть к обогащению, противопоставить им честь, дружбу, доброту.

Для разработки пьесы была избрана схема

построения трагедии Шекспира «Король Лир», позаимствованы многие ситуации трагедии. Но действие перенесено из дворца в деревню, делят не королевство, а собственность «первого крестьянина волости» — дом, скот, мельницу, лавку. Участвуют три сестры, мужа старших дочерей и женихи младшей, сестра старика, приказчик, работник, соседи. Русский Лир — крестьянин Корней Силин — изгоняется старшими дочерьми, корыстными и не вполне добродетельными. Последняя строчка проекта (не законченного) застает Корнея Силина в лесу, во время грозы.

Три текста «Дон-Жуана» свидетельствуют



о большой работе над пьесой ее автора А. А. Фортунатова. Ни один из известных вариантов пьесы под тем же названием не является прямым прототипом. Для ее создания была использована литература, связанная с легендой о Дон-Жуане, в результате чего появилось самостоятельное сценическое произведение.

В непривычной трактовке предстают в этой пьесе герои «Дон-Жуана». Донна Анна, строгая и гордая вдова в первых вариантах пьесы, верующая католичка, по приказу настоятеля монастыря участвует в мистификации Дон-Жуана. Для того чтобы погубить его, она прибегает к грубому соблазну, столь несвой-

ственному этому поэтическому образу. Дон-Жуан в решительной сцене у статуи Командора ведет себя как верный влюбленный; статуя Командора лишена мистических черт, как и полагается быть мрамору, даже обработанному скульптором. Это только ширма, за которой скрывается настоятель монастыря, говорящий за Командора, и прикрывающая подземелье, в котором спрятано чучело огнедышащего дьявола.

Разработка революционного репертуара была одной из задач, стоящих перед «Подвижным театром». Из классического репертуара с этой целью была отобрана пьеса Лопе де Вега «Овечий источник», «ввиду его народно-

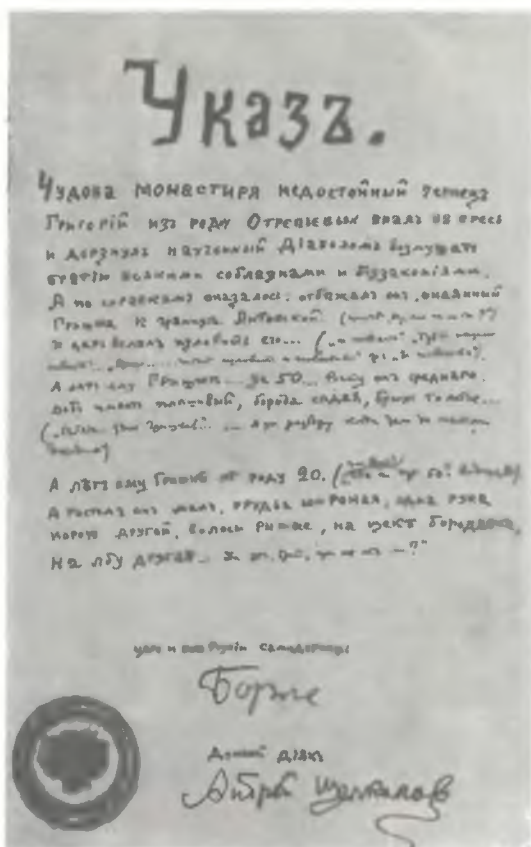


Эскиз костюма к пьесе «Сокол — Федерико».

революционных мотивов. Но текст этой вещи сложен. Здесь и борьба королевской власти с феодалами и борьба крестьян с феодалами. Театр пошел на сокращение текста, оставив только борьбу крестьян.

Однако А. А. Фортунатова в эти годы больше привлекала история революционного движения в России. В связи с этим он начал работу над двумя пьесами: «Болотников» и «Четырнадцатое декабря». От «Болотникова» сохранился только проект пьесы и несколько листов черновика.

Полный текст пьесы «Четырнадцатое декабря» обнаружен. Это самостоятельное творческое произведение. Действия пьесы происхо-



Деталь реквизита к постановке «Бориса Годунова».

дят в кабинете Александра I, в Зимнем дворце, в имении Давыдова Каменка в Киевской губернии, снова в Зимнем дворце, в доме Рылева, на углу Адмиралтейского проспекта — в Эрмитаже, на Кронверкской куртине Петропавловской крепости. При одной из редакций текст пятого действия был решительно переработан. Действие было перенесено из дворца в полуподвал Петропавловской крепости. Приведем сцену допроса Трубецкого:

«Бенкендорф (сверху лестницы появляется). Подождите! (Сходит вниз по ступеням.) Я имею поручение государя допросить Сергея Петровича Трубецкого. Оставьте нас одних. (Подает бумагу.)

Сукин (комендант крепости, смотрит на нее около фонаря). Слушаю, генерал! (Дает знак часовым. Все уходит.)

Бенкендорф. Князь! Будьте добры отвечать. Притом с полной чистосердечностью.

Трубецкой. Я и так сказал все, что знал. Сказал более того, что должен был...

Бенкендорф (садится рядом на скамью). Видите ли... Из хода дел выясняется, что к вашему заговору были причастны некоторые сановники. Государь этим весьма озабочен.

Трубецкой. Нет... Никто из сановников в нашем деле не участвовал.

Бенкендорф. Видите ли... есть некоторые улики против Сперанского... Князь! Вы не беспокойтесь. Сперанский слишком нужный человек государю, ему ничто не угрожает... Вы ему не повредите ничем... Но государь все должен знать, дабы иметь возможность (приторно-сладко) проявить свое милосердие. Скажите мне, в чем участие Сперанского.

Трубецкой. Сперанский не участвовал в заговоре.

Бенкендорф. Уверяю вас, князь! Вы ничем ему не повредите... Все кончится благополучно.

Трубецкой. Я ничего не знаю насчет участия Сперанского.

Бенкендорф. Князь Оболенский показал, что вы и Рылеев делали попытки привлечь его и даже обещали ему пост во временном правительстве.

Трубецкой. Да... мы пытались через Гаврилу Батенкова завести переговоры. Но Батенков отвечал мне буквально так: «Нет, государь мой, от нашего старика не выведаешь, что он думает».

Голос Николая. Этого достаточно! (Появляется на лестнице. Идет вниз. За ним дрожащий Сперанский.) Итак, переговоры велись? (Смотрит на Трубецкого и Сперанского.)

Трубецкой. Да... Мы знали, что Михаил Михайлович не враг новостей. Его ум и таланты известны всем. Он был бы нам весьма полезен в новом правительстве.

Николай. Не сомневаюсь.

Трубецкой. Но ничего положительного мы от него не услышали.

Николай (Сперанскому). Отвечай мне, не уклоняясь: что именно отвечал ты на предложение, сообщенное тебе Батенковым?

Сперанский. Я сказал: «Кто ж такие

вещи предлагает заранее? Сперва добейтесь, потом к вам каждый пойдет».

Николай. Хорошо, что сказал правду. (Трубецкому.) Более ничего?

Трубецкой. Ничего не могу присовокупить, ваше величество. Более ничего и не было.

Николай. Увести его! И оставьте нас вдвоем с Михаилом Михайловичем.

(Трубецкого уводит, Бенкендорф уходит.)

Что скажешь мне?

Сперанский. Ничего, ваше величество.

Николай. Ты знаешь, за одно лишь знакомство с заговорщиками многие сидят у меня под замком. И ты, слышавший подобные предложения и не сообщивший мне о них, заслужил того, чтобы я тебя навек похоронил в этих стенах. Но твой ум и знания нужны мне... Но ты должен очиститься передо мною.

Сперанский. Чем могу служить вашему величеству? Я всегда делал лишь то, что было угодно престолу.

Николай. Да, я знаю... И если бы они меня низвергли, ты так же верно служил бы им... Так вот тебе мое слово: если хочешь быть чистым в глазах моих, хочешь, чтобы я забыл все, ты должен мне помочь наказать их.

Сперанский. Как, государь?

Николай. Я назначаю тебя в верховный суд над ними. И ты должен сделать так, чтобы они приняли свою участь, но без подписания мною смертного приговора (лицо его делается страшным). Понимаешь ты: я растопчу их, отравивших день восшествия моего на трон, я уплюю их муками, я вымещу на них все то, что я пережил четырнадцатого декабря. Но в глазах страны, в глазах Европы я не должен прослыть жестоким тираном...»

Как же встречали зрители спектакли «Подвижного театра»? Большинство постановок пользовались большим успехом и хорошо посещались. С февраля 1921 года по май 1924 года в селах Угодский Завод, Белкино и Пяткино было дано 19 спектаклей, присутствовало на них более 3000 зрителей. Среди них были такие, которые видели несколько или большинство постановок.

Однажды школьников попросили написать сочинение на вольную тему о театре: «Что видели, что и почему понравилось, что не понравилось?» Большинству нравилась игра, пение, костюмы. В оценке содержания расходились: хорошо, потому что комедия, плохо, что молодые обманывают старых, что воруют, жаль героя «Гибель «Надежды» — погиб

из-за грошей; жаль дочь мельника («Русалка»); «...как она бросилась с крутого обрыва реки. Очень жаль таких людей, которые, не жалея и не дорожа своей жизнью, бросаются в воду иль еще куда». Одному не понравилась, что Катерина («Гроза») стара для этой роли.

Наибольший интерес вызывали постановки «Борис Годунов» и «Овечий ключ». О них больше всего сказано в сочинениях. Вот некоторые суждения. Больше всего понравился «Борис Годунов» «...потому, что сама вещь очень хорошо сочинена, а второе — мне нравится потому, что историческая вещь, третье — мне нравятся костюмы, четвертое — переживание Бориса и пятое — мне нравится игра, только та игра, когда ставили эту вещь в первый раз. В памяти от «Бориса Годунова» осталось больше всего». «Понравилась: декорации и игра монаха Варлаама; похоронное пение и убийство Дмитрия Самозванца. И крики при похоронах «Да здравствует Борис».

«Борис Годунов понравился потому, что интересно знать, как раньше жили люди». «Был я на всех спектаклях, и все мне понравились, но больше всего мне понравились, которые я вам сейчас сообщу: «Борис Годунов». Этот спектакль мне понравился тем, первое, была трогательная вещь, во-вторых, очень понравилось, как Борис давал наставление своему сыну. Понравилось еще то, как подходил Самозванец к Москве и как в эти тяжелые минуты помирал Борис... и мне хочется еще раз посмотреть эту вещь».

Высокую оценку получил и «Овечий ключ». «Овечий ключ» мне очень понравился, первое — потому, что очень хороший смысл, второе — потому, что красивые костюмы, третье — очень хорошее пение, четвертое — мне нравится организация крестьян и героизм женщин и пятое — очень хорошо было исполнено».

«Овечий ключ» всех больше понравился, потому что дает много впечатлений, как плохо жили крестьяне в Испании».

«Очень понравилось, как отважные женщины шли защищать свою честь, в особенности Лауренсия».

«Мне больше понравилось из этих пьес «Овечий ключ» потому, что была хорошая декорация, интересные костюмы и пение. Еще отношение крестьян к своему барину... и стойкость крестьян при пытках».

«Понравилось. Но только игра артистов. А сама вещь очень страшная, и больше всего

было жаль народ, когда делали пытку, как бедных людей тиранили».

История «Подвижного театра» лишь один из эпизодов в процессе становления новой, подлинно народной культуры, но энтузиазм и увлеченность, с которыми создавали репертуар и играли артисты-любители, отражают тот общий подъем, который внесла Октябрьская революция во все виды деятельности народа.

Документальное наследие театра: эскизы декораций и костюмов, любительские фотографии, тексты ролей и пьес, «летопись» театра за несколько месяцев 1923 года, доклад руководителя театра за первые два года и некоторые другие материалы находятся в фондах Государственного Исторического музея.

Ю. Д. Левин
Поэты о дровах

Небольшой альбом в кожаном переплете. На его страницах стихи крупнейших русских поэтов, несколько рисунков, несколько записей в прозе. Большинство из них объединены одной темой — дрова.

Тема эта не покажется странной, если учесть те годы, когда возникли произведения. Под стихами и прозой даты: 1919—1920 годы. Петроград. Время героическое, но голодное и холодное.

Еще в 1918 году А. М. Горьким¹ было создано издательство «Всемирная литература». Но перевод и выпуск книг был не единственной задачей издательства; другая, весьма серьезная, состояла в том, чтобы дать работу литераторам, поддержать их существование в условиях тяжелых материальных лишений.



Хозяйственно-техническим отделом издательства заведовал Давид Самуилович Левин (1891—1928). К тому времени за плечами 27-летнего молодого человека были студенческие годы в Германии, затем участие в первой мировой войне, когда он служил в русской армии вольноопределяющимся-артиллеристом. Демобилизованный по контузии, он начал работать в редакции газеты «Новая жизнь». Именно здесь на него обратил внимание Горький и привлек к участию во «Всемирной литературе».

В морозную зиму 1919/20 года важнейшим делом Д. С. Левина было обеспечение издательства и его сотрудников дровами. В мемуарах К. И. Чуковского упоминается: Д. С. Левин, «очень милый молодой человек, каким-то чудом добывавший для нас, «все-

мирных литераторов», дрова»². Именно тогда, в ту зиму, и возник альбом, основной темой которого и стали дрова.



¹ Помимо Горького, в работе издательства принимали участие крупнейшие деятели русской литературы этих годов: А. А. Блок, Е. И. Замятин, М. Л. Лозинский, М. А. Кузмин, А. И. Куприн, Ф. К. Сологуб, К. И. Чуковский и многие другие. В числе критиков и литературоведов, сотрудничавших во «Всемирной литературе», были Ф. Д. Батюшков, Ф. А. Браун, А. Л. Волынский, В. М. Жирмуцкий, И. Ю. Крачковский, Н. О. Лернер, В. В. Струве, Б. М. Эйхенбаум.

² Корней Чуковский, Собр. соч., т. II, М., 1965, стр. 299—300.

Вот одна из записей альбома:

«Человек есть то, что он ест», — сказал Фейербах. Прибавлю: и то, насколько он согрет, обут, одет... Вашим заботам, многоуважаемый Давид Самуилович, мы обязаны тем, что члены редакторской коллегии «Всемирной литературы» становятся людьми работоспособными, людьми, могущими выявить свои духовные свойства, и не происходящие от «еды», но обусловленные, чтобы обнаружиться, всем необходимым для мало-мальски сносного существования. Великое Вам спасибо.

Ф. Батюшков
17 февраля 1920 г.»

Сохранился другой документ:

«Июня 22-го дня 1921 г.

Удостоверение

Настоящим Издательство «Всемирная литература» — Государственное Издательство, удостоверяет, что предъявитель сего Заведующий Хозяйственным отделом Давид Самуилович ЛЕВИН командирован в город Мурманск в Партком Р. К. П. для доставки книг Издательства «Всемирная литература».

Заведующий Издательством М. Горький Секретарь Е. Струкова».

Как вспоминает вдова Д. С. Левина, Ида Юльевна, командировка эта имела двойную цель: в Мурманск нужно было доставить книги, а обратно в Петроград — мурманскую рыбу для сотрудников издательства.

Альбом Д. С. Левина — документ эпохи, который дает возможность представить, пусть несколько односторонне, обстановку тех лет. Он показывает, что в тяжелых условиях жизни русские литераторы сохраняли в полной мере чувство юмора.

Но есть и другая сторона. Всем известен распространенный прием пародистов, когда избирается некая тема, которая затем разрабатывается в манере разных писателей. Альбом Д. С. Левина представляет собой своеобразный и весьма редкий эксперимент, когда подобная разработка более или менее единой темы создавалась не пародистом, а самими поэтами.

Впрочем, тема дров появилась в альбоме не сразу. Ее не было еще в первом стихотворении, принадлежавшем перу историка литературы пушкиниста Николая Осиповича Лернера (1877—1934).

Я открываю Ваш альбом,
Любезнейшей товарищ Левин,
Моим хромающим стихом
(Ведь Левин в критике не гневен?)

Желаю Вам еще сто лет
Командовать конторкой нашей,
Есть каждый день мясной обед
И поскорее стать папашей.
Пусть Вас всегда спасает рок
От всякой клеветы злодейской
И полный Вам пошлет паек
Красноармейский.

Н. Лернер

Петербург,

7/20 ноября 1919

На другой день в альбом вписал свой экспромт Александр Александрович Блок.

Enjambements

Давид Самуилович! Едва

Альбом завели, — голова

Пойдет у Вас кругом: не раз и не два

Здесь будут писаться слова:

«Дрова».

Ал. Блок

21.XI 1919

Enjambements.

*Давид Самуилович! Едва
Альбом завели, — голова
Пойдет у Вас кругом: не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
"Дрова".*

21.XI 1919. Ал. Блок.

Помещенное на следующей странице стихотворение Корнея Ивановича Чуковского озаглавлено:

«О Розе (Васильевне)

(По прочтении стихов Гумилева и Блока в этом альбоме)».

Под стихотворением имеется примечание: «Роза Васильевна — Наркомпрод Веселита».

В. А. Рождественский в своих воспоминаниях описал эту Розу Васильевну — «существо неопределенного возраста и необъятных размеров. Закутанная в добрый десяток платков, завязанных толстым узлом на поясице, сидя и краснощекая, торжественно восседала она за небольшим столиком, на котором были соблазнительно разложены папиросы, мелкая галантерея и немудреные сласти той поры. В своей частной торговой политике она была твер-

да и непреклонна, произвольно и неожиданно
вдувая при этом и без того немалые цены»¹,
А вот что писал о ней К. И. Чуковский:

О милые поэты
Ужель не стыдно вам
Фабриковать куплеты,
И оды, и сонеты
Березовым дровам?

А я, презревши прозу, —
Подобно соловью —

Не жалкую березу,
Но сладостную Розу
Влюбленно воспою.

Царица благовоний,
О Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони,
И Браун, и Гидони,
И я, и Гумилев,

И Горький, и Волюнский,
И пламенный Оцуп,
И Гржебин, и Лозинский,
И даже Сологуб —

Мы все к тебе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.

Твое благоуханье
Кого не приманит?
И кто из заседанья
К тебе не убежит?
О этот дивный запах!
Его забуду ль я?
В его нежнейших лапах
Досель душа моя.

То запах керосина,
И мыла, и колбас,
В том запахе свинина
С селедкой слилась!

То запах шоколада,
Грибов и папирос...
Вот нынешнего сада
Сладчайшая из роз!

К. Чуковский

Декабрь 1919

Но этим не ограничился отклик К. И. Чуковского на стихи, помещенные в альбоме Д. С. Левина. В своих воспоминаниях о Блоке

О Розе (Восхищение)

(По традиции царицы Гидони и Блока, написанное в зрелом возрасте)

О, милые поэты!
Ужель не стыдно вам
Фабриковать куплеты,
И оды и сонеты
Березовым дровам?

Ах, вы к себе толпою
Летим, как мотыльки,
Открывши пред тобою
Сердца и кошельки.

А я, презревши прозу,
Подобно соловью —
Не жалкую березу,
Но сладостную Розу
Влюбленно воспою.

Ты бланкетные
Кого не приманит?
И кто из заседанья
К тебе не убежит?

Царица благовоний,
О, Роза без шипов!
К тебе и Блок, и Кони,
И Браун, и Гидони,
И я, и Гумилев,

О, этот дивный запах!
Его забуду ль я?
В его нежнейших лапах
Досель душа моя.

И Горький, и Волюнский,
И пламенный Оцуп,
И Гржебин, и Лозинский,
И даже Сологуб —

То запах керосина
И мыла, и колбас,
В том запахе свинина
С селедкой слилась!

То запах шоколада,
Грибов и папирос...
Вот нынешнего сада
Сладчайшая из роз!

Примечание: Роза Восточная —
Корнетовид Восточная.

К. Чуковский
Декабрь
1919.

Корней Иванович приводит другое стихотворение, написанное тогда же (рукопись его сохранилась в бумагах Блока):

За жалкие корявые поленья,
За глупые сосновые дрова
Вы отдали восторги вдохновенья
И вещи бессмертные слова.
Ты ль это, Блок? Стыдись! Уже не роза,
Не Соловьиный сад,
А скудные дары из Совнархоза
Тебя манят.

¹ В. Рождественский, Страницы жизни. Из литературных воспоминаний. М.—Л., 1962, стр. 227.



Верь, безумный — он не проза,
Свыше данный нам паек!
Без него теперь и Поза
Прострелил бы свой висок.
Вялой прозой стала роза,
Соловиный сад поблек...

и т. д.

Но вернемся к альбому Д. С. Левина. После стихотворения К. И. Чуковского на следующей странице находится автошарж художника Юрия Павловича Анненкова, который изобразил себя в шубе, валенках и рукавицах, восседающим на железной печке-«буржуйке», чтобы полностью использовать драгоценное тепло. Рисунок датирован: «Зима 1919—1920 г. Петербург». В руках у художника, несмотря на стужу, палитра и кисть. И это соответствовало действительности: Анненков много работал в это время. В 1922 году в издательстве «Петрополис» вышла большая его книга «Портреты».

Д. С. Левин оказал ему большую помощь в издании этой книги. Сохранился экземпляр с дарственной надписью:

Соавтору этой книги,
Давиду Самуиловичу Левину,
с дружескими чувствами

Ю. Анненков

19— $\frac{18}{I}$ —23

Петербург.

Поэт-акмеист Николай Авдеевич Оцуп (1894—1959), ныне уже забытый, поместил в качестве эпиграфа к своему стихотворению в альбоме строки из экспромта Блока:

«Не раз и не два
Здесь будут писаться слова:
«Дрова».

А. Блок

Пророчески поэта
Сбываются слова:
Пылает книжка эта,
Пылают в ней дрова.

Стихи ли деревянные
И печка — Ваш альбом, —
Все освещают в нем
Дрова — предмет желанный!

Поверят ли влюбленные потомки,
Что наш магический, наш светозарный Блок
Мог променять объятья Незнакомки
На дровяной паек.

А ты, мой Гумилев, наследник Лаперуза,
Куда, куда мечтою ты влеком?
Не Суза знойная, не буйная Нефуза,
Заплеванная дверь Петросоюза

Тебя манит: не рай, но Райлеском.

И барышня из домотопа
Тебе дорожке эфиопа¹.

А известные шуточные стихи Блока «О предметах первой необходимости» представляют собою ответ на оба стихотворения Чуковского (с игрою на двух значениях слова «роза»):

Нет, кланюсь, довольно Роза
Истошала кошелек!



¹ Корней Чуковский, Собр., соч., т. II, стр. 300.

Ах, если бы наружу
Из песен их извлечь,
Развеять эту стужу
И эту печь зажечь.

Увы! Они бесплотны —
Дрова горячих строф —
Вы первый раз бесплодны,
И Блок и Гумилев.

И хоть поет Чуковский
О пламени моем, —
И мой удел таковский:
Не греем мы — поем!

Но если б эти * строки
Сменять на сажень пять,
Мы пламя в нашем блоке **
Сумеем поддержать!

Ник. Оцуп

11/XII 19 г.

* Конечно, не только эти, но и предыдущие, — все согласятся.

** Если писать с большой буквы «Блок», то пять сажень понадобятся для пылания одного Александра Александровича, а для блока всех дровопевцев неизмеримо больше. Поддерживайте всех поэтов, Давид Самуилович!

Писатель-прозаик Александр Валентинович Амфитеатров (1862—1938) присоединился к поэтам и написал стихотворение:

Как прочитал
Я Ваш альбом,
Печален стал,
Нахмурясь лбом:
О русский стих!
Увял и стих
Твой звонкий цвет:
Что ни поэт, —
Увы и ах! —
Все о дровах!..
Черед за мной:
Как стихотвор,
Имею честь
Полено внести
В сей дровяной
Обширный двор.

Если есть дрова,
Все мне трин-трава!
Печка топится,
Мысль торопится.

Maganteubentho
«Всемирная Литература»
Maganteubentho
Maganteubentho
Maganteubentho

№ 2339
Отд.

Июня 22-го дня 1921 г.

УДОСТОВЕРЕНИЕ.

Настоящим Издательство "ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА" - Государственное Издательство, Заведующий Хозяйственным Отд-м, удостоверяет, что предьявитель сего Давид Самойлович ЛЕВИН командирован в город МУРМАНСК в Партком Р.К.П. для доставки книг Издательства "ВСЕМИРНАЯ ЛИТЕРАТУРА".

ЗАВЕДУЮЩИЙ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ



Л. Перов

Если ж нету дров,
Я брожу суров —
Печка стылая,
Мысль постылая,
Скука нудная,
Тьма паскудная...
Затопил я печь
«Красным знаменем»¹,
Чтоб картошку печь
Слабым пламенем.
Где ж бывалых дней
Мощь-величество,
Гордый блеск огней
Электричества?

¹Название газеты.

Не воротишь ты
Сказок розовых!
Даже нет мечты
О березовых:
Дал бы бог в огонь
Кол осиновый...
Хоть бы лампы вонь
Керосиновой!..

Ал. Амфитеатров

1919.XII.21
Петроград

Поэтические выступления зимы 1919/20 года завершаются стихотворением Михаила Алексеевича Кузмина (1875—1936), жаловавшегося на свою судьбу во «Всемирной литературе»:

Я не любим «литературой»,
Не раз я это замечал.
Ни жалованьем, ни натурой
Я милостей не получал.

Без топлива терпел морозы,
Без света был не мыт, не брит,
И даже у почтенной Розы
Имел лишь маленький кредит.

Рок пасынка — не однодневен,
Всегда он не наследник — зверь.
Быть может, Вы, товарищ Левин,
Поможете открыть мне дверь.

Стыдиться ли прямого слова?
Я был бы бесконечно рад
Из переводчика простого
Зачислиться в почетный штат.

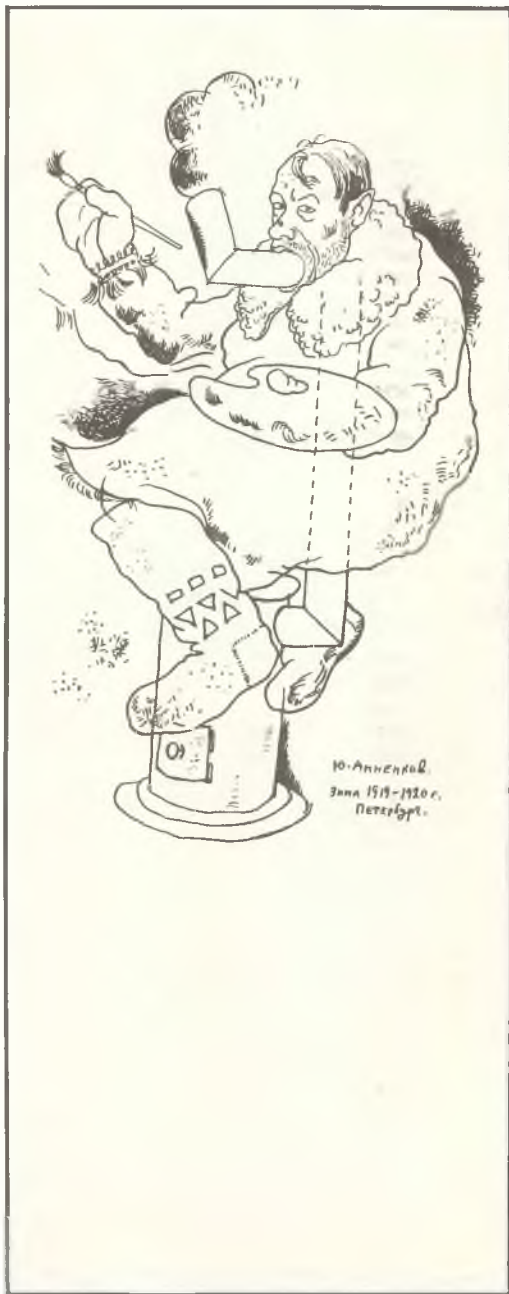
М. Кузмин

2 февраля 1920

Шли годы. «Всемирная литература» прекратила свое существование. С 1923 года Д. С. Левин возглавлял Северо-западное отделение издательства «Гудок». При этом издательстве выходил сатирический журнал «Смехач». И два поэта-«смехачевца» продолжили традицию «дровяного альбома». Первым из них был Борис Владимирович Жиркович (1888—1943), писавший под псевдонимом Иван Кузьмич Прутков.

Дрова и Революция (Басня)

Игривой Музы убегая плена, —
Зане́ передо мной
Альбом, по стилю дровяной, —
Вношу и я посильное полено.



Дрова, чью грудь рассек топор,
Затеяли с железной печью спор.

«Мы главные, понятно!» —
Скрипели грубые дрова,
Воняя лесом неопратно. —
«Без нас была бы ты мертва
И глазу неприятна».

В ответ трубою выла печь:
«У-у! Хамские поленья!
Вы созданы гореть, я — жечь!
Я главенствую, без сомненья!»
Но приговор судьбы суров:
Плеснула революции стихия —
Не стало дров,
Лишь зрю в обилии стихи я...
И что ж в стихах?

Буржуйка-печь,
Кичилась ты собой напрасно:
Увы! не о тебе поэтов речь,
Но о дровах единоголасно!

Ив. Кузьм. Прутков

Ленинград
12 авг. 25 г.

Другой поэт — д'Актиль; под таким псевдонимом выступал Анатолий Адольфович Френкель.

Что вижу? Все, чей стих напевен,
Кому дано пленять царевен,
Роняя звонкие слова,
Писали Вам, милейший Левин,
Про (страшно вымолвить!) дрова!

Но хоть рожден земным и грубым,
Я все же не рискну пойти —
В противоречии сугубом
Всем сладкозвучным Сологубам —
По проторенному пути!

Пусть я — бездарь, пусть я — безличность,
Мне дров не надо... Черта-с-два!
Я сохраняю поэтичность:
Нет, нет! Гоните мне наличность —
А я уж сам куплю дрова!

А. д'Актиль

1925 (вместо 1919)
«Смехач» (вместо «Вселита»)

Альбом завершается шаржем сотрудничавшего в «Смехаче» художника Николая Эрнстовича Радлова «Последнее заседание «Смехача» на Литейном». В верхней части рисунка Радлов изобразил (слева направо): себя, д'Актиля и карикатуриста Антоновского.



последнее заседание «Смехача» на
Литейном #Радлов



В. И. Ленин выступает с речью при закладке памятника Карлу Марксу в Москве, на Театральной площади, 1 мая 1920 г.



Н. А. Андреев (архитектор Д. Н. Осипов), Обелиск Советской Конституции. Бетон. 1918—1919 гг. Москва. Советская площадь. Не сохранился.

Ратмир Тумановский

„Кому пролетариат ставит
памятники“

Анатолий Васильевич Луначарский рассказывает в воспоминаниях: «Еще в 1918 году Владимир Ильич позвал меня и заявил мне, что надо двинуть вперед искусство как агитационное средство. При этом он изложил два проекта. Во-первых, по его мнению, надо было украсить здания, заборы и т. п. места, где обыкновенно бывают афиши, большими революционными надписями. Некоторые из них он сейчас же предложил.

...Второй проект относился к постановке памятников великим революционерам в чрезвычайно широком масштабе, памятников временных из гипса»¹. Эта беседа и послужила началом ленинского плана «монументальной пропаганды», который вскоре стал получать реальное воплощение.

Подписанный В. И. Лениным 12 апреля 1918 года декрет Совнаркома «О памятниках Республики» гласил:

«В ознаменование великого переворота, преобразовавшего Россию, Совет Народных Комиссаров постановляет:

1) Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера». Далее декрет поручил «особой комиссии из народных комиссаров по просвещению и имуществу Республики и заведующего отделом изобразительных искусств при Комиссариате просвещения... мобилизовать художественные силы и организовать широкий конкурс по выработке проектов памятников»², которые должны были отразить «идеи и чувства революционной трудовой России».

«Памятники должны быть поставлены на бульварах, скверах и т. п. во всех районах г. Москвы с высеченными выписками или изречениями на постаментах, чтобы памятники эти являлись как бы уличными кафедрами, с которых в массу людей летели свежие слова, будирующие умы и сознание мысли»³, — гласило постановление СНК РСФСР от 17 июля 1918 года.

В «Списке лиц, коим предположено поставить монументы», были перечислены:

Революционеры и общественные деятели: 1. Спартак. 2. Тиберий

¹ А. Луначарский, Ленин и искусство. В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1960, стр. 665.

² В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1960, стр. 595.

³ «Известия», 1918, № 155, 24 июля, стр. 4—5.



А. Т. Матвеев, Памятник К. Марксу. Гипс. 1918 г. Петроград. Был установлен у здания Смольного 7 ноября 1918 г. Не сохранился. (Слева.)



С. Т. Коненков, Степан Разин (фрагмент резной группы «Степан Разин со своей дружиной»). Дерево подцветенное. Москва. 1918—1919 гг. Композиция «Степан Разин со своей дружиной» была эскизом будущего монументального памятника (так и не созданного). Торжественное открытие состоялось 1 мая 1919 года, на Лобном месте. Семь фигур этой композиции сейчас хранятся в Государственном Русском музее (Ленинград).

Гражд. 3. Брут. 4. Бабеф. 5. Маркс. 6. Энгельс. 7. Бебель. 8. Жорес. 9. Лафарг. 10. Вайян. 11. Марат. 12. Робеспьер. 13. Дантон. 14. Гарibaldi. 15. Ст. Разин. 16. Пестель. 17. Герцен. 18. Бакунин. 19. Лавров. 20. Халтурин. 21. Плеханов. 22. Каляев. 23. Володарский.

Писатели и поэты: 1. Толстой. 2. Достоевский. 3. Лермонтов. 4. Пушкин. 5. Радищев. 6. Белинский. 7. Огарев. 8. Чернышевский. 9. Михайловский. 10. Добролюбов. 11. Писарев. 12. Глеб Успенский. 13. Салтыков-Щедрин. 14. Некрасов. 15. Шевченко. 16. Кольцов. 17. Тютчев.

Философы и ученые: 1. Сковорода. 2. Вл. Соловьев. 3. Ломоносов. 4. Мечников. 5. Менделеев.

Художники: 1. Рублев. 2. Кипренский. 3. Александр Иванов. 4. Врубель. 5. Шубин.



Н. А. Андреев, Памятник Дантону. 1918 г. Гипс. Установлен в Москве, на площади Революции. Не сохранился.



Л. В. Шервуд, Памятник А. Н. Радищеву. 1918 г. Гипс. Первый памятник «монументальной пропаганды». Установлен 22 сентября 1918 года в Петрограде, в проломе решетки Зимнего дворца, неподалеку от Дворцового моста. Второй экземпляр памятника по указанию В. И. Ленина установлен в Москве и открыт 6 октября 1918 года. (Слева.)

6. Козловский. 7. Казаков. 8. Растрелли-отец. Композиторы: 1. Бетховен. 2. Мусоргский. 3. Глинка. 4. Скрябин. 5. Чайковский. 6. Римский-Корсаков, 7. Бородин. 8. Шопен.

Артисты: 1. Мочалов. 2. Комиссаржевская¹.

Список этот, утвержденный и подписанный В. И. Лениным, отражал идеи преемственности революционного движения, идеи сохранения и пропаганды культурных и революционных традиций, выдвигал на первый план общечеловеческую ценность выдающихся достижений мировой мысли, всех подлинных произведений искусства.

Скульпторы работали в чрезвычайно тяже-



¹ «Известия», 1918, № 155, 24 июля, стр. 4—5.



Т. Э. Залькалн, Памятник Огюсту Бланки. 1919 г. Петроград. Открыт в марте 1919 года перед Балтийским вокзалом. (Слева.)



В. А. Синайский, Бюст Лассалья. 1919 г. Гипс, с 1924 г. — гранит. Был установлен в Петрограде, на Невском проспекте, у здания бывшей городской думы. Не сохранился.

лых условиях: не хватало мастерских, отопления, не хватало глины, гипса, металла для каркасов. Но все же в 1918 году было установлено 19 памятников в Москве и Петрограде, а в начале 1919 года шла работа над 40 с лишним проектами. Правда, не все их удалось завершить. Тем не менее за 1918—1919 годы в Москве и Петрограде было открыто более 40 памятников.

Идея «монументальной пропаганды» оказалась на редкость плодотворной. Революционный народ, понесший огромные жертвы в завоевании власти, по-новому оценил мужество революционеров, в одиночку, небольшими горстками противостоящих машине самодержавия.

Памятники были неравноценны. И не удивительно: советское социалистическое искусство



В. А. Ватагин, Эскиз памятника Андрею Рублеву. 1918 г. Гипс. Предполагалось поставить его в Кремле — в сквере направо от Никольских ворот. (Слева.)



А. Блажиевич, Памятник поэту И. С. Никитину. 1919 г. Был установлен в сквере около Китайгородской стены, на фоне гостиницы «Метрополь». Не сохранился.

ство лишь зарождалось, и наивно было бы ожидать, что в первые же месяцы Советской власти оно добьется выдающихся успехов.

«В Петрограде эта «монументальная пропаганда» была довольно удачной, — писал А. В. Луначарский. — Первым таким памятником был Радищев Шервуда. Копию его поставили в Москве. К сожалению, памятник в Петрограде разбился и не был возобновлен. Вообще большинство хороших петроградских памятников по самой хрупкости материала не могли удержаться, а я помню очень неплохие памятники, например бюсты Гарibaldi, Шевченко, Добролюбова, Герцена и некоторые другие. Хуже выходили памятники с левым уклоном; так, например, когда открыта была кубически стилизованная голова Перовской, то некоторые прямо шархнулись в сторону...



С. Д. Меркуров, Памятник К. А. Тимирязеву. Гранит. 1922—1923 гг. Москва. Установлен у Никитских ворот. (Слева.)



С. Д. Меркуров, Памятник Ф. М. Достоевскому. Гранит. 1911—1918 гг. Москва. Первоначально был установлен на Цветном бульваре; сейчас находится в сквере Музея имени Ф. М. Достоевского.

В. А. Андреев, Памятная доска Н. Г. Чернышевскому. 1920 г. Гранитная крошка на цементе. Москва. (На стр. 429.)

Лучше всех был памятник Лассалю. Этот памятник, поставленный у бывшей городской думы, остался и до сих пор¹. Кажется, его отлили из бронзы. Чрезвычайно удачен был также памятник Карлу Марксу во весь рост, сделанный скульптором Матвеевым. К сожалению, он разбился...

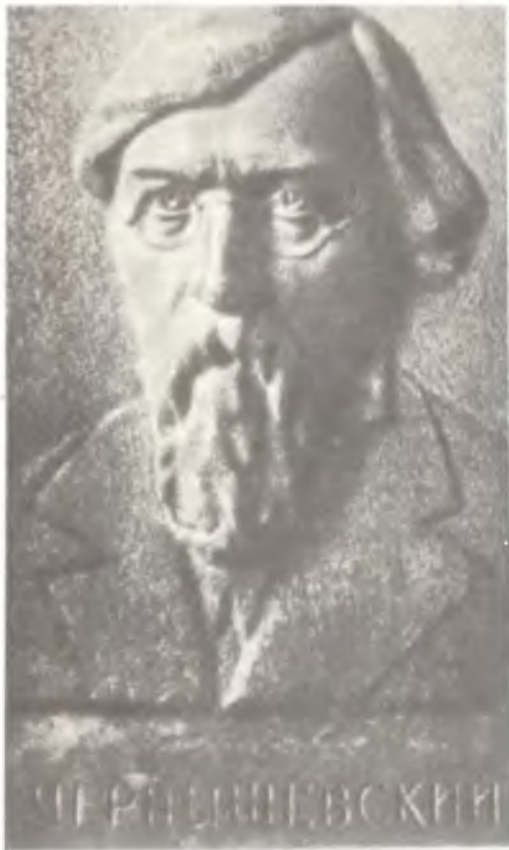
...Удовлетворительных памятников в Москве было мало. Лучше других, пожалуй, памятник поэту Никитину².

Владимир Ильич на протяжении 1918—1920 годов не раз возвращался к вопросам «монументальной пропаганды», то выступая



¹ Воспоминания написаны в 1924 году. — Ред.

² А. В. Луначарский, Ленин и искусство. В кн.: В. И. Ленин о литературе и искусстве. М., 1960, стр. 665.



с речами на открытии памятников, то выясняя в Наркомпросе у Луначарского ход строительства монументов.

В речи при открытии мемориальной доски борцам Октябрьской революции 7 ноября 1918 года В. И. Ленин говорил: «Мы открываем памятник передовым борцам Октябрьской революции 1917 года. Лучшие люди из трудящихся масс отдали свою жизнь, начав восстание за освобождение народов от империализма, за прекращение войн между народами, за свержение господства капитала, за социализм... История России за целый ряд десятилетий нового времени показывает нам длинный мученический путь революционеров. Тысячи и тысячи гибли в борьбе с царизмом. Их гибель будила новых борцов, поднимала на борьбу все более и более широкие массы»¹.

Созданию памятников посвятили себя буквально все лучшие скульпторы того времени: Н. Андреев, В. Андреев, Т. Залькалн, С. Коненков, С. Меркуров, А. Матвеев, М. Манизер, Л. Шерауд, И. Шадр. То был грандиозный всплеск творческой энергии, давший обильные плоды. И не будь гражданской войны, не будь тягот, принесенных ею, советская скульптура уже в первые годы получила бы сотни произведений, составивших ее гордость.

Вот лишь два примера неосуществленных замыслов. В 1919—1920 годах Теодор Залькалн работал над портретом героя революции 1905 года лейтенанта П. П. Шмидта и памятниками композиторам А. Н. Скрябину и М. П. Мусоргскому. По разным причинам эти работы были выполнены только в глине и не отформованы². В 1919 году Н. А. Андреев получил большой заказ от правительства. Для здания ВЦИК нужно было выполнить скульптурные барельефы основоположников социализма, вождей и деятелей мировой революции. Среди них были портреты Маркса, Энгельса, Бланки, Лассалья, Сен-Симона, Фурье, Оуэна, Бебеля, Чернышевского, Плеханова. В это же время он изготовлял мемориальные доски Герцену, Огареву, Грановскому, Белинскому, которые предполагалось установить на улицах, получивших их имена. Но, увы, бедствия, принесенные гражданской войной и разрухой, не дали осуществить эти замыслы³.

Памятники устанавливались не только в Петрограде и Москве. В первое революционное пятилетие было установлено множество памятников по всей стране. На Ленских приисках, на месте расстрела рабочих в 1912 году, был установлен памятник. На вершине скалы в Иоканьге, на Мурманском побережье, был воздвигнут обелиск на месте расстрела английскими интервентами 172 заключенных. В ноябре 1918 года памятник жертвам революции был открыт в Нижнем Тагиле. Памяти красноармейцев, павших в боях с германскими войсками, посвящена

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 171.

² К. Бауман, Теодор Эдуардович Залькалн. [М.]: «Сов. художник», 1960, стр. 17.

³ А. В. Бакушинский, Н. А. Андреев. М., 1939, стр. 40 и 41.

трехгранная пирамида, установленная в 1919 году в Пскове. В Костроме, Ярославле, Днепропетровске, Грозном, Пензе, Благовещенске, Казани, Мотовилихе, Орехово-Зуеве, Царицыне — везде были воздвигнуты памятники жертвам царизма, белого террора, борцам, павшим в революционных боях. Житель города Данилова Ярославской губернии Н. С. Мохов в 1920 году спроектировал и вылепил великолепный памятник для могилы жертв кулацкого мятежа в Данилове. В 1920 году чугунолитейщики Каслей изготовили мемориальные доски К. Либкнехту, Р. Люксембург, Н. Толмачеву и Л. Вайнеру для улиц Свердловска, названных именами этих революционеров (доски сохранились до наших дней).

Пока на площадях и бульварах Москвы, Петрограда, больших и малых городов страны воздвигали все новые и новые памятники, Госиздат начал выпускать серию книг «Кому пролетариат ставит памятники». Серия выходила небольшими брошюрами по 30—40 (редко 60—80) страниц. Оформление было предельно скромным. Почти все портреты в брошюрах представляли репродукции тех произведений, которые выходили из-под резца скульпторов.

Эти книжки выпускались чрезвычайно быстро. За один только 1919 год увидели свет 18 брошюр.

Но эта серия вовсе не исчерпывала биографическую литературу первых советских лет. Потребность в объективной, научной, марксистской биографической литературе была на редкость велика. В годы царизма выпуск подобных книг встречал такие препоны, наталкивался на такие рогадки цензуры, что серьезное исследование, посвященное тому или иному деятелю революции, редко могло увидеть свет. Вот как описывал Ю. М. Стеклов условия, в которых вынуждены были работать марксистские авторы: «Во-первых, свирепствовала цензура царская... Эта цензура или делала совершенно невозможной разработку целого ряда вопросов, относящихся к истории революционного движения, или же заставляла трактовать их, все время оглядываясь на цензорскую ферулу» (буквально: цветок, называемый «вонючка». — Р. Т.).

«Считаясь с предстоящим свирепством красного карандаша и цензурского меча, марксистский автор должен был сам подвергать себя известной самоцензуре (цензура № 2), стараясь по возможности обломать острые углы своих писаний и трактовать щекотливые вопросы эзоповским языком...»

«За сим следовала редакторская цензура

(цензура № 3), осуществляемая «страха ради полицейска». К марксистским литераторам редакторский карандаш также относился особенно строго, наперед зная, что особенными симпатиями «в сферах» они не пользуются...

Но хуже всего была вторая редакторская цензура, по счёту четвертая, а именно — цензура политическая. Буржуазные редакторы русских журналов органически не переносили марксистского духа. Они вообще чуяли его за целую милю, но когда они знали, что имеют дело с несомненным марксистским писателем, тогда они вооружались особыми очками и выискивали там любой повод для придирки — сплошь и рядом даже тогда, когда его вовсе не было»¹.

После Октябрьской революции, освободившей марксистских авторов от всех этих оков, стали выходить биографические работы прежде всего о тех деятелях науки и культуры, о ком затруднительно было писать при царизме.

Одной из первых, а быть может, и самой первой биографией, выпущенной при Советской власти, оказалась работа «Вождь крестьянской бедноты В. И. Ульянов-Ленин. Биографический очерк» (М., издание Крестьянского отдела ВЦИК, 1918). Эта небольшая работа преследовала простую цель — рассказать крестьянам, особенно глубинных районов, кто такой Ленин, за что борются большевики.

В 1919 году отдел печати Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов выпустил книгу Г. В. Плеханова «Русский рабочий в революционном движении (По личным воспоминаниям)» (М., 1919). Эта работа, содержащая рассказы о героях народовольческого и пролетарского движения, была написана за 25 лет до того, но лишь теперь смогла получить подлинно народную аудиторию. В то же время была опубликована и книга Л. Круковской, посвященная революционеру, легендарная биография которого вызвала большой интерес читателей: это была книга о Николае Александровиче Морозове.

Госиздат продолжал выпускать биографии деятелей социалистического и революционного движения и в 1920 году. Так были напечатаны книги: И. Логинов, Фридрих Энгельс. Материалы к биографии его произведений; А. Водовозов, Александр Герцен; П. Ла-

¹ Ю. М. Стеклов, Борцы за социализм. М., 1918, стр. 12.

фарг, Кампанелла. Страница из истории социализма.

Создание серии «Кому пролетарит ставит памятники», как и биографической литературы вообще, было делом трудным, а потому и не всегда успешным. Если в биографической книге наших дней встречается ошибка, то обычно она вызвана тем, что автор упустил какие-то факты, искажил их или же неверно трактовал. В книгах первых лет Советской власти преобладали иные недостатки. Они возникали потому, что изложение часто нужно было упрощать, приравнивать к невысокому уровню культуры тогдашнего читателя.

Так, Вл. Фирсов, стремясь точнее донести личность Степана Разина, даже брошюру называл «Стенька Разин — вольный атаман». И если в наше время такая «трактовка» предводителя крестьянской войны в лучшем случае примитивна, то в первые годы Советской власти она была, безусловно, естественной, ибо немного было людей, которые оказались бы в состоянии оценить социальные корни и социальную направленность разинского движения.

Примерно по такому же пути шел и Сокол в брошюре «Марк Юний Брут» (кстати, одной из лучших в этой серии). Несомненная одаренность автора, его изысканное перо частенько спотыкались о необходимость «разжевывания» факта, упрощенного изложения.

Конечно, легко сейчас, по прошествии полувека, выдвигать претензии к тем, кто в невероятно трудных условиях создавал советскую биографическую литературу, кто, не дожидаясь «лучших» времен, отозвался на требование дня. Но справедливость требует воздать должное основоположникам советского биографического жанра, отмеченного, в частности, и такими крупными работами, как монография Ю. М. Стеклова «Карл Маркс, его жизнь и деятельность (1818—1883)» (М., 1918), выпущенная к столетию со дня рождения основоположника научного коммунизма. Стеков проявил качества, которых зачастую не хватает биографам вождя пролетариата. Без «хрестоматийного глянца» автор воссоздал образ Маркса, показал процесс становления его взглядов. От рядового юноши-студента, который «дрался на дуэлях, пи-

сал скверные стихи и делал большие долги», к тридцатилетнему зрелому человеку, когда Маркс «далеко не был еще коммунистом, а только крайним и решительным демократом», до вершин философии и создания научного коммунизма — таков путь, по которому провел читателя Ю. М. Стеков.

Ревностным популяризатором серьезного биографического жанра был и Вяч. Полонский. Его перу принадлежала, в частности, одна из первых советских монографий о М. Горьком (М., 1919).

Среди биографий, выпущенных в эти годы, выделялась прекрасно написанная и не менее совершенно оформленная работа А. А. Сидорова «Стейнлен, художник парижского пролетариата» (М., 1919). Великолепная бумага, изысканное оформление, чудесно отпечатанные иллюстрации (в том числе и цветные) — все эти детали необычны для книгоиздания 1919 года, когда нехватка ощущалась во всем. Само издательство сознавало необычность книги. Это дало повод Госиздату известить читателей, что «книга печаталась Второй Государственной типографией в Москве, под наблюдением А. М. Кожеваткина и при сотрудничестве заведующего мастерскими С. Н. Гутзан, метранпажа В. В. Васильева, машиниста А. В. Симонова, в октябре и ноябре 1919 года».

Очень трудно сейчас определить точное число биографических изданий, выпущенных в 1918—1920 годах. Тогда действовало невероятно много издательств (только в Москве и Петрограде более семисот). Среди них преобладали кооперативные и частные, выпускавшие много биографической литературы. А так как отчеты не публиковались, то выявить реально выпущенные книги сложно. Проведенные автором подсчеты при всей их приблизительности показывают, что за 1918—1920 годы у нас в стране вышло не менее 290 биографических изданий, причем примерно половина этого числа падает на 1919 год.

Так, создавая биографии героев революции, писателей, художников, ученых, воздвигая им памятники на площадях и улицах, советский народ подчеркивал известную преемственность революционных и культурных традиций.

ИЛЛЮСТРАЦИИ, ПОМЕЩЕННЫЕ БЕЗ ПОДПИСЕЙ

- стр. 5 — В. И. Ленин направляется на закладку памятника «Освобожденному труду» 1 мая 1920 г. Фото.
- стр. 8 — Н. К. Крупская беседует с красноармейцами. 1918 г. Фото. Фон — автограф Н. К. Крупской с правкой В. И. Ленина.
- стр. 18—19. — От войны империалистической к войне классовой. Ксилография С. Д. Бигоса. 1929 г.
- стр. 79. — Иллюстрация к роману А. Веселого «Россия, кровью умытая». Ксилография Б. Н. Гутентога. 1933 г.
- стр. 80. — Иллюстрация к поэме А. Блока «Двенадцать». Ксилография Н. П. Дмитриевского. 1926 г.
- стр. 142—143. — Взятие Кремля. Из иллюстраций к «Истории гражданской войны». Ксилография Г. А. Ечевстова. 1934 г.
- стр. 155. — Иллюстрация к поэме А. Блока «Двенадцать». Ксилография Н. П. Дмитриевского. 1926 г.
- стр. 204—205. — Баррикады. Ксилография Г. А. Туганова. 1927 г.
- стр. 239. — Иллюстрация к «Истории гражданской войны». Ксилография Л. Р. Мюльгаупта. 1934 г.
- стр. 327. — Интервенция на Севере. Ксилография Я. С. Телишевского. 1927 г.
- стр. 347. — Иллюстрация к книге И. Овчаренко «Восстание». Ксилография Г. А. Туганова. 1935 г.
- стр. 360—361. — «Взятие Зимнего». Ксилография М. Л. Франа к «Истории гражданской войны». 1934 г.

НА ОБЛОЖКЕ: ксилографии И. А. Шпинеля «Баррикада», 1927 г., и Н. И. Падалицына из иллюстраций к книге Джона Рида «Десять дней, которые потрясли мир», 1927 г. НА ФОРЗАЦАХ: ксилографии Л. Р. Мюльгаупта и М. Л. Франа из иллюстраций к «Истории гражданской войны», 1934 г.

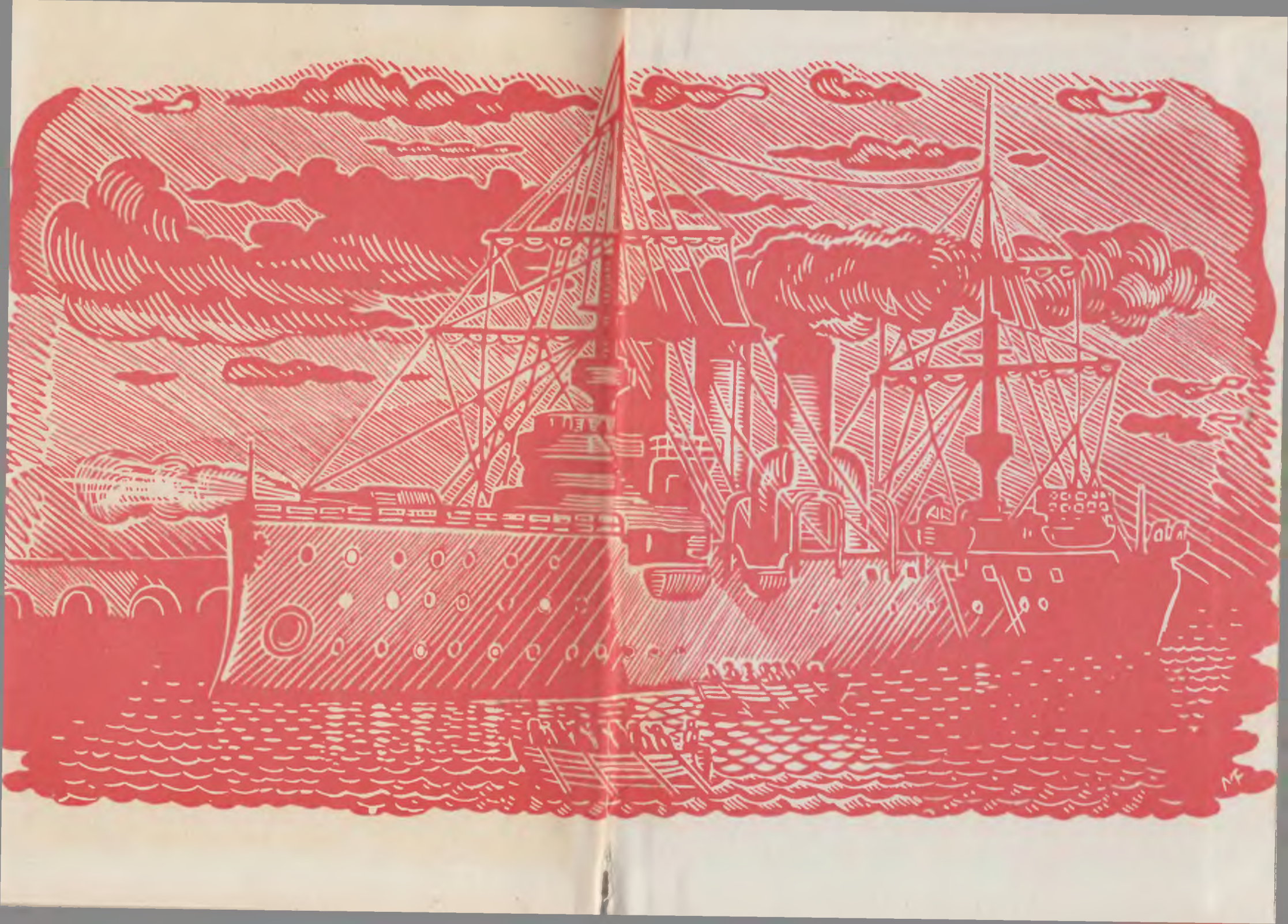
Оригиналы всех перечисленных гравюр хранятся в гравюрном кабинете Музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве.

ПРОМЕТЕЙ.

Ист.-биограф. альманах серии «Жизнь замечательных людей». Т. 4. М., «Молодая гвардия», 1967.

432 с., с илл.

части 15/XII 1967 г. А14489. Формат 70×90^{1/16}. Бумага офсетная № 1. Печ. л. 27 (усл. 31,59). Уч.-изд. л. 41,9. Тираж 100 000 экз. Цена 1 р. 51 к. Т. П. 1967 г., № 462. Заказ 998





К ГРАЖДАНам РОССИИ

Единичное Правительство не создано.

Созданная власть перешла в руки органа Петроградского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — Военно-Революционного Комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гвардии.

Дело, за которое боролись народ: демократическое предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание Единственного Правительства, — это дело обещано.

Да здравствует раскрепощенный Рабочий, Солдат и Крестьянин!

Военно-Революционный Комитет
при Петроградском Совете
Рабочих и Солдатских Депутатов.